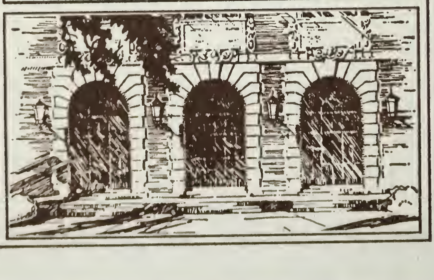


K. Dyckkewich

Изданіе С. А. Дуды.

ИЛЛЮСТРОВАННАЯ НАРОДНАЯ ИСТОРІЯ РУСИ

ОТЪ НАЧАЛА ДО НАЙНОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

НАПИСАЛЪ

Ѳ. Ив. Р.

членъ Общества имени Мих Качковского.

(Второе дополненное изданіе.)

ЛЬВОВЪ.

Типографія Ставропигійского Института
подъ управленіемъ Мих. Рефця.

1905.

Вторый накладъ: Софіи Коропась.

Вступное слово.

Передаю тобѣ, почтенный Читателю, книжку, въ которой списана історія твоей Отчины, Руси твоей святой. Знаніе той исторіи, исторіи своего родимого краю, есть вѣдай найважнѣйшимъ условіемъ къ розбудженью національного самопознанія, къ согрѣтію въ сердцѣ читателя теплыхъ чувствъ любви для Отчины, для св. вѣры и свого народа. Коли отже брате милый, станешь читати о славныхъ подвигахъ предкôвъ твоихъ, коли дознаешся о давно пережитой доброй и лихой долѣ Руси и увѣдаешь, що были времена, где Русь значеньемъ своимъ, силою и славою была въ переду межи другими народами: тогда то ты и возмужаешь и величатися будешь тѣмъ, що еси и ты Русинъ, сынъ тои колись-то славнои Руси, потомокъ того оногда сильного и великого народа

русского! Коли вспомянешь, що земля, по которой ходишь и на которой працюешь зъ далекой еще минувшости срошена потомъ и кровію твоихъ прадѣдôвъ, которыи боролись за свою честь, за честь Руси и церкви своей, тогда мимовольно затрепетае радостію сердце въ твоей груди, возродятся въ души теплыи чувства любви ко всему русскому, тогда почувствуешь себе готовымъ до труда, до жертвъ, та и до страданій, за благо и честь твоей Руси, той упавшой, занедбаной и несчастной Отчины твоей. — Слѣдовательно, необходимымъ есть для тебе, русскій читателю, знаніе своей исторіи, щобы ты зналъ, чѣмъ ты былъ колись, чѣмъ еси теперь, а чѣмъ долженъ быти въ будучности.

Межи книжочками изданій нашого Общества им. М. Качковского находится не одна така, що обговорюе нѣкоторыи хвилѣ изъ историчной жизни минувшости нашой; есть и книжочка, составлена найдѣятельнѣйшимъ нашимъ патріотомъ и писателемъ Б. А. Дѣдицкимъ, въ которой списаны суть за порядкомъ найважнѣйшіи событія въ исторіи нашой ôтъ начала Руси ажь до нынѣшнихъ временъ; но изъ тыхъ малыхъ книжочокъ, лишь въ скороченью про дѣянія исторіи отечественной толкующихъ, не можешь ты, брате милый, еще набыти точного и основного знанія Исторіи твоей и всѣхъ порядкôвъ, якіи на Руси вводилися. Суть у насъ вправдѣ прехорошіи основныи сочиненія, оповѣдающіи просторонно Исторію нашу, а найкрасша изъ нихъ „Народная Исторія Руси“ Богдана А. Дѣдицкого; но то зновь суть сочиненія объемистыи, затѣмъ въ цѣнѣ до-

рожшіи, а для того самого и не такъ легко могутъ тобѣ попастися въ руку. Щобы отже зарадити тому недостаткови, составилъ я для тебе народе русскій, короткую, но ядренную Исторію Руси и передаю тобѣ той мôй трудъ съ тѣмъ, щобы ты его читалъ уважно и прилѣжно въ свободныхъ ôтъ занятія хвиляхъ, а я надѣюсь, що читанье тои книжки укрѣпить тебе въ дусѣ русскомъ, научитъ тебе горячо любити все, що носить на собѣ русское имя, т. е. русскую св. вѣру и обрядъ, русскую землю, русскій языкъ и весь народъ русскій.

Ѳ. Ив. Р.

Подѣлъ Исторіи.

Для доброго перегляду и лучшого спамятанья собѣ событій въ исторіи нашой Отчины, дѣлимъ предлежащое сочиненіе на три части или періоды:

I. періодъ отъ г. 862 до г. 1340, періодъ княжескій, такъ названый для того, що въ томъ времени владѣли у насъ въ цѣлой Руси князѣ русскіи съ роду первого князя Рюрика.

II. періодъ отъ г. 1340 до г. 1772, періодъ названый польскимъ, ибо въ томъ времени владѣли на нашой земли, Руси галицкой, королѣ польскіи.

III. періодъ отъ г. 1772 до нынѣшнихъ временъ, періодъ названый австрійскимъ, ибо по паденію Польщи въ г. 1772 прійшла наша Галицкая Русь пôдъ владѣніе монархôвъ австрійскихъ и до нынѣ подъ милостивымъ владѣніемъ ихъ находится.

ПЕРІОДЪ I.

862—1340 г.

ЧАСТЬ I.

Ôтъ начала Руси до паденія Великого княжества Кіевского.

Давныи Славяне, ихъ житье, обычаи и народныи сословія.

Наши предки Славяне жили въ давныхъ предхристіянскихъ часахъ осôбными громадами пôдъ управленіемъ своихъ родовачальникôвъ. Не лучилисъ они разомъ, но каждое племя имѣло свои особныи обычаи, свои законы и преданія. Были они вправдѣ зъ природы мирны и тихи, не любили вôйны, но неразъ таки самы межи собою заводили споры, а коли случалась на нихъ напасть ôтъ чужихъ народовъ, то не могли они оборонитись, бо силы ихъ не были совокуплены во-едино. Яко погане не вѣрили они въ единого Бога но покланялися солнцю, небу, водѣ, землѣ, вѣтрамъ, деревамъ, птицямъ, каменямъ

и самы выдумовали собѣ божища, ставляли имъ кумиры и приносили имъ жертвы. И такъ то придумали они собѣ Дажбога, божище солнця; Хорса, божище огню; Велеса, божище скотôвъ; Стрибога, божище вѣтра; Перуна, божище громôвъ и блыскавиць. Той послѣднiй былъ у нихъ найстаршимъ богомъ и его то величавый кумиръ стоялъ въ Кiевѣ надъ Днѣпромъ, где передъ нимъ день и нôчь горѣлъ такъ званый „святый“ огонь и где ему приносили жертвы изъ звѣрятъ, а потомъ и зъ людей. Кромѣ того вѣрилъ народъ въ меньшихъ богôвъ, якъ въ русалки (водныи дѣвицѣ), мавки (польныи), лѣсовики (въ лѣсахъ), домовики (въ хатахъ), дѣдьки (въ болотахъ). Умираючимъ родителямъ ôтдавали велику честь и приносили имъ жертвы. Такихъ умершихъ гребали въ земли, или по бôльшой части палили въ огни, а попелъ ихъ собирали въ горщки и тiи закопывали въ землю. На могилѣ покôйного справляли поминки, такъ звануя „тризну,“ на которой ѣли и пили, а для мертвыхъ часть страви оставляли. Они вѣровали въ ворожбитство и чары, изъ того пôшло много забобонôвъ. Мали они и свои празники, якъ „Коляду“ и „Купала,“ мали и привязаны до нихъ праздничныи пѣсни, зъ которыхъ гдеякiи и до днесь еще въ переданю сохранилися.

Тіи найдавнѣшіи предки наши умѣли уже ставляти собѣ деревяныи домы, робити снаряды до управы земли, заходитися съ скотомъ, прясти, шити, приготовляти страву и напитки, а особливо медъ; мали и свои мѣры, монеты, ковали военныи списы, а нерѣдко и мечи. Въ общой потребѣ собиралися на раду, котора называлася „вѣчемъ".

Коли же предки наши призвали отъ Варягъ собѣ князей, тогды стали порядки у нихъ змѣнятись, племена лучились уже разомъ въ одну великую спôльнôсть, надъ которою стоялъ яко владѣтель свôй князь, и котора затѣмъ назвалась княжествомъ. Князѣ окружены своею дружиною, зложеною изъ охотникôвъ Славянъ и Варягъ, накладали на поодинокіи племена дань (въ скôрѣ, воску, медѣ), которую собирали зъ народу на содержанье свое и своеи дружины, а ихъ головною задачею было, вести тую дружину на ворогôвъ Руси до бою.

Князѣ имѣли право управляти народомъ и владѣти землями. Походили они зъ роду князя Рюрика, которого предки наши призвали собѣ отъ Варягъ, изъ-за моря. Старшій въ родѣ князей назывался Великимъ Княземъ; ôнъ былъ отцемъ для цѣлой княжеской родины, имѣлъ право судити и наказовати молодшихъ и розполагати ихъ удѣлами. По смерти князя-отца дѣлилися сыны

его землями, и то было потôмъ причиною, що наша русская держава, великая и славная на весь міръ держава, стала роспадатись, земля роздробилась на многочисленныи удѣлы, настали взаимныи борьбы межи князями, а Великій Князь, яко голова, оказывался уже не въ силахъ, щобы удержати ладъ и устройство въ удѣлахъ; для того и не дивно, що при внутренних роздорахъ пôдъупали мы, а скрѣпились на насъ орды татарскіи и королѣ польскіи.

У каждого князя была своя дружина, были то его воины, которыи сопровожали его всюда и охороняли ôтъ чужины русскую землю. По-при дружинѣ найбôльше значили у насъ бояре, которыи середъ жителей Руси занимали мѣстце межи родомъ княжескимъ, а другими сословіями народа. Тыхъ бояръ высылали князѣ яко послôвъ, посередникôвъ при заключеню якихъ договорôвъ съ суcѣдными народами, и для нихъ то такожъ собирали князѣ дань изъ народа.

Кромѣ дружины и бояръ были въ стародавной Руси еще и другіи сословія, которыи и мали свои особныи названія. Такъ на пр. молодшая княжеская дружина состояла изъ „гридовъ, пасынковъ и отроковъ“, а тіи становили военныи отряды и личную службу князя. Самы же жителѣ русского народа дѣлились на „свободныхъ и рабовъ“. До свобод-

ныхъ причислялись кромѣ „бояръ“ также и „людине“, пôдъ которымъ то общимъ названіемъ розумѣлись: „гриды“, „гридьба“, т. е. нижшій родъ княжеской дружины, „огнищане“, люди зажиточныи, имѣющіи свои бôльшіи хозяйства; „гости и купцы“, люди занимающіися торговлею; „ремесленники“, „черные люди“, т. е. жителѣ меньше богатыи; „изгои“, т. е. такіи люди, що стратили свое имѣніе, но оставали свободными, или были то невольники освободившіися; „смерди“, малыи посѣдателѣ землѣ, и тіи были обовязаны брати участь въ войнѣ, имѣти своихъ невольникôвъ, а если который умеръ бездѣтный, то имѣніе его переходило на князя.

Инное сословіе народа были люди несвободныи пôдъ именами „рабôвъ“, „челяди“, „холопôвъ“ и „невольникôвъ“, которыхъ уживано до всякихъ домашнихъ роботъ. Такимъ рабомъ ставался пойманный на войнѣ а не выкупленый плѣнникъ, ставался человѣкъ, продавшійся при свидѣтеляхъ, также должникъ, если не мôгъ ôтдати долга, наконецъ и родившійся ôтъ рабôвъ, или кто оженился съ чужою рабынею. Свободный человѣкъ мôгъ и самъ себе продати или продати свои дѣти, и то будь на всегда, будь тôлько на условленное время.

Начало Руси.

Зъ найдавнѣйшихъ часôвъ имѣли Славяне жилища свои надъ сѣверными берегами Дуная и Чорного Моря, но выпираемыи другими народами посувалися они изъ первоначальныхъ жилищъ своихъ на сѣверъ и заняли пространь землѣ ôтъ Дуная до Балтійского моря, ôтъ рѣки Лабы въ Нѣмеччинѣ ажь до Волги. Въ тѣхъ земляхъ они строили собѣ села и городы, занимаючись то земледѣльствомъ, то скотоводствомъ и торговлею. Въ девятьсотъ лѣтъ по рожд. Христа стали они въ землѣ, пôзднѣйше Русію названной, извѣстны пôдъ розличными славянскими именами, якъ: надъ Днѣпромъ Поляне съ городомъ Кіевомъ, надъ Днѣстромъ Лютичане и Тиверцы, въ сѣверныхъ Карпатахъ Хорваты, на Волыню Деревляне съ городомъ Коростень надъ Бугомъ Бужане, надъ рѣкою Двиною и Припетію Полочане и Дреговичи надъ Десною и Сулою Сѣверяне съ городомъ Любеча и Черниговъ, надъ рѣкою Окою Вятичи, надъ Созною Радимичи, надъ жерелами Двины, Днѣпра и Волги Кривичи съ городами Смоленскъ Изборскъ и Полоцкъ, надъ озеромъ Ильменомъ Славяне съ городомъ Новгородомъ.

Межи тыми всѣми племенами найславнѣйшими были Поляне надъ Днѣ

промъ и Славяне надъ озеромъ Ильменомъ. Тіи то послѣдніи, получившись разомъ съ другимъ славянскимъ племенемъ Кривичей и сусѣдными финскими племенами Чудію и Весію зъ-надъ Бѣлого Озера, основали сильную державу Новгородскую, котора, акъ говоритъ преданіе, уже тогды имѣла 100.000 мужей готовыхъ до оружія. Въ г. 859. напали на державу тую Варяго-Руссы изъ-за Балтійского моря и наложили на ню дань. Однакъ въ-коротцѣ прогнали Новгородяне Варягъ и начали самы собою управляти, выбравши зъ-помежи себе начальника, которого „посадникомъ" называли. Недолго однакъ тревалъ миръ въ державѣ Новгородской; одни племена повставали противъ другихъ, а спорамъ и межиусобицямъ не было конца. Въ той порѣ собралъ начальникъ старшинъ изъ всѣхъ племень на „вѣче" и предложилъ имъ: чи бы не добре было для зараджения злому призвати чужого якого князя и поставити его начальникомъ державы. На тое предложенье згодилася вся старшина и въ сейчасъ отправились послы Балтійскимъ моремъ до Варяжскихъ князей Рюрика и братей его Синеуса и Трувора съ прошеніемъ, щобы они приняли правленіе надъ землями Новгородскими. По долгихъ переговорахъ братья князѣ далися намовити до того; въ г. 862 вступили они съ своими дружинами

въ новую свою державу, где народъ принялъ ихъ искренно хлѣбомъ-солью и где

Прибытіе Рюрика съ братьми на Русь.

они начали отъ теперь княжити. Братья князѣ подѣлилися завятыми землями

въ той способъ, що Рюрикъ поселился межи Славанами и Чудію въ Новгородѣ, Синеусъ межи Весію надъ Бѣлымъ Озеромъ, а Труворъ межи Кривичами въ Изборску. Такимъ способомъ основали ново пришедшіи князѣ княжество русское, и дали початокъ той державѣ, котора назвалась Русію.

На памятку славного того событія поставленъ и открытъ былъ въ Новгородѣ, въ 1000 лѣтъ потомъ, т. е. въ г. 862 величавый памятникъ, пригадующій потомкамъ Руси основаніе Русской державы.

По двохъ лѣтахъ т. е. въ г. 864 умерли оба молодшіи братья князѣ Синеусъ и Труворъ, а оставшійся Рюрикъ, сполучилъ ихъ землѣ со своими и началъ самъ княжити надъ всею Русію.

Рюрикъ.

Г. 862—879.

Оставши единовластнымъ княземъ, Рюрикъ роспространилъ владѣніе свое на сусѣдныи славянскіи племена Полочанъ, Ростовцêвъ и Румунцêвъ и владѣлъ потомъ державою своею спокойно ажь до г. 879. т. е. всего 17 лѣтъ.

Съ Рюрикомъ и братьми его прійшли въ Новгородскую землю два варяжскіи бояре Аскольдъ и Диръ со своими дружинами. Не получивши однакъ ôтъ Рюрика землѣ на поселеніе, пустились они

съ дружинами своими через славянскіи землѣ на полудне съ тѣмъ намѣреньемъ, щобы записатись у Грековъ въ военную службу. Плывучи такъ на лодкахъ Днѣ-

Князь Рюрикъ.

промъ, они доплыли до города Кіева и узнали тутъ, що той городъ основанъ трема братьми, которыхъ имена были Кій, Щекъ и Хоревъ, и той городъ Кіевъ вразъ съ приналежащими славянскими

землями теперь покоренъ былъ Хазарами и платилъ имъ дань. Кіевская земля дуже подобалась Аскольду и Диру и въ сейчасъ ударили они съ хороброю дружиною своею на Хазаръ, прогнали ихъ и самы осѣли тутъ и основали собѣ отдѣльное княжество Кіевско-Русское, которое отграничене было ôтъ Новгородского племенами Сѣверянъ и Кривичей и ôтъ теперь управлялось самостоятельно черезъ 20 лѣтъ ажь до г. 882. Рюрикъ княжилъ межи тѣмъ въ Новгородской Руси лѣтъ 17 и умеръ въ г. 879., оставляючи по собѣ малолѣтного сына Игоря и отдаючи опѣку надъ нимъ и надъ Русію сроднику своему Олегу.

Апостолы Славянъ св. Кирилъ и Меѳодій.

Во время правленія Рюрика сталось въ земляхъ западныхъ Славянъ одно дуже важное для насъ событіе, именно переведене было священное Писаніе изъ греческого языка на языкъ славянскій. Дѣло тое совершили Апостолы Славянъ, братья св. Кирилъ и Меѳодій.

Ростиславъ, князь славянскихъ племенъ на Моравѣ, просилъ Цареградского царя Михаила III., щобы той прислалъ ему мудрыхъ проповѣдникôвъ, которыи бы на славянскôмъ языцѣ проповѣдали народови истины вѣры Христовой. Треба же знати, що Моравяне приняли уже

Св. Кирилъ и Меѳодій.

вѣру Христову изъ Запада, но яко нарôдъ славянскій не могли розумѣти тыхъ учителей вѣры Христовой, що до нихъ изъ Германіи (Нѣмеччины) приходили.— Царь Михаилъ удоволилъ прошенію Ростислава и выслалъ ему въ г. 863. двохъ мужей, прославившихся уже своими подвигами въ дѣлѣ наверненія народôвъ на христіянство, братей св. Константина (названного Кириломъ) и Меѳодія. Тіи святыи братья, пришедши въ Моравію, начали проповѣдати слово Боже и крестити народъ. Щобы же лучше утвердити народъ въ вѣрѣ, они постановили перевести св. Писаніе и богослужебныи книги на языкъ славянскій, зрозумѣлый для народа Въ той цѣли придумали они славянскую азбуку (кирилицю), и совершили съ Божою помощію переводъ св. Евангелій и литургичныхъ книгъ. Зъ того времени начала отправлятись литургія, т. е. Служба Божа на славянскôмъ языцѣ всюда межи Славянами, затѣмъ и на Руси, коли въ ней по низверженіи язычества Церковь Христова утвердилась.

Кто хоче узнати що бôльше о житью и подвигахъ св. Кирила и Меѳодія, нехай перечитае собѣ книжечку изданія Общества им. Качковского ч. 111 за мѣсяцъ Мартъ 1885.

Первыи сѣмена вѣры Христовой на Руси.

Говоритъ достовѣрное преданіе, що первыи лучи свѣтла божественной науки Христовой, занесены были на русскіи землѣ далеко еще передъ основаніемъ княжества русского, ибо въ первомъ столѣтію по Христѣ черезъ Апостола св. Андрея первозванного. Святый той Апостолъ, проповѣдаючи Евангеліе надъ Чорнымъ моремъ, поплынулъ рѣкою Днѣпромъ въ гору и зайшолъ съ учениками своими до тыхъ горъ, на которыхъ пôзднѣйше построенъ былъ городъ Кіевъ. На тіи то горы взойшолъ св. Андрей и предсказалъ, що на горахъ тыхъ возсіяе благодать Божа, що на нихъ возстане съ часомъ великій городъ съ численными, величавыми храмами Божими, а благословивши горы сіи на знакъ будущого просвѣщенія земель тыхъ черезъ Евангеліе встромилъ въ землю крестъ и, совершивши моленія, отправился въ дальшій путь. Обшедши земли славянскіи, св. Апостолъ Андрей вернулъ черезъ Римъ до Греціи, где и скончался мученическою смертію, розпятый на оливномъ деревѣ. Однакъ первыи тіи сѣмена вѣры Христовой въ нашихъ земляхъ выдали первый плодъ не скорше, ажь въ другой половинѣ девятого столѣтія. А сталось то такимъ способомъ: Аскольдъ и Диръ, утвердивши владѣніе свое въ Кіевѣ, под-

няли выправу съ воинами своими на 200 легкихъ лодьяхъ Днѣпромъ на Чорное море противъ царства Византійского. Обыльная добыча, якую находили они въ тыхъ богатыхъ земляхъ, заманювала ихъ до такихъ выправъ почаще. На одной такой выправѣ пôдступили они ажь пôдъ Цареградъ и, истребивши цѣлу околицю, загрозили самому городу. Цареградяне, видячи себе въ такъ великой опасности, прибѣгнули съ царемъ своимъ Михаиломъ и Патріархомъ Фотіемъ къ горячой молитвѣ; цѣлую нôчь они молились въ церкви Влахернской, въ которой находились чудотворныи ризы Пречистой Дѣвы Маріи, а надъ раномъ вынесли ризу тую въ торжественномъ походѣ середъ пѣсней набожныхъ надъ берегъ моря и погрузили ю въ водѣ. Въ той хвили сорвалась ужасная буря; спокойное до тѣхъ поръ море взволновалось, вскипѣло, порозносило и порозбивало русскіи лодки о скалы и береги такъ, що Аскольдъ и Дриръ ледви съ малою дружиною спаслись отъ погибели и убѣжали въ Кіевъ. Испытавши такимъ способомъ на собѣ гнѣвъ Божій и узнавши о причинѣ свого пораженія, Аскольдъ и Диръ выслали послôвъ до греческого императора съ прошеніемъ о миръ и святое крещеніе. Тогда то выслалъ императоръ греческій Епископа и священникôвъ на Русь, и тіи, просвѣтивши Русинôвъ евангельскою про-

повѣдію, окрестили князей и много изъ народа въ г. 867. Такій то былъ початокъ вѣры Христовой на Руси, а хотяй и теперь весь народъ не былъ еще христіянскій и ажь за князя Владиміра славно окрестился въ Днѣпрѣ, то все таки добрый початокъ къ дальшому спасительному дѣлу былъ ўже положенъ. Такъ то уже самы первыи сѣмена святой вѣры Христовой приняты были Русинами добровольно и зъ переконаня, а безъ ніякого чужого насилія, приняты были изъ Цареграда, съ обрядомъ греческимъ.

Олегъ,

управитель Руси въ часѣ малолѣтства князя Игоря

879 912 г.

Державою управлялъ по смерти Рюрика сродникъ его Олегъ въ имени малолѣтного сына Рюрикового Игоря. Но и потомъ, коли уже Игорь дôйшолъ до своихъ лѣтъ, Олегъ не перестал самъ вести корму правленья, такъ якъ молодый Игорь, видячи и признаючи глубокую мудрость свого опѣкуна, не хотѣлъ ôтбирати ему зъ рукъ веденія державныхъ дѣлъ. Заразъ по смерти Рюрика отправился Олегъ съ войскомъ и съ малымъ Игоремъ рѣкою Днѣпромъ на полудне, щобы розширити границѣ русской державы. Взявши по дорозѣ городы Смо-

леньскъ и Любечъ, пôдступилъ Олегъ пôдъ Кіевъ на лодкахъ и притворившись за варяжского купця, запросилъ до себе Аскольда и Дира, щобы будьто съ ними

Князь Олегъ, названый „Вѣщимъ".

поздоровитись. Тіи, не предчувствуючи ничого злого, вступили на лодки, но тутъ-же они въ сейчасъ были ôтъ воиновъ схвачены и убиты по повелѣнію

Олега, а се для того, що они не князѣ, а тôлько бояре, та яко такіи посмѣли устроити собѣ княжескую державу. Тогда вступилъ Олегъ съ дружиною безъ перепоны въ Кіевъ, занялъ городъ той и назвавши его „матерею всѣхъ русскихъ городовъ“, поселился въ немъ съ княжескимъ дворомъ. Съ тѣхъ поръ Олегъ пôднималъ походы на всѣ славянскіи земли въ-округъ, подчинилъ собѣ Сѣверянъ, Радимичанъ, Деревлянъ, Лютичанъ, Угличей, Тиверцêвъ, а въ конецъ Хорватôвъ надъ Днѣстромъ и Сяномъ, и такимъ способомъ соединилъ оба недавно образовавшіися русскіи княжества, Новгородское и Кіевское, въ одно Великое Княжество Русское. Устроивши такъ сильную русскую державу, выправился Олегъ съ 80.000 воинами на лодяхъ противъ Грекôвъ, пôдступилъ пôдъ Цареградъ и нанêсъ цѣлой греческой державѣ такій пополохъ, що Греки стали просити мира и заключили съ Олегомъ договоръ, дуже корыстный для Руси. По той славнôй побѣдѣ вернулся Олегъ съ великими достатками въ Кіевъ, где однакожь вскорѣ, якъ голоситъ преданіе, ôтъ укушенья змѣи, що выползла изъ пôдъ стерва его улюбленного коня, умеръ. Смерть Олега вызвала въ цѣлой Руси великій жаль, и не дивно; былъ бо то добрый, правдивый опѣкунъ русской землѣ, который цѣлое свое житье посвя-

тилъ для еи славы. Розпространяючи владѣніе свое на всѣ племена славянскіи, ôнъ въ сейчасъ заводилъ всюда порядки, строилъ крѣпости и городы для обороны своихъ подвластныхъ ôтъ напастей чужихъ, накладалъ податки, но накладалъ ихъ не для власныхъ корыстей, а для удержанья общого мира и порядка, заводилъ торговельныи сношенія съ богатыми Греками, черезъ що и добробытъ по всѣхъ окраинахъ Руси пôдносился. Тѣми своими подвигами записался ôнъ глубоко и на всегда во вдячныхъ сердцяхъ своей Руси, которая зъ любви и вдячности назвала его „вѣщимъ", т. е. мудрымъ княземъ.

Князь Игорь.

Г. 912—945.

Похоронивши тѣло Олега на горѣ Щекавицѣ пôдъ Кіевомъ, Игорь началъ управляти Русію, маючи тогда уже 40 лѣтъ жизни. Заразъ зъ самого початку правленія свого принужденъ ôнъ былъ начати военный походъ противъ Деревлянъ, которыи взбунтовались были противъ него, усмирилъ ихъ и укаралъ бунтъ такимъ способомъ, що пôдвысшилъ дань, якую до теперь платили. Не долго потôмъ явились на Руси дикіи орды Печенѣгôвъ. Были тѣ Печенѣги народъ дикій безъ сталого обыталища, занимаю-

щійся скотоводствомъ и ловами дичины. Тіи то дикуны прійшли изъ Азіи надъ Волгу, перегнали черезъ Русь Угрôвъ (которыи ôттакъ осѣли дальше на западъ

Князь Игорь.

надъ Дунаемъ), а за Уграми и самы явились у предѣлôвъ Руси и заняли береги Чорного Моря ôтъ рѣки Дона и Дуная. Съ тыми то Печенѣгами заключилъ

Игорь миръ, щобы ôтъ напастей ихъ охоронитись.

Уже то лежало въ природѣ Игоря, що не былъ ôнъ военного духа, а бôльше мирного успособленья; вслѣдствіе того проводилъ ôнъ дальшій часъ свого владѣнія въ спокою, не велъ ніякихъ военъ, а занимался внутренними справами своей державы. Доперва въ пôздной старости своей въ г. 941. двигнулся ôнъ на Грекôвъ, до чого принужденъ былъ именно тѣмъ, що Греки ôтказались платити Руси дань, якую обовязались давати еще за Олега. Тогда то собралъ Игорь великанское войско и высадивши оное на береги Греціи, грабилъ и пустошилъ околицю черезъ три мѣсяцы. За тотъ часъ собрались и Греки до бою, окружили Русинôвъ, выперли ихъ зъ берегôвъ на море и тутъ мало не совсѣмъ погромили ихъ своимъ искуственнымъ греческимъ огнемъ, що и въ водѣ горѣлъ.

Такъ пораженый Игорь, вернувши въ свояси, постановилъ ôтмститися на Грекахъ и собравши другое войско изъ своихъ земель, призвалъ собѣ еще до помочи Варягôвъ и Печенѣгôвъ и отправился водою и сушею на Грецію. Греческій царь, узнавши, съ якъ великанскою силою Игорь приближаеся, выслалъ чѣмъ-скорѣйше послôвъ съ прошеніемъ о заключеніе мира. Тогда Игорь, превозносячи корыстный миръ надъ крова-

вую вôйну, принялъ ôтъ Грекôвъ дорогіи дары въ золотѣ и серебрѣ и отправился спокойно въ свою землю, а потомъ заключилъ съ Греками письменный договоръ, въ которомъ одна и друга сторона клялася торжественно, додержати условія мира. Примѣтити тутъ слѣдуе, що изъ Русской стороны одни изъ посольства клали клятбу на способъ поганскій, складаючи на горбку у стопъ божища Перуна оружіе, щиты и золото, а другіи „Руссы Христіяне“ клялися въ Кіевѣ, въ соборной церкви св. Иліи, изъ чого пôзнати можно, що тогды уже немало было христіянъ въ русской земли.

По поворотѣ своемъ изъ Греціи выправился Игорь съ войскомъ на Деревлянъ, но не по доброй воли, а пôдбуреный до того своими дружинниками. Такъ бо было сталося, що знаменитый воевода Игоря Свѣнельдъ высланый былъ ôтъ князя съ отрядомъ войска покорити Угличей и Тиверцêвъ надъ Днѣстромъ, а коли той воевода, исполнивши свою задачу, запасся тамъ всякого рода добычею и достатками, тогды другіи бояре Игоревы, завидуючи Свѣнельду, начали подмовляти Игоря, щобы ишолъ збирати данины и добывати добра у Деревлянъ. Игорь послухалъ бояръ и выступилъ съ войскомъ на свôй народъ, на Деревлянъ, собиралъ данины для себе и для дружины, а бояре его собѣ окремо гра-

били несчастныхъ. Деревляне дали все, що тôлько Игорь захотѣлъ, но Игорь на дорозѣ въ Кіевъ послалъ дружину до дому, а самъ вернулся еще разъ до Деревлянъ, щобы догодити возбудженой въ немъ жадности и еще бôльше стягнути зъ народа дани. Деревляне, доведеныи тѣмъ до крайного отчаянья, окружили Игоря и малую его дружину у города Коростеня и умертвили Игоря ужаснымъ способомъ. Такъ соромною смертію погибъ сынъ Рюрика Игорь за тое, що на хвилю дался поводовати жаждущимъ богацтва боярамъ и поступилъ противъ доброго голосу совѣсти своей.

Княгиня Ольга.

Г. 945—957.

Игорь оставилъ по собѣ сына Святослава, но тому было тогды ледви четыре роки; для того принялась самая вдова Игоря, княгиня Ольга, управляти Русію до полнолѣтности свого сына. Ольга, хотя женщина, но сильного мужеского духа, управляла такъ благорозумно и славно, що заслужила собѣ справедливо имя „Мудрой“, якое Русь ей надала. Первымъ дѣломъ ей было отмстити на Деревлянахъ смерть мужа свого Игоря. А помстилась же она страшенно! Дере-

вляне, хотя уже присоединены до Кіево-русского княжества, имѣли теперь еще свого власного князька Мала, а щобы избѣгнути гнѣву Ольги, они задумали оженити его съ нею и выслали въ той

Княгиня Ольга Мудрая.

цѣли двадцять найзнатнѣйшихъ людей своихъ до Кіева. Ольга, не отказуючи имъ впростъ, объявила, що желала бы видѣти численнѣйшое посольство, а тыхъ двадцять велѣла тайно кинути въ яму

и живцемъ ихъ тутъ закопати. Незадолго прійшли до Кіева другіи самыи найзнаменитшіи послы ôтъ Деревлянъ, не знаючи ніякъ о тôмъ, що съ тамтыми сталося. Тыхъ запросила Ольга до банѣ (лазнѣ), а замкнувши ихъ тамъ, велѣла баню пôдпалити, такъ, що всѣ въ ней згорѣли. Но тѣмъ не довольствовалась княгиня; она выбралась еще съ доборовою дружиною на самыхъ Деревлянъ до города ихъ Коростеня, пôдъ такимъ предлогомъ, що будьто хоче справити тризну (поминки) по своемъ мужу, и сюда спросила множество Деревлянъ; тѣхъ же упоивши медомъ, велѣла дружинѣ своей ударити на нихъ и убивати. Тогда легло на могилѣ Игоря 5000 людей.

По такихъ поминкахъ вернула Ольга въ Кіевъ и, якъ здавалося, довольна уже своею местію. Но нѣтъ! мести той еще не былъ конецъ: она вернула въ свояси, собрала еще сильнѣйшое войско и взявши съ собою пятилѣтного сына Святослава, отправилась противъ Деревлянъ, розорила городъ ихъ Коростѐнь, покорила Деревлянъ совершенно, завладѣла всею ихъ областью, наложила на нихъ еще бôльшіи дани, прогнала дотеперѣшного ихъ старшину, а присоединивши цѣлковито ихъ землю до Кіевской державы, возвратилась уже задоволена въ Кіевъ. Дальшіи лѣта правленія свого проводила Ольга мирно, и занялась натомѣсть вну-

треннимъ устройствомъ державы; она ѣздила съ сыномъ и дружиною по всѣмъ областьямъ Руси, заводила порядки, розделяла по справедливости землю межи жителей, установляла отвѣтныи поземельныи податки и всюда яко добрая и мудрая княгиня промышляла о добрѣ и славѣ своей державы. Коли же Святославъ достигъ 16. года жизни своей, Ольга ôтдала ему въ г. 957. правленіе, а сама отправилась въ Грецію, щобы тамъ обучитися въ правилахъ вѣры христіянской, котору уже зъ-давна уважала единоправдивою, и щобы тамъ, яко въ самомъ источнику христіянской вѣры приняти св. крещеніе. Тайну св. крещенія совершилъ надъ Ольгою самъ Патріархъ; ôнъ далъ ей при крещеніи имя „Елены" и по совершеніи всѣхъ святыхъ обрядôвъ, сказалъ ей тіи слова: „Благословенна ты межъ русскими женами тѣмъ, що ты возлюбила свѣтло, а оставила тьму; сыны Руси не перестанутъ тебе благословити отъ рода въ родъ". По св. крещеніи, попращавшись съ греческимъ Царемъ и Царицею, княгиня Ольга вернула на Русь. Тутъ наклоняла она сына своего Святослава, щобы и ôнъ далъ себе окрестити, но той мужъ дикого, военного норова отрекъ ей: „Якъ я самъ одинъ прійму законъ Христовъ, то дружина зъ мене смѣятися буде". Дванадцять лѣтъ еще жила Ольга, приготовляла внукôвъ своихъ ко

христіянству, а послѣ тыхъ боговѣйно и свято проведеныхъ лѣтъ, упокоилась на 79. году своего житья въ г. 969. За свою благочестивую жизнь названа она ôтъ Руси равноапостольною, а Церковь святая причислила ею къ лику Святыхъ, и память ей обходится на Руси д. 11-го. Юлія каждого лѣта и до нынѣ.

Князь Святославъ.

Г. 957—972.

Святославъ, то воинъ, богатырь тѣломъ и душею. Хоробрый, предпріимчивый, ôнъ мечталъ тôлько о военныхъ подвигахъ и середъ нихъ цѣлый свôй вѣкъ проводилъ. Ôтъ молодости заправленый до боевой жизни, съ вѣрною дружиною своею жилъ ôнъ въ чистомъ полю безъ всякихъ выгодъ, даже безъ шатра, спалъ на келимку зъ пôдъ сѣдла, а съ сѣдломъ пôдъ головою, и кусень дичины или кôньского мяса жареный на огни былъ ему стравою. Вотъ такій былъ князь Святославъ.

Правленіе свое началъ князь Святославъ походомъ на Хазаръ надъ Волгою и Дономъ, побилъ ихъ, взялъ ихъ столицю Бѣлую-вежу, освободилъ племя Вятичей, которое платило Хазарамъ дань, и прилучилъ до своей державы всѣ землѣ ôтъ рѣки Оки, Волги, Дона ажъ до Каспійского и Азовского моря. Уладившись

такъ зъ одной стороны, помчался Святославъ съ войскомъ на Болгаръ надъ Дунаемъ. Греческій Царь, не могучи собѣ самъ порадити съ Болгарами, которыи

Князь Святославъ.

ему мали дань платити, просилъ Святослава о помôчь и пославъ на потребы похода 1.500 фунтôвъ золота. — Не треба и говорити, що Святославу дуже сподобалося предложеніе тое, такъ и сейчасъ погнался ôнъ съ доборовымъ войскомъ.

розбилъ Болгаръ, забралъ много городôвъ ихъ, межи инными и столицю ихъ Переяславецъ, и такъ собѣ тутъ житье уподобалъ, що и не думалъ скоро вертати въ Кіевъ. Межи тѣмъ загрозила Кіеву бôльшая опасность. Печенѣги узнавши, що Святослава нѣтъ дома, пôдступили пôдъ Кіевъ, где заперлась княгиня Ольга съ внуками своими. Жителѣ Кіева были въ отчаянію; въ городѣ насталъ голодъ и недостатокъ воды, а тутъ ни способу увѣдомити Святослава, що въ столицѣ его дѣеся. Вправдѣ находился за Кіевомъ зъ другой стороны Днѣпра малый отрядъ русского войска съ воеводою Прѣтичемъ, но и до того не было кому дати знати, щобы спѣшилъ съ помочію. Положеніе Кіевлянъ было до крайности отчаянное. На счастье найшолся межи Кіевлянами одинъ смѣлый молодецъ, умѣючій говорити по печенѣжски: той перебрался за Печенѣга и съ уздечкою въ рукахъ перейшолъ черезъ непріятельскіи войска, пытаючи всюда, чи не видѣлъ кто его коня. Такимъ способомъ перебрался ôнъ къ Днѣпру и тутъ скинулъ одежь изъ себе та скочилъ въ воду, переплылъ рѣку и доставшись до Прѣтича, розсказалъ ему всю бѣду. На другій день раненько, пустился Прѣтичъ черезъ Днѣпръ до Кіева, напалъ при звуку трубъ на Печенѣгôвъ, а тіи думаючи, що то иде Святославъ, настрашились и бѣгомъ ôтсту-

пили ôтъ Кіева. Кіевляне, ôтдохнувши на хвилю, послали сейчасъ гонця до Святослава надъ Дунай, сказати ему: „Ты княже, чужои землѣ шукаешь и пильнуешь, а свою оставилъ; насъ мало що не забрали Печенѣги съ матерію и съ дѣтьми твоими; если не прійдешь и не оборонишь насъ, то знову насъ заберутъ. А чижь не жаль тобѣ отчины твоей и старой матери твоей и дѣтей твоихъ?"— Получивши такую вѣсть Святославъ явился скоро въ Кіевѣ, догналъ Печенѣгôвъ, розбилъ ихъ и такъ возстановилъ миръ въ отчинѣ своей.

Здавалось бы, що теперь Святославъ буде спокôйно жити въ Кіевѣ, — но гдетамъ! Его тягнуло назадъ надъ Дунай и просьбы матери не вздержали его; ôнъ дѣлалъ приготовленья до ôтходу. Въ-томъ умерла Ольга. Святославъ похоронивши ю по христіянски и оплакавши вразъ съ сынами своими, роздѣлилъ землю всю русскую на три части: Кіевъ съ прилежащими землями далъ найстаршому сыну Ярополку, землю Деревлянску Олегу, Новгородску же наймолодшому Владиміру, а самъ пустился съ войскомъ назадъ на береги Дуная, до возлюбленного Переяславця. Но тутъ межи тѣмъ змѣнились обстоятельства: Болгаре, примирившись съ Греками, выступили противъ Святослава и заперлись въ Переяславци; однакъ русскіи воины взяли городъ приступомъ и

побѣдили Болгаръ, а Святославъ недовольный еще покореніемъ ихъ, постановилъ идти на Грекôвъ и выслалъ до нихъ посла своего и велѣлъ имъ сказати: „Хочу идти на васъ и взяти вашъ городъ якъ и сей (Переяславецъ).“ Греки собрали 100 тысячъ воикôвъ, приняли вызовъ и выступили противъ Святослава. Русскіи воины, узрѣвши такіи безчисленныи заступы войска передъ собою, смѣшались, но богатырскій князь ободрилъ ихъ словами: „Уже намъ утѣкати не возможно хочь-нехочь должны мы станути противъ нихъ. Не повстыдаемъ русской землѣ, поляжемъ тутъ костями! Бѣжати, то соромно, а смерть на войнѣ, не соромъ; отже станемъ крѣпко. Я иду передъ вами, а якъ положу мою голову, тогды дѣлайте, що самы знаете.“ На тіи слова отозвалась вся дружина единодушно: „Где твоя голова, тамъ и мы наши головы положимъ!“ и ударила съ яростію и отчаяньемъ на врагôвъ. Греки не выдержали смѣлого напада, подались и начали утѣкати. Святославъ же гналъ за ними, грабилъ и розорялъ городы ихъ ажь пôдъ саму ихъ столицю Цареградъ. Греческій царь, видячи, що грозитъ крайная бѣда, упокорился и сталъ просити мира, согласился на предложеныи Русію условія и заплатилъ не тôлько на живыхъ, но и на убитыхъ воинôвъ. Тогда доперва повернулъ Святославъ до Переяславця. По тыхъ

послѣднихъ битвахъ остало Святославу такъ мало войска, що казалось дуже небезпечно оставатись такъ въ чужой земли; для того задумалъ Святославъ вернути въ отчину свою. Зôйшовшись еще лично съ царемъ греческимъ на березѣ Дуная, Святославъ заключилъ съ нимъ постоянный миръ и дружбу, послѣ чого оставилъ съ дружиною Переяславецъ и съ добычею и сокровищами верталъ въ свояси. Дунаемъ поплылъ ôнъ на Чорное море, а тымъ до устья рѣки Днѣпра. Тутъ совѣтовалъ Святославу воевода Свѣнельдъ, щобы дальшій путь продолжати по суши, берегами Днѣпра, а не водою черезъ опасныи пороги Днѣпровыи, такъ якъ тамъ могутъ напасти Печенѣги. Но Святославъ не послухалъ тои рады и пустился водою въ гору. И въ самôмъ дѣлѣ наткнулся на Печенѣгôвъ, которыи узнавши, що Святославъ вертае съ великими богатствами а малою дружиною, засѣлись тутъ на него. Началась неровная борьба: Печенѣгôвъ тьма, а Русскихъ, збѣдованыхъ далекимъ походомъ, малая горстка, тожь и не диво, що Печенѣги розбили русское войско, а самого князя доставши въ руки, ôтрубали ему голову. Такою печальною смертію кончилъ Святославъ, той славный и знаменитый богатырь Руси. Свѣнельду съ маленькими остатками войскъ удалося якось передертись

счастливо черезъ Печенѣговъ и занести до Кіева сумную вѣсть о томъ, що случилося.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 972—980.

Якъ сказано было выше, подѣлилъ Святославъ землю свою русскую на три части межи своихъ сынôвъ: найстаршому Ярополку ôтдалъ престолъ княжій въ Кіевѣ съ доокрестными землями, другому Олегу землю Деревлянскую, а наймолодшому Владиміру Новгородскую землю. По сумнôй кончинѣ отца, осѣли сыны въ придѣленныхъ собѣ областяхъ и были бы жили въ согласіи и гараздѣ, еслибы одинъ случай не былъ ихъ посварилъ межь собою и не поднялъ одного противъ другого до кровавого бою. Вотъ якъ то случилось: При Ярополку жилъ старый довѣренный воевода, уже намъ знаный Свѣнельдъ. Сынъ воеводы того именемъ Лютъ, запустился одного разу на ловы далеко въ Деревлянскіи лѣсы, належащіи до князя Олега и стрѣтился тамъ съ самымъ же Олегомъ. Князь Олегъ розъяреный тѣмъ, що Лютъ посмѣлъ безъ его дозволенья въ области его на ловы заходити убилъ его на смерть. Старый Сѣнельдъ, хотячи помстити смерть сына, пôдмовилъ князя Ярополка на вôйну противъ Олега. Ярополкъ, послухалъ злочастной ра-

ды, ударилъ съ войскомъ на старшого брата, побилъ его и погналъ за нимъ до города Вруча или Овруча, где Олегъ, утѣкаючи черезъ мôстъ, былъ зопхненъ напоромъ войска свого въ воду и тамъ на смерть придавленъ людьми и кôньми. Я-

Князь Ярополкъ.

рополкъ не предвидѣлъ такого печального исхода и жалѣлъ искренно свого поступка, но за пôздно! Що сталось, то пропало! Онъ вступилъ теперь въ землѣ брата и прилучилъ ихъ до своихъ. — Вотъ такій-то былъ початокъ братско-княжескихъ кровавыхъ межиусо-

бицъ, а которыи якъ дальше, увидимъ покрыли всю землю соромомъ, подорвали ей силу и повагу въ самыхъ початкахъ ей розвитія.

Коли довѣдался князь Владиміръ о томъ, що сталося съ братомъ его Олегомъ, убоялся и ôнъ и бѣжалъ изъ Новгорода за море до Варягъ, а Ярополкъ въ сей-же часъ занялъ его землю и посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадникôвъ, т. е. намѣстникôвъ, и такимъ способомъ сталъ одинъ владѣтелемъ всѣхъ русскихъ земель. Однакъ не надармо бѣжалъ Владиміръ въ чужую землю; ôнъ намѣрилъ помстити смерть свого брата Олега, и собравши межи Варягами сильную дружину, вернулъ по двохъ лѣтахъ въ родинную землю и объявилъ вôйну Ярополку. Въ походѣ своемъ зайшолъ Владиміръ въ землю полоцкую, где владѣлъ отдѣльный князь Рогволодъ, которого донька Рогнѣда, „Горыславою" звана, обручена была Ярополкови. Владиміру уподобалась Рогнѣда, и ôнъ захотѣлъ оженитись съ нею; коли же такъ отецъ якъ и донька съ презрѣньемъ ему ôтказали, Владиміръ занялъ Полоцкъ своими войсками, убилъ Рогволода и двохъ его сынôвъ, а самъ таки оженился съ Рогнѣдою и послѣ того съ дружиною двинулся на Кіевъ, противъ Ярополка. Ярополкъ заперся съ войскомъ и воеводою Блудомъ въ престольномъ городѣ своемъ

и былъ бы тутъ держался, еслибы погано ему не былъ измѣнилъ власный его воевода Блудъ. Той Блудъ подкупленый Владиміромъ, намовилъ Ярополка, щобы ôнъ выйшолъ изъ Кіева, бо будьто Кіевляне змовляются на него. Ярополкъ послухалъ Блуда, выйшолъ изъ Кіева, заперся въ городѣ Содня, но и сталъ его Блудъ намовляти, щобы ôнъ пôддался и помирился съ Владиміромъ. Послухалъ Ярополкъ и теперь Блуда, но на погибель свою. Коли бо ôнъ тôлько вступилъ въ двери дому Владиміра, напали на него два Варяги и пробили мечами. Такъ остался теперь Владиміръ однимъ княземъ цѣлой русской землѣ.

Князь Владиміръ Великій,
г. 980 - 1015.

1. Владиміръ до крещенія свого, т. е. ôтъ 980—988 г.

Владиміръ воспитанъ былъ въ дитинствѣ бабкою своею, мудрою Ольгою, которая яко благочестивая христіянка вщепляла въ сердце свого внука самыи благородныи чувства и честноты, отвѣтныи духу христіянства. Но не дозрѣлъ еще молодый князь до самостоятельного вѣку, коли дôстался ôнъ яко Новгородскій князь пôдъ руководство дядька свого (брата матери) Добринѣ, дикого язычника, що жилъ цѣлый въ поганствѣ; тожь

и не дивно, що благодатныи сѣмена, зароненныи въ его сердце наукою Ольги, скоро затерты были въ молодци; не дивно, що въ дальшихъ дѣйствіяхъ его пробиваеся духъ поганскій, яко вліяніе опѣкуна Добринѣ, и що въ душѣ Владиміра выродились лихіи страсти жестоко-

Князь Владиміръ Великій.

сти, кровожадности и сластолюбія. Такъ скоро то̂лько засѣлъ Владиміръ на престолѣ Кіевскомъ яко единодержавный князь всей Руси, въ сейчасъ ставлялъ о̂нъ много идоло̂въ розличнымъ поган-

скимъ божищамъ и велѣлъ съорудовати тутъ деревянного Перуна съ серебряною головою и золотыми усами, также божка Дажьбого, Стрибога и другихъ, то зъ каменя, то зъ дерева. Тымъ то божищамъ приносилъ ôнъ и поганскій народъ жертвы, даже жертвы изъ людей! А помимо того, що Владиміръ женатый былъ съ Рогнѣдою, донькою князя Полоцкого, прибралъ ôнъ собѣ еще и другихъ женъ, а коли убитъ былъ братъ Ярополкъ, оженился таки еще и съ вдовою по Ярополку, котора тогда была беременна и въ коротцѣ родила сына Святополка.

Неспокойный духъ Владиміра не долго усидѣлъ дома, а началъ воевати. Насампередъ погнался съ войскомъ на Польщу и ôтбилъ ôтъ ней городы Червенскіи, т. е. Перемышль, Червень и другіи, которыи заняли были Поляки Русинамъ за Святослава или Ярополка. Потомъ усмирилъ Владиміръ племена Вятичей и Радимичей надъ рѣкою Окою, которыи не хотѣли платити дани; ôттакъ покорилъ дикое, убогое, но мужественное племя Ятвягôвъ надъ рѣками Бугомъ и Нѣмномъ, а въ-конецъ отправился на Болгаръ, которыи жили надъ берегами Волги и Камы, а которыхъ одна половина давно уже переселилась была надъ Дунай и приняла вѣру Христову. Побивши тыхъ Болгаръ надъ Волгою и Камою,

вернулъ Владиміръ богатый военною славою и добычами, до Кіева.

Въ то̂мъ времени было уже на Руси, а особенно въ Кіевѣ много христіянъ, однакъ доля ихъ была тогда еще незавидна; всѣ церкви христіянскіи были розрушены, а христіянамъ приказано было поклонятись идоламъ; если же где которыи зъ нихъ тому супротивлялись, то ихъ убивано. За тыхъ то часо̂въ были тутъ два первыи мученики за вѣру Христову, именемъ Ѳеодоръ и Іоаннъ, которыхъ память церковь наша обходитъ дня 12 Юлія що-рочно. Смерть ихъ мученическа послѣдовала такимъ способомъ: Коли Владиміръ вернулъ побѣдоносно зъ выправы на Ятвягôвъ, велѣлъ о̂нъ принести божищамъ жертвы изъ людей въ знакъ благодарности. Жребій (лосъ) выпалъ на одного хорошого молодця, сына одного Варяга, который принялъ христіянскую вѣру. Коли воины Владиміра прійшли до отця, требовати сына на жертву идоламъ, заперся тойже съ сыномъ своимъ въ хатѣ и сказалъ воинамъ: „Ваши боги — то не Богъ, а дерево, що днесь стоитъ, а завтра согниe; не дамъ сына мого, а если ваши боги суть правдивыи, то нехай вышлютъ которого зъ-межи себе щобы той самъ взялъ собѣ жертву“. Розлюченыи язычники кинулись на до̂мъ Варяга христіянина, розвалили его, а по̂дъ заваленными стѣнами погибли отецъ и

Первыи христіанскіи мученики въ Кіевѣ Θеодоръ и Іоаннъ.

сынъ. Отецъ назывался Өеодоръ, сынъ Іоаннъ, и они оба въ лику Святыхъ предстоятъ у Господа Бога за рôдную землю русскую.

Се и были два первыи и послѣдніи мученики за вѣру Христову въ земли русской, коли межи тѣмъ въ другихъ краяхъ, а особливо въ державѣ римской за часôвъ гоненія христіянъ, многіи тысячи вѣрныхъ гибли мученическою смертію за имя Христа.

2. Крещеніе Владиміра въ г. 988.

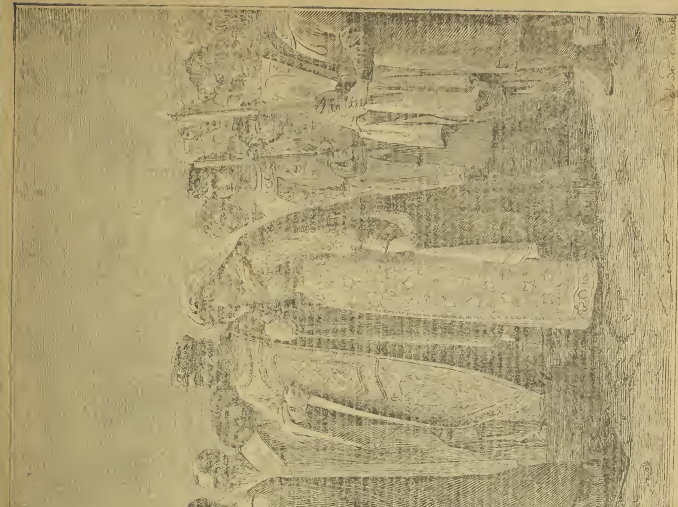
Вернувши изъ походôвъ военныхъ до Кіева, князь Владиміръ въ своемъ добромъ сердцѣ почувствовалъ отвращеніе до скверныхъ звычаевъ поганства, въ якôмъ народъ его жилъ. Ôнъ вспомянулъ науки бабки своей, мудрой Ольги и набралъ переконанья, що вѣра поганская съ своими дикими обрядами и жертвами есть ложна; отже ôнъ постановилъ спасти ôтъ ней и себе и свôй народъ. А въ тую-же пору приходили до Владиміра посольства ôтъ Болгаръ зъ-надъ Волги, которыи исповѣдали магометанскую вѣру; приходили послы ôтъ римскихъ католикôвъ и ôтъ жидôвъ, и всѣ они предкладали ему свою вѣру. Владиміръ всѣхъ слухалъ съ увагою, но ихъ промовы не припали ему до сердця. Наконецъ выслали и Греки одного свого философа

(мудреца) до Владиміра, а той доказавши напередъ неприличность вѣры магометанской и опровергнувши ученія жидôвъ и Римлянъ, розсказалъ просторонно содержаніе старого и нового Завѣта и святую науку Спасителя Іисуса Христа, а толкуючи основно о безсмертіи души, о страшномъ судѣ, о небѣ и о пеклѣ въ-конецъ открылъ передъ княземъ картину живо чертающую образъ страшного суда. Той образъ представлялъ праведныхъ по правой сторонѣ, идущихъ въ рай, а грѣшникôвъ по лѣвой, влеченыхъ до пекла. Владиміръ, пораженый картиною и тронутый до глубины сердця, востхнулъ и сказалъ тіи слова: „Добре тымъ по правой сторонѣ, а горе тымъ по лѣвой!“ На тіи слова замѣтилъ греческій мудрецъ: „Если и ты хочешь быти съ праведными по правой сторонѣ, то окрестися.“ Однакъ Владиміръ не хотѣлъ въ такъ важномъ дѣлѣ поступати на свою руку; для того ôтпустилъ ôнъ мудреца съ великою четію и богатыми дарами, а самъ собралъ раду своихъ бояръ и розсказалъ имъ, якіи были у него посольства и що каждое изъ нихъ ему предкладало. Бояре выслухавши все, рѣшили. щобы выбрати наймудрѣйшихъ людей изъ Руси и тыхъ послати по всѣмъ краямъ, дабы они повсюду самы наочно пересвѣдчились, которая вѣра найлучша. Подобалась тая рада князеви, и ôнъ въ сей-часъ избралъ

десятёхъ самыхъ умнѣйшихъ изъ бояръ и выслалъ ихъ въ путь. Послы отправились по всѣмъ краямъ и зайшли наконецъ до Цареграда въ Греціи. Императоръ греческій принялъ ихъ радостно и съ великими почестьями и завелъ ихъ до церкви св. Софіи. Тутъ то представился посламъ обрядъ греческій въ цѣлой своей славѣ и красотѣ. Богослуженіе, пѣніе церковное, кадила, свѣтла сдѣлали на нихъ такое впечатлѣніе, що они не могли дати собѣ отчета зъ того, що видѣли и що слышали. Умъ ихъ былъ пораженъ, находился въ восторзѣ, а сердце якими-то неизъяснимыми чувствами умиленія рвалось до того Бога, которого будьто видимо живого найшли въ храмѣ томъ. Вернувши до Кіева сказали послы до Владиміра: „Тамъ (въ Греціи) перебывае Богъ съ людьми, и служба ихъ лучша всѣхъ другихъ; не можемъ позабыти той красоты и того великолѣпія; а такъ якъ каждый человѣкъ, коли вкуситъ солодкого отвертаеся отъ гôрького, такъ и мы не хочемъ дальше оставати въ нашой поганской вѣрѣ.“ Затѣмъ и постановили князь и бояре приняти вѣру Христову по греческому обряду.

Не радъ былъ однакъ Владиміръ принимати крещеніе яко подвластный, тôлько яко побѣдитель и для того ôнъ пустился съ войскомъ завоевати на полуостровѣ Крымскôмъ належащій до Гре-

кôвъ богатый, торговольный городъ Корсунь. Пôдступивши пôдъ той городъ, осадилъ его Владиміръ войскомъ и хотѣлъ его взяти приступомъ; но справа не была такъ легка. Корсуняне заперлися въ городѣ, боронилися крѣпко и не хотѣли безъ бою пôддатися. Но одинъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ, кинулъ зъ города межи войска Владиміра стрѣлу, на которой было написано: „Зъ востока за вами суть колодязи, изъ которыхъ иде вода трубами (рурами) до города; перетнѣтъ трубы, а городъ вашъ.“ Князь приказалъ перетяти трубы и Корсунь по недостатку воды пôддался. Изъ Корсуня выслалъ Владиміръ послôвъ до греческихъ царей, братей Василія и Константина, съ тымъ заявленіемъ, щобы ôтдали ему сестру свою Анну за жену, а ôнъ за тѣмъ и окрестится. Царскіи братья согласились на предложеніе Владиміра и выслали до Корсуня сестру свою со священниками и дружиною. Дивнымъ совѣтомъ Божимъ заболѣлъ Владиміръ въ тую саму пору на очи такъ тяжко, що мало-що не ослѣпъ, и тогда велѣла ему сказати царевна Анна, щобы сейчасъ окрестился, а буде здоровъ. И — о диво! Владиміръ приступилъ до крещенія, а якъ тôлько Архіерей положилъ свою руку на голову его, ôнъ чудомъ Божимъ прозрѣлъ и въ великой радости воскликнулъ: „Теперь увидѣлъ я истинного Бо-



Отправленіе изъ Царьграда въ Корсунь царевны Анны

га!“ По крещеніи, въ которомъ Владиміръ одержалъ имя Василія повѣнчался ôнъ съ царевною Анною, и взявши съ собою Корсунця Анастаса и священникôвъ греческого обряда, также мощи святыхъ Климентія и Θива и много сосудôвъ и иконъ церковныхъ, ôтдалъ городъ Корсунь Грекамъ, а ôттакъ отправился назадъ въ Кіевъ.

3. Крещеніе всеи Руси въ г. 988.

Дѣло просвѣщенія народа русского было въ послѣдствіяхъ своихъ такъ важнымъ, такъ славнымъ и достопамятнымъ событіемъ, що заслугуе оно, щобы о немъ тутъ въ отдѣльномъ уступѣ упомянути.

Князь Владиміръ, вернувши въ Кіевъ христіяниномъ, постановилъ въ сейчасъ и народъ свôй вывести изъ тьмы поганства и просвѣтити его вѣрою во Христа Спасителя. Замышленное дѣло началъ Владиміръ ôтъ того, що велѣлъ торжественно окрестити своихъ дванадцять сынôвъ въ жерелѣ, которое ôтъ того „Крещатикомъ“ названо, и началъ искореняти поганство, розоряючи поганскіи идолы-лжебоги то сожженіемъ въ огни, то потопленьемъ въ водѣ.

Межи тѣмъ митрополитъ Михаилъ, привезенный Владиміромъ изъ Греціи, ходилъ со священниками межь народомъ и поучалъ его въ истинахъ вѣры Христовой. Одного же дня выдалъ князь

владимiръ приказъ, щобы всѣ люди, вельможи и рабы, мужчины, невѣсти и

Крещенie Kieвлян.

дѣти, явились въ опредѣленномъ дни на Днѣпрѣ до св. крещенiя. Народъ повиновался безъ супротивленiя и вступалъ на

данный знакъ въ великôмъ мужествѣ въ присутствіи князя въ рѣку Днѣпръ, а священники, читаючи молитвы на березѣ, совершали надъ нимъ Тайну св. крещенія. Князь Владиміръ стоялъ на березѣ, а коли обрядъ св. крещенія кончился, тогда вознесъ ôнъ руки на небо и въ горячой молитвѣ просилъ благословенія Божого для новопросвѣщенного народа своего и утвержденія его въ св. вѣрѣ. Въ той хвили, якъ примѣчае нашъ русскій лѣтописецъ, Преподобный Несторъ, ликовали земля и небо надъ такимъ множествомъ спасенныхъ душъ. Заразъ по крещеніи велѣлъ Владиміръ въ Кіевѣ, на мѣстцяхъ, где передше стояли идолы божищъ поганскихъ, строити великолѣпныи храмы Божіи, межь инными церковь св. Василія на холмѣ, где стоялъ Перунъ, а также церковь Преч. Дѣвы Маріи, такъ звану „Десятинную“, нареченную такъ ôтъ того, що князь назначилъ на удержанье ей десятую часть изъ всѣхъ своихъ доходôвъ. Разомъ съ крещеніемъ вводилъ Владиміръ у себе и богослуженіе греческое на языцѣ славянскôмъ, вводилъ и такіи же богослужебныи книги, якіи тогды уже находились у христіянскихъ Болгаръ, изъ греческого на славянскій языкъ св. Кириломъ и Мефодіемъ переведены, а якіи до нынѣ во всѣхъ русскихъ церквахъ нашихъ для богослуженія употребляются.

Изъ Кіева роспространялась св. вѣра Христова дуже скоро по всѣмъ землямъ русскимъ, а самъ князь ревно заходился коло дѣла того и крестилъ народъ во всѣхъ подвластныхъ земляхъ, ставлялъ церкви и назначалъ священниковъ, а для скрѣпленія новой вѣры христіянской основалъ въ Кіевѣ митрополію, въ Новгородѣ архіепископство и епископства въ многихъ другихъ городахъ. И такъ скоро и смирно довершилъ Владиміръ тое славное и чрезмѣрно великое дѣло крещенія Руси, за которое, яко ровное Апостольскимъ подвигамъ, церковь русская назвала его „равноапостольнымъ“ и причислила его къ почету Святыхъ. Цѣлая же Русь вдячными сердцями дѣтей своихъ не перестане отъ рода въ родъ величати тое свое „красное солнечко“, своего великого князя Владиміра.

4. Владиміра послѣ крещенія своего отъ г. 988—1015.

Вѣра христіянская теплотою свѣтла своего перетворила якъ найлучше цѣлую Русь въ загалѣ, а князя Владиміра въ особенности. Съ днемъ крещенія своего удалилъ Владиміръ всѣ жены, якихъ яко поганинъ державъ бôльше, а жилъ ôнъ теперь благочестиво съ женою Анною. Духъ его передъ тѣмъ дикій, мстивый, смирился, стался лагоднымъ, добродѣйнымъ и милостивымъ. Живучи въ згодѣ съ сосѣдными народами, польскимъ,

чешскимъ и угорскимъ, звернулъ Владиміръ все свое вниманіе на свою державу, на внутренное устройство, и докладалъ всѣхъ усилій, щобы утвердити добробытъ межи своимъ народомъ; однимъ словомъ ôнъ понялъ свою задачу яко князь, которого власти отданы народы, еще полудикіи, щобы тіи ихъ дикости привести до новои, свѣтлои жизни. Якъ ни трудная то задача была, но мимо того исполнилъ ю Владиміръ превосходно, чѣмъ и далъ ôнъ доказъ,якимъ былъ на-скрôзь добрымъ человѣкомъ. Зналъ Владиміръ, що сама св. вѣра Христова безъ глубшого знанія еи, не много бы причинилась до ублагороdненья дикихъ норовôвъ народа, но що треба доконче безпрестанной науки, треба просвѣщенія. Тому-то для укрѣпленія вѣры христіянской постановилъ ôнъ роспространити у себе и книжное просвѣщеніе, и въ той цѣли заводилъ ôнъ такъ въ Кіевѣ, якъ и въ другихъ городахъ Руси по-при церквахъ також и школы для обученія дѣтей. Для охороны державы князь Владиміръ основалъ численныи городы и ихъ населялъ народомъ, а за все время ôтъ крещенія свого поднялъ ôнъ, и то лишь принужденный, два военныи походы; одинъ на Хорватôвъ надъ Днѣстромъ, которыи взбунтовались были и ôттакъ нужно ихъ было оружіемъ усмирити, а другій походъ на Печенѣгôвъ, которыи еще за отца Владиміровогo напа-

дали на Русь, а которыи и теперь, вдершись въ земли русскіи, начали ихъ непокоити. Владиміръ прогналъ дикіи орды Печенѣговъ разъ и другій, а щобы на будуще охоронитися ôтъ ихъ нападôвъ, построилъ надъ рѣками Десною, Сулою, Трубежомъ сильныи крѣпости и осадилъ ихъ войскомъ. Межи тыми крѣпостьями найзначнѣйшіи были Васильковъ и Бѣлгородъ надъ Днѣпромъ, и Переяславъ надъ Трубежомъ.

Тôлько было всѣхъ подвигôвъ военныхъ за цѣлый часъ ôтъ крещенія Владиміра до его кончины. А уже-жь за все прочое время занимался Владиміръ внутренними дѣлами державы своей, устройствомъ ей и поднесеньемъ нравственнымъ свого народа. И добре то было тогды на той Руси нашой: народъ былъ богатый, жилъ свободно и спокойно, занимаючись то земледѣліемъ, то торговлею. Тожъ не дивно, що скоро поднеслася Русь высоко въ очахъ другихъ народôвъ и засіяла своею славою и честію въ далекихъ сторонахъ свѣта. Самъ же Владиміръ, яко князь великои державы, гостепріемный, щедрый и милосердный, дѣлился достояніемъ своимъ съ цѣлымъ народомъ, устроивалъ у себе гостины, на которыи запрашалъ боярь, воинôвъ и множество другихъ людей, а о бѣдныхъ то уже тамъ всегда памяталъ и выдалъ имъ изъ свого двора не тôлько стравы и всякое питье, но и гро-

ши и все, що имъ было нужно. Тоже опѣковался ôнъ хорыми и немощными и велѣлъ розвозити на возахъ хлѣбъ мясо, рыбу, овощи, бочки съ медомъ для тыхъ немощныхъ, и самъ выглядовалъ убогихъ и больныхъ, щобы тôлько долю имъ улегчити. Такое то золотое сердце было у князя Владиміра. А дѣти Руси, испытуючи стôлько блага ôтъ батька свого, милосердного князя, горнулися съ искреннёю любовію до него и во вдячности прославляли его пѣснями, называючи его „краснымъ солнечкомъ, ласкавымъ княземъ Владиміромъ.“ Середъ такой общой любви народа свого проживалъ Владиміръ свои лѣта и досить глубокой старости. Чувствуючи же себе уже слабымъ до правленія державы, ôнъ роздѣлилъ ю межи 11 своихъ сынôвъ, оставляючи собѣ одинъ Кіевъ. Тогды то постановилъ ôнъ щобы по его смерти найстаршій въ родѣ Рюрика княжилъ въ Кіевѣ, а молодшіи щобы уважали того найстаршого яко голову родины и ему подчинялися. Той найстаршій малъ ôтъ того часу называтися Великимъ княземъ. Справедливо и истинно по отцевски роспорядилъ Владиміръ наслѣдствіемъ своимъ и сподѣвался, що дѣти и внуки будутъ волю его свято сохраняти, а ино не предвидѣлъ, що недолго по его смерти, вслѣдствіе такого роздѣла его державы, произойде горе и великое смущеніе на Русь цѣлую.

Передъ самою смертію своею дожилъ еще Владиміръ горести. Печенѣги ворвались знову въ границѣ Руси, и Владиміръ, не могучи уже самъ отправлятись противъ ворогôвъ, выслалъ на нихъ своего сына Бориса. А що гôрше и сумнѣйше, збунтовался противъ него сынъ его Ярославъ, що досталъ ôтъ отца Новгородъ, и противъ того Ярославъ выбирался Владиміръ, щобы укротити гордого и заслѣпленного сына, но здаєся изъ горести попалъ въ тяжкій недугъ, и черезъ кôлька дней умеръ въ селѣ Берестовѣ коло Кіева дня 15. Юлія 1015. г.

Великій Князь Святополкъ, званъ „Окаяннымъ".

Г. 1015—1019.

Въ пору смерти Владиміра, жило изъ сынôвъ его осьмъ и управляли они слѣдуючими удѣльными княжествами: 1) Ярославъ въ Новгородѣ, 2) Борисъ въ Ростовѣ, 3) Глѣбъ въ Муромѣ, 4) Святославъ въ области Деревянской, 5) Всеволодъ въ Володимірѣ на Волыню, 6) Мстиславъ въ Тмуроканю, 7) Святополкъ (сынъ Ярополка, брата Владиміра, а принятый Владиміромъ за сына) въ Туровѣ 8) Брячеславъ внукъ Владиміра, по сынѣ его изъ Рогнѣды Изяславовой) въ Полоцку. Найстаршій межи князями былъ Святополкъ,

усыновленый Владиміромъ, и ему то по старшинству належался престолъ великокняжескій. Но такъ Владиміръ, якъ и Кіевляне любили дуже Бориса и ради

Великій Князь Святополкъ, названъ „Окаяннымъ".

были видѣти его у себе на престолѣ. Однакожъ при смерти Владиміра не было въ Кіевѣ жадного зъ сынôвъ его, тôлько былъ Святополкъ, а Борисъ былъ на военной выправѣ противъ Печенѣгôвъ. Бояре укрывали вправдѣ передъ народомъ смерть

Князя своего черезъ три дни, думаючи, що на тотъ-часъ поверне Борисъ; однакъ годѣ было долго выжидати, такъ якъ Борисъ не верталъ, а тѣло покойника треба было похоронити. Коли-жь тôлько зложено тлѣнныи мощи Владиміра въ марморовой домовинѣ въ Десятинной церкви, сейчасъ выступилъ Святополкъ съ своими правами на владѣніе, а приласкавши собѣ еще бояръ богатыми подарками, засѣлъ въ Кіевѣ на велико-княжескôмъ престолѣ. Но всегда таки боялся ôнъ соперникôвъ и не былъ певный купленой вѣрности Кіевлянъ; для того то ôнъ постановилъ насильственнымъ способомъ утвердитись на престолѣ. Власне тогды Борисъ, розбивши Печенѣгôвъ, верталъ въ свояси, а не знаючи ничого о смерти отца своего ночевалъ спокôйно въ таборѣ надъ рѣкою Альтою. Святополкъ выслалъ тогды до него однихъ послôвъ съ привѣтствіемъ и любезностями, а другихъ съ тѣмъ, щобы его житя позбавити. Тіи послѣдніи напали ночію на палатку Бориса и умертвили его жестоко, а убитое тѣло его привезли до Вышгорода, где ихъ выжидалъ Святополкъ. Сей-часъ послѣ того убійства запросилъ Святополкъ еще и другого брата, Глѣба, князя Муромского до Кіева пôдъ предлогомъ, що будто недужный отецъ, Князь Владиміръ, бажае еще зъ нимъ видѣтись. Неподозрѣваючи лести, Глѣбъ выбрался въ дорогу, а коли плылъ

Князя св. Борисъ и Глѣбъ

Днѣпромъ, коло Смоленска дознался о смерти отца и о убійствѣ брата Бориса, но власне тогды, коли ôнъ сидячи на лод-

цѣ, оплаковалъ смерть отца и брата, напали на него нанятыи Святополкомъ убійцѣ и умертвили его. Тѣла обохъ убитыхъ князей зложено пôзднѣйше въ церкви въ Вышгородѣ, а коли они засіяли чудесами, причислены были оба въ почетъ святыхъ и пямять ихъ совершае Церковь наша дня 24. Ялія що року.

Така сама судьба постигла и третьёго брата, Святослава, Князя Деревлянского, но той дознавшись о убійствѣ братей хотѣлъ спасти жизнь свою бѣгствомъ и пустился на Угры. Однакъ въ горахъ Карпатахъ дôгнали его посѣпаки Святополковы и тамъ же его убили. До днесь еще показуютъ коло села Синевôдска пôдъ Карпатами мѣстце. где малъ быти убитый Святославъ и называютъ тое мѣстце „долина Святослава". Позбывшись такъ третьёго брата думалъ може Святополкъ вести дальше тое братоубійственное дѣло; однакъ довольно уже прольялось уже невинной крови, и теперь рука Божого отмщенія достигла уже самого окаянного братоубійцю. Но якъ то сталось? Переслава, сестра князей, выслала была до Ярослава въ Новгородѣ вѣсть о смерти отца и о убійствѣ братей. Ярославъ закипѣлъ местію, собралъ войско, выправился на Святополка, а побѣдивши его надъ Днѣпромъ, прогналъ его зъ Кіева и самъ занялъ его престольный городъ. Но Святополкъ имѣлъ сильного о-

пѣкуна, якимъ былъ тесть его, король польскій Болеславъ Хоробрый; побитый теперь, ôнъ утѣкъ до тестя того и просилъ у него помочи противъ брата. Болеславъ вступился за зятя свого, выбрался на Русь и надъ Рѣкою Бугомъ стрѣтился съ Ярославомъ и войсками его. Коли прійшло до битвы, Ярославъ не выдержалъ напору польскихъ войскъ и былъ принужденъ вернути до свого Новгорода, а Болеславъ тымчасомъ вступилъ съ Святополкомъ въ Кіевъ и розложился тутъ со своимъ воинствомъ. Видно добре жилося Болеславу и войску его въ богатомъ Кіевѣ, бо якось они розгаздовались тутъ, якъ-бы и не думали вертати въ свою Польщу. Однакъ самымъ же Кіевлянамъ обидно стало ихъ газдованье, а коли Святополкъ долго не мôгъ дождатись того, щобы ему тесть ôтдалъ велико-княжій престолъ, тожь за пôдмовою самого Святополка зачали Кіевляни тайкомъ убивати Полякôвъ. Тогда Болеславъ, боячись бôльшои бѣды, созвалъ своихъ воинôвъ и заграбивши многіи сокровища и дорогоцѣнности зъ Кіева, съ великою добычею верталъ въ Польщу, а по дорозѣ загорнулъ еще городы Червенскіи, якъ Червень и Перемышль, и прилучилъ тіи на якійсь часъ до Польщи. Примѣтити тутъ слѣдуе, що тіи такъ званы Червенскіи городы, хотя зъ-поконвѣка русскіи, но яко лежащіи у найблизшихъ границь

Польщи, были въ часѣ княжескихъ межиусобиць по кôлька разы Поляками заняты; однакъ оставали они при Польщи не долго, бо наши князѣ за каждымъ разомъ ôтбирали ихъ назадъ и яко собственность Руси, соединяли ихъ съ нашею Русiю.

Якъ лишь Болеславъ опустилъ рускiи землѣ, поднялся знову Ярославъ съ войскомъ изъ Новгорода воювати брата, окаянного Святополка. Святополкъ спровадилъ собѣ на помочь Печенѣгôвъ и съ ними хотѣлъ опертись Ярославу. Надъ рѣкою Альтою (где то убитый былъ Борисъ) прiйшло до борьбы завзятой; побѣда цѣлый день колебалась межь обома сторонами, ажь надъ вечеромъ правда взяла верхъ. Святополкъ, розбитый и прогнаный, съ соромомъ принужденъ былъ утѣкати, и въ часѣ того бѣгства погибъ гдесь безъ вѣсти марно. Князя сего назвалъ народъ за мерзкiи его дѣла „Окаяннымъ."

Прогнавши сего братоубѣйцю изъ Руси, Ярославъ занялъ Кiевъ съ сусѣдными землями, сполучилъ ихъ съ своими Новгородскими и сталъ управляти Русiю яко Великiй Князь.

Великій Князь Ярославъ Мудрый.

Г. 1019—1054.

Засѣвши на велико-княжескомъ престолѣ, Ярославъ долго еще не имѣлъ спокою были бо на Руси еще два удѣльныи князѣ: одинъ братанецъ Брячеславъ Полоцкій, другій же братъ Ярослава, Мстиславъ Тмуторокантскій, съ которыми то приходилось ему еще оружіемъ росправитись. Первый изъ нихъ, Брячеславъ, напалъ на Новгородъ, плѣнилъ много жителей тамошнихъ и уходилъ съ ними въ Полоцкъ; но Ярославъ догналъ его, освободилъ плѣнникôвъ, а для святого спокою ôтступилъ еще Брячеславу кôлька своихъ городôвъ. Не такъ легко прійшло Ярославу росправитись съ братомъ Мстиславомъ. Тотъ Мстиславъ, названый для своей хоробрости и щедрости Удалымъ, славный уже побѣдами надъ дикими ордами Черкесôвъ или Касогôвъ, пôднялся на брата Ярослава съ великимъ войскомъ. Оба братья стрѣтились съ своими войсками на березѣ рѣки Руды, и по завзятой борьбѣ преодолѣлъ Мстиславъ, а Ярославъ побѣжденный бѣжалъ въ Новгородъ. Но великодушный Мстиславъ не хотѣлъ дальше воевати съ братомъ, а послалъ сказати ему: „Ты старшій братъ, будь же ты княземъ въ Кіевѣ, а я буду княжити въ Черниговѣ.“ Братья помирились такъ, що всѣ землѣ

по правой сторонѣ Днѣпра мали належати до Ярослава, яко до Великого Князя, а землѣ по лѣвой сторонѣ до Мстислава, — и ôтъ того часу жили братья уже въ найлучшомъ согласіи.

Великій Князь Ярославъ Мудрый.

Славно и всегда побѣдоносно воевалъ потомъ Ярославъ съ сусѣдными ворогами русской державы. И такъ въ г. 1030. ôнъ усмирилъ землю Ливонскую и основалъ тамъ городъ Юрьевъ; въ слѣдующомъ годѣ отправился разомъ съ бра-

томъ Мстиславомъ на Польщу, где былъ королемъ Мечиславъ II. и ôтобралъ ôтъ того городы Червенскіи. Потомъ Ярославъ выправлялся еще на Печенѣгôвъ, на Ятвягôвъ, на Литву, на Мазовшанъ,

Мстиславъ.

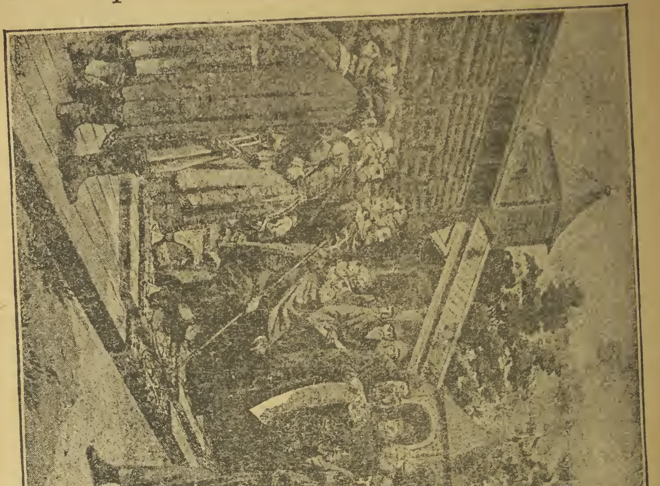
на Грецію и всюда ôтносилъ блезтящіи побѣды и окрылъ славою русское оружіе.

Въ г. 1036. умеръ Мстиславъ, не оставивши ніякихъ дѣтей. По немъ остался до нынѣшнихъ часôвъ одинъ славный памятникъ, т. е. церковь Преображенія Господня въ Черниговѣ. Всѣ землѣ по

покойномъ братѣ прилучилъ Ярославъ до свого княжества, вслѣдствіе чого еще разъ теперь всѣ землѣ русскіи становили одну великую державу, а Ярославъ былъ Княземъ цѣлои Руси.

Ôтъ теперь посвятилъ Ярославъ всѣ свои труды на благо свого народа и на внутренное устройство русскои державы. А заходился ôнъ около того дѣла такъ усердно и умно, що заслужилъ собѣ славу найлучшого князя и пріобрѣлъ у народа названіе „Мудрый". Самъ ôнъ любилъ надъ все науки, читалъ всегда ученыи книжки, велѣлъ переводити ученымъ людямъ духовныи книжки зъ греческого на славянскій языкъ и сохранялъ тіи книжки въ церкви св. Софіи въ Кіевѣ. Ôнъ заводилъ школы по всѣхъ бôльшихъ городахъ, межи инными такожь въ Новгородѣ, где тогды училося 300 боярскихъ и священническихъ дѣтей. Сверхъ того занимался Ярославъ ревно роспространеніемъ христіянства, созидалъ богатыи церкви, межи другими величавую церковь св. Софіи въ Кіевѣ, установлялъ епископства и поставилъ Митрополитомъ на всю Русь въ Кіевѣ первого Русина, Илларіона, дуже благочестивого и образованного мужа. Ярослава то вѣкопомнымъ дѣломъ было собраніе тогдашнихъ законôвъ, которыи зовутся „Русскою Правдою". Въ тыхъ то законахъ запрещено дѣлати кривды и

шкоды всѣмъ людямъ Руси, и установлено кары за всякіи преступленія.



Чтеніе народу „Русской Правды“.

Затѣмъ то и прославилась Русь за князя свого Ярослава Мудрого по цѣломъ

свѣтѣ такъ, що тогдашніи цари и королѣ посторонныхъ державъ глядали пріязни и входили въ связи зъ нашимъ княземъ. И такъ на пр. сестру его Марію (Доброгнѣву) посваталъ король польскій Казиміръ; съ одною донькою его Елисаветою оженился король Норвегжскій Гаральдъ, съдругою, Анною французскій король Генрикъ I., а съ третьёю Анастазіею король угорскій Андрей I. Изъ сынôвъ же его одинъ Владиміръ былъ женатый съ польскою королевною, а другій Всеволодъ съ донькою греческого Царя Константина Мономаха.

Еще за житья подѣлилъ Ярославъ землѣ свои межи сынôвъ своихъ: найстаршому Изяславу ôтдалъ княжество Кіевское и Новгородское, и поставилъ его Великимъ Княземъ, головою цѣлой родины; другому Святославу далъ княжество Черниговское, третьёму Всеволоду княжество Переяславское, четвертому Вячеславу княжество Смоленское, а пятому Игорю Владимірское княжество. Шестый сынъ, Владиміръ, умеръ еще на два роки передъ отцемъ, оставивши по собѣ сына Ростислава. Чувствуючи себе близкимъ смерти, Ярославъ призвалъ сынôвъ своихъ до себе и сказалъ до нихъ еще тіи слова: „Жійте, дѣти, съ собою въ любви и мирѣ, а Богъ буде съ вами и поборете ворогôвъ вашихъ; если же будете межь собою спорити, то и самы загинете и погубите землю отцêвъ

и дѣдôвъ вашихъ“. Устроивши такъ державу свою, умеръ Ярославъ въ г. 1054. и погребенъ былъ въ Кіевѣ въ церкви Софійской въ марморовой гробницѣ, котора до днесь тамъ сохраняется.

Русь по смерти Великого Князя Ярослава Мудрого.

Со смертію Ярослава Мудрого кончится единство и величіе русской державы, успѣвшой ледви-що скрѣпитись и вознестися пôдъ правленіемъ того мудрого князя. Заблысло ясное и теплое солнце надъ землями Руси, и здавалось, що согрѣе оно нарôдъ сильный, могущій и счастливый; однакъ скоро — ахъ, скоро померкло оно, роздались тучи, зальяли ôтъ востока до запада, ôтъ сѣвера до юга русскую державу и нанесли ей много смутку, бѣдствія и горя, въ которыхъ Русь наша немало страдала цѣлыи столѣтія. Правда, бѣдствія тіи дотыкали звычайно не цѣлую Русь, но поединокіи ен удѣлы, именно тіи меньшіи удѣльныи княжества, въ которыхъ жили спорящіи съ собою князѣ; а кромѣ того и тіи князѣ, выступающіи противъ себе до бою, ставили одинъ противъ другого дружину, т. е. свое войско, которое звычайно не числило бôльше, якъ кôлька сотень, а уже найбôльше кôлька тысячь мужа.

Отже въ такихъ случаяхъ не бывало тутъ такъ великого кровопролитія, якіи происходили на властивыхъ народныхъ вôйнахъ, где враждущіи съ собою народы ставили противъ себе по кôлькадесять тысячь, ба и по кôлька сотъ тысячь войска. Наши удѣльныи князѣ, одинъ якъ другій самъ для себе, такъ численныхъ войскъ николи не удержовали, а боролисъ межъ собою съ своими нечисленными дружинами; однакожь за тыхъ то ихъ межиусобицъ тогда лишь и была найбôльшая для Руси бѣда, если где-якіи изъ сихъ князей, увзявшись конечно поконати свого брата-противника, призывали собѣ до помочи сусѣдовъ, якъ то были при насъ гордыи Поляки, дикіи Половцѣ, потомъ Печенѣги и Татары. Тіи являлись у насъ за домашнихъ княжескихъ, часомъ малозначительныхъ борьбъ уже въ бôльшой силѣ, и они уже не щадили чужую собѣ землю, а нищили добытки и житье русскихъ людей безъ помилованья, и тогда домашніи межиусобицѣ перетворялись въ тяжкіи кровопролитныи войны. — Се и буде явственно изъ дальшихъ показаній нашой исторіи.

Мы же знаемъ уже изъ прежде сказанного, що Ярославъ Мудрый, умираючи, взывалъ до своихъ дѣтей изъ смертной постелѣ: „Любѣтся, дѣти, бо иначе загинете и погубите землю отцêвъ вашихъ!“ Не послухали дѣти слôвъ отца, и далѣй

сполнилось тое, що ôнъ предсказалъ. Съ хвилею роздѣла Руси межи сынôвъ Ярослава, начинаеся и неотрадная доля еи. Связь, яка должна была лучити братей взаимно, вскорѣ розстроилась; повага, яку долженъ былъ имѣти Великій Князь надъ другими удѣльными князями, скоро упала; не стало послуху для старшинъ, не стало и порядку, мира.

Заразъ по смерти отца почали спорити межь собою сыны, потомъ внуки, и рѣдко кто повиновался Великому Князю. Мало не каждый удѣльный князь роздѣлялъ удѣлы на своихъ сынôвъ и ôтбиралъ ихъ у другихъ, зъ чого повставали непорозумѣнья, сварнѣ и братніи кровавыи межиусобицѣ. Коли же который изъ князêвъ чувствовалъ себе за слабымъ, то, якъ сказано, наводилъ собѣ на помôчь чужіи дикіи орды, а тіи яко неукрощенная дичь, якъ саранча руйновали и пустошили святую нашу землю. Борьбы завзятыи: то о велико-княжій престолъ, то о поодинокіи удѣлы, пролитіе братской крови, безъустанныи дикіи наѣзды поганской дичи — вотъ намъ печальная картина, якая представляеся очамъ въ исторіи нашой по смерти Ярослава Мудрого. Посередъ такого неустройства стали упадати повага и значеніе великого княжества Кіевского, а тôлько ажь пôзднѣйше образовались на западѣ и на сѣверѣ окремыи бôльшіи княжества, якъ

то на сѣверѣ Суздальское, на западѣ Галицкое, который, получивши добрыхъ и мудрыхъ князей удѣльныхъ, прославились надъ другіи княжества и своею славою притьмили а съ часомъ усунули изъ виду величіе Кіева такъ, що вся лучшая жизнь Руси сосредоточалась въ Галичинѣ и Суздальщинѣ.

Мы рады бы молчаніемъ перейти періодъ мрачный и печальный, періодъ княжескихъ споро̂въ и межиусобицъ, якіи настали по смерти Ярослава, а желали бы чѣмъ-скорѣйше зновь росповѣдати о свѣтлѣйшихъ хвиляхъ нашои историчной жизни; однакъ для самои связи историчного розсказа необходимо по крайной мѣрѣ коротко вспомнути о той сумной намъ бывальщинѣ и поднести въ ней нѣкоторыи личности и событія, якіи являлись тогда яко свѣтлыи звѣзды середъ темной ночи.

Потомки Ярослава Мудрого.

Для лучшого перегляду исторіи нашой зъ тыхъ часо̂въ, подаемъ тутъ родословный списокъ сыно̂въ, внуко̂въ и дальшихъ потомко̂въ Ярослава Мудрого:

Родословная табеля
потомкôвъ Ярослава Мудрого,
як҃ъ они послѣдовали по собѣ, владѣючи въ розличныхъ княжествахъ Руси:

- Ярославъ Мудрый
  - Владиміръ;
    - Ростиславъ
      - Василько, Володарь
        - Владимірко
          - Ярославъ Осмомыслъ
  - Изяславъ I.;
    - Святополкъ
      - Изяславъ II., Волынскій
        - Мстиславъ
          - Романъ
            - Даніилъ, Галицкій
              - **Левъ** Галицкій
            - Василько
      - Ростиславъ Смоленскій
        - Мстиславъ
          - Мстиславъ Удалый
  - Святославъ;
    - Олегъ, Ярославъ
  - Всеволодъ;
    - Владиміръ Мономахъ
      - Мстиславъ,
      - Юрій Долгорукій
        - Андрей Боголюбскій,
          - Юрій
            - Александръ Невскій
              - Даніилъ Московскій
                - Иванъ Калита
        - Всеволодъ III.
          - Ярославъ
  - Вячеславъ;
  - Игорь.
    - Давидъ

Въ той то родословной табелѣ записаны суть поименно потомки Великого Князя Ярослава Мудрого, а то въ такôмъ порядку, що пôдъ его же именемъ зъ горы наведены суть прежде всего сыны его, пôдъ ними слѣдуютъ сыны его сынôвъ, т. е. внуки, дальше правнуки, пра-правнуки и т. д., ажь наконецъ та родословная заключаеся изъ одной стороны на князю Львѣ Галицкомъ, изъ другой на Иванѣ Калитѣ, Московско-Суздальскомъ. О тыхъ потомкахъ Ярослава Мудрого буде тутъ дальше въ исторіи нашой на своемъ мѣстци неразъ соотвѣтна згадка, а щобы знати родоводъ каждого изъ нихъ, належитъ читателю еи завертати неразъ до тои родословной таблички, которая тутъ повысше есть напечатана.

Великое Княжество Кіевское.

Г. 1054—1113.

Еще десять лѣтъ по смерти Ярослава Мудрого былъ на Руси миръ. Черезъ той часъ сидѣлъ спокôйно на велико-княжескомъ престолѣ найстаршій сынъ Ярослава Изяславъ, а молодшіи князѣ, которыи мали свои роздѣленныи межи нихъ княжества и ôтъ того назывались князями „удѣльными", повиновались найстаршому, т. е. Великому-Князю и жили съ собою въ згодѣ. Но по тыхъ 10 лѣтахъ мира и згоды роспочались сварнѣ

и борьбы межи братьми то о великокняжескій престолъ, то о поодинокіи удѣлы, и борьбы тіи заострювались щоразъ бôльше и нанесли много-премного горя Руси. Початокъ тыхъ братскихъ

Великій Князь Изяславъ.

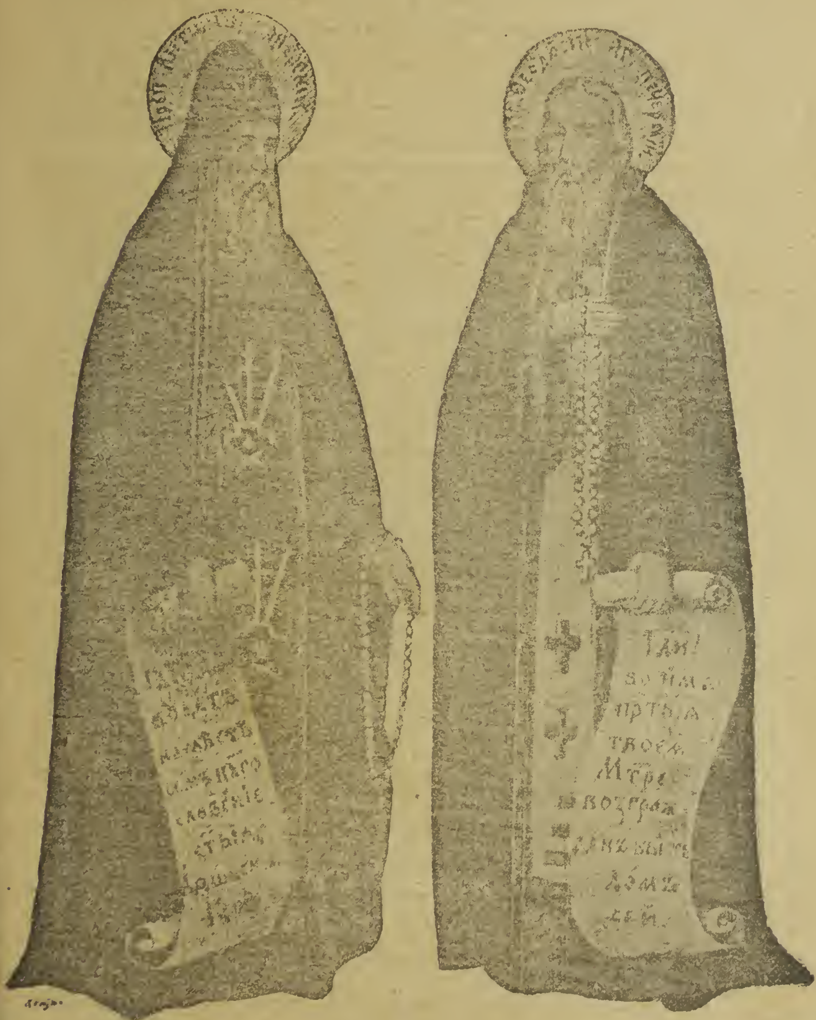
межиусобицъ былъ вотъ такій: Ростиславъ внукъ Ярослава Мудрого по сынѣ его Владимірѣ, якось при роздѣлѣ Руси оставленный безъ удѣла, напалъ на городъ Тмуторокань, выперь зъôттамъ Глѣба, внука Ярослава Мудрого по сынѣ его Святославѣ и завладѣлъ самъ тымже го-

родомъ. Отецъ Глѣба, Святославъ, вступился за сына и съ войскомъ своимъ прогналъ Ростислава изъ Тмуторокани и посадилъ тамъ назадъ свого сына. Но незадолго потомъ напалъ знову Ростиславъ на Глѣба и выгнавши его ôттуда, завладѣлъ въ Тмуторкани, тай въ окрестности. Такій то былъ початокъ того нещастья, где братъ возставалъ на брата съ оружіемъ, и они жестоко проливали рôдную кровь. Вскорѣ розъярился той братоубійственный огонь и въ самой серединѣ Руси. Самъ Великій Князь Изяславъ былъ два разы прогнаный изъ Кіевского престола: первый разъ ôтъ самыхъ же мѣщанъ за тое, що не хотѣлъ имъ дати оружія противъ Половцêвъ, и тогды то еще якось вернулъ Изяславъ до Кіева, введеный туда при помочи сродника свого, польского короля Болеслава Смѣлого; однакожь незадолго прогнали его и другій разъ зъ Кіева его братья Святославъ и Всеволодъ, изъ которыхъ первый, т. е. Святославъ, здѣлался Великимъ Княземъ. Въ-коротцѣ умеръ той Святославъ, а тогды засѣлъ Изяславъ по третій разъ на велико-княжескôмъ престолѣ. Братья Изяславъ и Всеволодъ помирились съ собою, ôтобрали сынамъ Святослава отцевскій удѣлъ и роздѣлили тойже межи своихъ дѣтей. Но за то сынъ Святослава Олегъ нанялъ Половцêвъ и поднялся на дядька свого

Всеволода, розбилъ его въ бою и самъ завладѣлъ Черниговомъ. За Всеволодомъ унялся Великій Князь Изяславъ и разомъ зъ сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, выступилъ на Олега. Прійшло до битвы коло Чернигова; Олегъ былъ тутъ побитый и принужденъ утѣкати, но изъ другой стороны палъ въ той битвѣ самъ Великій Князь Изяславъ.

За владѣнія В. Князя Изяслава жили въ Кіевѣ два пустинножителѣ, начальники русского монашества, Преподобныи Антоній и Өеодосій, Печерскіи Чудотворцы. Святый Антоній родомъ изъ Любеча коло Кіева, ходилъ до Греціи на Аөонскую гору, где былъ славный греческій монастырь, и тамъ ôнъ постригся въ монахи. Вернувши до отчины, устроилъ собѣ коло Кіева надъ Днѣпромъ печеру и тутъ провадилъ житье строго монашеское. Незадолго прійшолъ до него св. Өеодосій родомъ зъ Василькова, сынъ богатыхъ родителей, и постригся такожъ въ монахи. Оба они св. Антоній и Өеодосій, выкопали пространнѣйшіи подземныи печеры, устроили въ нихъ келіи и притягали до себе много людей изъ цѣлой Руси, которыи такожъ хотѣли вести подобную монашескую жизнь. То былъ початокъ русскихъ монахôвъ, которыи жили по уставу св. Василія, а которыи послѣ Василіянами назвалися. На горѣ коло тыхъ печеръ создана была вскорѣ вели-

колѣпная церковь, названа Лаврою, а славна еще до тѣхъ поръ на цѣлую Русь пôдъ именемъ Кіево-печерской Лавры. Тая



Препод. Антоній и Өеодосій Печерскіи.

то церковь Лавра была средоточіемъ, розсадникомъ всего просвѣщенія и книжнои науки на Руси. Зъ-ôтти розносили бла-

гочестивыи монахи вѣру Христову и просвѣщеніе во всѣ предѣли Руси. Въ тôмъ то Кіевопечерскôмъ монастырѣ жилъ въ тыхъ часахъ за Великого Князя Святополка нашъ найславнѣйшій русскій лѣ-

Лѣтописецъ Преп. Несторъ.

тописецъ, Преподобный Несторъ, що первый началъ писати Исторію Руси, изъ которой то и мы дознаемся, що у насъ дѣялось на земли русской ôтъ найдавнѣйшихъ часôвъ ажь до В. Князя Владиміра Мономаха. За того князя умеръ Преподобный Несторъ въ г. 1113. и дѣло,

нимъ начатое, т. е. лѣтопись Руси продолжали дальше Кіево-печерскіи монахи.

Но вернѣмъ мы до нашого розсказа о тôй несчастной добѣ княжескихъ межиусобицъ. По великôмъ Князю Изяславѣ наступилъ на велико-княжескôй пре-

Князь Святополкъ.

столъ братъ его Всеволодъ, а по кончинѣ того сынъ Изяслава и внукъ Ярослава Мудрого, Святополкъ. Часы того князя Святополка переполнены самыми межиусобыми борьбами; каждый молодшій князь где тôлько мôгъ, старался загорнути чужій удѣлъ и поставлялъ тамъ

своихъ дѣтей; выпертыи же князѣ звер-талися о помôчь куда лишь могли, а на-ходили ю найчастѣйше у дикихъ Полов-цêвъ, которыи, пришедши ôтъ Уральскихъ горъ, вмѣсто Печенѣгôвъ закочевали те-перь въ южно-восточныхъ степахъ Руси, и которыи своею дикостію, нелюдскими розбоями и грабежами сталися истиннымъ бичемъ для русскихъ земель. Въ тôмъ печальнôмъ часѣ за Святополка по-треба было доконче мужа, который бы зъумѣлъ погодити князей межь собою и такъ всѣ соединенныи ихъ силы оберну-ти на общого врага, на Половцêвъ. И въ самомъ дѣлѣ найшолся одинъ мужъ та-кій межь князями Руси, которому таки и удалось, хотя на короткій часъ, хотя въ части, довершити тое великое дѣло. А былъ нимъ именно сынъ Вел. Князя Всеволода, а внукъ Ярослава мудрого, Владиміръ Мономахъ. Сей князь изъ всѣхъ современныхъ князей наймудрѣй-шій, а при тôмъ хоробрый, великодушный, глубоко чувствовалъ тое горе, якое роз-далось по земли русскôй, и сердце его болѣло на видъ братского кровопролитія и бѣдствій народа русского, такъ ôтъ кня-князей якъ и ôтъ Половцêвъ походив-шихъ. Щобы затѣмъ такому несчастью положити конецъ, уговорилъ ôнъ всѣхъ князей, щобы зъѣхались въ городѣ Лю-бечи и установили мêжь собою якій луч-шій ладъ. Князѣ послухали Владиміра

Мономаха и въ г. 1097 собравшись въ Любечи, тутъ они згодилися на тое, щобы каждый изъ нихъ задержалъ отцêвскій своѝй удѣлъ а одинъ другого щобы не трогалъ но всѣ щобъ соединенными силами боронили русскую землю отъ общого врага, Половцêвъ. Всѣ князѣ согласились на тое, присягли доховати собѣ взаимно миръ, а на знакъ того цѣловали крестъ святый и оттакъ въ найлучшой згодѣ розъѣхались.

Здавалось, що бѣдѣ прійшолъ конецъ, що водворится миръ и що отживе по тыхъ борьбахъ истощенная Русь. Но где-тамъ! Торжественный союзъ, заприсяженый клятвою, таки вскорѣ нарушенъ былъ ужаснымъ способомъ, а то тыми же людьми, которыхъ первымъ обовязкомъ было стерегчи его, т. е. именно Великимъ Княземъ Святополкомъ и Волынскимъ Княземъ Давидомъ. А сталося то такъ: Василько князь Теребовельскій, повертаючи до Любеча вступилъ до Кіева поклонитися Кіевскимъ святынямъ, а вовсе не надѣючись, въ виду крестного цѣлованія, ніякого зла для себе. Былъ тутъ въ Кіевѣ и Владиміро-Волынскій Князь Давидъ и той оклеветалъ Василька передъ Вел. Княземъ Святополкомъ, а Святополкъ увѣривши клеветѣ нечестнôй велѣлъ сковати князя Василька въ оковы и выдалъ его Давиду. Слуги Давида, що везли Василька изъ Кіева въ Владиміръ-Волын-

скій, въ дорозѣ выкололи ему по приказу свого князя обѣ очи, а такъ ослѣплелого князя-братанка свого заключилъ Давидъ въ темницѣ. Другіи князѣ, узнавши о тôмъ мерзкôмъ поступку Святополка и Давида поднялись пôдъ проводомъ Владиміра Мономаха, щобы укарати клятвопреступникôвъ, и двигнулись на Кіевъ на Святополка. Но той хитрый князь звалилъ всю вину на Давида и поклялся самъ идти на него съ оружіемъ. И вотъ зновъ начались кровопролитія; Мономахъ съ князями ступалъ на Давида, а Василько съ братомъ Володаремъ изъ своей стороны мстились на Давидѣ и Святополку. Ôттакъ розгорѣла межи князями братская борьба, а съ нею зновъ ишло розоренiе Руси, истребленiе народа. Скончилось однакъ на тôмъ, що вскорѣ князѣ постановили за кару ôтобрати Давиду его княжество Владимірское а оставили ему лишь кôлька меньшихъ городôвъ.

Межи тѣмъ не уставали бѣдствія ôтъ Половцêвъ; тіи вдирались теперь знову въ русскіи землѣ, палили, нищили и опустошали цѣлую окрестность, где лишь станула ихъ стопа. Никого тое такъ не болѣло, якъ благородного князя Мономаха; ôнъ то сталъ намовляти всѣхъ князей, щобы не дали такъ запропащовати своей отчины, щобы разомъ получились и прогнали дикого врага. И удалось Мономаху зновъ соединити всѣхъ князей и войска

ихъ, и повести ихъ на Половцêвъ. Въ г. 1111 полученыи русскіи войска стерлись зъ дикими Половецкими ордами, розбили ихъ совершенно, прогнали за границѣ русскихъ земель и освободили Русь на долгій часъ ôтъ ихъ напастей. Въ г. 1113 умеръ Святополкъ, той то Великій Князь, который вмѣсто быти отцемъ Руси, отцемъ молодшимъ князямъ, былъ ихъ томителемъ, нарушителемъ ихъ згоды. Кромѣ розличныхъ бѣдствій, якіи долегали отчинѣ нашой за сего князя, не можна не згадати тутъ еще и о томъ, що за его правленія явились у насъ въ первый разъ жиды.

По смерти Святополка сталъ Великимъ Княземъ въ Кіевѣ, за згодою всѣхъ князей и на общое желаніе народа, умный, достойный и славный своими подвигами князь Владиміръ Мономахъ.

Владиміръ Мономахъ.

Г. 1113 –1125.

За владѣнія того князя на Руси, вернули счастливыи и мирныи часы Ярослава Мудрого. А былъ же той князь Владиміръ Мономахъ по истинѣ яко бы самъ Ярославъ Мудрый. Внукъ тогожь Ярослава по сыну его Всеволодѣ и нареченъ затѣмъ по старому обычаю Руси по отцу Всеволодовичемъ, ôнъ уже зъ самой юности получилъ еще и другое почетное

названіе а то по своей матери Еленѣ, которая была донькою славного греческого Царя Константина Мономаха. А такъ якъ тое греческое нареченіе „Мономахъ“ означае по нашому „Единоборецъ“, т. е.

Князь Владиміръ Мономахъ.

яко-бы богатырь который самъ одинъ въ силѣ боротися за многихъ, и такъ якъ князь сей Владиміръ Всеволодовичъ ôтъ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался надъ всѣхъ князей великими богатырскими свойствами такого Мономаха, то и цѣлая Русь называла его для бôльшой почести

всегда своимъ Мономахомъ, яко-бы уважаючи его тымъ единымъ борцемъ-богатыремъ, що силою свого ума зможе постояти за благо всѣхъ, такъ князей, якъ и народа Руси.

И поправдѣ то, якъ лишь сталъ Мономахъ Великимъ Княземъ Руси, внутренніи межиусобицѣ сейчасъ устали; удѣльныи князѣ не смѣли зачинати борьбъ, всѣ слухали Мономаха яко отца, а если который починалъ сварню, то и сейчасъ усмирялъ его Мономахъ. Но внѣшніи вороги, якъ Половцѣ и Поляки, не напастовали нашихъ земель, а миръ и тишина водворились на Руси и тревали черезъ 12 лѣтъ, т. е. до смерти Мономаха до г. 1125. Одаренъ самыми добрыми свойствами ума и сердця, Великій Князь Владиміръ Мономахъ былъ въ самомъ дѣлѣ отцемъ такъ княжеской родины, якъ и всего народа. Своимъ примѣромъ поучалъ ôнъ князей, якъ въ мирѣ и любви должны жити они межи собою, якъ благородно и справедливо должны поступати съ своимъ народомъ и якъ старатись лишь о его добро. Яко умный высоко образованый мужъ, Вел. Князь Владиміръ Мономахъ списалъ свои прекрасныи чувствованія и мысли въ одной книжцѣ, котора и до нынѣ извѣстна пôдъ названіемъ „Поученіе духовное Мономаха своимъ дѣтямъ“. Въ той книжцѣ описалъ нашъ В. Князь Мономахъ исторію своей жизни,

свои дѣла и свои занятія, а потомъ подалъ дѣтямъ своимъ завѣтное поученіе, якъ имъ въ житью вестися належитъ. Особенно же ôнъ упоминае ихъ тутъ, щобы брали въ оборону вдôвъ и сирôтъ и слабыхъ передъ сильными; щобы шановали гостя; поручае имъ посѣщати хорыхъ, а мертвыхъ честно погребати; витати каждого человѣка добрымъ словомъ, любити своихъ женъ, почитати старшихъ, духовныхъ просити о благословеніе, не начинати ніякого дѣла безъ Бога, посѣщати церковь, а на Господа во всемъ надѣю покладати. Такое то поученіе оставилъ Владиміръ Мономахъ дѣтямъ своимъ, а изъ того уже видимъ, якъ высоко стоялъ сей Князь пôдъ взглядомъ нравственности, якъ благородна, честна и праведна то была душа.

Всѣ же лѣта правленія доброго того князя, то рядъ самыхъ добрыхъ дѣлъ къ поднесенью народного благобыта, въ чêмъ и примѣромъ и душею былъ ôнъ самъ, Великій Князь Мономахъ. За его правленія возносились новыи, живописею украшеныи церкви и монастыри, созидались городы, якъ славный Владиміръ надъ рѣкою Клязмою, строились мосты, дороги и прч. Той Великій Князь, яко законодатель, змѣнилъ и дополнилъ сборникъ законôвъ „Русскую Правду“, помагалъ поднесенію русской словесности и много инного добра здѣлалъ для народа. Жаль,

що не долго княжилъ ôнъ на велико-княжескôмъ престолѣ яко отецъ Руси, бо только 12 лѣтъ. Въ 72 роцѣ жизни въ г. 1125 ôнъ упокоился, а тѣло его понесли сыны и бояре до церкви св. Софіи въ Кіевѣ, где оное похоронили. Великодушіе князя сего, ревная дѣятельность и прозорный умъ поставили его дуже высоко въ очахъ современныхъ и осѣнили славою въ памяти потомства.

Ледви тôлько не стало на Руси Мономаха, а не стало уже и ладу и мира, и вернули зновъ давнѣйшіи бѣдствія: неукротимыи сварнѣ и борьбы межь удѣльными князями. Цѣлая русская земля была тогды подѣлена межи три поколѣня зъ роду Ярослава Мудрого. Одно поколѣнье то были сыны Владиміра Мономаха, званыи Мономаховичи, другое внуки Святослава Ярославича а сыны князя Олега, званыи Олеговичи, а третье поколѣнье внуки Ростислава, внука Ярослава Мудрого, званыи Ростиславичи. Тіи послѣдніи обладали землями на Червоной Руси, и ихъ исторію, яко насъ найблизше обходящую, розскажемъ подробнѣйше въ окремомъ роздѣлѣ, а теперь поглянемъ еще, що дальше дѣялось въ тѣхъ земляхъ где владѣли

Мономаховичи и Ольговичи.

Якъ сказано было выше, розгорѣлась по смерти Мономаха на ново братская

борьба и то начали спорити межи собою Мономаховичи съ Ольговичами о велико-княжескій престолъ. Середъ тѣхъ межи-усобиць переходилъ Кіевъ зъ рукъ до рукъ, ажь поки не зôйшолъ изъ степени первопрестольного города.

В. Князь Ярополкъ.

По Мономаху былъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ сынъ его Мстиславъ, который еще досыть спокойно княжилъ. По его смерти засѣлъ на велико-княжескомъ престолѣ братъ его Ярополкъ, и за него то начались оныи борьбы двохъ поколѣній Ольговичей и Мономаховичей.

Ольговичи выступили съ своими правами до Кіева и росправлялись желѣзомъ, но Ярополкъ удержался счастливо на своемъ престолѣ до самой смерти. По немъ сталъ Великимъ Княземъ братъ его Вячеславъ, но его вскорѣ выперъ зъ престола Всеволодъ Ольговичъ. Однакъ за Всеволода зачало уже упадати значенье великого княжества Кіевского, а то зъ той причины, що середъ безъустанныхъ внутреннихъ борьбъ, вылонились у границь княжества Кіевского два другіи Княжества, которыи могуществомъ своимъ присьмили Кіевъ и въ конци отняли ему начальственное значенье и поставили его въ рядъ обыкновенныхъ меньшихъ удѣльныхъ Княжествъ. И такъ на западѣ розвинулось сильное и славное Княжество Галицкое, которое теперь за князя свого Владимірка было майже самостоятельнымъ и на Кіевъ не оглядалось. На сѣверѣ зновь сынъ Мономаха Юрій, названый Долгорукимъ, основалъ великое и могущое княжество Суздальское, и той усмотрювалъ тôлько случайности, щобы и Кіевъ прилучити до свого княжества. Маючи такихъ двохъ могучихъ соперникôвъ, не дивно, що потри нихъ Великіи Князѣ Кіевскіи уже мало що значили и тôлько якъ-такъ держались на своемъ престолѣ. По Всеволодѣ Ольговичу призвали Кіевляне собѣ на князя зновь Мономаховича, и то внука

Мономаха, именемъ Изяслава. Ольговичи же вступились за братомъ своимъ Игоремъ и хотѣли его посадити въ Кіевѣ; такъ и зновь началась межиусобиця. Изяславъ, при помочи дядька свого Вячеслава,

Князь Изяславъ.

удержался въ Кіевѣ до смерти. По немъ здѣлался Великимъ Княземъ Кіевскимъ Юрій Долгорукій и былъ такимъ тôлько два лѣта. По его смерти въ-коротцѣ Кіевъ утратилъ значенье велико-княжеского престольного города. Сынъ Юрія, князь Суздальскій Андрей Боголюб-

скій, не добивался уже того престола, но самъ коло себе на сѣверѣ Руси лучилъ удѣльныхъ князей и принялъ названіе Великого Князя Суздальского, и сидѣлъ въ престольномъ своемъ городѣ Владимірѣ надъ Клязмою. Тутъ имѣлъ ôнъ уже такъ великую власть и повагу, що по своей волѣ установлялъ или проганялъ Великихъ Князей Кіевскихъ, то Мономаховичей, то Ольговичей, ажь въ г. 1169 поднялся самъ съ войскомъ на Кіевъ, взялъ его приступомъ, розорилъ, и такъ положивши конецъ великому княжеству Кіевскому, здѣлалъ изъ него удѣльное, собѣ подчиненное княжество. Мѣстце великого княжества Кіевского заняло теперь великое княжество Суздальское, которое сталось початкомъ и средоточіемъ одной великой русской державы на сѣверѣ и востоцѣ.

ЧАСТЬ II.

Русь Галицкая или Червоная Русь.

(До первого напада Татаръ).

Въ самыхъ початкахъ Руси розмѣстились надъ рѣками Сяномъ и Днѣстромъ въ горахъ Карпатахъ племена славянскіи, званыи Хорватами или Хробатами, которыи уже за Олега Вѣщого становили часть княжества Кіевско-Русского. Западная часть тои области, яко сусѣдная Польщи, знаная въ исторіи такожь пôдъ именемъ Червенскихъ городôвъ, переходила неразъ пôдъ владѣніе Польщи, но за Владиміра Великого, а окончательно за Ярослава Мудрого присоединена назадъ до Руси, образовалась въ удѣльное княжество Перемышльское. Восточная же часть тои области составляла княжество Галицкое, перетворившоеся потомъ вразъ съ Перемышлемъ въ Королевство Галицко-Володимірское, которое уже отдѣльно управлялось и стало самостоятельнымъ отъ Великихъ Князей Кіевскихъ, а потомъ Суздальскихъ независимымъ. Поневажь насъ, яко жителей тои части Руси, найбôльше обходитъ ей исторія, тому, будемъ старатись въ дальшомъ повѣтствованіи толковати бôльше всего про исторію Галицкой Руси, а про исторію другихъ княжествъ згадовати будемъ о стôлько, о скôлько намъ тое для ясности цѣлой Исторіи необходимо покажеся.

Ростиславичи.

Якъ намъ уже извѣстно, остался Ростиславъ, внукъ Ярослава Мудрого, при смерти дѣда своего безъ нiякого удѣла;

Князь Ростиславъ.

для того бѣжалъ ôнъ въ Тмуторокань и завладѣлъ тою областiю. Въ г. 1065. умеръ той Ростиславъ, отроеный черезъ одного греческого посла; но ôнъ оставилъ по собѣ трехъ сынôвъ: Рюрика, Володаря и

Василька. Сыны тіи Ростислава *) получили вправдѣ по смерти отца на удѣлъ княжество Волынско-Владимірское, но не долго удержались въ немъ, бо Великій Князь Всеволодъ (отецъ Мономаха) посадилъ тамъ Ярополка, братанця своего по Изяславѣ, а Ростиславичи должны были усунутись на западъ, где обняли въ посѣданье городы Червенскіи. Ôтъ теперь то осѣли Ростиславичи постоянно въ Перемышли и основали въ г. 1078:

Княжество Перемышльское и Теребовельское,

въ которомъ княжила родина Ростиславичей ажъ до свого вымертья неперерывно. Яко первый князь Перемышльскій являеся найстаршій изъ Ростиславичей Рюрикъ (умеръ 1092 г.). За его то владѣнья выѣхалъ разъ князь Володимірскій

---

*) Тутъ наводимъ родословную табелю Ростислава, который былъ внукомъ Ярослава Мудрого ôтъ найстаршого сына его, Владиміра:

Ростиславъ † 1065.

- Рюрикъ † 1092
- Володарь † 1124
  - Ростиславъ, † 1126
    - Іоаннъ Берладникъ † 1161
      - Ростиславъ † 1189
  - Владимірко † 1153
    - Ярославъ Осмомыслъ † 1187
      - Владиміръ, † 1198
      - Олегъ † 1187
- Василько † 1124
  - Іоаннъ, † 1141
  - Григорій † 1126

Ярополкъ, здаеся въ гостѣ до Ростиславичей, бо ѣхалъ спокôйно въ повозцѣ; на дорозѣ одинъ изъ дружины его именемъ Нерадецъ, вытягнулъ ненадѣянно мечъ и пробилъ нимъ князя, а самъ утѣкъ до Перемышля и тутъ скрылся. Зъ тои причины подозрѣвали князѣ, що въ убійствѣ томъ была и рука Рюрика и выбрались тому съ войскомъ на Рюрика. Якъ кончилась тая выправа, історія не упоминае, а тôлько знаемъ то, що по Ярополку получилъ княжество Владимірское Давидъ Игоревичъ, а убійство Ярополка оказалось въ послѣдствіяхъ сумнымъ для Ростиславичей.

Володарь и Василько (1092—1124)

Въ роцѣ 1092. умеръ Рюрикъ, а оставшіи два братья его подѣлились княжествомъ Перемышльскимъ такъ, що Володарь сталъ княземъ въ Перемышли, а Василькови дôсталась Теребовля, где ôнъ и основалъ княжество Теребовельское. За стараньемъ Владиміра Мономаха собрались всѣ князѣ на зъѣздъ въ Любечи 1097. г. На зъѣздѣ тôмъ явились Володарь и Василько, и тамъ они за согласіемъ всѣхъ князей были утверждены въ своихъ удѣлахъ и цѣловали вразъ со всѣми другими князями св. крестъ, присягаючи, що будутъ сохраняти миръ и згоду. Якъ доховали князѣ заприсяженый

миръ, тое уже знаемъ, а также знаемъ и то, яка то несчастная доля постигла по тôмъ Любечскôмъ зъѣздѣ князя Василька Теребовельского. Его то оклеветалъ былъ князь Давидъ Володимірскій передъ княземъ Святополкомъ, що будьто ôнъ

Князь Володарь.

(Василько) убилъ Ярополка и теперь настае на житье Великого Князя. Случайно заѣхалъ Василько въ Кіевъ, Святополкъ увязнилъ его и ôтдалъ его въ руки Давида а слуги Давида за его подущеньемъ выкололи несчастному очи въ Бѣлгородѣ, куда его изъ Кіева скованого повезли.

Тое злочинство, якъ сказано было высше, обурило доокрестныхъ князêвъ на Давида и на Святополка, а затѣмъ то вскорѣ по крестномъ цѣлованiи въ Любечи поднялась межь князями нова завзятая межиусобиця.

Князь Владимiръ Мономахъ и другiи князѣ, якъ лишь учули о тôмъ лукавôмъ поступку, собрались съ войсками и пустились напередъ на Святополка. а коли той звалилъ всю вину на Давида и самъ поклялся идти на него съ местiю, тогды двинулись князѣ на Владимiръ Волынскiй, где княжилъ Давидъ. Настрашенный Давидъ началъ просити Василька, сидѣвшого у него въ темницѣ, щобы ôнъ повздержалъ Мономаха ôтъ нападу и борьбы, и здаеся, Давидъ допнялъ своей цѣли. Но помимо того таки не пустилъ ôнъ Василька изъ темницѣ, а еще и напалъ на землю его враждебно. Коло городка Буска стрѣтился ôнъ однакъ съ мстителемъ за Василька, съ братомъ его Володаремъ Перемышльскимъ, а притѣсненый выпустилъ Василька на волю. Другого року оба братья тяжко а тяжко ôтплатили ему за всѣ его лиходѣйства. Также и Кiевскiй Великiй Князь Святополкъ выступилъ на Давида съ великимъ войскомъ, прогналъ его зъ Волынского княжества и посадилъ тамъ сына свого Мстислава. Давидъ утѣкъ до Польщи. Великiй Князь Святополкъ вмѣсто того, щобы вернути

въ свояси, захотѣлъ еще завладѣти областями Ростиславичей. Тое однакъ ему не удалось, бо братья Володарь и Василько со св. крестомъ въ руцѣ выйшли противъ него, а по завзятой битвѣ прогнали его за границѣ своего княжества.

Святополкъ, хотя пораженный на голову, таки все промышлялъ, якъ бы то ôтмстити Ростиславичамъ, та выслалъ другого сына свого Ярославца до угорского короля Коломана просити его о помôчь противъ Володаря. Коломанъ не долго дался просити, а таки сейчасъ выбрался съ тысячными полками на Перемышль и розложился пôдъ Перемышлемъ по правôмъ березѣ рѣки Вѣгора. Володаркови и княжеству его Перемышльскому угрожала великая опаснôсть, и ôнъ то въ такôй бѣдѣ помирился уже и съ завзятымъ своимъ врагомъ Давидомъ, завыслалъ того до Половцêвъ, а самъ заперся въ Перемышли. Угры почали нападати на обсаженый го́родъ. но на счастье Володаря, Давидъ гдесь недалеко найшолъ хана Половецкого Боняка и съ его отрядами спѣшилъ на помôчь Перемышлеви. Дикая орда Половцêвъ кинулась на Угрôвъ изъ востока, Володарь въ самъ той часъ выскочилъ изъ свого города, и такъ соединенныи войска взяли ворога на два боки, та и розбили его на-прахъ. Множество Угрôвъ потопилося въ Вѣгорѣ и Сянѣ, а прочіи съ королемъ

своимъ Коломаномъ ледви змогли спастися бѣгствомъ. — Тою то блистательною побѣдою выборолъ собѣ Володарь на долгое время миръ.

Союзникъ Володаря зъ послѣдной битвы, Давидъ, устремился по пораженіи Угрôвъ на Волынь добылъ собѣ вправдѣ назадъ княжество Волынское, но незадолго старшіи въ родѣ князѣ, собравшіися на одинъ зъѣздъ, ôтняли ему тое княжество въ наказаніе за ослѣпленіе князя Василька, а ôтдали его сыну Святополка Ярославцу. Но и той не долго тамъ усидѣлъ. Покоренный Ярославецъ Мономахомъ бѣжалъ до сродникôвъ въ Польщу, а на престолѣ Владимірско-Волынскôмъ засѣлъ сынъ Мономаха Романъ; по смерти того же другій сынъ Мономаха Андрей.

Межи тѣмъ Ростиславичи укрѣпили свое Перемышльское княжество и утвердились въ немъ такъ, що никто уже не посмѣлъ ихъ въ владѣніи непокоити.

Лишь съ сусѣдною Польщою приходило Володарю неразъ еще розправлятись, а звычайно давался ôнъ Польщѣ добре въ знаки. Поляки озлобленныи хотѣли доконче достати Володаря въ свои руки, и въ самомъ дѣлѣ удалось имъ дѣло то пôдступнымъ способомъ. Якійсь бо хитрый вельможа польскій Петръ нанялся былъ въ службу до Володаря ѣздилъ съ нимъ часто въ лѣсы на ловы и

одного разу схватилъ его несподѣвано съ своими людьми, связалъ и отвêзъ въ Польщу. Сыны Володаря и Василько, братъ его, мусѣли дати Полякамъ 2000 гривенъ серебра, щобы схваченого такимъ подступомъ отца и брата выкупити. Въ роцѣ 1124. умерли оба наши честныи князѣ, Володарь и Василько, оставляючи своимъ наслѣдникамъ убезпеченое право наслѣдія въ областяхъ Перемышля и Теребовли.

Княжество Галицкое.

Князь Владимірко (1124—1153.)

Князь Володарь оставилъ двохъ сынôвъ: Ростислава и Владимірка. Они подѣлились межи собою Перемышльскимъ княжествомъ такъ, що Ростиславъ взялъ Перемышль, а Владимірко Звенигородъ. Сыны ослѣпленного Василька, Іоаннъ и Григорій владѣли въ Теребовли.

Сыны Володаря незадолго поперечились, выступили противъ себе съ оружіемъ, но въ-коротцѣ умеръ одинъ изъ нихъ, именно старшій Ростиславъ. Тогда братъ его Владимірко загорнулъ его область, а сынови его Ивану, званому Берладникомъ ôтступилъ где-якіи городы надъ устями Дуная, куда тая область его тогды ростягалася. Пôзднѣйше поумирали и князѣ Теребовельскіи, а Вла

димірко прилучилъ ихъ удѣлъ до княжества Перемышльского, перенѣсся зъ Перемышля до Галича, и далъ початокъ сильному и державному Княжеству Галицкому, и назвалъ себе Княземъ Га-

Князь Владимірко.

лицкимъ. Владимірко. князь мудрый и мужественный, владѣлъ въ нашихъ Галицкихъ земляхъ 29 лѣтъ, и черезъ той часъ здѣлалъ ôнъ тое свое княжество такъ славнымъ и могущимъ, що всѣ прочіи русскіи князѣ, якъ коли съ нимъ заспорили, не могли и соединенными сво-

ими войсками его одолѣти и призывали еще на него Полякôвъ, Угрôвъ и Половцêвъ. Опытный въ искуствѣ военнôмъ князь Владимірко подвизался всегда въ розличныхъ походахъ то въ своей справѣ, то въ справѣ другихъ князей, а будучи къ тому и прозорливымъ, старался ôнъ достигнути цѣли, где не можно было силою тамъ хитростію. Онъ вмѣшивался въ споры сусѣдъ своихъ, мирилъ спорящихъ, мстилъ обиды, и такою дѣятельностію розпространилъ границѣ своей державы, та пôднêсъ ю до такои высоты, що она имѣла ôтъ теперь переважное значенье и вліяніе въ всѣхъ русскихъ справахъ. Сверхъ того, яко человѣкъ благочестивый, ôнъ отдавался богомолію, защищалъ людей праведныхъ и богобоязненныхъ, а безбожныхъ и неправедныхъ укрощалъ всегда и строго наказывалъ. Такая то была и цѣлая жизнь Владимірка. — Приведемъ тутъ важнѣйшіи изъ его подвигôвъ военныхъ. Недолго по смерти отца случилась ему добрая способность ôтмстити на Полякахъ за кривду, якую они нанесли его отцу Володарю. Одинъ изъ вельможь польскихъ именемъ Венгерецъ, управляющій польскимъ городомъ Вислицею, згодился тайно ôтдати Владимірковн той городъ за певную нагороду. Владимірко скорыстялъ изъ того, выправился съ войскомъ своимъ въ границѣ Польщи, переправился черезъ рѣку Ви-

слу, быстрымъ походомъ достигъ до города Гислицы, занялъ его, опустошилъ цѣлую область и набравши множество добычи и плѣнникôвъ, повернулъ въ Галичъ.

Три разы боролся Владимірко съ Великими князями Кіевскими. Первый разъ розходилось имъ о обсадженье княжества Волынского. Вел. Князь Всеволодъ посадилъ тамъ сына свого Святополка. Владимірковы было не на руку имѣти сусѣда Ольговича и тому объявилъ ôнъ Великому Князеви вôйну. Вел. Князь собралъ на Владимірка всѣхъ князей, призвалъ еще и Поляковъ и Половцêвъ, и съ такою громадною силою двинулся въ походъ. Конецъ былъ такій, що Владимірко, оточеный непріятелями изъ всѣхъ сторонъ, помирился съ великимъ Княземъ, заплативши ему 1400 гривенъ серебра.

Утомленый тою неудачною вôйною, Владимірко хотѣлъ троха ôтпочати и удался на ловы. Въ тôмъ часѣ поднесли Галичане противъ него мятежь (бунтъ) и призвали на княжій престолъ братанця его Ивана Берладника, который сейже часъ и явился въ Галичи. Дознавшись о тôмъ Владимірко, помчалъ съ вѣрною дружиною пôдъ Галичь и осадилъ той городъ. Три недѣлѣ тревала осада, а въконецъ по завзятôй битвѣ бѣжалъ Берладникъ, а Владимірко занялъ городъ и

укаралъ строго бунтовщикôвъ. То былъ первый случай, где мѣщане и бояре-вельможи бунтовались противъ свого князя. Пôзднѣйше увидимъ мы еще не разъ, якъ тіи самовольныи люди измѣняли княжескому роду, старались обмежити власть князей и такимъ способомъ наносили они своей отчинѣ много бѣдствій и смутъ.

Незадолго прійшло Владиміркови другій разъ воевати зъ Великимъ княземъ Всеволодомъ, а то, зъ тои причины: Прогнаный зъ Галича Иванъ Берладникъ убѣгъ до Кіева пôдъ защиту Великого Князя. Владимірко, огорченый тымъ, що Вел. Князь принялъ Берладника, ворвался въ его землѣ и взялъ ему городъ Прилуки. Вел. Князь Всеволодъ собраль другій разъ всѣхъ князей, призвалъ Половцêвъ и Полякôвъ, двинулся на Владимірка и осадилъ городъ его Звенигородъ. Звенигородцѣ, пôдъ проводомъ воеводы Халдѣева, боронились крѣпко и не хотѣли пôддатись, а Вел. Князь видячи, що всѣ его усилія суть даремны, ôтступилъ отъ Звенигорода, вернулся въ Кіевъ и ôттакъ еще съ бôльшими силами собирался ударити на Владимірка. Но смерть перешкодила ему въ тôмъ.

По смерти Вел. Князя Всеволода, повстала немалая борьба о престолъ Кіевскій межи двома князями зъ роду Мономаха, а то межи Изяславомъ и Юріемъ Суздальскимъ. Самъ Владимірко зъ по-

чатку не мѣшался до тыхъ борьбъ; но коли узрѣлъ, що безпорядки на Руси перейшли всякое ожиданіе, тогда постановилъ ôнъ привести ладъ, выбрался съ войскомъ на востокъ и взявши сторону Юрія Суздальского, поставилъ его Вел. Княземъ въ Кіевѣ, а самъ помолившись въ церквахъ Кіевскихъ, вернулся домôвъ. Пôзднѣйше удалось Изяславу прогнати Юрія зъ Кіева и самому осѣсти на престолѣ Кіевскомъ, и тогды то ôнъ постановилъ помститись на Владимірку. Призвавши Угрôвъ и ихъ короля Гейзу и дикихъ Чорныхъ Клубокôвъ, Изяславъ пôдступилъ съ ними пôдъ Перемышль. Владимірко стоялъ таборомъ въ кутѣ межи Сяномъ и Вѣгоромъ. На другій день по Недѣли Воскресенія Христового кинулись Угры съ русскими войсками въ брôдъ черезъ Сянъ, розбили дружину Владимірка такъ, що ôнъ принужденъ былъ скрытись за окопами Перемышля. Союзныи войска русскіи и угорскіи пôдступили теперь ажь пôдъ самыи стѣны укрѣпленного Перемышля. Владимірко найшолся въ безвыходномъ положеніи ибо вести дальше отчаянную борьбу противъ такъ великанской силы, казалось немыслимымъ. Для того Владимірко, передумавши цѣлую нôчь, якую бы тутъ раду взяти, пустился на хитрости: ôнъ притворился, що будьто раненъ въ битвѣ и лежить на смертельной постели, а ме-

жи тôмъ выслалъ пословъ до короля угорского и просилъ о прощеніе для себе и о защиту передъ Изяславомъ. Просьбы пословъ и подкупленыхъ угорскихъ воеводовъ повліяли на короля до такой степени, що той, мимо представленій и напора изъ стороны Изяслава, не хотѣлъ добывати Перемышля, но ôтступилъ съ своими отрядами, Изяслава же умирилъ Владимірко обѣтницею, що зверне ему забраныи недавно городы Бускъ и другіи, и що буде теперь всегда союзникомъ его. Такимъ способомъ спасъ Владимірко себе и свое княжество ôтъ неминуемой великой бѣды.

Незадолго послѣ того умеръ Владимірко нагло. Коли повертали разъ зъ церкви по вечерни пораженъ ударомъ крови, палъ неживый на замку (въ р. 1153). Былъ то князь надзвычайно живого и неспокойного духа, а понеже при тôмъ цѣлымъ сердцемъ дбалъ о добро и благобытъ народа, то и былъ ôнъ дуже любленъ и высоко почитанъ на всей Руси. По его смерти засѣлъ на Галицкомъ престолѣ сынъ его

Ярославъ Осмомыслъ.

г. 1153—1187.

Уже самое названіе того князя „Осмомысломъ“ показуе, що мудрое и славное было его правленіе. И въ самомъ дѣлѣ совершенно оправдалъ той князь Яро-

славъ данное ему народомъ названіе, которое показуе, що уважали его яко-бы одаренного бôльшимъ числомъ змыслôвъ, чѣмъ ихъ маютъ звыклыи люди. По истинѣ бо имѣлъ той князь Ярославъ всѣ добродѣтели, якихъ требуеся ôтъ доброго

Князь Ярославъ Осмомыслъ.

и мудрого правителя державы, и не гонилъ ôнъ за добычами военными, не добывалъ земель, бо и самъ уже великую державу по отцу наслѣдилъ, но ôнъ промышлялъ о благосостоянiи свого народа, о поднесенiи земледѣлія и торговлѣ, тѣхъ головныхъ условій добробыта народного,

любилъ тишину, а воевалъ лишь тогды, якъ того было необходимо потреба, однакъ и въ такихъ случаяхъ ôнъ, жалѣючи русской крови своихъ подвластныхъ, нанималъ собѣ чужіи полки. Однимъ словомъ, былъ то найзнаменитшій князь свого времени, славимый ôтъ свого народа и также ôтъ чужихъ за свои добродѣтели и прехорошіи свойства души.

Якъ тôлько вступилъ той князь Ярославъ на престолъ свого отца, постановилъ ôнъ собѣ твердо, избѣгати военныхъ подвигôвъ, а пôдъ благодатію мира занятись добрымъ внутреннимъ устройствомъ свого княжества. Въ той цѣли намѣрялъ ôнъ звернути Вел. Князю Изяславу городъ Бускъ и другіи, которыхъ его отецъ, мимо обѣтницѣ даной пôдъ Перемышлемъ, не былъ звернулъ. Однакожъ Галицкіи бояре его спротивились тому намѣренью, и вслѣдствіе того принужденъ былъ Ярославъ радъ-нерадъ приняти вызовъ Вел. Князя и готовитись до военного похода. В. Князь Изяславъ собралъ многочисленное войско и двинулся на Галичъ. Ярославъ изъ своей стороны, не далъ ся завстыдати своими полками галицкими и выйшолъ противъ неприятеля. Оба войска стрѣтились надъ Серетомъ коло Теребовлѣ, и коли мала начатись битва, тогды Галицкіи бояре, вѣрныи дружинники князя, обавляючись, щобы Ярославу въ той неровной битвѣ не приключилось якое

лихо, сказали до него: „Мы хочемъ головы наши зложити за честь твого отца, но ты, княже, молодый и одинъ у насъ: и еслибы тобѣ що злого учинилось, що мы будемъ дѣяти? Уѣдь затѣмъ ôттуда на безпечное мѣстце, а мы самы будемъ за тебе битись!“ Князь уступилъ, и сейчась началась завзятая битва и тревала до вечера. Обѣ стороны держались крѣпко и не поддавались, ажь въ-конецъ на одномъ крылѣ побѣдили Галичане, а на другôмъ Вел. Князь Изяславъ. Галичане забрали много плѣнникôвъ, а Изяславъ плѣнилъ зновь богато Галичанъ, та и обôйшолся съ ними страшенно дико, бо въ ночи велѣлъ ихъ майже всѣхъ вырѣзати, а самъ видячи, що бôльшая часть его войска розсыпалась, вернулъ чѣмъ-скорѣйше въ Кіевъ

Пôзднѣйше высылалъ еще Ярославъ свои стройныи полки будь въ помощь союзникамъ своимъ, будь для общого блага Руси на дикихъ Половцêвъ, но самъ лично ôнъ не глядалъ славы военной, а промышлялъ тôлько о тôмъ, щобы пôднести свою Галицкую Русь до цвитущого состоянія въ каждомъ взглядѣ. За его владѣнья не смѣлъ никто изъ сусѣдôвъ ни Поляки, ни Угры, нападати на нашъ край и черезъ то розвивались спокойно земледѣліе и торговля, водворялись межи народомъ счастье и гараздъ.

Славою и добробытомъ наслаждалась Русь наша пôдъ мудрымъ правленіемъ Ярослава Осмомысла. Самъ однакъ не зазналъ ôнъ щастья въ своихъ родинныхъ отношеніяхъ. Онъ былъ женатый съ Ольгою, донькою князя Суздальского Юрія, и имѣлъ ôтъ той сына Владиміра; но житье его съ тою женою не было счастливе. Послѣдуючи якось-то влеченію сердца свого, жилъ ôнъ въ Галичи съ любовницею Анастасіею зъ роду Чарговыхъ, съ которою имѣлъ сына Олега. Черезъ тую то Анастасію мала еи родина великое вліяніе на княжескôмъ дворѣ, на що зновь негодовали буйныи Галицкіи бояре. Княгиня Ольга зъ горя и досады оставила Галичъ и уѣхала въ Польщу, а въ самомъ Галичи повсталъ межи боярами на князя бунтъ. Недовольныи вынесеніемъ родины Чарговыхъ зъимили бояре Анастасію, звануюзагально Настаською, спалили ю на кострѣ, а родину еи вымордовали, забрали еи майно и принудили князя, щобы принялъ назадъ законную свою жену и сына свого Владиміра. Такого то горя и смутку дозналъ Ярославъ въ домашной своей жизни и не дожилъ уже веселѣйшой хвилѣ до самой смерти, котора и постигла его въ р. 1187. Умираючи, князь Ярославъ Осмомыслъ призналъ Олега своимъ законнымъ сыномъ и призначилъ его на кня-

женіе въ Галичи, а Владиміру надалъ тôлько Перемышль.

За часôвъ Ярослава списалъ одинъ русскій пѣвецъ знаменитую пѣснь пôдъ заглавіемъ „Слово о полку Игоря,“ которая до днесь сохранилась и въ котôрôй воспѣвается слава того нашого князя слѣдующими словами: „Галицкій Осмомысле Ярославе! Высоко сидишь на своемъ золото-кованномъ престолѣ; ты подперши горы Карпатскіи своими желѣзными полками, заступилъ дорогу Королю угорскому; затворяешь ворота Дунаю, мечешь бремена черезъ облаки, кораблѣ правишь по Дунаю; грозы твои по землѣ текутъ; отвираешь по своей волѣ ворота Кіеву и мечешь далеко своими стрѣлами на султанôвъ Половецкихъ. . . .“ И справдѣ, Ярославъ нашъ добрыми дѣлами для блага народа оправдалъ всецѣло тіи даныи ему похвалы пѣвца „Слова о полку Игоря.“

Владиміръ Ярославичъ.

Г. 1187—1198.

Бояре Галицкіи не хотѣли держатись завѣщанія Ярослава Осмомысла, самовольно прогнали Олега и призвали на Галицкій престолъ Владиміра. Но показалось, що мудрый князь Ярославъ зналъ, що дѣлалъ и що не безъ причины усунулъ Владиміра ôтъ Галицкого престола, бо Владиміръ оказался совсѣмъ неспо-

собнымъ до княженія. Яко молодый легкодухъ, розвратный норовами своими, ôнъ тратилъ майно отцêвское и велъ соблазнительную жизнь, ôтдаючись сладострастію и піянству. Гордыи а сильныи вліяніемъ своимъ бояре и вельможи Галицкіи почали негодовати на такого князя свого, и щобы его звергнути зъ престола, порозумѣлись тайно съ сусѣднымъ Владимірскимъ княземъ Романомъ изъ славной родины Мономаха. Владиміръ, узнавши о тôмъ, що дѣлаеся противъ него, утѣкъ съ княжескими сокровищами на Угры, а до Галича вступилъ по немъ Романъ Владимірскій и занялъ княжескій престолъ. Ôтъ теперь начинаеся и на нашой Галицкой Руси тая бѣда съ князями, що одинъ проганялъ другого, а на тѣхъ взаимныхъ усобицяхъ найгôрьше выходилъ народъ.

Прогнаный Владиміръ не думалъ ôтречися отцêвского престола, но дôставшися на Угры, ôнъ сталъ просити угорского короля Белю о помочь. Беля согласился, та и вскорѣ поднялся съ великою силою на Галичь. Романъ, мѣркуючи, що не успѣе удержатись противъ его силы, уступилъ изъ Галича безъ битвы, а ôттакъ Угры заняли городъ безъ препятствій. Но якъ же тяжко завелся на своемъ союзнику! Беля вмѣсто того, щобы ôтдати городъ Владиміру, посадилъ тамъ на престолѣ свого сына Андрея. а Вла-

диміра забралъ съ собою на Угры та и посадилъ его тамъ въ темницѣ. Но не долго газдовали и Угры въ нашôмъ Галичи. Они бо начали тутъ рядитись своимъ дикимъ обычаемъ, творили народу розличныи насилія, ôтбирали мужамъ жены и доньки, по церквахъ ставляли свои конѣ, словомъ дѣлали всякую пакость Галичанамъ. Такое поступованье огорчило Галичанъ такъ, що они задумали позбытись Угрôвъ. Въ тую саму пору избѣгъ Владиміръ изъ вязницѣ и съ помощію польского короля Казиміра Справедливого, спѣшилъ добывати собѣ отеческій престолъ. Галичане, якъ лишь довѣдались, що законный князь ихъ приближаеся, поднялись на Угрôвъ, прогнали Андрея и съ великою радостію приняли знову до себе Владиміра. Ôтъ того часу владѣлъ уже Владиміръ въ Галичи спокойно ажь до своей смерти, которая послѣдовала въ р. 1198.

Со смертію Владиміра перевелся княжескій родъ Ростиславичей, которыи около 100 лѣтъ управляли нашою Галицкою Русію и выдвигнули княжество руское надъ Днѣстромъ и Сяномъ, Отчину нашу, на становище независимои державы, розширили ю далеко по устье Дуная и утвердили ю въ славѣ и могуществѣ на долгіи лѣта.

Княжество Галицко-Владимірское.

РОМАНОВИЧИ.

Для лучшого перегляду нашой исторіи за часôвъ Романовичей, наводимъ тутъ знову родословную табелю тои княжескои отросли, которои родителемъ былъ князь Романъ, правнукъ славного Мономаха. И такъ слѣдовали князѣ зъ роду Романа одинъ по другôмъ:

Романъ
1199—1205.

- Данило † 1264
  - Левъ I. † 1301
    - Юрій I. † 1315
      - Андрей, † 1324
        - Юрій II. † 1337
      - Левъ II. † 1324
      - Марія, жена Тройдена Мазовецкого
        - Болеславъ Тройденовичъ † 1340
  - Романъ,
  - Шварно, † 1268
  - Мстиславъ,
- Василько † 1271
  - Владиміръ † 1289

Романъ.

Г. 1199 1205.

Сейчасъ по смерти Владиміра двинулся Романъ изъ Волыня, вступилъ въ Галичъ и соединивши Княжество Галицкое съ своимъ Володимірскимъ, основалъ великую державу Галицко-Володимірскую. Князь Романъ началъ управляти тою державою, яко первый изъ родины Романовичей, которая то родина по Ростиславичахъ уже ажъ до р. 1337. владѣла на престолѣ Галицкой Руси.

Романъ, вступивши въ Галичъ, засталъ тутъ противную собѣ партію недовольныхъ бояръ. Щобы утвердитись во владѣніи своемъ, ôнъ укротилъ предовсѣмъ буйство тыхъ своевольныхъ людей такимъ рѣзкимъ способомъ, що однихъ поубивалъ, а другихъ прогналъ, и такъ забезпечилъ себе въ Галичи.

Въ Кіевѣ княжилъ тогды тесть Романа Рюрикъ (Ольговичъ). Коли настали тамъ безпорядки, поспѣшилъ Романъ съ войскомъ до Кіева, постригъ тестя свого въ монахи, а самъ завладѣлъ Кіевомъ и прилучилъ его съ окрестными областями до своей Галицко-Володимірской державы. Такъ ростягалась теперь Галицкая Русь ôтъ Днѣпра и степôвъ Половецкихъ ажъ до устій Дуная и до Карпатъ, а зъ западнои и сѣвернои стороны пôдходила далеко въ предѣлы Польщи и Литвы.

Тою то могущою и славною державою управлялъ нашъ дѣльный князь Романъ, который занятый всегда подвигами военными, „пролеталъ — якъ говоритъ о немъ лѣтопись — краи быстро якъ орелъ, боролся хоробро яко туръ, стремился на земли неприятельскіи яко левъ, пôдбивалъ и забиралъ въ полонъ Половцêвъ и Литовцêвъ, и побѣдоносно поражалъ и завоювалъ сусѣдныи поганскіи племена.“ Черезъ то отже слава Романа рознеслась по всей Европѣ и папа Инокентій, слѣдившій за всѣми событіями хотѣлъ пріобрѣсти Романа для себе и пославъ къ нему въ 1204. г. особное посольство, которое предложило нашому князю Роману королевскую корону лишь щобы ôнъ принялъ латинскій обрядъ. Легаты папскіи доказывали князю превосходство латинской вѣры, но князь Романъ, воспитывавшійся за молодыхъ лѣтъ такъ на Руси якъ и въ Краковѣ, и затѣмъ знавшій оба обряды вѣроисповѣданій, отвергнулъ предложенія папскихъ пословъ. Тогды одинъ изъ тѣхъ пословъ жадаючи конечно наклонити Романа до римской вѣры, сказалъ до Романа, що папа посредствомъ меча св. Петра може надѣлити его областями. Извѣстно бо, що въ то время папы скидали зъ престолôвъ или сажали на нихъ царей и королей свого латинского обряда и вообще роспоряжались по своей воли у на-

Посольство Папы Инокентія до Князя Романа.

родôвъ того же обряда въ Европѣ. Но гордый нашъ князь не дался зловити на обѣщаніе. „Такій ли мечь у папы?“ — запыталъ ôнъ делегатôвъ. — „Если такій, то я, имѣючи свôй, не нуждаюсь въ немъ, а своимъ возвеличу русскую землю.“

И хорошо бо то было и жилось Руси нашой пôдъ правленіемъ такого князя-богатыря, — такъ щожь! Всевышній судилъ ему не долго княжити на золотокованномъ Галицкомъ престолѣ, — скоропостижная смерть на поли битвы перетяла нить молодого и дорогого для Руси житя! А сталось то въ роцѣ 1205 такъ: Въ сусѣдной Польщи водились межи ей князями роздоры о престолъ Краковскій межи Лешкомъ Бѣлымъ и Владиславомъ. Романъ, яко своякъ Лешка, выбрался къ нему на помощь, занялъ область Сандомірскую и станулъ съ войскомъ пôдъ городомъ Завихостомъ. Тутъ выѣхалъ ôнъ одного дня изъ табора свого съ маленькою дружиною и проѣздился спокôйно, не надѣючись нигде ворогôвъ. Нагло напали на него засѣвшіися въ лѣсахъ войска польскіи и обступили нашу горстку съ Романомъ. Романъ оборонялся отчаянно, но въ-конецъ положилъ свою богатырскую голову, вразъ съ горсткою своей дружины. Такъ то на чужой земли и въ чужой справѣ скончался нашъ славный Князь Романъ! Русскіи полки найшли на другій день мертвое тѣло свого

князя, и въ великой печали отвезли оное въ Галичъ и похоронили въ церкви св. Богородицы.

Безъурядицы въ княжествѣ Галицко-Владимірскомъ до первого напада Татаръ.

По Романѣ осталась вдова съ двома маленькими сынами, изъ которыхъ старшому Даніилу было четыре роки, а молодшому Василію два. Зъ-разу признали Галичане Данила своимъ княземъ, однакъ тому, яко дитинѣ, пôдъ опѣкою нѣжной женщины, трудно было удержатись межи такимъ неспокойнымъ народомъ, якимъ стали Галичане пôдъ проводомъ буйныхъ своихъ вельможъ. Великое и могущое княжество Галицкое было дуже лакомымъ кускомъ такъ для постороннихъ русскихъ князей, якъ и для чужихъ сусѣдъ, Полякôвъ и Угрôвъ, а на бояръ, якіи по смерти Романа зновь численно явились въ Галичи, трудно было полагати; тіи бо, яко люди корыстолюбивыи, глядали своей власной выгоды и заедно перекидались туда, где имъ для тыхъ выгодъ ихъ казалось лучше. Не дивно затѣмъ, що вскорѣ по смерти Романа розгорѣлась въ предѣлахъ Галицкого княжества завзятая борьба, которая тревала такъ долго, поки не доросъ Данилко до мужескихъ лѣтъ и не сдѣлалъ ладу въ державѣ своего отца.

Первымъ изъ тыхъ, що мали великую охоту княжити въ Галичи, былъ

Рюрикъ, тойже самъ, которого недавно постригъ былъ Романъ въ монахи. Сей Рюрикъ, дознавшись о смерти Романа, чѣмъ скорѣйше оставилъ монастырь, связался съ Краковскимъ княземъ Владиславомъ, и оба пустились добывати Галичъ. Романова вдова удалась о помочь до

Романова вдова.

угорского короля Андрея, который недавно родинѣ Романа заприсягъ былъ дружбу. Той король Андрей якъ тôлько дознался, яка бѣда угрожае сиротамъ по Романѣ, выслалъ въ сейчасъ свое войско и прогналъ Поляковъ и Рюрика изъ Галича. Но спокôй не долго тревалъ. Рома-

нова вдова съ сиротами, видячи, що на теперь не ма для ней житья въ Галичи, оставила той городъ и пересилилась въ Владиміръ Волынскій, коренный удѣлъ покойного Романа. Тымъ часомъ въ Галичи настали новыи перевороты. Одинъ изъ бояръ Владиславъ, званый Кормиличичъ, колись-то выгнаный Романомъ изъ Галича, вернулъ теперь назадъ и вскорѣ позыскалъ собѣ прочихъ вельможъ и бояръ. Ôнъ то уговорилъ Галичанъ, що найлучше буде для нихъ призвати до себе на княженіе сынôвъ Игорія Путивельского, который женатый былъ съ донькою Осмомысла. Запрошены Игоревичи охотно приняли предложеніе Галичанъ и прибывши сюда, роздѣлились землями Галицкими такъ, що одинъ взялъ Галичъ, другій Звенигородъ, третій Теребовлю, а четвертый Владитіръ Волынскій, где власне проживала вдова Романова съ дѣтьми. Бѣдная невѣста принуждена была ночію утѣкати съ дѣтьми, щобы не попасти въ руки Игоревича, и ôтдалась пôдъ оборону свояка свого, польского князя Лешка. Лешко принялъ ихъ великодушно и сердечно, оставилъ у себе малого Василька и вдову, а Данилка выслалъ съ посольствомъ до короля угорского Андрея, который и пріютилъ сироту-скитальця у себе и воспитывалъ его якъ бы свою рôдную дитину.

Не долго гостили Игоревичи на Галицкой Руси. Въ самомъ Галичи хотѣли верховодити буйныи бояре, а князь не хотѣлъ знову залежати ôтъ ихъ ласки. Такъ одного дня князь приказалъ вырѣзати около 500 бояръ, а другіи, межи ними и Владиславъ Кормиличичъ, утѣкли на Угры. Тутъ бѣжавшіи бояре упросили короля Андрея, щобы той помôгъ имъ прогнати Игоревичей, а поставити для нихъ Данилка княземъ. Король Андрей, взявши съ собою Данилка, переступилъ Карпаты, получился тутъ съ польскими войсками Лешка, который въ той самой справѣ тутъ появился, и прогнали Игоревичей, а трехъ изъ нихъ дôстали розлюченыи бояре въ свои руки и умертвили ихъ постыдно, повѣсивши на вѣсильницѣ.

Такимъ способомъ вернули сыны Романа до своей отчины. Но и теперь они не долго удержались въ ней. При Данилку въ Галичи была его мати, а тое само не подобалось своевольнымъ боярамъ, бо они хотѣли самы управляти въ имени молодого князя и насиліемъ выправили вдову Романову зъ Галича. Якъ скоро дôзнался о тôмъ Андрей угорскій, поспѣшилъ знову съ войскомъ и ввелъ мати Данила назадъ до Галича, а самъ вернулъ за Карпаты. Усмиренныи бояре взволновались еще разъ и покликали до себе на княженіе Мстислава, князя Пересоп-

ницкого. Данило бѣжалъ на Волынь, а тымчасомъ гордый бояринъ Владиславъ Кормиличичъ засѣлъ самъ на княжескôмъ престолѣ. А такъ якъ того еще не бывало, щобы княжествомъ владѣлъ не родовитый князь, то посторонныи князѣ, дознавшись о такой дерзости боярина, не стерпѣли, щобы славный Романовъ престолъ занималъ бунтовщикъ-самозванецъ. Тожь собралися знову Андрей угорскій и Лешокъ, князь польскій, та прогнали Владислава зъ Галича, однакожь прогнали они его теперь уже не въ корысть дѣтей Романа, а для себе самыхъ. Они змовилися, повѣнчати свои дѣти, т. е. пяти-лѣтного королевича угорского Коломана съ трехъ-лѣтною донькою Лешка и посадити ихъ на Галицкомъ престолѣ. Щобы якось заспокоити князей Данилка и Василька, они дали имъ на владѣніе Владиміръ Волынскій.

Четыре роки сидѣло войско угорское въ Галичи съ воеводою Филею, та пригнетало народъ и его вѣру. Однакожь и теперь не дозволилъ Всевышній торжествовати неправдѣ, а погубилъ скоро силу нашедшихъ и несправедливо занявшихъ землю нашу иноплеменникôвъ. Орудіемъ правосудія Божого, явился теперь славный на цѣлую Русь князь рускій:

Мстиславъ Удалый,

яко князь Галицкій ôтъ г, 1219—1227.

Въ тыхъ безпокойныхъ, а для Руси Галицкой несчастныхъ временахъ жилъ на Руси и княжилъ въ Новгородѣ князь Мстиславъ, которого народъ за отличныи свойства души и за его славныи

Князь Мстиславъ Удалый.

подвиги для блага отчины справедливо назвалъ „Удалымъ.“ Былъ то найлучшій и найрозумнѣйшій князь въ ономъ часѣ на Руси. Борецъ за правду, опѣкунъ и ангелъ-хранитель пригнетенныхъ, мститель за кривды и обиды, словомъ отецъ

Руси, припоминающій всѣмъ незабвенного Великого Князя Мономаха. Сей то Мстиславъ Удалый, учувши, якое горе дознаютъ Русины въ Галицкомъ княжествѣ ôтъ завоевателей своихъ, Угрôвъ и Полякôвъ, выстроилъ доборовыи полки, поспѣшилъ изъ Новгорода дати помочную руку Галичанамъ. Вскорѣ стрѣтился съ войсками гордого воеводы Филѣ надъ рѣкою Днѣстромъ. Началась страшенная битва, въ которой правда взяла верхъ; Мстиславъ розбилъ полки ворога, Филю взялъ въ неволю, а самъ пôдступилъ пôдъ Галичъ. Тутъ заперлися остатки войскъ угорскихъ и не думали пôддаватися. Однакожь дѣльный Мстиславъ по короткой осадѣ взялъ Галичъ приступомъ, плѣнилъ Коломана съ его воеводами и магнатами и ôтославъ ихъ въ свôй родинный городъ Торческъ, где они сидѣли цѣлый рôкъ пôдъ стражею, пока наконецъ король угорскій за великую цѣну ихъ не выкупилъ.

Данилко межи тѣмъ сидѣлъ въ княжествѣ Волынскомъ, а хотя тутъ якійсь часъ безпокоилъ его польскій князь Лешокъ, но съ тымъ вскорѣ упорался самъ Данилко, ôтобралъ ему забранныи городы и съ того часу уже спокойно владѣлъ во Владимірѣ.

Мстиславъ же, занявши Галичъ и очистивши его ôтъ ворогôвъ, засѣлъ самъ на Галицкомъ престолѣ а любленный на-

родомъ управлялъ Галицкимъ княжествомъ ажь до року 1227. въ згодѣ съ сусѣднымъ Данилкомъ.

Такимъ образомъ завладѣла тишина и миръ въ отчинѣ нашой, но была то тишина коротка, тишина передъ страшенною грозою. Вотъ бо о той порѣ начали собиратись изъ далекого востока чорныи хмары новои вражды, що скоро розліялись страшенною тучей по цѣлой Руси и долго-долго змывали ей нивы потоками крови и слезъ, сковали народъ нашъ въ тяжкіи оковы злочастной неволѣ татарской.

Великое Княжество Суздальское

до первого напада Татаръ.

Закѣмъ приступимъ до описанья лихой долѣ русского народа, въ часѣ нападôвъ татарскихъ, необходимо намъ еще узнати, що дѣялось до тѣхъ поръ въ другой части землѣ русской, т. е. въ великомъ княжествѣ Суздальскомъ, которое сперва возросло и розславилось было такъ само, якъ наша Галицкая Русь, но потомъ еще бôльше горя испытала ôтъ Татаръ, чѣмъ наша Галичина.

Знаемъ уже, що княжество тое подобно Галицкому выдвигнулось по-надъ всѣ другіи; що князь его Андрей Боголюбскій, уничтоживши великое Кі-

евское Княжество, самъ принялъ имя Великого Князя, подчинилъ собѣ Кіевъ и Новгородъ и сталъ верховодити въ цѣлой сѣверной Руси, надавши Княжеству Суздальскому видъ самостоятельной

Великій Князь Андрей Боголюбскій

державы. Сей князь Андрей былъ дуже дѣятельный, а при томъ и дуже благочестивый мужъ, его можно было всегда видѣти въ церкви на молитвахъ, часто и

по ночи ходилъ до церкви, запалювалъ свѣтла и молился передъ образами святыхъ. Онъ то выбудовалъ много церквей и пріукрашалъ ихъ великолѣпно, до будовы спроважовалъ знакомитыхъ майстрôвъ изъ запада и тымъ самымъ причинялся богато до розвитія и поднесенія всякого искуства на Руси, такъ, що незадолго самы уже русскіи майстры безъ помочи чужихъ знали ставити и живописати хорошо Божіи храмы. Однакъ мимо своихъ заслугъ и своей доброты, сталься Андрей Боголюбскій передъ часомъ жертвою дикости одного свого пôдданого. Былъ то таки его слуга, котораго ôнъ надъ всѣхъ другихъ найбôльше любилъ, именемъ Іоакимъ Кучковичъ. Одного разу князь велѣлъ за якусь провину казнити его брата, а тѣмъ озлобленый Іоакимъ пôдмовилъ убійцêвъ, и тіи напавши несподѣвано въ ночи на Великого Князя Андрея, умертвили его.

По смерти Андрея настали споры межи родиною о великое княжество, но вскорѣ положилъ тѣмъ спорамъ конецъ братъ Андрея Всеволодъ, званый Велико е - Гнѣздо, мужъ сильного духа и волѣ. Ôнъ былъ Вел. Княземъ въ Суздалѣ до р. 1212. и за его часôвъ розширила сѣверная Русь свои предѣлы и взростала въ добробытѣ. По смерти Всеволода слѣдовалъ на велико-княжескомъ Суздальскомъ престолѣ сынѣ его Юрій.

Той водилъ свои войска на дикіи племена надъ рѣкою Волгою, а не забывалъ и о благу свого края, бо пильно старался о пôднесенье книжного просвѣщенія, будовництва и другихъ искуствъ. За его то владѣнья явилась на Руси клятая татарская орда, и ôнъ же самъ Великій Князь Юрій полягъ въ войнѣ съ тою дичею въ р. 1237.

ЧАСТЬ III.

Татаре.

Первое нашествіе Татаръ.

Тяжкій смутокъ долягае сердцю русского человѣка, коли розсмотрюе ôнъ тіи картины бывальщины нашой, въ которыхъ межиусобныи борьбы князей, неугомонныи ихъ распри роздирали нашу землю, истощали ей силы и пôдрывали повагу ей владѣтелей. Но на видъ того несчастья, якое пôзднѣйше постигло отчину нашу, страдальницю, ôтъ ордъ татарскихъ, то уже замирае сердце ôтъ ужаса и жалости. При княжескихъ усобицяхъ терпѣли лишь поединокіи пространства, поединокіи части Руси; войска стиралися меньшими отдѣлами, а все таки хотя и найбôльше бывало роздраженье, то свои щадили себе до певной мѣры, щадили народъ одноплеменный и одной вѣры, не наставали одни на другихъ такъ, щобы ихъ совершенно розорити, стерти изъ лица земли. Въ часѣ княжескихъ усобицъ таки повставали городы, созидалися храмы Божіи, основывалися школы, и народъ возросталъ въ добробытъ не въ одной сторонѣ.

Но инакше то — инакше сталось на Руси ôтъ нападу Татаръ. Орда татарска

настигла на отчину нашу мовь тая, неудержимою бурею гнаная хмара, що въ одной хвили истребляла все, що лишь могла досягнути, розліялась по русскихъ земляхъ мовь тая страшенная повѣнь, що взбуренными своими волнами, нищила людей и ихъ имущества. Падалъ невинный народъ пôдъ ударами татарской дичи, и никому не было пощады, ни старику, ни невѣстѣ, ни дитинѣ; одни лягли въ своей крови отъ татарскихъ мечей, а другіи, що не успѣли спастися бѣгствомъ въ лѣсы, повлечены были на арканахъ (мотузахъ), въ неволю — въ татарскій яссыръ. Куда тôлько ступила нога поганой Татарвы, тамъ замирала вся жизнь, а яко слѣды по ней, оставали на всѣхъ простороняхъ несчастной Руси недопаленыи згарища и розвалины славныхъ городôвъ и зажиточныхъ селъ, купы людскихъ трупôвъ и костей. Зойки, плачъ, стонъ живущихъ и умирающихъ зливались съ перерazливымъ краканьемъ хищныхъ воронôвъ, роздирающихъ останки людскихъ трупôвъ, и проносились по всей Руси отчайдушныи голосы: „Горе Руси, горе! Кара, Божа кара на Русь!“

Татаре, званы также М о н г о л а м и, жили сперва далеко на востоцѣ въ Азіи. Былъ то народъ дикій, кочевый, совсѣмъ отмѣнной породы ôтъ нашой. Ростомъ были они не велики, лице у нихъ широке, смагляве, чело низке и плоске,

нôсъ короткій, очи маленьки, усъ и борода рѣдки, уши велики. словомъ, весь складъ ихъ тѣла безъобразный. За то ѣздили они славно на коняхъ, та на нихъ они майже и взростали, переганяючи по широкихъ Азійскихъ степахъ свои стада овецъ и верблюдôвъ. У нихъ не было постоянныхъ жилищъ, ни городôвъ, ни селъ, но они зимою и лѣтомъ жили въ шатрахъ, выдѣланыхъ изъ хворосту, въ серединѣ выстеленыхъ коврами (диванами). Шатра тіи они, переходячи куда-индѣ, розбирали и переносили зъ мѣстця на мѣстце. Для нихъ добре было всякое мясо, здорове, чи зъ падлины, а пили они кумысъ, т. е. напитокъ, приправленый зъ кобылячого молока.

Поодинокіи громады татарскіи звались ордами, а ихъ начальники ханами. Одинъ зъ такихъ ханôвъ Темучинъ, сполучилъ то волею, то неволею много такихъ громадъ або ордъ разомъ и назвался Чингисъ-Ханомъ. Ôнъ началъ нападати на сусѣдныи собѣ дикіи народы въ Азіи, на Китай и Персію, завоювалъ ихъ и такъ устроилъ великанскую свою татарскую державу, котора грозна стала въ цѣлой Азіи. Двохъ изъ своихъ воеводъ, Чепу и Суботая, выслалъ Темучинъ на западъ, щобы докончили завоеванья въ Азіи, и тіи повели свои войска черезъ горы Кавказкіи ажъ до границь Руси, а тутъ напали на Половцêвъ. Ханъ По-

ловецкій, именемъ Котянъ, былъ тестемъ князя нашого Мстислава Удалого, тожъ прогнаный теперь Татарами изъ своихъ земель и выпертый ажъ до Днѣпра, сталъ просити у того зятя свого помочи, обдарилъ другихъ князей рускихъ богатыми дарами и говорилъ до нихъ: „Нынѣ забрали Татаре нашу землю, а завтра возьмутъ вашу; боронѣтъ насъ, бо инакше будемъ посѣчены и мы и вы!"

Мстиславъ Удалый, роздумавши дѣло, запросилъ всѣхъ князей на нараду до Кіева. Князѣ собрались, начали радити и въ конецъ рѣшили, щобы собрати войска на ворога и ударити на него въ его земли. — Въ мѣсяци Апрѣлю р. 1224. они зъѣхались изъ всѣхъ сторонъ съ войсками своими надъ Днѣпромъ, перешли Днѣперъ и пôдъ начальствомъ Мстислава Удалого пустились въ степы на врага. По дорозѣ стрѣчали они тôлько малыи отряды татарскіи, но скоро розбили ихъ на-прахъ и поступали дальше. Дня 31. Мая 1224. станули наши войска надъ рѣкою Калкою, що впадае до моря Азовского. Первыи переправились черезъ рѣку Мстиславъ съ Даниломъ, а тутъ нечайно станула передъ ними уже сама великая орда Татаръ, числящая кôлька сотъ тысячь люда. Мстиславъ съ Даниломъ ударили на врагôвъ; зачалася ужасная борьба, борьба на житье и смерть.

Но Татаръ было за много; Мстиславъ мусѣлъ податись въ задъ, а Данило, раненый стрѣлою татарскою въ грудь, уступилъ такожь зъ боевища. Надоспѣли другіи князѣ съ Половцями, и теперь всѣ разомъ станули челомъ супротивъ Татаръ. Первыи выступили Половцѣ, но не устояли и по короткôй борьбѣ завернулись утѣкати, а тымъ способомъ помѣшали ряды русскихъ войскъ. Ôттакъ настала невиданная и нечуванная рѣзня. Мстиславъ старался всѣми силами привернути порядокъ — но на дармо! Князѣ и войска ихъ бились якъ лютыи львы, но нищо не помого, бо непрозримая хмара Татаръ съ свойственною собѣ дикостію заливала нашихъ борцêвъ до-кола кругомъ. Мало не цѣлое войско наше было вырубано въ пень; шестёхъ князей убито, а три достались Татарамъ въ руки и были затоптаны на смерть ихъ ногами пôдъ накладеными на нихъ досками. Малая ледви горстка русского войска спаслася бѣгствомъ, а съ нею уцѣлили и нашй князѣ Мстиславъ Удалый и Данилко.

Несчастная тая битва надъ Калкою затревожила цѣлую Русь. Такого пораженія не понесли еще русскіи войска николи, — а чорная орда татарская, которую Русины въ первый разъ тутъ побачили, уже ôтъ первого того напада стала страшилищемъ на всѣ людскіи умы. На

счастье, Татаре еще не мыслили теперь о покореню русскихъ земель и въ сейчасъ по битвѣ надъ Калкою повернули назадъ въ Азію.

Дознавши такъ чувствительного наказанія Божого надъ Калкою, думала наша Русь, що князѣ наши опамятаются, згорнутся теперь чѣмъ-скорѣйше разомъ и подадутъ собѣ всѣ руки, щобы такъ боронити отчину ôтъ вспôльного грозного врага; — но где-тамъ! Духъ роздора межи князями и духъ мятежа межъ боярами не застигъ, а сталъ продолжати свои лихіи дѣйствія.

Дальшіи безъурядицы въ Галицкой Руси.

Князѣ Мстиславъ Удалый и Данилко, вернувши зъ-надъ Калки, стали дальше управляти своими княжествами, а видячи великую опасность, яка угрожала имъ изъ востока ôтъ Татаръ, скрѣпляли свои силы и пригстовлялись до ôтпору на случай новыхъ бѣдъ. Но въ дѣлѣ тôмъ стали имъ перепоною ихъ гордыи и власте-любивыи бояре. Одинъ Галицкій бояринъ, именемъ Судиславъ, найбогатшій изъ всѣхъ и найбôльше вліятельный, началъ розносити ложныи вѣсти, що будьто Мстиславъ намѣряе всѣхъ бояръ выгубити. На вѣсть тую стали бояре утѣкати до Угоръ, и они то,

съ Судиславомъ въ челѣ, просили угорского короля о помочь противъ Мстислава. Король угорскій сполучился съ Поляками и двигнулся на Галичъ. Мстиславъ, узнавши о тôмъ, выступилъ противъ Угрôвъ и Полякôвъ, та и разомъ съ Данилкомъ и братомъ его Василькомъ (который николи не ôтступалъ Данилка) розбилъ ихъ пôдъ Звенигородомъ. Помимо того таки спокою не было. Мстиславъ простилъ мятежникамъ боярамъ и Судиславу, но здѣлалъ ôнъ то на свôй клопôтъ, бо Судиславъ со своими приверженцями объявилъ Мстиславу рѣшительно, що всѣ бояре желаютъ собѣ, щобы ôнъ подружилъ свою доньку съ сыномъ угорского короля, Андреемъ и ôтдалъ бы тымъ же Галицкій престолъ. Миролюбивый и добродушный Мстиславъ, не хотячи допустити до новыхъ бунтôвъ и кровопролитій, согласился съ предложеніемъ бояръ, выдалъ доньку свою Марію за Андрея, угорского королевича, ôтдалъ имъ Галицкій престолъ, а самъ удалился въ свое удѣльное княжество на Подôлю въ городъ Торческъ, где въ рôкъ потомъ и умеръ (1228 г.).

Такъ знову прійшли Угры до Галича, но и теперь не на долго, бо таки вскорѣ были выперти самымъ народомъ. Королевичъ угорскій Андрей, обнявши Галицкое княжество, поставилъ воеводою Судислава за его заслуги для себе,

и такъ оба они вразъ стали управляти Русію. Но теперь вскорѣ наскучилося уже Галичанамъ зносити правленіе Угрôвъ, нарôдъ збунтовался, призвалъ Данилка изъ Волыня и пôдъ его начальствомъ прогналъ такъ Судислава, якъ и Андрея. Угры покусилиль еще и другій разъ достати Галича, и въ р. 1231. удалось королевичу Андрею знову завладѣти Галичемъ, но теперь уже по разъ послѣдній. Въ р. 1233. пóдступилъ Данило пôдъ Галичъ и осадилъ его. Нарôдъ тôлько того и выжидалъ. Въ часѣ осады умеръ королевичъ Андрей, а Угры безсильныи и битыи до того уже не оружіемъ, а страшною слотою, що точно тогды зъ неба на нихъ пала съ соромомъ утѣкали за Карпаты.

Данило добился окончательно отцевского престола своего въ Галичи и сталъ Великимъ Княземъ Галицко-Волынскимъ. Но еще разъ въ р. 1235. прійшлось ему розправятись о свôй престолъ; въ тôмъ бо роцѣ случилось, що Данила не было въ Галичи, затѣмъ гордыи бояре, и убоявшись, що теперь уже ихъ сила й вліяніе на справы державы сломаны, скорыстали зъ отсутствія князя Данила и призвали собѣ на его мѣстце князя Михаила зъ Чернигова. Но мѣщане и народъ, огорчены до крайности поведеніемъ бояръ, выжидали лишь своего правовитого князя, и коли Данило по-

явился пôдъ Галичемъ, они гозвали единодушно: „Се нашъ володарь, Богомъ даный намъ Князь!“ та и кинулись всѣ до него, якъ пчелы до матки. Ôтъ теперь не важился уже никто безпокоити Данила въ его владѣнiи надъ Русiю Галицко-Волынскою.

Князь Данило ôтъ 1235—1264 года.

Второе нашествiе Татаръ.

Утвердившись на Галицкомъ престолѣ, думалъ Данило, якъ бы пôднести державу свою, якъ ввести въ ней ладъ и добро, — и достигъ ôнъ тои своей цѣли, бо слава Галицкой Руси и его слава возросла скоро до такой степени, що Русь считалась въ цѣлой Европѣ державою одною съ найбôльшихъ, а Данило однимъ зъ найзнаменитшихъ князей.

Испытавши стôлько разôвъ невѣрности Галицкихъ бояръ, простилъ имъ и теперь Данило великодушно, коли окончательно сталъ ихъ княземъ; но все-жь таки самъ городъ Галичъ черезъ тыхъ бояръ сталъ ему нелюбымъ такъ, що ôнъ теперь построилъ собѣ городъ Холмъ, здѣлалъ его яко-бы другую своею столицею и перенêсъ до него свôй княжескiй дворъ.

Оттакъ началъ Данило поволи присоединяти до своего княжества также и

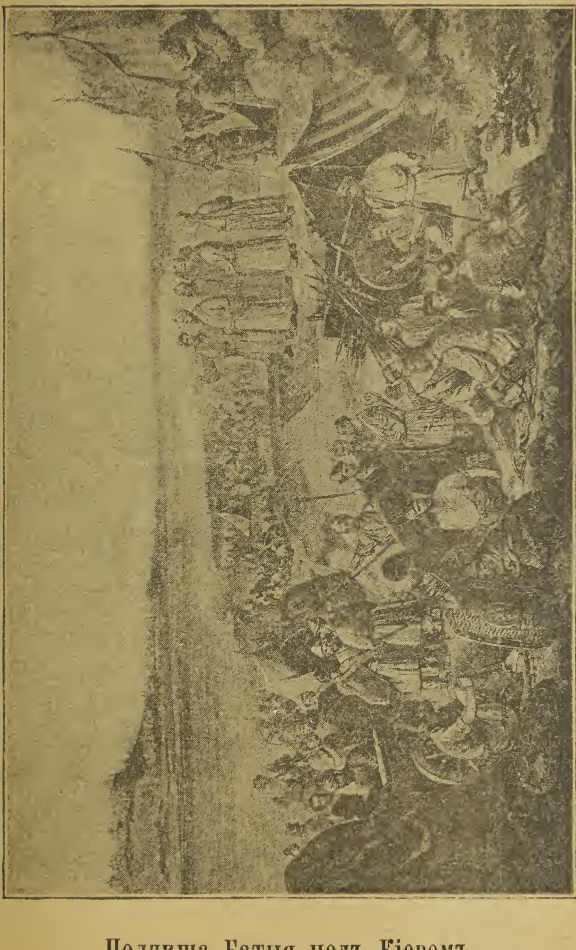
другіи сусѣдныи русскіи землѣ, а въ р. 1239. загорнулъ Подôлье и Кіевъ и посадилъ тамъ свого воеводу Димитрія. Сверхъ того покорилъ ôнъ собѣ Ятвягôвъ надъ рѣкою Нарвою, Половцêвъ

Князь Даніилъ.

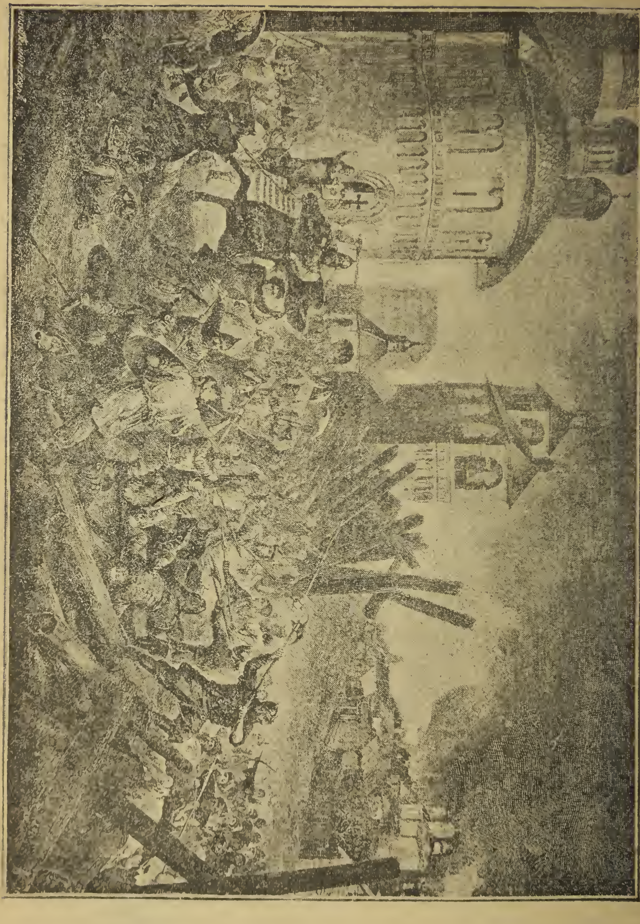
надъ Прутомъ и Серетомъ, забралъ Полякамъ землю Любельскую, и такъ утворилъ величезную русскую державу, котора простиралась ôтъ Днѣпра, Чорного моря и Дуная ажь до Люблина, и ôтъ Карпатъ ажь до рѣки Нѣмна на Литвѣ.

Но одна тяжкая мысль лежала на сердцѣ нашого Данила безъустанно, а то именно згадка о пораженіи надъ Калкою. Тая мысль всегда безпокоила его сильно, ôнъ бо предчувствовалъ, що новая гроза изъ востока приближится и що незадолго ожидае его тяжкая розправа съ Татарами, тѣмъ бôльше, що ходили уже вѣсти о новыхъ нападахъ ихъ на сѣверную Суздальскую Русь. Тожъ началъ Данило оглядатись за помочію, заключилъ союзъ зъ Литвою, а самъ поѣхалъ на Угры, щобы угорского короля Белю позыскати яко союзника противъ Татаръ.

Межи тôмъ вѣсть о новомъ явленіи Татаръ вполнѣ справдилась. Незадолго по поворотѣ зъ-надъ Калки умеръ Чингисъ-ханъ Темучинъ. По его смерти розпалась держава татарска на четыре части: часть западную звану „Золотая Орда" или „Кипчакъ" обнялъ внукъ Темучина, Бату-Ханъ, званый обыкновенно Батыемъ. Той двигнулся въ р. 1237. съ цѣлою ордою своею на сѣверную Русь, розоряючи и истребляючи все въ неслыханый способъ. Татаре нищили тамъ всѣ городы и села мечемъ и огнемъ, убивали князей, бояръ и весь народъ; упали городы Рязань, Бѣлгородъ, Суздаль, Владиміръ, Москва и пр. Суздальскій Вел. Князь Юрій хотѣлъ боронити свою землю, та палъ самъ и все его войско въ кро-



Полчища Батыя подъ Кіевомъ.



Защита Десятинной церкви отъ полчищъ Батыя въ Кіевѣ.

вавой битвѣ. Цѣлая сѣверная Русь покрылась ôтъ границѣ до границѣ трупами, а надъ ними одна тôлько простиралась луна. Вернулъ Батый изъ сѣверной Руси, оставивши въ ней самыи згарища; но за три лѣта явился знову на Руси, а теперь именно на Южной т. е. нашой.

Въ р. 1240 станулъ Батый пôдъ Кіевомъ. Хмарою непрозримою Татаре явилися тутъ, и якъ вспоминае лѣтописецъ русскій: „ôтъ скрыпа безчисленныхъ повозокъ ихъ, ôтъ рыку верблюдôвъ и ржанія коней въ таборѣ татарскôмъ, не могли жители Кіева чути слова одинъ другого.“ Кіевляне заперлись съ воеводою Димитріемъ и рѣшили боронитись до послѣднёго. Тогды зачали Татаре деревяными таранами розбивати муры. Зъ поза розваленыхъ мурôвъ боронились еще отчаянно Кіевляне цѣлый день, а въ конецъ не устояли. Татаре ворвались въ городъ, а Кіевляне заперлись въ Десятинную церковь. Но и тую розвалили Татаре, разорили цѣлый городъ и весь народъ вырѣзали въ пень. Зъ того часу славный Кіевъ, мати русскихъ городôвъ, на долго уже пôднепалъ.

Отъ Кіева погналъ Батый орду свою на Галицкую Русь. а зъ ôтти на Угры и на Польщу. Страшный то былъ часъ для отчины нашой! Данила не было дома; ôнъ отправился на угры просити помочи, а тымъ часомъ падали его городы

одинъ за другимъ; одинъ тôлько укрѣпленный Кременецъ устоялся. Величіе и достояніе Руси ишло съ дымомъ, жизнь людская изливалась въ потокахъ крови. На розвалинахъ Галича роздѣлилась орда татарска; одна часть погналась на Угры, друга на Польщу. Съ Угорщиною и Польщею, далѣй и съ Моравою и Шлезкомъ не лучше обôйшлись Татаре, якъ съ нашою землею. И такъ всюда народъ и городы падали жертвою ихъ огня и меча. Ошоломлены успѣхами своихъ походôвъ, Татаре готовились идти дальше на западъ, где стоялъ имъ уже отвертый путь на Нѣмеччину; но нагло на вѣсть о смерти верховного свого хана Октая, завернули они назадъ въ станища свои надъ Волгу.

По ôтходѣ Татаръ, вернулъ Данило изъ Угорщины на Русь, та гôрько заплакалъ, якъ увидѣлъ тѣ розвалины, тіи згарища, тую купами людскихъ и конскихъ костей застелену красную землю свою. Однакъ помимо того ôнъ не подался отчаянью, но всѣми силами принялся пôдносити изъ руины свое княжество. Въскорѣ станули знову старыи городы; люди що успѣли въ лѣсахъ и ôтлюдныхъ мѣстцяхъ спастися передъ Татарами, вертали на свою землю, и такъ якъ мало уже было свого народа, то позвалялъ Данило чужимъ, якъ Нѣмцямъ, Орменамъ и Грекамъ, поселятись въ нашихъ зем-

ляхъ. Такимъ способомъ станула поволи Русь наша знову на ноги и съ часомъ вертала до своей силы и славы. Вправдѣ покусились бояре и теперь еще разъ пôднести мятежъ и призвали собѣ Ростислава, Черниговского князя который съ помочію Угрôвъ и Поляковъ пустился завладѣти княжествомъ Галицкимъ; но Данило розбилъ его совершенно пôдъ Ярославлемъ, а непоправныхъ бояръ покаралъ строго.

Въ г. 1234 завозвалъ Батый всѣхъ князей Руси до Сераю щобы они зложили ему поклонъ преданности, наложилъ на нихъ данъ и предоставилъ собѣ надъ ними найвысшую власть. Тогды то розділилъ Батый цѣлую подбитую Русь на западну и восточну, поставивши яко границю межи ними рѣку Днѣпръ. Въ восточной Руси, которая назвалась Великою Русію, ôнъ поставилъ верховнымъ княземъ Великого Князя Суздальского Ярослава, а въ западной, котора назвалась ôтъ теперь Малою Русію, князя Данила. Той подѣлъ Руси на Великую и Малую осталъ ôтъ теперь на всегда.

Зъ тыхъ поръ ѣздили всѣ князѣ сѣверной Руси, даже Вел. Князь Суздальскій съ поклономъ въ Золотую Орду, и до всѣхъ земель сѣверной Руси высылалъ Батый своихъ урядникôвъ, такъ званыхъ баскакôвъ и бесерменъ, щобы тіи стягали зъ народу дань, ôтъ которой были сво-

бодны то̂лько духовныи лица и монастыри; а о Червоной Руси тогды якъ-бы позабыли Татаре. Но то то̂лько здавалось такъ: Батый бо ждалъ на Данила въ своей столицѣ Сераю, а коли той не явился, выслалъ нагнѣванный Батый своихъ посло̂въ съ великою грозьбою до него. Зажурился Данило — но щожь было дѣяти? Опертись Татарамъ не было надѣи; треба отже было ѣхати и склонити голову передъ поганцемъ Батыемъ. Въ р. 1250 помолился Данило въ церквахъ въ Галичи и въ Кіевѣ, переправился черезъ Днѣперъ и поѣхалъ черезъ степы надъ Волгу до Батыя. Батый, узрѣвши у себе пайзнаменитшого князя Руси, урадовался и принялъ его надсподѣванно добре и заговорилъ до него ласкаво: „Добре ты здѣлалъ, що пріѣхалъ до мене. А чи пьешь ты нашъ напитокъ кумысь?“ — До теперь я его не пилъ, — отвѣтилъ Данило; но если прикажешь, буду пити“. Батый сталъ его угощати кумысомъ, назвалъ его своимъ другомъ, а пото̂мъ о̂тпустилъ его здорово до дому. На доказъ своей ласки для него, Батый не посылалъ даже до Галича своихъ баскако̂въ по дань.

Повернулъ Данило въ Галичъ здоровъ и безпечный о свою землю, та сумно ему стало и обидно, що о̂нъ принужденъ былъ передъ Татариномъ такъ унизитись и що теперь ніяко зъ ханской ласки уважался княземъ; тожь въ сей-часъ о̂нъ

зачалъ придумовати, якимъ бы способомъ зъ неволѣ татарской вызволитись. Въ той цѣли Данило сталъ дружитися съ своими сусѣдами, и такъ звязался ôнъ съ угорскимъ королемъ Белею и помогалъ ему въ вôйнѣ противъ Нѣмцêвъ. При той случайности оженилъ Данило сына свого Романа съ одною княжною австрійскою Гертрудою и добывалъ для него австрійского престола; но намѣренія тіи не довелись до кôнця. Пôзднѣйше оженилъ Данило найстаршого сына Льва съ Констанціею, донькою короля Белѣ, а братанку свою Анастасію выдалъ за польского короля Болеслава. Самъ Данило оженился по смерти первой своей жены со сродницею литовского князя Миндовга, а молодшого сына свого Шварна оженилъ съ донькою тогоже Миндовга. Такимъ способомъ получился Данило съ сусѣдами своими и готовился скикути изъ себе ярмо татарское.

Въ той самъ часъ прислалъ папа римскій Иннокентій IV. своихъ послôвъ до Данила, предложилъ ему королевскую корону и обѣтовалъ ему послати всѣхъ князей Запада на помôчь противъ Татаръ, щобы ино за то Данило принялъ унію съ Римомъ. Данило долго надумовался, но въ-конецъ видячи, що военная помôчь Запада противъ Татаръ ему необходима, принялъ предложенія папы,

приступилъ до уніи (згоды) съ Римомъ и короновался въ р. 1255 въ городѣ Дрогичинѣ яко король Руси.

Данило король.

Здавалось теперь, що Данило съ помочію своихъ союзникôвъ, пôдпертый войсками, обѣцяными папою, смѣло зможе поставити чело Татарамъ, и затѣмъ прожене ихъ на всегда изъ Руси. Сталось однакъ совсѣмъ противно. Ханъ Батый, дознавшись, що Данило змовляе на него цѣлый западъ, выслалъ въ той часъ воеводу свого Куремсу на Русь. Данило, уповаючи на то, що приспѣе помôчь союзникôвъ, началъ вôйну, и хотя на первой встрѣчи побилъ Куремсу, однакже тутъ и увѣрился, що дальше самъ бы не устоялся. Просилъ ôнъ затѣмъ папу о обѣцяную помôчь, — но на дармо! Помочь не приходила. Тогды Данило, огорченъ до-живого зôрвалъ всякую связь съ Римомъ, а ограничившись теперь на помôчь самой тôлько Литвы, рѣшился вразъ съ тою боронити своей отчины. Война тягнулась долго; три роки велось Данилови яко-тако. Со своими сынами Львомъ и Шварномъ ôнъ выпиралъ Татаръ що-разъ дальше за Днѣперъ, ажь въ р. 1259 Батый ôткликалъ нездôбного Куремсу, а на его мѣстце выслалъ съ но-

вымъ войскомъ смѣлого и лютого воеводу Бурундая. Той Бурундай налетѣвши съ страшенною хмарою свого войска, нанесъ нашой ледви отживпіой Руси новыи тяжкіи удары. Ôнъ то вымагалъ теперь ôтъ Данила щобы той розорялъ самъ свои городы и крѣпости. Данило хочьнехочь принужденъ былъ тому повиноватись, щобы еще бôльшого несчастья на землю свою не стягнути. Такъ знову пали въ розвалинахъ городы: Луцкъ, Кремѣнецъ, Владиміръ, Львôвъ и другіи укрѣпленныи мѣста на Волыню и въ Галицкій земли. Одинъ Холмъ спасенъ былъ хитростію брата Даниловогo Василька. Тѣмъ однакъ не задоволился Бурундай, но ôнъ возвалъ еще Данила, щобы той съ войскомъ своимъ ишокъ разомъ съ Татарами на Польшу и на Литву. Радъ-нерадъ принужденъ былъ Данило послухати могущого Бурундая и выслалъ брата и сынôвъ своихъ съ войсками, щобы они вспомагали Татаръ въ нищенью Польщи и союзной съ нимъ Литвы. Опустошивши Русь, Литву и Польщу, повернулъ Бурундай назадъ надъ Волгу.

Теперь то розглянулся Данико по Руси своей, и тяжкій смутокъ овладѣлъ его сердце. Городы розрушены, народъ збѣднѣлый, — слава цѣлой Руси на долго подкопана. До того еще почали Литовцѣ мститися за тое, що Русь наша руиновала съ Татарами ихъ землѣ, убили Да-

нилового сына Романа, що пребывалъ на Литвѣ, и яко новыи враги они нападали на Русь. Тое горестное состояніе Руси было причиною страданій Данила, середъ которыхъ ôнъ и скончался въ р. 1264 въ своей столицѣ Холмѣ. Еще передъ смертію роздѣлилъ ôнъ свою державу на три части: брату Василькови ôтдалъ Волынь, сынови Льву далъ Перемышль и Львôвъ, а другому сынови Шварнови Галичъ и Холмъ.

Изъ жизни Данила можемъ познати, що то былъ князь добрый, мудрый, мужественный и побожный; ôнъ дбалъ о добро своего народа. Въ домашномъ своемъ житью былъ ôнъ найлучшимъ отцемъ родины, почиталъ матерь свою и любилъ дѣти свои искренно. Цѣлая его жизнь проходила въ неустанныхъ борьбахъ съ противностями, которымъ ôнъ смѣло ставлялъ чело и николи не упадалъ на духу. За молоду боролся ôнъ о достояніе своего отца, которое хотѣли ему ôтобрати вороги, а коли уже ôнъ добился отцевского престола, не усидѣлъ на немъ спокойно и счастливо, бо принужденъ былъ розправлятись съ новымъ и страшнымъ ворогомъ, т. е. съ Татарами. Зависимость ôтъ Татаръ была для него такъ тягостна, що вязался ôнъ съ другими народами и принялъ былъ на часъ даже унію съ Римомъ въ надѣи, що такимъ способомъ охоронится ôтъ Татаръ. Но надѣя тая

жестоко его завела, и ôнъ умеръ, не достигнувши задушевного свого бажанья, не успѣвши скинути зъ отчины своей татарского ига.

Зъ его то часôвъ, отъ коли ôнъ изъ Великого Князя южнои Руси сталъ королемъ Галицко-Володомірскимъ, назвалось и то княжество наше королевствомъ; а тое названіе, хотя потомъ за владѣнія Польши было залишено, но вконецъ за правленія Австріи оно таки обновлено, и затѣмъ наша галицко-руская земля слыве знову королевствомъ Галиціи и Володиміріи.

Литва.

Уже за Данила начала наша Русь, входити въ близшіи сношенія съ судѣднимъ княжествомъ Литовскимъ. Пôзднѣйше заняла Литва весьма видное мѣстце въ исторіи Руси, для того уважаемъ умѣстнымъ познакомитись близше съ тымъ сусѣднимъ народомъ.

Литовцѣ занимали маленькую лѣсистую краину надъ рѣкою Нѣмномъ, на сѣверъ ôтъ нашого Волынского княжества. Жили они въ лѣсахъ и кормились дикими овощами и звѣриною. Яко погане, покланялись они божищамъ, изъ которыхъ найстаршій былъ у нихъ Перку-

носъ (Перунъ на Руси); кромѣ того почитали они ужей и змѣй.

Нечисленный народецъ той литовскій зъ давенъ давна подчиненъ былъ русскимп князямъ, ажь доперва въ часѣ межиусобицъ нашихъ князей, Литовцѣ ôтлучились ôтъ Руси и начали поставляти собѣ своихъ князей. Одинъ изъ тыхъ литовскихъ князей, именемъ Рингольдъ, сполучилъ дрôбныи племена въ одну державу и началъ розпространяти границѣ ей нападами на сусѣдніи землѣ. Сынъ же его Миндовгъ сталъ властивымъ основателемъ княжества литовского и назвался Великимъ Княземъ Литовскимъ. Съ тымъ то Миндовгомъ заключилъ нашъ Данило дружескій союзъ и оженилъ свого сына Шварна съ его донькою. Миндовгъ покинулъ поганство, сталъ христіяниномъ и крестилъ себе и дѣти свои на вѣру нашу русскую. Сынъ Миндовга Войшелкъ, который былъ душою союза межи Литвою и Русію, вступилъ въ монастырь и постригся въ черницѣ. Пôзднѣйше, якъ намъ уже извѣстно, не могла Русь додержати заключеного союза съ Литвою, бо принуждена была давати Татарамъ воспомагательныи войска на Польщу и Литву. Тогды выступилъ Войшелекъ зъ монастыря и мстился на Руси; убилъ даже сына Даниловего Романа, по чêмъ ôнъ назадъ вступилъ въ монастырь. Въ коротцѣ убитый былъ Миндовгъ

своими ворогами, а Войшелкъ еще разъ покинулъ монастырь, добылъ собѣ отцевскій престолъ и тогды еще разъ ѡтновилися дружескіи ѡтношенія межи нимъ а нашимъ королемъ Даниломъ. Послѣ ѡтдалъ Войшелкъ литовскій престолъ шуринови своему Шварну, а самъ таки передъ концемъ жизни повернулъ зновь въ улюбленное мѣстце свое въ монастырь.

Такъ стояли справы на Литвѣ при смерти нашого короля Данила.

Князь Левъ.

† 1301.

По смерти Данила былъ верховнымъ княземъ на Руси нашой братъ его Василько, который самъ княжилъ на Волыни. Левъ обнялъ землю Перемышльску и Львовскую, а братъ его Шварно землю Галицкую и Холмскую. Оба братья повиновались стрыеви, яко начальному князеви. Шварно былъ кромѣ того еще княземъ литовскимъ — но не долго. Въ р. 1270 умеръ Шварно, а удѣлъ его, т. е. Галичъ и Холмъ прилучилъ Левъ до своихъ земель и сталъ теперь княземъ цѣлой нашой землѣ Галичины. Въ р. 1271 умеръ Василько на Волыни и роздѣлилъ княжество Волынское такъ, що сынови своему Владиміру далъ городъ Владиміръ съ прилежащими зе-

млями, а наймолодшому сынови брата своего Данила Мстиславу, далъ Луцкъ. Теперь прійшла верховная власть надъ

Князь Левъ.

Русію на князя Льва яко найстаршого въ родѣ.

Князь Левъ былъ мужъ властелюбивый, но при томъ розсудный и прозорливый. Его задачею было охоронити

свою землю ôтъ нападôвъ постороннихъ и забезпечити собѣ въ ней владѣніе. Зналъ ôнъ, що ôтъ запада, т. е. ôтъ Поляковъ, дыбающихъ на захваченье рускихъ земель, не може ничого доброго сподѣватись; для того ôнъ скорше уже довѣрялъ союзови съ Татарами. Татаре, хотя и якъ дикій народъ, но они не нарушали нашой вѣры, и позваляли Льву свободно розпоряжатись въ его княжествѣ; они придали ему даже значительный отрядъ свого войска для охороны его особы и границь его державы. Удержуючи союзъ съ Татарами, князь Левъ воевалъ то съ Польщею, то съ Литвою, которыи часто вдиралися въ наши землѣ и рады были на всегда ихъ собѣ пôдбити; коли межи тѣмъ Татаре о пôдбитью земель въ южной Руси не думали, а якъ скоро являлись въ нихъ для хвилевой добычи, такъ скоро зъ нихъ и счезали.

Князь Левъ владѣлъ 37 лѣтъ. При конци жизни ôнъ змѣнился. Предпріемчивый и скорый на дѣло въ молодомъ вѣцѣ, ôнъ на старость стался лагоднымъ, жилъ въ мирѣ съ сусѣдами и дбалъ о порядокъ и добро свого народа. Щобы на будучность забезпечити Руси своей помочь у сѣверной, сильной уже Суздальской Руси, ôнъ оженилъ сына свого Юрія съ донькою Вел. Князя Московского Суздальского. Дбаючи о благоустройство своей землѣ, ôнъ отбудовалъ городъ

Львовъ, укрѣпилъ его твердыми стѣнами и окопами, и населилъ купцями Греками и Сарацинами. На горѣ, которая теперь называется „Высокимъ Замкомъ", збудовалъ собѣ князь Левъ великолѣпный княжескій замокъ.

Послѣдніи дни жизни своей посвятилъ Левъ богомолію. Ôнъ удалился въ тихій закутокъ въ Спасскій монастырь (выше Старого-Мѣста), и тутъ здается принялъ на смертной постели монашескій чинъ и упокоился въ Бозѣ въ р. 1301. Тѣло его похоронено въ церкви монастыря въ Лавровѣ.

Въ р. 1767 по пожарѣ монастыря открыто въ каменной стѣнѣ двѣ трумны, обитыи серебрянными бляхами и украшены рѣзьбою. На одной изъ нихъ вырѣзано было имя Льва.

Король Юрій I.

Г. 1301—1315.

По смерти князя Льва вступилъ на престолъ Галицкой Руси единственный сынъ его Юрій I., который имѣлъ тогда уже 40 лѣтъ. Юрій отличился еще за жизни отца своего хоробростію яко дѣльный воинъ на поляхъ битвы; коли однакъ сталъ самъ княземъ, покинулъ дѣла военныи и постановилъ собѣ въ мирѣ хоронити и забезпечити тое, що по отцѣ наслѣдилъ. Принужденъ лишь конечностію, бралъ Юрій за оружіе, но счастья

въ походахъ военныхъ не имѣлъ. Заразъ въ початкахъ свого правленія, въ р. 1302 побитый ôтъ Поляковъ, принужденъ былъ ôтдати имъ городъ Люблинъ; но за то присоединилъ ôнъ до свого княжества землю Волынскую. Тамъ владѣли: сынъ

Король Юрій I.

Данила Мстиславъ и сынъ Данилового брата Василька Владиміръ. Оба тіи князѣ померли до р. 1305. и тогда перейшла цѣлая Волынская земля на Юрія. Юрій, ставши ôттакъ владѣтелемъ всѣхъ земель, якими управлялъ дѣдъ его король Данило, вѣнчался королевскою короною

и принялъ названіе „Короля всей
Малой Руси“.

Ôтъ теперь жилъ Юрій спокойно
у себе и въ згодѣ со всѣми сусѣдами
Въ особлившой пріязни жилъ ôнъ съ поль-
скимъ княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ
и выдалъ доньку свою Марію за сына
тогожъ, Болеслава Тройдена, изъ кото-
рого супружества родился сынъ Боле-
славъ Тройденовичъ, крещеный въ
русской вѣрѣ и названый русскимъ кня-
земъ. Здавалось, що черезъ то въ спо-
кою и гараздѣ прожіе король Юрій цѣ-
лый свôй вѣкъ, — но Богъ судилъ ему
инакше; — ôнъ бо яко воинъ положилъ
свою голову на поли битвы за отчину
А сталося то такъ: Выпало Руси прова-
дити вôйну, и то съ Литвою. На Литвѣ
княжилъ передъ тѣмъ короткій часъ сынъ
нашого короля Данила Шварно. По смер-
ти Шварна завелись тамъ споры о кня-
жій престолъ, ажь въ-конецъ засѣлъ на
немъ литовскій князь Витенъ. За его
часôвъ нападали на Литву нѣмецкіи ры-
царѣ, такъ званыи „Крестоносцѣ“, и пер-
ли ю до русскихъ границь. Витенъ вы-
слалъ сына своего Гедимина на Волынь
добывати землѣ. Въ р. 1315. вступилъ
Гедиминъ въ русскіи предѣлы, здобылъ
наши городы Дрогичинъ и Берестъ и по-
сувался що-разъ дальше до города Вла-
диміра Волынского. Юрій собралъ н
скорѣ свое рыцарство и съ помочію Та

таръ станулъ противъ Гедимина пôдъ Владиміромъ. Прійшло до завзятой борьбы; Татаре подались и уступили, а наши затѣмъ попали въ розстройство. Юрій старался вправдѣ удержати порядокъ и станулъ самъ на челѣ свого войска, именно тамъ, где борьба найзавзятѣйша кипѣла; однакъ и его присутствіе въ бою уже ничого не помогло. Литовцѣ розбили нашихъ, а самъ Юрій, пробитый стрѣлою, погибъ яко богатырь за свою отчину, за Русь свою.

Зъ жизни короля Юрія I. памятно еще тое, що ôнъ старался усильно завести у себе въ Галичи метрополію. Начальникомъ бо всей русской Церкви и всѣхъ епископствъ былъ до теперь всегда Митрополитъ Кіевскій, посвящаемый Патріархомъ Царгородскимъ. Съ нашествіемъ Татаръ и съ паденіемъ Кіева упадала и митрополія Кіевска, а въ р. 1299. перенесся Митрополитъ Максимъ изъ Кіева до Москвы. Изъ того выйшла невыгода для Руси Галицкой, бо если потреба ей было нового Епископа, то выпадало или ѣхати ажъ до Москвы, щобы тамъ Митрополитъ посвятилъ Епископа, или выжидали, ажъ Митрополитъ пріѣде на Галицкую Русь. Въ виду того старался нашъ король Юрій, имѣти свого Галицкого Митрополита. Жилъ въ оный часъ въ Галицкой землѣ мужъ святый, именемъ Петро. Ôнъ родился на Волыню

и въ 13. рсцѣ своей жизни постригся въ монахи, а яко такій прославился своими добродѣтелями, побожностію и писаньемъ (мальёваньемъ) иконъ. Пôзднѣйше ôнъ удалился въ уединенное мѣстце надъ рѣкою Ратою (коло села Дворцы въ Жолковскомъ округѣ) где проводилъ святую, строго монашескую жизнь. Дознался о немъ король нашъ Юрій и упросилъ его, щобы ôнъ ѣхалъ въ Цареградъ просити Патріарха о окремого Митрополита для Галицкой Руси. Петро послухалъ и отправился въ Цареградъ, и тамъ доручилъ Патріархови письмо ôтъ короля Юрія. Въ письмѣ тôмъ просилъ Юрій, щобы Патріархъ посвятилъ на Митрополита того мужа, который ему доручилъ письмо. Патріархъ, побачивши, що Петро мужъ святый, истинно достойный занимати той святительскій чинъ, поставилъ его Митрополитомъ всеи Руси. Петро вернулъ на Русь, но заѣхалъ не до Галича, а до Москвы, тамъ осѣлъ и зъ-ôтти ходилъ по всѣхъ русскихъ земляхъ устроювати церковныи дѣла и посвящовати Епископôвъ. Умеръ ôнъ въ р. 1326, а тѣло его нетлѣнное почивае до днесь въ Москвѣ въ храмѣ св. Успенія.

Андрей и Левъ II.

Г. 1315 - 1324.

Перевага Литвы на Малой Руси.

По смерти короля Юрія стали Галицко-Волынскими князями два его сыны, Андрей и Левъ II.; Андрей сидѣлъ въ Владимірѣ, а Левъ въ Луцку. Оба они урадили межи собою, щобы ôтомстити на Литовцяхъ смерть отца свого, короля Юрія. Но оказалось, що силъ на тое у Руси уже не ставало; князѣ связались вправдѣ противъ Литовцêвъ съ Нѣмцями, но и то не помогло, бо Гедиминъ, литовскій князь, розбилъ напередъ Нѣмцêвъ, а потомъ въ р. 1319. кинулся на Русь, ôтобралъ ôтъ князя Льва Дрогичинъ и Берестъ и забралъ ему даже городъ Луцкъ. Князь Левъ оставилъ тогды свою отчину и удался за Днѣпръ.

Гордый побѣдами Гедиминъ и заохоченый военнымъ счастьемъ своимъ, не довольствовался частію землѣ Волынской, якую уже загорнулъ; ôнъ видѣлъ добре, що держава Галицко-Волынска зачинае колебатись въ своихъ пôдставахъ и що не трудно ему прійде дальше розширяти свои заборы, а еще наконецъ зналъ и тое, що другая часть Руси, Русь сѣверна Суздальско-Московска, держится окремо, а до того она все еще не уладилась съ Татарами, которыи именно лишь тую сѣверную Русь, яко найближшую ихъ су-

сѣдку, нападали, жестоко грабили и нищили. Тожь не залишилъ литовскій Князь Гедиминъ корыстати изъ тыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ Руси и въ надѣи добычи двигнулся походомъ на Кіевъ. Счастье спріяло ему и теперь. Въ Кіевѣ княжилъ тогды якій то потомокъ зъ роду Рюрика, князь Станиславъ; ôнъ то хотѣлъ повздержати Гедимина на пути въ Кіевъ, однакъ надармо. Войско Станислава стрѣтилось съ литовскими войсками пôдъ Бѣлгородомъ; завязалась страшенная битва и кончилась такъ, якъ можна было предвидѣти. Гедиминъ побѣдилъ русскіи войска и пôдступилъ уже безъ перепоны пôдъ самъ Кіевъ. Кіевляне не хотѣли здатися добровольно и держались цѣлый мѣсяць хоробро; но коли они вконецъ увѣрились, що долше не удержатся, отворили брамы Кіева, выйшли съ духовными и старшиною городскою противъ Гедимина и ôтдали ему городъ.

По занятію Кіева повернулъ Гедиминъ съ великою славою въ свою Литву, а въ Кіевѣ поставилъ свого намѣстника Миндова. Такъ отже Гедиминъ допялъ своей цѣли: завладѣвши частію Волыня и Кіевщиною, ôнъ имѣлъ уже перевагу на Руси и утвердилъ въ ней свое вліяніе. Правду сказати, не найгôрше выйшли тіи землѣ русскіи що прійшли теперь пôдъ Литву. Они освободились ôтъ тяжкого ярма татарского, и Гедиминъ не причи-

нялъ Русинамъ кривды ни въ имѣнію, ни въ вѣрѣ, ни въ законахъ ихъ. Противно, ôнъ глубоко почиталъ православную вѣру и велѣлъ сынамъ своимъ и вельможамъ креститися по греческому обряду.

Маючи уже давнѣйше у себе въ употребленіи русскую бесѣду, Гедиминъ познакомился теперь близше съ нашою литературою и наукою, и взялъ съ собою на Литву много русскихъ ученыхъ, духовныхъ, художникôвъ и ремесленникôвъ, щобы тіи въ его краю ширили греческую вѣру, рускую бесѣду, просвѣщеніе, искуство и ремесла. Полюбилъ, якъ видимъ, Гедиминъ все, що было русское и старался тое у себе дома защепити, т. е. Литву свою зрусчитити. Такъ отже покорила вправдѣ Литва оружіемъ русскіи землѣ, но за тое въ духовнôмъ взглядѣ Русь наша подчинила собѣ Литву и здѣлала ю народомъ русскимъ вѣрою и бесѣдою.

Межи тѣмъ на Руси Галицко-Волынской, теряющой видимо политическую свою силу и самостоятельнôсть, владѣлъ Князь Андрей, сынъ Юрія I. Онъ то видѣлъ наглядно, що вôйною ничого не добьеся, для того старался ôнъ войти въ дружескіи сношенія съ Гедиминомъ, и тое намѣренье осягнулъ ôнъ тѣмъ певнѣйше, що сына свого Юрія оженилъ съ донькою Гедимина, а свою доньку Бу-

шу выдалъ за сына Гедимина, Любарта. Сверхъ того князь Андрей заключилъ еще торговельный договоръ и съ Нѣмцями и жилъ въ пріязни съ польскимъ

Князь Андрей.

королемъ Владиславомъ. Ôтъ того времени проживалъ Андрей спокôйно вѣкъ свôй, пересиджуючи то въ Львовѣ, то въ Владимірѣ, и упокоился въ р. 1324, оставляючи единственному сынови своему Юрію Галицко-Володимірскую державу.

Юрій II.

Г. 1324—1337.

Дванадцять лѣтъ владѣлъ кн. Юрій II. въ Галицкой державѣ, называючи себе „Княземъ всеи Малои Руси.“ И въ самомъ дѣлѣ мала то уже стала тая галицкая Русь: изъ земель Волынскихъ остались при ней тôлько остатки. Кіевщина вся ôтобрана оставала при Литвѣ, а самой Галичинѣ не достало уже той державной силы и славы якою она недавно еще на всю Европу величалась.

Сей князь Юрій II. яко прямый потомокъ галицко-русскихъ королей Даніила, Льва и Юрія I, хотя и мôгъ называти себе королемъ Малои Руси, но ôнъ таки принялъ названіе мало-русского князя, а то головно по той причинѣ, що сіе имя „князь“ стало еще зъ часôвъ прародителя русско-княжеского роду, первого князя Рюрика, у всей Руси домашне, свойске и народомъ русскимъ улюблене; коли межи тѣмъ названіе „король,“ яко походящое ôтъ латинского запада, не имѣло для Русинôвъ такъ милого значенія и таки не принялося въ народѣ.

Примѣчаемъ тутъ, що славянскіи народы за найдавнѣйшихъ временъ называли своихъ владѣтелей владыками, а зъ часôвъ Рюрика настало на Руси названіе князей. По принятію христіянства владыками стали называти русскихъ епископôвъ, для которыхъ то названіе для бôльшой почести и до нынѣ удержалось, а за то кня-

зями звалися всѣ потомки зъ роду первого Рюрика, чи кто изъ нихъ владѣлъ якимъ удѣльнымъ княжествомъ на Руси, чи не владѣлъ, а былъ только потомственнымъ сродникомъ владѣющого князя. Пôзднѣйшіи нареченія „король“ и „царь“ настали изъ запада, где въ честь славного римского императора Цесара названо владѣтелей державныхъ „цѣсарями“ или въ скороченью „царями,“ а въ честь германского царя Короля Великого „королями.“

Князь нашъ Юрій II. былъ немощенъ на тѣлѣ и духа спокôйного. О его жизни и дѣлахъ не вспоминае намъ исторія майже ничого. Ôнъ умеръ въ р. 1337. безъ потомства, а зъ нимъ вымеръ родъ Романовичей, съ нимъ кончится въ Галичинѣ и на Волыню родъ князей коренно русскихъ, а рядомъ съ тѣмъ и самостоятельнôсть нашой Галицо.Владимірской державы.

Болеславъ Тройденовичъ.

Г. 1337—1340.

Зажурилась Русь наша по смерти Юрія II. бо не стало уже въ ней свого питоменного русского князя. Галичане предвидѣли якая доля ихъ ожидае; предвидѣли що сусѣдныи державы будутъ заходитись о добитье русского достоянія и земель русскихъ. Тожь собрались во Львовѣ Владыки, вельможи и достойники, и они роздумовали кого бы запросити

до себе на княжескій престолъ. Жили тогды изъ родины Романовичей двѣ княгинѣ, одна Марія, донька Юрія I., що была за княземъ польскимъ Тройденомъ и мала сына Болеслава, а друга княгиня Бушa, жена Любарта Гедиминовича Литовского. По всесторонной нарадѣ Владыки и бояре наши рѣшили запросити до себе Болеслава Тройденовича который и крещенъ былъ въ русской вѣрѣ и названъ русскимъ княземъ для того, що ôтъ матери былъ воспитаный въ любви и прихильности для Руси. Болеславъ призванный явился во Львовѣ чѣмъ-скорѣйше, щобы его кто не випередилъ, и заприсягъ на св. Евангеліе що буде цѣлымъ духомъ русскимъ княземъ и що постоитъ вѣрно за св. церковь и народъ русскій. Однакожъ вскорѣ познали Галичане, що тяжко завелись на Болеславѣ, бо сей-часъ по его вступленью на русско-княжескій престолъ они увидѣли, що Болеславъ ôтступилъ ôтъ материнской вѣры, а перейшолъ на латинскій обрядъ, отже вже и черезъ то само ôнъ, яко переходовецъ, заразъ стратилъ у Русинôвъ довѣріе. А якимъ княземъ былъ ôнъ для Руси, то вскорѣ показалось, бо ôнъ окружалъ себе самыми Поляками и Нѣмцями инновѣрцями, тымъ лишь и роздавалъ самыи виднѣйшіи достоинства, накладалъ на народъ надзвычайныи податки, сталъ вводити латинскую вѣру и ругался зъ вѣ-

ры православной русской, ба еще до того на дворѣ своемъ заводилъ такую гидкую розпусту, якой въ земляхъ русскихъ еще николи не бывало. Народъ русскій не стерпѣлъ такого князя, и въ самъ день праздника Благовѣщенія р. 1340 Львовяне отруили Болеслава на пирѣ. Отруя была такъ сильна, що розсадила тѣло Болеслава на куснѣ.

Король польскій Казиміръ нападае на Галичину въ р. 1340.

Ледви тôлько позбылись Галичане Болеслава Тройденовича, а уже въ кôлька день по томъ явился для Галицкой Руси новый опѣкунъ, тогды могущій силою, который не пытаючи никого, ворвался въ предѣлы нашого краю, загорнулъ наши землѣ и прилучилъ ихъ до своей державы. Опѣкуномъ тымъ былъ король польскій Казиміръ, названый у Полякôвъ Великимъ. Той узнавши о напрасной кончинѣ сродника свого Тройденовича, замыслилъ помститись за него и при тôмъ добыти собѣ красныи и богатыи русскіи землѣ. Тожь собралъ ôнъ въ сей часъ доборовый отрядъ войска и пустился манôвцями, щобы не звернути ничіей уваги и ненадѣйно напасти на Львôвъ. За кôлька дней Казиміръ станулъ у брамъ того города и осадилъ го-

ру св. Юрія, где много скрылося народа, а добывши скоро тую крѣпость, осадилъ и городъ. Львовяне, неприготовлены на такій несподѣваный нападъ, не могли и думати о долгой оборонѣ; тожь въ-коротцѣ они отворили Казиміру брамы мѣста; вымовивши собѣ лишь тое, щобы ôнъ не посмѣлъ нарушати русской вѣры и княжескихъ сокровищъ, и що имъ Казиміръ торжественно прирекъ не нарушати. Казиміръ, вступивши въ городъ боялся еще розпоряжатись тутъ самовольно, ôтобралъ тôлько обѣтницю вѣрности, а оставляючи давныи порядки въ управленіи городскôмъ, выбрался назадъ. Но первое уже тое посѣщеніе на Руси король Казиміръ зазначилъ тѣмъ, що помимо данного приреченья забралъ дорогоцѣнныи княжескіи сокровища, якъ то: два золотыи кресты съ часткою святого дерева крестного, на которомъ распятый былъ Спаситель міра Іисусъ Христосъ, до того двѣ золотыи короны, украшенныи дорогими каменями, также великолѣпныи княжескіи одежи и збруи, — та и повêзъ до Кракова. Такій то былъ вступъ до дальшихъ дѣйствій Казиміра на Руси.

Того самого року по празднику св. Іоанна Крестителя вступилъ Казиміръ съ великимъ войскомъ уже отверто на Русь Галицкую, а городы и крѣпости здавались ему — одни добровольно, другіи по короткой, завзятой, но безъуспѣ-

шной оборонѣ. Тогды занялъ Казимѣръ Перемышль, Любачêвъ, Тустань, Галичъ, Теребовлю, Кременецъ и Львôвъ, где оставилъ уже свою залогу, состоящу изъ нанятыхъ нѣмецкихъ воякôвъ. Такимъ способомъ загорнулъ ôнъ Галицкіи землѣ, прилучилъ ихъ до свого королевства польского, а самъ вернулъ въ Польщу. Было то въ р. 1340.

Другую часть Галицко-Волынского княжества, т. е. Волынь занялъ въ тôмъ самôмъ роцѣ литовскій князь Любартъ, мужъ Волынской княгинѣ Буши, и сталъ тамъ удѣльнымъ княземъ, яко князь Литвы и Волыня.

Такъ положили сусѣды конецъ великому и державному княжеству нашому Галицко-Волынскому, роздѣлили межи себе достояніе наше, та и звелась наша сила, наша слава и воля наша. Русь згнетена и обиджена зачинае повиноватись чужимъ владѣтелямъ, доживае тяжкой гôрькой долѣ, та въ жалю и горести спѣвае:

„Взяли мене поломали,
Та въ пучечки повязали —
Така доля моя!“

Вел. Княжество Суздальско-Московское

ôтъ первого нашествія Татаръ до р. 1340.

Въ той самъ часъ, коли княжество Галицко-Волынское по татарскихъ нападахъ клонилося къ паденію, — дѣялось совсѣмъ иначе въ земляхъ русскихъ на сѣверѣ, т. е. въ великомъ княжествѣ Суздальско-Московскомъ. Не смотря на то, що Русь тамта далеко бôльше бѣдъ дознавала ôтъ Татаръ, чѣмъ наша Русь, таки всегда ишло въ ней къ лучшому, бо княжество Суздальско-Московское щоразъ бôльше скрѣплялось и поступало поволи до того, щобы колись статись тою великанскою державою, якою есть нынѣ Великая Русь.

Якъ знаемъ, въ р. 1237 явились Татаре на сѣверной Руси, истребили, разорили всѣ землѣ и городы, и замѣнили цѣлую сѣверную Русь въ одно згорище, въ одно кладбище. Правда, двигнулся противъ Татаръ Вел. Князь Суздальскій Юрій II., но не встигъ ôнъ охоронити землѣ своей, погибъ самъ, погибло и все его войско. Зъ тѣхъ поръ высылали туда Татаре своихъ урядникôвъ, баскакôвъ и бесерменъ, а тіи обдирали весь край и народъ безпощадно, собираючи дань для свого Хана. Зъ того часу пôдпала цѣла сѣверная Русь пôдъ иго татарское и томилась въ немъ долго-предолго, бо ажь до р. 1480, т. е. черезъ 250

лѣтъ. Всѣ Князѣ сѣвера, такъ Великій Суздальскій, якъ и другіи удѣльныи князѣ, залежали ôтъ ласки Ханôвъ и принуждены были ходити до нихъ кланятися до пятъ, за що Ханы затверджали ихъ въ ихъ достоинствахъ.

По несчастной кончинѣ Юрія II. Вел. Князя Суздальского слѣдовалъ на престолѣ велико-княжескомъ братъ его Ярославъ, который ѣздилъ съ другими князями до Батыя на поклонъ и получилъ ôтъ него верховную власть надъ цѣлою Великою Русію. По Ярославѣ сталъ Вел. Княземъ Суздальско-Московскимъ сынъ его Александръ Невскій. Умный то былъ и прозорливый Князь. За жизни отця своего былъ ôнъ княземъ свободного и славного Новгорода, и тогды выправлялся на Шведôвъ, которыхъ побилъ надъ рѣкою Невою, ôтъ чого назвала его Русь Невскимъ. Яко Вел. Князь Суздальскій управлялъ ôнъ дуже мудро 18 лѣтъ, а также благорозумно поступалъ ôнъ взглядомъ Татаръ. Видѣлъ бо ôнъ, що силою противъ нихъ не здѣлае ничого, ѣздилъ такъ и ôнъ до нихъ часто, съ поклономъ, та и съ просьбами и подарунками отводилъ Хана ôтъ погубныхъ нападôвъ на Русь.

По смерти Александра Невского, братанцѣ его и дѣти начали знову спорити межь собою; видно, до теперь еще не научила ихъ бѣда того, що тôлько со-

гласіемъ могутъ они устоятись. Тіи наслѣдники Невского, вмѣсто щобы разомъ взятись рука за руку и съ Малою Русію получитись на ворога, стали ѣздити до Татаръ, клеветали одни на другихъ, и одни противъ другихъ призывали собѣ на помочь той бичъ Божій. Такъ знову проливалась русская кровь то ôтъ братного, то ôтъ татарского оружія.

Середъ такого несчастья, водившогося на Руси, жилъ въ маленькомъ тогды городку Москвѣ наймолодшій сынъ Александра Невского, Даніилъ и того избрало провидѣніе, щобы ôнъ спасалъ честь сѣверной Руси и вовелъ въ ней назадъ порядокъ. Даніилъ сидѣлъ спокойно въ своимъ городци и управлялъ мудро и честно своимъ народомъ, такъ, що народъ весь въ Москвѣ и всюда въ окрестности полюбилъ его надзвычайно. Слава Москвы и еи князя розходилась що-разъ дальше, и цѣлыи княжества, найзнаменитшіи городы лучились съ Даніиломъ. Въ р. 1299 перенесся Митрополитъ всей Руси Максимъ изъ розореного Кіева во Владиміръ Залѣсскій коло Москвы, а наслѣдникъ его, знаный намъ Митрополитъ святый Петръ, переселился въ самую Москву. Ôтъ того часу всѣ Митрополиты Руси постоянно проживали въ Москвѣ, ôтъ чого городъ той почитался уже первопрестольнымъ

городомъ и стался яко-бы сердцемъ цѣлои Руси.

По смерти Даніила вступилъ на престолъ Московскій сынъ его Юрій, а потомъ другій сынъ Іоаннъ Калита, который былъ княземъ сѣверной Руси ôтъ р. 1328 до 1340. Былъ се чрезвычайно умный и добрый князь. Ему то предвозвѣстилъ святый Петръ Митрополитъ, що Богъ буде благословити родъ его и що потомки его будутъ Царями надъ великою державою. И въ самомъ дѣлѣ уже самъ Іоаннъ Калита мудрымъ своимъ правленіемъ далъ первое основаніе великой Русской державѣ. Будучи въ зависимости ôтъ Татаръ, заходился ôнъ съ ними оглядно, и для того поставленъ былъ ôтъ нихъ Великимъ Княземъ всѣхъ русскихъ земель на сѣверѣ и востоцѣ. Межи Татарами происходили тогда домашніи споры, для того не могли они уже такъ натискати на Русь, якъ передже, а брали дань лишь изъ Москвы. Однакожъ и ôттуда удалилъ Іоаннъ Калита татарскихъ баскаковъ, а дань за Москву ôнъ платилъ самъ изъ своихъ доходôвъ.

Вел. Князь Іоаннъ Калита понималъ хорошо, що найпершою задачею русскихъ князей есть тая, щобы скинути изъ себе татарское ярмо, чого они однакъ не успѣютъ здѣлати, пока разъ всѣ не получатся пôдъ управленіемъ одной головы. Початокъ до исполненья той задачи далъ ôнъ

самъ; ôнъ бо принявши названіе „Великого князя всеи Руси“, подчинилъ собѣ всѣхъ другихъ Князей, державъ ихъ сильною рукою при собѣ, собиралъ ôтъ нихъ дань, а при тôмъ удержовалъ пріязныи сношенія съ Татарами, щобы тіи ему въ его дѣлѣ не перепиняли. Такимъ способомъ положилъ Іоаннъ Калита первыи пôдвалины пôдъ тое великанское зданіе Великой Русской державы и приготовилъ ей свѣтлую будучность. Ôнъ умеръ въ г. 1340, въ тôмъ самомъ роцѣ, въ которомъ Русь Галицкая стратила свою самостоятельность на всегда и роздѣлена перейшла пôдъ владѣніе своихъ сусѣдôвъ.

Іоанна назвалъ народъ Калитою зъ причины его особенного милосердія для бѣдныхъ; куда бо ôнъ тôлько поступалъ или ѣхалъ, носили за нимъ калиту съ грошми, зъ которой ôнъ роздавалъ щедро всякому, кто помочи его потребовалъ.

Поглядъ на внутренне устройство Руси до р. 1340.

I. Церковь. Зъ часôвъ введенія христіянства на Руси черезъ Владиміра Великого, утверждалась тутъ Церковь Христова съ каждымъ днемъ що-разъ бôльше, а станъ духовный приходилъ до великого

значенія и поваги. Уже Владиміръ Вел. основалъ митрополію въ Кіевѣ и численныи епископства по цѣлой Руси, которыхъ въ XIII. и XIV. вѣцѣ было уже на Руси 20. Верховнымъ начальникомъ надъ всѣми Епископами былъ Митрополитъ всей Руси Кіевскій, посвящаемый Патріархомъ Цареградскимъ за согласіемъ Вел. Князя Руси. Въ р. 1299 перенесся Митрополитъ Максимъ на сѣверную Русь, напередъ до города Владиміра, а потомъ до Москвы. Зъ того обстоятельства выйшли невыгоды для Малой Руси, а окончательно церковный роздѣлъ, бо Малая Русь стремила до того, щобы имѣти своего власного Митрополита. Митрополитъ посвящалъ Епископôвъ, которыхъ выбирали собѣ старшіи священники, бояре и мѣщане вразъ и съ княземъ. Князѣ выпосажали щедро епископства, надавали имъ десятину зъ мыта, меду, зъ лѣсôвъ и пр. и призначали имъ доходы зъ монастырей, церквей, дворищъ и селъ. Церковь и настоятелѣ духовныи, якъ Епископы и священники, имѣли на Руси великіи преимущества. До Епископôвъ належалъ судъ надъ мірскими людьми въ справахъ духовныхъ, а станъ духовный, т. е. игумены, священники (попове), діаконы и причта церковная свободны были ôтъ суда мірского княжеского, а подчинены были судови Владыки. Станъ духовный свободный былъ ôтъ всякихъ

даней, а люди, до него належацїи, т. е. приписаныи до монастырей или до владыцтвъ, обовязаны были давати роботу и дань (погребщиву) тымъ служителямъ церковнымъ, которыи въ церквахъ голосили славу Божу и за князей и народъ молилися. Такъ отже станъ духовный занималъ на Руси высокое мѣстце и имѣлъ великїи права и привилеи. Церкви и монастыри умножались и мали всюда великое уваженїе. А и пôдъ жестокимъ татарскимъ ярмомъ розвивалась спокочно Церковь наша; Татаре бо при всей своей дикости не затрогивали ни вѣры нашой, ни обряда, но противно шановали нашу вѣру и почитали особенно станъ духовный, священникôвъ и Епископôвъ, та они не тôлько що сохраняли ихъ жизнь, но освободжали ихъ даже и ôтъ дани, якую каждый мїрскїй житель Руси платити былъ принужденъ.

Тôлько въ Галицкой Руси, и то ажь за часôвъ Болеслава Тройденовича стали заходити сюда латинскїи монахи, Францишканы и Доминиканцѣ, которыи трудились въ дѣлѣ соединенїя Церкви въ Римомъ и заводили где лишь могли, навѣть и насилїемъ обрядъ латинскїй. Дѣло однакъ тое не велось еще и за Болеслава Тройденовича; ажь потомъ приняло оно широкїи розмѣры за Казимїра и другихъ польскихъ королей.

II. Держава. Жителѣ Руси дѣлились на четыре сословія, т. е. 1) сословіе церковное, о которомъ що-ино говорилось, 2) сословіе боярское, 3) мѣщанское и 4) простыи люде или чернь.

1) Бояре, по-при духовенствѣ найвысшое сословіе на Руси, были то воеводы по городахъ, полководцѣ и найвысшіи достойники въ державѣ. Они окружали князя, назначали всякіи поборы и данины. Они добились великой власти и силы супротивъ сословія мѣщанъ и селянъ. Особенно на Руси Галицкой они дойшли до такой власти, що неразъ роспоряжали по своей волѣ княжескимъ престоломъ и въ своей самоволѣ заводили неразъ домашніи борьбы и безъурядицы, поставляли или проганяли князей, а разъ навѣть одинъ бояринъ самъ для себе захватилъ княжескій престолъ въ Галичи. Такъ лихо повліяло на нашихъ бояръ сусѣдство Польщи и Угорщины, где шляхта и магнаты въ подôбный способъ придавляли мѣщанъ и селянъ та рядили по своей самоволѣ.

2) Мѣщане жили по бôльшимъ городамъ и посѣдали свои недвижимыи имѣнія и свои права. Зъ-разу имѣли они великій голосъ въ справахъ державы, сходилися на вѣче, радили о законахъ, и свободны были ôтъ данинъ. Но съ часомъ пригнетены ôтъ бояръ, они теряли свои права, и одни изъ нихъ остали

яко-тако свободныи, другіи платили податки князеви, инныи боярамъ. Мѣщане свободныи занимались по бôльшой части торговлею и ремеслами.

3) Чернь земледѣльцы селяне, становили найчисленнѣйшую часть народа, зъ почтаку свободныи, но со взростомъ боярства потеряли свои права и свободу, стали платити дань, ôтбывати всякіи роботы въ громадѣ и для боярского двора, та и часто выставлены были на грабежи и гнетъ ôтъ стороны боярства, именно зъ тыхъ часôвъ, коли то боярство на спосôбъ шляхты польской было розбуяло.

III. Торговля, искуство, литература. Въ державѣ русской жили где куда также иноплеменники, якъ Нѣмцѣ, Ормяне, Сарацины и Жиды, которыи найбôльше занимались торговлею. Князѣ надѣляли такихъ торговцêвъ различными привилеями, щобы тôлько держати въ земляхъ своихъ и черезъ нихъ удержовати торговельныи сношенія съ другими народами. Найважнѣйшимъ мѣстомъ торговельнымъ въ нашихъ земляхъ былъ Галичъ, зъ-ôтки купеческіи лодки перевозили всякіи товары, якъ сбôже, сôль, дерево и пр. Днѣстромъ на Чорное море до Цареграда, а зъ ôттамъ знову привозили выробы искуства зъ золота, шолку и волны. Пôзднѣйше, коли Русь войшла и съ Нѣмцями въ сношенія торговельныи, то головными осередками торговлѣ стали городы

Львôвъ, Луцкъ и Владимiръ, которыи то городы имѣли исключное право на складъ чужеземныхъ товарôвъ. Черезъ такую широко розвинену торговлю пôдносилось и добро народа матерiяльное, заводилися ремесла и пôдносилось просвѣщенiе.

Що до искуства и литературы завдячовала Русь свои успѣхи за тыхъ часôвъ найбôльше Грекамъ, именно высоко тогды образованному Царгороду, которую то столицю Грецiи называли инакше Византiею, а пôсля того также искуства Грекôвъ наречено византiйскими. Разомъ съ христiянствомъ защепилося на Руси таколжъ все умѣнiе по вкусу византiйскому. Просвѣщенная вѣрою Христовою Русь ставила по городамъ и селенiямъ церкви и прiукрашала ихъ великолѣпно, къ тому же призывано майстрôвъ, будовничихъ, рѣзьбярêвъ и живописцêвъ изъ Цареграда, а тiи дали початокъ искуства того на Руси.

Якъ въ искуствѣ, такъ и въ литературѣ нашой зъ тыхъ часôвъ видимъ влiянiе Цареграда. Съ вѣрою приняла Русь обрядъ греческiй, а книги до Богослуженiя переведены были изъ языка греческого на русско-славянскiй. Первый переводъ святой Евангелiи походитъ ôтъ св. Кирила и Меѳодiя; другiи Богослужебныи книги переводили монахи наши въ Печерской Лаврѣ, выобразовавшiися на книгахъ греческихъ. Тiи то русскiи

монахи занимались найбôльше словесностію и были первыми розсадниками просвѣщенія по всей Руси. Много памятникôвъ словесности нашой зъ найдавнѣйшихъ временъ захованося до днесь, и они посвѣдчаютъ такъ о высокой образованности славнои бывальщины, якъ и о нравственности и любви отчины современныхъ жителей. Такими памятниками суть на пр. Русская Правда, Лѣтопись Нестора, Поученіе дѣтямъ Вел. Князя Мономаха, Слово о Полку Игоря и прч.

ПЕРІОДЪ II.

(Г. 1340—1772).

ЧАСТЬ I.

Споры межи Литвою и Польщею о Галицко-Владимірскую спадщину — до уніи Любельской (1340—1569).

Казиміръ (польскій) и Ольгердъ (литовскій).

Съ прискорбіемъ приходится вводити тебе, дорогій брате читателю, въ той новый періодъ исторіи отчины твоей, Руси Галицкой. Ôтъ теперь бо принимае исторія тая совсѣмъ другій видъ. Не будемъ

уже стрѣчатись въ ней со славою и величіемъ тои Руси, яко самостоятельной державы, и съ доблестными подвигами князей для добра народа, ни со взростомъ и возвеличеніемъ народа и Церкви нашой святой, а противно, станемъ придивлятись, якъ Русь наша теряе свои народныи права, якъ опѣкуны еи ôтнимаютъ еи тіи права, славу еи и честь, якъ позбавляютъ еи всего, що ей было найдорожше т. е. свободы, а даже и русскую вѣру ей и обрядъ св. выдаютъ на поруганіе. Правда и за прежнёго періода, за часôвъ своеи самостоятельности южная Русь переносила не одно тяжкое горе, коли смотрѣла на руины земель своихъ за княжескихъ межиусобицъ, коли умывалась въ потокахъ крови дѣтей своихъ, Татарами убитыхъ; но тогды все таки имѣла она своихъ князей, свои законы, свободно ей было называтись Русію, и тогды еи Церкви св. не посмѣла коснутись ни даже татарская дичь. Однакъ теперь — читай лишь далѣй, дорогій брате, а дознаешся, якую долю переживала наша южная Русь пôдъ покровомъ братнёи Польщи.

Въ паденіи своемъ роздѣлилась Галицко-Волынская держава на двѣ части: Галичину забралъ король К а з и м і р ъ до Польщи, а Волынская земля припала Литвѣ, т. е. Литовскому князеви Л ю б а р т о в и, яко своякови вымершой княжеской

родины Романовичей. На Литвѣ умеръ Гедиминъ въ р. 1341 и оставилъ сѐмъ сынôвъ, межи которыми заразъ по смерти отца прійшло до спорôвъ, ажь въ-конецъ двохъ изъ братей, Ольгердъ и Кейстутъ, ôтличающіися межи другими умомъ и мужествомъ, взяли въ свои руки найвысшую власть, и они погодилися такъ, щобы Ольгердъ сталъ надъ всѣми Великимъ Княземъ. Пôдъ его верховною властію и опѣкою управлялъ Волынскою Русію братъ его Любартъ. Щиро можемъ сказати, що пôдъ тымъ литовскимъ владѣніемъ отдыхала Русь якъ-такъ свободно и переживала досыть счастливы времена. Самъ бо Ольгердъ, оставивши брату своему, хороброму Кейстутови, оборону Литвы ôтъ Нѣмцѐвъ-Крестоносцѐвъ, которыи безъустанно непокоили Литву ôтъ запада, звернулъ особенное свое вниманіе на справы Руси. Що до вѣры, родинныхъ связей и поглядôвъ своихъ былъ Ольгердъ таки искреннымъ Русиномъ. Давно уже окрещенный въ православной вѣрѣ и женатый разъ и другій съ русскими княжнами, проживалъ ôнъ майже постоянно на Руси середъ русского народа, преданный тому народу тѣломъ и душею мовь-бы коренный русскій князь. Онъ старался якъ найбôльше русскихъ земель собрати пôдъ свое владѣніе, а принятую ôтъ Руси вѣру, народнôсть и просвѣщеніе, надати своей рôдной Литвѣ.

Не tôлько самъ Ольгердъ, но и всѣ дѣти его крестились по обряду православному и дружились съ русскими княжескими дворами. На княжескомъ дворѣ Литвы чути было тôлько русское слово, видно было тôлько русскій обычай, а въ литовской Церкви тôлько русское православное богослуженіе, — однимъ словомъ, вся Литва походила вѣрою, народностію, науками, обычаями на справдешнюю Русь. Тожъ не дивно, що народу русскому не такъ тяжко было жити пôдъ такою зрусченою Литвою; не дивно, що народъ русскій связался съ Литвою дружескимъ союзомъ и полюбилъ ю и дѣлилъ съ нею щиро и охотно такъ радость якъ и горе.

Инакше складались дѣла въ Галичинѣ. Казиміръ съ польскимъ войскомъ и нанятыми Нѣмцями напалъ нечаянно на Галичину, загорнулъ ю насиліемъ и, щобы въ ней убезпечитись, сталъ ей накидати свôй польскій ладъ. Русь, позбавлена такъ нагло самостоятельности своей, опамяталась, а предчувствуючи, що жде ю въ будучности пôдъ Польщею лихая доля, добыла послѣднихъ своихъ силъ, щобы скинути чужое ярмо. А были тогды въ Галичинѣ два знакомитыи рыцарѣ-бояре, потомки роду княжеского: одинъ Димитрій Детко, воевода Перемышльскій, а другій Данило зъ Острога. Они то собрали народъ на раду, представили ему опасность, яка

угрожае русской земли, и всѣ урадили, що лучше Русинамъ соединитися съ Татарами, якъ пôдлягати Польщи. Татаре бо выбирали зъ Руси лишь свою данину, а въ прочіи внутренніи справы ей совсѣмъ не мѣшались; Казиміръ же заразъ зъ початку забылъ на обѣтницѣ, якіи зложилъ торжественно во Львовѣ, та сталъ накидати Русинамъ свои польскіи порядки, наставати на православную вѣру и перетягати на латинство нашихъ вельможъ и бояръ. Въ виду того не дивно, що Галицкая Русь отчайдушно клонилась уже радше на сторону Татаръ.

Соединившись съ Татарами, выступили Русины всѣ, що ино ихъ было здôбныхъ до оружія, и кинулись съ завзятостію на Поляковъ. Въ продолженіи кôлькохъ дней они прогнали Поляковъ до-чиста изъ Руси, а ворвавшись еще и въ границѣ Польщи, пустошили тамъ землѣ, мѣста и села, а войска и залоги польскіи загнали по-за Вислу. Давши на первый разъ Полякамъ такую памятку, вернули русскіи борцѣ въ Галичину, а Татаре въ свою Орду. Дѣялось то въ р. 1342. Такимъ способомъ освободились Галичане на якійсь часъ ôтъ чужой напасти и здобыли собѣ еще хотяй на коротко самостоятельность. Теперь настали свои старшины и воеводы по городахъ, а найстаршій надъ ними былъ Димитрій Детко въ Перемышли.

Но такое независимое состоянiе Галичины не долго уже удержалось. Казимiръ, выпертый изъ Руси, не пустилъ зъ ока богатыхъ и хорошихъ земель русскихъ, а выжидалъ лишь отвѣтнои способности, щобы зновъ ударити на нихъ и собѣ ихъ завоевати. Въ замыслахъ его вспомагалъ его всюда папа римскiй, а сей взывалъ Мадярôвъ и Чехôвъ, щобы тiи ишли съ Казимiромъ воевати „шизматицкую" Русь, а самому Казимiру ôтступилъ на тую вôйну десятины костельныи, якiи побиралъ зъ Польщи. Помимо всего того таки не скорше, ажь въ 1349. надалась Казимiру удобная хвиля до похода на Русь. Въ тôмъ бо роцѣ случилось, що литовскiй Вел. Князь со своими и русскими войсками зъ Волыня понêсъ ôтъ нѣмецкихъ рыцарêвъ чувствительное пораженiе и стратилъ много войска. Такъ тую то хвилю выкорысталъ Казимiръ для себе и собравши множество войска, двигнулся на Русь, и то уже не на саму Галицкую, а на Волынскую. Въ быстромъ походѣ ôнъ загорнулъ городы Волынскiи: Луцкъ, Владимiръ, Берестъ, а въ конецъ и Холмъ, который долго не хотѣлъ ему здатися. Въ забраныхъ городахъ Казимiръ поставлялъ всюда своихъ старостôвъ, намѣстникôвъ, свои залоги, и сталъ закладати латинскiи костелы. Якое впечатлѣнiе здѣлалъ той походъ Казимiра на русскiи умы, свѣдчить о тôмъ русская

лѣтопись Даниловича, въ которой сказано: „Въ лѣто 1349. прійде король Казиміръ съ многою силою, и взялъ лестію землю Волынскую и много зла христіанамъ сотворилъ, а церкви претворилъ на латинское служеніе". Въ той самъ часъ, якъ говоритъ знову польская литопись (kronika Bochwica), выбралась одна часть шляхты польской на Галицкую Русь, а остановившись пôдъ Перемышлемъ, запросила до себе дружелюбно Перемышльскихъ русскихъ бояръ и старшинъ на раду и на гостину. Коли тіи необачныи пріѣхали въ ихъ таборъ, паны польскіи напали на нихъ по гостинѣ, перерѣзали до одного, а самы засѣли въ Перемышли. Такимъ то способомъ добивалася старо-польская шляхта о владѣніе надъ Русію.

Казиміръ завладѣлъ теперь Волынію, а оставивши Любартови тôлько одинъ городъ Луцкъ, повернулъ въ Польщу. Однакъ не долго тѣшился ôнъ своими добычами на Волыню, бо уже въ р. 1352 князѣ литовскіи Ольгердъ и Любартъ, скрѣпивши свои силы, вторгнули въ землю Волынскую, повыганяли Полякôвъ изъ всѣхъ городôвъ, та ôтобрали назадъ Берестъ, Владиміръ, Холмъ, Белзъ и пр., загнались ажь въ землѣ Галицкіи и наносили Полякамъ много бѣдъ. Народъ русскій принималъ всюда Литовцêвъ съ отвертыми руками. Ольгердъ

мôгъ теперь присоединити до Литвы цѣлу давнѣйшую Галицко-Владимірскую державу; однакъ ôнъ задоволился самымъ пораженіемъ Поляковъ и ôтобраніемъ Волыня, а думаючи, що до Галича ôнъ не мае такъ певного права, якъ до Волыня, уступилъ изъ Галицкихъ городôвъ. Казиміръ ограниченъ былъ однакожь теперь на самъ городъ Львôвъ.

Не легко прійшло Казиміру перенести такіи тяжкіи удары, заданыи ему Литвою; ôнъ оглянулся за посторонною помочію, щобы ôтплатити Литвѣ. Въ той цѣли ôнъ завелъ переговоры съ угорскимъ королемъ Людвикомъ, и торгъ въ торгъ, погодился съ тымъ и заключилъ вотъ такій договоръ: Король угорскій зрѣкся своихъ (розумѣется, уроеныхъ) правъ до Галицкой Руси на корысть Казиміра, но застерêгъ собѣ и наслѣдникамъ своимъ право, выкупити тіи землѣ за 100.000 золотыхъ, если Казиміръ оставитъ по собѣ законного сына; если же Казиміръ умре безъ потомкôвъ, то землѣ тіи маютъ перейти на власность Мадярамъ. Черезъ такій контрактъ купна и продажи чужой землѣ зыскалъ Казиміръ збройную помочь у короля угорского. Кромѣ того выслалъ папа римскій наказъ до всѣхъ польскихъ бискупôвъ, щобы тіи голосили по всей Польщи военный походъ, такъ звану крупіату (т. е. крестовый походъ) на истребленіе поганъ и „шизма-

иковъ". И зачалъ Казиміръ теперь зъ р. 1353 съ новыми силами и съ помочію Мадяръ новую напастную вôйну на Волынь. Ольгердъ воевалъ въ самъ той часъ съ нѣмецкими крестоносцями; отже братья его князѣ Кейстутъ и Любартъ, боролись противъ Полякôвъ и Мадярôвъ, якъ могли, однакъ, не были въ состоянію преодолѣти великихъ войскъ польско-мадярскихъ. Самъ Кейстутъ достался въ неволю, а Любартъ ледви уйшолъ передъ такою же долею. Въ-коротцѣ однакъ приняли тутъ дѣла инный оборотъ. Ольгердъ, упоравшись съ Крестоносцями, помчался що-ино встигъ братьямъ на помочь, ворвался въ польскіи землѣ, пустошилъ ихъ, а Казиміра и войска его выперъ зъ Волыня. Кейстутови удалось убѣгчи зъ неволѣ и ôнъ сполучился съ братьми. Казиміръ, увидѣвши теперь, що не зможе устоятись противъ Ольгерда, заключилъ съ нимъ новый миръ, хотя и недуже для себе выгодный. Въ договорѣ того мира Любартови признано Луцкъ, Владиміръ и Холмъ; братанцю Ольгерда Юрію Наримунтовичу признано Белзъ, Кейстутови Берестъ, Казиміръ же задержалъ одну тôлько землю Львовскую, а еще и зъ той обовязался платити Татарамъ певныи данины.

Ôтъ теперь ажь до р. 1366, т. е. черезъ дванадцять лѣтъ владѣлъ на Руси такъ Галицкой, якъ и Волынской спо-

кôй. Ольгердъ Литовскій, корыстаючи зъ того перемирья, отправился въ сей часъ на Татаръ, щобы съ ними розплатитись и прилучити до себе тіи землѣ русскіи надъ Днѣпромъ и Днѣстромъ, которыи еще до недавна составляли княжество Кіевское и такъ званое Понизье, а которыи пôдчинены были теперь Татарамъ. Въ р. 1362 розбилъ Ольгердъ совершенно ханôвъ татарскихъ и забралъ имъ землю Кіевскую геть ажь по-за Днѣпръ и Понизье, званое теперь Подôльемъ. Подôлье ôнъ ôтдалъ въ управленіе братанцямъ своимъ Коріатовичамъ, а землѣ Кіевскіи сынови своему Владимірови. Потомки того Владиміра, званыи Олельковичами ôтъ сына его Олелька, княжили въ Кіевѣ перейшло 100 лѣтъ.

Коли Ольгердъ розправлялся съ Татарами, въ тую саму пору передумовалъ знову Казиміръ надъ новою войною противъ Литвы. Въ р. 1366 уладившись на востоцѣ, воювалъ Ольгердъ знову съ Нѣмцями, и тую то хвилю усмотрѣлъ Казиміръ яко найотвѣтнѣйшу, щобы напасти на Литву. Съ великимъ войскомъ поднялся ôнъ на землю Волынскую и напалъ тутъ князя Любарта. Любартъ самъ былъ за слабый, а коли помоць на разѣ ни откуда ему не надходила, тожь началъ ôнъ уступати. Затѣмъ Казиміръ занималъ одинъ городъ за другимъ; но и те-

перь не довершилъ замыслôвъ своихъ, бо нагло явился Ольгердъ на помощь Любартови и не допустилъ Казиміра до дальшого похода. Тогды на предложеніе самого Любарта зроблено угоду, по которой землю Холмску и Белзкую, зависимую ôтъ Польщи, отдано Юріеви Даниловичу, потомкови галицко-русскихъ князей; землю Луцкую съ одною частію Владимірской звернено Любартови, а другую часть землѣ Волынской ôтступлено Казиміру, который изъ своей стороны посадилъ тамъ князя Александра Коріатовича. На тôмъ и закончились на теперь войны межи Литвою и Польщею въ спорѣ ихъ о посѣданье тыхъ русскихъ земель, въ которыхъ князей своихъ родовитыхъ не стало. Ôттакъ Казиміръ уже до самой смерти своей не велъ уже войны на русскихъ земляхъ, а занялся другимъ дѣломъ, именно почалъ вводити

Новыи порядки на Галицкой Руси.

Землѣ русскіи, занятыи Казиміромъ до Польщи, граничили на западъ по рѣку Вислоку, а на востокъ по Сереть, на полудне по Карпаты, а на сѣверъ припирали до княжества Владимірского. Цѣлая то-та пространь землѣ славна была своими богатствами, заполнена многими городами, цвитущая торговлею и промы-

сломъ. Видѣлъ Казимiръ, що обогатилъ свою Польщу прекрасною добычiю; щобы отже тую собѣ и наслѣдникамъ своимъ забезпечити, старался ôнъ тiи землѣ тѣсно злучити со своею державою. Дѣло се ôнъ зачалъ ôтъ того, що на мѣстце давныхъ деревяныхъ замкôвъ ставлялъ новыи мурованыи, а городы обводилъ мурами и ровами (во Львовѣ, Певемышли, Сяноку, Любачевѣ, Теребовли, Галичи и Тустани). Зъ-початку, щобы не дразнити дуже русскимъ жителей, оставлялъ ôнъ по городамъ русскихъ урядникôвъ и достойникôвъ, а также русскiи установы. Особенно увагу звернулъ Казимiръ на городы и горожанскiй (мѣщанскiй) станъ, отже щобы тiи якъ найтѣснѣйше соединити, ôтновилъ ôнъ и розширилъ торговельныи сношенiя русскихъ городôвъ съ другими сусѣдными державами, надалъ нѣкоторымъ городамъ (Львову, Сяноку, Ряшеву и Коломыи) нѣмецкое право, такъ званое „право магдебурское", по которому мѣщане тыхъ городôвъ вызволены были изъ-пôдъ судôвъ королевскихъ урядникôвъ, а имѣли свою раду громадскую и лаву (соборъ) своихъ судiєвъ. Тое право вводило также подѣлъ городскихъ ремесленникôвъ и купцєвъ на цехи. Съ правомъ магдебурскимъ вводились и новыи суды, но Казимiръ позвалялъ Русинамъ судитись своимъ русскимъ правомъ. — Тогды то зачала сходитись до нашихъ

городôвъ громадами розличная чужина
зъ цѣлого свѣта, якъ особенно Нѣмцѣ
и Жиды, и они то найбôльше корыстали
зъ новыхъ торговельныхъ свободъ на-
шихъ городôвъ, поселяючись въ ихъ
осередкахъ, а вытѣсняючи нашихъ рус-
скихъ мѣщанъ поволи на передмѣстья.
Сверхъ того начали постепенно и высо-
кіи уряды и достоинства переходити
въ руки Поляковъ, а Казиміръ надѣлялъ
ихъ русскими землями и имѣніями, та
оттакъ паны польскіи чѣмъ-разъ числен-
нѣйше находили на богатую русскую
землю, и не тôлько що забирали они
русскіи землѣ, но еще ставались роз-
садниками латинской вѣры на нашой
Руси. А о тое головно и розходилось
Казиміру; ôнъ бо ôтъ сердця собѣ же-
лалъ ввести на Русь вѣру тую, и тѣмъ
забезпечити польское на Руси панованье.
Такъ отже ôнъ насылалъ на Русь мно-
жество латинскихъ священникôвъ и ла-
тинскихъ монахôвъ, ставилъ имъ кля-
шторы и костелы, надѣлялъ ихъ рус-
скими добрами, а даже ôтнималъ Руси-
намъ церкви и перетворялъ ихъ въ ла-
тинскіи костелы. Сталось такъ во Львовѣ,
що Богородичную церковь призначилъ
Казиміръ на костелъ (нынѣшню катедру
польскую). Латинскіи ксендзы и монахи
ѣздили по дворахъ русскихъ бояръ и
вельможъ и перетягали тыхъ на латин-
ство, а въ тôмъ дѣлѣ навертанья велось

имъ успѣшно, бо Казиміръ оказовалъ великую ласку такимъ переходовцямъ, роздавалъ имъ достоинства и уряды. Не дивно отже, що найшлося немало ласыхъ на королевскую ласку, особенно наши колись славныи, а теперь зноровленныи бояре переходили въ польскій таборъ, ба где-якіи зъ нихъ, покинувши свою вѣру, преданія и звычаи народа свого, ставали Поляками. А коли побудовано по городамъ уже немалое число польскихъ костелôвъ, то и фундовано для латинникôвъ также лат. епископства на имѣніяхъ и добрахъ русскихъ церквей и русскихъ епископствъ. Такимъ способомъ закоренилося на Руси латинство, а Церковь русская убожѣла и упадала.

Одно ино еще непокоило Казиміра, а именно тое, що Русь Галицкая духовно соединена была съ Великою Русію, маючи надъ собою одного Митрополита всеи Руси, который сидѣлъ въ Москвѣ. Щобы отже розорвати тую связь, промышлялъ Казиміръ, якъ бы выстаратись для Галицкой Руси окремого Митрополита. Въ тôмъ дѣлѣ помогли ему самы русскіи вельможи и бояре. Тіи видячи, що упадае вѣра и розстроюеся русска церковь, а на ей коштъ пôдносится латинство, думали, що причина тому така, що Митрополитъ ихъ, обытающій далеко ажь въ Москвѣ, не въ состояніи боронити интересôвъ русской церкви въ Галичинѣ,

надзоровати Галицкіи епископства и удержовати въ нихъ ладъ. Тожь и заявили они желаніе, щобы для нихъ поставлено окремого Галицкого Митрополита. Не треба и говорити, що такое желаніе было Казиміру тôлько на руку. Тожь въ сейчасъ, по русскому обычаю, где-якіи потомки князêвъ (якіи еще лишились зъ давныхъ русско-княжескихъ родинъ) съ боярами и духовенствомъ выбрали епископа Антонія въ Галицкого Митрополита и выслали его до Патріарха Цареградского, щобы той его на оное достоинство благословилъ. Самъ Патріархъ, розсмотрѣвши положеніе Галицкой Церкви, прійшолъ такожь до переконанья, що теперь именно потребный бы ей былъ свôй Митрополитъ, и затѣмъ благословилъ Антонія въ р. 1371 на Митрополита Галицкого, ôтдаючи ему пôдъ власть всѣ епископства, якіи тогда въ Галицкой Руси находилися.

Межи тѣмъ умеръ Казиміръ въ р. 1370. Его называютъ Поляки „Великимъ"; и въ самомъ дѣлѣ былъ то человѣкъ незвычайно даровитый, рыцарь въ дѣлахъ военныхъ, мудрый управитель державы, славный законодатель, справедливый судія; ôнъ бралъ въ оборону станъ хлопскій противъ самоволѣ и несправедливости шляхты и магнатôвъ, поднêсъ жизнь горожанскую, торговлю, розширилъ границѣ Польщи; однакъ всѣ тіи заслуги

положилъ ôнъ тôлько для Польщи, а не для Руси. Если же що и доброго на Руси здѣлалъ, то не дѣлалъ того за-для Руси, но за-для своей Польщи. Правда, не убилъ ôнъ еще совершенно нашого народного житья, но за тое далъ сильную пôдвалину до панованья Польщи надъ нами и латинства надъ русскою церквою, а черезъ то само пôдкопалъ нашу народную жизнь и далъ первый толчокъ до дальшого стисненья всякихъ правъ нашого народа и Церкви нашой.

Владиславъ Опольскій и Людвикъ угорскій, яко владѣтелѣ Руси Галицкой.

Казиміръ умеръ безъ мужеского потомка. Зъ его родины жилъ одинъ князь **Владиславъ Опольскій** и сестра Казиміра **Елисавета**, которой сынъ **Людвикъ** былъ королемъ угорскимъ. На пôдставѣ давной угоды, сталъ теперь Людвикъ королемъ Польщи и владѣтелемъ тои части Руси, котору Казиміръ прилучилъ до Польщи; но ôнъ сидѣлъ собѣ въ Іграхъ, а до Польщи выслалъ матеръ свою Елисавету. Пôдъ правленіемъ тои женщины начала шляхта газдовати въ Польщи по своему, чѣмъ-разъ самовольнѣйше, а на Руси появились сильныи волнованія въ сей-часъ по смерти Казиміра. Русь бо корыстаючи зъ хви-

іевыхъ безъурядицъ польскихъ, подняіась знову, щобы освободитись ôтъ польской зависимости. Дѣло тое началъ Любартъ, князь Волынскій. Ему стало жаль тыхъ земель, що ôтъ него забралъ Казиміръ, и ôнъ задумалъ ôтобрати ихъ теперь назадъ. Съ Любартомъ соединился и братъ его, хоробрый Кейстутъ и Юрій князь Белзкій, который былъ такожъ зависимый ôтъ Польщи. Всѣ разомъ они кинулись съ войсками своими рускими на Польщу, а ôтобравши Полякамъ городъ Владиміръ Волынскій и очистивши цѣлую Волынскую Русь зъ польскихъ залогъ, пустились пустошити и руйновати польскіи краи. Ограбивши довольно области польскіи надъ Вислою, они вернули съ богатою добычею въ свои землѣ.— На Галицкой Руси поднялись въ тôмъ же часѣ такіи самыи волненія въ народѣ, который радъ былъ высвободитись изъ пôдъ пнованья Польщи. Галичанъ все таки тягнуло до Литвы, где русская народность и Церковь русская имѣли великое значеніе. Тогды, якъ передае намъ лѣтопись, „исповѣдники православія подобно возбранной рѣцѣ переполнили край". Многіи латинскіи епископы ôтступили ôтъ римскои церквы и повернули до православной вѣры. Не стало ни латинскихъ епископôвъ, ни лат. ксендзôвъ, ни костелôвъ, затѣмъ и доходôвъ, которыми ихъ Казиміръ вывѣновалъ;

лишь малое число жителей на Руси осталося вѣрными латинству. Людвикъ угорскій, услышавши о тôмъ, що дѣеся на русскихъ земляхъ, желалъ позбытися клопоту та и даровалъ тіи землѣ свояковы своему Владиславу Опольскому. Такимъ способомъ достала теперь Галицкая Русь окремого князя зъ польского роду для себе.

Владиславъ Опольскій ставши княземъ Руси, вступилъ цѣлкомъ въ слѣды Казиміра. Правда, ôнъ старался такожь пôдносити торговлю въ нашихъ земляхъ, надѣлялъ городы привилеями и бралъ въ оборону народъ передъ самоволею боярь и вельможь; но помимо того, таки не злюбила собѣ его Русь, бо ôнъ зачалъ на ново вводити въ ней латинскій обрядъ. Заразъ зъ-початку ôнъ спровадилъ монахôвъ Францишканôвъ и Доминиканôвъ, установилъ польское арцибискупство въ Галичи и вывѣновалъ оное доходами сольныхъ жупъ зъ Дрогобыча и Жидачева. А коли польскій арцибискупъ въ Галичи не мôгъ усидѣти, перенêсъ его Владиславъ за согласіемъ папы римского до Львова, и тутъ далъ ему свôй дôмъ и даровалъ городы Рогатынъ, Олеско и Тустань. — На всѣ тіи поступки Владислава смотрѣли съ огорченіемъ русскіи бояре и вельможи, що еще твердо стояли при своей русской Церкви и сносилися всегда съ Литвою и Литовскими

Русинами, а даже лучилися съ ними таайно противъ Владислава. Въ самой Галичинѣ народъ сталъ що-разъ сильнѣйше волноватись и остро выступати въ оборонѣ своихъ правъ и Церкви своей. Владиславъ видячи, що не умѣе утихомирити взбуреной Руси, зрѣкся добровольно русского княжества въ р. 1379 и ôтдалъ тое назадъ Людвику угорскому, а самъ уѣхалъ на Шлезско.

Такъ перейшла теперь наша Русь знову пôдъ владѣніе Угрôвъ. Скоро тôлько уступили залоги Владислава, прійшли въ сей-часъ до Галичины войска угорскіи и заняли всѣ важнѣйшіи городы. Людвикъ не дбалъ о нашу землю, а выслалъ до Галича свого воеводу и своихъ урядникôвъ, и тымъ поручилъ управляти нашимъ краемъ. Вправдѣ осягнули наши Львовяне где-якіи корыстныи права, но стôлько и всего добра было намъ за Людвика; за тое забирали угорскіи урядники и паны землѣ и городы, а вѣру латинску ширили такъ само, якъ за Опольского. Тожь и не дуже жалила Русь, коли Людвикъ въ р. 1382 померъ.

Людвикъ оставилъ по собѣ тôлько двѣ доньки, Марію и Ядвигу, и постановилъ старшую изъ нихъ Марію еще за житья свого королевою Угрôвъ, Польщи и Галицкой Руси. Однакъ Поляки не хотѣли зависѣти ôтъ Угрôвъ и допрошувались, щобы молодшая Ядвига приняла

корону польску. Марія зреклась охотно неспокôйной Польщи на корысть сестры своей Ядвиги, но ôтъ Руси Галицкой не хотѣла ôтступити, а задержала ю при своихъ Уграхъ, и длятого назвала себе также королевою Галиціи и Володимиріи. Якъ попередно Людвикъ, такъ теперь Марія ôтдала Галицкую Русь своимъ воеводамъ въ правленіе, а тіи предвидячи що такъ чи сякъ Мадьяри не долго на Руси удержатся, стали выпродавати Галицкіи области и городы Любартови Волынскому. Тогды то перейшли на власность Любарта городы: Кременецъ, Олеско, Лопатынъ, Рогатынъ и Снятынъ. Прочіи городы, якъ: Галичъ, Перемышль, Львôвъ и Теребовля остали при Маріи, однакъ не долго бо тôлько до р. 1387, въ которомъ то роцѣ. сестра ей Ядвига, королева Польщи, тіи городы знову до Польщи пролучила.

За королевы Маріи возникнули на Руси Галицкой такіи самыи мятежи, якъ по смерти Казиміра. Православныи Русины повыганяли латиньскихъ ксендзôвъ и ôтобрали у нихъ добра, якіи имъ понадавалъ Владиславъ Опольскій, а черезъ то они подорвали на якійсь часъ существованье латинского костела на Руси. Однакъ уже по трехъ лѣтахъ т. е. въ р. 1390 за короля польского Ягайла появилось на Руси латинство знову. Поляки звернули латинскимъ епископамъ ихъ

костелы и имѣнья, та заводили ксендзôвъ своихъ на Руси нашой все и все еще бôльше.

Ягайло,

Вел. Князь Литвы, король Польщи и дѣдичъ Руси.

По смерти Ольгерда въ р. 1377 сталъ Вел. княземъ на Литвѣ сынъ его Ягайло. Мати Ягайла была Юліянна, русская княгиня Тверская, а сынъ Ягайло былъ крещенъ по русскому обряду и одержалъ на св. крещеніи имя Яковъ. Литва находилась въ томъ часѣ въ прикромъ положенью. Зъ однои стороны мала завзятыхъ ворогôвъ нѣмецкихъ Крестоносцêвъ, а зъ другой стороны Вел. князей Московскихъ, которыхъ зразивъ собѣ нерозважный Ягайло и стягнулъ на Литву ихъ неприязнь. Щобы спасати себе въ той бѣдѣ, задумали Литовцѣ и Ягайло соединитись съ сусѣдною Польщею. А власне теперь надалась имъ къ тому найлучшая способность. На польскомъ престолѣ засѣла молода и красная королева Ядвига. Тую то Ядвигу стали Литовцѣ сватати за свого Ягайла. Поляки вельможи и духовонство возрадовались чрезмѣрно, узнавши о тыхъ сватахъ; для нихъ было то дуже на руку прилучити до Польщи Литву и богатыи еи русскіи землѣ. Тожь почали они усильно намовляти Ядвигу,

щобы не ôткидала сватôвъ литовскихъ. А хотя Ядвига мала уже выбраного своего жениха, австрійского князя Вильгельма, но якъ стали паны наставати и ю уговорювати, ôтказалась Ядвига ôтъ своей любови и вволила волю польскихъ панôвъ, ôтдаючи руку Ягайлѣ. Тогды Поляки поставили Ягайлѣ свои условія и такое вымагали ôтъ него: щобы ôнъ еще передъ вѣнчанiемъ принялъ латинскую вѣру; дальше щобы окрестилъ Литовцêвъ, которыи тогды были еще въ поганствѣ, а въ-конецъ, щобы и православную Литву и Русь навернулъ на латинство. Ягайло былъ человѣкъ слабой волѣ и мало образованный; тожь ôнъ въ сейчасъ присталъ на всѣ условія Полякôвъ, и хотя крещенный уже въ православной церкви, таки перекрестился на латинскій обрядъ, а съ нимъ тогда уже перекрестилось и много литовскихъ князей и бояръ. Вскорѣ вѣнчался ôнъ съ Ядвигою, короновался въ Краковѣ въ р. 1386 и назвался „Королемъ Польщи, Вел. Княземъ Литвы и дѣдичемъ Руси." Гнѣвалася Русь, гнѣвалась и Литва, що ихъ князь сталъ переходовцемъ, а нѣкоторыи князѣ русскіи и литовскіи выступили противъ Ягайла съ оружiемъ. Однакъ Ягайло чувствовалъ теперь себе въ силѣ и не убоялся. Князѣ, возставшіи на Ягайла, не удѣяли ничого; они улягли передъ силою. Ягайло межи тѣмъ приступилъ быстро до дѣла,

якое обѣцялъ Полякамъ, та и къ сожалѣнію, добре имъ выслуговался. Въ сейчасъ по своей коронаціи выправился ôнъ съ множествомъ польскихъ священникôвъ на Литву и выдалъ тамъ наказъ, щобы всѣ оогане и православныи крестились на латинскую вѣру. Въ престольномъ городѣ Литвы, въ Вильнѣ, Ягайло заложилъ латинское епископство въ земляхъ своихъ основалъ много латинскихъ парохій и вывѣновалъ ихъ щедро добрами. Также оповѣстилъ Ягайло своему народу, що всѣ землѣ латинскіи прилучае до Польщи, а литовскимъ боярамъ надае такіи же прара и свободы, якіи мала шляхта польска, однакожь тымъ тôлько изъ нихъ, що пріймутъ латинскую вѣру. Сверхъ того Ягайло выдалъ еще за намовою поляскихъ панôвъ и ксендзôвъ грамоту, котора приказовала, щобы Литовцѣ католики що поженились съ православными, сорвали слюбъ, а женились въ другій разъ съ католичками, всѣ же православныи, если входятъ въ супружество съ католиками, должны перекреститись на латинскую вѣру. Того было уже Литовцямъ, а особенно Русинамъ за много. Поднялись негодованія, народъ ропталъ и бунтовался по всѣмъ городамъ и606 селамъ, князѣ русскіи и литовскіи зачали ôтрыватись ôтъ Литвы и не хотѣли признавати надъ собою ни Ягайла ни брата его Скиргайла, которого поставилъ Ягай-

ло Вел. Княземъ для Литвы. Народное возмущеніе ставалось що-разъ грознѣйше и причиняло много бѣдствія такъ Ягайлѣ, якъ и всѣмъ землямъ русско-литовскимъ.

Въ то̂мъ часѣ, коли Ягайло такъ усильно заводилъ латинство на Литвѣ и въ прилученной до неи Руси, т. е. такъ званой литовской Руси, была Галицкая Русь по̂дъ владѣніемъ Угро̂въ. Тая Русь наша належала тогды еще до Маріи королевы угорской, сестры польскои Ядвиги. А коли точно тогды возникли на Угорщинѣ страшенныи бунты народныи, Ядвига скорыстала зъ того, выправила польскіи войска на Галицкую Русь; тіи прогнали угорскіи залоги и заняли Сянокъ, Перемышль, Льво̂въ, Теребовлю и Галичъ, та и прилучили зновъ Галицкіи землѣ до Польщи. Русины нерады были такой перемѣнѣ; но Ядвигу щобы не допустити до возмущеній, потвердила городови Львову и другимъ русскимъ городамъ всѣ свободы и права, якіи они и по̂дъ правленіемъ Угро̂въ имѣли. Добытыи тіи землѣ русскіи о̂тдалъ мужъ еи Ягайло въ управленіе своему воеводѣ Янови зъ Тарнова, который и назвался русскимъ старостою. Такъ и прійшла Галицкая Русь зновъ по̂дъ панованье Польщи.

Витолдъ и Свидригайло.

Вел. Князѣ литовско-русскіи.

Новыи порядки, якіи вводилъ Ягайло на Литвѣ, особенно же насильное накиненье латинства, вызвали такъ въ самой Литвѣ, якъ и въ литовской Руси великое неудовольство и возмущеніе такъ боярь, якъ и народа. На челѣ тыхъ недовольныхъ станули два литовскіи князѣ, таки братья Ягайла, а то стрыечный братъ Витолдъ и рôдный братъ Свидригайло. Первый, Витолдъ выступилъ въ оборонѣ Литвы и ей независимости ôтъ Польщи. Былъ то мужъ великихъ дарованій, смѣлый; удалый рыцарь, но въ поступованью своемъ впадалъ неразъ въ суперечности и оказовался двуличнымъ. Разомъ съ Ягайломъ ôнъ принялъ былъ латинскую вѣру, а помимо того ôнъ съ початку стоялъ сильно за Литвою и Русію, не допускалъ до нихъ польского господарства; но якъ тôлько сталъ Вел. Княземъ Литвы, началъ входити знову въ переговоры съ Польщею и годитися зъ нею. Пôзднѣйше ôнъ старался знову сорвати всѣ угоды, носился съ мыслію о самостоятельности Литвы и Руси, и теперь увидѣлъ, що се было уже надаремно; ôнъ бо споовязался уже такъ тѣсно съ Поляками, що тіи не дали ему довершити намѣренія. Въ конецъ

оказалось що всѣ заходы Витолда были безкорыстны, а для Руси вредны.

Не такій былъ Свидригайло, другій защитникъ правъ Литвы и Руси. Той превосходилъ Витолда розумомъ, твердостію характера и щирымъ патріотизмомъ. Крещеный въ вѣрѣ православной, ôнъ не хотѣлъ за Ягайломъ приняти латинсва, а противно, остался вѣрнымъ своей вѣрѣ и боролся за ню половину столѣтія. Зъ матери Русинъ, былъ ôнъ цѣлымъ сердцемъ и всею душею Русинъ. Ôнъ прилягъ до русского народа, выступилъ явно яко предводитель Руси, а всѣ его дѣла и подвиги стремили къ тому, щобы повернути Руси давную ей честь и славу, щобы утворити назадъ русскую самостоятельну державу, высвободити русскіи землѣ изъ пôдъ владѣнія Польщи и поставити на ноги такую Русь, яка была за Романа и Данила. За тое то и полюбилъ русскій народъ того покровителя свого, батькомъ рôднымъ его называлъ, ишолъ за нимъ въ огонь и давалъ за него жизнь и имѣніе. — Къ сожалѣнію, не довелось и Свидригайлѣ исполнити замыслôвъ своихъ. Зъ дальшой исторіи дознаемся, що было причиною, що тіи хорошіи намѣренія Свидригайла на ничемъ кончились. Передъ тымъ должны мы тутъ розсказати исторію за князя Витолда.

1) Витолдъ, Вел. Князь Литовско-русскій.

Князь Витолдъ огорченъ тымъ, що Ягайло ставши королемъ Польщи, ôтдалъ землѣ литовскіи въ управленіе брату своему Скиргайлѣ, яко старостѣ Литвы; затѣмъ Витолдъ станулъ по сторонѣ Литовцêвъ и Русинôвъ, недовольныхъ роспорьяженьями Ягайла. Ôнъ призвалъ собѣ въ помочь крестоносцêвъ, соединился съ княземъ Юріемъ Белзкимъ, которого Ягайло прогналъ изъ Белза и выступилъ противъ Ягайла. Прійшло до вôйны, которои конець былъ такій, що Ягайло призналъ Витолда Вел. Княземъ Литвы и належащихъ до ней земель русскихъ, а кромѣ того Ягайло согласился на тое, щобы Литва была державою сама для себе, за що Витолдъ обовязался, що буде жити въ братной згодѣ зъ Ягайломъ и буде помогати ему войскомъ, если где окажеся того потреба. Такимъ способомъ оставала теперь при Польщи тôлько одна Галицкая Русь; всѣ же прочіи русскіи землѣ прежнёго Волынского и Кіевского княжества подчинены были Витолдови. При такомъ состояніи рѣчей можно было надѣятись, що Русь и Литва пôдъ начальствомъ мужественного Витолда вызволятся на всегда зъ-пôдъ вліянія и опѣки Польщи. Но щожь? — таки самъ Витолдъ не допустилъ до того! Ôнъ былъ католикомъ римского обряда, и его тя-

гнуло всегда до запада и до Польщи. Вправдѣ ôнъ самъ не преслѣдовалъ рускої Церкви, но за то все таки дружился съ Ягайломъ и польскими панами, которымъ не давала спокою тая мысль, що они не могли на Руси и Литвѣ свободно по своей волѣ роспоряжатись. Тіи то паны польскіи разомъ съ Ягайломъ пôддавали Витолдови гадку, щобы ôнъ на Литвѣ и на Руси запровадилъ „унію" съ Римомъ, т. е. щобы Церковь русская остала вправдѣ при своемъ обрядѣ, но щобы признала папу римского головою своеи Церкви. Витолдъ, яко католикъ, принялся охотно за такое дѣло, но изъ того не выйшло много добра ни для Литвы, ни для Руси. На саму бо згадку о уніи, взволновался народъ православный и православныи князѣ а цѣлая Литва и Русь подѣлилась на два таборы: одни, т. е. католики, стояли при Витолдѣ, а другіи, православныи станули противъ него пôдъ начальствомъ Свидригайла. И другіи князѣ русскіи, якъ Володиміръ Кіевскій (сынъ Ольгерда) и князь Корятовичъ на Подôлью, не хотѣли признати Витолда надъ собою верховнымъ княземъ. Дôйшло до того, що треба было оружіемъ розправлятися. Счастье спріяло Витолдови. Напередъ покорилъ ôнъ Владиміра Кіевского, прогналъ его зъ Кіева, а княжество Кіевское ôтдалъ Скиргайлѣ. Коли же Скиргайло вскорѣ померъ, то Витолдъ

прилучилъ землѣ Кіевскіи яко провинцію до Литвы и поставилъ тамъ своего намѣстника. Пôзднѣйше выправился Витолдъ на Подôлье, побилъ Корятовича, прогналъ его, а землю Подôльску продалъ Ягайлѣ за 20.000 гривенъ серебра. Ягайло же даровалъ землѣ тіи заслуженному своему польскому пану Спыткови зъ Мельштына. Съ Свидригайломъ удалось Витолду помиритись. Такъ изъ всѣхъ тыхъ внутреннихъ борьбъ выйшолъ Витолдъ побѣдоносно; переконался однакъ, що на теперь не ма еще що съ „уніею" зачинати, та и далъ тому спокôй,

Вел. княжество Литовское съ русскими землями примыкало теперь безпосредственно до Орды татарской. Осмѣленый дотеперѣшними своими побѣдами, Витолдъ задумалъ еще покорити собѣ и Татаръ. Ôнъ затѣмъ приготовилъ великое войско литовско-русско-польское, и въ р. 1399 ударилъ на Татаръ. Надъ рѣкою Ворсклою, що вплывае до Днѣпра, завязалась страшенная битва, а конецъ ей былъ майже такій самъ, якъ надъ рѣкою Калкою въ р. 1224. Войска Витолдовы розбиты были на всѣхъ становищахъ, полягло множество народа, множество князей русскихъ и литовскихъ. вырубана была шляхта польска, межи инными погибъ и Спытко зъ Мельштына, владѣтель Подôлья, а самъ Витолдъ ледви утѣкъ зъ боевища и спасся бѣгствомъ.

Татаре загналися на Русь, розбурили Кіевъ и давнымъ своимъ обычаемъ опустошали Подôлье и Волынь, оставляючи зновь на долгіи лѣта горестную памятку для бѣдной Руси. Найстрашнѣйшую месть творили Татаре на Подôлью, где по смерти Спытка не было кому краю боронити передъ ихъ напастями; ажь доперва потомъ сжалился Витолдъ, ôткупилъ тіи землѣ назацъ ôтъ Ягайла и ôтдалъ ихъ брату Свидригайлѣ.

Тымъ часомъ ломили собѣ голову паны польскіи и польска шляхта надъ тѣмъ, щобы Литву соединити съ Польщею и прійти до власти въ тыхъ пространныхъ земляхъ Литвы и богатыхъ областьяхъ русскихъ. Въ конецъ они таки довели до того, що Ягайло зъѣхался съ Витолдомъ въ Перемышли, и тутъ оба здѣлали таку угоду: если Ягайло умре бездѣтный, то Витолдъ засяде на престолъ Польщи, а если Витолдъ умре передъ Ягайломъ, то Ягайло настане Вел. Княземъ Литвы и Руси. При той угодѣ были свидѣтелями паны польскіи и литовскіи, и тіи зъобовязались, що по смерти Ягайла или Ватолда на будуще вспôльно выбирати собѣ будутъ одного короля.

По такой угодѣ успокоились немного паны польскіи, надѣючись, що если не теперь въ сей-часъ, то по крайной мѣрѣ

незадолго станутъ властителями Литвы и цѣлой Руси.

Но найшлись такіи, которымъ угода тая совсѣмъ не припала до вкусу, а были то Русины и князь Свидригайло, що владѣлъ теперь на Подôлю. Коли рознеслася сама тôлько вѣсть о такой умовѣ, що колись цѣлая Русь мала бы прійдти пôдъ Польщу, закипѣло по цѣлой Руси, народъ громадами горнулся до Свидригайла, яко до покровителя и защитника своихъ правъ, щобы пôдъ его проводомъ оружіемъ запротестовати противъ такой поганой угоды. Свидригайлови такъ само лежала на сердци независимость Руси ôтъ Польщи, тожь змовился ôнъ съ Крестоносцами и выступилъ на челѣ Руси вôйною на Ягайла и Витолда. Вôйна тревала три роки. Ягайло вступилъ на Подôлье со всѣми своими военными силами а коли Крестоносцѣ нагло ôтступили ôтъ Свидригайла, принужденъ былъ тойже заперестати вôйны, бо видѣлъ що противъ великанской силы Ягайла и Витолда не устоится. Но гадка яка разъ повстала въ душѣ Свидригайла, т. е. гадка утворенья самостоятельной русской державы, не ôтступила ôтъ него. Незадолго зачалъ ôнъ знову сноситись и переговорюватись тайно съ Крестоносцами, но тѣмъ разомъ ôнъ лихо выйшолъ на тôмъ. Витолдъ узналъ о тыхъ тайныхъ его зношеніяхъ, и схвативши его, оса

дилъ пôдъ стражу, где бѣдный Свидригайло томился девять лѣтъ.

Въ той самъ часъ, коли Свидригайло переживалъ сумныи лѣта въ вязници, выправили паны польскіи новую хитрость на тѣснѣйшое прилученье Литвы и Руси до Польщи, а властиво на зневаженье найдорожшихъ чувствъ Руси, придумавши такъ звану „унію Городельску". Въ р. 1413 зъѣхались Ягайло съ польскими вельможами и Витолдъ съ Литовцями католиками въ мѣсточку Городлѣ и постановили тамъ такое: 1) На случай смерти Витолда Литва признасть королемъ своимъ Ягайла, а на случай скоршой смерти Ягайла, выберутъ Поляки Витолда своимъ королемъ; 2) Витолдъ утворитъ у себе шляхту литовскую, а тая мае приняти гербы польскіи; 3) При Витолдѣ мае быти теперь соймъ такій якъ въ Польщи, и уряды польскіи; 4) шляхтичемъ, членомъ сойма и достойникомъ може быти тôлько человѣкъ католикъ. Той договоръ или унію тую пôдписали паны польскіи и литовскіи. Зъ Руснôвъ не пôдписалъ той уніи ни одинъ человѣкъ, бо всѣ видѣли, що тутъ ходитъ о тое, щобы православныхъ выключити отъ всѣхъ правъ и достоинствъ, щобы пригнести вѣру православну, а ввести всюда латинство. Русь же еще цѣлая стояла тогды твердо при православіи, а теперь за тую унію Городельску еще бôль-

ше знелюбила Полякôвъ, и о ніякой уніи не хотѣла знати. Ба и самъ Витолдъ познала вкоротцѣ свôй блудъ; позналъ, що ôнъ теперь майже цѣлкомъ зависимый ôтъ польскихъ панôвъ которы не тôлько опановали Ягайломъ, но и его (Витолда) каждый крокъ слѣдили. Ему стало соромно, що ôнъ Вел. Князь Литвы и Руси, ôтдалъ себе такъ необачно пôдъ дозôръ панôвъ польскихъ: тожь началъ ôнъ передумовати, якъ бы звольнити тую унію и освободитись ôтъ союза зъ Польщею. Вь той цѣли порозумѣлся ôнъ съ Вел. Княземъ Московскимъ Василіемъ I. и въ порозумѣнію съ Ягайломъ постановилъ оголосити себе королемъ литовско-русскимъ.

Замысламъ Витолда спріялъ и Ягайло, ôнъ бо ôтъ якогось часу отвернулся ôтъ Полякôвъ. Особенно же зъ той поры, коли по смерти Ядвиги оженился съ рускою княжною Софіею Ольшанскою, возбудилось въ немъ родинное чувство, ôнъ затужилъ за своею Литвою, выѣздилъ часто зъ Польщи и отправлялся на Русь и Литву, отчину свою, и тайно радовался всякимъ подвигамъ, поднятымъ на славу ей, на вызволенье ей зъ пôдъ зависимости польской. И теперь ôтъ души вспиралъ ôнъ замыслы Витолда и охотно хотѣлъ его видѣти независимымъ владѣтелемъ, королемъ Руси и Литвы.

Въ р. 1429 въ день Богоявленія зъѣхались въ Луцку на Волыни цѣсарь нѣмецкій Жигмонтъ, Вел. Князь Московскій Василій II. съ Митрополитомъ всерусскимъ Фотіемъ, король польскій Ягайло, король Дунскій Ерикъ, два татарскіи ханы, воевода Молдавскій, два мистры нѣмецкихъ Крестоносцêвъ, послы ôтъ царя греческого и посланникъ ôтъ папы римского, а всѣ прибыли съ великими дружинами дворянъ и слугъ. На зъѣздѣ тôмъ въ городѣ Луцку пôдношено по-при другіи справы также и тое, щобы признати Витолда королемъ, а Литву и Русь самостоятельнымъ, ôтъ Польщи независимымъ королевствомъ. Всѣ владѣтелѣ, даже ханы татарскіи згодилися съ тѣмъ; одни лишь Поляки пôдъ проводомъ бискупа Кракôвского пôднесли великій шумъ, и ссылаючись на унію Городельску, доказывали, що Польща мае теперь право до Литвы и Руси, а въ-конецъ уѣхали розъярены изъ Луцка. Ягайло, якъ ни добре желалъ Витолдови, не малъ своеи волѣ и выѣхалъ такожь на другій день за своими панами. Однакъ Витолдъ, не оглядаючись уже теперь на Польщу, заявилъ, що таки пріиме корону, и вызначилъ уже часъ на свою коронацію, що мала ôтбытись въ Вильнѣ дня дня 8. Сентября 1429 г. Цѣсарь Жигмонтъ обѣцялъ на той день прислати корону и уже спѣшили его послы съ короною, щобы на означеный день станути въ Вильнѣ; но хитрыи Поляки, дознавшись о тôмъ,

постарались проворнымъ способомъ перешкодити коронаціи Витолда. Безъ вѣдомости Ягайла, они захватили посланникôвъ Жигмонта во Львовѣ и ôтобрали имъ корону, Витолдъ и гостѣ, зъѣхавшіи-ся на коронацію, выжидали короны якійсь часъ, та не дождавшися еи, остаточно и розъѣхались. — Витолдъ, огорченый до крайности такимъ поступкомъ Полякôвъ, пригнетенный журбою и старостію вѣку, умеръ слѣдующого року 1430, проживши лѣтъ 81.

Изъ всего оповѣданья о Витолдѣ познаемъ, що цѣлая жизнь того князя была надзвычайно дѣятельна, що ôнъ самъ, яко умный, хоробрый и справедливый, не давался уводити загорѣльцямъ религійнымъ и хотяй самъ ôтъ души католикъ, не преслѣдовалъ и не угнеталъ православныхъ. По при всѣхъ тыхъ свойствахъ розрушилъ ôнъ самостоятельнôсть Литвы и Руси черезъ тое, що усторонилъ въ тыхъ земляхъ удѣльныхъ князей, а на ихъ мѣстце поставилъ ополяченыхъ Литовцêвъ намѣстниками, и далъ черезъ то головный початокъ до подчиненія тыхъ земель Польщѣ.

2) Свидригайло, Вел. Князь Литвы и Руси.

Уже изъ прежного оповѣданья знаемъ, о Свидригайлѣ, що ôнъ былъ искренній другъ и защитникъ Руси.

Знаемъ о немъ и тое, що увязненый Витолдомъ, ônъ пересидѣлъ въ вязницѣ 9 лѣтъ, ажь высвободили его зъ-ôттамъ два русскіи рыцарѣ княжеского роду, Данило Острожскій и Александеръ Носъ. Пôзнѣйше помирилися Свидригайло съ Витолдомъ, и жилъ съ нимъ въ согласіи ажъ до его смерти.

Свидригайло, Вел. Князь Литвы и Руси.

По смерти Витолда выбрали Русины и Литовцѣ Свидригайла Вел. Княземъ Литвы и Руси. Найбôльше постарались о тое самыи Русины, они бо своею бôльшостію переперли въ литовской радѣ его выборъ. Ягайло, рôдный братъ Свидригайла, возрадовался тѣмъ выборомъ такъ дуже, що ôтступилъ ôтъ свого права, якое мôгъ мати до Литвы и Руси на

ѡдставѣ Городельской уніи, и самъ поспѣшилъ на Литву привитати брата сердечно на велико-княжескомъ престолѣ. Дружба Ягайла съ Свидригайломъ злобила польскихъ панôвъ, польскую раду коронну, а они затребовали ôтъ Свидригайла, щобы зложилъ Ягайлови, яко польскому королеви присягу вѣрности и послушенства. Свидригайло не былъ бы противился тому, щобы признати надъ собою старшинство Ягайла, который вѣдай и былъ рôднымъ его старшимъ братомъ, а старшинство въ родѣ по русскому обычаю всегда почиталося высоко. Однакожъ польскіи паны затребовали дальше ôтъ него, щобы ôнъ не иноôтъ польской рады коронной принялъ свôй велико-княжескій престолъ, но щобы еще и Подôлье и Волынь ôтлучилъ ôтъ Литвы, а присоединилъ ихъ до Польщи. Свидригайло засмѣялся тогды зъ польскихъ панôвъ та отвѣтилъ имъ, що ему ани снится принимати свое достоинство ôтъ Полякôвъ, бо не Поляки поставили его Вел. Княземъ, а сама Литва и Русь; що ôнъ затѣмъ самъ собѣ независимый князь наслѣдныхъ батькôвъ своихъ на ихъ достояніи, а о ôтступленью Подôлья и Волыня Польщѣ и о якойсь уніи, якою Поляки обдарили Витолда, ôнъ ничого и знати не хоче, ба и тую унію въ имени Руси и Литвы розрывае и ницитъ.

Такимъ смѣлымъ отвѣтомъ возмутились польскіи паны и въ той часъ, коли король ихъ Ягайло гостилъ на Литвѣ, вторгнули безъ его вѣдомости несподѣванно на Подôлье, убили въ Каменци Подольскомъ Литовского намѣстника, заняли той городъ и другіи городы западного Подôлья, та прилучили ихъ до Польщи. Такъ само хотѣли Поляки справитись и съ Волынскою землею, но тутъ застали уже Русинôвъ приготовленыхъ до отпору.

Свидригайло, дознавшись о такомъ безправномъ поступку Полякôвъ, вымôгъ на Ягайлѣ приказъ, щобы ôтдано Подôлье назадъ Свидригайлови; однакъ гордыи вельможи польскіи не зважали на приказъ короля и выдали старостѣ Каменця, пану Бучацкому, другій приказъ, щобы той не важился ôтдавати Каменця ни другихъ городôвъ никому. Тая самоволя польскихъ вельможъ розъярила до крайности гнѣвъ Свидригайла, и ôнъ сейчасъ погнался на Волынь и Подôлье, здобылъ нѣкоторыи замки на Подôлью, но въ-конецъ таки выпертый изъ Подôлья, уступилъ на Волынь. На Волыни горнулося до него все рыцарство русское, якъ до своего избавителя; и даже Галицкіи Русины возстали противъ Польщи и спѣшили до него. Съ тыми то численными полками хоробрыхъ Русинôвъ розбивалъ Свидригайло польскіи войска на

всѣхъ концяхъ Галичины. Пôдъ Теребовлею, пôдъ Львовомъ, пôдъ Рогатиномъ и пôдъ Белзомъ полягло много Поляковъ ôтъ меча русскои мести.

Теперь побачила Польща, що то съ Русинами и Свидригайломъ не такъ легко упоратись; затѣмъ польскіи паны понудили свого короля Ягайла, щобы ôнъ собралъ всѣ военныи силы Польщи и таки самъ на челѣ тыхъ войскъ ишолъ на Волынь. Горестный былъ той походъ войскъ польскихъ для Руси: по дорозѣ лютились они страшенно надъ землями русскими, палили, нищили, убивали все, що попало пôдъ руки, и въ такомъ походѣ станули наконецъ пôдъ городомъ Луцкомъ. Луцкъ боронилъ хоробрый воевода Юрша, а боронилъ его такъ, що всякіи усилія Поляковъ, щобы добыти сей городъ, оказались безуспѣшными. Луцкъ стоялъ непобѣдимый. Тымъ часомъ, коли Поляки безъ корысти тратили свои силы пôдъ Луцкомъ, Свидригайло пôдмовилъ на Польщу зъ одной стороны нѣмецкихъ рыцарей Крестоносцêвъ, а зъ другой Молдавянъ. Круто стало теперь съ Польщею. Изъ одной стороны вдерся на Подôлье господарь Молдавскій и ставувши въ оборонѣ Руси, наносилъ польскимъ войскамъ смерть и знищенье. А таки съ Молдавянами удалось Полякамъ яко-тако справитись; они выперли

ихъ назадъ до Молдавіи. Но за тое зъ другой стороны вдерлися въ границѣ Польщи Крестоносцѣ и въ короткôмъ часѣ зрôвнали съ землею 24 польскихъ городôвъ и бôльше якъ 1000 селъ. Теперь здавалось, що приходитъ Польщи послѣдняя година. Съ Крестоносцями не было кому боротись, бо вся сила Полщи стояла пôдъ Луцкомъ. А Свидригайло собралъ уже сильныи полки на знищенье войскъ польскихъ, которыи по тримѣсячной безъустанной обсадѣ Луцка, упали на духу и зъ недостатку харчу та ôтъ розличныхъ недугъ приходили въ сумное состояніе.

Теперь то и прійшла для Свидригайла найотвѣтнѣйша пора ударити на войска вражіи, знищити ихъ силу, усмирити гордôсть польскои шляхты и на всегда освободити Русь и Литву ôтъ польского опекунства. Но въ той то рѣшительной хвили Свидригайло якъ-то заколебался. Вмѣсто корыстати въ надающойся хвили изъ того, що Поляки такъ были приперты до стѣны, ôнъ дался увести влеченію сердця, дался увести любви къ брату своему Ягайлѣ, сжалился надъ его несчастнымъ положеньемъ и — заключилъ съ Польщею миръ! Такъ поступилъ Свидригайло, а тѣмъ поступкомъ правда отвернулъ ôтъ Польщи грозное несчастье, но за то запропастилъ долю Руси, которая въ его руки всю свою

удьбу зложила, та ôнъ то и свою долю а всегда тѣмъ пôдкопалъ.

Поляки, спасеныи Свидригайломъ тъ неминуемой погибели, скоро тôлько рійшли до себе ôтъ переполоху, въ сейасъ ôтплатились Свидригайлови за его рислугу. А зачали они ôтъ Галицкой 'уси. На тую то, ôтъ горя тяжко страдущую землю, звернулся теперь весь нѣвъ и лютая месть гордои Польщи. так умертвилъ Ягайло многихъ винѣйшихъ мужей Галицкои Руси за тое, цо они пôдмавляли народъ русскій проивъ Польщи и лучились съ Свидригайомъ; вельможамъ русскимъ ôнъ поôтниалъ ихъ имѣніе и понадавалъ ихъ шляхтичамъ польскимъ; на всѣхъ Русиôвъ наложилъ розличныи тягары и поатки и надаванье десятины латинскимъ эстеламъ; а кромѣ того ôнъ ôтнялъ Гаичинѣ остатокъ самоуправы и здѣлалъ ь ней звычайную провинцію Польщи, азвавши ю „русскимъ воеводгвомъ". Въ томъ воеводствѣ постаилъ теперь Ягайло воеводою непріятеля уси, Яна Одровонжа. Вотъ такіи были ервыи послѣдствія того нерозважного эступку, якій здѣлалъ Свидригайло въ говорѣ пôдъ Луцкомъ. То сталось въ 1432.

Еще досаднѣйше ôтплатились Поляки мому Свидригайлѣ. Въ немъ видѣли и для себе непримиримого ворога, а

друга для Руси: тожь уважали они по
требу за якую-нибудь цѣну его позбыти
ся. Въ той цѣли выслали они въ сей
часъ на Литву своихъ людей, щобы бун
товали католикôвъ противъ Свидригайла
А было уже тогда на Литвѣ много па
нôвъ католикôвъ, которымъ нелюбо было
що Свидригайло стоялъ за православіемъ
и обороняль оное супротивъ латинства
Тіи то паны католики литовскіи охотн
слухали пôдстрекательства своихъ едино
вѣрцêвъ польскихъ, а коли еще до того
и самъ папа римскій прислалъ на Литв
окремое письмо, которымъ розрѣшал
Литовцêвъ ôтъ присяги, даной Свидри
гайлу, тогда тіи то паны, пріятелѣ Польщ
смѣло зъѣхались до Вильна, низложил
Свидригайла зъ велико-княжого престол
а выбрали собѣ Вел. Княземъ Жигмо
та, брата Витолдового, дружении
Польщи, который таки заразъ ôтновил
съ Поляками унію Городельску, призна
короля польского паномъ Литвы, а сам
осталъ тôлько его ленникомъ, т. е. е
пôдданымъ.

Такую то ôтплату получилъ Свидр
гайло за свое неоцѣненное добродѣйств
якое высвѣдчилъ Полякамъ въ мирѣ пô
Луцкомъ.

Звѣзда Свидригайла начала м
крути, но еще совсѣмъ не загасла. Ôтс
пила ôтъ него Литва, но остала ему е
вѣрною Русь, которую ôнъ все таки бô

ıе надъ Литву любилъ. Русины Волыня
Подôлья, разъ уже до него цѣло при-
язавшись сердцемъ, готовы были за
его головы свои зложити, и теперь,
оли узрѣли его обидженымъ ôтъ Польщи
Литвы, пôднесли всѣ свое оружіе за
есть свого Любимця. И такъ возгорѣла
овая вôйна: зъ одной стороны Польща
ь Литвою, а зъ другой Русь съ Свидри-
айломъ. Въ одной хвили выросло на
уси якъ-бы зъ-пôдъ землѣ великанское
ойско пôдъ начальствомъ своихъ кня-
ей и воеводъ, и оно одушевленное гад-
ою обороны своей вѣры и народности,
валось до завзятои борьбы, до борьбы
а смерть и житье.

Найславнѣйшіи воеводы русскіи, княь Федько Острожскій и Алексан-ерь Носъ, радили Свидригайлѣ, щобы
нъ покинулъ мысль о измѣннической
итвѣ, а щобы за то цѣлый стоялъ за
усь, щобы всѣми силами ударилъ на
ольщу, ôтобралъ ôтъ ней Галицкую
усь и такъ ôтновилъ бы назадъ мо-
ущую русскую державу. Добрая то была
ада; жаль тôлько, що честолюбивый
видригайло не радъ былъ ôтказатися
тъ своихъ правъ на Литву. Ôнъ бо,
ко Литовецъ зъ роду, не думалъ Литвы,
ко своей батькôвщины, оставити въ ру-
ахъ Жигмонта и постановилъ въ одинъ
асъ провадити подвôйную войну, такъ
Польщи, якъ и на Литвѣ.

Справа то была за трудна, бо треба было роздѣлити войска: одни послати противъ Литвы, а съ другими ударити на Польщу. Но Свидригайло уповалъ на свои силы и приступилъ до дѣйствій.

Князь Федько Острожскій.

Самъ отправился съ доборовыми полками противъ Жигмонта на Литву, а противъ Польщи выслалъ другу половину войскъ пôдъ начальствомъ Острожского и Носа.

Зъ начала велось хорошо русскимъ войскамъ, особенно Острожскій и Носъ вславили русское оружіе блистательными побѣдами. Острожскій боролся съ польскими войсками на Подôлью, розбилъ ихъ ужасно пôдъ Копистриномъ и гналъ за Поляками ажь въ Галицкую Русь, где на каждомъ кроку давался имъ во знаки. Ôнъ то, сей русскій князь Федько Острожскій стался пострахомъ для Польщи, и о немъ говорили, що будьто ôнъ воюе въ змовѣ съ дикими вихрами.

Не меньше счастливо велось и Александру Носу на Волыню. Польща выправила противъ него свои войска пôдъ начальствомъ Русина-перевертня Грицька Кердеевича, которого русскимъ хлѣбомъ выгодовала русская мати, а ôнъ нечестивый на матерь свою Русь ступилъ съ оружіемъ, щобы дослужитись панской ласки. И тутъ боролись хоробро наши войска пôдъ начальствомъ Носа и выбороли собѣ неодну побѣду; но въ-конецъ таки они мусѣли уступити передъ перемагающими силами Польщи.

Не такъ счастилось самому Свидригайлѣ на Литвѣ. Заразъ на вступѣ побилъ его сынъ Жигмонта литовского Михаилъ пôдъ Ошмяною. На-скорѣ собралъ Свидригайло новыи полки зъ-надъ Днѣпра и запустившись на-ново въ глубину Литвы, отплачовался сердито за по-

раженіе пôдъ Ошмяною и побивалъ всюда войска Жигмонта черезъ цѣлый р. 1433.

Слѣдующого року 1434 умеръ Ягайло. Дознавшись о тôмъ Свидригайло, стягнулъ новыи силы и вступилъ на Литву въ самъ той часъ, коли Поляки выбирали собѣ короля. Ажь въ р. 1435 прійшло до битвы пôдъ Волкомиромъ, где станули противъ себе всѣ полки зъ одной стороны литовско-польскіи, а зъ другой русскіи. Къ сожалѣнью, и теперь не спріяло счастье Свидригайлови. Войска его побиты на голову, найдѣльнѣйшіи князѣ и полководцѣ лягли трупомъ на поли битвы, а самъ Свидригайло съ останками рыцарей русскихъ принужденъ былъ уступити въ Кіевъ.

Однакъ и теперь еще держалъ Свидригайло въ своей руцѣ Подôлье, землѣ заднѣпрянскіи, такъ звану Украину, и часть Волыня съ Луцкомъ, — довольно землѣ, щобы утворити отдѣльную могущую державу. Но злая доля преслѣдовала уже Свидригайла и вела его до щоразъ бôльшого паденія. Дознавши чувствительныхъ пораженій на поли битвы, стративши премного вѣрныхъ воинôвъ и бôльшую часть своихъ лучшихъ рыцарей, Свидригайло упалъ на духу, и сталъ до крайности роздраженъ и недовѣрчивъ даже ко своимъ найблизшимъ другамъ. Въ тôмъ непригодномъ розложеніи души велѣлъ ôнъ живцемъ спалити друга сво-

его Смоленского епископа Герасима, подозрѣваючи его о змову съ Жигмонтомъ; а що найгôрше, ôнъ затворилъ въ вязници безъ причины найдовѣреннѣйшого и найбôльше заслуженного товариша всѣхъ военныхъ пôдвигôвъ и преданного свого друга, князя Федька Острожского. Зажурились Русины, споглядаючи на тое, та говорили одни другимъ, що изъ того не выйде ничого доброго. Такъ оно и сталось. Острожского освободили зъ вязницѣ два польскіи шляхтичи, и тогды тойже, огорченъ поступкомъ Свидригайла, поддался со всѣми своими землями королю польскому.

Съ отступленьемъ Острожского, розрушилась вся подвалина независимого существованья Свидригайла и Руси. Найбôльша часть Волыня и Подôлья найшлась уже въ рукахъ Польщи, а Свидригайло, щобы себе спасати, здѣлалъ послѣднiй свôй промахъ: ôнъ призналъ короля Польщи своимъ верховнымъ паномъ, а землѣ Кiевску и Волынскую приналежащими до Польщи: самъ же ôнъ осѣлъ пôдъ охороною Полякôвъ въ Луцку.

Но и въ Луцку не усидѣлъ долго Свидригайло. Жигмонтъ литовскiй забажалъ совершенной его погубы и вымôгъ на Полякахъ, що тiи его отреклися, а землѣ его ôтдали въ посѣданье Литвѣ. Оставленый теперь и ôтъ Польщи, князь Свидригайло боялся о свою жизнь, вы-

нêсся изъ Луцка и на старыи лѣта принужденъ былъ скитатись по чужимъ землямъ.

Такъ укончилась борьба Руси съ Польщею, та властиво не укончалась, а притихла тôлько на долшій часъ, поки въ $1^1/_2$ вѣка пôзнѣйше не выбухла страшнѣйшимъ пламенемъ крайнёго отчаянія въ войнахъ козацкихъ.

На теперь смирился русскій народъ и выжидалъ спокойно своей судьбы. Землѣ русскіи, пôдъ управительствомъ польскихъ и литовскихъ воеводъ и старостъ, не знали властиво, до кого належали: чи до Польщи, чи до Литвы. Жигмонтъ, князь Литовскій, державъ пôдъ своимъ правленіемъ Литву, Волынь, Кіевщину и часть Подôлья, но ôнъ присягъ, що всѣ тіи землѣ ôтдасть Полякамъ по своей смерти, а уже и теперь уважались Поляки панами всеи Руси. Изъ того выйшло, що такъ Жигмонтъ, якъ и Польща управляли теперь въ земляхъ русскихъ. Правленіе Жигмонта было для Русинôвъ невыносимымъ. Мало того, що ôнъ на будучность нѣяко запродалъ Русь еще за свого житья, но ôнъ къ тому згнущался и теперь надъ Русинами и ихъ вѣрою. Русины зачали на него змавлятись, за що многіи страдали въ вязницяхъ, а многіи даже житьемъ переплатили. Въ конецъ дôйшло роздражненье Русинôвъ до того, що они пôдъ проводомъ свого князя Чер-

торыйского умертвили свого ворога, князя Жигмонта въ р. 1440.

По тôй сумной кончинѣ Жигмонта повернулъ Свидригайло на Русь, осѣлъ въ Луцку и проживалъ тутъ спокôйно послѣднiи лѣта своей жизни, стараючись о скôлько было въ его силѣ улегшити долю подвластныхъ собѣ Русинôвъ. Въ р. 1452 скончался сей великiй мужъ. Умираючи, ôнъ завозвалъ до себе бояръ Волынскихъ и приказалъ Юршѣ, своему воеводѣ, передъ ихъ лицемъ зложити присягу, що по его смерти ôнъ не отдасть никому Луцкъ, тôлько посламъ Великого Князя Литовского.

Князь Свидригайло заслугуе вполнѣ, щобы Русины назвали его дѣльнымъ, великимъ, и съ честiю поминали его память. Цѣлая его жизнь, полна трудôвъ, страданiй, перейшла на оборонѣ русскихъ земель и русского народа супротивъ Польщи. Ôнъ стремилъ непрестанно до того, щобы ôтдѣлити напередъ Литву и Русь ôтъ Польщи, а послѣ самую Русь ôтъ Литвы и Польщи и построити зъ ней независимую державу. Стоячи за интересами Руси, конечно ему было статись противникомъ Литвы, а особенно Польщи, а яко такiй, ôнъ сталcя непримиримымъ ихъ ворогомъ и вязался съ ворогами ихъ, нѣмецкими рыцарями. Въ борьбѣ о свое становище и о права Руси, былъ ôнъ постоянный ажь до смерти и осталъ вѣр-

ный русскому народу даже и въ найтяжшихъ хвиляхъ своей жизни. За то пріобрѣлъ ôнъ собѣ любовь цѣлой Руси, котора всегда и всюда за нимъ слѣдовала и охотно кровь свою за него проливала. Въ частной жизни твердый, щирый, говорливый, но при тôмъ скорый и вспыльчивый, ôнъ руководился бôльше жаркимъ чувствомъ, чѣмъ холоднымъ розумомъ, що власне и найбôльше ему и цѣлôй его справѣ неразъ вредило. Пôдъ Луцкомъ ôнъ дался увлечи чувству братской любови и пропустилъ найлучшую случайность, исполнити свои намѣренія, що-до утворенья самостоятельного быту Руси. Послѣ неудачи того роздражненъ и веденъ чувствомъ подозрительности, ôнъ зачалъ лихо обходитись съ найлучшими другами своими, а не розважилъ, якъ злыи зъ того выйдутъ послѣдствія. Такъ черезъ недостатокъ зимной розваги и политичной осторожности, ôнъ дался другимъ перехитрити. Впрочемъ и счастье ему дальше не служило; всѣ заходы его, всѣ подвиги, поднятыи съ такъ тяжкимъ трудомъ, не принесли жадныхъ успѣхôвъ. Не смотря однакъ на тое, не може Русь кидати каменемъ на того мужа, который такъ прихильнымъ всегда являлся для ей народности и вѣры, который все для Руси жилъ, съ Русію страдалъ, для Руси всѣ личныи выгоды посвятилъ; отже то и справедливо, що Русь въ своей отче-

ственной Исторіи имя и память сего князя высоко цѣнитъ и почитае.

Внутренній переворотъ на Руси за Ягайла.

Безпосредственно до Польщи належали за Ягайла зъ давнѣйшого Галицко-Владимірского княжества Русь Галицкая, земля Холмская, Белзская и западная часть Подôлья. Въ земляхъ тыхъ настали за владѣнія Ягайла новыи порядки, которы измѣнили давныи политичныи и церковныи отношенія, якіи были въ часахъ русской самостоятельности, придавили на Руси русскую жизнь и надали ей видъ чужій, противный стремленямъ и чувствамъ русского народа. Порядки тіи новыи, введеныи не за согласіемъ народа, а насильственно: для того вызвали они (якъ мы то уже видѣли) въ самыхъ початкахъ великое огорченіе и голосный ропотъ Руси. Коли же пôзднѣйше тіи чужіи введенія принимали щоразъ ширшіи розмѣры: коли не перебиралось въ средствахъ, щобы згнести всю русскую свободу: коли тіи новаторства имѣли на цѣли, всякими способами нетерпимости и своевольствами истребити народность Руси и найдорожшіи духовныи святости ей, тогды пукла струна русской терпеливости и раздался громовый голосъ ярости и гнѣва, а рука ненасытимой ме-

сти карала ужасно грѣхи гордого томителя.

Ôтъ самого початку свого правленія, старался Ягайло вывернути на Галицкой Руси давный порядокъ старо-русскій, рускіи законы и звычаи, а на мѣстце того завести всюда польскій ладъ. И такъ обмежилъ ôнъ власть удѣльныхъ русскихъ князей, якіи еще где-куда тутъ остали, а ôтôтнималъ имъ ихъ землѣ и городы, а ôтдавалъ тіи польскимъ вельможамъ. Такъ ôтобралъ ôнъ русскому князеви Белзскому пребогатую его землю, а ôтдалъ ю польскому князеви Земовиту Мазовецкому. Поляки, якъ Спытко зъ Мельштына досталъ округъ Самборскій, Петръ Щекоцкій Дубецко, Тарло Стрый, Дмитро зъ Горая землю Холмскую, а другіи польскіи родины Тарновскихъ, Бучацкихъ, Язловецкихъ и пр. поселялися ôтъ тогды на Галицкой Руси. Такъ само и Подôлье (западная половина) перейшло до Польщи яко провинція, а въ-конецъ и Галицкая Русь стратила въ р. 1432 совершенно свою самостоятельнôсть и сталась провинціею Польщи. Зъ того часу перестала Галицкая Русь уважатись окремымъ краемъ съ своимъ власнымъ управленіемъ, а стала польскимъ воеводствомъ, пôдчиненнымъ польскимъ законамъ и польскому зарядови. Прійшли новыи польскіи уряды, а уряды тіи роздавались польскимъ панамъ вразъ съ землями, селами и городами. Русскій

боярскій и мѣщанскій станъ затрачовался скоро при новомъ польскомъ ладѣ. Одна часть изъ нихъ, котора держалась твердо свого обряда и своей вѣры, тратила свои имѣнія на корысть польскихъ панôвъ, и зъ неи настали теперь подвластныи кметы или такъ званыи земляне; другая же часть, видячи, що всякіи привилеи, достоиства и корысти могутъ достатись тôлько людямъ латинского обряда, отрекалась свого обряда и своей народности, переходила на латинство, принимала польскіи имена и польскую народность. Такъ изчезало въ нашой Руси русское дворянство, русское боярство, а ихъ мѣстце заняли польская шляхта и польскіи дѣдичи. Русская народность, теряючи своихъ бояръ, сохранилась однакъ неповреждена въ сердци народа, который, не смотря на всякіи насилія и гоненія, осталъ ей вѣрнымъ. Но народъ той терялъ теперь свою свободу, якою до недавна вполнѣ наслаждался. Новыи дѣдичи накладали на сей народъ всякіи тягары, службы и данины то грошевыи, то въ плодахъ земныхъ, то присвояли собѣ надъ простонародіемъ всю власть судити и карати самовольно. Съ того вывязалось тое пригнетающое и нечеловѣческое подданство — панщина, въ которой селянинъ - хлѣборобъ стался цѣлкомъ зависимымъ ôтъ дѣдича, стался его слугою, его рабомъ.

А якъ же дѣялось съ русскою Церквою въ той часъ? Ягайло, вѣрный обѣтови, якій далъ Полякамъ, старался всякими способами розширяти и укрѣпляти на Руси латинство. Ôнъ спроваджовалъ на Русь польскіи кляшторы Францишканôвъ и Доминиканôвъ и упосажалъ ихъ русскими имѣніями. Уже зъ того часу назначены были для русскихъ земель польскіи бискупы, но до теперь не было у нихъ еще достаточного доходу, ни маетку, а тôлько былъ пустый титулъ. Ажъ зъ ласки Ягайла приходили тіи бискупы до великихъ достаткôвъ. Густо пôдносились польскіи костелы и кляшторы, а народъ русскій приневоленъ былъ на тіи же давати десятину. Що бôльше, на добрахъ Галицкой митрополіи основано латинское архіепископство, которому мали быти подчинены всѣ русскіи епископства. То былъ почарокъ вмѣшованья ся латинскихъ архіепископôвъ въ справы русской Церкви, зъ чого, розумѣеся, повстали многіи новыи бѣды и клопоты. Заразъ зъ самого початку пріишло русской Церкви гôрько испытати послѣдствія такихъ установъ. Русскій Епископъ въ Галичи принужденъ былъ уступити зъ престола свого, оставити свою церковь и хранитись съ крылошанами своими въ поблизкомъ селѣ Крылосѣ. Въ Перемышли ôтобралъ Ягайло Русинамъ величавую ихъ церковь, будовану зъ тесового каме-

ня, и велѣлъ ю перетворити на латинскій костелъ (нынѣшна польска катедра), а тѣла покойныхъ православныхъ, которыи въ той церкви почивали, велѣлъ повыкидати зъ гробôвъ. Русскій Владыка, огорченъ тою грабежію и зневагою, оставилъ свôй престолъ владычій и уступилъ съ крылошанами до Самбора.

Для скорѣйшого розширенья латинства на Руси издавалися новыи законы, которыи постановляли, що никто изъ православныхъ не смѣе засѣдати въ соймѣ, ни доступити якого-нибудь достоинства: черезъ такіи постановы що-разъ бôльше русскихъ вельможь переходило на латинство, що-разъ бѣднѣла русская Церковь, а пôдносилась и вкоренялась латинска.

Таке дѣялось въ Галицкой Руси за Ягайла. А такъ якъ поступала Польща съ Галицкою Русію, такъ рада была здѣлати и съ Волынскою и Подольскою Русію, которыи належали до Литвы. Ягайло, избранъ Поляками яко орудіе къ ополяченью и златинизованью Руси, старался на Литвѣ въ сейчасъ устранити тамъ духа русского зъ народности и вѣры, и затѣмъ вводилъ латинство насиліемъ, основывалъ костелы, бискупства, выдавалъ грамоты, стѣсняющіи греческое вѣроисповѣданіе. По повелѣнію Ягайла заходили въ Литовскую Русь и на Литву латинскіи ксендзы и польскіи паны, которыи и тутъ

старались вмѣшоватися во тнутренніи порядки тыхъ земель и перестроити ихъ по своей мысли. Они употребляли всякихъ возможныхъ средствъ, щобы Литву и Литовскую Русь соединити такъ тѣсно съ Польщею, дабы тіи землѣ стались польскими землями съ польскими законами и обычаями, и они то доводили Ягайла и Витолда до „уніи Городельской,“ черезъ которую рады были перетворити народность и вѣру русскую въ польскую. Однакъ всякіи усилія панôвъ польскихъ, щобы дôстати Литву и Литовскую Русь въ свои руки, розбивался на теперь еще о опôръ князей и вельможь литовско-рускихъ, которыи за ніякую цѣну тогды еще не хотѣли допустити до тѣснѣйшого полученья Литвы съ Польщею.

Завзятыи борьбы Русинôвъ пôдъ проводомъ Свидригайла противъ Польщи и споляченой части Литвы, жестокое умертвленіе литовского князя Жигмонта, гонителя русской вѣры и народности, дають намъ найлучшое доказательство, якъ завзято и отчаянно боронилась Литовская Русь передъ тою опѣкою и дружбою, съ якою накидалась ей неусыпно Польща.

Русь пôдъ Ягайлонами, т. е. наслѣдниками Ягайла.

Наслѣдникъ Ягайла на польскомъ престолѣ, сынъ его король Владиславъ, хотѣлъ инакше поступати взглядомъ Руси Галицкой, котора уважалась уже цѣлковито власностію Польщи. Ôнъ надѣлилъ русское дворянство такими свободами и привилеями, якими пользовалась шляхта польска. Однакъ тіи льготы остали тôлько на паперѣ, бо шляхта польска не допустила, щобы они въ сущности переведены были. Такъ и остало затѣмъ при старôмъ, якъ было и за Ягайла: паны польскіи надѣлялись щедро русскими землями, а давныи тыхъ же земель властителѣ, русскіи бояре, если не хотѣли пристати на польскій ладъ, на латинскую вѣру, мусѣли оставляти свои отчины.

За того короля Владислава выродилась гадка уніи церковной, т. е. полученья Церкви восточной съ западною, котора то гадка состояла въ тôмъ, щобы вся греко-восточная Церковь признала папу римского головою тои же Церкви. Въ р. 1439 зъѣхались до мѣста Флоренціи (въ Италіи) многіи православныи Епископы, межи ними и Митрополитъ Московскій Исидоръ и Патріярхъ Цареградскій Іосифъ, и тіи пристали на соединеніе Церкви восточной съ западною и пôдписали тую унію такъ звану Фло-

рентійскую. Щобы однакъ Русинôвъ наклонити до такой уніи, выдалъ король Владиславъ грамоту, которою зрôвналъ русскую Церковь и духовенство русское во всѣхъ правахъ съ латинскимъ, а приказалъ даже ôтдати Русинамъ забраныи до теперь церковныи имѣнія, которыи присвоили были собѣ польскіи старосты и бискупы. Но и тая грамота остала тôлько на паперѣ. Унія на Руси не принялась, русская Церковь и ей духовенство остали дальше Поляками упослѣджены.

На Литвѣ убито межи тѣмъ князя Жигмонта, а на его мѣстце выбрано Вел. Княземъ Литвы и литовской Руси другого сына Ягайла, Казиміра. Поляки мали уже тогды такій замыслъ що-до Литвы: Казиміру хотѣли ôтдати самую Литву безъ Руси, яко намѣстникови, зависимому ôтъ Польщи, а Волынскую Русь прилучити до Польщи, и такимъ способомъ ослабити сильное княжество Литовско-русское и утвердили свое вліяніе на справы литовской Руси. Однакъ на теперь еще не повелся сей хитрый замыслъ. Литовцѣ, призвавши Казиміра изъ Польщи, оголосили его Великимъ Княземъ Литвы и Руси, ôтъ Польщи цѣлковито независимымъ. Казиміръ прирекъ Литовцямъ, що не признасть русскихъ земель николи власностію Польщи, и ôтдался щиро справамъ литовско-русскимъ. Прихильный для Руси, ôнъ почиталъ ей вѣ-

ру, ей права и обычаи, и дѣлалъ для руской народности великіи уступства. Въ р. 1440 возстановилъ ôнъ княжество Кіевское и надалъ оно прогнаному княземъ Витолдомъ Олельковы Владиміровичу.

Въ р. 1444 полягъ король польскій Владиславъ Ягайловичъ въ битвѣ съ Турками пôдъ Варною. Теперь прійшла для Польщи знову удобная хвиля, злучити съ собою Литву и Польщу, а то черезъ выборъ князя литовско-русского Казиміра на польского короля. Тожь и выслано зъ Польщи въ сей-часъ посольство до Казиміра, щобы той принялъ польскую корону. Однакъ Казиміръ, знаючи гордôсть польскихъ вельможь и замысли ихъ взглядомъ Литвы и Руси, долго не хотѣлъ приняти короны; ажь доперва по двохъ рокахъ т. е. въ р. 1446 ôнъ дался намовити до того и поѣхалъ до Кракова обняти престолъ королевскій. Передъ своимъ ôтъѣздомъ, ôнъ еще разъ запоручилъ свято Литовцямъ и Русинамъ, що земель ихъ николи до Польщи не прилучитъ.

Но такимъ способомъ все же дôстались три народы; Русины, Литовцѣ и Поляки пôдъ правленіе одного владѣтеля, Казиміра Ягайловича. Такое сполученье трехъ народôвъ въ одну державу было бы для всѣхъ хороше и корыстне, еслибы основывалось оно на пôдставѣ рôвности и справедливости для всѣхъ една-

ковой. Но въ тôмъ власне быта и вся бѣда, що Поляки желали прилучити до себе Рузь л Литву, однакъ лишь на тое щобы надъ ними пановати и потягати для себе всякіи пожитки зъ ихъ богатыхъ земель. Литва же и Русь боронились передъ такою напастію, що силъ имъ стало.

Казиміръ старался годити обѣ спорящіи стороны; однакъ на дармо. Черезъ цѣлый часъ его владѣнія не было конца спорамъ и роздорамъ; тіи велись безъустанно, а несогласія межи Польщею зъ одной стороны, а Литвою и Русію зъ другой що разъ бôльше заострювались. Мало не що року зъѣздились Поляки и Литовцѣ съ Русинами на вспôльныи соймы до Пётркова, Парчева, Люблина или Сѣрадзя, щобы порозумѣтись и поеднатись; но звычайно розъѣздились обѣ стороны въ найбôльшомъ гнѣвѣ и розъяренью. Разъ зъѣхались они до Люблика; Поляки якъ звычайно, выступили тутъ со своими правами до земель русскихъ Волыня и Подôлья и стали доказовати, що Казиміръ здобылъ уже тіи землѣ для Польщи, ба, що уже и Ягайло роспоряжалъ ними яко король польскій. Но и Литовцѣ привезли сюда съ собою исторію, списанную въ русскомъ языцѣ, и зъ ней доказовали Полякамъ несправедливость ихъ требованія, понеже Волынь и Подôлье еще за

Гедимина, а потомъ за Ольгерда добровольно прилучилися до Литвы. Коли же Поляки, не уважаючи на повагу исторіи указали на увію Городельскую, въ которой будьто-бы вся Литва и Русь пôддарась пôдъ владѣніе Польщи: тогды выступили противъ того Литовцѣ якъ одинъ мужъ и заявили, що унія та была вымамена лестію и подступомъ, а Русины освѣдчили къ тому, що коли на тую унію ни одинъ Русинъ не пôдписался, то она для нихъ не мае ніякого значенья и цѣлкомъ ихъ не обходитъ. Такъ розъярены одни на другихъ, всѣ въ найбôльшомъ гнѣвѣ розъѣхались. Якъ той соймъ въ Люблинѣ, такъ отбывались и другіи того рода соймы. Одного разу ѣхали Литовцѣ и Русины на соймъ до Парчева, и по дорозѣ довѣдались що Поляки замыслили ихъ вырѣзати, якъ то разъ были здѣлали съ Русинами въ Перемышли еще за Казиміра Великого. Дознавшись о тôмъ литовскіи и русскіи депутаты, не доѣздили уже до Парчева, а розложились таборомъ пôдъ Берестомъ недалеко Парчева. Тутъ замыслили они завстыдати панôвъ польскихъ за ихъ лукавый и поганый замыслъ и запросили ихъ до себе на обѣдъ. Поляки урадованы запрошеньемъ, узброились и поспѣшили въ гостину, но прибивши пôдъ Берестъ, не застали уже ни одного Литовця, ни Русина, а найшли на свôй соромъ поломa-

ныи и подертыи гербы польскіи, которыми Польща обдарила вельможь литовскихъ въ Городлѣ. По то̂мъ событіи, розумѣеся, усилилась еще бо̂льше вражда и роздвоенье межи Польщею а Литвою и Русію.

Король Казиміръ видѣлъ, що у него нѣтъ силы ни власти помирити всѣ три народы, и о̂тъ того часу уже не скликовалъ вспо̂льныхъ соймо̂въ, но о̂тбывались соймы о̂тдѣльно на Литвѣ, а о̂тдѣльно въ Польщи, черезъ що самъ король былъ межи молотомъ а коваломъ. Не хотячи зразити собѣ цѣлкомъ польскую шляхту, о̂нъ принужденъ былъ неразъ исполнити ихъ волю и пристати на ихъ требованія, та по̂дписовалъ грамоты, якіи они собѣ уложили. Литовцѣ же и Русины también не засыпляли своей справы, а на своихъ соймахъ ставили установы, которыи забезпечовали ихъ самостоятельность и независимость о̂тъ Польщи, и предкладали ихъ Казиміру до по̂дпису. Зъ того выходило, що Казиміръ въ одинъ часъ подписовалъ двѣ установы, совсѣмъ собѣ противныи, а черезъ тое само терялъ довѣріе такъ у Поляко̂въ, якъ и у Литовце̂въ и Русино̂въ. Ставшись однакъ орудіемъ въ рукахъ польскихъ пано̂въ, безсильный и непорадный, щобы управляти Польщею, Литвою и Русію по всей справедливости, о̂нъ отвертался поволи о̂тъ Русино̂въ, которыхъ въ

его державѣ было числомъ найбôльше и которыи за свою народнôсть и вѣру стояли найтвердѣйше. И такъ, коли умеръ добрый и умный князь Симеонъ Олельковичъ, що зъ руки короля Казиміра княжилъ въ области Кіевской, тогды переворилъ Казиміръ Кіевское княжество на воеводство и поставилъ тамъ воеводою свого любимого Литовця Гаштольда и другихъ неприклонныхъ Русинамъ старшинъ католикôвъ, которыи народъ русскій пригнетали и вѣру его преслѣдовали. Послѣдствія зъ того выйшли такіи, що народъ русскій зъ-надъ Днѣпра переходилъ громадами на сѣверъ въ Великую Русь, котора пôдъ тую пору была уже могущимъ Царствомъ. Тогды то переселились въ Великую Русь въ подданство Царя Ивана III. князѣ потомки Ольгерда: Трубецкіи, Ольшанскіи, Бѣльскіи, Олельковичи, и потомки Владиміря Вел.: Одоевскіи, Воротынскіи, Перемышльскіи и прочіи.

Коли Казиміръ увидѣлъ, що Русины въ Кіевщинѣ и на Волыню, не зазнавши добра и справедливости ôтъ польской короны, наклоняются до Великой Руси, сталъ негодовати на Царя Ивана, гнѣвался на него, гнѣвался и на своихъ Русинôвъ, та и сталъ пôдмовляти Новогородцêвъ противъ тогожъ ихъ Царя, щобы они ôтлучились ôтъ Великой Руси, а присоединились до Литвы. Мало недо-

ставало, що было бы прійшло до вôйны межи Царемъ а Казиміремъ, но той послѣтній, розсудивши въ-конецъ, що при такой вôйнѣ мôгъ бы тôлько бôльше стратити, присталъ на перемиріе, въ которомъ радъ-нерадъ мусѣлъ згодитися, щобы землѣ тыхъ князей, що переселились зъ Малои Руси въ Великую, належали теперь до Великой Руси.

Видимъ изъ сказанного до теперь, що хотя, якъ здавалось зъ-початку, легче буде жити Русинамъ пôдъ владѣніемъ Казиміра, то таки дальше вся надѣя кончилась на ничêмъ, коли Казиміръ, ставши королемъ Польщи, далъ себе руководити польской шляхтѣ. Въ тыхъ часахъ дознавала земля наша еще и другіи тяжкіи бѣдствія, именно ôтъ нападôвъ татарскихъ. Тое то лихо, наносящое смерть и недолю, цѣлый той часъ не оставляло земель русскихъ. Ледви троха ôтдохнулъ народъ по одномъ татарскомъ нападѣ; ледви притихли воплѣ несчастныхъ людей, дознавшихъ всей горести татарского бича, а уже знову настигла тая саранча и знову истребляла все огнемъ и желѣзомъ. И такъ за Ягайла еще коли Свидригайло оставилъ отчину свою и скитался на чужинѣ, вдерлися Татаре съ великою силою въ землѣ наддѣпрянскіи, на Волынь и Подôлье, и запустили свои загоны ажъ на Галицкую Русь, пустошили весь край безъ мило-

сердія, безъ мѣры, и ôтступали ажь тогды, коли напоились до волѣ русскою кровію и заграбили съ собою все, що ино далось взяти. Въ р. 1448 они знову вторгнули въ Подôльскую и Галицкую землю. А въ самъ той часъ Поляки и Литовцѣ, сварилились межи собою, а народа русского и его имѣнія не было кому боронити. Въ р. 1450 польскіи войска выправлялися на Молдавянъ и на Волохôвъ, та розбытыи были на-прахъ отъ господаря Волощины, воеводы Богдана, такъ, що ледви кôлька полкôвъ вернуло цѣлыхъ до дому. Зъ той хвилѣ знову скорыстали Татаре и ворвались двома ордами на Подôлье и на Галичину, а не находячи нигде перепоны, загнались на Городокъ и Белзъ, где омало самъ Белзкій князь Болеславъ Мазовецкій не дôстался въ ихъ неволю. Та незадолго, бо уже въ р. 1453 явились знову Татаре въ Галицкой Руси, опустошили цѣлу Теребовельскую землю, загнались пôдъ Львôвъ, попалили тутъ передмѣстья, цѣлую окрестность розграбили и на долго оставили печальныи слѣды своей гостины. Взяти за оружіе, станути противъ того ворога знову не было кому; панове не квапилися проганяти Татарина, а если коли они и собрались то уже было за пôзно. Татаринъ здеръ, що мôгъ, набралъ въ полонъ русскихъ молодцêвъ и молодиць, наладовалъ возы русскимъ майномъ и изчезалъ съ тѣмъ

всѣмъ въ широкôмъ заднѣпрянскомъ степѣ. А на Руси оставали опустушенныи нивы, розореныи села и городки; отцы лягли трупами въ оборонѣ своихъ родинъ и свого тяжко запрацёваного имѣнія, а дѣти ихъ повлечены на арканахъ въ далекую чужину, въ постыдную неволю, где уже якъ камень въ воду пропадали. Тай така то была доля наша за короля Казиміра!

По смерти Казиміра Ягайловича въ р. 1492 сталъ королемъ Польщи найстаршій его сынъ Я н ъ - А л ь б р е х т ъ, названый по своему роду Ягайлончинкомъ. Тогда то Литовцѣ, щобы разъ положити конецъ домашнимъ спорамъ съ Польщею и цѣлковито ôтъ ней ôтлучитися, выбрали собѣ Вел. Княземъ другого сына Казимірового, А л е к с а н д р а. Такимъ способомъ стала Литва съ Русію знов отдѣльнымъ княжествомъ со своимъ независимымъ княземъ, своимъ русскимъ закономъ и своимъ русскимъ языкомъ. А щобы не допустити на-ново до близшихъ сношеній межи Литвою а Польщею, выдали Литовцѣ съ княземъ своимъ законъ, по которому не дозволено было Полякамъ показоватись и проживати въ Литвѣ, и запрещено имъ куповати земель или поселятись въ русскихъ земляхъ.

Но такое непріязное для Польщи настроеніе Литовцêвъ не долго тревало: вкоротцѣ бо сама уже Литва глядала друж-

бы съ Польщею, а то по слѣдующой причинѣ: Царь Великой Руси Иванъ, корыстаючи изъ отдѣленья Литвы ôтъ Польщи, вторгнулъ въ область Черниговскую, що тогды до Литвы належала, и занялъ тамъ кôлька городôвъ русскихъ, которыи рады были прилучитись до Великой Руси. Князь Александръ литовскій, щобы не стратити еще бôльше русскихъ земель, заключилъ съ Царемъ перемиріе и въконецъ еще одружился съ его донькою Еленою. Но помимо того не было уже мира межи Литвою и Великою Русію. Александръ всегда относился непріязно къ своему тестеви, а въ своемъ княжествѣ не спріялъ православію, а даже дѣлалъ ему кривды. Одружившись съ царевною Еленою, ôнъ обѣцялъ, що оставитъ своей женѣ свободу вѣроисповѣданія, а однакожь обвѣнчался съ нею по латинскому обряду, не позволилъ ей построити собѣ свою православную церковь въ Вильнѣ, удалилъ ôтъ ней велико-русскихъ дворянъ, а неволилъ ю приняти латинскій обрядъ.

Якъ обходженося съ царевною Еленою, такъ и поступовано съ прочими православными жителями литовской Руси. Латинники принуждали Русинôвъ принимати латинскій обрядъ и другій разъ креститись по латинскому обряду. Такое поведеніе латинникôвъ не подобалось и самому папѣ римскому, такъ що ôнъ по-

вздержовалъ ихъ въ такой ревности и у-
поминалъ, щобы православныхъ не кре-
стили впростъ на латинникôвъ, но щобы
ихъ тôлько до уніи съ церквою западною
наклоняли. Первымъ послѣдствіемъ та-
кого поступованья князя и латинникôвъ
было тое, що русскіи князѣ, находящіи-
ся на граници Великой Руси, переходили
туда со своими родинами и свои землѣ под-
чаняли Царю Великой Руси. Дальшимъ
же послѣдствіемъ той нетерпимости су-
противъ православной вѣры были непо-
розумѣнья межи Литвою а Великою Ру-
сію, и въ-конецъ вôйна. Въ вôйнѣ той
выславъ Александръ противъ велико-рус-
скихъ войскъ свого найславнѣйшого во-
еводу, Гетмана Литвы, русского князя
Константина Острожского, но роз-
битый Острожскій самъ попался въ плѣнъ
и отвезенъ былъ въ Москву, а войска
велико-русскіи утвердились въ занятыхъ
земляхъ сѣверной Литвы. Въ виду той
опасности ôтъ стороны Вел. Руси, зача-
ла Литва глядати пріязни и помощи у
Польщи.

Точно въ пору вôйны межи Литвою
а Русію, умеръ король польскій Янъ-
Альбрехтъ, а зъ той хвилѣ скорыстали
Литовцѣ и предложили князя свого А-
лександра на короля Польщи. Поляки
рады, що стара гадка ихъ, получити Ли-
тву и Русь съ Польщею, може теперь о-
сущеcтвитись, пристали на предложеніе

Литовцевъ и безъ опору избрали Александра своимъ королемъ.

Ставши королемъ Польщи, продолжалъ Александеръ вôйну съ Великою Русію, однакъ несчастливо такъ, що видѣлъ себе принужденнымъ заключити перемиріе и признати на власность Великой Руси городы Чернигоръ, Рыльскъ, Стародубъ и Новгородъ сѣверскій. Зъ тыхъ клопотôвь Польщи корыстали еще и Татаре и Молдавяне. Татаре трема шляхами нападали на Галицкую Русь и заганялись ажь до Луцка, Белза, Люблина, Львова, ба и до Кракова, а Молдавяне заняли русское Покутье.

Король Александръ умеръ наглою смертію въ р. 1506. На Литвѣ поставленый былъ намѣстникомъ и Великимъ Гетманомъ Литвы знаменитый русскій князь Михаилъ Глинскій. Былъ то твердый Русинъ, преданный всею душею русской вѣрѣ и народности. Его то хотѣло русское сторонництво избрати Великимъ Княземъ Литвы по смерти Александра, однакъ Литовцѣ католики того ино побоювались и при помочи Поляковъ, не допустили, щобы православный человѣкъ, Русинъ сердцемъ и душею, засѣлъ на литовскомъ престолѣ, а выбрали они собѣ княземъ третьёго сына Казиміровото, Жигмонта. Поляки въ Краковѣ, учувши о томъ выборѣ, приняли въ сейчасъ тогоже Жигмонта на свого короля, щобы такимъ способомъ зновь одинъ вла-

дѣтель былъ въ Польщи и на Литвѣ, щобы случайно знову не розпалась тая унія, надъ которою они такъ долго трудились.

За правленія того Жигмонта, званого Старымъ, настали на Руси трохи лучшіи времена. Яко благорозумный владѣтель, ôнъ принялся устроивати внутренніи дѣла и въ Литовской Руси. И въ тôмъ поступалъ ôнъ собѣ безпристрастно и справедливо для всѣхъ народностей и вѣроисповѣданій. Бôльшимъ городамъ Руси ôнъ надавалъ право магдебурское, зъ чого мали Русины такую корысть, що уже не пôдлягали судови королескихъ староствъ и воеводъ, а управлялись и судились своими городскими судами, которыи собѣ выбирали свободными голосами. Добра того не зазнали однакъ Русины Галицкіи. Галичина уважалась уже ôтъ давна польскою областію: всюда по галицко-русскимъ городамъ перевагу мали Поляки и вѣра латинская, а Русины и ихъ вѣра были погорджены и понижены. Русинъ не малъ права свѣдчити противъ Поляка, при выбовѣ громадской рады былъ выключенъ, але при тôмъ давалъ различныи датки на латинскіи костелы.

Заразъ зъ-початку правленья своего началъ Жигмонтъ на-ново вôйну съ Великою Русію, котора съ перервами тягнулась 30 лѣтъ. Въ той вôйнѣ заняли велико-русскіи войска найтвердѣйшую и найбôльшую крѣпость на Литвѣ Смо-

ленскъ. Счастье въ вôйнѣ спріяло то однимъ, то другимъ: разъ ôтнесъ даже князь Константинъ Острожскій (що вернулъ изъ русского плѣна) блистательную побѣду надъ велико-русскими войсками пôдъ Оршею и взялъ тогды въ польскую неволю множество русскихъ воинôвъ и воеводъ: однакъ въ-конецъ Жигмонтъ таки не ôтобралъ утраченого Смоленска и цѣлой области Смоленской, котора ôтъ теперь остала при Великой Руси, и ôнъ принужденъ былъ заключити миръ съ Царемъ велико-русскимъ Василіемъ.

Въ часѣ тыхъ военъ Польщи и Литвы съ Великою Русію, Татаре и Молдаване, союзники Царя, непокоили и опустошали землѣ русскіи на Подôлью. Татарамъ обовязался Жигмонтъ платити 15.000 червонцêвъ що-рочно, щобы его не напастовали, а вмѣсто того щобы ишли воювати Великую Русь. Пôзднѣйше, коли помимо того Татаре безустанно врывались въ наши землѣ, выправился противъ нихъ славный князь Острожскій и ôтплачовалъ имъ сердито за всѣ пакости, якіи они Руси чинили. Кромѣ того начало теперь надъ Днѣпромъ устроюватись малорусское войско козацкое, которое незадолго ôтограло славную ролю въ нашой исторіи. Тіи то козаки стали ôтъ теперь на границяхъ Руси сильною стражею и обороняли ю ôтъ теперь всегда передъ Татарвою.

На томъ мѣстци скажемъ где-що ближше о Константинѣ Острожскомъ, который, яко русскій князь незвычайно въ тыхъ часахъ прославился.

Князь Константинъ Острожскій.

Былъ то внукъ князя Федора Острожского, того самого, що то завзято боролся за Русь противъ Польщи. Сей князь

Константинъ, якъ признаютъ самы Поляки, былъ въ своемъ часѣ найславнѣйшій полководецъ, що выгралъ въ своемъ житью 33 битвы. О̂нъ то поразилъ велико-русскіи войска по̂дъ Оршею и за тую побѣду удостоилъ его король Жигмонтъ найбо̂льшой почести. Король той устроилъ ему тріумфальный (торжественный) въѣздъ въ городъ Вильно, при собраніи всѣхъ вельможъ зъ цѣлого краю и при ознакахъ всякихъ возможныхъ войсковыхъ почестей. При входѣ въ тріумфальную браму наложилъ ему на голову самъ король вѣнецъ лавровый, послѣ чого при неумолкаемыхъ восклükахъ на его честь, впроваджено его въ православную Церковь. Тутъ въ часъ богослуженія Острожскій спѣвалъ съ хоромъ и читалъ Апостолъ. За его заслуги король здѣлалъ его Великимъ Гетманомъ Литвы и воеводою на Трокахъ, и далъ ему що собѣ въ Литвѣ найвысшую власть. По̂зднѣйше Жигмонтъ разъ созвалъ соймъ зъ цѣлой державы своей до Вильна на Литвѣ, и на соймѣ то̂мъ показалось, що были тамъ уже самыи лишь католики, а ни одного православного. Тожъ коли король Жигмонтъ хотѣлъ на оный соймъ запросити Острожского, то католики всѣми силами не хотѣли его припустити для того, що о̂нъ былъ православный. Ажъ по долгихъ переговорахъ удалось Жигмонтови допустити до сойму

такожь и Острожского. Зъ того случая можна заключати, якъ великая выродилася нетерпимость для вѣры православной не тôлько у Поляковъ, но уже и у Литовцêвъ.

Князь Острожскій, хотяй всегда былъ приклонникомъ польского короля и вѣрно ему служилъ, но мимо того оставалъ всегда вѣрнымъ своей Церкви и народности своей русской; ôнъ то построилъ многіи церкви и щедро ихъ пріукрашалъ, заводилъ при церквахъ школы для дѣтей, вспомагаючи тымъ просвѣщеніе въ русскомъ народѣ. Ôнъ умеръ въ преклонномъ вѣку въ добрахъ своихъ на Волыню, которыи то добра займали такъ великую просторонь земель, якую имѣла цѣла тогдашня надвислянская Польща.

Родина князей Острожскихъ тѣмъ и была еще примѣчательна, що великіи богацтва еи просторонныхъ русскихъ земель держалися при ней тôлько такъ долго, доки сыны его роду были добрыми Русинами и держались вѣры православной; потомъ же, якъ наслѣдникъ того славного Константина перейшолъ на латинство, попали великіи добра той родины въ руки езуитôвъ и чужинцêвъ, а слава, могущество и даже родъ Острожскихъ пропали на всегда изъ лиця земли!

Статутъ Литовскій (1530 г.) и Унія Любельска (1569 г.).

За стараньемъ короля Жигмонта Старого уладжена была и затверджена для Литвы и Литовской Руси книга законôвъ, написана въ русскомъ языцѣ и русскимъ письмомъ, названа „Статутъ Литовскій“. Статутомъ тымъ ôтдѣлено было княжество литовско-русское ôтъ Польщи и затверджен̆ъ былъ на Литвѣ и Руси урядовымъ языкомъ языкъ русскій. По тому статуту Полякамъ не дозволялось на Литвѣ и Руси занимати якіи нибудь уряды или набывати маетки, боярамъ же и князямъ литовско-русскимъ запоручались давныи ихъ права и привилеи. Такіи установы того статута въ-правдѣ задержали на Литвѣ и Руси якійсь часъ давныи русскіи порядки и обычаи, но корыстными были они тôлько для высшихъ сословій, станъ же мѣщанскій и селянскій былъ пониженый, а особливо селяне найтяжше тое пониженіе почули. Давный громадскій самосудъ знесено, а селянина ôтдано пôдъ судъ шляхотскій, обмежено его права до маетку, наложено тягары, привязано до его землѣ, на которой жилъ ôнъ въ цѣлковитой зависимости ôтъ пана — въ „панщинѣ“. Кромѣ розличныхъ данинъ то въ грошахъ, то въ плодахъ земныхъ (мêдъ, зерно, сѣно и прч.), доженъ былъ

селянинъ подданый еще ôтбывати всякую роботизну, т. е. такъ звану панщину 190—200 дней що-року. За селяниномъ не было кому вступитись, бо въ соймѣ не малъ ôнъ свого заступника, тожъ не было кому и представити чорную долю хлѣбороба. Пôзднѣйше, по уніи Любельской, коли тое рабство селянъ що-разъ убôльшалось, зачали люди утѣкати въ Украинскіи области, где до конца 16 столѣтія не было еще згадки о панщинѣ; тому то польскіи соймы выдавали строгіи законы на такихъ переселенцêвъ, щобы ихъ такъ грозьбою удержати на мѣстци.

Статутъ литовскій затвердилъ и дополнилъ еще сынъ Жигмонта Старого, Жигмонтъ-Августъ, но разомъ выкорысталъ ôнъ статутъ сей яко средство до оконічательного полученья Литвы и Руси съ Польщею въ уніи Любельской.

За сего короля Жигмонта-Августа появилась въ Польщѣ, а особенно въ Литвѣ наука Лютерская и Кальвинская, противна католической и она въ коротко̂мъ часѣ такъ роспространилась, що найзнаменитшіи роды литовскіи, цѣлыи городы и села ставали лютерскими или кальвинскими. Коли же король оженился съ Варварою, донькою завзятого Лютра князя литовского Николая Радивила, въ котору на смерть залюбился, тогды сторонництво лютерское взяло верхъ надъ латинствомъ, а тогды и православ-

ныи Русины зазнавали бôльше свободы въ своемъ вѣроисповѣданіи и не дознавали гоненій за свою вѣру. Коли однакъ умерла королева Варвара, король зъ-початку тужилъ невысказанно; но потомъ оставилъ Литву и перенесшись до Кракова, ôтдался совершенно влiянiю Поляковъ католиковъ. Поляки дôстались знову до верховодста и начали сѣяти вражду, пôдносити гоненія и наносити кривды Литовцямъ и Русинамъ. Якъ знаемъ, манили Поляковъ богатыи и достатныи землѣ литовской Руси, тожь не уважаючи на постановы статута литовского, они добирались до тыхъ земель розличными способами, то лестію, то насиліемъ. Найлучшимъ доказомъ того была сумная исторія русской княжны Елисаветы Острожской, — а исторія то такая: Елисавета, или такъ звана Гальшка Острожска, оставши сиротою по отци Иліи Острожскомъ, наслѣдила по немъ великанскіи маетки на Волыню и Подôлью. Прекрасна и богата дѣвиця, звертала на себе очи польскихъ магнатовъ. Одинъ изъ нихъ, ополяченый литовскій князь, Дмитрій Сангушко, старался о ей руку, а не принятый ни матерію, ни донькою, напалъ збройно на замокъ Острожскій, звѣнчался насиліемъ съ Гальшкою и бѣжалъ скрытись съ нею до Чехъ. По дорозѣ догналъ его сродникъ вдовы-матери Гальшки, Мартинъ

Зборовскій, и убилъ его въ поединку. Гальшка спасена вернула до матери и за порадою дядька свого, Константина Острожского, мала выдатись за князя Семена Слуцкого, Русина родомъ и вѣрою. Польскіи паны, дознавшись о тôмъ, постановили не допустити въ русскіи руки такъ великого маетку родины Острожскихъ, та ужили до того помочи самого короля. Найшолся охотникъ до руки и маетку Гальшки, польскій шляхтичь Лукашь Гурка. Той Гурка выробилъ собѣ у короля запись на руку Гальшки. Король знесъ на той случай приписъ статута литовского, который выключалъ ôтъ дѣдицтва всѣ Русинки, идущіи за-мужъ до Польщи; вмѣсто того король выдалъ приказъ, щобы, не уважаючи на волю матери и доньки, Русинка Гальшка ишла за-мужъ за Поляка Гурку. Мати съ донькою находились въ той часъ во Львовѣ и заперлись тутъ въ кляшторѣ Доминиканскôмъ, а для своей охороны обставили кляшторъ жолнѣрами. Гурка, узрѣвши, що не легко ему прійдеся дôстати Гальшку, выробилъ собѣ у короля новое позволенье взяти Гальшку насиліемъ, и въ сей-часъ облягъ кляшторъ збройною силою. Въ часѣ тои облоги удалось князю Семенови Слуцкому, перебраному за жебрака, втиснутись до кляштору, где ôнъ и звѣнчался съ невѣстою своею. Но мимо того Поляки, добывши

кляшторъ, повлекли насиліемъ несчастну, уже звѣнчанную Гальшку до нового слюбу съ Гуркою. Не помогли ніякіи прошенія и представленья, ни окупъ 100 000 золотыхъ, якіи давала мати Гурцѣ, щобы освободилъ Гальшку; Гурка таки не пустилъ Гальшки. Однакъ не малъ Гурка потѣхи изъ своей невѣсты: Гальшка не терпѣла ненавистного, насиліемъ ей даного мужа, а оставала вѣрною своему законному мужеви, князю Семенови; коли же той умеръ, скончалась незадолго и Гальшка въ помѣшанью змысловъ. — Весь маетокъ Гальшки перейшолъ теперь на дядька ей, Константина Острожского. Гурка лукавымъ способомъ знищилъ тôлько молодую жизнь, а цѣли не допнялъ.

Случай той съ Гальшкою Острожскою не былъ тôлько одинъ; такихъ случаêвъ, где польскіи паны не перебирали въ средствахъ а загортали русскіи землѣ не перечислилъ бы; — а що найгôрше, самъ король, хотя лагôдный человѣкъ и впрочемъ не выступаючій враждебно противъ русской вѣры и русской народности, не зъумѣлъ перешкодити той несправедливости, та неразъ и самъ давалъ себе ужити до ней яко орудіе.

Сей то Жигмондъ-Августъ принялся усердно за дѣло дѣйствительного сполученья Литвы и Руси съ Польщею, о що старались всѣми силами Поляки еще ôтъ

часôй Ягайла. Мимо всякихъ перепонъ якіи въ тôмъ взглядѣ встрѣчалъ сей король, таки въ-конецъ удалося ему поставити на своемъ, и ôнъ довершилъ унію Литвы и Руси съ Польщею, хотя и не предвидѣлъ, якъ сумныи послѣдствія для самой Польщи изъ того выйдутъ. Належитъ же признати, що король Жигмондъ-Августъ, задумуючи перевести унію тую, не дѣлалъ того въ злôмъ намѣренью, и не мыслилъ, щобы зъ того выйшла яка несправедливость или кривда для Литвы или для Руси; ôнъ хотѣлъ лишь соединити тіи три народы въ одну цѣлость, злучити ихъ нерозрывными узами, щобы такимъ способомъ утворити изъ нихъ одинъ сильный народъ, одну непобѣдимую державу. Къ сожалѣнью однакъ, не можно его тымъ извинити; унія бо принесла для насъ цѣлый рядъ самыхъ болестнѣйшихъ смутъ и бѣдствій, а король, знаючи норовы и стремленія своей шляхты, панôвъ польскихъ, мôгъ легко и такіи послѣдствія тои уніи предвидѣти.

Но не такъ то легко ишло и теперь съ оною уніею; знали бо Литовцѣ, знали и Русины, чѣмъ унія пахне, тожь боронились противъ ней, якъ противъ якои нужды. Скликовано ихъ на соймы, подавано проекты уніи, говорено имъ много о братерствѣ и згодѣ, но все надармо. Король мимо того не зражался первыми неудачами, и щобы задобрыти Литов-

цêвъ, а особенно Русинôвъ, ôнъ розширялъ права Статута литовского и надавалъ дворянамъ и боярамъ такіи права и привилеи, якіи имѣли до теперь лишь самыи найзнатнѣйшіи магнаты литовскіи и польская шляхта. Тогды однакъ выступили противъ того власне тіи бôльшіи магнаты литовскіи, которыи боялись, що черезъ зрôвнанье меньшой шляхты, бояръ литовскихъ и русскихъ со шляхтою польскою, пôдъупаде ихъ значенье и верховодящое ихъ становище. Для того тѣмъ разомъ кончились на ничêмъ всѣ пересправы о уніи. Ажь въ р. 1569 созвалъ король соймъ до Люблина, где знову пôднято справу уніи. Зъ одной и другой стороны, т. е. изъ стороны польской и литовско-русской поставлено два особныи проекты уніи, но тіи были такъ собѣ противны, що литовскіи магнаты зôрвали нарады и оставили соймъ. Тогды король, рѣшившись за яку-нибудь цѣну таки довести до кôнця унію, продолжалъ дѣло безъ Литовцêвъ съ самыми Русинами. И такъ на перекоръ всякимъ давнѣйшимъ договорамъ и запорученьямъ. объявилъ Жигмондъ-Августъ такую грамоту, що ôнъ, яко великій князь Литвы и Руси, ôтдѣляе всѣ русскіи землѣ, т. е. Волынь, Кіевщину и Подôлье ôтъ Литвы и прилучае ихъ на всегда до короны польской. Щобы однакъ свѣтъ не говорилъ, що ôнъ поступае неправильно,

завôзвалъ ôнь до Люблина русскихъ вельможъ, щобы они заявили тутъ свое согласіе съ его волею и пôдписали бы тую унію Руси съ Польщею. Разомъ съ тѣмъ поусувалъ ôнъ на Руси всѣхъ урядникôвъ и воеводъ, которыи оказались неприклонными уніи съ Польщею, а на ихъ мѣстце поставилъ всюда польскихъ приверженникôвъ, щобы тіи пôддержовали справу Польщи. На завозванье короля зъѣхались до Люблина нѣкоторыи вельможи русскіи, межи тыми и князь Константинъ Острожскій, князь Александръ Черторыйскій, князь Михаилъ Вишневецкій, и они зачали тутъ роздумовати, що имъ теперь здѣлати, щобы не запропастити долѣ несчастной Руси. По всесторонныхъ нарадахъ они въ конецъ прійшли до переконанья, що чи при Литвѣ, чи при Польщи, все бѣда еднака; освободитись ôтъ однихъ и другихъ теперь не было уже способу; тожь рада въ раду, пристали Русины депутаты на лестныи представленья и обѣтницѣ Полякôвъ и ихъ короля, та и пôдписали Любельскую унію, а то розумѣеся, унію политичну, а не религійную, о якôй въ Люблинѣ тогды еще и бесѣды не было.

Якъ тôлько дознались о тôмъ Литовцѣ, що русскіи депутаты пôдписали тую политичную унію, въ сей-часъ выслали они своихъ заступникôвъ до Люблина, а

тіи зъ початку зачали умоляти на колѣнахъ короля, щобы ôнъ не дѣлалъ насилія, щобы не унижалъ Литвы, та щобы литовскіи и русскіи землѣ, якъ до теперь, были въ купѣ съ собою и задержали свои давныи свободы; однакъ голусу ихъ никто уже не слухалъ. Имъ предложено до пôдпису актъ уніи, который они по принужденію пôдписали. Такъ склеилась наконецъ дѣйствительно тая унія Польщи, Литвы и Руси, о котору Поляки такъ долго добивались, склеилась, кажемъ, бо не выйшла она добровольно за согласіемъ всѣхъ трехъ народôвъ, а противно пôдъ неуступчивымъ напоромъ Польщи, при безчисленныхъ, хотя въ-конци безуспѣшныхъ протестахъ со стороны Литвы и Руси. Даремно хвалился король Жигмондъ-Августъ, даремно хвалятся до теперь Поляки, що унія тая произвелась за общимъ согласіемъ и желаніемъ всѣхъ трехъ народôвъ и що она будьто поеднала и связала всѣхъ узами сердечной любви, яко братей съ братьми, якъ рôвныхъ съ рôвными, свободныхъ съ свободными; вѣдай же въ-сейчасъ по тôмъ славнôмъ соймѣ въ Люблинѣ выслалъ король по всѣмъ землямъ русско-литовскихъ универзалъ (приказъ королевскій), въ которôмъ „пôдъ грозьбами“ велѣлъ пôдписовати присягу на унію и заповѣлъ, що если кто не

пôдпише присяги, у того сконфискуются его добра. А впрочемъ въ коротцѣ оказалося, якъ то добровольно приняла унію Русь и Литва.

Мимо наказу и грозьбъ королевскихъ, бôльшая часть дворянъ и вельможь рускихъ, духовенство и народъ не хотѣли и слухати о уніи съ Польщею, а послѣдствіемъ того было, що вельможамъ рускимъ ôтнято ихъ маетки и надано ихъ Полякамъ, или такимъ Русинамъ, якимъ былъ лихой памяти Грицько Кердеевичъ; а кромѣ того понасылано на Волынь, Подôлье и въ Кіевщину множество воеводъ и другихъ урядникôвъ польскихъ. Тогды же переселялись зъ Польщи на богатыи русскіи землѣ родины Жолкевскихъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Яблоновскихъ, Конецпольскихъ и другіи, а тіи переводили въ сущность унію такъ, якъ они ю понимали, т. е. ополячивали Русь Волынску и Кіевскую такъ, якъ то уже до тѣхъ поръ съ Галицкою Русію успѣли здѣлати.

И якіижь были корысти для Литвы и Руси зъ тои уніи? До теперь всегда еще считалась Литва съ Русію отдѣльнымъ княжествомъ, имѣла свôй особный соймъ въ столицѣ Литвы, въ Вильнѣ, а Поляки въ ничôмъ не мали тутъ ни голосу, ни до чого приступу. Теперь же черезъ унію стратило тое княжество цѣлковито свою самостоятельность, не мало

уже права выбирати собѣ свого князя, за що вправдѣ дôсталось ей право выбирати вспôльного короля, но король той — все таки былъ король польскій.

До теперь землѣ русскіи, кромѣ Червоной Руси, становили съ Литвою одну цѣлость; теперь же ôторвала унія ôтъ Литвы всѣ русскіи землѣ, а прилучила ихъ до Польщи. Дворянъ и бояръ русскихъ и литовскихъ зрôвнано въ правахъ и привилеяхъ съ шляхтою польскою, но зрôвнанье тое стало для нихъ мертвою буквою. Магнаты позабирали найбôльшіи пространства имѣнія земского, а уже тая ихъ перевага въ маеткахъ надала имъ и перевагу надъ всею дрôбнѣйшою шляхтою. Много говорено о тôй рôвности шляхетской, а тымчасомъ толпы той рôвноуправненой шляхты стали въ рядахъ слугъ магнатскихъ, спродавали имъ свои голосы на соймахъ и соймикахъ, и за ихъ справы наставляли свою шкôру. О селянахъ-хлѣборобахъ не было що и говорити, тôлько згадати бы тое, що на нихъ найбôльше ôтбылась унія и она до решты ôтдала ихъ въ неволю панамъ.

Всѣмъ исповѣдникамъ православной вѣры забезпечено вправдѣ свободу вѣры и всякіи свободы, якихъ уживали исповѣдники латинской вѣры; пôзднѣйше однакъ ани мыслили Поляки додержати тыхъ обѣтницъ и нетерпимость для пра-

вославія перейшла вкоротцѣ въ ужасное гоненіе та и выкликала страшенную борьбу на смерть и житье.

Якихъ же добродѣйствъ дознала Галицкая Русь ôтъ той политичной уніи Любельской? О той Руси не было ани вспоминки въ Люблинѣ, до ней не ôтносилась унія, для ней не писались права; она, пôдбита еще Казиміромъ, не мала уже права до свободъ и привилеêвъ. Вотъ що читаемъ въ кроницѣ города Львова зъ тыхъ временъ: „Изъ всѣхъ земель русскихъ тôлько Галицкая земля находилась въ прикрѣйшихъ отношеніяхъ ôтъ другихъ; Львôвскіи бо Русины усунены были ôтъ всѣхъ свободъ, якіи прислуговали другимъ гражданамъ. Въ р. 1569 поклицуючись на унію, звернулись старшіи народа русского во Львовѣ Васько Тиховичъ и Хома Бабичъ до короля съ представленьемъ, що во всѣхъ земляхъ Русины съ поляками рôвныи маютъ права; для того несправедливостію есть, щобы Русины Львовскіи были упослѣжены. Тутъ росповѣли они королеви о всѣхъ кривдахъ и обидахъ, якіи зносятъ Русины Галицкіи ôтъ Полякôвъ. Тогды выдалъ король дипломъ, що всѣ Русины Львовскіи восточного обряда маютъ уживати такихъ самыхъ правъ и свободъ, якихъ уживаютъ латинники, и що запрещаеся пôдъ карою 20.000 золотыхъ утискати русскихъ гражданъ и

русское духовенство. Такъ и думали теперь Русины, що въ виду такого наказу королевского буде имъ легче жити, — но где-тамъ! дипломъ короля не помôгъ ничого; староста Львовскій Полякъ, и рада громадская, вся тогды состоящая зъ Поляковъ, за нищо собѣ мали приказъ короля и оскорбляли Русиновъ дальше такъ само, якъ и передше.“

Изъ выше сказаного видимъ наглядно, що унія Любельская не тôлько що не принесла Русинамъ ніякой корысти ни улегченія, а противно, дала Полякамъ ширшое поле до розгосподарованьяся на Руси, причинилась до бôльшого обмеженья русскихъ правъ и свободъ, придавила тяжкимъ бременемъ русскую жизнь, а остаточно навела и въ тую новую Польщу такій розладъ который былъ первою причиную пôзднѣйшого ей паденія. Вмѣсто соединити народы Польщи, Руси и Литвы, унія еще бôльше тôлько розъединила ихъ, пôдняла ихъ противъ себе. Гнетъ національный и религійный по уніи доводилъ до того, що множество народа изъ Волыня и Подôлья, не могущого вытерпѣти обидъ и оскорбленій и позбавленного урядôвъ и своихъ маетностей, переносилось за Днѣпръ въ буйныи степы до свободного козацтва русского, где приготовлялся противъ насилія и кривдъ явный протестъ, якій и объявил-

ся въ коротцѣ въ страшенниxъ войнахъ козацкихъ.

ВЕЛИКАЯ РУСЬ.

От Ивана Калиты до кончины царя Θеодора Ивановича, послѣднёго изъ поколѣнья Рюрика (1340—1598 г.).

Въ той часъ, коли Русь Галицко-Владимірская боролась о остатки своей самостоятельности и остаточно, ôтдана въ руки Польщи, оставлена была на ей ласку и неласку, — въ той часъ розвивалась сѣверная Великая Русь чѣмъ-разъ лучше, доходила до великого могущества и славы, та вознеслась наконецъ такъ высоко, що стала на рôвной степени съ найбôльшими державами образованной Европы, яко велико-русское Царство.

Первый початокъ до пôднесенья велико-русской державы далъ, якъ намъ уже извѣстно Іоаннъ Калита черезъ то, що усмирилъ поодинокихъ спорящихъ удѣльныхъ князей и пôдчинилъ ихъ своsвоей самодержавной власти. Наслѣдники Ивана Калиты, оставали вправдѣ такъ, якъ и ôнъ самъ, все еще въ зависимости ôтъ татарскои орды, но продолжали дѣло нимъ зачатое и придержовались того порядку, що по отцѣ слѣдовалъ Великимъ Княземъ его сынъ, а другіи въ родѣ, хотя и старшіи вѣкомъ, подчинялись ему яко верховному князеви-начальнику.

Черезъ такій порядокъ устали давныи сварнѣ и братскіи межиусобицѣ, а держава могла спокойно розвиватись на внутрь и на внѣ.

Однимъ изъ славнѣйшихъ наслѣдниковъ Іоанна Калиты на велико-княжескомъ престолѣ былъ Димитрій Донскій. Былъ то князь дуже умный и твердого характера. Тяжко приходилось ему и подумати що русскій христіянскій народъ переживае такій соромъ и таку обиду, що муситъ зависѣти ôтъ поганской Орды; тожь промышлялъ ôнъ неусыпно надъ тѣмъ, якъ бы то изъ-пôдъ того ярма вызволитись. Тогды управлялъ въ Ордѣ всѣми дѣлами Мамай, лютый и недобрый Татаринъ. Послы того Мамая, що разъ прійшли до Нижнёго Новгорода собирати дань, оскорбили тамъ князя, Димитріевого тестя, за що ôтомстились Новгородцѣ такъ, що перебили всѣхъ Татаръ, около 1000 мужа до-ноги. Мамай, дознавшись о тôмъ, розлютился и выслалъ отрядъ свого войска пустошити русскіи землѣ. Но ôнъ то и теперь поплатился за свои злобныи намѣренія: цѣлый его отрядъ розбитый былъ на-прахъ русскими войсками. Теперь уже не было мѣры Мамаевого гнѣву; розъяреный до крайности, началъ ôнъ собирати зъ цѣлой Орды татарскую саранчу и поднялся знищити Русь до-тла. Вел. Князь Димитрій видѣлъ, що надходить рѣшительная хви-

ля що если не переломити ему татарской силы, значило бы теперь: ôтдати Русь въ когти дикого звѣря на роздертье. Для того то устроилъ Димитрій хорошо свои войска, собралъ пôдъ свôй прапоръ всѣхъ сѣверно-русскихъ князей, даже и двохъ литовскихъ и одного воеводу зъ Волыня, именемъ Димитрія, съ войсками, и такъ призвавши Бога на помôчь, двигнулся смѣло на врага. Переправившись черезъ Донъ, дôйшли русскіи войска до рѣки Непрядвы и тутъ на Куликовомъ поли стрѣтились съ Татарами, которыхъ собралась безчисленная тьма. Надъ раномъ завязалась ужасная битва, и велась она съ рôвною завзятостію зъ обохъ сторонъ. Якъ велика была сила войскъ тутъ воюющихъ, познати уже зъ того, що боевая линія розтягалась на двѣ милѣ. Долшій часъ перехилялось счастье то на одну, то на другу сторону, ажь въ-конецъ русскіи войска взяли верхъ и переломили татарскую силу. Татаре, змятыи и розгромленыи, кинулись утѣкати. Мамай, що власне тогды стоялъ на горѣ, узрѣвши побитыи и утѣкающіи свои полчища, возвалъ въ отчаяніи: „Великій Богъ христіянскій!“ и кинулся також утѣкати. Русскіи войска погнались за бѣгущими татарскими розбитками и рѣзали та убивали Татарву безъ пощады. Дѣялось то 8-го Вересня 1380 г.

Славную тую побѣду русскихъ войскъ на Куликовомъ поли описалъ современный пѣвецъ въ прекрасной пѣсни, которая до днесь переховуєся пôдъ назвою „Мамаево побоище." Вел. Князю Димитрію придала благодарная Русь за той его богатырскій преславный подвигъ названіе „Донскій."

Теперь то увѣрилася Русь, що не такъ страшными суть Татаре, якъ зъ поры ихъ первого появленія здавалось, и що если тôлько всѣ силы русскіи соединены возьмутся до нихъ, то змогутъ скинути изъ себе постыдное тое поганское ярмо. Вправдѣ и по той Куликовской побѣдѣ платила еще сѣверная Русь Татарамъ дань, но первый толчокъ до дальшого дѣла освобожденія ей былъ уже даный.

За внука Димитріевого Василія Василевича (Темного) взновились еще разъ родовыи княжескіи межиусобицѣ, въ которыхъ не обôйшлось безъ кровопролитій и въ которыхъ самъ Вел. Князь попался въ неволю и былъ ослѣпленъ ôтъ чого послѣ „Темнымъ" назвался. Вел. Князь Василій успѣлъ укротити возстающихъ братей, ôтнялъ у нихъ ихъ удѣлы и присоединилъ тіи къ своему Вел. Княжеству Московскому. На тôмъ кончились уже на всегда тіи княжіи межиусобицѣ, которыи тôлько зла наносили на Русь. Ôтъ теперь взрастала и скрѣплялась Великая Русь скоро и безъ перепоны, а даль-

нїи Великiи Князѣ ей стали уже называтись Царями.

Наслѣдникомъ Василiя былъ славный на цѣломъ извѣстномъ тогда свѣтѣ сынъ его Иванъ III. Царствовалъ ôнъ на добро и славу сѣверной Руси 43 лѣтъ

Царь Иванъ III.

(1462—1505). Ôнъ первый назвался уже Царемъ Руси, и за его великанскiи повиги, якими ôнъ возвеличилъ славу Великой Руси, назвала его потомность „Великимъ." Сему то Царю Ивану Великому приходилось часто спорити съ сусѣдною Польщею, и уже омало що не прiй-

шло межи нимъ а Казиміромъ Ягайлономъ до вôйны. Причиною былъ Новгородъ. Изъ давенъ давна былъ той Новгородъ свободнымъ городомъ; всѣми дѣлами сего города и его области управляли Новгородяне самы на своихъ вѣчахъ, а обовязаны были тôлько платити дань Вел. Князеви Московскому. Новгородяне, придивляючись самоволѣ сусѣдной шляхты литовской, ставали и самы самовольны, а ôттакъ и недовольны своимъ положеньемъ, и до того побунтованы польскою и литовскою шляхтою, зачали накланятись до Литвы и захотѣли ôторватись ôтъ князей Московскихъ. А была тогды въ Новгородѣ вдова по посаднику (найстаршомъ вôйтѣ) Марта Борецка, звана Посадница; то-та найбôльше бунтовала Новгородянъ, щобы они пôддались пôдъ владѣніе Казиміра Ягайлона. Царь Иванъ, дознавшись о бунтѣ, выславъ до Новгорода войска и укаралъ жестоко бунтовниковъ. Коли же пôзднѣйше бунты не уставали, Царь Иванъ ôтнялъ Новгороду его самоуправство, запретилъ имъ собиратись на вѣче и поставилъ тамъ свого намѣстника. Марта Посадница за кару мусѣла теперь идти въ далекій городъ Руси на изгнаніе. На тôмъ и кончился бунтъ въ Новгородѣ. а Полякамъ ôтойшла охота мѣшатись въ чужіи справы и заводити неладъ и вражду въ Великой Руси.

Съ наслѣдниками Казиміра, Альбрехтомъ и Жигмонтомъ, также прійшло Ивану провадити отвертую вôйну, котора тягнулась долгіи лѣта и окончилась ажь пôдъ наслѣдникомъ Ивана, Царемъ Василіемъ III. О тыхъ вôйнахъ межи Польщею а Великою Русію розказано уже въ попереднихъ ôтдѣлахъ нашой исторіи, тожь довольно тутъ лишь замѣтити, що войны тіи выйшли остаточно на славу, на возвеличеніе и розширенье велико-русской державы.

Другое славное дѣло, якого довершилъ Иванъ Великій, было покоренье Татаръ и освободженье Руси ôтъ неволѣ. Ôнъ то умѣлъ такъ повести дѣло, що порôжнилъ Татаръ межи собою такъ, що цѣлое татарское ханство роспалось на три враждебрыи собѣ части, и тогды Царь Иванъ зломилъ тое горестное иго, которое давило Русь болестно долгіи столѣтія. Тогды то ôнъ розбилъ Татарву, и однихъ изъ нихъ здѣлалъ своими союзниками, а другихъ даже своими пôдвластными, которыи ôтъ теперь Руси платили дань. — Такъ довершилъ въ-конецъ Иванъ Великій освобожденіе народа христіянского ôтъ татарской неволѣ въ р. 1480, а за тое само справедливо возвеличила его Русь почетнымъ именемъ „Великого.“ — Въ свободныи ôтъ военныхъ занятій часы занимался Иванъ Великій внутреннимъ устройствомъ своей державы, строилъ ве-

ликіи будынки, церкви и палаты въ Москвѣ, до чого спроваджовалъ изъ-за границѣ опытныхъ будовничихъ, малярей и рѣзьбярей, здѣлалъ порядокъ въ поборѣ податкôвъ, издалъ сборникъ русскихъ законôвъ и поднималъ всякіи другіи дѣла во благо свого народа.

По смерти Ивана Великого наслѣдилъ царскій престолъ сынъ его, Василій III. Той старался вступати въ слѣды отца свого и подвигалъ впередъ русскую державу. Ôнъ былъ женатъ съ Еленою сестрою князя Глинского, того самого, що то изъ Литвы перейшолъ въ Великую Русь и подчинился Цареви. Умираючи, оставилъ Василій по собѣ двохъ сынôвъ, изъ которыхъ старшій Иванъ числилъ ледви 3 лѣта. Тому по смерти Василія обняла управленіе державы вдова Елена въ р. 1533.

Царицѧ Елена не добре поступала собѣ, бо вмѣсто занятись образованьемъ сынôвъ, щобы изъ нихъ выйшли колись умныи владѣтелѣ Руси, она прибрала собѣ до рады людей, которыи лестію и лизунствомъ доходили до ей ласки, и тіи мужи заушники, воюючіи сплетнями и клеветами, вводили безпорядки и невзгоды, и своимъ коварствомъ погубили много невинныхъ душь. Народъ роптал голосно на самую Царицю и предвозвѣщалъ, що зъ такого ей правленія немного добра выйде для Руси. Однакъ не долго суди-

лось владѣти Царицѣ Еленѣ, бо уже въ р. 1538 умерла она наглою смертію.

Наслѣдникомъ престола осталъ по ней старшій сынъ Иванъ, названый Грознымъ. Въ тую пору было ему щоино 8 лѣтъ; тожь принялись управляти державою въ имени малолѣтного Царя самы бояре. Тіи то бояре-опѣкуны не журились совсѣмъ воспитаніемъ Царя, но дôйшовши до найвысшой власти, промышляли о собѣ и всякими несправедливостями и насиліемъ розхищали царскій скарбъ, пригнетали народъ, кривдили его безсовѣстно и всякими другими злочинствами розстроювали порядокъ державный. До найбôльшого вліянія дôйшла тогды родина князей Шуйскихъ, и они то взяли межи себе молодого Ивана Царя и нимъ опѣковалися. Опѣка же ихъ состояла въ тôмъ, що они, вмѣсто вщепляти въ сердце молодого хлопця добродѣтели и свойства, якіи нужны доброму и мудрому владѣтею, старались якъ найбôльше испортити его сердце и возбуджати въ немъ злыи норовы. Шуйскіи думали, що при такомъ душевномъ запустѣнію молодого Царя они будутъ могли тѣмъ свободнѣйше и своевольнѣйше управляти державою; однакъ перечислились они въ тôмъ гôрко. Царь Иванъ, изъ природы быстроумный и понятливый, а при томъ горячій и гнѣвливый, скоро принималъ злыи сѣмена опѣкун-

ской науки. Ôнъ не видѣлъ николи доброго дѣла своихъ опѣкунôвъ, не видѣлъ пощады ни милосердія у тѣхъ людей, тожь возрасталъ въ дикости норовôвъ, въ безсердечности и своевольствѣ. Изъ того выйшло, що молодый Царь, наученый ôтъ опѣкунôвъ жестокости, сталъ истинно якъ его назвали такимъ, Грознымъ, а найгрознѣйшимъ для тыхъ. що такъ испортили его сердце.

Ледви дôйшолъ Иванъ до 13 лѣтъ житья, а уже объявилъ онъ грозу свою на бояръ. Одного разу обидѣли Шуйскіи дворянина Царя Ивана, именемъ Воронцова, и выслали его въ заточеніе. Тѣмъ возбудили они противъ себе у Ивана страшенный гнѣвъ и лютость. Розъяренный Иванъ велѣлъ схватити и убити найстаршого боярина Андрея Шуйского, а другихъ бояръ каралъ ужаснымъ способомъ, умертвялъ ихъ, вырѣзовалъ имъ языки и пр., и то все дѣлалъ ôнъ при помочи родины Глинскихъ, которыи добрались теперь до царскои ласки. Ôнъ обходился съ боярами такъ безпощадно и строго цѣлыхъ три роки. Прійшовши до полнолѣтности (до 15 вѣку жизни) вѣнчался Иванъ грозный царскимъ вѣнцемъ, оженился съ дѣвицею Анастасіею Романовною, донькою боярина-князя Романа Захаріина, и ôтъ того часу смирился ôнъ во гнѣвѣ и сталъ добрымъ и умнымъ владѣтелемъ. Всѣхъ своихъ

давнѣйшихъ грѣхôвъ каялся ôнъ, исповѣдался изъ нихъ всенародно и обѣцялъ, що ôтъ теперь буде управляти державою и народомъ честно и справедливо. И въ самомъ дѣлѣ черезъ 13 лѣтъ, т. е. до смерти возлюбленной жены своей Анастазіи, Иванъ Грозный царствовалъ яко мудрый, добрый и справедливый Царь, такъ, що вся Великая Русь радовалась и славила Бога за то, що далъ ей такого владѣтеля. За той часъ здѣлалъ Царь Иванъ много добра для свого народа. Во внутренномъ управленію ôнъ передпринялъ численныи дѣйствія для поднесенья державы, и такъ: исправилъ давнѣйшіи законы и составилъ новую книгу законôвъ, названную „Судебникомъ Ивана IV". Въ тôмъ то судебнику было межи прочимъ постановлено, щобы во всѣхъ громадахъ народъ самъ выбиралъ собѣ старостъ и судіêвъ присяжныхъ, и щобы царскіи намѣстники не судили никого изъ народу безъ тыхъ громадскихъ старостъ и присяжныхъ. Въ дѣлѣ духовныхъ справъ созвалъ Иванъ ученыхъ священникôвъ и уложилъ съ ними правила христіянской нравственной жизни для народа, а тіи то правила собраны были въ книзѣ, составленной въ сто главахъ и ôтъ того названной „Стоглавомъ". Кромѣ того запровадилъ Царь Иванъ въ Москвѣ первую печатню, завязалъ торговельныи сношенія съ дру-

гими державами, а въ-конецъ устроилъ у себе постоянное войско, вооруженное стрѣльбами, которое то войско для того и назвалъ стрѣльцями.

Уладившись съ внутренными дѣлами, Царь Иванъ звернулся теперь на ворогôвъ державы, именно же на Татаръ. Татаре подѣлены были теперь на три ханства: на Казанское, Астраханское и Крымское ханство. Напередъ двигнулся Царь Иванъ на Казанскихъ Татаръ, уничтожилъ ханство ихъ, взялъ приступомъ городъ Казань и перемѣнилъ тое ханство на свою Казанскую губернію. Въ сей-часъ по завоеваню Казаня ввелъ тамъ Царь Иванъ христіянство, построилъ церкви и поставилъ православного Епископа. Цѣлая Великая Русь радовалась тыми побѣдоносными дѣйствіями свого Царя и прославляла его.

Въ-коротцѣ по той Казанской выправѣ занедужалъ Царь Иванъ такъ тяжко, що былъ майже близкимъ смерти. Въ часъ того недуга находились въ спальни Царя бояре, и тіи тутъ-же зачали спорити межи собою и сваритись о наслѣдника, та и на самого Ивана стали негодовати, певны бо собѣ уже были его смерти. Но Царь Иванъ, хотя тяжко больный, слышалъ все тое и добре собѣ запамяталъ, а пôзднѣйше ôнъ пригадалъ то боярамъ самымъ ужаснымъ способомъ.

Подвигнувшись изъ тяжкой болѣзни, выправился Царь Иванъ на Астраханскихъ Татаръ, и тыхъ такожь розбилъ; по чёмъ всѣ уже ханы изъ Бухаріи, Сибиріи, Черкесъ и Грузіи прислали въ Москву дань и приняли подданство Царя. Остало еще одно Крымское ханство, найнеспокойнѣйшое и найбôльше небезпечное для того, що оно стояло въ связи съ Турками, которыхъ Султанъ владѣлъ уже тогды Цареградомъ и всѣми землями давной Греціи. Трудно же было и добратись Цареви Ивану до тыхъ Татаръ уже-жь для того самого, що они ôтдѣлены были ôтъ Руси широкими безъ-кôнця степами. Для того сполучился Царь Иванъ съ Атаманомъ козакôвъ Запорожскихъ, якимъ былъ тогды князь Димитрій Вишневецкій, потомокъ роду св. Владиміра, и съ помощію того Атамана Царь поразилъ Крымскихъ Татаръ такъ, що черезъ 15 лѣтъ не смѣли они безпокоити русскихъ земель. По тôмъ подвигу на Крымцêвъ князь Вишневецкій перейшолъ въ службу Царя Ивана и сталъ у него начальникомъ войскъ.

Такіи то были дѣла Ивана Грозного въ часѣ мудрого правленія его черезъ 13 лѣтъ; но на томъ и кончилось тое правленіе его справедливое и благоразумное. Ôтъ теперь зачинаеся зновь несчастный періодъ владѣнія Ивана, въ

которомъ ôнъ въ порывахъ неукротимой грозы и дикой лютости наводилъ на свою державу сумныи и горестныи часы.

Въ р. 1560 умерла жена Ивана добросердечная Анастасія. Смерь Анастасіи поразила до крайности Царя Ивана. и можь сказати, она розстроила его умственныи силы. Въ печали и отчаянію по стратѣ неотжалованой жены повѣрилъ Царь клеветѣ, що будьто Царицця умерла ôтъ чарôвъ двохъ его найлучшихъ другôвъ и совѣтникôвъ, священника Сильвестра и воеводы Адашева, которыхъ и велѣлъ ôнъ умертвити. Такъ не стало Иванови тыхъ двохъ добрыхъ другôвъ его, а за то ôнъ окружилъ себе толпою лукавыхъ заушникôвъ, льстецêвъ, которыи безстыдными клеветами и пôдстрекательствами поджигали его ярость. Теперь то пригадался Царь Иванъ своимъ боярамъ за тое, що они его въ часъ болѣзни оскорбляли, и сталъ безпощадно карати ихъ смертію, а каралъ по бôльшой части самыхъ невинныхъ, найлучшихъ другôвъ, найвѣрнѣйшихъ слугъ своихъ. Не дивно отже, що коли тôлько зачалъ лютитись Царь той, сей-часъ ôтстали ôтъ него найлучшіи его воеводы: князѣ Курбскій и Вишневецкій, и они переселились до Польщи. Тѣмъ поступкомъ еще бôльше розъяреный Царь. сталъ до крайности подозрительнымъ противу всѣхъ людей, и тогды то все

здавалось ему, що бояре замышляютъ его здрадити, убити. Для того ôнъ окружилъ себе прибочною стражею, жолнѣрами, которыхъ названо „опричниками“, якобы людьми, „опричь“ которыхъ которыхъ никто другій у Царя не есть добрый. Съ тыми то опричниками ôнъ выправлялъ такіи лиходѣйства и беззаконія, що вся Великая Русь задрожала и ужаснулась. Опричники, одѣтыи въ чорное монашеское платье, разомъ съ Иваномъ ôтъ рана до вечера то молились въ церкви, то рубали головы и грабили всякого хоть найменьше подозрѣнного человѣка, а подозрѣнныхъ то было тогды безъ числа. Неразъ хвилями опамятовался Царь Иванъ, и тогды сыпалъ по всѣмъ церквамъ щедрыи жертвы за невинно убитыхъ, и самъ за нихъ молился; но хвилѣ такіи скоро минали, и Царь по молитвахъ и поклонахъ въ храмѣ Божомъ, знову велѣлъ рубати и мучити людей.

Одного разу подалъ ктось ложный доносъ, що Новгородъ збунтовался противъ Царя и вяжется тайно съ королемъ Польщи. Царь Иванъ повѣрилъ ложному доносови, кинулся съ толпами своихъ опричникôвъ въ походъ на Новгородъ. И тутъ ôнъ черезъ пять недѣль выправлялъ Новгородянамъ кровавую тризну. Тогды то 27.000 невинныхъ душъ погибло ôтъ звѣрской лютости царскихъ

опричниковъ! Вернувши до Москвы, Грозный Царь зачалъ глядати змовы и здрады также и тутъ. Черезъ кôлька мѣсяцêвъ вязнено всякого, на кого якій-нибудь палъ доносъ. Въ-конецъ на одинъ день велѣлъ Иванъ Грозный согнати на площадь весь народъ; по цѣлой площади стояли самыи висѣлици, костры, розложены были клѣщи, ножи и топоры. Тутъ то передъ лицемъ народа ôтбылось кровавое зрѣлище: 150 подозрѣнныхъ людей казнено то топорами, то на кострахъ.

Коли же Царь, заслѣпленный и отоломленый кровожадностію, продолжалъ у себе дома такую грозу, скорыстали зъ того его сусѣды и вдирались въ границѣ русской державы. Царь Иванъ не мôгъ теперь дѣйствовати противъ внѣшнихъ ворогôвъ, бо всецѣло занятый былъ домашними казнями, а найлучшихъ своихъ военачальникôвъ поубивалъ или прогналъ. Тымъ часомъ же король польскій, якимъ былъ тогды Стефанъ Баторій, вступилъ въ Полоцкую область и забиралъ одинъ городъ за другимъ безъ препятствія. Ажъ коли Баторій пôдступилъ пôдъ городъ Псковъ, опамятался Иванъ Грозный, собралъ войско на скорости и выслалъ оное до Пскова, а разомъ выправилъ и послôвъ до Баторія съ предложеньемъ мира. Пришло до угоды: Баторій, стративши

много войска черезъ голодъ и моровую заразу, уступилъ зъ областей велико-русскихъ, но за то Царь Иванъ принужденъ былъ ôтступити Польщи землю Ливонскую и городъ Полоцкъ. Въ тôмъ военномъ неповодженю добачилъ Царь руку Божу и началъ ôтъ теперь по цѣлихъ дняхъ молитись, бити поклоны, и каялся своихъ жестокихъ дѣлъ. Однакъ не долго тревало у него и такое розкаянье, бо таки скоро попалъ ôнъ назадъ въ давный свôй гнѣвъ и ярость, которыи дойшли до того степени, що одного разу ôнъ ударилъ желѣзомъ сына своего, царевича Ивана, такъ сильно, що той до четырехъ дней скончался. По томъ несчастномъ случаю зновь опамятался Грозный, тяжко каялся, служилъ панахиды, но теперь завладѣла нимъ невысказанная тоска, и совѣсть не давала ему уже супокою ни въ день, ни въ ночи. По ночахъ зрывался ôнъ зъ постели, кидался съ крикомъ на землю, выображалъ собѣ, що ему являются загробовыи видѣнія, души несчастныхъ, невинно нимъ убіенныхъ; въ день же розсылалъ ôнъ по всѣмъ монастырямъ обыльныи жертвы и просилъ, щобы духовенство молилось о его окаянной душѣ.

Въ тую пору совершилось одно великое утѣшительное событіе, которое такъ царя, якъ и весь народъ велико-русскій дуже возрадовало. Атаманъ Донскихъ

козаковъ, именемъ Тымофей Ермакъ, съ двома купцями русскими Строгановыми, завлядѣлъ всю державу Сибирскую (въ Азіи) и прилучилъ ю до Великой Руси. Черезъ той подвигъ стала Великая Русь найбôльшою и найбогатшою державою межи всѣми въ Европѣ.

Незадолго послѣ того заболѣлъ Царь Иванъ страшною болѣзнею: ôнъ сталъ изъ внутри гнити, а на внѣ пухнути, и середъ той болѣзни скончался дня 18 Марта 1584 г., оставляючи по собѣ двохъ сынôвъ, Θеодора и Димитрія.

По смерти Ивана Грозного вступилъ на престолъ велико-русского Царства старшій сынъ его Θеодоръ. Сей Царь Θеодоръ былъ женатъ съ сестрою боярина Бориса Годунова, а що самъ былъ ôнъ немощенъ тѣломъ и слабый на души, тожь не мѣшался въ дѣла державныи, а ôтступилъ правленіе боярской Думѣ, зложеной изъ 5 избранныхъ вельможъ, на которыхъ челѣ стоялъ Борисъ Годуновъ. Той Борисъ Годуновъ зъ начала управлялъ державою дуже мудро и много причинился до пôднесенья добра Вел. Руси такъ, що народъ высоко его цѣнилъ и поважалъ. Но пôзднѣйше овладѣлъ нимъ лукавый духъ честилюбія и пôдстрекалъ его до достиженія найбôльшой чести державной, якою была царская корона. Въ душу его заронилась тая мысль, що ему теперь надается най-

Смерть Царя Ивана Грозного.

лучшая способнôсть статися Царемъ. Мысль тая, уроившися разъ въ головѣ Годунова, не ôтставала уже ôтъ него, а пхала его що-разъ дальше и приготовляла поволи даже до самого найскверн҃ѣйшого дѣла. Годуновъ бо зналъ, що немощный Царь Θеодоръ долго не пожіе, а що той Царь бездѣтный, то по его смерти одною перепоною до царского престола для Годунова стане хиба другій сынъ Ивана Грозного, царевичъ Димитрій. Въ душѣ Годунова, ошоломленой честію и повагою, якую ôнъ уже здобылъ собѣ въ народѣ, а терзаемой жаждою дôйти до найвысшого достоинства въ державѣ, созрѣвалъ що-разъ бôльше замыслъ, который имѣлъ его довести до цѣли и заставилъ его позабыти о страсѣ Божомъ и совершити дѣло, превосходящое всякую нечесть и всякую злобу. Одного дня рознеслась по Москвѣ ужасная вѣсть, що царевичъ Димитрій, пребывающій съ матерію въ удѣльномъ своемъ городѣ въ Угличи — убитъ! Никто не сомнѣвался що убійство се — то дѣло рукъ Годунова. — Замыслъ Годунова совершился. Въ-коротцѣ умеръ и Царь Θеодоръ послѣ долшой болѣзни безъ потомка, а съ тѣмъ нестало и законного наслѣдника на велико русскій престолъ; бо со смертію Царя Θеодора въ г. 1598 пересѣклось поколѣнье Рюрика.

Теперь настало въ Великой Руси бурное а сумное время домашнихъ невзгодъ и возмущеній, которыи нанесли на державу много бѣдъ и много горя. О tômъ розскажемъ дальше на своемъ мѣстци, а межи тѣмъ повернемъ назадъ до нашихъ Мало-русскихъ дѣлъ, якіи совершились по Уніи Любельской.

ПЕРІОДЪ II.

ЧАСТЬ II.

Войны козацкіи.

Початокъ козацтва.

Съ заведеніемъ уніи Любельской, а пôзднѣйше еще и другой, церковной уніи Берестейской, тратила Русь совершенно свôй самостоятельный бытъ руско-народный а сліялась съ Польщею. Руская шляхта, зрôвнана въ правахъ съ польскою, для личной выгоды принимала католичество, покидала свою народность и ставалась Поляками въ вѣрѣ, народности и обычаяхъ. Одинъ тôлько простый народъ, пригнетеный, позбавленый своихъ свободъ и насильствованый въ своихъ религійныхъ чувствахъ, не отрекался своей Руси, но еще и выступалъ въ борьбу съ польскою и съ своею спольщеною шляхтою за свою давную свободу, за свою

вѣру и народность свою русскую. Борьбу тую, що приняла съ лѣтами великіи розмѣры и велась на-забôй розпочали козаки.

Зъ ôтки же взялись тіи **к о з а к и**?

Еще за временъ короля Ягайла появились на широкой пространи степовъ межи Днѣпромъ а Дономъ громады русскихъ людей, по бôльшой части люди молодыи, бездомныи, которыхъ имѣнье розграбили Татаре, а которыи теперь бушуючи по необозримыхъ степахъ на добрыхъ своихъ коняхъ, живились ловленою дычиною и рыбою, или добычею, яку имъ удалось у Татаръ набрати. Люди тіи назывались „к о з а к а м и“. Слово „козакъ“ татарске, означало въ татарской бесѣдѣ вольного бурлака или низшого чину воина. Коли цѣла Орда татарска роздѣлилась на поодинокіи ханства, то одно изъ нихъ заняло землѣ Черноморскіи и пôдъ именемъ Крымскихъ Татаръ, запускало часто свои загоны на Русь. Тіи изъ оныхъ Татаръ, що жили на самôй границѣ Руси, выѣздили и безъ наказу своихъ старшинъ на рабунокъ и руйновали русскіи села и имѣнія.

Жителѣ тыхъ русскихъ селъ, принуждены были самы власною силою ôтбивати такіи напады, черезъ що они не могли уже ôтдаватись спокойной жизни и земледѣлію, а привыкали до житья военного. По образу татарскихъ козакôвъ утворились и съ русской стороны шайки

и отряды русскихъ воинôвъ, которыи назвались такожъ козаками, и тіи присвоивали собѣ въ высокой степени военныи свойства, якъ то есть зручность и отвага, вдирались межи Татаръ, грабили и обдирали ихъ безпощадно и такъ мстились на нихъ за тую гôрькую долю, якои дознавала ôтъ нихъ Русь. Съ часомъ умножались тіи отряды козацкіи до великого числа, а понеже оказовались они дуже полезными яко пограничная стража противъ Татаръ, то королѣ польскіи глядѣли спокойно на ихъ возростъ и недобачовали въ нихъ ніякой опасности для себе. Такимъ способомъ розселялись козаки своими селеніями на цѣлой пригграничной, украйной русской области, названои тогды ôтъ того Украиною, именно въ Кіевщинѣ, Брацлавщинѣ, Черниговщинѣ, будь то яко подвластныи польскимъ старостамъ, будь яко свободны, ôтъ никого не зависимы военныи люди. Сусѣдство съ Татарами держало ихъ безъустанно въ военномъ движенью, достарчало имъ великую добычу, дѣлало зъ нихъ опытныхъ борцêвъ, а понеже вороги ихъ были нехристіяне, то напады ихъ и всѣ военныи подвиги набирали религійной закраски, и тіи казались не тôлько дозволенымъ, но и заслужительнымъ богоугоднымъ дѣломъ. Одна и тая сама судьба, одна и тая сама цѣль, одни и тіи самыи надѣи выродили въ нашомъ

русскомъ козацтвѣ тую взаимную любовь и привязанье, взаимную дружбу и пожертвованье, якими оно цѣлый міръ удивляло. Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного. а всѣ разомъ за Русь и вѣру христіянскую, вотъ правило, якимъ одушевлялось наше козацтво. Личная свобода необмеженная власность землѣ, власный судъ и управленіе, свободно выбранное, цѣлковитая рôвнôсть членôвъ громады, презрѣнье для всякихъ привилеêвъ и взаимна оборона ôтъ врагôвъ — то были святости ихъ души, были улюбленныи думы ихъ сердца. Такій станъ козацтва манилъ до себе русскихъ людей особенно тыхъ що въ Литвѣ и Польщи стогнали пôдъ ярмомъ шляхотского гнета. Ôтъ часôвъ панованья Жигмонта-Августа, коли жизнь селянъ сталась тяжкою въ Червоной Руси, стало козацтво народнымъ опоромъ противъ того державного порядка, стало козацтво безпечнымъ пристанищемъ для всѣхъ, кто покривдженъ былъ въ своихъ народныхъ, а потомъ и религійныхъ чувствахъ, и кто не хотѣлъ пôдчинитись самоволѣ шляхты, а утѣкалъ до козакôвъ, щобы посередъ нихъ сохранити свою народность и вѣру и личную свободу.

Одни козаки, що поселились надъ рѣкою Дономъ, звались Донскими козаками. Тіи послѣдныи, яко пограничныи Великой Руси, уважали себе прина-

лежными до тойже и умножались выселенцами изъ Великой Руси. Одинъ атаманъ (начальникъ) тыхъ Донскихъ козакôвъ именемъ Ермакъ, завладѣлъ Сибирею и подчинилъ ю Цареви Вел. Руси Ивану Грозному. Тіи же козаки що жили надъ Днѣпромъ въ такъ званой Украинѣ, звались Украинскими козаками.

Часть тыхъ Украинскихъ козакôвъ, щобы избѣгнути зависимости ôтъ польскихъ старостъ, та щобы заняти найважнѣйшіи станища противъ Туркôвъ и Татаръ, розложилась таборомъ за Днѣпровыми порогами на островѣ Томаковцѣ. Тутъ они таборъ свôй, званый „кошемъ", оточили засѣками иназвали его „Сѣчію", самы же назвались „Запорожцями". Тіи то Запорожцѣ утворили съ часомъ военное братство, которое мало свои права и свои обычаи; и такъ найвысшая власть у нихъ была въ рукахъ козацкой рады, на той радѣ выбирано головного начальника, званого „кошовымъ атаманомъ". Цѣлый ихъ таборъ или кошь дѣлился на „куренѣ", а каждый курень малъ свого „куренного атамана". Запорожскіи козаки составляли собою само ядро козацтва; тутъ была войсковая школа, тутъ собиралось все козацтво, кипѣло мужествомъ и отвагою безъ границь. Запорожцѣ жили самою вôйною; у нихъ не было часу на спочинокъ, а якъ хижіи птицѣ носились они то по степамъ на

борзыхъ коняхъ, то по Днѣпру на легкихъ лодкахъ, чайками званыхъ, куда ихъ воля несла, то въ сусѣдное татарское ханство, то на далекое необозримое море. Осередкомъ запорожского козацтва была Сѣчь, котора переносилась зъ одного мѣстця на другое по Днѣпровыхъ островахъ. Жилища Запорожцѣвъ не обмежались однакъ на самую Сѣчь, а розкладались они и на другихъ островахъ и по берегахъ Днѣпровыхъ, и творили козацкіи села. Зъ-початку самы тôлько мужчины были жителями Запорожья, но пôзднѣйше стали переселятись туда цѣлыи родины и заводили хуторы, однакъ въ самую Сѣчь николи не припускалось невѣстъ. Съ часомъ сталось Запорожье прибѣжищемъ для каждого, кому немилою была жизнь въ родинѣ, для всѣхъ покривдженыхъ, обидженыхъ, и тіи поселялись тутъ съ жаждою мести за себе и братей своихъ Русинôвъ.

Такъ отже роздѣлялись козаки наддѣпрянскіи на украинскихъ и запорожскихъ; но межи одними а другими была тѣсная связь. Изъ нихъ тôлько украинскіи мусѣли признавати надъ собою польскую власть, бо они замешковали тіи области, которыи Польща до своей короны прилучила; Запорожскіи же козаки не узнавали надъ собою никого, и были собѣ и для себе вполнѣ свободнымъ товаришествомъ.

Первый козакъ що устроилъ свою братію въ порядочное войско и розносилъ славу его оружія, былъ Атаманъ Евстафій Дашковичъ. Ôнъ упорядковалъ козацтво такимъ способомъ, що выбралъ 1000 найдѣльнѣйшихъ мужей; роздѣлилъ ихъ на полки и сотнѣ, поставилъ надъ ними старшинъ, есаулôвъ, полковникôвъ, сотникôвъ и десятникôвъ, устроилъ козацкій судъ изъ старшихъ козакôвъ, а при каждомъ куреню установилъ куренного писаря. Кромѣ того установилъ ôнъ таке, що каждого року въ лѣтѣ ôтпускалъ два тысячи козакôвъ на свободную жизнь въ степы, а на ихъ мѣстце записовалъ другихъ два тысячи, такъ що всегда стало доборовое войско на поготовью, если случилось подняти военный походъ.

Съ войскомъ своимъ козацкимъ служилъ Дашковичъ зъ початку Великой Руси, но пôзднѣйше перекинулся на сторону Польщи, а доставши ôтъ короля Жигмонта городы Каневъ и Черкасы, помагалъ ему въ вôйнахъ противъ Великой Руси. Славно-жь воевалъ Дашковичъ той съ Татарами! Онъ то будь самъ со своимъ козацтвомъ, будь съ полками князя Константина Острожского розбивалъ крымскую орду Татаръ, ôтбивалъ христіянскихъ плѣнникôвъ зъ татарской неволѣ и доставлялъ козакамъ богатую добычу.

По смерти Дашковича притихло на якійсь часъ въ Украинѣ, бо такъ якъ не было способности до бôльшихъ военныхъ подвигôвъ, то и уменьшалось число козакôвъ. Ажъ коли прійшолъ на Украину князь Димитрій Вишневецкій и выбраный былъ Атаманомъ ново-собравшихся козакôвъ, тогды на-ново закипѣла жизнь козацкая и розливалась тамъ полными струями. Вишневецкій побôльшилъ число козакôвъ, принимаючи до себе всякихъ охотникôвъ, и черезъ тое сталсяи такъ сильнымъ, що грозилъ навѣть польскому королеви, и на него совсѣмъ таки не оглядался. Вславившись со своими козаками въ походѣ противъ Крымскихъ Татаръ, поднятомъ нимъ разомъ съ войсками Царя Ивана Грозного, ôнъ перейшолъ на службу Великой Руси.

Незадолго однакъ зраженый лютымъ поведеніемъ того Царя ôнъ вступилъ назадъ въ службу польского короля и погнался на Украину добывати собѣ славу въ военномъ дѣлѣ противъ Татаръ и Туркôвъ. И не малой то славы ôнъ тутъ добился, коли и народныи пѣсни русскіи честно о немъ вспоминаютъ. Одна зъ такихъ народныхъ пѣсенъ оповѣдае о печальной, но богатырской кончинѣ его, котора постигла его въ р. 1564. Въ тôмъ то роцѣ Вишневецкій выправился на Молдавію, но тутъ здрадою своихъ ворогôвъ достался въ руки Туркôвъ. Султанъ ту-

рецкій велѣлъ его повѣсити ребромъ на желѣзномъ палѣ, а Вишневецкій на тôмъ гаку прославлялъ Христа и проклиналъ турецкого пророка Мугамеда. Народная пѣснь оповѣдае, що коли ôнъ такъ висѣлъ на гаку, радилъ ему Султанъ приняти турецкую вѣру и тогды ôнъ Султанъ дасть ему свою доньку за жену. Но въ тôмъ Вишневецкій попросилъ для себе кôлька стрѣлъ, щобы застрѣлити голуба на вечерю своей суджено́й, а дôставши стрѣлу, кинулъ ю въ саму голову султанской доньки, та и до конця славилъ Христа, а проклиналъ невѣрныхъ.

По той сумной кончинѣ Вишневецкого нестало козакамъ знову смѣлого и предпріемчивого начальника. Одни козаки выходили зъ Украины и лучились съ Донскими козаками, другіи кидали коня и збрую, а принимались за земледѣльство. Здавалось затѣмъ, що туй-туй роспадеся козацкая твердыня; однакожъ не такъ оно сталось. Не упало козацтво, а противно, оно вскорѣ начало зновь взмагатись и несподѣванно дойшло до такои силы и могущества, що затревожило цѣлый міръ доокола. Въ самъ бо той часъ заветась въ Польщи на русскихъ земляхъ Любельская унія, и тая то унія, що мала послужити до цѣлковитой загнады русской народности на Червоной Руси, власне причинилась найбôльше до розмноженья и скрѣпленья козаччины; она вытворила

новый военный народъ, нову козацкую державу на оборону русского имени, русскихъ правъ, на мщеніе за обиды, насиліе и всякіи несправедливости. Въ сей-часъ бо по оголошеню уніи явилось множество вельможъ, дворянъ и народа недовольныхъ или покривдженыхъ; тіи стали покидати свои землѣ на Подôлю, Волыню и въ Галичинѣ, та и переходили толпами на Сѣчь. Вскорѣ закипѣло тамъ знову все буйною, вольною жизнею: вскорѣ станули доборовыи полки козацтва уже не въ кôлька тысячь, а въ цѣлыхъ 30 тысячъ люда, а надъ ними свободнымъ выборомъ былъ поставленъ Гетманомъ дѣльный козацкій рыцарь, Иванъ Свирговскій. При Свирговскôмъ не доволялись уже козаки частными перепалками съ Татарами и марными добычами зъ таборôвъ татарскихъ, а запускались на своихъ чайкахъ далеко на Чорное море, пôдступали пôдъ самъ Цареградъ, та съ оружіемъ въ рукахъ вызволяли христіянскихъ невольникôвъ зъ турецкихъ вязницъ. Уважаючи за свôй святый обовязокъ стерегчи Русь и Христіянство ôтъ грозы поганской, провадило козацтво наше пôдъ своимъ Гетманомъ неустанную вôйну то съ Татарами, то съ Турками, впадали каждого року въ Крымское ханство и истребляли поганцêвъ безпощадно, щобы ихъ обезсилити, невредными для Руси учинити, а самымъ собѣ набрати военнои вправы.

Въ дѣлѣ томъ не оглядались козаки на Польщу, а хотя Жигмонтъ, король польскій, що-року высылалъ до нихъ свои письма и универзалы, и запрещалъ имъ непокоити Татаръ и Туркôвъ, съ которыми самъ ôнъ тогда жилъ въ согласіѣ, но козаки письма читали, а свое дѣло дѣлали. Въ р. 1574 выправился Свирговскій помагати Молдавянамъ противъ Туркôвъ, но здрадженый тутъ ôтъ самыхъ Молдавянъ полягъ на поли битвы, а съ нимъ до 2000 козацкого цвѣту.

Въ рôкъ пôзднѣйше, власне коли у козакôвъ не было свого Гетмана, явилась безчисленная тьма Татарвы на Малой Руси и ворвалась ажъ въ Подôлье, на Волынь и въ Галичину по-за Перемышль. Козаки соединились съ воеводою Кіевскимъ, княземъ Константиномъ Острожскимъ, и що было въ ихъ силѣ, боронили русскихъ земель, но на дармо! Не такъ бо легко приходилось повздержати взбуренную безконечную хмару татарской дичи въ ей бѣгу, а то тѣмъ бôльше, що тая дичь, хотя и якъ розгромляема была Русію, но все же на-ново ôтростала наплывомъ свѣжихъ пришельцêвъ изъ Азіи. Тая то лютая Татарва, загнавшись въономъ роцѣ 1574 пôдъ самъ бôкъ державы польского короля, зрабовала, знищила, спалила, що могла, а забравши сотки тысячей народа и скота, вернула за Днѣпръ до свого ханства. Не было

кому обороните русской землѣ, русскихъ родинъ, ôтъ такъ страшного несчастья: козацтва бо нашого, якъ сказано, было таки еще за мало, а панамъ польскимъ и недуже ходило о то, щобы противъ Татаръ выступити. У нихъ то, у польскихъ панôвъ, не стало тогды ни часу, ни охоты идти на поганця; но коли росходилось о загорненье богатыхъ русскихъ земель, то якъ мы видѣли, они не жаловали ни труду ни заходôвъ, а суетились неусыпно и горячково, щобы цѣли своей достигнути. Коли же за тіи самыи землѣ русскіи прійшлось добыти оружія, щобы народъ ôтъ напасти Татаръ охороняти, то нагло нестало нашихъ опѣкунôвъ, и гдесь счезла тая о насъ печаливость панская. Така то уже и была тогды доля наша пôдъ Польщею.

Помимо того навѣть и послѣ такъ тяжкого удара, не остала Русь безъ нѣкоторой потѣхи. Не ратовали ей въ несчастію тіи, що до того были свято обовязаны, но за то потѣшали ю и гонили ей раны рôдныи и вѣрныи сыны ей, богатыри козацкіи. Въ смутку и изъ сострадания надъ судьбою матери своей въ тяжкôмъ жалю, що они не были въ состояніи охоронити ей ôтъ лютого татарского напада, закипѣвши местію, они присягли, що не отпочнутъ, поки кроваво не отплатятъ бисурманамъ за обиды, нанесенныи Руси-Матери. Въ сей же часъ

почали они збиратись на Сѣчи великими громадами, а коли межи ними явился князь Богданъ Ружинскій, который зрекся былъ своихъ достоинствъ и свого гордого званія, а сталъ братомъ-козакомъ, рôвнымъ каждому другому, тогды козаки окликали его своимъ Гетманомъ и погнались съ нимъ за Крымъ воевати Татарина и освободжати плѣненныхъ братей своихъ Русинôвъ зъ неволѣ. И росло то сердце у Руси бѣдной изнывдѣлой, коли она побачила, якъ сыны ей, якъ то-тѣ быстрокрылыи орлы мчатся на бисурманъ и ôтплачуютъ имъ за напады на Русь; якъ они боронятъ чести русского имени и освящаютъ свое оружіе вôйною за крестъ святый, за христіянство.

Такое то было козацтво наше — тое русское воинство, которое пôзднѣйше стало уже не тôлько охороннымъ муромъ христіянства противъ поганскихъ Татаръ, но сосредоточило въ собѣ всю русскую жизнь народную съ ей питоменными святостями, бажаніями и требованіями, мужественно пôднесло мечъ свôй въ оборонѣ своей прадѣдной вѣры, прадѣдныхъ обычаевъ и народныхъ правъ, а то въ такой хвилѣ, коли противная Руси сила въ Польщи съ завзятостію, недостоііною христіянъ, добывала всѣхъ усилій, щобы не осталъ въ свѣтѣ слѣдъ изъ всего того, що русскимъ называлось. Уже-жь то всесильная рука провидѣнія Божого не до-

пустила до того, щобы марно и безъ слѣду загибъ той славный русскій народъ, который въ одушевленіи принялъ знамя крестное яко свôй прапоръ и за него стôлько жертвъ полагалъ. Премудрый и въ совѣтахъ своихъ неизслѣдимый Богъ Творецъ свѣта, повелъ уже дѣла такъ, щобы Русь христіянская дознала справедливости Его, и хотя Онъ Всевышній за провины прадѣдôвъ предалъ Русь нашу многимъ а тяжкимъ испытаніямъ, но въ конецъ изъ ей гнѣзда вывелъ тысящи хоробрыхъ и удалыхъ сынôвъ, щобы тіи вернули ей давную славу, выбороли для ней еи права человѣческіи и привели назадъ до почитанія, значенія и чести. — Тыми то сынами-хранителями русскихъ правъ, русской народности и вѣры являются рыцарѣ-козаки.

Стефанъ Баторій — возростъ козацтва.

Закѣмъ прійшло до грозного столкновенія межи народомъ польскимъ а русскимъ, выкликаного крайнею нетерпимостію для народности и вѣры русской зъ одной стороны, а перебраною мѣркою терпеливости зъ другой, заживали еще Поляки хорошихъ временъ, а Русины еще досыть зносного быту за панованья короля Стефана Баторія. Король сей вступилъ на престолъ польскій въ р. 1575. Былъ то мужъ одареный великимъ умомъ,

дуже ученый, мужественный и вырозумѣлый на потребы, желанія и права всѣхъ племенъ славянскихъ, якими ôнъ яко король польскій владѣлъ. Пôдъ тое время розгнѣздились въ Польщи уже на добре Езуиты, монашескіи латинскіи ксендзы. Возваныи еще за Жигмонта-Августа для выкорененья ереси лютерской и кальвиньской, здѣлали они своимъ спрытомъ великіи успѣхи и дойшли до великого значенія и вліянія на внутренніи справы Польщи. Тіи то Езуиты помагали найбôльше шляхтѣ польской вынародовляти Русь. Уже теперь пôддавали они Полякамъ гадку, що если хотять сліяти Русь съ Польщею пôдъ взглядомъ политичнымъ, религійнымъ и народнымъ, то треба доконче выкоренити на Руси православіе, а привести Русинôвъ до церковной уніи съ Римомъ. До цѣли же тои, що ихъ мысли, належало бы приступати такимъ способомъ: Напередъ треба завести такіи школы и семинаріи, где бы самы они, Езуиты, объучали русскихъ дѣтей и приготовили ихъ прежде всего до уніи, а черезъ тое до принятія латинства; дальше треба поставляти такихъ людей русскими Владыками, которыи суть прихильны Польщи и уніи; въ-конецъ потреба понижити православную Церковь и о скôлько возможно ôтнимати ей добра, щобы такъ поволи она не мала пôдставы до существованья. Такіи пляны езуитскіи

подобались чрезмѣрно польской шляхтѣ, которой о тое лишь и ходило, щобы вынародовити Русь. Однакожъ не такъ задивлялся на тую справу король Стефанъ Баторій; ôнъ бо яко благорозумный мужъ предвидѣлъ, що изъ тыхъ плянôвъ езуитскихъ не выйде добра для краю, но що такое поведеніе, якое они вымыслили, може до крайности взбурити и такъ уже недовольную Русь и выкличе внутреннюю жестокую борьбу, где бы уже росходилось о що бôльше, якъ о имѣніе, якъ о житье. Баторій радъ былъ утвердити миръ межи всѣми народами, находящимися пôдъ его владѣніемъ, про тое ôнъ бралъ даже въ оборону всѣхъ не-католикôвъ, мовячи: „Я король надъ людьми, а не надъ ихъ совѣстію." Коли же представлювано ему корысти, якіи бы выйшли для Польщи изъ уніи церковной, тогды откидалъ ôнъ съ презрѣніемъ того рода пôдмовы и возражалъ такъ: „Я славлю Бога, що пришедши на польскій престолъ, засталъ я народъ русскій въ согласіи съ народомъ польскимъ и литовскимъ. У тыхъ народôвъ одна мысль, одна рôвность, и нѣтъ межи ними распри. Въ латинскихъ костелахъ и русскихъ церквахъ отправляются богослуженія спокойно и безъ перепоны; тожь я не виджу потребы принуждати русскую Церковь до соединенія съ латинскою. Не знаю, що изъ того може выйти и що зъ того выросте, но ду-

маю и предвижую, що вмѣсто единства и согласія, введемъ неприязнь и сварню межи Русь и Польщу и поведемъ обѣ до безчисленныхъ несчастій, до паденія и погибели.“ Тіи то святыи пророческіи слова вырекъ мудрый Баторій въ отвѣтъ на лестныи ôдстрекательства Езуитôвъ и оставилъ въ мирѣ русскую Церковь. — Пôзднѣйше дался и самъ умный Баторій увлечи безъустаннымъ намовамъ Езуитôвъ и услухалъ где-якіи ихъ рады; однакъ вскорѣ же того жаловалъ. И такъ коли ôнъ въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ занялъ городъ Полоцкъ, на упертое требованіе тыхъ Езуитôвъ ôтдалъ имъ бôльшую часть православныхъ церквей того города, которыи въ сей-часъ перетворено на латинскіи костелы. Народъ ôднêсъ противъ того страшенный ропотъ и заносилъ жалобы до короля за свою кривду. Баторій познала, що зблудилъ, но не хотѣлъ на разѣ касовати разъ Езуитамъ даного слова, а задобрилъ Русинôвъ по крайной мѣрѣ такъ, що велѣлъ Езуитамъ кôлька изъ забраныхъ церквей назадъ Русинамъ ôтдати.

Другое дѣло, до якого дался Баторій употребити противъ Руси, было введеніе нового, такъ званого Григоріянского календаря. Въ р. 1582 завелъ папа Григорій той календарь для всѣхъ католикôвъ. Тая новость якъ-разъ надавалась Езуитамъ до ихъ цѣлей, тому постарались

они о тое, що Баторій выдалъ и до всѣхъ Русинôвъ строгій наказъ, щобы они ôтъ теперь также у себе заводили новый календарь и пôсля него обходили бы всѣ свята, т. е. щобы святковали ихъ разомъ съ латинниками. Но уже на самомъ вступѣ Баторій стрѣтилъ такій опôръ изъ стороны Русинôвъ, якого николи не надѣялся. Цѣлая Русь съ своими Владыками станули якъ одинъ мужъ противъ такои новизны и выразила свое негодованье общимъ ропотомъ и протестомъ. Зъ начала не хотѣлъ Баторій слухати ніякихъ протестôвъ, а осмѣленыи латинскіи священники позволяли собѣ многихъ неслыханыхъ насилій и гоненій противъ русского обряда. Латинскій арцибискупъ Львовскій Суликовскій загнался въ своей дерзости такъ далеко, що въ самое Навечеріе Рождества Христового, коли по всѣмъ нашимъ церквамъ отправлялись торжественныи богослуженія, ôнъ съ своими каноликами и въ сопроводѣ войска нападалъ на церкви наши, розганялъ молящійся народъ, выволѣкалъ священникôвъ ôтъ престолôвъ, не даючи имъ даже докончити богослуженія, а въ-конецъ еще замыкалъ и печаталъ русскіи церкви. Такое нерозумное и оскорбляющое поведеніе обурило до живого все Львôвское мѣщанство; народъ русскій пôднêсъ великій бунтъ противъ арцибискупа и латиннкôвъ, доходило даже до бôйки, кото-

ра продолжалась кôлька дней, и кто знае, якъ бы та справа была закончилась, если бы было не удалось русскому Владыцѣ Балабану успокоити взволнованыи умы тымъ запевненьемъ, що ôнъ занесе жалобу на арцибискупа и латинскихъ ксендзôвъ и постараеся у самого короля о полное удовлетворенье для оскорбленныхъ Русинôвъ. Тогды король Баторій переконался, що зле здѣлалъ, давши себе увести радамъ езуитскимъ, и видячи, що бунты пôднесенныи во Львовѣ, могутъ скоро взмогчися и обняти всю Русь противу Польщи, издалъ въ сей-часъ роспоряженье: щобы оставити Русинамъ старое ихъ (Юліянское) лѣточисленіе, и щобы никто пôдъ тяжкими карами не важился оскорбляти ихъ въ ихъ вѣроисповѣданіи. Тымъ мудрымъ роспоряженьемъ зарадилъ Стефанъ злому, укротилъ своевольство латинского священства и успокоилъ возмущенный русскій народъ. Отъ теперь ажъ до смерти своей обходился Баторій ласкаво съ Русинами.

Особлившую же увагу обратилъ король Стефанъ Баторій на Украину — на козацтво. Слава удалого козацтва рознеслась уже ôтгомономъ далеко по свѣтѣ: слышалъ и Баторій о ихъ смѣлыхъ походахъ, о чудахъ богатырства, якихъ они доказовали, та задумалъ устроити зъ нихъ порядочное войско, на помôчь которого ôнъ мôгъ бы полагати

въ часѣ якой-нибудь вôйны. Всѣхъ козакôвъ числилось тогды до 20.000 мужа. Новымъ своимъ устройствомъ роздѣлилъ Баторій ихъ на полки, зъ которыхъ каждый поставленъ былъ въ окремой области и ôтъ которой и называлися полки, якъ то: полкъ Корсунскій, Чигиринскій, Уманскій, Кіевскій, Полтавскій и прч. Каждый полкъ малъ свою старшину козацку, свôй судъ, свою раду. Що-до старшинъ, то Гетмана мали выбирати разомъ всѣ полки зъ-помежи цѣлого козацтва, а королеви прислуговало право затвердити его, или нѣтъ; прочихъ старшинъ полковыхъ выбиралъ каждый полкъ для себе, а затверджалъ ихъ самъ Гетманъ. Изъ всѣхъ же козакôвъ выбрано 6000 самого цвѣту, вписано ихъ въ войсковый реестръ, ôтъ чого они и назывались „реестровыми", а тыхъ поставлено яко постоянное войско не тôлько на часъ вôйны, но и въ часѣ мира. Тіи реестровыи козаки свободны были ôтъ всякихъ роботизнъ и податкôвъ, были въ спокойномъ посѣданью своихъ земель, якіи занимали до теперь, а кромѣ того каждый реестровый козакъ доставалъ коня, стрѣльбу, спису, одного дуката и теплый кожухъ въ годъ. Всѣхъ прочихъ козакôвъ, що не войшли до реестру, хотѣло польское правительство ôтдати панамъ въ подданство, здѣлати ихъ крепаками (панщизнянками); но що тое па-

намъ не удавалось и що зъ того выйшло много лиха, увидимъ се пôзднѣйше. Кромѣ того устройства, якое постановилъ Баторій, подарилъ ôнъ еще козакамъ городъ Трехтимировъ, а для Гетмана збудовалъ новый городъ, который назвалъ Батуриномъ. — За все тое требовалъ Баторій ôтъ козакôвъ, щобы они ему помагали, если случится якая военная выправа, та щобы самовольно не нападали на Татаръ и Туркôвъ, съ которыми Польща жила теперь въ перемиріи и дружбѣ. Однакъ въ сей-часъ показалось, що того другого требованья трудно было козакамъ исполнити; вѣдай бо все ихъ дѣло, ихъ жизнь козацкая, вся цѣль ихъ состояла въ тôмъ, щобы нищити и истребляти бисурманъ. Уже-жъ того самого року, коли ихъ устроилъ Баторій, погнался Гетманъ Богданко Ружинскій съ полками козацкими на Крымъ, где и самъ при добытью одного непріятельского пôдкопу погибъ.

По смерти улюбленного свого Богданка, выбрали собѣ козаки Гетманомъ Шаха и безъ огляду на запрещеніе короля, продолжали свое военное дѣло противъ Татаръ. А былъ тогды межи ними одинъ товаришъ-козакъ, Иванъ зъ Молдавіи, человѣкъ нечуванной силы, що въ двохъ пальцяхъ ломилъ кôнскую пôдкову якъ-бы стебло, ôтъ чого и обще Пôдковою его звали. Братъ сего Пôд-

ковы былъ молдавскимъ Господаремъ, а коли того Турки здрадою убили, выбрался Иванъ Пôдкова съ товаришами-козаками и гетманомъ Шахомъ на Турка въ Молдавію, добывати собѣ престола, который ему правно и належался. Турки связалися противъ Пôдковы съ Поляками, а Пôдкова, видячи, що не устоится противъ войскъ польскихъ и турецкихъ, рѣшился вернути съ козацтвомъ на Украину, а доходити своего права, коли окажеся къ тому способнѣйша хвиля. Но по дорозѣ заманено его хитростію до Львова, где его схвачено, кинено до вязницѣ, а потомъ по приказу Баторія ôтрубано ему голову публично на рынку.

Теперь начали козаки мститись за лютую казнь брата своего Пôдковы, и кинулись съ такою завзятостію на Татаръ и Туркôвъ и опустошали ихъ области такъ безпощадно, якъ николи передъ тѣмъ. Султанъ турецкій и ханъ Крымскій, дознаючи ôтъ козацтва стôлько бѣдъ, затребовали ôтъ Баторія, щобы той непремѣнно уничтожилъ козацтво, бо инакше они оба пôйдутъ вôйною на Польщу. Вотъ такъ и найшолся Баторій въ клопотѣ; ôнъ видѣлъ, що не порадитъ съ козацтвомъ, а въ душѣ и самъ тѣшился, що тіи удальцѣ горенько даются въ знаки бисурманамъ. Но и зъ другой стороны провадити вôйну съ Турками и Татарами было ему не на руку. Тожъ,

щобы якось добрымъ способомъ полагодити справу, выславъ ôнъ приказъ козакамъ, щобы усунули зъ гетманства Шаха, а на его мѣстце самъ-же ôнъ поставилъ имъ Гетманомъ польского шляхтича Самуила Зборовского. Гетманъ Шахъ, щобы не стягнути неласки доброго короля на козацтво, уступилъ самъ добровольно зъ гетманства и удалился въ монастырь, где доживалъ свого вѣку въ молитвахъ и благочестіи. Булаву гетманску малъ обняти Зборовскій, но козаки не дали собѣ о немъ ани говорити, а ôтослали его назадъ въ Польщу та выбрали собѣ Гетмана по своему сердцу мужа, полковника Даміяна Скалозуба.

Скалозубъ повелъ козацкое войско по старому на поганцêвъ, а Баторій переконавшись, що не покорити ему козацтва своей волѣ, смотрѣлъ уже черезъ пальцѣ на всѣ ихъ дѣйствія, а на жалобы султана таки впростъ отвѣчалъ, що козаки маютъ свою волю и они независимы ôтъ нѣкого, та що ему въ ихъ дѣла ніякъ мѣшатися.

Изъ выше сказаного видимъ, що за короля Баторія не згôрше еще жилось и нашимъ Русинамъ въ Галичинѣ и на Волыню, та що и козаки не были оскорблены въ своей свободѣ, а противно, они розвивались, возросли и устроились въ доборовое войско и безъ перепоны наказовали врагôвъ христіянского міра, би-

сурманъ. Жаль тôлько, що не долго владѣлъ сей вырозумѣлый и мудрый король Стефанъ Баторій. Уже въ р. 1586 спочилъ ôнъ въ могилѣ, а съ нимъ кончилось счастье и благостоянie Польщи. Врагъ мира поднялъ теперь зновь два народы, польскій и русскій, съ обнаженымъ мечемъ противъ себе и довелъ однихъ до совершенного паденія, другихъ до многихъ бѣдъ и страданій. Въ сей-часъ бо по смерти Баторія возникла страшенная борьба Польщи съ Русію, шляхты съ народомъ, католичества съ православіемъ. и искра незгоды межинародной занималась що-разъ бôльше и бôльше, поки неугасимый пожаръ не огорнулъ всего польско-русского краю. Особливо великая невыгода и таки правдивая бѣда выходила для Польщи изъ того, що подвластная ей Русь наша имѣла теперь въ козакахъ своихъ власное свое русское войско, добре устроенное, всегда вооруженное и до бою якъ найлучше вправное. Тожь коли настали далѣй лютыи борьбы русскихъ козакôвъ съ Польщею, коли завелись грозныи для шляхты польской такъ званыи войны козацкіи, то Поляки, хотя и якъ на долгіи лѣта величали свого короля Баторія за его мудрое правленіе, то таки разомъ и злословили память его за то одно, що ôнъ то именно устроилъ козакôвъ въ порядочное русское войско, якимъ то славнымъ на

весь свѣтъ русскимъ войскомъ суть тіи козаки въ велико-русскомъ Царствѣ и донынѣ.

Дѣла церковныи на Руси. — Братства.

Зъ тѣхъ поръ, коли Русь Галицко-Володимірская стратила свою самостоятельность политичную, дознавала и Церковь русская що-разъ сумнѣйшои долѣ. Задачею Польщи было загорнути землѣ русскіи для своей маетковой корысти, народъ же русскій въ Малой Руси ôтдѣлити и ôтчуждати ôтъ Великой Руси и польщити его до той степени, щобы и слѣду не остало изъ того, що они, обѣ Руси колись становили одну великую могущу и славную Русь. Перепоною до исполненія той задачи, и то самою великанскою перепоною, оказалась свята русская Церковь. Она бо одна держала цѣлую Русь въ безъустанномъ соединеніи, въ тѣсной духовной связи. Належало отже необходимо розорвати тую связь, прекратити взаимныи сношенія духовныи, розъединити Церковь Мало-русскую ôтъ Велико-русской.

Способы, якими мали Поляки дойти до той цѣли, найшлись скоро, и были они такіи: русскую Церковь понижити, перевести Русинôвъ на латинство, или по крайнѣй мѣрѣ привести ихъ изъ православія до соединенія (уніи) съ латин-

скою Церквою. Для того то уже Казиміръ Великій, прилучившій одну часть Руси до Польщи, придумовалъ якъ бы розорвати связь Малои Руси съ Великою, и постарался для Галицкой Руси о окремого Митрополита, якимъ и поставленъ былъ Владыка Антоній. Наслѣдникъ Казиміра, король Ягайло, продолжалъ дѣло, зачатое Казиміромъ, но въ острѣйшій уже способъ и съ большою кривдою для русской Церкви. Его дѣйствія на пониженіе русской Церкви уже намъ извѣстны; но тутъ должны мы еще примѣтити, що по смерти первого Галицкого Митрополита остала Галицкая земля безъ Архипастыря, а на престолѣ и добрахъ Галицкой митрополіи основано латинское архіепископство. Ôтъ тогды починаются замѣшательства и споры межи духовеньствомъ латиньскимъ а русскимъ, при чёмъ, розумѣеся, латинское духовенство всегда справы выгривало, а русское должно было уступати. Сверхъ того далъ Ягайло такое право латинскимъ архіепископамъ: назначати мірскихъ намѣстниковъ для управленія дѣлами русской Церкви. При тыхъ обстоятельствахъ появились въ русской Церкви великіи непорядки, русское священство, що-разъ больше зависимое ôтъ польскихъ или ополяченыхъ управителей, тратило свою повагу; мірскіи люди надавали духовныи уряды особамъ, часто неотвѣтнымъ и не-

достойнымъ, а черезъ тое само пôдкопывалась чистота вѣры и богослуженія. При гнетѣ изъ стороны латинского духовенства, стоящого пôдъ опêкою короля, тратила русска церковь свои великіи маетки и права, убожѣла и пôдъупадала постепенно.

Въ той самъ часъ старался и Великій князь литовскій Витолдъ установити для литовской Руси окремого Митрополиту въ Кіевѣ и пôдчинити его римскому престолу. Первымъ такимъ Кіевскимъ Митрополитомъ былъ Григорій Цимвлякъ. По смерти того Цимвляка, то соединялася Кіевская митрополія съ Москвою, то зновь мала своихъ Архипастырей. Въ часѣ собора Флорентійского заходился Митрополитъ Исидоръ усердно около соединенья Церкви восточной съ западною; но коли дѣло тое не мало успѣха, усунено Исидора зъ достоинства митрополичого. На его мѣстце посвящено Григорія Болгарина, который призналъ папу римского головою Церкви. Однакъ Епископы русскіи не хотѣли пôдчинятись Григорію Болгарину, а уважали своимъ Митрополитомъ Іону, Митрополита Московского. Ажь коли умеръ той Митрополитъ Іона и коли Григорій назадъ повернулъ до православія и потверджêнъ былъ Цареградскимъ Патріархомъ, тогды доперва признали его Епископы Малой Руси своимъ настоятелемъ.

а король польскій Казиміръ Ягайлонъ надалъ Кіевскому Митрополитѣ монастырь Галицко-Крылосскій и звернулъ всѣ имѣнія давной Галицкой митрополіи. Ôтъ того часу положена была тверда пôдстава до роздѣленья Церкви мало-русской ôтъ велико-русской. Кіевскіи Митрополиты управляли мало-русскою Церквою безъ огляду на велико-русскую, а соединеніе ихъ состояло еще ино въ тôмъ, що оба Митрополиты, такъ велико-, якъ и мало-русскій, оставали до конца 16 столѣтія пôдъ зверхностію одной головы, Патріарха Цареградского.

Владѣніе королей польскихъ, Владислава III. и Казиміра Ягайлонôвъ, выдавались быти пріязнѣйшими для русской Церкви. Однакъ то такъ лишь здавалось. Королѣ выдавали облегчающіи грамоты, на письмѣ брали въ оборону русскую Церковь передъ напастьями латинникôвъ, постановляли навѣть, щобы вся русская шляхта, безъ огляду на вѣроисповѣданія, кобы тôлько христіянска, корыстала изъ всякихъ вольностей и привилеевъ такъ, якъ шляхта польска, и щобы она допущена была до всѣхъ урядôвъ, — но жаль тôлько, що всѣ подобныи грамоты и роспоряженья не переведены были въ житье, понеже намѣстники королевскіи, старосты и шляхта польска мали собѣ слова короля за нищо, а притѣсняли що-разъ бôльше, якъ народъ такъ и Церковь рус-

скую. Нетерпимость религійна не давала приступу справедливости и вырозумѣлости, а доводила до що-разъ бôльшого замѣшательства и безъпорядку въ самой Церкви. А не было и кому боронити правъ и обычаêвъ церковныхъ. Высшая шляхта русска уже почала стыдатись приналежности своей до православной, теперь такъ пониженой вѣры; Владыки были безсильны, священство понижено черезъ свою зависимость и черезъ недостатокъ отвѣтного образованья. Середъ тыхъ обстоятельствъ нужно было якогось осередка межи мірскими людьми, которыи зъумѣли бы пôддержати упадающую Церковь, сохраняти порядки и обычаи церковныи и боронити вѣру, обрядъ и благочестіе передъ совершенною загладою. Такій то осередокъ на наше счастье, найшолся точно въ тыхъ сумныхъ часахъ церковного розстройствія, а были нимъ русскіи Братства церковныи.

Уже давнѣйше творились у насъ при поодинокихъ церквахъ добровольныи товарищества, которыи мали дбати о добро Церкви и творити дѣла милосердія для свого народа. До такихъ братствъ входили люди безъ розличія стану, а тôлько православныи. Однакъ въ братствахъ тыхъ не было еще доброго устройства, и они не мали ніякого вліянія на дѣла цѣлой Церкви и не были въ состояніи устерегчи ю передъ напастями та удер-

жати ей благостояніе. Ажъ коли оказалась потреба такого товарищества, которое бы своею повагою на внѣ могло выступати, и въ справахъ цѣлой Церкви забирати голосъ, тогды выслалъ Іеремія, Патріархъ Цареградскій, Антіохійского Патріарха Іоакима, щобы той отправился на Малую Русь и тутъ уладилъ розстроенныи дѣла церковныи. Тогды то въ р. 1585 устроилъ Патріархъ Іоакимъ во Львовѣ Успенское братство такъ, щобы оно сталось сильною, охоронною крѣпостію русской Церкви. Головною задачею того братства было: воспитывати русскіи дѣти, пôдпомагати убогихъ, выкуповати зъ неволѣ плѣненныхъ людей и прч. Члены мали свои вызначеныи собранія, а каждый изъ нихъ платилъ по шесть грошей въ общую скарбону. Въ домѣ при Успенской церкви заведено школу, где учено особенно церковнославянского и греческого языка. При школѣ учреждено было помѣщеніе для убогихъ дѣтей, званое бурсою. А що найважнѣйше, заведено свою печатню, где друковано книжки для духовной пользы народа. Черезъ тую то школу и печатню дойшло въ-коротцѣ Львôвское Братство до найбôльшого значенья и поваги въ цѣлой Руси, такъ, що якіи еще оставали межи Русинами магнаты и князѣ, якъ Острожскіи, Вишневецкіи, Ружинскіи и пр., уважали собѣ

за честь належати до того братства. По образцу Львôвского братства заводились такіи-же братства и по другимъ городамъ Руси, якъ въ Вильнѣ, въ Луцку, въ Кіевѣ, но надъ всѣми ними мало старшинство братство Львовское. Коли такъ устроилось тое братство во Львовѣ, поручилъ ему Патріархъ Іоакимъ, щобы оно наглядало, якъ духовенство исполняе свои должности, щобы пôддержовало въ народѣ благочестіе, нравственность и привязанность до своей русской Церкви. Такъ и сталось въ-коротцѣ церковное Братство во Львовѣ истиннымъ осередкомъ духовного житья Малой Руси; оно было на внѣ представителемъ тыхъ Русинôвъ, що обороняли справы свого народа, такъ національныи, якъ и церковныи, супротивъ несправедливости, кривдъ и гоненій. Оно вѣрно и неустрашимо пôдносило голосъ и ставало въ защитѣ русскихъ дѣлъ, русской Церкви и русского обряда, а затѣмъ была то особенно его заслуга, що русска Церковь пôдъ напоромъ такъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ таки не упала, що русскій народъ и его старинныи святости не запропастились совершенно, и що Русины змогли выдержати всякіи нападенія и выйшли изъ народной борьбы не совершенно змятыми и стоптаными. Коли въ р. 1589 переѣздилъ черезъ Русь Патріархъ Іеремія, затвердилъ ôнъ и роз-

ширилъ права Львôвского братства и вызволилъ тое же изъ-подъ зависимости неприклонныхъ ему властей.

Такій былъ початокъ нашихъ церковныхъ братствъ, которыи въ дальшой исторіи Церкви и народа нашого самое важное мѣстце занимаютъ. Коли бо Владыки наши пôдъ напоромъ латинникôвъ одни наклонялись до ôтступленья ôтъ Церкви православной, другіи по боязни передъ властію Польщи не много оказывали ревности для дѣлъ тои-же Церкви; то за то наши русскіи братства церковныи тѣмъ вѣрнѣйше и ревнѣйше стояли при оной своей православной Церкви, которая еще зъ часôвъ святого Владиміра Великого была для всеи Руси доброю Матерію русскихъ душъ и до которой народъ по всѣхъ земляхъ русскихъ съ найбôльшою любовію былъ привязался. Тіи то братства наши и найдолше устоялись при православіи, а именно наше Львовское Братство найпôзнѣйше изъ всѣхъ ôтступило ôтъ него, бо приняло унію ажь въ 114 лѣтъ по еи заведенію Польщею.

Унія Берестейска

въ 1596 г.

Посередъ тыхъ обстоятельствъ, якіи мы въ попередномъ уступѣ описали, совершилось на нашой Руси великое и въ своихъ послѣдствіяхъ дуже важное дѣло. Именно прійшло до соединенія нашой восточной Церкви съ западною, до церковной уніи.

Дѣло тое переведено вотъ такимъ способомъ: По смерти доброго и вырозумѣлого короля Баторія, вступилъ на польскій престолъ шведскій королевичъ Жигмонтъ Ваза, человѣкъ, который своими наклонностями и возрѣніями, точно пôдходилъ пôдъ руку польской шляхтѣ и ей учителямъ Езуитамъ. Поляки, якъ знаемъ, постановили за всякую цѣну спольщити всю Русь, щобы она до-коренья утратила свôй самобытный историчный характеръ и не мала бы права на самостоятельную будучность. До того треба было конечно, щобы Русины не тôлько народность свою, но и свою вѣру перемѣнили. За Баторія трудно было довести до того, поневже той мудрый король почиталъ и охороннялъ всякое вѣроисповѣданіе подданыхъ собѣ народôвъ. Теперь же, коли насталъ Жигмонтъ Ваза, приступлено до того дѣла съ удвоенными силами. Самъ король, ôтдавшись всецѣло руководству

Езуитôвъ, стался ихъ орудіемъ и всю славу свою въ тôмъ и видѣлъ, щобы всѣхъ некатоликôвъ, особенно православныхъ Русинôвъ привести до католицизма, та щобы для тои цѣли, якъ то Езуиты его поучали, навѣтъ въ средствахъ не перебирати, а тôлько щобы лишь цѣль была осягнена.

На удачу замышленного Езуитами и Поляками дѣла можна было тогды полагати, бо печальное состояніе русской Церкви пôдъ тую пору якъ-то складалось до того. Якъ бо извѣстно, стояла русская Церковь изъ давныхъ давенъ пôдъ верховнымъ начальствомъ Патріарха Цареградского; однакъ ôтъ часу, коли Цареградомъ завладѣли Турки, стали сношенія Патріарха съ Русію получены съ бôльшими трудностями, черезъ що терпѣла Церковь на Руси многіи невыгоды. Кромѣ того Патріархъ, живущій пôдъ властію бисурманскихъ Туркôвъ, не имѣлъ приличного содержанія и принужденъ былъ оглядатись за ними на Русь, изъ чого зновь недовольны были наши Владыки и другіи духовныи лица такъ въ Малой, якъ и въ Великой Руси. По той причинѣ Царь Велико-русскій Θеодоръ, за порадою Бориса Годунова, поставилъ у себе окремого Патріарха въ Москвѣ на що въ-конецъ всѣ восточныи патріархи разомъ съ Цареградскимъ и згодились. Но Малая Русь наша таки остала тогды

пôдъ властію Патріарха Цареградского. Такимъ способомъ дойшло до цѣлковитого роздѣла Церкви русской, якъ того собѣ тôлько задушевно желали Езуиты. Въ слѣдъ за тѣмъ уже успѣшнѣйше могло поступати дѣло соединенія Церкви православной Малой Руси съ Церквою западною т. е. съ Римомъ. До тогоже причинился много и самъ Патріархъ Еремія. Коли бо ôнъ переѣздилъ черезъ Русь въ р. 1589, щобы починити где якіи порядки въ Церкви русской и задержавшись во Львовѣ, звернулъ особенную увагу на Успенское братство и надалъ тому такіи права, що оно мало надзоръ даже надъ епископскимъ судомъ, то тогдашній Епископъ во Львовѣ Гедеонъ Балабанъ огорчился тѣмъ немало, и первый заявилъ желаніе пôдчинитись папѣ римскому. Но мало того; Патріархъ Еремія хотя и въ доброй мысли подѣлалъ въ іерархіи духовной такіи перемѣны, которыи приспѣшили церковную унію. И такъ; ôнъ ôтсудилъ ôтъ должности Кіевского Митрополита (Дѣвочку) за тое, що той былъ перше двоеженецъ (повдовѣвши, въ другій разъ оженился), а на его мѣстце поставилъ Митрополитомъ Михаила Рагозу, человѣка слабодушного, боязливого и настроенного уже для уніи. Но гôрше ошибся Патріархъ въ тôмъ, що установилъ своимъ „екзархомъ“ намѣстникомъ) для Руси Епископа въ

Луцку Кирилла Терлецкого. Сей Терлецкій сталъ Епископомъ черезъ пôдкупство и то заходами Езуитôвъ а кромѣ того самъ былъ человѣкъ нечистыхъ норовôвъ, которого подозрѣвали о преступленія, якъ о грабежъ, насильствованье, а даже о убійство. Но ôнъ зъумѣлъ такъ прельстити Патріарха, що той надалъ ему нѣяко найбôльшую власть надъ всѣми русскими Епископами.

Послѣдствія такой ошибки Патріарха выйшли скоро на его вредъ. Ледви бо Патріархъ оставилъ русскіи землѣ, а уже Терлецкій, щобы ôтплатитись Польщи за ей къ нему благоволеніе а щобы устерегчись передъ возможнымъ выявленьемъ своихъ преступленій, началъ передумовати надъ тѣмъ, якъ бы освободитись ôтъ власти и суда Патріаршого, а для тои цѣли здавалось ему найлучше, прилучитись до церкви западной, где уже на ласку и пôдпору мôгъ всегда числити. За его намовою созвалъ слабодушный Митрополитъ Рагоза соборъ всѣхъ Епископôвъ Русскихъ до Берестя пôдъ такимъ предлогомъ, що ото хоче порадитись о где-якихъ справахъ св. Церкви и допомнутись о права, якихъ уживаютъ всѣ епископы польскіи. Треба бо еще и тое знати, що была въ Польщи такая установа, що всѣ епускопы маютъ право засѣдати въ соймѣ; того права не хотѣли однакъ Поляки признати русскимъ

Владыкамъ хотя и Любельская Унія имъ тое право признавала и королѣ своими грамотами тое же запоручали. Теперь отже всѣ Епископы, разомъ собранныи, мали списати и предложити королеви свои жалобы и упомнутись о то свое право. Зъѣхались всѣ Владыки, а межь ними такожъ що-ино высвященый Ипатій Поцѣй, одномышленникъ Терлецкого, простый мірскій человѣкъ, збанкрутованый каштелянъ, которого умышленно поставилъ король Жигмонтъ Владимірскимъ Епископомъ, щобы велъ дѣломъ уніи. Тіи то два Епископы, Поцѣй и Терлецкій стали на Соборѣ жаловатись на зависимость ôтъ Патріарха въ Цареградѣ, на тіи невыгоды и шкоды, якіи поноситъ Церковь зъ причины тои; дальше нарѣкали на братства, особенно на Львовское, которое Патріархъ вынялъ изъ-пôдъ епископской власти, та въ конецъ дойшли до того заключенія, що лучше подчинитись Папѣ римскому, бо въ такôмъ случаю обѣцялъ и король, що признасть русской Церкви и ей духовенству всѣ права и привилеи, якіи до теперь тôлько для католикôвъ существовали. Противъ того внесенія выступили вправдѣ рѣзко нѣкоторыи русскіи Епископы, однакъ въконецъ таки поручили Терлецкому и Поцѣеви, щобы они въ тыхъ справахъ переговорювали съ королемъ и Римскимъ престоломъ, та щобы передали королеви

на письмѣ всѣ жалобы и требованія русской Церкви.

Король принялъ Терлецкого и Поцѣя съ радостнымъ восторгомъ, а цѣла Польща торжествовала, що такъ легко и скоро поступае тое дѣло уніи. И въ самой рѣчи здавалось теперь, що унія уже не наткнеся на ніякіи препятствія, бо у народа русского, который за свое привязанье до своей св. Церкви много а много страдалъ, давались неразъ, хотя зъ-рѣдка, слышати голосы: що може лучше бы было пôддатись престолу римскому. Та и оставшіися магнаты русскіи, въ ихъ же главѣ Константинъ Острожскій, который межи Русинами верхъ провадилъ та и у Полякôвъ малъ дуже великую повагу и значенье, думали въ початкахъ где-що о уніи, щобы такимъ способомъ освободити русскую Церковь ôтъ польского гнету и устранити безпорядки, вкоренившіися въ ней надобре. Но князь Острожскій и другіи думали о соединенію цѣлой, такъ велико-, якъ и мало-русской Церкви съ западною, а кромѣ того заявили, що они вправдѣ непротивны уніи, но доперва тогды на ню згодятся, коли тое дѣло буде рѣшено на Соборѣ всѣхъ мірскихъ и духовныхъ Русинôвъ. Для того и затребовали они черезъ Терлецкого и Поцѣя, щобы король Соборъ такій созвалъ. Король однакъ не сподѣваючись по такôмъ Соборѣ удачи для

уніи, не присталъ на тое требованье, а выслалъ чѣмъ-скорше Терлецкого и Поцѣя до Риму, щобы они тамъ зложили у нôгъ Папы римского заявленье тыхъ русскихъ Владыкъ, которыи на епископскомъ Соборѣ своемъ рѣшились приступити до соединенія съ римскою Церквою.

Въ Римѣ принято Терлецкого и Поцѣя дружелюбно и съ процесіями. На означеный день припущено ихъ до св. Отца, якимъ былъ тогды Папа Климентій VIII. и тутъ при всѣхъ кардиналахъ Поцѣй и Терлецкій выголосили исповѣданье католической вѣры, зложили присягу на вѣрность и послушенство римскому престолу, а тогды уже и припущены были до поцѣлованья ноги св. Отца. Послѣ сего перечитали тіи высланники условія, пôдъ якими они рѣшились приступити до уніи, а тіи условія были вотъ такіи: 1) щобы найсв. Тайна Евхаристіи п ô д ъ о б о м а в и д а м и х л ѣ б а и в и н а всецѣло на всегда была сохранена, и щобы въ Тайнѣ крещенія все остало по давному п р а в о с л а в н о м у уставу; 2) щобы всѣ церковныи о б р я д ы остали на вѣчныи часы н е з м ѣ н н о с о х р а н е н ы; 3) щобы не нарушати церковныхъ уставôвъ и обычаѣвъ, якіи на Руси зъ давенъ-давна заведены; щобы женитьбу русскихъ священниковъ оставити безъ перемѣны. Кромѣ того предложили Терлецкій и Поцѣй еще одно прошеніе, а то,

щобы св. Отецъ вставился до короля полького за русскими Епископами, дабы тіи мали голосъ въ польскомъ Соймѣ и Сенатѣ, такъ, якъ польскіи бискупы. Папа Климентій принялъ ласкаво Терлецкого и Поцѣя, возрадовался чрезмѣрно ихъ заявленіемъ и присталъ на всѣ условія, ними предложеныи, ба и въ сей-часъ написалъ письмо до короля Жигмонта, щобы той зрôвналъ русское духовенство съ латинскимъ и щобы русскіи Владыки мали право засѣдати въ Соймѣ. Но письмо тое римского папы не найшло ни тогды, ни тѣмъ-меньше и потомъ ніякого послуху въ Польщи.

Терлецкій и Поцѣй вертали домôвъ въ тôмъ увѣренью, що дѣло уже кончено. Однакъ якъ же тяжко обманулись они, коли ставувши на рôдной земли, увидѣли, що весь русскій міръ съ княземъ Острожскимъ на челѣ, що и Владыки русскіи особенно Перемышльскій Михаилъ Копыстинскій и Львовскій Балабанъ, со всѣми братствами и священствомъ повстали противъ нихъ съ найбôльшимъ обуреньемъ и поднесли грозный протестъ противъ уніи. Епископъ Балабанъ, хотяй недавно подраженный Патріархомъ Цареградскимъ якосьна хвилю припустилъ до себе мысль о уніи, но теперь отверто и всенародно отрекся ей и публично оголосилъ, що ôнъ обманенъ Терлецкимъ и Поцѣемъ,

бо ôнъ на Соборѣ не пôдписовалъ нiякой декляраціи на унію а пôдписалъ лишь чистый паперъ, на которôмъ Поцѣй и Терлецкій мали списати тôлько жалобы русскихъ Владыкъ и русской Церкви и передати ихъ королю. Въ слѣдъ за тымъ откровеннымъ заявленіемъ Епископа Балабана поднесся великій ропотъ межи Русинами: князѣ, вельможи, мѣщане, весь народъ и братства церковныи не хотѣли ничого и слышати о уніи, а Терлецкого и Поцѣя называли „измѣнниками". На соймѣ въ Варшавѣ, що въ той самъ часъ ôтбывался, выступили рускіи депутаты рѣзко противъ уніи и требовали ôтъ короля, щобы низвергъ всѣхъ тыхъ Епископôвъ, которыи уніи суть приклонныи. Даже многіи изъ полякôвъ предвидячи, що зъ того выйдутъ забуренья и несчастья въ краю, радили на тôмъ же соймѣ щобы собѣ дати спокôй съ уніею, бо буде бѣда. А и ôтъ востока, изъ Украины, доносились грозныи вѣсти, що козаччина збройно готовится боронити православной вѣры и иде оружіемъ унію поборяти. Однакожь король Жигмонтъ, веденъ Езуитами на короткомъ мотузку, не бачилъ все тое, а взялся скоро ступати по той слизкой стежцѣ, на котору завели его учителѣ Езуиты; затѣмъ постановилъ ôнъ оголосити унію безпроволочно, и къ той цѣли уговорилъ Митрополита Рогозу, щобы той созвалъ ве-

ликій Соборъ духовный въ Берестѣ, где бы мала затвердитись тая унія.

Но и противники уніи ждали тôлько такого Собора, щобы на немъ рѣшительно и всею силою запротестовати противъ насилія, съ якимъ задумано накинути русскому народу унію. Именно князь Константинъ Острожскій станулъ на челѣ православныхъ, увѣдомилъ греческихъ Патріархôвъ о предстоящомъ Соборѣ и готовился явитись на немъ самъ со всѣми приклонниками та и доказати тутъ, що Русь цѣлкомъ не желае собѣ такой уніи, якую хотятъ накинути ей Поляки и Езуиты.

Соборъ въ Берестью 1596 г.

Надоспѣлъ въ конецъ день 6. Октября 1596 г., день назначеный на Соборъ. Въ Берестью нашумѣло ôтъ незвычайного стеченія множества мірскихъ и духовныхъ. Но заразъ зъ самого початку подѣлились собранныи на два таборы: уніятскій и православный. По сторонѣ уніятской станули Митрополитъ Рагоза, Епископы Терлецкій и Поцѣй, дальше Полоцкій Епископъ Ермогенъ, Пинскій Іоаннъ Гоголь и Холмскій Денисъ. Изъ знаменитыхъ мірскихъ Русинôвъ не было при нихъ майже никого, но за тое находились межи ними: посланникъ па-

пы римского, головный пособитель уніи, Езуитъ Петро Скарга, также польскіи послы короля Жигмонта и много ксендзôвъ и шляхты польской. Въ таборѣ же православныхъ явились два Владыки: Львовскій Балабанъ и Перемышльскій Копыстинскій, послы патріаршіи Грекъ Никифоръ и Кирилъ Люкарій, также великое число духовныхъ, а зъ мірскихъ людей князь Конст. Острожскій и съ нимъ много русскихъ вельможь, дворянъ, сенаторôвъ, ôтпоручники Братствъ церковныхъ и представителѣ всѣхъ сословій народа, живущого на Руси. Уніяты открыли Соборъ въ церкви св. Николая, а православныи, ôтдѣлившись ôтъ нихъ совершенно, мусѣли засѣсти въ приватномъ домѣ, бо Поцѣй, до которого власти належалъ городъ Берестъ, велѣлъ всѣ прочіи церкви позамыкати, щобы православныи не мали где собратися. Но тое не вредило дѣлу: православныи, пôдъ предсѣдательствомъ патріаршого посла Никифора, открыли свôй особный духовный Соборъ. Никифоръ возвалъ Митрополита Рагозу, щобы той явился на тôмъ ихъ Соборѣ, а коли Рагоза ôтповѣлъ, що ôнъ приступилъ уже до уніи, тогды Соборъ православный зложилъ его зъ архипастырского достоинства, а съ нимъ и всѣхъ другихъ Епископôвъ, що приступили до уніи. Тогды цѣлый православный Соборъ, духовныи и мірскіи

его участники, одноголосно ôткинули унію и въ имени цѣлой Малой Руси списали явный протестъ противъ введенія тои укіи, та и возвали короля, щобы на мѣстце низложеныхъ Епископôвъ ôнъ именовалъ другихъ самыхъ православныхъ.

Другій же Соборъ, состоящій зъ Поляковъ и уніятôвъ, що ôтбывался въ тую саму пору въ церкви св. Николая, поступилъ такъ само супротивъ Владыкъ православныхъ. Епископъ Ермогенъ прочиталъ тутъ зъ проповѣдницы грамоту уніи, т. е. грамоту принятія Русинôвъ до соединенія съ Римомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ зложилъ Соборъ зъ уряду Епископôвъ Перемышльского и Львовского, также всѣхъ духовныхъ, що были на православномъ Соборѣ. Ôттакъ оголошено актъ уніи по всѣхъ епархіяхъ и выслано посольство до короля, щобы той принялъ унію пôдъ свою опѣку. — Король, якъ то можна было зъ-горы сподѣватись, принялъ сторону уніятôвъ и выдалъ универзалъ, въ которомъ возвѣстилъ народу о довершеню уніи церковной, заборонилъ лучитися съ православными Епископами, а уніятскимъ Епископамъ велѣлъ ôтдавати послушаніе и тôлько ихъ уважати Архипастырями. Вразъ же велѣлъ король увязнити посланника патріаршого Никифора и поставити его передъ судъ, хотя на тое яко міряининъ цѣлкомъ не малъ

права. Князь Острожскій взялъ въ оборову Святителя Никифора и сказалъ тогды до короля тіи памятныи слова: „Ваша Милость! нарушаете наши права, топчете ногами нашу волю, дѣлаете насиліе совѣсти нашой. Яко сенаторъ, я не тôлько самъ дознаю зневаги, но вижу, що все тое ваше дѣйствіе веде до погубы польского королевства. Пôсля того, що дѣется, никто не есть безпечный свого права и своей волѣ. Предки наши, присягаючи на вѣрность своему владѣтелеви, принимали и ôтъ него присягу, що ôнъ буде наглядати, дабы дѣялась справедливость на безпеченство каждого. Межи ними была обопôльная присяга. Отямтесь, Ваша Королевска Милость! Я уже въ глубокой старости и скоро надѣюсь оставити сей міръ, а вы зневажаете мене, ôтнимаете ôтъ мене тое, що для мене найдорожше, т. е. православную вѣру! Отямтесь, Ваша Милость! Поручаю Вамъ того духовного Достойника (Никифора); Богъ буде на Васъ пошуковати крови его. а менѣ дай Боже не видѣти бôльше такого нарушенья права, но противно, нехай Богъ позволитъ менѣ на старость почути о лучшой охоронѣ такъ державы, якъ и нашихъ правъ." Такую то жалостную рѣчь сказалъ князь Остожскій въ Сенатѣ до короля. — Король былъ тронутый и рѣшился пустити на свободу Никифора, но послѣ таки выслано его на заточенье въ крѣ-

пость Магдебургъ, где ôнъ во вязници и умеръ.

Такъ отже по Соборѣ Берестейскомъ и по оголошенью уніи надѣялось, що соединеніе Церкви восточной съ западною стало уже дѣломъ довершенымъ, залагодженымъ. На дѣлѣ однакъ далеко еще было до того, а то по причинѣ, що унія была вправдѣ оголошена для Русинôвъ, но не принята ними, и дуже а дуже тяжко и поволи поступала она на-передъ. Споглядаючи днесь на тое важное дѣло уніи, мы должны признати, що инакше оно и не могло быти, бо при тогдашнихъ обстоятельствахъ и при способахъ, якихъ уживано при заведенью уніи на Руси, стала тая унія для Русинôвъ чѣмъ-то нелюбымъ и противнымъ. Мы увѣрены, що еслибы приступлено было до дѣла того мирно, въ дусѣ христіянской любви и вырозумѣлости на народныи и духовныи права и обычаи народа нашого, то унія легко была бы сама прійшла и не нужно бы было такихъ обманôвъ, такого насилія, обôйшло бы ся было безъ того ужасного проливу братной крови, яка потомъ изъ-за той уніи лилась. Тымъ часомъ поведено дѣло на-силу противъ волѣ народа. Нагло розбито народъ на два таборы: уніятôвъ и неуніятôвъ, а настроено ихъ такъ враждебно противъ себе, що съ заскалеными зубами кидались одни на другихъ: одни, т. е. уніяты, оду-

шевленыи свѣжо принятымъ духомъ католицизма, другіи же, т. е. православныи, въ отчаяніи обороняющіи вѣру своихъ дѣдовъ передъ тяжкимъ насиліемъ. Зъ того часу зачался на Руси страшенный роздоръ, а роздвоенье въ вѣрѣ выродило середъ Русинôвъ самыхъ вражду неукротимую, якой не бывало тутъ еще ни слѣду николи передъ тѣмъ. Пôдъ охороною и опѣкою короля уніятскіи Владыки начали вводити унію въ своихъ епархіяхъ, а то къ сожалѣнью, навѣтъ съ помочію войска, меча и вязницѣ. Народъ и духовенство опирались завзято тому насилію; по селамъ и городамъ пôднимались бунты, но тіи усмирены были войсками. Такими способами, пôдъ окомъ властей и короля, присвоювали собѣ уніяты значнѣйшіи монастыри и церкви та и всѣ имѣнія ихъ, а другіи церкви православныхъ розоряли или запечатовали; священство православное было погорджоване и безпощáдно переслѣдоване; православнымъ Епископамъ было запрещено творити ихъ духовныи службы, черезъ що принужденъ былъ народъ спроваджовати тайно Епископовъ и Священникôвъ зъ Молдавіи, Волощины, та и зъ Великой Руси. Що же найтяжше оскорбляло и найболестнѣйше дотыкало народъ, то было соромное пониженье самой Церкви. Паны польскіи звыкли были выпускати свои добра жидамъ въ аренду, а жиды

корыстаючи зъ пониженья Церкви, оставленой безъ защиты, брали такожъ церкви православныхъ въ аренды и накладали податки за крещеніе, вѣнчаніе, похороны и за всякое церковное дѣйствіе. Уродилось у человѣка дитя, или вѣнчалъ ôнъ дѣтей своихъ, то не ишолъ просто до священника, а мусѣлъ напередъ поклонитись жидови, щобы той позволилъ отворити церковь, щобы выдалъ ключи до ней а мотузы до звонôвъ. Не диво отже, що такое поступованье не розполагало народа до уніи, а противно, допѣкало его до-жива, ажь въ-конецъ выводило изъ терпѣливости.

Ôтъ часу Собора въ Берестью ажь до часôвъ Гетмана Хмельницкого ужаляеся безъустанно народъ русскій передъ королемъ и соймомъ и домагаеся, щобы тую вражду за религію постаранось якось усмирити. Князь Константинъ Острожскій и русскіи депутаты представляютъ яскраво гоненія за вѣру и ôткликуются на конституціи и привилеи, якими Русинамъ ихъ вѣру забезпечивано давнѣйше. Депутатъ Волынскій Древницкій ôтзывался въ присутствіи короля на соймѣ вотъ якъ: „Въ Могилевѣ, Орши и Пинску церкви попечатано; священникôвъ розогнано, Лѣщинскій монастырь перемѣнено въ шинокъ, вслѣдствіе чого дѣти умираютъ безъ крещенія, тѣла умершихъ вывозятъ яко стерво безъ церков-

ного благостовенія, народъ жіе въ роспустѣ невѣнчаный и умирае безъ святыхъ Тайнъ. Що же во Львовѣ дѣется? Кто греческого закона уніи неприклонный, той не може жити въ мѣстѣ, не може заниматись торговлею и въ ремесленныи цехи принятымъ быти не може. Въ Вильнѣ же чи то не вопіющое притѣсненіе? Чи чувано то где до теперь? Мертвое тѣло неуниты, коли хотятъ провадити за городъ, то тіи ворота, которыми всѣ ходятъ и ѣздятъ, навѣтъ Жиды и Турки, запираютъ такъ, що православныи принуждены выносити свого мертвеца туда, куда тôлько грязь и нечистота городская вывозится. Монахôвъ, неприклонныхъ уніи ловятъ, бьютъ и въ кайданы закowуютъ. Въ чины горожанскіи людей достойныхъ и ученыхъ не принимаютъ за то, що не соединены съ унію. Коротко сказати: великіи и неслыханыи притѣсненія русскій нашъ народъ такъ въ Коронѣ, якъ и въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ переноситъ. Ôтъ двадцятъ лѣтъ на каждомъ соймѣ гôрькими слезами молимъ, но и упросити не можемъ, дабы мы при нашихъ правахъ и вольностяхъ сохранены остали, дабы братія наша такихъ несправедливостей не перетерпѣвала."

Изъ тѣхъ слôвъ бесѣды депутата Древницкого можемъ представити собѣ, що дѣялось на Руси по оголошеню церковной уніи. Вмѣсто того, щобы мало

прійти соединеніе, насталъ крайній роздоръ, лютая ненависть! Якъ отже показалось, зачинщики уніи, Поляки и Езуиты, придумали ю не для цѣлей религійныхъ, но для цѣлей политичныхъ; унія мала статись тôлько способомъ, щобы знищити въ народѣ признаки православной вѣры и русской народности. А крайне роздражняющіи и оскорбляющіи средства, якихъ уживано до заведенія уніи, вмѣсто соединити народы тѣсными узами христіянской любви, вооружили ихъ противъ себе непріязнымъ оружіемъ и поджегли до кровавой борьбы, где уже ишло на житье или смерть. А що еще и найсумнѣйше было въ тыхъ борьбахъ, що православныи Русины, огорченныи якъ найбôльше противъ тыхъ своихъ-же братей Русинôвъ, которыи унію приняли, зненавидѣли ихъ еще гôрше, чѣмъ навѣтъ тыхъ не-Русинôвъ, що первыи унію выдумали и вводили, называли ихъ гнѣвно „перекинчиками" и въ часѣ народныхъ борьбъ грозно надъ ними за отступство ихъ ôтъ давнои русскои вѣры мстились. Такъ то настала зъ тои уніи уже межиусобиця не часткова, удѣльна, яка бывала за часôвъ русскихъ князей, а межиусобиця загальна, всенародна.

А що тая унія недолюблювана была навѣть самыми тыми, которыи ю приняли, служило доказомъ тое, що многіи изъ тыхъ уніятôвъ, особливо русскіи дворяне.

а за ними еще бôльше богатыи мѣщане, уже за тыхъ часôвъ, коли унія тôлько що настала, цѣлыми родинами переходили на латинство, а яко латинники уже и ставалися на-скрôзь Поляками. По тôй то причинѣ тогдашніи Русины, такъ православныи, якъ и самыи уніяты, уважали и называли тую церковную унію ôтъ самого еи начала „мостомъ для переходу на латинство,“ якимъ она въ самомъ дѣлѣ для Русинôвъ пôдъ Польщею за всѣ часы таки и была.

Первыи возстанья козацкіи.

Косинскій — Лобода — Наливайко.

Въ сей часъ по оголошенью Берестейской уніи занялся на Руси живый огонь, который зъ початку частными повстаньями, а незадолго настоящою загальною вôйною пôднялъ цѣлую Русь противъ Польщи. Такъ и незадолго имѣла слѣдовати ôтплата Польщѣ за всѣ кривды, притѣсненія и обиды, нанесенныи русскому народу и Церкви русской. Самы же то Поляки выковали собѣ той грозный мечь, который послѣ разилъ ихъ такъ безпощадно, самы то они, черезъ свою несправедливость и нетерпимость взглядомъ національныхъ и религійныхъ чувствъ побратимчого народа, кидались на-ослѣпъ на той мечь и не хотѣли да-

же видѣти, що тутъ ихъ первыхъ выжидае неминуема бѣда, и надближается мало-помалу погибель для ихъ державы.

Мы видѣли, що еще король Баторій, человѣкъ великого розума, познавъ хорошо, чѣмъ есть козацтво, яка неоцѣненна корысть може быти изъ козацкого войска, и що при добре устроенномъ козацтвѣ може держава польска съ русскими землями спокôйно розвиватись и высоко поднятись. Польща бо была тогды майже безъ войска; шляхта обовязана полнити военную службу, чѣмъ-разъ бôльше освобожалась ôтъ той повинности и не дозволяла, дабы не-шляхтичъ носилъ оружіе. Для того то и старался сей мудрый король Стефанъ Баторій устроити козацкіи войска и зъединити ихъ для себе, надаючи имъ належныи права и свободы. Нужно было тôлько замыслы Баторія дальше вести благорозумно. Но межи тѣмъ встрѣтили добрыи замысли его опôръ у гордой и самовольной шляхты польской, бо тая уже въ початкахъ не допускала козакôвъ до ихъ правъ, не хотѣла ихъ зрôвнати съ собою, не допускала козацкихъ депутатôвъ до сойму, заперечила имъ право голосу при выборѣ короля, называючи ихъ просто нанятымъ войскомъ, хлопами, которыи слѣпо повиноватись и ступати мусять по розказу пана. До того заразъ наслѣдникъ Баторія, король Жигмонтъ, выдалъ

строгій наказъ, щобы: 1) всего козацтва было тôлько 4000 мужа, и що имъ самымъ не свободно выбирати собѣ ни Гетмана, ни старшинъ; 2) Гетмана назначити мае ôтъ теперь самъ король, а Гетманъ тои буде уже самъ по своему розумѣнью и волѣ своей назначати старшинъ; 3) всѣмъ дѣдичамъ на Волыню, Подôлью и Украинѣ приказуется якъ найсторожше, щобы своихъ пôдданыхъ, русскихъ хлопôвъ, въ Сѣчь не пускали, а если который хлопъ отважится тое здѣлати, то такого належитъ смертію карати; 4) никто въ земляхъ русскихъ не смѣе пôдъ карою смерти продавати козакамъ порохъ, сѣрку, оружіе, а даже хлѣбъ и сôль. Такій наказъ короля конечно нелюбо настроилъ козакôвъ для Польщи. Козаки реестровыи дуже уразились тымъ и опасались що съ ними станется то само, що съ нереестровыми, которыхъ право польское зрôвнало съ хлопами, та що Поляки теперь ôтберутъ имъ найдорожше ихъ сокровище — ихъ свободу. Тому то стали реестровыи козаки лучитись съ нереестровыми, которыи зъ своей стороны не хотѣли пôддатись своеволѣ польского панства, а хотѣли быти якъ другіи свободными козаками.

Всѣ же козаки, хочь-бы и разомъ, не чуючи въ собѣ досыть силы, щобы звоювати Польщу, лучились теперь съ „хлопами,“ т. е. съ подданымъ панщизнян-

нымъ народомъ, щобы ôттакъ разомъ съ ними боронити вспôльного всенародного дѣла. Народъ бо той панщизнякъ переживалъ теперь невысказанно гôрькіи годины. Одинъ писатель зъ тыхъ часôвъ говоритъ, що „простый народъ въ Польщи терпитъ муки яко-бы въ пеклѣ, а паны про тое роскошуютъ мовь въ раю.“ Польскіи паны придавили жизнь селянина такимъ бременемъ панщины, що, якъ оповѣдаютъ тогдашніи лѣтописи, „навѣть въ турецкой неволи не згнущались такъ надъ человѣкомъ, якъ въ Польщи.“ Народъ терпѣлъ и терпитъ, ажь въ-конецъ пукла струна терпѣливости; хлопство въ отчаянью утѣкало въ козаки и хватало за оружіе, щобы скинути зъ себе панскую неволю и добыти свободы. Коли-жь еще прійшла унія и настали всѣ насильственныи способы для введенія ей, тогды роздраженье дойшло до крайности. Що могло, оставляло рôдныи хаты и глядало пристанища и охороны въ рядахъ козацтва, куда заносилась и ненависть до всего панского, до всего польского, ненависть до латинской вѣры, а еще гôрша до уніи, придуманной и накиненой Русинамъ Польщею. Такимъ способомъ козацтво, само уже зъобидженное, сполучене теперь съ народомъ, ставалось зъ тои поры великою силою, а его численно умноженныи полки явились борцями за православную вѣру, за русскую народность.

По Гетманѣ Скалозубѣ, который найшолъ мученическую смерть въ турецкой неволи, поставили собѣ козаки Гетманомъ Христофора Косинского, который хотя шляхтичъ по роду изъ Подлѣсья, но тымъ сподобался козацтву, що ôтъ души ненавидѣлъ Езуитôвъ и гордую шляхту польску. Коли розôйшлась вѣсть о указѣ короля Жигмонта противъ свободъ козацкихъ, тогды поклялся Косинскій, що ôтомститъ Полякамъ за тую ихъ несправедливость и присталъ до козакôвъ.

Въ р. 1591 двигнулся Косинскій въ походъ на Польщу, постановивши зломити на Руси самовольное владѣніе шляхты и освободити народъ ôтъ тяжелого его ярма. Повстанье принимало съ каждымъ днемъ що-разъ бôльшіи розмѣры, бо до Косинского прилучались громады недовольныхъ. Въ р. 1593 Косинскій вторгнулъ въ Волынское воеводство и началъ дѣло тѣмъ, що принялся опустошати имѣнія князя Острожского, воеводы тыхъ земель, а при томъ первого поборника за православіе. Той первый выступъ Косинского былъ нерозважно здѣланый; бо хотя князь Острожскій первый пôдписалъ ненавистную унію Любельску, то таки былъ ôнъ найлучшимъ другомъ русского народа и опѣкуномъ русской Церкви, а нападати на его хату съ оружіемъ, было дѣломъ дуже нерозважно на-

чатымъ. Косинскій укрѣпился съ табо-
ромъ пôдъ Тернополемъ; сюда надôйшолъ
въкоротцѣ съ свѣжнми силами въ 6000
мужа атаманъ Иванъ Лобода. Зъ дру-
гой стороны выслано Острожскому зъ
Польщи великую помочь и поручено ему
усмирити повстанье. Пôдъ городкомъ
Пяткою завязалась битва. Косинскому не
посчастилось. Козаки, якъ то ни хоробро
они боролись, но были побѣждены, самъ
Косинскій полягъ въ битвѣ, а решта ко-
зацтва съ Атаманомъ Лободою вернула
со смуткомъ въ свою Сѣчь.

Такъ не удалось тое первое народное
возстанье русскихъ козакôвъ, но оно
здѣлало переломъ въ дальшой судьбѣ
народа, оно осмѣлило народъ до дальшихъ
подвигôвъ, до смѣлой обороны своихъ
правъ.

Усмиривши возстаніе Косинского, на-
чала польская шляхта еще гôрше збыт-
коватись надъ народомъ, приняла самыи
острѣйшіи мѣры, щобы на всегда обез-
силити козацтво. Но даремны были уже
заходы Польщи. Разъ вспыхнувшій огонь
тôлько притушенъ былъ на хвилю, що-бы
при даной случайности тѣмъ сильнѣйше
выбухнути.

Случайность така скоро надалась.
Прійшла унія Берестейская. Въ сей-часъ
по ней поднялось межи народомъ дви-
женье, а то тѣмъ опастнѣйше, що при-
няло характеръ религійный. Около князя

Острожского, яко головы православныхъ и завзятыхъ противникôвъ уніи, затѣмъ теперь ворота Польщи, собиралися всѣ покривдженыи, чи то въ національныхъ чувствахъ, чи въ религiйныхъ. На челѣ народного движенія станулъ Гетманъ Павло Наливайко. Видѣлъ сей мужъ, що не часъ уже Руси писати на паперѣ жалобы и протесты, бо тіи на нищо не придаются, а що затѣмъ приходится конечно цѣлой Руси подняти протестъ съ мечемъ въ руцѣ. Тожь въ тую саму пору, коли въ Берестю изготовлено унію, собралъ Наливайко около 20.000 козацтва на Волыню, порозганялъ польскіи залоги, выдалъ наказъ до всѣхъ жителей наднѣпрянскихъ земель: щобы никто не важился приставати на унію, щобы народъ не признавалъ своими Владыками инныхъ, тôлько Епископôвъ Перемышльского, Львôвского и Могилевского, которыи вѣрными остали православію. Съ тѣмъ выповѣлъ ôнъ Польщи настоящую вôйну.

О тôмъ же часѣ зачался и на Украинѣ военный здвигъ съ новою силою. Не-реестровыи козаки собрались въ великомъ числѣ пôдъ начальствомъ Лободы, и спѣшили соединитися съ Наливайкомъ. Король Жигмонтъ, дознавшись о здвигахъ козацкихъ, выдалъ розказъ своему Гетману коронному Жолковскому, который власне тогды былъ въ походѣ на Молдавію, щобы той со всею своею

силою чѣмъ скорше завернулъ надъ Днѣперъ и розбилъ збунтованое козацтво. Межи тѣмъ Наливайко былъ уже въ розгарѣ дѣла: нападалъ на имѣнія Епископôвъ и магнатôвъ, приклонныхъ уніи, занялъ городы Луцкъ, Могилевъ и Слуцкъ, та и дѣлалъ страшныи опустошенья.

Въ осени р. 1569 вступили польскіи войска на Украину, но осторожный Наливайко не взялся сей-часъ въ отвертую вôйну, тôлько при малыхъ перепалкахъ уступалъ въ глубину къ рѣцѣ Днѣпру до головной своей силы. Ажъ коло города Чигирина надъ рѣкою Тясминомъ розставился Наливайко укрѣпленнымъ таборомъ, роздѣлилъ свои силы на три отряды и выжидалъ пана Жолкевского. На окопахъ козацкого табора выставлены были три бѣлыи хоругви съ золочеными крестами и съ надписію: „Миръ Христіянамъ, а на зачинщикôвъ вражды Богъ и Его крестъ.“ Дались въ конецъ видѣти и польскіи хоругви. Передъ лицемъ козацтва Поляки выставили три шибеницѣ съ надписію: „кара бунтовцямъ,“ а на двохъ изъ нихъ повѣсили тѣла убитыхъ старшихъ козацкихъ. Войска приближились на малое отстоянье, станули на хвилю спокойно — и на разъ окрикомъ военнымъ кинулись одни на другихъ. Страшная пальба изъ пушокъ и рушницъ покрыла въ одной хвилѣ цѣлое боевище густымъ дымомъ. Въ одномъ мгновеніи

вырвался Наливайко изъ засады и съ найлучшими своими полками врѣзался въ ядро, въ самое сердце польской арміи. Въ тойже самъ часъ другіи два козацкіи отряды съ Лободою и Оваромъ на челѣ напали на непріятеля зъ боковъ и взяли его въ два огнѣ. Пôдъ такъ наглымъ нападомъ подались польскіи войска въ задъ и попали въ ужасный безпорядокъ. Теперь закипѣла страшная борьба и продолжалась 7 годинъ. Козаки и селяне-охотники справили польскимъ полкамъ такую рѣзню, що ледви самъ Жолкевскій съ малою горсткою спасся бѣгствомъ. На своихъ карбахъ накарбовали козаки 17.000 убитыхъ Поляковъ; своихъ же упало до 5000 мужа. Такъ закончилась Чигиринская битва совершеннымъ пораженьемъ Поляковъ. До днесь прославляе русскій народъ на Украинѣ битву тую и Наливайка въ своей прекрасной думѣ, въ которой спѣваеся, що самъ Богъ послалъ Наливайцѣ такую побѣду за тое, що ôнъ пославилъ во имя Господа знамена съ крестами.

Чигиринская битва повліяла пôдъохотно на весь русскій народъ, додала всѣмъ бодрости и надѣи на личную будучнôсть. Поляки же испугались, розтерялись и толпами выселялись зъ Волыня и Подôлья.

Въ сей-часъ по Чигиринской битвѣ принялся Наливайко за дальшую роботу. Выславши Лободу въ доокрестныи

стороны, Наливайко самъ пустылся на Волынь въ погоню за Жолкевскимъ, громилъ по пути польскіи отряды, спалилъ занятыи ними городы Могилевъ и Слуцкъ, а соединившись потомъ зновь съ Лободою, стануло надъ рѣкою Случею. Межи тѣмъ Поляки собрали новое великанское войско и мановцями пôспѣшнымъ походомъ добирались такожъ до рѣки Случи щобы ôтомстити козакамъ за Чигиринъ. Походъ ихъ былъ наглый; еще не успѣли козаки укрѣпити свôй таборъ пôдъ Лубномъ, якъ уже далась чути перепалка ôтъ стороны польской. Нечаянно заскоченыи козаки узрѣли со смуткомъ, що изъ всѣхъ сторонъ окружили ихъ польскіи войска. Видѣли теперь козаки неминимую свою погибель, но пôддатись ани мыслячи, съ отчайдушіемъ кинулись на перебой, щобы лучше уже умерти, якъ живцемъ достатись Полякамъ въ руки. Началась зажертая борьба; въ которой, самопонятно, польскіи войска перевагою своею взяли верхъ. Тогды Жолкевскій выслалъ своихъ ôтпоручниковъ до Наливайка съ тѣмъ заявленіемъ, що если козаки уступятъ за Днѣперъ въ свою Сѣчь, то король заключитъ съ ними миръ и не буде ихъ безпокоити, а до улаженья того мира най самъ Наливайко съ старшинами козацкими ѣдутъ до Варшавы до короля. Щожъ было дѣяти; другого выходу для козазôвъ не было,

тôлько или всѣмъ погибати, или приняти условія мира. Затѣмъ Наливайко съ старшинами отправился въ таборъ Жолкевского, но тутъ схвачено ихъ всѣхъ нечайно сковано тяжкими кайданами и ôтослано якъ плѣнникôвъ въ Варшаву.

Въ Варшавѣ кинено Наливайка и его товаришей въ темную тюрьму, катовано ихъ тамъ три дни и три ночи, а четвертого дня выведено на площадь и тутъ спечено на смерть въ розжареномъ мѣдяномъ быку. Казнь тая нелюдская совершилась лѣтомъ въ р. 1597.

Такій лихій конецъ того другого народного возстанія малъ для Руси самыи сумныи послѣдствія. Полки козацкіи позбавленыи Гетмана, одни вернули за Днѣперъ, въ свою Сѣчь, а другіи кинулись громадами по всѣхъ окрестностяхъ, розбиваючи, рабуючи, що попало пôдъ руки. Межи тѣмъ Поляки стали лютыми казнями казнити русскихъ людей по всему краю за повстанье Наливайка. Щобы имѣти понятіе о тôмъ якая недоля спала тогды на русскій народъ, достаточно буде навести ту кôлька уступôвъ изъ современной лѣтописи, которая такъ бѣдствія тіи описуе: „По истребленіи Гетмана Наливайка вельможи польскіи на соймѣ въ Варшавѣ провозгласили народъ русскій ôтступнымъ, вѣроломнымъ, бунтующимъ, осудженымъ на рабство и преслѣдованье. Слѣдствіемъ того приговора

было тое, що дворянъ и вельможъ русскихъ выключено на всегда ôтъ выборôвъ, ôтъ военныхъ урядôвъ и судебныхъ мѣстъ, а названо ихъ хлопами. Отъ всѣхъ высшихъ русскихъ урядникôвъ, якіи были еще зъ русского роду, ôтобрано староства, села и другіи доходы, а на ихъ мѣстце поставлено Поляковъ. Въ городахъ русскихъ укрѣплено польскіи залоги и самымъ воинамъ польскимъ надано полную власть надъ селянами и мѣщанами. А що тôлько може вымыслити своволя и нелюдскость, все тое дѣлали тіи воины надъ народомъ. Грабежи, насилованья, побои, убійства превзойшли всякую міру. Людямъ русскимъ запрещено было собиратись на якіи-нибудь и найневиннѣйшіи собранія, а где зôйшлись до-купы кôлька Русинôвъ, чи то для [illegible]овы, чи для розрывки, то польскіи па[illegible] р[illegible]яли ихъ палками. Церкви насилиемъ обращены были на унію. Польскихъ [illegible], которыи съ тріумфомъ ѣздили по краю для пôдсмотру и понужденія къ уніи, мусѣли возити наши люде по-неволи отъ церкви до церкви. Церкви за нехотѣнія приступити до уніи, отдавано жидамъ въ аренду. Видячи такое [illegible] православія, решта дворянъ русскихъ и вельможъ поневоли и зъ отчаянія переходили не на унію, а прямо на вѣру латинскую.“

Такое то лихо дѣялось у нась по страдальческой кончинѣ Наливайка. Но народъ, разъ розъяреный до крайности, не погибъ пôдъ тымъ безправьемъ, не упалъ духомъ, а противно возросталъ що-разъ бôльше въ великана и сталъ дальше тѣмъ рѣзче самъ за себе дѣйствовати.

Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

(1660—1622. г.)

По усмиренію повстанья Наливайка здавалось що уже окончательно запанують на цѣлой Руси польско-шляхетскіи порядки. Однакъ не сталось такъ. Теперь поднялась новая сила на помôчь народу, а силою тою было — Запорожье. Правительство польское, по смерти короля Баторія, старалось всѣми силами не допускати Запорожцêвъ, однакожъ даремны всякіи грозьбы. Напротивъ того, чѣмъ бôльше давили народъ польскіи порядки, тѣмъ бôльше множилось число тыхъ бѣглецêвъ, що глядали свободы своей за Днѣпровыми порогами. Коли же повстанье Наливайка на ничêмъ скончилось, запогнали козаки цѣлыми хмарами на Запорожье и ôттуда стали гуляти по Чорному морѣ, та турецкіи земли нападати. Запорожье добыло собѣ теперь найбôльшой славы, стало головнымъ опоромъ для народа Руси и оно обняло уже не

тôлько саму Сѣчь за порогами Днѣпра, но весь малорусскій народъ, неприхильный Польщѣ ставалъ теперь пôдъ однимъ знаменемъ, около которого совокуплялись всѣ народныи силы.

Въ самой же Руси, въ кôлька лѣтъ по Наливайцѣ, настала великая перемѣна. Поляки запутались въ вôйну съ Великою Русію, — бачь, захотѣлось имъ завоевати и Царство Велико-русское, но вскорѣ же познали, що сами они таки не годны противустати великанскимъ силамъ Великои Руси, а що треба было имъ конечно подняти и Малую Русь и все козацтво еи на Москву. Щобы затѣмъ якось зацыткати Русинôвъ и позыскати ихъ для своихъ цѣлей, взялись они на такій спосôбъ що стали сами притушовати той огонь розъединенія, якій за-черезъ Берестейскую унію кинули въ рускіи землѣ. На разѣ отже притихли гоненія за вѣру православну, прекратились кривды и насилія и якось-то усмирились взволнованыи умы. До усмиренія умôвъ причинилось немало и тое, що о томъ же часѣ поумерали зъ одной стороны Рагоза, Терлецкій и Поцѣй, головныи поборники уніи, а зъ другой стороны упокоились такожъ и ревныи борцѣ за православіе, яки Епископъ Балабанъ, и князь Константинъ Острожскій, а по ихъ смерти якось умолкли суперечки и роздоры религійныи, а завладѣлъ яко-тако миръ.

Полякамъ же головно розходилось о козацкое войско; тыхъ бо людей треба было конечно для Польщи зъеднати. Въ той цѣли выѣхалъ Жолкевскій на Украину, оголосилъ „загальное прощеніе“ за бунты, началъ списовати до реестру тыхъ, которыи зъобовязуются служити польскому королю. Тыхъ козакôвъ реестровыхъ набралось до 4000; Жолкевскій обѣцялъ имъ платити ôтъ короля по червонцеви рôчно на одного и по кожуху, а кромѣ того дозволилъ имъ выбрати собѣ зъпомежи себе начальника, который однакъ ôтъ теперь малъ называтись не Гетманомъ, а тôлько Атаманомъ. Кромѣ тыхъ реестровыхъ найшлись еще и другіи козацкіи шайки гайдукôвъ-грабежникôвъ, которыи съ своими ватажками такожъ принялись служити Польщѣ и разомъ съ реестровыми пôдъ именемъ „войска козацкого“ пôйшли въ польску выслугу поборювати Москву.

Но не въ тыхъ людяхъ былъ корень и цвѣтъ козацтва. Корень и цвѣтъ козацтва лежалъ въ Запорожью. Тамъ на Сѣчи за Днѣпромъ собралось до 15.000 самыхъ удалыхъ молодцêвъ, которыи не знали надъ собою ніякой власти, а яко дѣти вольной землѣ мовь тѣ вольныи птицѣ гуляли по степамъ и по морю и славными своими нападами розносили свою славу по цѣлой Руси. Гетманомъ же у нихъ былъ умный козакъ-запека,

той, що о немъ голоситъ народная пѣсня: „що промѣнялъ жѣнку за тютюнъ и люльку", козакъ хоробрый и великій умомъ и сердцемъ, Петро Конашевичъ-Сагайдачный. Сей человѣкъ выбраный въ р. 1606 на Гетмана, ніякъ не бралъ собѣ до сердця, що король и шляхта не хотѣли признати его Гетманомъ, но яко мужъ твердой волѣ, собралъ своихъ Запорожцѣвъ на раду и потолковалъ съ ними, що годѣ-жъ рыцарству християнскому такъ безчинно сидѣти и що вѣдь якъ рыбѣ безъ воды, такъ и Запорожцямъ безъ войны не ма житья. Коли же Польща примирѣла и уже не тыкала Руси, то треба идти воювати бисурманскихъ поганъ, Татаръ и Турковъ. Такая стала рада на Запорожью, такъ порѣшили рыцарѣ козацкіи, та и въ сей-часъ взялися до дѣла. Черезъ цѣлыхъ 12 лѣтъ гулялъ Сагайдачный съ удатыми Запорожцями то по Чорному морю, то по Крымѣ, розорялъ прибережныи пристани и крѣпости, набиралъ полону и добычи безъ числамѣры, допѣкъ и султану турецкому и ханови татарскому до крови и кости, та добылъ собѣ и рыцарству своему такого розголосу, такой славы, якой не достигъ до тѣхъ поръ ніякій другій Гетманъ козацкій.

Въ самъ той часъ найшлась Польща въ дуже великôмъ клопотѣ. Война Жиг-

монта съ Москвою въ часѣ Самозванцêвъ скончилась для Польщи безъ наймень-

Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный.

шого успѣха. Теперь сидѣлъ уже на велико-русскомъ престолѣ Царь Михаилъ Өеодоровичъ, но Полякôвъ не оста-

вила охота дальше воювати Москву и для свого королевича Владислава добывати Московского престола. Пôдъ начальствомъ самого Владислава и гетмана коронного Ходкевича пустились они въ Великорусскіи землѣ, та бѣдолахи скоренько переконались, що не въ свое вдались дѣло; узрѣли они, що тутъ хиба настоящая погибель имъ готовится. До того же угрожали еще Польщѣ два сусѣды: султанъ турецкій за напады козацкіи, и король шведскій за при-балтійскіи области, до которыхъ ôнъ собѣ найшолъ право. Въ тыхъ отже клопотахъ не видѣлъ король Жигмонтъ инного ратунку, якъ удатись о помочь до козакôвъ Запорожцêвъ. А войско тое Запорожское мимо неустанныхъ военъ съ каждымъ днемъ взростало; до него горнулись и всѣ реестровыи козаки, що ходили уже Польщѣ на выслугу, та теперь, коли слава Запорожья выросла до неслыханной высоты, пôддались они пôдъ Сагайдачного. Сагайдачный, маючи теперь до роспорядимости около 30.000 людей, чувствовалъ свою силу и назвалъ себе Гетманомъ обохъ сторонъ Днѣпра и всего войска Запорожского. — До тыхъ то козакôвъ, которыхъ Жигмонтъ недавно еще преслѣдовалъ, до тыхъ людей, которыхъ ôнъ выгналъ изъ родины, до тыхъ „бунтовщикôвъ и измѣн-

никôвъ", удался теперь Жигмонтъ, присмирѣвши, о помочь. Присталъ ôнъ уже на всѣ ихъ условія и признавъ Сагайдачного законнымъ Гетманомъ, та посылалъ для Гетмана и для козацтва много золота и розличныхъ подаркôвъ, называлъ Сагайдачного своимъ найлучшимъ другомъ, щобы тôлько той-же выручилъ его въ клопотѣ, щобы подалъ помочь противъ Москвы. Сагайдачный понялъ въ сей-часъ, для чого Поляки стали нагло такъ смирны и уступчивы, но видѣлъ также, що козацтво може выкорыстати для себе положенье Польщи и здѣлалъ угоду. — Съ 20.000 козацкого войска двигнулся ôнъ на Москву, а выратовавши королевича Владислава зъ бѣды, повернулъ въ Украину.

Яко независимый управитель, началъ теперь Сагайдачный вводити порядки, пôдносилъ козаччину и старался повернути всѣ права, якіи ей самоволею ôтобрано. Но не тôлько на саму козаччину смотрѣлъ Сагайдачный печаливымъ окомъ; ôнъ промышлялъ и о потребахъ цѣлого русского народа, и бралъ въ свою оборону найважднѣйшую справу, то есть справу религійную. До своей смерти промышлялъ ôнъ о пôднесенью упадающой пôдъ притѣсненіями православной церкви и неусыпно старался о знесенье уніи. Въ р. 1620 пріѣхалъ въ Великую Русь Патріархъ Ерусалимскій Өеофанъ,

высланый туда головою православной Церкви, Патріархомъ Цареградскимъ, и посвятилъ въ Москвѣ Митрополита Филарета на Патріарха Вел. Руси. Тогды запросилъ Сагайдачный Патріарха Ѳеофана также до Кіева и упросилъ его, що той поставилъ Іова Борецкого, мужа благочестивого, Митрополитомъ Малой Руси, и посвятилъ еще шестёхъ православныхъ Епископôвъ на мѣстце тыхъ, що до уніи были перейшли. Такимъ способомъ сталось, що на Руси въ каждой епархіи было по двохъ Епископôвъ: одинъ уніятскій, другій православный. Той смѣлый поступокъ Сагайдачного, розумѣеся, не сподобался польскому королеви, значило бо то, Сагайдачный вмѣшался въ королевскіи права. Тожь на жалобы уніятскихъ Епископôвъ оголосилъ король всѣхъ що-ино посвященыхъ Епископôвъ „самозванцями" и велѣлъ ихъ прогоняти. Но не такъ то легка была справа; была то справа съ Сагайдачнымъ, а той станулъ крѣпко въ оборонѣ Владыкъ православныхъ, такъ що король мимо волѣ мусѣлъ пристати на все, бо нагло показалось, що ôнъ знову буде потребовати помочи козацкой. Въ той бо самъ часъ рознеслась грозная вѣсть, що султанъ турецкій иде вôйною на Польщу зъ 300.000 войска. Противъ Туркôвъ выслали Поляки гет. Жолкевского. Запорожцêвъ зъ-разу не

прошено о помочь, тôлько реестровыхъ, бо якъ ходила чутка, малъ сказати гордый Жолкевскій: „що вразъ съ Грицями не хоче воювати, нехай пасутъ свинѣ“... Однакъ въ сей-часъ показалось, що значитъ Польща безъ козацтва. Пôдъ Цецорою надъ Прутомъ зôйшлись Поляки съ Турками и робиты были на-прахъ; самъ Жолкевскій наложилъ головою на боевищи, а другій Гетманъ Конецпольскій достался до неволѣ, и тысячи польского войска пало трупомъ. Въ той несчастной битвѣ упало и не мало реестровыхъ козакôвъ, межи ними дѣльный полковникъ Михаилъ Хмельницкій, а сынъ его Богданъ, которого назначило Провидѣнье стати незадолго первымъ богатыремъ Руси, достался до неволѣ. Вотъ такъ показалось въ другій разъ, якъ безсильною была армія Польщи безъ пôдпоры Запорожцêвъ. — Коли же въ р. 1621 зновь роспочалась вôйна съ Турками, пôшолъ король Жигмонтъ до головы по розумъ и ну-жь въ просьбы до Сагайдачного, щобы той со своими „Грицями свинопасами“, т. е. съ Запорожскимъ войскомъ ратовалъ Польщу. Сагайдачный зновь выкористалъ тую хвилю и на-передъ велѣлъ королеви выдати наказъ: щобы по всей Руси православный народъ уважался рôвноуправненымъ съ другими, щобы всѣхъ ново поставленыхъ Епископôвъ признано закон-

ными, — и ажь тогды, коли все тое было здѣлано, двигнулся Сагайдачный со своими 30.000 Запорожцями и 28 пушками на Буковину, щобы подати руку Гетману коронному Ходкевичу. Пôдъ Хотимомъ прійшло до завзятой борьбы, въ которой переломано турецкіи силы, а въ которой хоробрость козацтва вызволила Польщу изъ неминуемой бѣды. Самъ Сагайдачный, порубаный на цѣломъ тѣлѣ, вынêсъ изъ тои битвы такіи раны, що въкоротцѣ ôтъ нихъ въ р. 1622 постигла его смерть.

Сагайдачный, якъ мы то видѣли, посвятилъ цѣлое свое житье для Руси. Мы видѣли уже, якъ то ôнъ смѣло и умно зарядилъ, щобы не дати упасти православной Церкви, но самъ ôнъ кромѣ того, яко человѣкъ дуже ученый, писалъ сочиненія противъ уніи, писалъ ученыи росправы на шляхту польску и на утискъ народа, закладалъ школы, щобы зъ нихъ выходили просвѣщенныи поборники и защитники русской Церкви, поднêсъ братство въ Кіевѣ и завѣщалъ для него все свое майно, препоручаючи, щобы доходами изъ того имѣнія удержовались и учились убогіи дѣти въ братской школѣ. Повага, рыцарство и образованье Сагайдачного, яко головы козацтва, дѣйствовали такъ, що даже Поляки въ той часъ почитали козакôвъ и не важились наступати на ихъ права,

та и въ дѣлахъ религiйныхъ не посмѣли они въ областяхъ Украины выступати съ своими притѣсненiями и заявляти свою споконвѣчную нетерпимость для православiя. Все то было дѣломъ Сагайдачного.

Розширенье унiи и дальшая судьба козацтва.

Хотя за часôвъ Сагайдачного притиснена была на Украинѣ сваволя шляхты польской и насильственное ей поступованье въ дѣлѣ унiи (не имѣла бо она смѣлости тогды такъ збытковатись), то за то въ другихъ областяхъ русскихъ, въ Галичинѣ и на Литовской Руси, не прекратились давныи притѣсненiя и пониженья русскои народности и русскои Церкви. Не смотря на численныи грамоты и конституцiи короля и сойму, запрещающiи преслѣдовати православныхъ, гоненiя повторялись тутъ, усиливались и часто доводили до великихъ возмущенiй въ народѣ. Найбôльше розъярились отношенiя межи православными а католиками въ епархiи Полоцкой въ томъ часѣ, коли въ ней былъ епископомъ Іосафатъ Кунцевичъ. Сей мужъ, самъ дуже строгой обычайности, отличился нетерпимостiю къ православiю, а яко загорѣлый и до завзятости преданный унiятъ, старался за всякую цѣну уничтожити въ своей епархiи православiе, и для той цѣли со

всѣмъ не числился со средствами, якихъ тутъ же употреблялъ. Надармо старался Сагайдачный окремымъ письмомъ повздержати того Кунцевича въ безвзглядномъ его дѣйствію; надармо умудрялъ его самъ польскій князь Левъ Сапѣга въ своемъ письмѣ, где закидалъ ему всякіи безправности, замыканье и печатанье православныхъ церквей, выставленье ихъ на посмѣховиско, оставленье людей безъ Богослуженія и безъ святыхъ Тайнъ и прч. прч.; надармо представлялъ ему сей польскій человѣкъ, що не такими дорогами належится заводити унію, а людскостію и христіянскою любовію, — все тое не помогло. Кунцевичъ дѣлалъ по своему и довелъ православныхъ до такой ярости, що они одного дня ворвались во владычую его палату въ Витебску, побили его пахолкôвъ, а самому ему розсѣкли сокѣрою голову и потомъ кинули его тѣло въ рѣку. Сталось то въ р. 1623.

Убійство Кунцевича мало якъ найсумнѣшіи послѣдствія для Руси. Розлюченыи Поляки и Езуиты за то убійство, выслали до Витебска комисію, щобы укарати нечестивыхъ бунтовникôвъ. Комисія задекретовала до 100 людей на смерть, изъ тыхъ 20-томъ велѣла въ сейчасъ ôтрубати головы, а другимъ, спасшимся черезъ бѣгство, поконфисковала маетки. Городу Витебску ôтобрала право

Магдебурское, а всѣхъ жителей засуджено такъ: щобы пôдъ карою смерти приняли унію. Всѣ церкви безъ изъятія ôтдано унитамъ, а кромѣ того розтягнено той засудъ на другіи городы, якъ Полоцкъ, Могилевъ, Оршу и Мстиславль. На выполненье того засуда прислано въ тіи городы сильныи отряды войска, которыи мечемъ и огнемъ очищати ихъ мали ôтъ православія. Вслѣдствіе такого безпощадного гоненія не стало въ Полоцкой епархіи и половины людей: однихъ убито, другіи утѣкали на Вел. Русь, инныи въ козацтво, а остальныи пôдъ неслыханнымъ натискомъ приняли унію.

Но такіи рѣчи дѣялись не тôлько въ границяхъ Полоцкой епархіи; то само повторялось то слабше, то грознѣйше и по другихъ областяхъ Руси. Вотъ що о тôмъ оповѣдае русскій лѣтописецъ зъ тыхъ часôвъ: „Съ бѣдою вздерживались Поляки ôтъ крайного пригнетанья православныхъ Русинôвъ, доки жилъ страшный для нихъ Сагайдачный. Однакожь якъ того нестало, а православныи люди Полоцкой землѣ подражнили Поляковъ черезъ убійство Кунцевича, тогды злоба съ удвоенною силою обрушилась на цѣлый народъ русскій и гоненія обновились по всей Руси съ неслыханымъ бѣшенствомъ. Такъ въ Кіевѣ велелѣпный Софійскій храмъ и другіи церкви были опустошены, а Выдубицкій монастырь до-

чиста ограбленъ; въ Луцку православныи церкви перетворены въ магазины. Въ Холмѣ и во Львовѣ запрещали Поляки не тôлько хоронити публично тѣла православныхъ, але навѣтъ ходити со св. Тайнами до умираючихъ. Въ Вильнѣ церкви православныхъ замѣнены въ корчмы и гостинницѣ, а люди чиновныи и цеховыи православной вѣры удалены ôтъ своихъ урядовыхъ занятій и еще въ подземныи темницѣ заперты. Если кто духовнымъ завѣщаніемъ запише що-нибудь на православную церковь, то принимати сего ніякъ не дозволяеся. Въ Минску церковная земля ôтдана пôдъ постройку божницѣ для татарскихъ колонистôвъ; людей не желающихъ присоединитись къ уніи, заключаютъ въ оковы или выгоняютъ изъ города; православныхъ священникôвъ мучатъ всякими муками, церкви всѣ позапечатованы, а навѣтъ въ позагородскихъ шалашахъ строго запрещено правити святую литургію, а кто не хоче идти до костела съ процесіею, того казнятъ смертію..."

Притѣсненія русского народа такъ были часты и неизмѣримы, що воевода Кіевскій, поставленый самыми Поляками, пересылалъ до короля и до Сойму жалобныи письма о горестномъ состояніи Руси, доведеной до крайной нищеты и пониженья. Но письмо тое не произвело ніякого дѣйствія. Не бракло и розсуд-

ныхъ голосôвъ межи самыми Поляками, которыи противны были такому поступованью и ставали въ оборонѣ Руси. Изъсреди тыхъ Полякôвъ давали слышатись вотъ-такіи голосы: „Чого хотятъ Поляки ôтъ того честного русского народа? Чи хотятъ, щобы на Руси не было Русина!“ „До ушей нашихъ дôходятъ плачъ, зойки и нарѣканья несчастного русского народа, который былъ для королевства польского некрушимою стѣною противъ врагôвъ, — дôйшло до того, що людей, прогнаныхъ за унію зъ ихъ домôвъ и маеткôвъ, не може теперь помѣстити Понизье и Украина.“ Що за пожитокъ мае король зъ тыхъ клопотôвъ, якихъ нажился съ народомъ русскимъ?“ говоритъ Счастный Гербуртъ, вырозумѣлый Полякъ: „такій мае пожитокъ, що есть насъ народôвъ славянскихъ 18, и тіи всѣ покладали надѣю на королей польскихъ, що они ихъ высвободятъ изъ тяжкого поганского ярма, тіи всѣ за кажду потребу короля и народа польского готовы были дати свои горла, а теперь, якъ начато робити кривду русскому народу, сутъ они намъ головными ворогами. Теперь волятъ самы умерти на вôйнѣ, и жены и дѣти свои попалити, якъ прійти съ нами до до згоды.“

Но не тôлько въ самой Польщи проносились такіи голосы сожалѣнія о народѣ русскомъ; навѣтъ изъ далекой чу-

жины шведскій король, Густавъ Адольфъ, писалъ до польского короля такое укорительное письмо: „Въ войскахъ польского королевства головную силу становлятъ русскіи козаки, которыи на всѣхъ войнахъ отличались всегда хоробростію и мужествомъ. Я самъ, воюючи съ Польщею за край Лифляндскій малъ способнôсть подивляти великіи подвиги тыхъ людей, послушаніе и терпѣніе. И для того не могу стерпѣти, холоднокровно дивитись на чинимыи войску козацкому и всему народу Руси безчеловѣчныи насилія и варварства, якіи творятся ôтъ своеволія Полякôвъ и якіи цѣлый свѣтъ приводятъ въ ужасъ и негодованіе. Въ виду таковыхъ насилій, производимыхъ пôдъ бокомъ и зъ дозволенья польского правительства, я увѣрился нынѣ достаточно, що съ такимъ правительствомъ, допускающимъ войска свои и шляхту до безряду, съ такимъ правительствомъ не можна надѣятись на сохраненіе союзôвъ и договорôвъ, заключеныхъ съ сѣсѣдными державами, а належится поступати съ нимъ просто якъ-бы съ непріятелями людскости."

Однакъ король Жигмонтъ не зважалъ на представленья ни своихъ людей, ни чужихъ, а радовался, що ему удалось завести унію, и ôнъ заслѣпленный и цѣлый преданный Езуитамъ, не видѣлъ, що на вѣки посварилъ межи собою сво-

ихъ пôдданыхъ, що вщепилъ въ нихъ ненависть однихъ до другихъ и що спорами религiйными ôнъ ослабилъ Польщу и зготовлялъ ей неминуемый гробъ.

Православныи Владыки, поставленыи для мало-русскихъ епархiй за стараньемъ Сагайдачного, исполняли въ той часъ свою духовную задачу надъ бѣднымъ народомъ съ правдивымъ пожертвованьемъ себе самыхъ. Не уважаючи на запрещенiя короля и сойма, объѣздили они свои епархiи и якъ-могли ободряли народъ. Коли же притѣсненiямъ не было конца, тогды за порадою любимца народа русского, Митрополита Iова Борецкого, выбралось зъ-помежи Русинôвъ посольство пôдъ начальствомъ Луцкого Епископа Исакiя до велико-русского Царя Михаила и до Патрiярха Филарета, щобы они приняли пôдъ свою опѣку весь русскiй народъ. Царь выслухалъ посольство благосклонно, однакъ заявилъ, що не може въ тую пору приклонитись до ихъ прошенiя, понеже що-ино заключилъ ôнъ съ Польщею перемирiе, которого яко честный человѣкъ свято сохраняти долженъ. — Вѣсть о томъ посольствѣ донеслась скоро до вѣдомости Полякôвъ, и то сталося причиною новыхъ и тяжкихъ гоненiй Руси.

Но щожъ дѣялось съ козацтвомъ за той часъ? Чижъ оно, которое що-ино такъ высоко стануло пôдъ Сагайдачнымъ,

рôвнодушно глядѣло на все тое, що дѣялось на Руси, — чи Польща уже не боялась ихъ силы, що такъ безъ перепоны по своей воли газдовала на Руси? Къ сожалѣнію, таки такъ оно теперь и было. Доки жилъ Сагайдачный, ôнъ умѣлъ удержати козацтво на высотѣ его славы и поваги. Коли-жь не стало Сагайдачного, и коли по вôйнѣ турецкой Польща трохи ôтпочала, тогды знову кинулись Поляки на Украину, щобы притиснути и усмирити будьто-бы збунтоване козацтво. Въ р. 1625 выслали козаки своихъ депутатôвъ на соймъ до Варшавы съ требованіями: щобы забезпечено православную вѣру; щобы ôтдалено уніятôвъ ôтъ церквей и церковныхъ имѣній; щобы козакамъ свободно было жити въ коронныхъ имѣніяхъ Кіевского воеводства; щобы козаки мали свôй судъ, та щобы имъ свободно было роспоряжати своимъ имѣніемъ и прч. Коли же дознались козаки, що въ Кіевѣ вôйтъ позапечаталъ православныи церкви, поспѣшили они тамъ, убили вôйта, ограбили католицкій кляшторъ и ôтобрали имѣнія, загорненныи православнымъ церквамъ. Такъ ставали они въ оборонѣ своей вѣры. Но въ отвѣтъ на тое, поручено гетману Конецпольскому отправитись на Украину и укарати козацтво. Надъ К у р а к о в с к и м ъ о з е р о м ъ осадилъ Конецпольскій козакôвъ, но осада тая дуже много его коштовала,

и въ-конецъ ничого бы ôнъ былъ не достигъ еслибы „реестровыи козаки“ не были уступили. Тіи реестровыи, заманены обѣцянками, що ихъ права не будутъ нарушены и що имъ Поляки будутъ выплачовату бôльшу платню, перекинулись на польску сторону. Тогды станула така угода пôдъ именемъ Кураковскихъ пунктôвъ: „Реестровыхъ мае быти 6000 мужа, а 1000 изъ нихъ буде пребывати за порогами, щобы слѣдити движенія ворогôвъ. Платня тымъ козакамъ вызначаеся 60.000 золотыхъ польскихъ на одинъ рôкъ, а ôтбиратися она буде въ Кіевѣ по св. Иліи. Козакамъ не свободно пускатись на море, ни розпочинати вôйны съ Турками, ни Татарами, а всѣ ихъ чайки (лодки) маютъ быти спалены. Козаки могутъ выбирати собѣ старшого, однакъ безъ титулу гетманского, а той муситъ быти затвердженый ôтъ польского гетмана коронного.“

Такая стала Кураковская угода. — Чи угодою тою было успокоено козацтво, увидимъ дальше; досыть, що ôтъ теперь розложились польскіи войска широко по Украинѣ, а народъ говорилъ: прійшли они знищити православную вѣру и выгубити русскій народъ. Притѣсненіе же вѣры православной въ самомъ дѣлѣ щоразъ бôльше взмагалось; процесы религійныи были на порядку дневнôмъ, а вяз-

ницѣ переполнены были православнымъ народомъ.

Дальшіи козацкіи возстанья.

1) Гетманъ Тарасъ Трясило; 2) Грамота примиренія 1632 р.

Кураковская угода совсѣмъ не задоволила козакôвъ, — тожъ хотя на часъ они и держались ей, но напады ихъ на Туреччину и Крымъ повторялись дальше. Такъ Поляки задумали силою привести козацтво до послуху и покорности. Въ р. 1630 прійшло на Украину войско польское, а пôдъ проводомъ польскихъ староствъ почались новыи безправности: народъ записовано насиліемъ на унію, вольныхъ козакôвъ обертано въ крепакôвъ (панщизнякôвъ) и творено имъ всякіи кривды и обиды. Того было уже за много козакамъ! Запорожье жило — не стерпѣло такой зневаги. Запорожцѣ выбрали собѣ въ р. 1628 Гетманомъ Тараса Трясила и пôдъ проводомъ того дѣльного рыцаря погнались изъ Сѣчи на Украину боронити козацкои славы, козацкои волѣ. Пôдъ Переяславомъ станулъ Тарасъ таборомъ съ своими 30.000 мужа, окопался и выжидалъ тутъ Конецпольского. Конецпольскій надтягнулъ и розложился противъ козацкого табора. Черезъ три недѣли майже щоденно отбы-

вались меньшіи перепалки, но всегда съ великою стратою для Поляко̂въ. Кажутъ, що Конецпольскій стратилъ за той часъ бо̂льше людей, якъ въ три-лѣтной во̂йнѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ. Ажь въ-конецъ одной ночи передъ свитаньемъ, Гетманъ Тарасъ выступилъ со всѣмъ своимъ козацтвомъ изъ табора, окружилъ польскіи войска изъ двохъ сторонъ и выправилъ имъ несподѣванно такую лазню, що ледви самому Конецпольскому съ маленькою горсткою удалось спастись бѣгствомъ о̂тъ смерти. Тогды перебили козаки самъ цвѣтъ Поляко̂въ, забрали всѣ польскіи арматы и цѣлый таборъ польскій съ оружіемъ и всякими богатствами. Тая памятная побѣда козацтва по̂дъ Переяславомъ, знана въ Исторіи по̂дъ именемъ „Тарасовой ночи," ободрила знову цѣлую Русь, въ особенности же козацтво, которе черезъ два лѣта о̂тъ теперь мстилось на шляхтѣ и на жидахъ за русскую кривду.

Въ р. 1630, коли Польща трохи прійшла до себе по битвѣ по̂дъ Переяславомъ, и по во̂йнѣ, якую въ той же часъ провадила съ Шведами, выправился знову панъ Конецпольскій съ новыми силами о̂томстити козакамъ за Тарасовую но̂чь. Розложилъ о̂нъ сво̂й таборъ по̂дъ Переяславомъ и началъ военныи дѣйствія; однакъ и теперь якось не спріяло ему счастье. Козакамъ удалось о̂тняти на

Днѣпрѣ всѣ перевозы и пороны польскіи и попалити ихъ, вслѣдствіе чого загороджена была Конецпольскому дорога въ Польщу. Но и въ томъ лиху и въ великой опасности якось выратовался Конецпольскій хитростію. Ото бо удалось ему новыми обѣцянками перетягнути на свою сторону одну часть козацтва. Въ таборѣ козацкомъ насталъ раздоръ; 7000 реестровыхъ станул по польской сторонѣ, а прочіи принуждены были вдатися теперь съ Поляками въ угодовыи переговоры. Тарасъ Трясило увѣрилъ въ обѣтницѣ шляхтича пана Конецпольского и отправился съ четырьма старшинами до Варшавы, робити угоду. Но тутъ привитано ихъ по шляхотски, и яко бунтующихъ „хлопôвъ" кинено ихъ до вязницѣ и казнено смертію.

Почали-жъ теперь козаки дертись межи собою, дѣлились на партіи, а конецъ зъ того былъ такій, що польскіи войска знову порозкладались по украинскихъ городахъ и продолжали свое дѣло: обижали и пригнетали русскій народъ.

Межи тѣмъ въ р. 1632 сталось таке, що умеръ Жигмонтъ, той томитель Руси черезъ 45 лѣтъ. Прійшло до выбору нового короля. Выслали и козаки на Соймъ посольство и домагались голосу при томъ выборѣ; кромѣ того они требовали свободы вѣры, а также, щобы платня ихъ была забезпечена, щобы до реестру впи-

сати еще двѣ тысячи козакôвъ, и щобы доля не-реестрового козацтва была улегчена. Поляки не тôлько не допустили козакôвъ до голосу при выборѣ короля, но еще и обругали посланникôвъ, которыи затѣмъ якъ непышни повертали въ свояси. Королемъ выбрали Поляки сына Жигмонта, Владислава IV. Сей то мужъ ôтъ давна спріялъ козацтву и сочувствовалъ цѣлой Руси; тожь въ сейчасъ, якъ лишь сталъ королемъ, ôнъ постановилъ где-що доброго здѣлати для Русинôвъ, и таки на первомъ соймѣ представилъ Полякамъ, що Езуиты, запровадивши на Руси унію, защепили на ней великій домашній роздоръ и борьбу, ôтъ которыхъ и сама же Польща много терпитъ. Щобы отже хотя въ части исправити здѣланную ошибку, радилъ ôнъ примирити православныхъ съ уніятами въ такій спосôбъ, щобы православныи уважали хоть-бы такихъ самыхъ свободъ, якъ и уніяты. Умныи и теплыи слова короля Владислава подѣйствовали на Полякôвъ такъ, що они въ дѣлѣ вѣры списали для Руси такое право, що называлось „грамотою примиренія“, а въ которой написано стало: 1) щобы въ земляхъ русскихъ были два Митрополиты, уніятскій и православный; 2) въ Полоцкой епархіи маютъ быти тоже два такіи Владыки; въ Полоцку же уніятскій, а въ Могилевѣ православный; 3)

въ епархіахъ Перемышльской и Львовской будутъ тôлько православныи Епископы; 4) Луцкую епархію маютъ уніяты уступити православнымъ; 5) православнымъ маютъ звернути нѣкоторыи церкви и монастыри; 6) въ епархіяхъ уніятскихъ свободно православнымъ относитись до православного Епископа, а уніятамъ въ православныхъ епархіяхъ до уніятскихъ Епископôвъ. — Тую то грамоту примиренія затвердилъ и заприсягнулъ новый король Владиславъ. Русь задоволилась тымчасомъ и тою грамотою, но щожь — коли и теперь ишло таки по давному: грамота была написана, але исполнялась тôлько въ малой части, а въ-коротцѣ и цѣлкомъ была уничтожена. Притѣсненія не укрощались, а що бôльше не ишли овй уже ôтъ самыхъ тôлько Поляковъ, но и ôтъ самыхъ же Русиновъ уніятôвъ, которыи не уважаючи, якіи будутъ послѣдствія той поганой домашной межиусобицѣ, наступали на православныхъ, а до того видячи по своей сторонѣ оборону польского закона, съ дерзостію выступали и причиняли православнымъ многіи кривды. Вслѣдствіе того православныи зненавидѣли унію до крайности, а всѣ знаменитшіи роды русскіи, якъ князѣ Слуцкіи, Заславскіи, Збаражскіи, Сангушки, Вишневецкіи, Черторыйскіи, Пузины, Сапѣги и др., даже и сынъ Константина Острожского, того славного про-

тивника уніи на Соборѣ Берестейскомъ, перейшли на латинство, стались Поляками и будовали по Подôлю и Украинѣ польскіи костелы и кляшторы. Коли отже не стало на Руси той высшой русской шляхты, князей и магнатôвъ, то и не было кому опертись, щобы рôвноправность для православія была бережена, бо при православію осталъ тôлько простый народъ и козаки, а для тыхъ вѣдай Полякамъ не стояло руководитись взглядами справедливости.

Митрополитъ Петро Могила. Гетманы: Сулима — Павлюкъ (1633—1638).

О томъ часѣ появился на Руси высокоумный, крѣпкого русского сердця мужъ, который своею повагою и сильнымъ дѣйствіемъ зъумѣлъ пôддержати упадающого русского духа, а справамъ такъ духовнымъ, религiйнымъ, якъ и народнымъ подати сильную пôдпору. Мужъ сей былъ то Петро Могила, Кіевскій Митрополитъ. Потомокъ князей-господарêвъ Молдавскихъ, воспитаный въ юности межи Поляками, ôнъ служилъ за молоду даже въ польскомъ войску, но всегда на-скрôзь преданый русской справѣ, былъ Русинъ сердцемъ и душею. Родомъ своимъ посвояченый съ найбôльшими магнатами въ Руси и за границею,

ôнъ дôйшелъ скоро до великого влiянiя тутъ, куда на житье переселился, а образованый и дѣятельный въ каждôмъ взглядѣ, ôнъ овладѣлъ скоро умами всѣхъ Русинôвъ такъ, що вся Русь видѣла въ нѣмъ

Петро Могила.

якъ-бы истинного спасителя свого. И въ самомъ дѣлѣ оправдалъ Петро Могила надѣи, якiи въ немъ Русь покладала. Въ сей-часъ по смерти короля Жигмонта собрались около того мужа всѣ православныи дворяне, якихъ еще немного

при Руси вѣрныхъ осталось, и тіи уполномочили его, щобы ôнъ ѣхалъ на Соймъ до Польщи и при выборѣ нового короля предъявилъ тамъ всѣ требованія Русинôвъ. Въ той же часъ явились наономъ выбирательномъ Соймѣ также послы ôтъ козацтва, но мы знаемъ уже, якъ обôйшлися съ ними панове Поляки. Лучшій однакъ успѣхъ сдѣлало тамъ представительство Петра Могилы. Онъ то своими умными бесѣдами въ Соймѣ и промовами до ново выбраного короля допровадилъ до того, що уложено тогды извѣстную „грамоту примиренія". Незадолго по тôмъ соймѣ выбрано Могилу Митрополитомъ Кіевскимъ, а король затвердилъ его на томъ высокомъ достоинствѣ.

Зъ того часу начинаеся великая дѣятельность Петра Могилы въ пользу русской Церкви и русского народа. Первымъ его дѣломъ было ôтновити старинную церковь Софійскую въ Кіевѣ и надати ей величавый видъ; ôнъ самъ называлъ ю единою окрасою православного народа, головою и матерію всѣхъ церквей. Кромѣ того ôтновилъ ôнъ и другіи давныи русскіи церкви въ Кіевѣ, якъ церковь св. Василія, Десятинную церковь и др. Найважнѣйшимъ же его дѣломъ было заложенье высшого училища, такъ званои Колегіи, которую потомъ въ честь его Могилянскою колегіею названо.

На удержанье того училища завѣщалъ ôнъ все свое имѣніе. Цѣль того училища была: выховати молодое поколѣнье духовныхъ и мірскихъ Русинôвъ, такъ, щобы они власными силами могли боронити правъ русской землѣ и Церкви. Пôдъ ôтличнымъ надзоромъ въ тôмъ училищи воспитовались прекрасно и основно новыи школярѣ, изъ которыхъ многіи мали и цѣлое удержанье при самой колегіи въ бурсѣ, установленой накладомъ Могилы, ôткуда и выходили новыи просвѣщенныи силы духовныи, що уже образованьемъ стояли на рôвни съ тыми, съ которыми боротись приходило. На Руси, где до теперь за правительства Польщи пôдъ взглядомъ научнымъ владѣла великая застоя: где до теперь даже провôдники народа стояли просвѣщеніемъ весьма низко, а русскій языкъ и русская вѣра напятнованы были пятномъ темноты: на той Руси ôтъ часôвъ Петра Могилы почали быстро пôдноситись просвѣщеніе, явились нагло люди русскіи образованы, перенятыи чистою любовію отчины и своей Церкви, которыи не тôлько оружіемъ изъ желѣза и сталѣ, но и оружіемъ науки умѣли владѣти, коли зайшла потреба выступити въ оборонѣ Руси.

Еще друга заслуга Могилы была въ тôмъ, що ôнъ старался усунути зъ богослуженій закравшіися неправильности, а

завести всюда однообразность. Въ той цѣли выдалъ ôнъ книгу „Служебникъ,“ а потôмъ „Требникъ“ и „Катихизмъ,“ а каждый священникъ былъ обовязаный исполняти и научати точно тое, що въ книгахъ тыхъ по церковному уставу было предписано. Сверхъ того самъ Могила, яко человѣкъ надзвычайно ученый, бралъ живое участіе въ письменной борьбѣ, якая тогды велась межи православными а католиками, и писалъ крѣпкіи а дуже умныи росправы на оборону православной Церкви.

Посвятивши такимъ способомъ всѣ свои силы, и труды для добра свого народа, для лучшой его будущности и для блага Церкви своей, ôтдалъ ôнъ на тую святую цѣль також и все свое великое такъ движимое, якъ и недвижимое имѣнье, и упокоился ôнъ въ р. 1647, оставляючи по собѣ въ сердцахъ благодарной Руси неложный жаль, а потомнымъ вѣкамъ вдячную о собѣ память.

А не тôлько на поднесенье просвѣщенія повліяли дѣла Святителя Могилы; они розбудили въ великой степени также и чувство народное въ миліонахъ Русинôвъ и загрѣли ихъ до дальшихъ военныхъ подвигôвъ въ защитѣ своихъ національныхъ и религійныхъ правъ. И такъ въ р. 1633 звергли козаки гетмана Перевязку, якого поставили имъ Поляки, а выбрали собѣ Гетманомъ Павлюка, а ко-

шевымъ Атаманомъ Сулиму. Сулима водилъ безъустанно полки свои на Турко̂въ и Татаръ, а Павлюкъ устроювалъ тымчасомъ новыи козацкіи силы на Запорожью. Поляки власне тогды ани не думали, щобы козацтву улегчити долю, и они о̂ткинули всякіи ихъ требованія, высланыи до Сойму; а щобы еще и не дати возможности козакамъ реестровымъ переходити въ Запорожскую Сѣчь, побудовалъ Конецпольскій на Днѣпрѣ великую крѣиость (фортецу) Кудакъ, въ которой въ р. 1635 умѣщено сильную залогу польского войска. Того самого року, т. е. въ р. 1635 верталъ Сулима зъ Чорноморской выправы и о̂нъ здумѣлся узрѣвши нову фортецу съ баштами, окопами и съ польскимъ войскомъ. Догадался Сулима, на що то тая фортеца, ударилъ на ню, добылъ ю приступомъ вырѣзалъ залогу, а саму крѣпость розрушилъ до основанія такъ, що и слѣду по ней не остало. — Дознался скоро Конецпольскій о то̂мъ що съ его Кудакомъ сталось, та страшно розгнѣванный, напалъ на повертающого и походами изнуренного Сулиму, захватилъ его въ свои руки и сковавши кайданами, о̂тослалъ до Варшавы, где его и съ товаришами четвертовано (на четыре части тѣло порубано).

На Украинѣ осталъ теперь Павлюкъ самъ. Вѣсть о смерти товариша и друга потрясла его, но вразъ же возжегла въ

немъ пекучую жажду мести. Не меньше огорчене и обиджене было все козацтво. На покликъ Павлюка стануло при немъ 18.000 мужа съ однимъ жаркимъ бажаньемъ: ôтплатитись за обиды, или умерти. Изъ польской же сторны, якъ тôлько зачули, що Украина знову зашумѣла грозно, выслано найлучшіи полки пôдъ начальствомъ Потоцкого и другихъ французкихъ полковорцêвъ, а то съ тѣмъ, щобы знищити все козацтво, щобы разъ скрутити голову тому племени „бунтовщикôвъ."

Недалеко Корсуня пôдъ селомъ Кумейками станулъ Павлюкъ своимъ таборомъ. Туда же надоспѣлъ и Потоцкій и занялъ дуже корыстное станище, а то великую площадь, вздолжь которой тягнулось непроходимое болото; ôтъ-туда ôнъ выслалъ одинъ свôй отрядъ, щобы заманити козакôвъ въ тую сторону. Козаки со збруею въ руцѣ а съ завзятостію въ сердци, ишли въ найкраснômъ порядку напередъ и наступали на ворога. Шесть рядôвъ возôвъ, одинъ рядъ за другимъ розтягненыи въ буевую линію, посувались впередъ, помежь возами ступали козаки добре подѣлены на полки и сотнѣ. Четыре арматы стояли на передѣ, двѣ въ серединѣ возового табора, а двѣ по заду. Поступаючи въ такомъ порядку, наткнулся въ-конецъ таборъ козацкій на болото и звернулся вздолжь

него, думаючи зайти Поляко̂въ зъ заду. Но бѣдны, не спостерегли хитрости Потоцкого. Нагло и несподѣванно ударили польскіи арматы въ саму середину козацкого табора. Познали теперь козаки, що впали въ лапку, и почали розтягати свои возы зъ шесте̂хъ на 12 рядо̂въ. Но зъ той хвили погналъ Потоцкій свои полки, щобы переломити козацкій таборъ. Однакъ козаки стояли якъ муръ; о̂тъ нихъ полки Потоцкого одинъ за другимъ падали якъ о̂тъ вихру. Въ-конецъ выслалъ Потоцкій всю свою силу, и ажь той удалось розбити таборъ на двѣ части. Теперь завязалась рѣзня на голыи руки. Якъ тигры боронились козацкіи рыцари цѣлый день, а боролись до остатного и волѣли всѣ наложити головами, якъ здатись ворогови. Кровавая и завзятая битва кончилась ледви ночію; козаки были поражены, но отвага, съ якою боролись, а завзятость, съ якою гинули доказовали наглядно и добитно, яка ненависть до Поляко̂въ въ ихъ сердцахъ кипѣла. Съ остатками свого войска отступилъ Павлюкъ по̂дъ Боровицю, где выжидалъ еще свѣжихъ козацкихъ силъ. На другій день погналъ и Потоцкій за ними и окружилъ ихъ на-около. Дорога была козакамъ о̂трѣзана изъ всѣхъ сторонъ; не было выходу, якъ то̂лько по̂ддатись или до одного згинути. Видѣлъ свое несчастное положенье Па-

влюкъ, утратилъ довѣріе въ свою силу, упалъ на духу и заключилъ съ Потоцкимъ перемиріе на такихъ условіяхъ, якіи самъ Потоцкій поставилъ. Козаки зложили оружіе; однакъ ледви що-ино начали въ безпорядку росходитись, якъ наразъ кинулись на нихъ Поляки, и однихъ перестрѣляли, другихъ порубали, а Гетмана Павлюка и Старшинъ зловили, заковали въ тяжкіи кайданы и отправили до Варшавы. Тутъ то на Соймѣ Варшавскомъ обнаружилась у Поляковъ крайняя ненависть, якою они дышали къ козацтву. Павлюкови засуджено вложити на голову розпеченую желѣзную корону, а въ руки дати розпечену желѣзную палицю. Русскій дворянинъ Адамъ Кисѣль, що держался вправдѣ своей вѣры, но вѣрно служилъ Польщи, а который пôзднѣйше игралъ важную ролю въ вôйнахъ козацкихъ, вступался въ Варшавѣ горячо за старшинами козацкими; однакъ на дармо. Ажь на слово самого короля змѣнено имъ кару на стôлько, що ôттяти имъ головы и постромлювано тіи на колы, а потомъ для постраху розвожено ихъ мертвыи тѣла по селахъ Украины.

Сумная доля Руси.

Гетманъ Остряниця.

По несчастливôй битвѣ пôдъ Кумейками и по казни Павлюка въ Варшавѣ настала чорная година для Руси, а въ особенности для Украины. Соймъ польскій постановилъ разъ на всегда зломити силу козацку, и въ той цѣли выдалъ противъ козакôвъ такую грамоту, которою уничтожено всѣ дотеперѣшніи права и свободы козацтва, даже козацтва реестрового, а зрôвнано ихъ цѣлковито съ хлопами. Реестровыхъ обмежено до 6000 мужа и ôтдано ихъ уже не пôдъ начальство окремого Гетмана, но вызначено для нихъ изъ-помежи шляхты соймового комисаря, который малъ постоянно пребывати въ Трехтимировѣ на Украинѣ. Козакôвъ розложено коло Черкасъ, Канева и Корсуня, а въ другихъ округахъ запрещено козацтву жити. Одинъ полкъ козацкій поставленъ былъ надъ порогами Днѣпра, и тому поручено было перехватывати и карати смертію всякого, кто бы заганялся къ Чорному морю. Здавалось Полякамъ, що тою грамотою они совершенно знищили буту козацкую. А оно таки не такъ было! На часъ лишь придавлено народъ, въ которомъ разъ возбудженое чувство мщенія не далось уже ніякими мѣрами урко-

тити, а тѣмъ меньше до кореня знищити. За той часъ розъигралась панская самоволя, подсыщеная ненавистію для всего русского, и выливала весь свôй ядъ на русскій народъ. Настала для Украины чорная година: розмѣстились польскіи урядники и войска по всѣхъ округахъ русскихъ земель; повсюду стояли польскіи шибеницѣ съ замучеными жертвами; що-миля стояли по дорогахъ острыи колы, а на нихъ торчали и конали въ мукахъ тѣла несчастныхъ. Изъ всѣхъ сторонъ доносился розпачливый зойкъ людей, катованыхъ за тое, що держали сторону своихъ братей козакôвъ.

Въ той печальной годинѣ рознеслась нагло вѣсть, що изъ Запорожья иде новое войско. Тамъ бо въ самомъ дѣлѣ собралось новое войско пôдъ начальствомъ Гетмана Стефана Остряницы. Остряница выслалъ по всѣмъ русскимъ земляхъ универзалъ, а представивши въ немъ всю несчастну исторіи Руси, взывалъ всѣхъ, кто до оружія способный, щобы спѣшили до Переяславля и затягались пôдъ козацкую хоругвь. Мимо всякихъ мѣръ осторожности и грозьбъ и построху изъ польской стороны перекрадался народъ громадами до Остряницѣ такъ, що въ короткомъ часѣ имѣлъ Остряниця 10.000 людей, хорошо узброенного, самого запеклого войска.

Въ мѣсяцю маю р. 1638 розпочалъ Эстряниця свое дѣло тѣмъ, що розôслалъ поодинокіи полки по бôльшихъ городахъ прогоняти польскіи залоги. До кôлькохъ недѣль очищено береги Днѣпра, розбито и прогнано польское жолдацтво. Однакожъ на Украинѣ стояла еще цѣлая армія польска съ Потоцкимъ; тую отже оставало побороти. Потоцкій стоялъ въ степовомъ устороню надъ рѣкою Старицею и тутъ розложилъ свôй таборъ. Остряниця рѣшился ударити на тую головную силу Поляковъ и не зволѣкаючи справы, пустился съ братіею козацкою надъ Старицю. Въ мѣсяцѣ Іюнію ударилъ ôнъ на польское войско. Козацтво, гнаное пекельною жаждою мести, якъ бѣшенныи кинулись на вражій таборъ. Кругомъ окопôвъ устелился высокій валъ изъ трупôвъ козацкихъ и польскихъ, но запальчивость людей, которыи уже ничого не мали до страченья, хиба житье, взмагались съ каждымъ напоромъ. Въ конецъ вдерлись козаки по томъ помостѣ изъ людскихъ тѣлъ въ середину табора и въ отчаянной борьбѣ на саблѣ и ножи побили польское войско совершенно. Потоцкій спасся съ малымъ числомъ кôнницѣ и ôтступилъ въ мѣсточко Полонное (на Волыню.) Козакамъ достался въ руки оставленый польскій таборъ со всѣмъ оружіемъ и запасами прокормленья. По тôй славнôй побѣдѣ надъ Стари-

цею погнался Остряниця доганяти По-
тоцкого, и въ Полонномъ окружилъ его
своими полками на-около. Для Потоцкого
настала сумная хвиля: продертись не бы-
ло силы, на помочь зъ Польщи такъ ско-
ро не было надѣи; остало хиба погибати
ôтъ козацкихъ саблей. Въ томъ отчаян-
номъ положенью выслалъ Потоцкій пра-
вославныхъ священникôвъ, якіи въ По-
ловномъ находились, съ процесіею до
Гетмана, щобы умилосердился надъ По-
тоцкимъ и заключилъ съ нимъ миръ. Ко-
зацтво все противне всякимъ перемирі-
ямъ; имъ хотѣлось истребляти Полякôвъ
до послѣдного, но Гетманъ и нѣкоторыи
другіи старшины тронулись просьбами и
мольбами русского посольства и согласи-
лись на миръ, въ которомъ Потоцкій за
присягъ клятвою всѣ условія, якіи коза-
ки поставили.

Освободжено Потоцкого, — такъ и
козаки зачали розходитись, а Гетманъ
Остряниця повертал на Украину. Нео-
бачный! Онъ повѣрилъ клятвѣ Потоцко-
го и вскорѣ испыталъ самъ на собѣ, якъ
той панъ умѣе клятву держати. Верталъ
Остряниця съ своими полковниками, е-
саулами и хорунжими домôвъ, та всту-
пивъ по дорозѣ до Канева, помолитись
Богу за военный успѣхъ. Межи тѣмъ на-
доспѣли Потоцкому зъ Польщи свѣжіи
силы; Езуиты дали Потоцкому розрѣше-
ніе ôтъ клятвы, якую ôнъ „шизматикамъ"

ложилъ, и тогды погнался Потоцкій съ „чистою совѣстію“ за Гетманомъ. Въ ночи, коли Остряниця и его полковники не думаючи о ніякôй здрадѣ, ôтбывали ночлѣгъ спокôйно въ Каневскôмъ монастырѣ, окружити несподѣвано толпы войска Потоцкого монастырь и безъ труда поймали Остряницю и 37 его товаришей, и такой ночію повели ихъ на мотузахъ до Варшавы. Вотъ така дôсталась заплата Остряницѣ за его великодушіе и ласку, оказанную пану Потоцкому. — Въ Варшавѣ таки безъ суду вывлечено всѣхъ козацкихъ старшинъ на казнь. А была то уже казнь такъ страшна, о якôй еще не чувано въ свѣтѣ, такъ варварска, що трудно повѣрити, щобы народъ христіянскій мôгъ коли допускались такъ звѣрской лютости. Не будемъ описовати пространно всѣхъ мукъ, якіи вынесли козацкіи Старшины; скажемъ лишь коротко, що Остряницю и трехъ полковникôвъ колесовано, переломлено имъ руки и ноги и тягнено зъ нихъ жилы, поки они не ôтдали Богу духа. Другихъ пôднято желѣзными спицами живцемъ на палѣ, инныхъ обливано смолою и спалено повольнымъ огнемъ, инныхъ тѣла еще и рубано на куснѣ.

„Жены и дѣти тыхъ страдальцêвъ, пришедшіи съ Украины, якъ говоритъ лѣтопись, „щобы молити панôвъ о милосердіе и пощаду для своихъ отцêвъ и му-

жей, увидѣвши первыи казни, наполнили площадь страшнымъ крикомъ и рыданіемъ, однакожь и они скоро замолкли. Женамъ польскіи каты обрѣзали груди и ôтрубали всѣмъ головы, а грудными сосцами били конаючихъ людей по лици. Дѣтей, бродившихъ около окровавленыхъ матерей, спалили на желѣзныхъ решетахъ: квиленье немовлятъ, зойкъ и стоны невинныхъ дѣтей козачихъ роздирали воздухъ и неслись до небесъ, о месть вопіючи...“

Позбавлены своихъ начальникôвъ розôйшлись козаки якъ овцы безъ пастыря. Поляки же прійшли до переконанья, що дабы на будущность не допустити до бунтôвъ, то треба братися до самыхъ строгихъ мѣръ; тожь зачались кары страшенныи, неописаніи згнущеніяся и лютости. Современная лѣтопись замѣчае, що и муки Фараоновы не значатъ ничого супротивъ того польского тиранства. Тихо схилилъ народъ голову свою и высилялся на терпѣливость; кто смѣлѣйшій пускался на Запорожье, но и тамъ досягала рука польска, бо у порогôвъ Днѣпровыхъ станула на ново Кудацкая крѣпость. Начинати новое повстанье трудно было; реестровыхъ козакôвъ замѣнено въ хлопôвъ; они робили панщину и платили податокъ, а надъ ихъ маетками и житьемъ мали власть урядники польскіи и вся старшина польская, которая коштомъ ихъ

богатилась и розпустовала. Дойшло до того, що никто не зналъ, кому належитъ не то̂лько его бѣдный кусень землѣ, но навѣть жена и дѣти. Такое печальное состоянiе тревало цѣлыхъ 10 лѣтъ. — Здавалось, що вся Русь занѣмѣла; но де-тамъ! Тыхъ 10 лѣтъ доводили то̂лько народъ весь до крайного отчаянiя. По побитыхъ отцахъ и матеряхъ остались дѣти, которыи плекали въ души ненависть до народныхъ гонителей, ненависть котора заглушила всякій страхъ передъ муками и смертiю. За десять лѣтъ собирается и по̂дносится весь народъ цѣлои Руси по̂дъ начальствомъ духа-мстителя Богдана Хмельницкого, и зачинае нову велику и славную борьбу на житье и смерть; стае ограбленый на всѣхъ чувствахъ русскій великанъ лицемъ къ лицу своевольного безсердечного гонителя свого и розчисляется съ нимъ горькимъ кровавымъ розсчетомъ.

Великая Русь.

От 1598 1645.

По смерти царя Өеодора, послѣднёго изъ роду Рюрика, настало для Вел. Руси такъ званое „смутное время", которое тревало цѣлыхъ 15 лѣтъ. Еще за житья царя Өеодора управлялъ державою Борисъ Годуновъ, человѣкъ знаменитый, за-

служеный своими трудами около добра
Руси; бѣда лишь, що ôнъ дался увлечи
властелюбію, и въ жаждѣ, щобы посѣсти
царскій престолъ, ôнъ допустился страш-
ного дѣла: убилъ малолѣтного царевича
Димитрія. — Теперь, коли не стало ца-
ря Өеодора, выбрали бояре, мѣщане и
духовенсто на царскій престолъ самого
Бориса Годунова; вѣдь бо, якъ всѣ
думали не было въ державѣ умнѣйшого
человѣка. Годуновъ достигъ своей цѣли:
вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и управлялъ
первыхъ два роки умно, милостиво и
справедливо. Ôнъ уменьшилъ податки
убогому народу и не далъ тому же ро-
бити кривды, пôдносилъ земледѣльство
и торговлю и старался со всѣми держа-
вами сохраняти пріязныи сношенія, що-
бы всю дѣятельность посвятити внутрен-
нёму благосостоянію велико-русской дер-
жавы. Однакъ не долго тревало тое добро
и той общій миръ. Зъ причины пополне-
ного беззаконія не давала совѣсть супо-
кою Годунову. Вскорѣ овладѣла нимъ я-
кая-то непреодолимая тревога: ôнъ чув-
ствовалъ себе незаконнымъ владѣтелемъ
а при томъ выдавалось ему, що весь міръ
за такого его держитъ. Ôнъ началъ не
довѣряти боярамъ и всему окруженію,
выступилъ противъ нихъ съ мѣрами І-
вана Грозного. Сверхъ того началъ ôнъ
и простый народъ притѣсняти и остано-
вилъ такъ звануiю „барщину“ или „боя-

цину", т. е. властиво зъ польска такъ названную панщину. Очевидно такое поведеніе роздражнило зъ одной стороны бояръ, зъ другой и селянъ, а тіи поднимали въ многихъ областяхъ Вел. Руси розбôйничіи бунты.

Но не было то еще найгôрьшое лихо. Дальшэ послѣдовало еще и тое: Въ р. 1591 монахъ Чудового монастыря въ Москвѣ, Григорій Отрепьевъ, просто названъ Грицько, знающій всѣ отношенія царского двора, и видящій нерасположеніе народа къ Борису Годунову, задумалъ кровавую, діявольскую штуку— задумалъ здѣлатись царемъ Руси. Въ томъ намѣреніи перебрался ôнъ въ мірского человѣка и убѣгъ въ Польщу во двôръ польскоо князя Вишневецкого. Тутъ притворился ôнъ, будьто-бы былъ Московскій Царевичъ Димитрій и просилъ польскихъ панôвъ, щобы они допомогли ему добыти похищенный ôтъ него престолъ. Езуиты узнавши о немъ, узнали его справдешнимъ Царевичемъ Димитріемъ и представили его королеви. Король ставалъ тогды съ Вел. Русію въ перемиріи, и по той причинѣ не мôгъ противъ ней отверто выступити, а позволилъ только своимъ магнатамъ помогати тому самозванцу. Паны Вышневецкій, Ружинскій, Сапѣги и другіи добачили въ томъ свою корысть, отже и взяли Гриць-

ка Отрепьева въ опѣку. Грицько обѣцялъ пôдъ клятвою, що якъ тôлько Поляки допомогутъ ему засѣсти въ Москвѣ на царскомъ престолѣ, ôнъ яко Царь оженится съ Мариною, донькою Юрія Мнишка, воеводы Сандомірского. Тогды начали польскіи паны собирати осôбное на ту цѣль войско, а коли до нихъ прилучилась еще и часть козакôвъ, то съ тою ватагою двинулись добывати для Самозванця Московскій престолъ. Въ р. 1604 переступилъ Самозванецъ рѣку Днѣперъ, — городы одинъ за другимъ здавалис ему, а тôлько Новгородъ Сѣверскій, гд былъ воеводою хоробрый Басмановъ, н хотѣлъ пôддатись. Вел.-русскіи войска якіи собралъ Годуновъ противъ Самозван ца, потыкались часто съ польскими и н разъ перемагали ихъ; однакъ въ один день рознеслась нечаянная вѣсть, щ царь Борисъ Годуновъ умеръ наглою смертію. Сей случай надалъ цѣлой спра вѣ новый оборотъ. Народъ велико-русск присягъ сынови Годунова, Θеодору Той ôтдалъ начальство надъ войском Басманову, а Басмановъ, видячи, що все войско не мае великои охоты воюват противъ Самозванца, перейшолъ на сто рону того же. Послѣ того предательств Басманова ступалъ уже Грицько спокôй но до Москвы. Приверженники Самозван ца скинули зъ престола невинного и до брого Θеодора, та и убили его вразъ с

его матерію, вдовою по Годуновѣ. Владѣніе Димитрія Самозванца тревало лишь 11 мѣсяцей, а паденіе свое самъ ôнъ собѣ приготовилъ. Ледви бо ôнъ засѣлъ на царскомъ престолѣ, якъ въ сей-часъ предался великой розпустѣ, оскорблялъ старо-русскіи обычаи, грабилъ монастырѣ и духовенство. Вскорѣ пріѣхала до Москвы и Марира Мнишковна съ отцемъ, а съ ними множество узброеного люда и шляхты зъ Польщи. Къ великому удивленію всѣхъ православныхъ оженился Самозванецъ съ католичкою тою Мариною и короновалъ ю яко Царицю. Шляхта польская, полна гордости и буйства, пьянствуючи гуляла тогды по улицямъ Москвы и насмѣвалась зъ бородатыхъ Москвичей. Народъ недоволеный такими гостьми, сталъ волноватись чѣмъ разъ бôльше и далѣй уже и не мôгъ стерпѣти тои своволѣ Самозванця и польской шляхты. Тогды князь Василій Шуйскій, который въ р. 1591 тамъ своими очима видѣлъ убитого царевича Димитрія, началъ роспространяти вѣсть, що теперѣшшій Царь то не Царь, а Самозванецъ Лже-Димитрій. Вѣсть тая скоро расходилась и находила въ народѣ вѣру. Въ девятый день по свадьбѣ Самозванця съ Марирою узброенная толпа народа пôдъ проводомъ Шуйского впала въ царскій дворецъ, перевязала цархихъ тѣлохранителей и добралась въ комнаты самого

Самозванця. Той выскочилъ ôкномъ на подвôрье, но тутъ хватили его Москвичи и убили. Тѣло его спалено на кострѣ, а попеломъ его набито армату и выстрѣлено въ тую сторону, ôткуду ôнъ прійшолъ.

Царемъ оголошено Василія Шуйского. Но и той не удержался спокôйно на царскôмъ престолѣ; давныи бо приверженцы Самозванца почали новыи бунты и найшли собѣ другого Самозванца, который знову пôдъ именемъ Царя Димитрія принялся ловити рыбу въ мутной водѣ. Самозванецъ той, якъ кажутъ, (похожій на польского жида), найшолъ знову помочь у польской шляхты, и съ тыми панами и съ горсткою войска ихъ и козацтва ступалъ пôдъ Москву и остановился въ селѣ Тушинѣ, двѣ милѣ ôтъ Москвы. Тутъ пріѣхала и Марина, вдова по первомъ Самозванци и позабивши о стыдѣ и о страсѣ Божомъ, признала того бродягу своиму мужемъ, та и для успокоенья своей совѣсти тайно съ нимъ обвѣнчалася. Народъ, отуманеный и ошуканый лестію, порехидилъ толпами на сторону Самозванца, который не переступилъ еще воротъ Москвы, но за то всю область держалъ въ своей руцѣ. Одна Троицко-Сергіева Лавра пôдъ Москвою не хотѣла ему здатися и боронилась передъ его нападами 16 мѣсяцей.

Изъ того смутного времени, яке настало для Вел. Руси, задумалъ теперь корыстати самъ король польскій Жигмонтъ. Ôнъ то собравши много войска вступилъ въ предѣлы Вел. Руси и осадилъ сильную крѣпость Смоленскъ. Поляки, вспомагающіи Самозванца, скоро тôлько узнали о тôмъ, перебѣгли чѣмъ скорше до свого короля, а Самозванецъ, опущеный народомъ, и названый презрительно „Тушинскимъ воромъ (злодѣемъ)“ мусѣлъ утѣкати до Калуги. Кôлька мѣсяцей стоялъ Жигмонтъ пôдъ Смоленскомъ, но крѣпость держалась твердо и мужественно. Ажь коли Царь Василій выслалъ собранное войко, щобы тое очистило окрестности Москвы, тогды двигнулся Жигмунтъ противъ сего войска и побилъ оное пôдъ Клюшиномъ. Незадоволенье противъ Шуйского въ Москвѣ возрастало съ каждымъ днемъ. Собралась народная Дума (Рада); тая ôтсудила Шуйского ôтъ престола и велѣла постригчи его насиліемъ въ монахи. Теперь настала тяжкая година для Вел. Руси. Зъ одной стороны былъ ту еще въ Калузѣ Самозванецъ, зъ другой стоялъ въ предѣлахъ Вел. Руси Жигмонтъ съ своимъ Гетманомъ Жолкевскимъ, а въ Москвѣ настало безцарствіе. Въ томъ клопотномъ положеніи одни совѣтовали избрати Царя изъ роду послѣднихъ Царей, зъ дому Рюрикового, но другая часть дворянъ и бояръ домагалась, щобы для

певнѣйшого мира предложити царскую корону сынови Жигмонта, Владиславу. Тая часть перемогла, и въ-сейчасъ выслано до Жигмонта Митрополита Филарета Романова и князя Василія Голицина, а тымъ часомъ вступилъ Жолкевскій, съ войскомъ до Москвы и началъ уже роспоряжатись въ имени Владислава.

Въ той самъ часъ Самозванцу въ Калузѣ що-разъ лихше поводилось. Поляки его покинули, козаки ôтступили також, а остали при немъ еще ино шайки бродягъ, межи которыми ему и конецъ прійшолъ. Одного бо дня посварился ôнъ съ якимсь князькомъ татарскимъ, который и зарѣзалъ его ножемъ. Такъ освободилась Великая Русь ôтъ одного ворога.

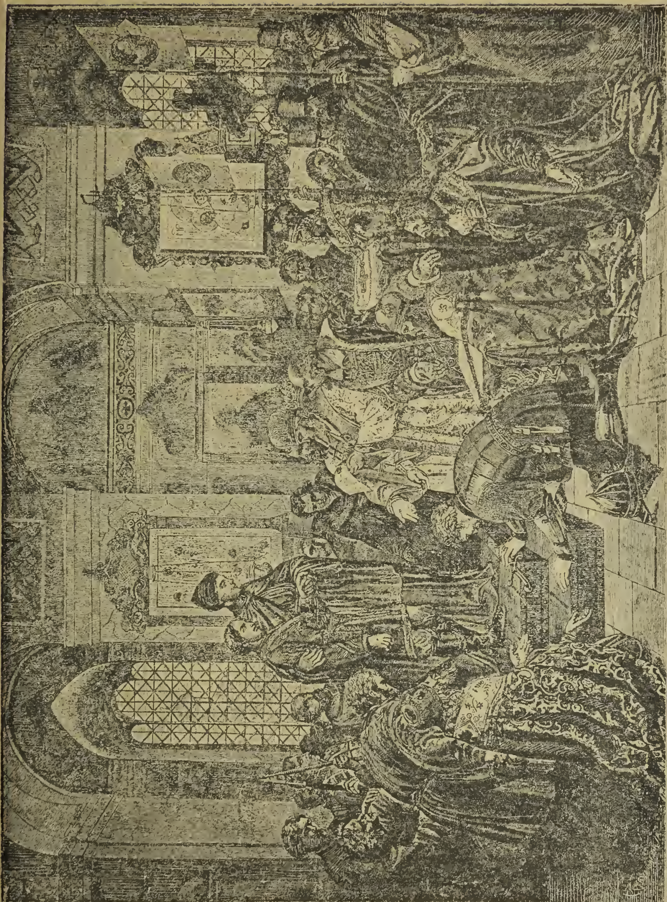
Межи тѣмъ станули велико-русскіи послы передъ Жигмонтомъ съ прошеніемъ, щобы ôнъ покончилъ съ войною, а выслалъ бы сына свого Владислава на Царя въ Москву. Но якже удивились послы тіи, коли вмѣсто радостного принятія, они увидѣли гнѣвъ и недовольствіе короля. Жигмонтъ бо не тôлько що не хотѣлъ уступати зъ-пôдъ Смоленска, но и не соглашался также на выборъ сына свого на Царя; ба еще и приказалъ послôвъ русскихъ яко вязнêвъ отправити въ Варшаву. Ажь теперь прозрѣлъ народъ Московскій и познал, якіи

то хитрыи были намѣренія польского короля, якъ то ôнъ самъ радъ былъ стати Царемъ Вел. Руси, та еще и накинути ей католическую вѣру. На вѣсть тую взволновался народъ по всей Вел. Руси. Жолкевскій поѣхалъ до Смоленска, щобы оброзумити короля, и повезъ съ собою несчастного Царя Василія, который потомъ таки и умеръ въ неволи въ Варшавѣ. За той часъ цѣлая Москва повстала противъ Поляковъ. Тогды поляки, видячи тое возмущеніе народа, запалили Москву и стали грабити людей, кидались на храмы и росхищали царскіи сокровища. Середъ страшного огня, якій обнялъ Москву изъ всѣхъ сторонъ, происходила ужасная рѣзня. За два дни выгорѣла цѣлая Москка, осталъ тôлько царскій замокъ Кремль, а въ немъ затворились теперь Поляки передъ местію Москвитянъ.

Ажъ въ той то порѣ прійшолъ народъ велико-русскій до опамятанья. На видъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, ростерзавшихъ русскую землю и приведшихъ ю до великого розладу, повстаютъ городы, одинъ за другимъ, вооружаются и соединяются во-едно, щобы спасати загроженную отчину. Въ Нижнемъ Новгородѣ найшолся одинъ богобоязный, честный мужъ, человѣкъ здорового розума и твердой волѣ, именемъ Кузьма Мининъ. Той созвалъ до себе людей и промовилъ до нихъ, до сердця: „Гей, братья! прій-

шла на насъ пора обороняти православную вѣру и матерь нашу Русь святую. Вооружѣмся, наймѣмъ воинôвъ, продаймо свои домы и свои маетки, — а ôтобьемъ и выкупимъ изъ бѣды рôдную матерь нашу Русь!“ На той поклик горнулся весь народъ и приносилъ жертвы, якіи кто мôгъ, щобы устроити великое войско. Въ-коротцѣ двигнулась великанская русская сила пôдъ проводомъ Минина и отличного воиначальника князя Пожарского, и поступала къ Москвѣ. По короткой борьбѣ Поляки, осадившіися въ Кремлѣ, были побиты, а лишь немногіи зъ нихъ спаслися бѣгствомъ. Жигмонтъ спѣшилъ своимъ на помочь, но было уже за пôздно; ôнъ самъ не успѣвши ничого, принужденъ былъ якъ непышный повертати въ свою Польщу.

Такъ спасена была велико-русская держава двома выборными людьми Мининомъ и Пожарскимъ, и закончилось тое „смутное время“, которое долгіи лѣта середъ розличныхъ внутреннихъ мятежей и борьбъ Самозванцёвъ угрожало Велик. Руси великимъ розстройствомъ. Теперь то собрался въ Москвѣ народъ зъ цѣлой Вел. Руси, избралъ выборовую Думу (Раду), котора, поблагодаривши Всевишнёму молитвами и постомъ, що Онъ Всесильною рукою охоронилъ русскую державу ôтъ погибели, приступила до выбору нового Царя. Безъ всякихъ непорозумѣнїй



Избраніе Царемъ князя Михаила Романова.

всѣ единодушно избрали Царемъ молодого князя **Михаила Романова**, внука Царицы Анастазіи, первой жены Ивана Грозного, который вѣнчался царскимъ вѣнцемъ въ р. 1613.

Задача нового Царя Михаила не была тутъ легка: ôнъ засталъ царство въ совершенномъ розстроенью, земля была розорена, городы попалены, державна скарбона пуста, всюда безладъ. Однакъ не зразило то юного Царя, ôнъ бо зналъ, що нужно буде подняти премного труда и много еще перестрадати, пока́ зновъ водворится въ державѣ миръ и порядокъ, поки поднесется Русь до нового благосостоянія. Тожъ въ сей-часъ принялся ôнъ за роботу. Избравши собѣ въ царскую Думу самыхъ розумныхъ, честныхъ и благонамѣренныхъ людей (межи тыми предо-всѣмъ Пожарского и Минина), ôнъ съ ихъ помочію началъ дѣло упорядкованья державы. Вскорѣ розбиты были до решты шайки розбишакôвъ, якіи еще изъ часôвъ Самозванщины волочились по краю и грабили; вскорѣ же уладженося и со Шведами, которыи въ той часъ враждебно выступили противъ Руси. Оставала еще непокôнчена справа съ Польщею, зъ которою и прійшло зновъ до великои и долгои вôйны. Поляки бо не стратили еще надѣи здобыти для свого королевича Владислава престолъ Московскій, а для себе новыхъ пожиткôвъ въ просторон-

ныхъ пребогатыхъ земляхъ Великои Руси. Въ той цѣли выправилъ зновь король Жигмонтъ войско съ королевичемъ Владиславомъ и гетманомъ Ходкевичемъ на Вел. Русь. Велико-руссы громадно горнулись до молоденького свого Царя, и въ одушевленіи кинулись ôтперти и прогнати ворога. Владиславъ найшолся въ прикромъ положеню: половина войска его ôтступила, бо не было чѣмъ того войска платити и такъ приходилось уже туй-туй и самому Владиславу погибати въ чужой земли. Но въ тôмъ отчаянномъ положеню подалъ ему ратунокъ Гетманъ Запорожскій Сагайдачный. Въ 20.000 свого козацтва двигнулся Сагайдачный на выручку Владиславу. Съ козаками ступалъ уже Владиславъ смѣло на Москву; но и теперь ôнъ перечислился, бо добыти Москвы, обороняемой собравшимися огромными силами Великои Руси, теперь не было и гадки. Такъ и принужденъ былъ Владиславъ въ р. 1618 заключити съ Царемъ Михаиломъ перемиріи въ селѣ Деулинѣ на 14 лѣтъ. Въ томъ перемиріе зрекся Владиславъ титулу Царя Вел. Руси и всякихъ претенскій на Московскій престолъ, за що Царь Михаилъ уступилъ Польщѣ Смоленскъ и часть Сѣверской области. Вправдѣ условія тои угоды не дуже были корыстны для Вел. Руси, однакъ ей росходилось о то, щобы

не вести на разѣ ніякой вôйнѣ, а впередъ уладити внутренніи розстроенныи дѣла.

По смерти Жигмонта знову началася вôйна межи Вел. Русію и Польщею, но въ той спріяло счастье уже бôльше оружію польского короля Владислава. Обомъ сторонамъ росходилося найбôльше о крѣпость Смоленскъ, которая оставалася въ рукахъ Польщи. Вôйна окончилася ажь въ р. 1634, въ которомъ то роцѣ обѣ стороны заключили съ собою такъ званый вѣчный миръ на тыхъ условіяхъ, що Смоленскъ осталъ и надальше при Польщи, а кромѣ того заплатилъ Царь королеви 20.000 рублей, за що король изъ своей стороны призналъ Михаила и его наслѣдникôвъ законными Царями Вел. Руси и обѣцялъ, що буде его вспомагати противъ всякихъ ворогôвъ Вел. Руси.

Отъ того часу наслаждалась великорусская держава внутреннимъ спокойствіемъ и поволи приходила до себе по сумномъ бурливомъ времени, та возмагалась до що-разъ бôльшого могущества, силы и славы. Царь Михаилъ Романовъ жилъ до р. 1645 и оставилъ по собѣ наслѣдникомъ престола 16-лѣтного сына Алексѣя Михайловича.

Гетманъ Богданъ Хмельницкій и великая его вôйна съ Польщею.

1648—1654.

Чорная рада Хмельницкого.

Перейшло 10 тяжкихъ горестныхъ лѣтъ для Руси ôтъ возстанія Остряницѣ. За той часъ достигла самоволя польской шляхты и притѣсненіе русского народа найвысшой точки. Перемѣна отношеній такихъ межи шляхтою а народомъ мусѣла конечно наступити, бо уже такъ мѣра панской самоволѣ, якъ и терпѣливость народа перебралась. Дальше страдати, дальше пôддаватись на сваволю безмилосердныхъ томителей не ставало силъ. Мусѣла послѣдовати розвязка, а розвязка грозная и страшная. Тую то розвязку приспѣшили самыи внутренніи отношенія Польщи. Въ Польщи владѣлъ тогды король Владиславъ, мужъ розумный и дѣятельный, однакъ ôнъ сталъ королемъ такой державы, въ которой король былъ майже безсильный, а буйныи вельможи и шляхта взявши пôдъ ноги хлопа, управляли самовластно, захвативши въ свои руки всѣ права, всѣ привилеи, цѣлую корму правленія. Сумно было Владиславу смотрѣти на тое печальное состояніе державы, на тую несчастную долю народа, на ту обезъуздану самоволю шляхты. Онъ желалъ собѣ ôтъ души укротити якимъ

способомъ шляхту и въ той цѣли задумалъ поднятьи вôйну съ Турками, бо мае шляхта гнобити свôй народъ, думалъ собѣ король, то лучше нехай бье Турка. Перенятый такими мыслями, король Владиславъ выслалъ повѣренного свого князя Осолинского на Украину, щобы примирити козакôвъ и прихилити ихъ до той своей мысли.

Межи козаками (реестровыми) водилось тогды такое, що головнымъ начальникомъ стоялъ коронный польскій Гетманъ Николай Потоцкій, а полковыми старшинами были самыи Поляки. Всего двохъ людей русскихъ удержалось якимсь свѣтомъ при козацкихъ достоинствахъ, а были ними: полковникъ Иванъ Барабашъ и генеральный писарь Зиновій-Богданъ Хмельницкій. Первый изъ нихъ, Барабашъ, человѣкъ несталого характера, корыстолюбивый, промышлялъ о своихъ выгодахъ, и тому уважалъ найлучшимъ собѣ, служити шляхтѣ. Не того же рода человѣкомъ былъ Хмельницкій. Онъ, щиросердечный другъ народа, сердцемъ и душею прильнувшій до него, больно ôтчувствующій всю его горестную долю, былъ ніяко Провидѣніемъ на то избранъ, щобы станути представителемъ и грознымъ защитникомъ свого народа. Въ молодости своей отданъ былъ Богданъ на науку въ Кієвскую школу, а потомъ кончилъ свое обра-

зованье вѣ училищи Езуитôвъ, где научился бесѣдовати и переписоватись на розличныхъ языкахъ, а зъ ôтки и выйшолъ яко человѣкъ ученый образованый. Въ юношескихъ лѣтахъ ôнъ выбрался на Сѣчь межи Запорожцевъ, набралъ тамъ военного спрыту и ôтъ тогды былъ уже въ великой чести у козацтва. Съ Сагайдачнымъ бралъ ôнъ участь въ выправѣ на Молдаву, и тутъ пôдъ Цецорою дôстался въ турецкую неволю, где и научился говорити по турецки и по татарски. Пôзднѣйше ôнъ служилъ межи реестровыми козаками и за свои подвиги отличенъ бы́лъ достоинствомъ генерального писаря. Еще въ школѣ езуитской получилъ онъ одно важное свойстве, т. е., що умѣлъ онъ хоронити въ скрытости свои мысли, такъ що никто по немъ и догадатись не мôгъ, що въ его души кипитъ. Съ тымъ свойствомъ зналъ ôнъ въ одно время дѣлати два дѣла непостереженно для другихъ. Ôнъ участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ козацкихъ, но при томъ Поляки не мали на него николи подозрѣнья и месть ихъ оминала всегда Хмельницкого. Тая его скрытость и ловкость вôйшла потомъ и въ поговорку у народа, который собѣ говорилъ и спѣвалъ: „Богъ одинъ хиба вѣдае-знае, що Хмельницкій думае-гадае.“

Такимъ былъ Богданъ Хмельницкій. Онъ служилъ Польщи съ ре-

естровыми козаками и уважалъ розсуднымъ пока-що молчати; однакъ въ души его кипѣло-кипѣло неутомимою жаждою мести на видъ много-страдальческого народа свого, душа его рвалась улегчити гôрькую долю того народа. Но не часъ еще было дѣлати; „еще часокъ, еще часокъ терпи, народе мôй“, думалъ Богданъ — и дѣлалъ съ супокойнымъ видомъ свое дѣло. Тыхъ двохъ старшинъ, Барабаша и Хмельницкого и еще другихъ кôлькохъ довѣренныхъ козакôвъ запросилъ князь Осолинскій на нараду и переговорювалъ съ ними въ имени короля. „Король, говорилъ ôнъ, знае хорошо о всѣхъ вашихъ страданіяхъ и кривдахъ; ôнъ власными очима и съ болемъ сердца смотрѣлъ на казни вашихъ Гетманôвъ въ Варшавѣ; ôнъ отъ души спріяе козацтву и всему народу русскому и радъ бы улегчити ему гôрькую долю, но ôнъ самъ и его права черезъ самоволю буйной шляхты такъ стѣснены, що ôнъ тôлько сожалѣти може, що такіи рѣчи дѣются въ его королествѣ. Вы же носите збрую, маете саблѣ, такъ и зачѣмъ даете себе такъ гнобити? Вотъ теперь поможѣтъ королеви въ задуманой нимъ вôйнѣ съ Турками, а черезъ то пригнутся роги шляхтѣ, та и вы отдохнете и наживетесь славы и волѣ...“ Такъ промовилъ Осолинскій до козакôвъ на радѣ, а въ доказъ, що король ихъ не зводитъ, но настоящую щирую

мае думку, ôтдалъ ôнъ найстаршому вѣкомъ Барабашу королевскую грамоту. Въ сей грамотѣ призналъ король козакамъ всѣ давнѣйшіи ихъ права, убôльшалъ ихъ войско на 12.000 мужа, позволилъ имъ выправлятись куда захочутъ, чи на Чорное море, чи на Татаръ; также позволилъ имъ выбирати собѣ Гетмана и Старшинъ, а за тое мали они въ сей-часъ идти въ походъ на Турка. Тую грамоту, а съ нею и булаву гетманскую вручилъ Осолинскій Барабашу съ тѣмъ, щобы весь плянъ держался въ тайнѣ, поки не дастся знакъ изъ Варшавы.

Бесѣда Осолинского и грамота короля подѣйствовали очаровательно на умы козацкіи, въ особенности же на Хмельницкого. Онъ, що зъ давна посилъ въ своей душѣ тайную вражду до шляхты, готовъ таки въ сей-часъ порватись до дѣла. Однакъ и теперь еще завладѣлъ ôнъ надъ собою и рѣшился выжидати удобной хвилѣ — выжидати приказу ôтъ короля.

Межи тѣмъ вскорѣ сползли на ничêмъ всѣ благородныи пляны короля. Шляхта догадалась; въ чêмъ дѣло, подняла страшенный крикъ, що король хоче уничтожити панôвъ и обернути ихъ въ хлопôвъ. Скликано соймъ до Варшавы, где король припертый до стѣны, зъобовязался покинути свои гадки о вôйнѣ.

Но дѣло не кончилось на тôмъ. Зерно, киненое на Украину, принялось. Ме-

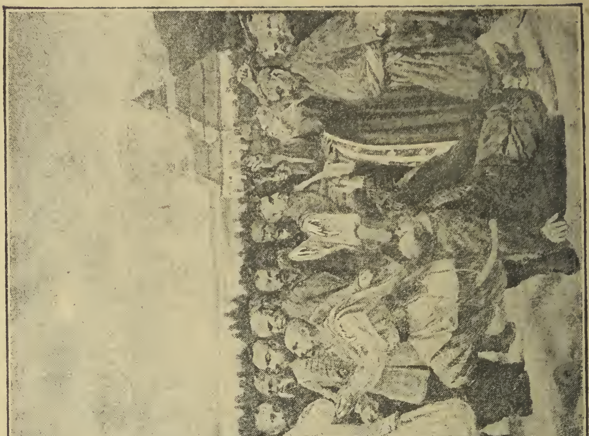
жи народомъ розносились вѣсти о грамотѣ и о поскромленью шляхты. Коли же Барабашъ, узрѣвши, що королевскіи замысли не повелися, ôтдался знову цѣлый на выслуги Польщѣ, тогды звернулись взоры козакôвъ на Хмельницкого и всѣ глядѣли на него, якъ на великого вожда своего, покладаючи въ немъ всѣ надѣи на избавленіе.

Самъ же Хмельницкій, смотрячи зорко за всѣмъ, що сталося въ Польщи и що дѣялось на Украинѣ, постановилъ въ мысляхъ зачати самъ грозныи дѣйствія противъ Польщи. Хитростію задобылъ ôнъ у Барабаша находящуюся королевскую грамоту, а щобы не возбужати противъ себе ніякихъ подозрѣній, удалился ôнъ въ свое село Суботовъ.

Въ той часъ приключилось одно событіе, которое стало найблизшимъ толчкомъ до отвертого выступленья Хмельницкого, яко врага Польщи. А было се такъ: Недалеко Суботова въ Чигиринѣ жилъ шляхтичъ подстароста польскій панъ Чаплинскій, личный ворогъ Хмельницкого. Чаплинскому тому захотѣлось конечно загорнути для себе село Суботово. Тожь коли разъ въ р. 1647 Хмельницкого не было дома, напалъ Чаплинскій съ шайкою своихъ чурôвъ на Суботово, пôдпалилъ село, зруйновалъ всѣ будынки, побилъ 10-лѣтного сына Хмельницкого такъ, що той на другій день померъ,

а въ довершеніе своей злобы еще и порвалъ насиліемъ молодую жену Хмельницкого та обвѣнчался съ нею по римскому обряду.

Вернулъ Хмельницкій до дому, та засталъ тôлько згарища по хуторѣ своемъ и могилу сына свого и узналъ, що и жену ему похищено. Закраялось его сердце тяжкою болѣзнію, розпукалось тое сердце, що и такъ уже носило цѣлое пекло самыхъ местныхъ чувствъ. Запозвалъ Хмельницкій Чаплинского передъ судъ старосты въ Чигиринѣ, но не найшолъ справедливости; поѣхалъ затѣмъ ажъ до Варшавы, занести жалобу передъ соймъ. Но и тутъ на соймѣ паны взяли сторону Чаплинского и еще обругали Хмельницкого, що будьто ôнъ, козакъ, за женою такъ горюе-розбиваеся. Огорченъ до крайности Хмельницкій удался до короля и предложилъ ему уже не тôлько свою кривду, но и всѣ бѣдствія и страданія русского народа, просячи для себе и свого народа о вымѣренье святой справедливости. Король, сочувствующій, якъ всегда, пригнетенному народу, отвѣтилъ Хмельницкому: „Я вижу, що здѣлано тобѣ великую кривду; но не выграешь ты справы передъ судомъ, и не остае тобѣ ничого, якъ тôлько поставити силу противъ силы. Я знаю о всѣхъ притѣсненіяхъ твого народа, но не въ силахъ я помочи вамъ. Пора бы вамъ згадати, що вы воины и при бо-



Чорная Рада Хмельницкого.

ку у васъ сабля; кто вамъ запрещае постояти за себе? Я изъ моей стороны буду вамъ всегда прихильный."

Получивши такій отвѣтъ, попращался Хмельницкій съ королемъ и отправился на Украину. Справы ôнъ не выгралъ, но съ ласкавымъ принятіемъ короля дозрѣла у него рѣшительная мысль: що прійшла пора своими силами, силами русского народа глядати собѣ своеи правды. Осталася ему одна дорога: взятися чѣмъ-скорѣйше до военного дѣла.

Якъ скоро Хмельницкій повернулъ на Украину, приказалъ ôнъ своимъ найбôльше довѣреннымъ козакамъ зôйтися на условленное мѣстце на „Чорную раду." А чорною радою называлась у козацтва такая рада, которая отбывалась тайно, безъ Гетмана и безъ Старшинъ, а тôлько при участіи самого простого козацтва. — Въ назначеный часъ въ ночи, стояли въ одной густой дубровѣ въ-округъ розложеного огня выбраныи козаки, а середъ нихъ отличалась ростомъ и повагою особа Хмельницкого. На него смотрѣли всѣ съ напряженою увагою, всѣ бо чувствовали, що услышатъ щось дуже важного. Тутъ заговорилъ Хмельницкій сильнымъ грознымъ голосомъ: „Братья! Не ма уже для насъ правды въ Польщи; мене осмѣяли, а вашу просьбу ôткинули съ поруганіемъ. До теперь переживаемъ тяжкіи годины; но настануть еще тяжшіи, бо

сенатъ польскій постановилъ выгубити все козацтво до послѣдного накорѣнка. Тожь чи маемъ дальше терпѣти наше рабство, чи дамося дальше ковати въ кайданы, чи дозволимъ погибати и всѣмъ братьямъ нашимъ на Украинѣ, Подôлью, Волыню и Галичинѣ?“ По тыхъ словахъ всѣ козаки единодушно озвались: „Годѣ намъ долше терпѣти! Пора взяти за саблѣ.“ „Такъ и я думаю, сказалъ Хмельницкій: „пора зачати дѣло, бо уже не вытерпѣти намъ самоволѣ панской. Но мы сами не здѣлаемъ ничого противъ ихъ силы, противъ ихъ пушокъ, а треба оглянутися за помочію. На Великой Руси теперь ей не достанемъ, бо она сама истощена недавными борьбами; не ма иншои рады а мусимъ собѣ запросити Татаръ. Правда, Татаре поганцѣ, а Поляки вѣра христіянска; но за свое поступованье съ нами шляхта ихъ заслужила поганского бича. Така моя рада; той радѣ чей не противенъ и самъ король.“ — „Добра твоя рада, батьку,“ возголосили козаки и постановили единодушно на вôйну противъ Польщи призвати собѣ до помочи Татаръ. Такъ радили они съ батькомъ Хмельницкимъ надъ способами и приготовленьями до вôйны цѣлую тую нôчь, а надъ раномъ розôйшлася рада тайкомъ такъ само, якъ была собралась.

Но уже при первомъ завязку того великого дѣла оно мало-що и не розби-

лось. Найшолся межи козаками такій одинъ зрадникъ, который открылъ Полякамъ все, що было говорено и постановлено на Чорной радѣ. Гетманъ Потоцкій приказалъ въ сей-часъ увязнити Хмельницкого. Такъ и ждала увязненного Хмельницкого неминуема смертная казнь. Но не допустилъ Богъ на него такои казни. Полковникъ Кречковскій, которому увязненый отданъ былъ пôдъ стражу, зъ давенъ спріялъ Хмельницкому; отже на свою руку выпустилъ его въ ночи изъ вязницѣ. Спасенный такимъ способомъ Хмельницкій досѣлъ коня и погналъ вихромъ въ безпечную Запорожскую Сѣчь.

Початокъ вôйны.

Победы Хмельницкого у Жолтыхъ-водъ и пôдъ Корсунемъ 1648 г.

Зимою р. 1647 станулъ Хмельницкій въ Сѣчи, но не засталъ тутъ бôльше якъ 300 Запорожцêвъ. Съ ними ôнъ переговорилъ ôтъ сердца, велѣлъ имъ пустити по краю громкій покликъ „до важного дѣла“, а самъ съ сыномъ и кôлькома козаками отправился въ Крымъ до ханаИслямъ-Гирея. Ханъ выслухалъ Хмельницкого и згодился дати ему помочь противъ Польщи тѣмъ охотнѣйше, що Поляки уже черезъ кôлька лѣтъ не

платили ему гарачу 20.000 червонцевѣ.
Въ сей-часъ выдалъ Ханъ подвладному
своему „мурзѣ“ (военачальнику) дикому
Тугай-Беееви приказъ, щобы той без-
преволочно станулъ помогати Хмельниц-
кому. Такъ уладилось вступное дѣло. —
Хмельницкій довольный верталъ на За-
порожье.

Запорожцѣ тымчасомъ розпустили
покликъ по всѣхъ окрестностяхъ Украи-
ны; повсюду розносилились слухи, що на
Запорожью приготовляется численная
дружина къ высвободженью русского на-
рода изъ-подъ тягостной панской нево-
лѣ. Слухи такіи розворушили весь на-
родъ, и изъ всѣхъ сторонъ начали про-
диратись тайкомъ толпы здôбныхъ до о-
ружія людей на Запорожье. Не помагал
ніякіи запрещенія, ни наказанія изъ поль-
ской стороны, щобы не допускати наро-
да на Сѣчь; всѣ найстрожшіи мѣры, под-
нятыи противъ такихъ бѣглецêвъ, н
тôлько были безъуспѣшны, но еще бôль-
ше роздражнялп народъ и побужали ег
тѣмъ численнѣйше переходити въ ту
сторону, где заблысла нагло надѣя и
бавленія. Лютились паны безъ конц
коли видѣли, якъ поволи во всѣхъ зак
тахъ земель русскихъ добывается голос
неудовольства — вѣстникъ народного вс
станія, — но воздержати тое движеніе
были они въ силахъ.

Хмельницкій, коли вернулъ изъ Крыма, ажь зачудовался, увидѣвши Запорожье такъ оживлене, якимъ оно давно уже не было. Ôнъ увидѣлъ тутъ 15.000 народа козацкого, выжидающого тôлько начальника свого, щобы услышати ôтъ него знакъ до походу. Якъ тôлько явился Хмельницкій на Сѣчи и росповѣлъ о своемъ посольствѣ, всѣ воскликнули: „Слава и честь Хмельницкому! Ôнъ нехай буде нашимъ Гетманомъ, а мы пôдемъ за нимъ на край свѣта, хотяй-бы прійшло и всѣмъ головы положити.“ Такъ и оголошено Хмельницкого торжественно Гетманомъ цѣлой Украины и вручено ему знамена гетманскіи: бунчукъ съ золоченою головкою, позолоченую булаву съ дорогими каменями и серебрянную войсковую печать. — Хмельницкій принялъ гетманство, и въ радости, що замышленное нимъ великое дѣло такъ хорошо иде въ передъ, вступилъ съ козаками въ церковь святу, где отправлено благодарственный молебенъ, а потомъ ôнъ, яко новый Гетманъ, принялся устроювати козацкое войско.

Въ Цвѣтню 1648 г. дôйшла вѣсть до пана гетмана Потоцкого, що Хмельницкій выступилъ уже изъ Сѣчи. Гордый панъ принялъ сперва вѣсть тую яко маловажну, и сказалъ: „Сором посылати значнѣйше войско противъ якой-нибудь никчемной шайки хлопôвъ,“ и выслалъ про-

тивъ Хмельницкого реестровыхъ козакôвъ съ начальникомъ Барабашемъ на байдакахъ по Днѣпрѣ, а другiй отрядъ 2.000 польской шляхты на коняхъ пôдъ

Богданъ Хмельницкiй.

начальствомъ сына свого Стефана сушею по Днѣпровому берегу. Кромѣ того придано еще панской кôнницѣ для охороны 12 пушокъ и множество возôвъ, наладованыхъ всякими роскошными стравами,

пышными военными приборами и одѣнями. Такъ выладованымъ таборомъ выправились паны съ реестровыми козаками „карати“ Хмельницкого и збунтованное хлопство. Бѣдняки! не знали они съ якимъ противникомъ прійдеся имъ помѣритись. Они перецѣнили свою силу, а не доцѣнили збунтованное, но отчаянное хлопство!

Хмельницкій вырушилъ уже въ самомъ дѣлѣ изъ Сѣчи и велъ за собою 8.000 самого хороброго рыцарства (решту оставилъ на будущій часъ), а за нимъ тягнулъ Тугай-Бей съ 4.000 мужа, и они станули таборомъ надъ потокомъ Жолтыи-воды.

Черезъ своихъ розвѣдчикôвъ Хмельницкій доставалъ найточнѣйшіи вѣдомости о силахъ непріятельскихъ и о всѣхъ ихъ движеніяхъ. Жаль было дуже идти Хмельницкому съ оружіемъ на реестровыхъ козакôвъ и ихъ — братей русскихъ побивати. Коли отже дознался ôнъ, що козаки тіи плывутъ по Днѣпрѣ и уже недалеко Жолтыхъ-водъ находятся, выслалъ до нихъ кôлькохъ Запорожцêвъ на переговоры, а въ-конецъ поспѣшилъ и самъ до нихъ и встромивши на берегу бѣлую хоругвь съ надписію „Миръ христіянству“, промовилъ: „Братья рыцарѣ! Нехай буде вамъ вѣдомо, що мы взялись за саблѣ не для славы, а идемъ на Польщу за вѣру, за козацтво, за весь русскій

народъ. Всѣ народы боронятъ своей свободы; то якъ же? вы будете проливати кровь рôдной братіи вашой? Вы схочете

Походъ Хмельницкого съ Тугай-Беемъ.

оставати невôльниками на своей земли? Чи не васъ то Поляки называютъ хлопами? Чи не они замучили нашихъ Гетмановъ и Старшинъ за тое, що они посто-

яли за права своей Украины? Таже одна мати Украина всѣхъ насъ породила; чижь будете помагати польской коронѣ, що заплатила вамъ неволею, чи скорше своей матери Украинѣ?“ На тіи слова ôткликнулись реестровцѣ: „Не дожіемъ того сорому, щобы мы стали помагати ворогамъ противъ братіи нашой!“ И въ той хвилѣ потопили въ водахъ Днѣпра польскіи прапоры и хоругви, а затѣмъ кинулись на старшихъ Поляковъ, порубали ихъ и покидали въ Днѣперъ. Тутъ то межи другими згинулъ такою смертію зъ рукъ козацкихъ такожъ Барабашъ, приверженецъ Польщи. На другій день рано перейшли всѣ реестровыи полки съ полковникомъ Кречковскимъ въ таборъ Запорожцêвъ.

Тымчасомъ пôдступалъ уже и панъ Потоцкій съ своею кôнницею и пушками пôдъ Жолтыи-воды. Увѣдавши о поступку реестровыхъ козакôвъ, Поляки попали въ великій страхъ. Потоцкій выслалъ гонцêвъ до свого батька о помочь; но надармо. Хмельницкій переловилъ всѣхъ гонцêвъ, отправилъ Татаръ окружити таборъ польскій изъ всѣхъ сторонъ, а самъ дня 5 Мая выѣхалъ на кони передъ своихъ Запорожцêвъ и закликалъ до нихъ громкимъ голосомъ: „Рыцарѣ - молодцѣ, славныи Запорожцѣ! Прійшолъ часъ постояти грудію за русскую Церковь, за русскую вѣру. Богъ вамъ допоможе!

Стôйте смѣло противъ гордой польской силы, бо и чогожь вамъ боятись? Та вѣдай батьки наши били ихъ на голову, а вы, сыны тѣхже могущихъ предкôвъ вашихъ! Покажѣтъ свое завзятье, добудьте славы и рыцарства вѣчного. Кто за Бога, за того Богъ!“ По той жаркой промовѣ Хмельницкого кинулось одушевленное козацтво на польскій таборъ съ великимъ крикомъ, ворвалось въ саму середину польскихъ войскъ и начало страшенное опустошенье. Польское войско стояло въ первой хвили оцѣпенѣлое въ мертвой тишинѣ, а потомъ начало въ страху утѣкати. Но тутъ не пора была до бѣгства. Изъ всѣхъ сторонъ налѣтали то козаки, то Татаре. Видячи свое безвыходное положенье, Поляки стали отбиватись въ отчаянью. Козаки ôтобрали Полякамъ всѣ пушки и начали изъ нихъ пальбу. Цѣлое польское войско пало трупомъ, малое тôлько число ихъ начальникôвъ попалось въ татарскую неволю. Молодый Потоцкій, полумертвый, валялся въ крови. Запорожцѣ подняли его и повиваючи плахтами, приговорювали: „Бѣдный пане Стефане! не попалъ небоже — на Запороже, а поховалъ свою шляхту — на болотахъ въ плахту.“ Потоцкій умеръ на другій день отъ ранъ. Межи тыми, що дôстались въ неволю, былъ Стефанъ Чарнецкій, пôзднѣйше мучитель Руси и Иванъ Выговскій, который зыскалъ

довѣріе Хмельницкого и сталъ писаремъ въ козацкомъ войску. Всѣхъ плѣнниковъ отведено до города Чигирина, который пôддался козакамъ.

Такъ началъ Хмельницкій свою вôйну первою великою и славною побѣдою пôдъ Жолтыми-водами. Въ той битвѣ ôнъ ніяко святилъ свое оружіе до дальшихъ побѣдъ. О битвѣ сей и побѣдѣ доховалась до нынѣ згадка въ одной козацкой пѣсни, где вспоминается межи прочимъ: „Отъ Жолтыхъ-водъ до княжихъ байракôвъ зеленое поле зарябилось не весенными цвѣтами, а панскими тѣлами... Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ Ляшенькамъ; напились они жолтой водицѣ, та видно, хмѣлю много было заправлено, не устояли на ногахъ... Слава най буде Хмѣлеви-Хмельницкому, що помстилъ кривды русского народа и освободилъ рôдну матерь Украину ôтъ тяжкого ярма и неволѣ ляцкой...“ Такъ прославилъ русскій народъ уже первую побѣду Хмельницкого надъ Полянами.

Головная сила польского войска стояла коло Черкасъ. Гетманы польскіи, старый Потоцкій и Калиновскій, пировали спокойно, а и не припускали до головы той грозы, якая уже встрѣтила одну часть ихъ войска, а яка и на нихъ самыхъ вкоротцѣ мала нагрянути. Ажь тутъ одного дня прибѣгъ въ ихъ таборъ одинъ раненый ихъ шляхтичъ, которому якось

удалось счастливо умкнути изъ-пôдъ Жолтыхъ-водъ. Той росповѣлъ о всемъ, що случилось. „Все пропало, говорилъ ôнъ Потоцкому: реестровцѣ намъ измѣнили, цѣлый нашъ таборъ забраный, войско полягло до одного. Сапѣга, Чарнецкій и еще другіи въ неволи, а твôй сынъ, порубаный козацкими саблями розстался со свѣтомъ.“ Мовь громъ ударила вѣсть тая въ Потоцкого и въ цѣлое его войско. Потоцкій заломилъ руки и вybухнулъ голоснымъ жалемъ за сыномъ своимъ, а „все войско (якъ каже лѣтописецъ) стало такъ блѣде, якъ блѣда бывае трава, прибитая морозомъ, коли по холодной ночи возсѣяе солнце.“ Ужасъ и тревога переняли всѣхъ ôтъ найстаршого, въ битвахъ посивѣлого Гетмана ажь до послѣдного простого воина. Тревога взмоглась еще бôльше, коли изъ всѣхъ сторонъ доходили певныи вѣсти, що по селахъ и городахъ возстае народъ и що Хмельницкій наближается.

Въ томъ розпачливомъ положенью собралъ Потоцкій своихъ полководцêвъ на раду, и тіи рѣшили на-скорѣ забиратися назадъ и уступити до якой крѣпости. Пополохъ и тревожныи вѣсти увѣрили ихъ, що они въ отвертомъ поли не устоять противъ Хмельницкого. Всѣмъ стало сумно-маркотно на души и видно было, що каждый радъ бы былъ убѣгчи теперь до своей Польщи, оставивши на

Украинѣ всѣ свои добытки. Якъ-стой ôтступили Поляки ôтъ Черкасъ и третого дня были уже пôдъ Корсунемъ надъ рѣкою Росiю. Тутъ однакъ прiйшла знову сумная для нихъ вѣсть, що Хмельницкiй туй-туй за ихъ плечима. Не было уже чого дальше утѣкати, а хочь-нехочь треба было станути и войти въ битву.

А Хмельницкiй тымъ часомъ въ самомъ дѣлѣ приближался, и 15 Мая 1648 г. станулъ пôдъ Корсунемъ. Ôтъ пороху, взбивающогося изъ-пôдъ козацкихъ нôгъ, и ôтъ туркоту посувающихся ихъ возôвъ, здавалось, що то поступае якая 100.000 армiя, хотяй всего козацтва было пôдъ Корсунемъ лишь 20.000 мужа. Знаючи завзятость рыцарей своихъ, Хмельницкiй мôгъ смѣло напасти на непрiятеля и полагати на побѣду. Однакъ ôнъ, яко добрый батько, хотѣлъ щадити кровь козацкую, и тому передумовалъ все хитрыми штуками пôдводити и побѣджати ворога. Вотъ и теперь придумалъ ôнъ таку складную штуку, котора ему якъ найлучше удалась. Ôнъ выбралъ кôлька проворныхъ козакôвъ, а обучивши ихъ, що маютъ говорити и дѣлати, выслалъ ихъ въ сторону польского табора, щобы дали Полякамъ взяти себе въ плѣнъ. Козаки, выученыи въ хитрости, перекрадались коло польскихъ окопôвъ, а замѣчены польскими жолнѣрами, были пойманы и приведены передъ Потоцкого. На допросы Потоцкого

зачали они по долшихъ пыткахъ росповѣдати, що козацкого войска назбиралось у Хмельницкого тьма, що съ Хмельницкимъ иде Тугай-Бей въ 50.000, и що самъ Ханъ Крымскій обѣцялъ незадолго прійти съ цѣлою ордою. „Учувши тое Поляки, испугались до-решты и руки у нихъ опустились (якъ говоритъ лѣтописецъ); весь розумъ ôтъ нихъ ôтступилъ.“ Собрались они на раду и урадили: чѣмъ-скорѣйше утѣкати. Щобы же не наткнутись на козацкій таборъ, приказалъ Потоцкій своимъ войскамъ уступати не гостинцемъ, а крутыми боковыми дорогами, и взялъ за провôдника одного изъ пойманыхъ козакôвъ, которыхъ сюда подослалъ былъ Хмельницкій. На милю ôтъ Корсуня было урочище, званое Крута Балка. День передъ тѣмъ выслалъ Хмельницкій своихъ козакôвъ на тое мѣстце и велѣлъ имъ на склонѣ дороги зъ горы въ долину понарубовати деревъ, навалити каменей, а самымъ засѣстись въ гущавинѣ и выжидати съ оружіемъ непріятеля, щобы загородити ему дорогу. Вымыслъ Хмельницкого удался якъ найлучше. До-свѣта выбрались Поляки со всѣми возами, пушками, съ кôнницею изъ-пôдъ Корсуня, и пронабравши отухи, поступали скоро за провôдникомъ-козакомъ. Хитрый козачище часомъ тôлько покрутилъ усъ, поглянулъ мстивымъ взоромъ на польскій таборъ, усмѣхнулся незначительно, та провадилъ

що-разъ дальше Поляковъ, провадилъ простѣсенько—на Крутую Балку. Ко ли уже зближались Поляки до того несчастного урочища, нагло изъ всѣхъ сторонъ полетѣли на нихъ татарскіи стрѣлы. Раженныи такъ несподѣванно, пустились Поляки съ таборомъ въ лѣсъ, но тутъ и застрягли они въ ровы, трубощи и болотнистыи яры, где лежали порубаны дерева и камѣнье. Тутъ выскочили укрытыи въ засѣдцѣ козаки и ударили просто въ лице испуганымъ и до крайности помѣшанымъ польскимъ отрядамъ; а въ тое самое время наступалъ уже на нихъ изъ-заду Хмельницкій съ головною своею силою. Такъ попались Потоцкій и Калиновскій въ такую лапку, изъ которой уже ни способу не было выйти имъ здоровымъ. Въ найбôльшомъ безпорядку кидалось польское войско на всѣ боки, то въ лѣсъ, то въ болота, а всюда выростали якъ зъ-пôдъ земли козаки, та и тяли ихъ якъ снопы на полы. Потоцкій, видячи, що нема спасенія, пôддался Хмельницкому по совершенномъ пораженіи. Цѣлый польскій таборъ съ обома начальниками, цѣла артилерія, всѣ запасы военныи достались въ козацкіи руки. — А коли уже притихло по битвѣ, козаки, отпочавши по тяжкой роботѣ, начали сходитись коло своихъ плѣнниковъ и дражнили ихъ насмѣшками. Пана гетмана Потоцкого одѣли въ хлопскую сермягу; еще-жь для

бôльшои потѣхи козацтва велѣлъ его Хмельницкій посадити на пушку, а козаки, везучи его, приспѣвовали: „Ой Потоцкій, Потоцкій! розумъ въ тебе жêноцкій; не годишся ты гетмановати, за то треба было тебе Хмельницкому ôтдати! Пôдешь небоже за Запороже, у Татаръ сырой кобылины жовати".

На другій день велѣлъ Хмельницкій ôтправити благодарственный молебенъ за побѣду, а послѣ началъ роздѣляти добычу. Найбôльшую часть плѣнникôвъ ôтдалъ ôнъ Татарамъ въ неволю; межи ними пôйшли въ неволю тую гетманы Потоцкій и Калиновскій. „Поѣхали (говоритъ украинская пѣсня) панскіи рыдваны въ Крымъ пышно и велелѣпно: то были два польскіи Гетманы съ ихъ полковниками и ротмистрами, а возы ихъ со всякимъ добромъ остались Запорожцямъ, щобъ полатати козацкую худорбу". И обогатились бо козаки по той битвѣ: на каждого припало стôлько дорогой добычи, що на долгій часъ всѣ имѣли довольно убранства и зъѣстныхъ припасôвъ, а также и оружія и коней. Самъ Хмельницкій на свою часть дôсталъ 13 возôвъ, наладованыхъ панскими скарбами.

Корсунская побѣда была дуже важною въ своихъ послѣдствіяхъ: наразъ бо отворились русскому народови очи, ôнъ познавъ, що гнобителѣ его не такъ суть могучіи и непобѣдимы, якъ велича-

лись, ôнъ узрѣлъ, що упала панска гордость пôдъ соединенными ударами рабôвъ, которыи рѣшились въ-конецъ скинути изъ себе панское ярмо. — Вѣсть о сей побѣдѣ рознеслась молнiею по цѣлой русской землѣ и повлiяла чародѣйно на всѣхъ еи жителей. Народъ пôднêсъ пригнетенную голову, щобы розвязати неволею повязаныи руки, и рвался до Хмельницкого, щобы помагати ему въ дальшомъ дѣлѣ освобожденiя Руси.

По битвѣ Корсунской поступилъ Хмельницкiй пôдъ Бѣлую-Церковь и розложился тутъ спокойно таборомъ, не рѣшенъ еще, що ему дальше дѣлати. Воювати польского короля ôнъ не имѣлъ намѣренья, короля бо того ôнъ уважалъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ, а тутъ съ каждымъ днемъ прибывало ему щоразъ бôльше народу до козацкого войска. Ажъ нечайно прiйшла изъ Польщи вѣсть, що король Владиславъ упокоился. Тое событiе розвязало Хмельницкому руки, и теперь ôнъ уже не надумовался, а рѣшилъ коротко: идти дальше вôйною на Польщу.

Очищенье русскихъ земель. — Непорадная година въ Польщи.

Рôкъ 1648 былъ для Польщи страшный рôкъ! Въ двохъ битвахъ стратили Поляки майже цѣлую свою военную силу,

король Владиславъ умеръ, а Хмельницкій стоялъ имъ съ грозною силою за плечима. Пополохъ и тревога межи Поляками взросли до найвысшой степени: многіи изъ нихъ утѣкали съ цѣлыми родинами за границю, другіи, будьто выжидаючи судного дня, постили и молились за свои грѣхи. Въ той непорадной годинѣ найшолся одинъ здорово-мыслящій человѣкъ, который поднялся хитростію ратовати Польщу ôтъ погибели. Человѣкомъ тымъ былъ воевода Брацлавскій Адамъ Кисель. Русинъ зъ роду и вѣры. Кисель признавался еще и теперь до своей народности и до Церкви русской, однакъ ôнъ сжился уже такъ съ Поляками, що русского характеру не было въ немъ и слѣду, а за тое цѣлымъ сердцемъ тягнулъ за Польщею. Русскій народъ зъ давенъ недовѣрялъ Киселеви и поговорювалъ собѣ, що „у Киселя русскіи вправдѣ кости, но они заросли докола польскимъ мясомъ.“ — Той то Кисель задумалъ теперь политикою послужити Польщѣ и выдобыти ю зъ несчастного положенья. Ôнъ то ôтъ самого початку великой вôйны козацкой старался задобрити Хмельницкого розличными обѣцянками, и теперь вôйшолъ съ Хмельницкимъ въ новыи мирныи переговоры. По тыхъ переговорахъ Хмельницкій згодился до мѣсяця Вересня не идти съ войскомъ на Польщу.

Но въ тôмъ же самомъ часѣ на вѣсть о побѣдахъ Хмельницкого зажглась цѣлая Русь ôтъ Карпатъ до границѣ царства Вел. Русского однимъ пламенемъ ужасного возстанія. Всюда по мѣстахъ и селахъ собиралися вооруженныи шайки молодыхъ и старыхъ людей, записовалися пôдъ хоругвь Хмельницкого, и они то самы съ проводирами своими розбѣгалися по краю, щобы, якъ они говорили: „очищати русскую землю.“ Настала-жь тогды для Польщи послѣдняя година. Шайки такіи, званыи „загонами,“ умножалися надзвычайно скоро, а было ихъ множество на Подôлью, на Волыню, въ Галичинѣ, на Литвѣ, въ Бѣлой Руси и за Днѣпромъ. Съ завзятостію и бѣшенствомъ кидалися они на польскіи дворы и замки, на костелы и кляшторы, и палили, грабили, убивали безъ пощады, безъ опамятанья; по дворахъ панскихъ рѣзали, кого надыбали, безъ розбору, чи старцêвъ, чи женщинъ, чи дѣтей. Лютости и дикости ихъ не было мѣры. Памятаючи, якого поруганія и якихъ обидъ зазнавала русская вѣра отъ загорѣлыхъ католикôвъ, кидалися теперь тіи загоны съ ожесточеніемъ на польскихъ ксендзôвъ, предавали ихъ поруганію, грабили, рѣзали, топили и мучили безъ милосердія. Найбôльше досталося жидамъ, которыи яко арендаторы панскихъ добръ и русскихъ церквей, довели народъ до

крайного отчаянія. Теперь отже, коли случилася способность, выливалъ народъ на нихъ цѣлую грозу мести своей. По современному преданію погибло тогды якихъ 100.000 жидôвъ. Одинъ рабинъ зъ тыхъ часôвъ записалъ въ своихъ письмахъ: „не остало тогды въ русской земли ни одного жида; всюда по поляхъ, по ровахъ, въ потокахъ лежали тѣла братей нашихъ, бо гонителѣ ихъ были быстрѣйши ôтъ орлôвъ пôднебесныхъ“.

Вся шляхта польска, поселенная на русскихъ земляхъ, въ безъумномъ страху не боронилась, а утѣкала, коли ей то удалось. Одинъ лишь изъ всѣхъ польскихъ панôвъ не стратилъ отваги, а то былъ князь Іеремія Вишневецкій. Человѣкъ сей, отличный на цѣлу Польщу своимъ мужествомъ и твердымъ характеромъ, происходилъ изъ родины русскихъ князей. Отецъ его Михаилъ умеръ яко твердый Русинъ въ православной вѣрѣ. Еремія же ôтданый въ дитинствѣ въ езуитскую школу, перемѣнилъ свою вѣру, сталъ католикомъ, а разомъ съ тѣмъ сталъ ненавистникомъ и гонителемъ русской вѣры и народности. Въ своихъ огромныхъ добрахъ на Украинѣ ôнъ заводилъ съ завзятою ревностію латинство, а гонилъ православныхъ и розбивалъ русскихъ людей. Своею отвагою и жестокимъ обходженьемъ съ народомъ былъ

ôнъ извѣстный а при томъ и зненавидженый на цѣлой Руси.

Въ той часъ, коли возставшіи „загоны" очищали русскую землю ôтъ Польщи, собралъ Вишневецкій около себе до 8000 мужа войска, гонилъ за тыми, якъ ихъ называлъ, „гайдамаками," и розгонялъ численныи шайки тыхъ-же, а кого тôлько дôсталп въ руки, то мстился на нêмъ съ такою самою дикостію, съ якою розъяреныи хлопы воювали Полякôвъ. Онъ выгадовалъ найстрашнѣйшіи муки и казни, и приговорювалъ до своихъ воинôвъ: „Мучте ихъ такъ, щобы они чувствовали, що умираютъ." Въ той гонитьбѣ за гайдамаками загнался ôнъ въ-конецъ на Волыню на сильный отрядъ найгрознѣйшого ватажка Кривоноса. Два разы потыкался ôнъ съ тымъ отрядомъ въ отвертой битвѣ, но помимо своей хоробрости и вправы военной, мусѣлъ уступати передъ нимъ до Польщи.

Цѣлое лѣто 1648 бушевали тіи гайдамацкіи загоны по Руси зъ одной и другой стороны Днѣпра, руйновали панскіи маетки, розбивали Полякôвъ и жидôвъ, очищовали ôтъ нихъ русскіи землѣ, та заняли всѣ найважнѣйшіи городы пôдъ власть Хмельницкого. Въ короткомъ часѣ сталъ Хмельницкій паномъ всѣхъ земель русскихъ, хотя самъ сидѣлъ спокойно въ Чигиринѣ, переговорювалъ съ польскимъ сенатомъ, а вразъ-же устрою-

валъ доборовое свое козацкое войско заготовляючись до дальшои вôйны. Мирныи переговоры съ Польщею не довели до ничого. Гордая шляхта, не смотря на тое, що находилась въ такъ безвыходно сумномъ положенью, не прозрѣла, не хотѣла добачати грозящого небезпеченства, не хотѣла и теперь еще ôтдати Руси справедливости, а поставила такіи условія, которыи могли тôлько Хмельницкого и весь русскій народъ бôльше роздражнити и оскорбити. Видно, такъ въ вѣчной книзѣ призначенья было записано, що Поляки въ ономъ памятномъ роцѣ 1648 ни прозрѣти, ни добачити не мали того, яко зъ оного же года началось несчастное роспаденіе ихъ державы, а то именно черезъ тое, що за появленіемъ Хмельницкого уже водворилась и глубоко вкоренилась въ русскомъ народѣ мысль: Русь ôтъ Польщи цѣлковито ôторвати, на всегда освободити.

Въ мѣсяци Серпню 1648 г. поднялся Хмельницкій изъ-пôдъ Бѣлой-Церкви и ступалъ быстрымъ походомъ на Волынь до рѣки Случи. За нимъ тягнулось доборовое козацтво, дышущое жаждою наскрôзь военною.

Битва надъ Пилявкою.

Собрали Поляки новое войско изъ 36.000 мужа шляхты противъ Хмельницкого, и поставили надъ ними трехъ выхуханыхъ въ пухахъ роскоши панôвъ: Заславского, Конецпольского и Острога. Тіи паны еще зъ роду не видѣли вôйны: первый изъ нихъ былъ наскрôзь изнѣженый въ забавахъ, вторый молодикъ, що ледво уса ему зачали сѣятись, а третій славный хиба тѣмъ, що зналъ добре по латинѣ бесѣдити. Хмельницкій назвалъ ихъ про тое отвѣтно до ихъ способностей, одного „перина,“ другого „дитина,“ а третёго „латина.“ Тіи три начальники повели собранное войско пôдъ Глиняны, где мали таборомъ розложитися. Войско тóе были то самыи новобранцѣ, паны, которыи теперь вели житье розпустне середъ достаткôвъ, награбленыхъ зъ русскихъ земель. Призвычаены уважати хлопа за худобу, говорили они и теперь: „Противъ такои голоты не стоитъ тратити куль; мы ихъ нагайками розженемъ по поли.“ Другіи были до той степены зарозумѣлы, що ôтмавляли такую молитву: „Господи Боже! не помагай ни намъ, ни имъ, а тôлько зъ далека придивляйся, якъ мы напрахъ розôбьемъ тую хлопскую череду.“ Самы же выправились не якъ-бы на вôйну, а якъ-бы ино мали повеличатись

своими строями, кôньми и богатствами. У каждого былъ кôнь чудо - красивый, сѣдла серебряныи та вызолоченыи, саблѣ съ серебряными вырѣзками, бархатныи контуши, пôдбитыи дорогими футрами, на шапкахъ китицѣ съ дорогими каменями, чоботы съ серебряными или золотыми острогами, на шіи ихъ блестѣли золотыи ланцухи, за поясомъ торчали богатыи кинджалы. Но еще бôльшу роскошь видно было за столами при ихъ обѣдахъ и вечеряхъ. Тутъ заставляли они пребогатыи всякіи начинья и кубки изъ золота и серебра, а каждый изъ панôвъ вêзъ за собою бочки съ виномъ, медомъ, припасы до ѣдженья, цукры и всякіи ласощи. Що бôльше: для выгоды тѣла везли они еще съ собою ванны до купанья и богатую постêль, щобы панское ихъ тѣло въ поли не зныдѣло. — Такого то войска выправила Польща 36.000 мужа противъ Хмельницкого. Но кромѣ того славетного табора пôдъ Глинянами собрался другій таборъ польскій пôдъ Константиновомъ. Былъ то таборъ Іереміи Вишневецкого. Сей гордый магнатъ, огорченый тѣмъ, що не его выбрано теперь гетманомъ коронного войска, хотя ôнъ одинъ зъ-помежи всѣхъ Поляковъ извѣстный былъ яко найотличнѣйшій полководецъ, закпилъ собѣ зъ Варшавского сенату и поставилъ на власную руку военный таборъ изъ 12.000 мужа

самой доборовой шляхты, та и не хотѣлъ прилучитись до тамтого, якъ называлъ „бабского войска,“ но станулъ собѣ окремо пôдъ Константиновомъ. Межи обома польскими таборами происходили сварнѣ, которыи еще бôльше не допускали ихъ до полученьяся, що было Хмельницкому цѣлкомъ на руку.

Дня 20 Сентября приближился Хмельницкій до рѣчки Пилявки и станулъ напротивъ польского коронного табора. По короткихъ перепалкахъ рознеслась межи Поляками грозная вѣсть, що цѣлая орда Татаръ спѣшитъ подати руку Хмельницкому. Вѣсть тая выкликала огромный переполохъ: въ ночи зачали утѣкати польскіи войска, покидаючи все свое майно. Надъ раномъ добачилъ Хмельницкій движенія непріятеля, и нужь цѣлою своею силою пустился за нимъ въ погоню. Межи утѣкаючими подвоилось замѣшанье и страхъ: всѣ кидали оружіе, каждый кричалъ: „стôйте!“ а самъ утѣкалъ безъ памяти. Збитыи въ толпы паны доставались громадно въ неволю, другіи скидали зъ себе многоцѣнныи збруи и одежи, щобы легче было утѣкати. Цѣлый богатый и величавый польскій таборъ дôстался козакамъ майже безъ выстрѣла. Якъ росповѣдаютъ современныи лѣтописцѣ, взяли тогды козаки 100.000 возôвъ съ кôньми, наладованыхъ всякими достатками, 80 пушокъ и на 10 миліонôвъ роз-

личныхъ дорогоцѣнностей, не вчисляючи уже шеломôвъ, оружія, соболевыхъ футръ, перскихъ матерій, постелѣ и прч., все бо тое валялось по полю на цѣлую милю. Съ жаждою кинулись хлопы на тіи дорогоцѣнности, на ласощи, ѣдла, вина и напитки, а черезъ то занедбали дальше преслѣдовати решту утѣкающихъ безъ ума-души рыцарей. Но и того уже, що сталось было довольно, щобы видѣти, якъ страшная кара Божа спôткала Поляковъ за ихъ гордость и нелюдскость.

Въ той самъ часъ стоялъ пôдъ Константиновомъ таборъ Вишневецкого, выжидаючи непріятеля. Тогда же дознался Вишневецкій, якъ недобитое коронное войско хоробро зъ-надъ Пилавки поутѣкало, пустился и самъ на-утѣкача до Львова, а выдерши тутъ ôтъ мѣщанъ контрибуцію военную для себе, поѣхалъ до Варшавы, где власне тогды собрался Соймъ выбирати нового короля.

Осада Львова и Замостья.

По Пилявской битвѣ остигъ нагло Хмельницкій въ военномъ запалѣ, и вражда, якую носилъ ôнъ въ сердцѣ своемъ противъ Польщи, якось на разѣ усмирилась. Бачь, ему яко-бы наскучились уже безъустанныи битки. Теперь по такъ славныхъ побѣдахъ, по совершенномъ

истребленіи польскихъ войскъ на Руси, ôнъ мôгъ безпечно идти на Варшаву и примусити панôвъ, щобы приняли его условія; мôгъ совершенно переломити самоволю буйной шляхты и саму Польщу перетворити на лучшій ладъ. Однакъ на тое не отважился Хмельницкій, не повелъ дальше дѣла въ удобную пору такъ, якъ оное былъ зачалъ. Поступаючи поволи, не рѣшался ôнъ на ніякое дѣло. Иванъ Выговскій, шляхтичъ польскій, що дôстался до неволѣ козацкой пôдъ Жолтыми-Водами, а потомъ успѣвшій собѣ добитись довѣрія и дружбы у Хмельницкого, дораджовалъ ему теперь и пôдмовлялъ его, щобы ôтступилъ ôтъ дальшого походу, а задоволялся бы уже тѣмъ покореніемъ Поляковъ, якого до теперь доказалъ, и щобы спокойно верталъ въ свою Украину. Пôдмовы Выговского, здается, подобались Хмельницкому, бо по дорозѣ коло Збаража ôнъ созвалъ военную раду козацку и запыталъ ей: що дальше дѣлати, чи идти въ глубину Польщи, чи вертати на Украину, щобы отпочити по трудахъ въ родинныхъ хатахъ? „По моему мнѣнію, — говорилъ ôнъ тутъ — найлучше вертати на Украину, и зъ-ôттамъ выслати депутатôвъ на Соймъ до Варшавы, и дожидатись выбору нового короля.“ Ледви кончилъ Хмельницкій таку свою бесѣду, якъ всѣ козаки голосомъ негодованія закричали, що не вертати имъ, а

идти на Варшаву — розбурити Польщу. „Веди насъ," кричали они: „батьку Хмельницкій, кôнчай Ляхôвъ, щобы и духа по нихъ не стало."

Увидѣвши такій рѣшительный протестъ и непримиримую завзятôсть козацтва, двигнулся Хмельницкій походомъ пôдъ Львôвъ и станулъ тутъ дня 6 Октября 1648 г. Городъ Львôвъ былъ тогды обварованою крѣпостію; кругомъ обведенъ ровами и валами и подвôйнымъ муромъ, а стояла въ немъ и досыть сильная войскова залога. Тому то Львовяне, межи которыми была уже бôльша половина Полякôвъ, постановили не здаватись легко, а доки дасться, боронитись. Заразъ первого дня началъ Хмельницкій острѣлювати городъ зъ трехъ сторонъ. Ему не трудно было взяти Львôвъ приступомъ, но самъ ôнъ не хотѣлъ того, бо жаловалъ людскои крови и не хотѣлъ допустити, щобы тотъ колись славный русскій городъ розхищали и розорили Татаре и гайдамаки. Для того ограничился ôнъ на острѣлюванью города, а тымчасомъ выслалъ до жителей Львова посланника свого Головацкого и предложилъ имъ миръ на томъ условіи, щобы зложили 200.000 червоныхъ золотыхъ окупу. Зъ початку не хотѣли радныи мѣста и мнихи Бернардины пристати на ніякіи угоды. Мѣщане же, особливо русскіи люде, що давно уже были выпертыи шлях-

тою и жидами на передмѣстячи, эріяли Хмельницкому и голосно отзывались за тѣмъ, щобы здатись; ба и самы они тайно спосились съ таборомъ козацкимъ. Польскіи начальники и радныи мѣста змѣрковали тое, а добачаючи для себе небезпеченства ôтъ самыхъ православныхъ жителей Львова, якихъ тогды еще было не мало, мстились на нихъ и попалили всѣ передмѣстья. Въ той часъ кинулись одни зъ бездомныхъ русскихъ предмѣщанъ впростъ межи козацтво, а другіи безъ хаты и хлѣба волочились по улицяхъ города нужденныи, схорѣлыи. Въ городѣ повсталъ далѣй великій голодъ, зараза и поморъ; осада продолжалась, а Львôвскій замокъ (Высокій Замокъ), найважнѣйшое мѣстце обороны для города, заняли уже козаки. Такъ бѣда съ каждымъ днемъ убôльшалася. Тогда доперва выслала городская рада послôвъ до Хмельницкого просити о пощаду. Выбрано четырехъ депутатôвъ, межи ними одного Русина Лаврысевича, члена Ставропигійского братства, и тіи отправилися до села Лисеницъ пôдъ Львовомъ, где была кватира Гетмана Хмельницкого. Одинъ изъ депутатôвъ, Полякъ, палъ передъ Хмельницкимъ на колѣна и со слезами въ очахъ просилъ помилованья для города; просилъ, щобы уменьшено цѣну окупу. „Помилуйте насъ, говорилъ ôнъ: помилуйте за-для нашой крайной бѣдности!

Паны до-чиста ограбили насъ; Пилявское войско обôбрало насъ и покинуло; такъ мы въ несчастномъ положенью! Не дайте намъ погибнути зъ нужды и зъ голоду.“ Затѣмъ приступилъ до Гетмана Русинъ Лаврысевичъ и въ щирой промовѣ представилъ ему истинно горестное состоянье города. Съ увагою и сочувствіемъ прислухoвался Хмельницкій бесѣдамъ депутатôвъ, а въ кôнци сказалъ: „Болитъ мене сердце, що дѣются такіи рѣчи по русскихъ городахъ, а всему тому виноваты Вишневецкій и Конецпольскій, головныи вороги русского народа. Они ôтняли у насъ все — такъ лишилось одно, т. е. взятись за оружіе. Вы просите милосердія, но и я его просилъ, а не найшолъ. Я жалѣю надъ вами и помилую васъ; однакъ союзникамъ моимъ Татарамъ вы мусите выплатити тую суму, яку я заплатити обѣтовалъ. У васъ много жидôвъ, тыхъ пьявокъ, що высысаютъ кровь зъ русского народа; ôтъ нихъ требуйте, щобы найбôльшу часть окупа доставили.“

По такомъ рѣшительномъ отвѣтѣ не было що Львовянамъ дѣлати, якъ тôлько пôдчинитись судьбѣ и приняти условія Хмельницкого. Готовыхъ грошей найшлось во Львовѣ ледви 16.000 червонцêвъ; решту треба было складати въ товарахъ и дорогоцѣнностяхъ. Мѣщане добывали свои матеріи, кляшторы и костелы

давали сокровища, жиды зносили съ ляментомъ золото, серебро и перлы, и все тое возами ôтправлено въ таборъ козацкій. Мѣщане же „на примиреніе“ угощали еще козакôвъ по русскому обычаю такъ въ городѣ, якъ и въ таборѣ.

Одержавши окупъ, велѣлъ Хмельницкій на пращаніе выстрѣлити изъ всѣхъ пушокъ, и еще того самого дня ôтступилъ съ цѣлымъ войскомъ ôтъ осады Львова въ дальшій походъ пôдъ Замость.

По дорозѣ зновь пріунылъ былъ якось Гетманъ Хмельницкій и хотѣлъ залишити дальшую вôйну; но козаки зновь пôдняли великій ропотъ и кричали всѣ: „Не вертати намъ назадъ! Веди насъ, Батьку Гетмане, на Польщу.“ Трудно было супротивлятись волѣ цѣлого козацтва, тожь повелъ Хмельницкій дальше свою армю. По дорозѣ принималъ ихъ всюда народъ съ восторгомъ; всюда збѣгались до Хмельницкого православныи Русины и одни приставали до козацтва, другіи, величаючи его своимъ освободителемъ, зносили до него всякіи запасы, щобы хотя такимъ способомъ заявити радость свою и благодарность русскому козацтву.

Дня 5-го Ноября станулъ Хмельницкій пôдъ Замостьемъ. Тутъ провадилъ ôнъ уже дѣло свое военное якъ-бы зъ умыслу лѣниво и нерадиво. Вмѣсто уда-

рити всею силою на крѣпость и взяти ю приступомъ, розставилъ ôнъ наоколо ней войска, а самъ розослалъ гонцêвъ своихъ то до Замостья, то до Варшавы. за мирными переговорами. Козацтво заявляло грозно свое неудовольство зъ такого поведенія свого Гетмана, а щобы ихъ задобрити, припускалъ Хмельницкій кôлька меньшихъ штурмôвъ на окопы крѣпости, но безъ найменьшого успѣха. Три недѣлѣ выстоялось войско пôдъ Замостьемъ съ заложеными руками майже бездѣльно.

Тымчасомъ отбывался въ Варшавѣ выборъ короля. Найбôльшую партію имѣлъ сынъ покойного Жигмонта III., Янъ-Казиміръ. Депутаты козацкіи попирали также того кандидата, бо сподѣвались, що ôнъ буде управляти справедливо и не дасть Руси пригнетати. Тожь и выбрано въ-конецъ Яна-Казиміра.

Якъ тôлько дознался Хмельницкій, що выбрано короля по его воли, урадовался тѣмъ чрезмѣрно и высказалъ свое задоволенье польскому посланникови тѣми словами: „Того тôлько я ждалъ, щобы королемъ былъ добрый Янъ-Казиміръ! Теперь не пôдутъ уже козаки на Польщу, а вернутъ въ свою Украину, бо будутъ певны, що имъ уже ніяка кривда не станеся.“ Якъ сказалъ такъ и сдѣлалъ Гетманъ: собравши съ Замостья 20.000 зл. окупу, пустился ôнъ зъ цѣлымъ своимъ таборомъ въ обратный путь на У-

крайну. Поляки самы ажь чудовались, що имъ прійшло такъ легко позбытись козацтва. „Навѣрно, говорили они, самъ Богъ пославъ на Хмельницкого слѣпоту, коли съ такимъ силами ôнъ не тôлько не взялъ Замостья и Варшавы и не зруйнувалъ цѣлои Польщи, но навѣть цѣлкомъ залишилъ непріятельскіи дѣйствія."

Поворотъ Хмельницкого на Украину.

Новый король Янъ-Казиміръ выславъ въ сей-часъ по своемъ выборѣ посланника до Хмельницкого пôдъ Замостье съ грамотою такого содержанія: „Посылаемъ Вамъ, яко Старшому Запорожского войска, гетманскою булаву и хоруговь, и прирекаемъ вамъ повернути давныи права. Мы видимъ, що Запорожское войско стояло пôдъ Вашою властію независимо ôтъ старостôвъ коронныхъ и що споры залагодились за высланьемъ въ той справѣ нашихъ комисарôвъ до Васъ. Такъ Васъ просимъ, щобы Вы заперестали вôйну, перестали опустошати королевство наше, розпустили узброенную чернь и ôтослали Татаръ." На тое ласкавое письмо короля ôтступилъ Хмельницкій ôтъ Замостья и приказалъ всѣмъ козацкимъ загонамъ залишити свои напады. А до шляхты польской, котора еще стояла на Украинѣ, выдалъ король пись-

мо, щобы теперь не важились нарушати русской вѣры, ни притѣсняти русскій народъ, бо въ противномъ случаю ôтновится гроза, а тогды горе буде цѣлой Польщѣ.

Въ мѣсяци Януарѣ 1649 г. прибылъ Гетманъ Хмельницкій до Кіева. При звукахъ звонôвъ, при выстрѣлахъ пушокъ и радостныхъ воскликахъ народа въѣхалъ Гетманъ съ Старшинами въ столицю Руси. При золотыхъ воротахъ пôдъ стѣнами храма св. Софіи привиталъ ихъ Митрополитъ съ духовенствомъ и гражданами Кіевскими. Бурсаки, ученики академіи и инныхъ школъ заспѣвали похвальныи пѣсни и величали Хмельницкого, яко избавителя Руси. Былъ въ той часъ въ Кіевѣ великій гость, Патріархъ Ерусалимскій. Той виталъ такожь Хмельниикого и побѣдоносное его войско и побуджалъ Гетмана постояти и далѣй крѣпко противъ латинства. Заплакали зъ радости козаки, заплакалъ и Гетманъ видячи восторгъ и одушевленіе народа, вызволеного его рукою изъ тяжкой неволѣ, отродившогося теперь до новой свѣтлѣйшой жизни.

Цѣлый Кіевъ ажь розходился ôтъ общой радости: всюда праздновано великій праздникъ, всюда угощовано и прославлювано братей козакôвъ. Одинъ лишь батько Гетманъ посоловѣлъ нагло посередъ общого ликованія. Ажь теперь бо,

кажется, упрекалъ его голосъ совѣсти за его непримѣрное поведеніе по Пилявской побѣдѣ, за то, що ôнъ поступилъ противъ волѣ козацтва, противъ волѣ цѣлого русского народа, що съ розмысломъ пощадилъ Польщу и не покончилъ справу освободженья зъ-пôдъ неи цѣлковито. Вслѣдствіе такихъ упрекôвъ совѣсти напала Гетмана якась хандра: ôнъ то постилъ, то молился ревно и съ роскаяніемъ лежалъ на лици въ церкви передъ образами, то знову пилъ до безпамяти и спѣвалъ думы свого укладу; то былъ ласкавый и дружелюбный, то знову строгій и гордый.

Такая тоска и тое роскаяніе мучили Гетмана долшій часъ. Ажь по кôлькохъ тыждняхъ переѣхалъ ôнъ до Переяславля, оженился съ Чаплинскою и ôтъ того часу сталъ спокойный и веселый.

Подвиги козацкіи и слава Хмельницкого розôйшлись далеко по свѣтѣ, и коли Хмельницкій проживалъ спокойно въ Переяславли, начали до него зъѣздитись посланники съ розличныхъ державъ, щобы заключити съ нимъ миръ и дружбу. Такъ пріѣхалъ посолъ ôтъ турецкого Султана и здѣлалъ съ Хмельницкимъ мирный договоръ, по которому могли козаки свободно плавати по Чорному морю и вести тамъ безплатно торговлю черезъ цѣлыхъ сто лѣтъ. За то обовязались козаки оборонити турецкіи

городы и не нападати на нихъ. Пріѣхалъ также посолъ ôтъ Семиградского князя Ракочого и предкладалъ Гетману дружескій союзъ противъ Польщи съ просьбою, щобы ôнъ помôгъ для его князя пріобрѣсти польскую корону; за тое обѣцялъ ôнъ Хмельницкому свободу православной вѣры въ цѣлой Польщи, а ему самому удѣльну, независиму державу на Украинѣ. Однакъ Хмельницкій зналъ, що на союзъ зъ Мадярами не ма що полагати, тожь и не хотѣлъ съ ихъ княземъ въ ніяку дружбу входити.

Дальше явились у Хмельницкого послы ôтъ господарей Молдавы и Волощины. У молдавского Господаря Липулы была славна своею красотою донька Домна-Розанда, съ которою бажалъ Хмельницкій оженити сына свого Тимоша. Зъ той причины принялъ ôнъ послôвъ молдавскихъ ласкаво и выслалъ съ ними на Молдаву отрядъ козакôвъ пôдъ начальствомъ тогожь свого сына. Прійшли такожь до Переяславля и велико-русскіи послы ôтъ царя Алексѣя Михайловича. Тіи привезли Гетману цѣнныи подарки ôтъ Царя и ласкавыи слôва. Царь желалъ ему найлучшого успѣха въ борьбѣ за православную вѣру и заявилъ, що на разѣ съ нимъ не буде лучитись противъ Польщи, поки тая сама не дасть причины до розрыву перемирія, съ Великою Русію заключенного.

Дôйшолъ отже Хмельницкій и русское козацтво за одинъ годъ до такои силы, що всѣ постороннын суcѣдныи державы старались о ихъ дружбу, о ихъ взгляды. Такъ сильнымъ сталъ народъ нашъ, коли весь получился въ оборонѣ своей народности и своей вѣры!

Теперь выжидалъ еще Хмельницкій у себе тыхъ, которыи недавно еще были гнобителями народа, а теперь сами мали прійти просити у того народа ласки и пощады, т. е. ôнъ выжидалъ комисарôвъ ôтъ польского короля.

Переговоры Польщи съ Хмельницкимъ въ Переяславлѣ.

Выбрались наконецъ и польскіи комисари на Украину. На тыхъ комисарей выбралъ король Адама Киселя, братанка его молодого Киселя, князя Четвертинского и другихъ вельможъ. Вступили тіи паны въ русскіи землѣ и вздрогнули на видъ того опустошенья, якое встрѣчали на каждомъ поступу: всюда розрушены костелы, обгорѣлыи панскіи дворы, непогребанныи тѣла.

Дня 9 Февраля 1649 г. станули королевскіи послы въ Переяславли. Хмельницкій принялъ ихъ съ почестями выбралъ яко мѣстце до переговорôвъ вели-

кую городскую площадь, где звычайно ôтбывалась козацкая Рада. Тутъ явился ôнъ во всемъ своемъ величіи и могуществѣ. Самъ ôнъ, прибраный въ богатую соболью шубу, стоялъ въ серединѣ; его окружали полковники, держали надъ нимъ бунчуки, а въ рукахъ свои полковничіи булавы. Народъ и простыи козаки толпились кругомъ. При голосѣ бубнôвъ и трубъ пôдôйшолъ Адамъ Кисель къ Хмельницкому, несучи въ одной руцѣ королевское письмо, а въ другой булаву, осыпаную дорогими каменями. Подаючи тіи рѣчи Гетману, началъ Кисель свою бесѣду, но одинъ изъ полковникôвъ перервалъ ему тую, воскликнувши: „Кисель! ты кôсть ôтъ костей нашихъ, а ты ôтщепился ôтъ насъ и присталъ до Ляхôвъ!“ Хмельницкій приказалъ полковнику молчати, а Кисель сталъ дальше говорити. Но нагло роздались изъ толпы козакôвъ голосы: „На що вы принесли тіи цацка? Хочете насъ зновь уловити въ свое ярмо? Нехай счезнутъ ваши дары! Не словами, а саблею росправляйтесь съ нами, коли хочете! Тримайте собѣ вашу Польщу а Украина намъ Козакамъ нехай зôстанеся!“ Хмельницкій былъ на тотъ разъ спокойный, тожь ôнъ перервалъ послуханье и запросилъ комисарей на другій день до себе. Но тутъ началъ уже Гетманъ горячитись: кричалъ и грозилъ. „Либо менѣ со всѣмъ Запорожскимъ вой-

скомъ пропасти, закричалъ ôнъ: или землѣ польской со всѣми сенаторами, дуками и князьками згинути! Посмотрѣтъ, що и теперь дѣется въ Литвѣ: Радзивилъ саджае русскихъ людей на кôлъ! Но я ему написалъ, що если ôнъ хоть одного крестьянина погубитъ, то за тое отвѣчатъ всѣ Поляки, якіи у мене суть въ плѣнѣ." А звертаючись до Киселêвъ, сказалъ Гетманъ: „Отречѣтся вы, православныи паны, отъ Полякôвъ и останьте съ нами! Нехай пропаде Польща, а Русь буде тогды пановати!" — Такъ говорилъ Гетманъ, коли былъ тверезый; но коли другимъ разомъ сидѣлъ межи своими полковниками подпитый, тогды говорилъ ôнъ такъ грозно, що страшно было приступити до него. „Що тутъ толковати? — кричалъ ôнъ тогды до комисарей: — зъ вашои комисіи не буде ничого; вôйна муситъ розпочатись за двѣ-четыре недѣлѣ! Выверну васъ всѣхъ ляхôвъ до горы ногами, а на послѣдокъ ôтдамъ васъ въ неволю Туркамъ. Якіи у васъ порядки? якіи законы? Паны дѣлаютъ, що хотятъ, и короля за нищо собѣ не маютъ. Най король былъ королемъ, най бы покаралъ князькôвъ и шляхту. Переступитъ що князь, ôтрубати ему голову; переступитъ козакъ ему то саме здѣлати. Вотъ буде тогды правда! Я, хоть собѣ малый человѣкъ, а вотъ далъ менѣ Богъ такое, що я теперь единовладный Самодержецъ

русскій. Коли король не хоче быти королемъ, то якъ ему угодно, най зложитъ корону!“

Переполоханныи комисари хотѣли ласкати Гетмана и козацтво обѣцянками и заводили що-день переговоры; но Гетманъ всегда сердитый, отвѣтилъ имъ наконецъ: „Шкода говорити! Было передше вести со мною переговоры; теперь нема уже на тое часу. Теперь доконалъ я тое, о чемъ и не мыслилъ, а докажу еще того, що и загадалъ. Выбью весь русскій народъ зъ ляцкой неволѣ. Передше воевалъ я за свою кривду; теперь буду воевати за нашу православную вѣру. Короля мы почитаемъ, но шляхту и панôвъ ненавидимъ до смерти. Не пугайте мене вашимъ войскомъ! Я ôтберу вамъ половину Польщи, бо допоможе мнѣ въ тôмъ вся чернь по Люблинъ и Краковъ, а я ôтъ ней не ôтступлю, бо то первая сила наша. У мене буде двѣста-триста тысячь войска. Но за границю съ нимъ не пôду не пôду воевати Турка и Татарина, а буде зъ мене Украины, Волынья и Подôлья; доволѣ буде русского княжества по Холмъ, Львôвъ, Галичъ, а въ другу сторону по Горынь и Припеть“. Слова тіи говорилъ Гетманъ съ крикомъ и угрозами, вскакивалъ зъ мѣстця и тупалъ ногами. „Ôнъ такъ розъярился — говорили потомъ комисари: — що мы, слухаючи его, на-скрôзь подеревѣли“. — Но и пол-

ковники, що были тогда съ Хмельницкимъ, договорювали комисарамъ що не мѣра. Минули уже тіи часы, — говорили они: — коли Ляхи, насъ осѣдлали; теперь они намъ не страшны! Мы пôзнали пôдъ Пилавцями, що то не тіи Ляхи що колись были, то не Ходкевичи, не Жолкевскіи, але якіись Тхоржевскіи и Заёнчковскіи; то дѣти поубираныи въ желѣзо, що ôтъ страху умерали, якъ тôлько насъ побачили".

Такъ проходили дни за днями, а комисари не тôлько не добились ничого, но еще мусѣли боятись за себе самыхъ; бо козаки съ грôзными лицями на нихъ дивилися. Въ-конецъ на усильныи ихъ прошенія, написалъ имъ Хмельницкій такіи условія мира: 1) Въ цѣлой Руси знищити слѣдъ и память уніи; 2) Митрополитъ Кіевскій буде занимати въ Соймѣ первое мѣстце по примасѣ (найстаршомъ Арцибискупѣ польскомъ); 3) всѣ уряды и достоинства на Руси маютъ быти обсаджены православными; 4) козацкій Гетманъ буде зависимый тôлько ôтъ самого короля; 5) жидамъ не свободно поселятись на Украинѣ; 6) Іеремія Вишневецкій не буде николи начальникомъ войскъ польскихъ.

Тіи условія перемирія, принятого Хмельницкимъ на три мѣсяцѣ, пôдписали польскіи комисари, но пôдписали они тôлько для того, щобы здорово выдôста-

тись въ Польщу; знали бо они, що ни король ни шляхта не пріймутъ и не потвердятъ тіи условія. — Уже и въ той самой хвилѣ заключенія перемирія не соблюдалось оно ни зъ одной, ни зъ другой стороны Селянскіи русскіи загоны, возставшіи разъ противъ притѣснителей своихъ, не дали себе теперь ничѣмъ повздержати. Борьба ихъ на Волыню и Подôлю не уставала ни навѣть въ той часъ, коли Хмельницкій спокôйно сидѣлъ въ Переяславли. Селяне вязалися самы съ собою въ численныи сильныи загоны, нападали на польскіи крѣпости, на дворы, костелы. и розрушали все безъ помилованья. — То само дѣялось и зъ польской стороны. На Волыню собиралось польское войско, а съ нимъ находило много давныхъ панôвъ и стали давнымъ обычаемъ притѣсняти народъ. Изъ обохъ сторонъ возрастала завзятость и розъяренье, а хотя воевода Адамъ Кисель, повертаючи съ тяжкимъ сердцемъ изъ Переяславя, уговорювалъ панôвъ шляхту, щобы они, яко вѣдай лучше воспитанныи и образованныи люди, поскромляли супротивъ простого народа свою злобу, но всѣ тіи его уговорюванья не помогли ничого, и кровъ ліялась зарôвно хлопска, якъ и панска. Тутъ, то тамъ, по всему Волыню и Подôлью отбывались напады, пожоги и розбои, що страшно было по краю где поглянути.

Въ виду такихъ обстоятельствъ не было найменьшой надѣи на постоянный миръ. Зъ одной и другой стороны приготовлювано новую вôйну, которая въ конецъ обновилась еще передъ срокомъ заключенного тримѣсячного перемирія.

Ôтновленіе войны. — Осада Збаража. Битва пôдъ Зборовомъ.

Комисари, вернувшіи въ Польщу, предложили условія перемирія, поставленныи Хмельницкимъ, королеви и сенатови. Коли перечитано ти условія, повсталъ межи шляхтою великій крикъ обуренья и гнѣву. Вмѣсто пристати на миръ, постановлено выставити новое войско пôдъ начальствомъ Лянцкоронского, Фирлея и Вишневецкого, а королеви поручено собрати „посполитое рушенье“, т. е. загальное ополченіе. Видно, чувствовали уже Поляки крайнюю опасность, коли подняли противъ козацтва всю военную силу зъ цѣлой своей державы. — Но и на Руси не дармовано. Противно, тутъ цѣлый народъ собирался до новой вôйны. Городы и села ставали пусткою, бо кто тôлько жилъ, бралъ, що было пôдъ руками, и спѣшилъ въ Чигиринъ въ головный таборъ Хмельницкого. Селяне покидали свои плуги мимо дорогого

весняного часу и не журились, що будутъ ѣсти они и ихъ родины, бо надѣялись жити коштомъ Польщи. Рукодѣльники покидали свои варстаты, купцѣ свои склепы, урядники свои уряды, и все спѣшило записоватись въ козаки. Одни старики, дѣти, женщины и калѣки оставали дома. Въ короткомъ часѣ стануло коло Хмельницкого двѣста тысячь войска. Хмельницкій роздѣлилъ ихъ на полки пôсля повѣтôвъ, а полки на сотнѣ, сотнѣ на куренѣ. Всѣхъ полкôвъ утворилось 24, а то 12 зъ правого берегу Днѣпра, а 12 зъ лѣвого. Съ такимъ величезнымъ войскомъ выступилъ Гетманъ зъ Чигирина и двигался поволи такъ званымъ Чорнымъ щляхомъ на Волынь, выжидаючи еще союзника свого, Крымского хана. Незадолг надоспѣлъ и ханъ съ 80.000-ною ордою Татаръ и соединился съ козацкою арміею. Наконецъ надлетѣли еще зъ-надъ Дона степовыи удальцѣ, Донскіи Козаки, щобы помагати братьямъ своимъ украинскимъ въ бою за вѣру. Вся тая огромная сила посувалась въ-передъ. Польскіи войска пôдъ начальствомъ Фирлея розложились межи тѣмъ пôдъ Зборовомъ. На самъ слухъ, що приближается Хмельницкій съ силою безъ числа переполохалась шляхта съ своими цюра, ми, слугами и локаями такъ, що хотѣла бѣжати изъ пôдъ Збаража. Но князь Вишневецкій, человѣкъ рѣшительный,

смѣлый и до того любленый жолнѣрями, зъумѣлъ ихъ ободрити своимъ мужествомъ и горячою промовою, та отвелъ ихъ ôтъ постыдного бѣгства.

Поляки окопались пôдъ Збаражемъ, въ своемъ обозѣ. Дня 29-го Юнія станулъ пôдъ Збаражемъ также и Хмельницкій съ союзникомъ Ханомъ и обложилъ польскіи окопы доокола своимъ войскомъ, щобы пальбою и голодомъ довести Полякôвъ до зданьяся. Въ-округъ польского вала велѣлъ Гетманъ усыпати валъ высшій, и поставивши на него свои пушки, валилъ зъ нихъ въ таборъ непріятеля. „Тогды — якъ говоритъ одинъ польскій лѣтописецъ: дерлось хлопство на польскіи окопы якъ смола, а татарскіи стрѣлы, лѣтаючіи кривыми лучами, затемняли солнце". Ночію подняли Поляки свои окопы высше, но и Хмельницкій поднêсъ свои высше, такъ, що не тôлько изъ пушокъ, но уже и зъ стрѣльбъ можна было бити въ польскій таборъ. Валъ козацкій былъ такъ высокій, що якъ тôлько кто изъ польского табора выставилъ голову, въ сей-часъ его убивали; а крôмъ того врывались козаки въ окопы и забирали возы со всѣми ладунками и хватали воинôвъ въ неволю. Прійшла на Полякôвъ отчаянная година: одинъ изъ нихъ, бывшій тогды пôдъ Збаражемъ, говоритъ: „що въ той-часъ братъ брату не смѣлъ подати помочи; ксендзы не могли при-

готовляти воинôвъ на смерть. Гôрше ôтъ козацкои пальбы докучала имъ спекота, тѣснота, гнитье трупôвъ и голодъ. Припасы всѣ были истреблены; ничого не можъ было дôстати за ніяку цѣну; паны отвыкли уже ôтъ своихъ роскошныхъ пирôвъ, а кормились кôнскимъ мясомъ; шляхта рѣзала свои шкапы, а коли и тыхъ не стало, то кормленося стервомъ собакъ, котôвъ и мышей, или грызено сирую землю; до питья была еще вода, но съ червами и суровицею изъ трупôвъ". До того всего дразнили ихъ и насмѣвались зъ нихъ русскіи хлопы, сидячіи на валахъ. „Коли то — ругали они: будете вы панове, ôтбирати чиншъ зъ Украины? Рôкъ уже, якъ мы вамъ ничого не платили, а тутъ конѣ ржутъ, волы пошалѣли, на ярмарокъ до Вроцлавя гнатися хочутъ. Ей панове, годѣ вамъ въ вашихъ норахъ долше держатись: тôлько дурно контуши поваляли, лазячи по валахъ. Вѣдь все то наше, тай самы вы попадете въ добычу Татарамъ. Ото вамъ посесіи, аренды, панщины, сухомельщины, здирства! Гарна вамъ была тогды музика, а теперь вамъ такъ славно заграли въ дудки козаки".

Насмѣваючись зъ бѣды панôвъ, приспѣвовали собѣ хлопы пѣсеньку, якую самы уложили: „А що то за хижка — тамъ на вырѣжку? Пôдъ тою хижкою Ляхи сидѣли, собакъ лупили, ножи по-

ломали, зубами тягали. Ой дѣду Фирлѣю, продай намъ олѣю! А ты Вишневецкій, веди танчикъ по нѣмецки!“ Слухали все тое Поляки — и гинули изъ голоду, та давно уже хотѣли здатися; но Вишневецкій не допустилъ до того: однихъ ôнъ стыдалъ за ихъ трусливость, другихъ ободрялъ надѣею на недалекую помочь, а самъ былъ безъ отдыха всегда на ногахъ. „Лучше умремъ всѣ до одного, — кричалъ ôнъ: якъ маемъ стати трусами хлопству на потѣху“. Но и самому Вишневецкому не ставало уже крѣпкого духа. Единственная его надѣя была помочь ôтъ короля, а тутъ о королю ни слыху, ни дыху. Ажь найшолъ ôнъ межи своими одного смѣльчака, молодого шляхтяча Скржетуского, который пôднялся перебитись черезъ козацкій валъ и таборъ и донести королеви о безвыходномъ положеніи польского войска пôдъ Збаражемъ. Скржетускому удалось замышленное дерзкое дѣло: переодѣвшись за руского хлопа, ôнъ переплилъ вочію черезъ ставъ, приперающій до польского табора, проползъ якъ змѣя посередъ спящихъ Татаръ, и досвѣта найшолся уже на болотнистыхъ мѣстцяхъ за козацкимъ валомъ. Тутъ пересидѣлъ ôнъ цѣлый день въ укрытью, а въ ночи поползъ на черевѣ травами дальше и дальше, ажь доки не достигъ мѣстця, где не было уже ніякой стражи козацкой. Зъ-ôтти ôнъ пус-

тился уже смѣло бѣгцемъ ажь до Топорова, где засталъ самого короля Яна-Казиміра, собираючого „посполитое рушенье“. Король вырушилъ вправдѣ въ 40.000 шляхты и 60.000 слугъ уже скорше изъ столицѣ своей, но поступалъ дуже поволи, а то для того особенно, що не имѣлъ ніякихъ вѣдомостей ни о Фирлею, ни о Хмельницкôмъ, такъ якъ всѣ гонцѣ, высыланыи изъ-пôдъ Збаража, переловлюваны были русскими селянами. Теперь отже дознавшись положительно ôтъ Скржетуского о несчастномъ положенью своей шляхты, пустился ôнъ, якъ мôгъ скоро на помочь осадженымъ, и станулъ уже пôдъ Зборовомъ недалеко Збаража. Межи тѣмъ Хмельницкій зналъ якъ найточнѣйше о всѣхъ движеніяхъ непріятеля, и самы Зборовскіи мѣщане донесли ему, що король съ „посполитымъ рушеньемъ“ стоитъ уже пôдъ Зборовомъ, и обѣцяли ему помагати. Гетманъ оставилъ половину войска пôдъ Збаражемъ, а самъ зъ другою половиною и съ ханомъ разомъ въ 100.000 мужа выправился противъ короля пôдъ Зборôвъ.

Пôдъ самымъ Зборовомъ стоялъ густый дубовый лѣсъ. До того лѣса повелъ Хмельницкій свое войско и находился уже пôдъ самымъ бокомъ польского обоза, никѣмъ изъ Поляковъ не замѣченый. Изъ лѣса видно было все, що дѣялось въ польскомъ обозѣ. Дня 5. Ав-

густа, въ само полудне, увидѣли козаки, якъ войска польскіи почали переправлятись черезъ рѣку Стрыпу. Половина войска уже переправилася и засѣла безпечно до обѣда, не надѣючись ніякого напада. Въ той хвили на знакъ Гетмана ударили на нихъ козаки и Татаре. Нападъ былъ такъ наглый и такъ сильный, що поляки не могли ни то утѣкати, ни то боронитись, и всѣ были вытяты въ пень. Погибло тогды богато самой значной шляхты; на полъ милѣ застелилися луги польскими трупами. Однакъ не конецъ на тôмъ: за хвилю розпочалась уже борьба на противномъ березѣ, где былъ самъ короля и тутъ загорѣла битва въ найбôльшôй завзятости. Три разы подавалось назадъ польское войско; три разы поддержалъ ихъ отвагу самъ король, кидаючись въ тіи мѣстця, где завязался бой найлютѣйшій. До глубокой ночи держались Поляки, но окружены изъ всѣхъ сторонъ, не мали уже надѣи на спасеніе. Коли ночію бой прекратился, совѣтовали паны королеви, щобы спасался бѣгствомъ, такъ якъ тутъ выжидае его неминуемая погибель; однакъ стыдно было королеви хватитись того способу ратунку и ôнъ отозвался: „Николи не покажу себе слабымъ трусомъ; хочу устояти до конца, хочу жити и умирати съ вами“. Ôнъ приказалъ войску окопати обозъ и готовился до завтрѣшного бою,

Настало рано, а съ нимъ началась новая борьба. Козаки ударили на окопы, окопы не выдержали, а козацкое войско ворвавшись въ польскій обозъ, рѣзало и истребляло все безъ милосердія. Число Полякôвъ уменьшалось съ каждою хвилею: въ-конецъ остала лишь малая горстка коло короля. Еще одна хвиля, а уже войско польское до послѣдного было бы истреблено и король найшолъ бы ся въ неволи. Но въ той послѣдной хвили роздался неожиданно воскликъ: „Згода! згода!“ То былъ голосъ самого Хмельницкого. На голосъ той застановлено битву, — козаки перервали кровавый танецъ! Що было причиною такъ наглого застановленья битвы, трудно рѣшити; здается, Хмельницкій почиталъ короля такъ высоко, що видячи его въ такъ крайной опасности, не хотѣлъ допустити до оскорбленья або заглады его особы.

Вечеромъ начались мирныи переговоры, и то напередъ межи королемъ и татарскимъ ханомъ. Король заключилъ умову, по которой обовязался платити ханови що рôчно 90.000 золотыхъ и одноразовую дань 200.000 золотыхъ. На другій день прислалъ Хмельницкій въ польскій таборъ своихъ послôвъ до заключенья договора. Паны польскіи, помимо того, що змяты и розбиты были на всѣхъ точкахъ; помимо того, що теперь они находились въ рукахъ Хмельницкого, не

хотѣли зъ початку вступати въ переговоры съ тыми (якъ ихъ называли) „збунтоваными хлопами;“ однакъ въ конецъ розсудилъ король, що не ма инной рады, тôлько миритись съ Хмельницкимъ и приняти условія, якіи ôнъ предложитъ. И такъ заключено съ козаками и пôдписано окремый договоръ пôдъ Зборовомъ, который ôтъ того названъ Зборовскимъ договоромъ; а заключено его на такихъ условіяхъ:

1) Войско козацкое буде состояти изъ 40.000 мужа, записаныхъ въ реестрахъ зъ воеводствъ Кіевского, Брацлавского и Черниговского.
2) Въ тыхъ мѣстцяхъ, где будутъ козаки, не свободно стояти коронным войскамъ.
3) Въ козацкихъ земляхъ не смѣютъ поселятись жиды.
4) Що до уніи, здѣлается окремое постановленье за согласіемъ Кіевского Митрополита.
5) Митрополитъ Кіевскій буде засѣдати въ державномъ Соймѣ.
6) Всѣ уряды и достоинства въ означеныхъ русскихъ воеводствахъ занимати будутъ тôлько православны.
7) Городъ Чигиринъ съ его округомъ остане на всегда при булавѣ гет-

манской, яко маетность Гетмана Хмельницкого.

8. Езуиты не маютъ права находитись въ Кіевѣ и въ тыхъ городахъ где суть русскіи школы.

9. Всѣ тіи условія будутъ затверджены на Варшавскомъ Соймѣ, а все, що было и дѣлалось до тыхъ поръ, предано буде забвенію и настане згода межи Русію а Польщею.

Условія тіи договора пôдписалъ король, скрѣпилъ печатію, и документъ передано Хмельницкому.

На другій день явился Хмельницкій съ Старшинами въ польскомъ таборѣ, приступилъ до короля и приклонивши передъ нимъ одно колѣно, заговорилъ до него: „Много уже лѣтъ обернена была на насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ, жестокость и кровавая ненависть польскихъ панôвъ. Всѣми способами топтали они права и свободы наши, а войско Запорожское уважали своими рабами. Священники наши были для нихъ гôрше магомеданъ. Захвативши всю власть въ свои руки, они не дали намъ свободного голоса на соймахъ; насилія, убійства, оскорбленія всякого рода терпѣли мы ôтъ нихъ. Мы жаловались, но насъ не выслухано. Милостивый королю! мы не обманювали тебе, представляючи причины, якіи прину-

дили насъ станути въ оборонѣ нашой жизни. Терпѣливость наша перебралась: мы принуждены были вязатись съ чужеземцями противъ шляхты. Такъ и годѣ осуждати насъ за тое, що мы обороняли свою жизнь и имѣніе. И скотина бо, если ею мучатъ, буде боронитись. У мене не было николи мысли поднимати оружіе противъ Вашого Величества, короля нашого; мы возстали тôлько противъ тѣхъ которы козацтвомъ презирали, которы угнетали насъ, якъ самыхъ найпослѣднѣйшихъ рабôвъ".

На тую бесѣду Хмельницкого не отвѣтилъ король ни слова, а тôлько въ молчаніи подалъ гетману руку, которую тойже съ почтеніемъ уцѣловалъ. Тôлько подканцлеръ князь Сапѣга заявилъ въ имени короля, що все минувшое забудется и прощается.

Другого дня послѣ того свиданія розôйшлись враждебныи войска. Поляки отправились въ Польщу, а Хмельницкій съ побѣдоноснымъ козацтвомъ поступилъ до Збаража, где была другая половина его войска. Мирный договоръ Зборовскій выбавилъ бѣдныи остатки залоги польской въ окопахъ Збаражскихъ. Не много ихъ уже и было, бо изъ 10.000 мужа остало ледви 3.000, а и тіи, коли выходили изъ окопôвъ на свободу, выглядали якъ настоящіи мары, на-скрôзь изнемо-

женыи, изхудѣлыи, и ледви держались на ногахъ.

Одновременно застановлено вôйну также на Бѣлой Руси и на Литвѣ, где народное возстаніе прибрало такожь великіи розмѣры. Тутъ лютился особенно полковныкъ козацкій Кречковскій съ козаками и прилучившимися до него гайдамаками, розбиваючи многіи полки польскіи. Вѣсть о заключеномъ договорѣ утихомирила и тіи народныи возстанія.

Изъ-пôдъ Збаража верталъ межи тѣмъ Хмельницкій на Украину въ славѣ и чести. Всюда виталъ его народъ радостными воскликами яко избавителя свого; всюда роздавались торжественныи голосы звонôвъ, а люди русскіи, радуючись о подвигахъ Гетмана и войска его выходили противъ нихъ съ процесіями, съ хлѣбомъ и солею. Радость народа была безъ границь, бо ему засвитала надѣя, що ôнъ, выбитый изъ панской неволѣ, начне жити иннымъ житьемъ, житьемъ на свободѣ, середъ мира и гаразду. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ тогды успокоенный уже русскій народъ, уповаючи на то, що коли Поляки и самъ ихъ король дознали такои бѣды и нужды пôдъ Збаражемъ и Зборовомъ, то они въ конецъ прійдутъ до розуму и перестанутъ кривдити нашу Русь, котора зъ того часу за Хмельницкого, уже на-правду почала ихъ учити того розуму. Однакожь покаже то

дальше наша Исторія, що не такъ то легко было, заслѣпленныхъ гордостію и духомъ езуитскимъ панôвъ польскихъ научити простого людского розуму.

Послѣдствія Зборовского договора

Якійсь часъ тревала на Руси общая радость зъ причины счастливого закôнченья вôйны. Упоенныи побѣдами Русины ликовали о своей славѣ въ почутью своеи великои силы. Къ сожалѣнью, и теперь не долго было тои радости, бо вскорѣ настала для Руси новая бѣда, и новыи клопоты возмутили радостное настроенье народа, и погрузили его въ новыи бѣдствія и смуты. — Вскорѣ показалось, що Зборовскій договоръ, который малъ улегчити чорную долю Руси, не мôгъ быти сохраняемый ни Поляками, ни Русинами. Предовсѣмъ заявили тутъ Поляки свое неудовольствіе: они уважали условія Зборовского договора унизительными для своей державы. Згоду съ козаками на такихъ условіяхъ по которымъ мало быти теперь ажь 40.000 реестрово-козацкого войска, а також и зъобовязанье давати Татарамъ постыдную дань, считали Поляки великимъ для себе оскорбленьемъ и затѣмъ постановили сей-часъ договоръ зôрвати.

И такъ, коли на пôдставѣ Зборовского договора явился русскій Митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ въ Варшавѣ, щобы заняти почетное мѣстце въ Соймѣ, подняли польскіи бискупы великій крикъ и грозили, що самы, они выступятъ изъ Сойма, если въ томже засѣдати буде „шизматицкій" Владыка! Митрополитъ, узнавши о тыхъ угрозахъ, не заходилъ даже въ Соймъ, а повернулъ въ Кіевъ. Такъ само оказалось невозможнымъ скасованье уніи. Король издалъ вправдѣ грамоту, которою затверджены были права православной церкви и ненарушимость церковныхъ и монастырскихъ имѣній, позволено ôтновляти русскіи церкви, оставлено русскому духовеньству надзоръ надъ школами; однакъ грамота тая не мала ніякой силы, такъ зарôвно, якъ и всѣ давнѣйшіи подôбныи грамоты, Русинамъ надаваемыи. Такимъ способомъ отже Поляки первыи нарушили договоръ Зборовскій.

Но и русского народа не задоволилъ той договоръ. Въ сей-часъ по закôнченью вôйны показалась бѣда ôтъ того, що минувшого року селяне не орали и не засѣвали своихъ полей, бо все мужество служило въ козацкомъ войску; теперь же, коли люди тіи повернули домôвъ, застали тутка пустки и нужду. Но то еще не конецъ бѣдѣ. Прійшло бôльше клопоту еще ôтъ самого же договора. По тому

бо договору мало быти 40.000 мужа козакôвъ. Хмельницкій зачалъ списовати реестръ, та при великомъ стеченью охотникôвъ-новобранцêвъ записалъ кôлька тысячъ бôльше, якъ было условлено въ договорѣ. Найбôльше козакôвъ явилось тутъ у Гетмана изъ дôбръ панôвъ Потоцкого и Вишневецкого. Съ козаками ôтпадала ôтъ тыхъ панôвъ и тая часть землѣ, которую они занимали, бо тую уважали козаки яко до нихъ належащую. Кромѣ того забралъ Хмельницкій панамъ цѣлыи маетки, т. е. села и хуторы съ полями и лѣсами пôдъ тымъ предлогомъ, що они колись належали до козакôвъ. Тіи имѣнія ôтдавалъ ôнъ своимъ Старшинамъ полковникамъ, которыи ôтъ теперь становили высшое сословіе русского народа, сословіе русскихъ дворянъ.

Решта народа, невписаного въ реестры козацкіи, мала зновь повернути пôдъ власть панôвъ; но власне изъ того именно выйшла найбôльшая трудность, бо тіи то люди ніякъ не хотѣли пôдъ своихъ давныхъ панôвъ вертати. По оконченью реестрованья зачали и паны повертати до своихъ имѣній, и тутъ они заводили знову старыи порядки, до того мстились, где могли, на „хлопахъ", слѣдили, выглядовали зачинщикôвъ бунту, и тыхъ вбивали навѣть и безъ всякого суду на паль, ôтрѣзовали имъ ноги и уши, выколювали очи и прч. Народъ, не

видячи и теперь для себе найменьшого улегченья, а противно, дознаючи еще бôльше всякого насилія и всякихъ надлюдскихъ наказаній, роптал подносилъ въ небо голосы. „Якъ то? — кричали хлопы: мы маемъ зновь робити панщину? А гдежь обѣтницѣ Гетмана? Чижь не всѣ мы были козаками?“ Народъ всюда волновался, отказовалъ послушенство панамъ, ôтказался робити панщину, а що гôрше, началъ на-ново собиратись громадами, составлялъ „загоны“, и тіи зновъ кидались на панскіи имѣнія, палили, нищили, рабовали дворы, и прогоняли панôвъ до Польщи. Одинъ зъ найзавзятійшихъ и найстрашнѣйшихъ гайдамацкихъ загонôвъ бушовалъ пôдъ проводомъ козака Ничая, полковника Брацлавского. — Хмельницкій въ той бѣдѣ хотѣлъ по крайной мѣрѣ для виду сохранити миръ и не дати причины до нового розрыва съ Польщею, и для того то ôнъ выступалъ противъ збунтованыхъ хлопôвъ, а часто даже велѣлъ ловити гайдамацкихъ начальникôвъ и казнити ихъ, щобы якъ-такъ принудити народъ до послушанья панамъ. Но тіи мѣры лишь еще бôльше озаострювали справу и пôдносили народъ противъ самого Гетмана. Полковникъ Ничай выслалъ до Хмельницкого своихъ депутатôвъ и велѣлъ ему сказати: „То ты, батьку Гетмане, покидаешь тыхъ, которыхъ ты обовязался бо-

ронити? Хиба-жь ты слѣпый, не видишь, що Ляхи обдурюютъ тебе и хотятъ тебе порôжнити съ вѣрнымъ твоимъ народомъ!"... Хмельницкій, тронутый тыми словами народа, отвѣтилъ: „Не бôйтеся! я васъ не опущу. Въ реестры бôльше козакôвъ принимати не могу; однакъ кто хоче быти вольнымъ козакомъ, нехай такимъ и буде". Въ сей-часъ по тôмъ скликалъ Гетманъ до Переяславля козацкую Раду, а на той Радѣ порѣшено: щобы каждый зъ козакôвъ добралъ собѣ еще по двôхъ людей, одного конного, а другого пѣшого, вслѣдствіе чого число войска козацкого далеко перейшло означену границю, бо зновь назбиралось его до 200.000 мужа. На той Радѣ постановлено еще, що еслибы Поляки не схотѣли додержати условія Зборовского договора, то щобы удатись до Московского Царя и просити его о защиту. Однакожь все тое не улучшило, не злагодило справы; ба, прогнаныи паны польскіи вертали на Русь съ шайками нанятыхъ жолнѣрôвъ, врывались въ збунтованыи села и выправляли страшную рѣзню, такъ, що хлопы одни утѣкали и поселялись въ московскихъ земляхъ, а другіи знову збирались „загонами" и ставали до битвы съ польскими жолнѣрями. Въ виду такихъ обстоятельствъ позналъ Гетманъ, що не ма и надѣи на якій миръ, и що если не днесь, то завтра муситъ прійти

до новой великой вôйны съ Польщею, та и для того ôнъ за-вчасу оглядался за союзниками.

Дотеперѣшній союзъ козакôвъ съ Татарами не былъ первый; Татаре бо требовали безъустанно грошей и подарункôвъ и для нихъ то все одно было, чи держати съ Хмельницкимъ, чи съ Поляками, бо для нихъ былъ той лучшій, кто бôльше давалъ. Затѣмъ на ихъ дружбу не можна было полагати. Лучше было забезпечити собѣ помôчъ у другихъ державъ. Султанъ турецкій приставалъ охотно на союзъ съ козаками, но ôнъ хотѣлъ, щобы Украина ему пôддалась; Хмельницкій же боялся, що народъ и духовенство будутъ противны такому бисурманскому пôдданству. По той причинѣ рѣшился Хмельницкій глядати помочи у велико-русского Царя Алексѣя Михайловича, а то тѣмъ бôльше, що народъ смотрѣлъ на Великую Русь яко на державу, собѣ не чужу, и радо выглядалъ ôтъ ней покровительства. Тожь щобы не тратити часу Хмельницкій выслалъ до Царя посольство съ подарунками и съ тою просьбою, щобы ôнъ принялъ покровительство надъ Украиною. Царь принялъ посольство ласкаво, но ответилъ, що ôнъ на теперь еще ôтъ того долженъ вздержатись, бо его лучитъ съ Польщею примирительный договоръ; однакъ ôнъ не ôткаже козакамъ своей

помочи, коли тôлько прійде на то удобная пора.

Межи тѣмъ дôйшло до вѣдомости Гетмана, що Поляки пôдъ его плечима нюхаются съ Татарами и хотятъ ихъ втягнути въ союзъ противъ Великой Руси и противъ Хмельницкого. Щобы запобѣгчи тому, вступилъ Хмельницкій чѣмъ-скорше въ сношенія съ Султаномъ турецкимъ, который былъ верховнымъ владѣтелемъ Крымскихъ Татаръ, и той далъ Татарамъ указъ, щобы они держалися Хмельницкого и помагали ему противъ Польщи. Хмельницкій скорысталъ въ сей-часъ зъ тои дружбы Султана и употребилъ Татаръ въ своей справѣ съ Молдавою. А была у Хмельницкоко така справа съ Молдавою, що уже передъ тѣмъ молдавскій господарь Липула обѣцялъ ôтдати свою прекрасну доньку Домну-Розанду за Гетманового сына, Тимоша Хмельницкого. Коли однакъ теперь Липула не хотѣлъ додержати даного слова, написалъ Гетманъ до него письмо съ такимъ заявленіемъ: що если ôнъ не ôтдасть своей доньки за Тимоша, то Гетманъ вышле за нею 100.000 сватôвъ. Якъ заповѣлъ, такъ и здѣлалъ Хмельницкій: Призвавши собѣ на помочь 20.000 Татаръ, выслалъ ôнъ въ Молдавію численное войско пôдъ начальствомъ сына свого Тимоша. Войско тое заняло важныи городы молдавскіи и дôйшло

ажь до самой столицѣ молдавской Яссъ. Татаре межи тѣмъ бушевали по всей сторонѣ, пустошили и рабовали. Доперва теперь смирился Господарь Липула, далъ Татарамъ 30.000 талярôвъ окупу, а съ Тимошомъ заручилъ свою доньку Домну-Розанду.

Уладивши такъ свое дѣло въ Молдавіи, задумалъ Хмельницкій зновь росправитись съ Польщею. Волненія народныи не уставали; польскіи шайки жолнѣрôвъ дѣлали изъ своей стороны всякіи пакости Русинамъ, отже треба было конечно дѣло рѣшительно покôнчити. Въ той цѣли выслалъ Гетманъ въ осени 1650 г. трехъ козацкихъ Старшинъ до Варшавы на Соймъ и затребовалъ черезъ нихъ: 1) щобы панщина была на всегда знесена, именно щобы въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ жаденъ панъ ни шляхтичъ не малъ власти надъ хлопами; 2) щобы унія, причина всѣхъ роздорôвъ, была разъ уже совершенно уничтожена, и 3) щобы тіи условія вразъ съ условіями Зборовского договора заприсяжены были значнѣйшими сенаторами Польщи, та щобы Польща въ поруку, що условія будутъ додержаны, дала козакамъ въ залогъ панôвъ Вишневецкого, Конецпольского, Любомирского и Калиновского.

Паны польскіи, учувши такіи требованья, пôдняли ужасный шумъ и бурю.

„Якъ то? — закричали они: той хлопскій Гетманъ важится домагатись, щобы панôвъ зрôвнано съ хлопами, щобы скасовати подданство и унію! Та вѣдь на панщинѣ и на уніи стоитъ наша Польща! А еще смѣе ôнъ собѣ забагати, щобы дати на заложникôвъ нашихъ найзнатнѣйшихъ панôвъ и вельможъ? Хиба уже небо насъ покарало, що народъ хлопскій на Руси смѣлъ такъ до насъ ставитись! О, скорше всѣ погибнемъ, закѣмъ допустимъ до такого сорому Польщи!“ Сенаторъ Адамъ Кисель сталъ доказовати, що треба конечно знищити унію, бо каже: ажъ тогды запануе миръ и православныи будутъ вѣрно боронити интересôвъ Польщи. Однакъ голосъ Киселя былъ безъуспѣшный; Поляки закричали его, сказуючи, що теперь нарушилъ уже Хмельницкій ихъ религійныи чувства, и затѣмъ рѣшили выповѣсти ему вôйну. Самъ король не хотѣлъ допровадити до новой вôйны, старался отже задобрити ласками козацкихъ старшинъ и здѣлалъ ихъ „шляхтичами“; но шляхта не ôтступила ôтъ свого, и постановила собрати „посполитое рушенье“ и идти вôйною на Хмельницкого.

Хмельницкій, получивши вѣсть о такомъ оборотѣ дѣлъ, издалъ въ сей-часъ универсалъ до всего русского народа съ оповѣщеньемъ: що начинается новая

вôйна съ Польщею, скликалъ военную Раду, котора и рѣшила выжидати непріятеля на Украинѣ.

Такимъ способомъ не удержался миръ и одного року; договоръ Зборовскій уважали Поляки для себе постыднымъ, а Русинôвъ ôнъ такожъ ніякъ не удоволилъ, бо былъ тôлько на паперѣ, а на дѣлѣ его вовсе не было. Мусѣло отже прійти до новой кровавой розправы, до новой борьбы на смерть и житье, а счастье военное мало рѣшити, котора сторона буде диктовати права.

Новая вôйна съ Польщею. — Битва пôдъ Берестечкомъ 1651 г.

Съ готовымъ до вôйны козацкимъ войскомъ стоялъ Хмельницкій на Украинѣ и выжидалъ обѣцяной помочи татарского хана. Въ той часъ пріѣхалъ на Русь Коринтскій Митрополитъ изъ Греціи и привêзъ Хмельницкому мечъ, посвященый на гробѣ Господнемъ. Самъ Патріархъ Цареградскій прислалъ Хмельницкому грамоту, въ которой заохочалъ его до вôйны противъ ворогôвъ православія. Однакъ русского войска было теперь уже меньше, чѣмъ минувшого року, а то не лишь зъ причины недавной молдавской выправы, но еще и для того, що хлопы стали недовѣряти Гетману за черезъ то, що ôнъ не запамяталъ про нихъ

при Зборовской угодѣ, и що также союзъ съ Татарами не былъ имъ по сердцю. Татаре бо, хотяй и были въ союзѣ съ козацтвомъ, но рабовали по дорозѣ безъ розбору такожь и русскіи землѣ и забирали въ полонъ русскіи невѣсты и дѣти. Такъ Хмельницкій не рѣшился о своихъ силахъ выступити на короля, а тымъ часомъ зброились Поляки добре, нагромадили свого войска до 200.000 люда и спровадили еще завеликіи гроши наемное войско нѣмецкое. Папскій легатъ (посланникъ-бискупъ) привѣзъ польскому войску благословенье ôтъ святого Отца, а королеви посвященый въ Римѣ мечъ. Тое благословеніе заохотило дуже Поляковъ. Король означилъ яко сборное мѣстце для свого войска городъ Сокаль.

Уже въ Февралѣ 1651 г. потыкались передовыи козацкіи стражи съ польскими войсками. Коло Каменця на Подôлью стоялъ Потоцкій съ Калиновскимъ зъ 30.000 войска. Калиновскій напалъ нечаянно на мѣсточко Красне недалеко Бару, где стоялъ полковникъ Ничай съ 3 тысячами козаковъ. Завязалась тутъ страшенная рѣзня. Ничай съ своими боронился отчайдушно; однакъ въ конци побиты были козаки перемагаючими польскими силами. Самъ Ничай, пострѣляный и изрубаный на цѣломъ тѣлѣ, полягъ тутъ на поли битвы. Заразъ потомъ збурилъ Калиновскій кôлька Подôльскихъ

городôвъ, но пôдъ Винницею дôсталъ заслуженную ôтплату за Ничая. Въ Винницѣ стоялъ славный полковникъ козацкій. прехоробрый Иванъ Богунъ. Мало у него было войска, но своею хитростію и удивительнымъ знаніемъ военного дѣла прогналъ ôнъ Калиновского зъ-пôдъ Винницѣ и розбилъ его войска такъ, що Калиновскій ледви съ частиною свого отряда успѣлъ утѣчи пôдъ Каменецъ и соединитись съ Потоцкимъ. Зъ тои поры не смѣло уже войско польское вылазити изъ свого табора, а выжидало удобной способности, щобы оставити Каменецъ и получитись съ головною арміею и съ „посполитымъ рушеньемъ." Положенье Потоцкого и Калиновского ставалось тѣмъ незноснѣйше, що доходили вѣсти, що Хмельницкій уже въ походѣ.

Съ початкомъ мѣсяця Мая станулъ король съ огромнымъ войскомъ пôдъ Сокалемъ и намѣрилъ соединитись съ отрядомъ Потоцкого и Калиновского. Хмельницкій стоялъ межи тѣмъ дармо на Украинѣ и выжидалъ Татаръ. Но Татаре не являлись. Коли же дознался Гетманъ, що король уже пôдъ Сокалемъ готовъ вступити въ бой, рѣшился не дожидатись дальше Хана, а двигнулся на Волынь, щобы не допустити соединенья короля съ Потоцкимъ и Калиновскимъ. Въ той цѣли ôнъ выправилъ 40.000 мужа пôдъ начальствомъ полковника Джеджалика

на Каменецъ, щобы той ударилъ на Потоцкого, а самъ пустился къ Тернополю, щобы станути тамъ съ своими 80.000 козакôвъ межи королемъ а войскомъ зъ-пôдъ Каменця. Былъ то плянъ хорошо обдуманый, однакъ ôнъ не удался, бо былъ уже за пôздно поднятый. Потоцкій дознался за-вчасу о движеніяхъ козакôвъ, убѣжалъ чѣмъ скорше изъ Каменця и успѣлъ соединитись съ королемъ. Козаки прибыли пôдъ Каменецъ, но тутъ не застали уже и слѣду зъ Полякôвъ. Хмельницкій, видячи, що плянъ его не повелся, завернулъ ôтъ Тернополя пôдъ Збаражъ, щобы выжидати Крымского Хана. Такъ стояли вражіи собѣ войска кôлька недѣль бездѣльно: польское пôдъ Сокалемъ, козацкое пôдъ Збаражемъ. Въ-конецъ переконался король, що мѣстце его пôдъ Сокалемъ невыгодное, такъ и зачалъ переносити свôй таборъ надъ рѣку Стыръ, на широкое поле пôдъ Берестечкомъ. Тогды надалась была козакамъ добрая случайность, погромити польскіи войска, коли они переходили черезъ болотнистыи мѣстця и черезъ рѣку Стыръ; однакъ Гетманъ якъ-бы увзялся на свою бѣду—чекати на Татаръ, и пропустилъ тую найлучщую способность.

Ажъ коли Поляки розмѣстились хорошо пôдъ Б е р е с т е ч к о м ъ, прибылъ наконецъ и Ханъ Исламъ-Гарей съ своею ордою пôдъ Збаражъ. Уже зъ первого

привитаньяся его съ Гетманомъ видно было, що ôнъ неохотно ишолъ на вôйну. Закѣмъ еще соединился съ козацкимъ войскомъ, малъ ôнъ посылати посольство до короля, и тогды уже, якъ пôзднѣйше говорено, обѣцялъ здрадити козакôвъ.

Дня 10 Юнія стали пôдходити пôдъ Берестечко козацкіи и татарскіи войска, и они остановились на пôлъ милѣ ôтъ польского табора. На другій день, якъ тôлько зачало свитати, двигнулись польскіи войска зъ мѣстця, и самъ король началъ уставляти ихъ въ боевый порядокъ. То само дѣялось и въ козацкомъ таборѣ. Возставшое солнце узрѣло уже оба великіи войска, стоящіи на широкой простра-ни противъ себе, якъ два грозныи великаны, готовыи на даный знакъ кинутись одинъ на другого и въ зажертомъ бою розгромити противника, или самому упасти. — Роздѣленыи рôвнымъ полемъ стояли ряды противникôвъ тихо, неподвижно до самого полудня; ни та, ни другая сторона не хотѣла первая начинати.

На-разъ о 2 годинѣ по-полудни двигнулась козацкая пѣхота своимъ четыреугольникомъ; Татаре съ дикимъ крикомъ помчались ударити на осередокъ польского войска, а въ томъ же часѣ зъ польской стороны вырвался Іеремія Вишневецкій съ 12 полками регулярного войска и летѣлъ съ обнаженнымъ мечемъ на козацкій четыреугольникъ. Ôтъ сильного на-

пора заколебались ряды козацкіи: въ четыреугольнику здѣлался выломъ, и тудаже поскочилъ Вишневецкій, розорвалъ осередокъ козацкихъ рядôвъ и станулъ на козацкихъ возахъ. Въ-слѣдъ за Вишневецкимъ выслалъ король пушки и нѣмецкую пѣхоту; прилетѣлъ сюда и Конецпольскій, и такъ закипѣлъ страшенный бой. Въ одной хвили загремѣло кôлькадесять пушокъ и тысячи-тысячь самопалôвъ; въ небо поднялась чорная туча, кругомъ-далеко роздавались крики раненыхъ, стоны умирающихъ, ржаніе коней, рыкъ скота, а скрôзь дымъ виднѣли потоки крови, купы мертвыхъ тѣлесъ польскихъ и козацкихъ... Надмѣрнымъ усиліямъ козацтва удалось уже выперти Полякôвъ изъ четыреугольника, коли наразъ кинулся Ханъ въ бѣгство. За нимъ погнали изъ поля битвы всѣ Татаре, оставляючи свôй таборъ на росхищеніе. Тая неожиданная здрада Хана и его Татаръ змѣшала козакôвъ. Гетманъ остолпѣлъ, и ôтдавши начальство полковнику Джеджалику, погнался съ Выговскимъ и кôлькома козаками за Ханомъ, щобы его задержати и завернути на поле битвы.

Скоро тôлько спостерегли Поляки, бѣгство Татаръ, заняли быстро ихъ мѣстце и стали напирати и поражати козакôвъ изъ трехъ сторонъ. Хоробро держался Джеджаликъ, ôтбивалъ напады

Поляковъ, и вечеромъ занялъ крѣпкое становище надъ рѣкою Пляшевою, где зъ заду боронили его непроходимыи болота. — По заходѣ солнца палъ густый мракъ, хмары закрыли небосклонъ и розьлялся сильный дощъ, который перервалъ горячую, отчаянную борьбу. Поляки повернули до свого табора, козаки же не мали часу и ôтдохнути, а взялись сейчасъ окопыватись изъ трехъ сторонъ, бо изъ четвертой стояли болота. За одну нôчь станули окопы, якъ каменныи стѣны. Десять дней держались козаки за окопами, боронились мужественне и выдерживали страшенную пальбу польской облоги. Джеджаликъ хотѣлъ вступити въ переговоры, однакъ Поляки ставляли такіи условія, що козаки волѣли до послѣдного згинути, чѣмъ принимати тіи условія. Облога продолжалась; козаки постановили держатись дальше и выжидати повороту Хмельницкого. Но межи тѣмъ вкрался до козацкого табора неладъ и замѣшанье: начальство перейшло ôтъ Джеджалика на Богуна. Хлопы, не привыкшіи до такъ долгой, правильной вôйны, начали негодовати; они сходились толпами и толковали межи собою такъ: „Що дѣлати? Король хоче взяти Старшинъ въ закладъ, они же не хотятъ идти и не допускаютъ до мира; а тымъ часомъ Татаре руйнуютъ нашъ край, забираютъ наши жены и дѣти. Найлучше выдаймо

нашихъ Старшинъ Полякамъ, а самы спасемся.“ Почувши о тыхъ хлопскихъ нарадахъ, уложилъ Богунъ мудрый плянъ, щобы выцофатись изъ того безнадѣйного положенья въ таборѣ. Онъ велѣлъ сыпати греблю черезъ болота, щобы нею убѣжати. Пôдъ нôчь зъ 28 на 29 Юнія велѣлъ Богунъ хлопамъ начати битву съ Поляками, а козаки межь тѣмъ звозили на болота возы, шатры, кожухи, сѣдла, контуши, свиты, мѣшки и всякую снарядь, а коли уже добре вымощена была гребля, зачали козаки неспостережно переправлятись отдѣлами черезъ болота. На другій день ранкомъ засѣли хлопы до снѣданья, а ажь тогды спостерегли, що половина войска и цѣлой конницѣ въ таборѣ уже не было. Нагло роздался межи хлопами крикъ: „Братья! всѣ полковники поутѣкали.“ На той голосъ пôдняли хлопы ужасный крикъ; повстало страшенное замѣшанье. Всѣ исполошены кинулись на греблѣ; греблѣ не выдержали и люди станули тонути въ болотахъ. Надармо пôдъѣхалъ до нихъ зъ другой стороны Богунъ и приказовалъ, щобы не толпились и ишли поволи и въ порядку; — нищо не помогло; хлопы кидались стремъ-головь въ различныи стороны, толкли одни другихъ и кидались въ воду.

Поляки долго не догадовались, въ чемъ дѣло; ажь по якôмсь часѣ они кинулись изъ всѣхъ сторонъ въ козацкій

таборъ, гнали за хлопами и убивали всѣхъ безъ розбору, безъ помилованья. Якъ не выпрошовались хлопы и взывали: „Помилуйте, панове Ляхи! Мы будемъ вѣрны, мы не козаки а мужики“, — все было надаремно. Поляки рубали, рѣзали и топили, поки въ-конецъ послѣднiи не положили головы. Тогды взялись Поляки грабити таборъ: забрали множество овецъ, быкôвъ и коней, 28 пушокъ и пороху на цѣлое свое войско; рознесли шатеръ Хмельницкого и взяли его шкатулу съ письмами и съ 20.000 талярôвъ.

Такъ несчастливо для Русинôвъ закôнчилась битва пôдъ Берестечкомъ. Полягло множество русского народа головами на широкомъ поли, розбилась головна военная сила черезъ лукавую здраду Таттръ; — но помимо того завзятiе русского народа противъ ненавистного шляхетства Польщи не зломилось!

По розбитью козацкого табора розпустилъ король „посполитое рушенье“, а регулярное (кварцяное) войско въ 40.000 мужа кинулось пôдъ начальствомъ Вишневецкого, Потоцкого и Калиновского нищити Украину и розбивати козацтво до остатка.

Поворотъ Хмельницкого ôтъ Татаръ. Поляки вступаютъ на Украину.

Где же подѣвался въ тую несчастную пору батько Хмельницкій? Куда ôнъ пропадалъ? Чому не верталъ пôдъ Берестечко, спасти славу козацтва, а оставилъ оное въ самую найгорячѣйшую хвилю судьбѣ на произволъ? Никто не зналъ, куда ôнъ подѣлся, лишь доходили глухіи вѣсти, що сидитъ у Татаръ въ неволи.

А оно таке сталось съ Гетманомъ: Изъ поля битвы помчался ôнъ за Ханомъ догналъ его, но вмѣсто щобы наклонити Татаръ къ повороту, дôстался самъ пôдъ стражу. Розъяреный Ханъ не далъ собѣ ничого говорити, а повлекъ съ собою Гетмана ажь въ Крымъ, держалъ его тутъ въ неволи и требовалъ ôтъ него окупу.

Хмельницкій послалъ тогды Выговского до Чигирина по гроши, и доперва коли той привêзъ 800.000 талярôвъ. пустилъ Ханъ Хмельницкого на волю въ одной сорочцѣ и жупанѣ.

Пріѣхалъ Гетманъ на Украину до мѣсточка Паволочи и пилъ изъ грызоты три дни и три ночи. Тутъ стали сходитись до него полковники съ останками розбитыхъ полкôвъ. Коли ôнъ узрѣлъ Старшинъ, бывшихъ пôдъ Берестечкомъ зачудовался и закричалъ ôтъ испуга: „А таборъ где?“ — „Уже чорты взяли та-

боръ! Мы утѣкли съ табора!" отвѣчали козаки. — „Якъ то?" запыталъ Гетманъ недовѣряючи: „а хоругви где?" — „И хоругви пропали." — „А гарматы? — „И гарматы." — „А шкатула съ червонцями?" — „Про тую не знаемъ," отвѣтили въ смущеніи козаки. Тогды Хмельницкій рвалъ на собѣ волосы, проклиналъ себе и цѣлый свѣтъ, що дожилъ такого сорома.

Вскорѣ однакъ ободрился знову Гетманъ и замышлялъ уже собирати гроши на новую вôйну, та на бѣду почалъ народъ бунтоватись противъ Хмельницкого. Говорено въ народѣ, що Гетманъ потакуе панамъ; нарêкано и за-союзъ съ Татарами. Въ многихъ мѣстцяхъ собирались „Чорныи рады," и замышляно даже скинути Хмельницкого съ гетманства. Но въ той небезпечной хвилѣ заявилъ Хмельницкій особенную рѣшительность и присутствіе духа: ôнъ появился самъ на одномъ изъ такихъ собраній народа на Масловомъ Бродѣ и промовилъ въ своей оборонѣ такъ щиро, такъ сердечно, що весь народъ, передъ хвилею еще нимъ недовольный, призналъ его знову своимъ Гетманомъ и готовъ былъ идти за нимъ на край свѣта. Въ-слѣдъ за тѣмъ собирались новыи полки: народъ стекался до Хмельницкого численно. Показалось, що помимо тяжкихъ недавно нанесенныхъ ударôвъ, народъ не упалъ

на духу, а готовъ былъ скорше згинути, якъ вернути въ давное подданство. Козацкіи полки скоро наполнились новыми охотниками, а народъ въ недостатку отвѣтного оружія зброился косами и ножами.

Тымъ часомъ польское войско пôдъ проводомъ Потоцкого, Вишневецкого и Калиновского вступило въ Украину и найшло тутъ всюда сильный и зажертый опôръ. Селяне нищили запасы хлѣба, палили власныи домы и отдѣльными загонами нападали неустанно на Полякôвъ, забирали имъ возы, конѣ, портили дороги, ломили мосты и кричали: „Вражіи сыны, забирайтесь въ вашу Польщу, бо иначе и слѣду по васъ не стане!“ Въ войску польскомъ начали проявлятись тяжкіи болѣзни, ôтъ которыхъ гибло много людей, и межи ними постигъ также конецъ найзнаменитшого польского рыцаря и военачальника Іеремію Вишневецкого.

По дорозѣ стануло польское войско пôдъ мѣсточконъ Трилѣсами. Тутъ засѣлись козаки съ сотникомъ Александренкомъ и привитали Полькôвъ градомъ куль. Мѣсточко боронилось отчаянно, не хотячи здатись на польскую милость; все, що жило, мужики и женщины узброились чѣмъ кто мôгъ, и обороняли съ изъ-поза хатъ и частоколôвъ съ неслыханною яростію, поки всѣ до послѣдной души не полягли. Въ-конецъ заняли По-

Нападъ на Трилѣсы.

ляки Трилѣсы спалили оное до тла и не выпустили живымъ ни одного человѣка: даже надъ дѣтьми збытковались, розбиваючи ихъ головки о дерева и стѣны.

Одновременно настала на Руси изъ сѣвера другая чорная хмара. Гетманъ литовскій Радивилъ поразилъ козацкого полковника Небаву, гналъ просто на Украину и вскорѣ безъ опору занялъ Кіевъ. Но тутъ засталъ ôнъ такъ ожесточеныхъ мѣщанъ, що тіи въ ярости пôдпалили сами свôй городъ, щобы польское войско не набирало тутъ пожиткôвъ. Отъ силнного пожара выгорѣлъ майже цѣлый Кіевъ, а Радивилъ, видячи, що тутъ на згарищахъ не ма ему що стояти и побоючись мстивости и завзятости народа, пустился дальше на югъ, щобы соединитись съ войсками Потоцкого пôдъ Бѣлою-Церквою.

Бѣлоцерковскій договоръ. — Посольство Хмельницкого до Царя Алексѣя.

За той часъ собралось коло Хмельницкого пôдъ Бѣлою-Церквою до 40.000 козаковъ (найбôльше изъ Подѣлья.) Но не было то уже давнѣйшое войско козацкое, не было въ немъ того духа и той характерности, якою побивали козаки ворогôвъ пôдъ Жолтыми-Водами и пôдъ Корсунемъ; словомъ не было то уже правильное войско, отданное тѣломъ

и душею Гетману своему, а были то по найбôльшôй части на-скорѣ собраныи гайдамацкіи загоны хлопôвъ, непридатныи до великои вôйны съ регулярнымъ польскимъ войскомъ. Хмельницкій уважалъ тое дуже добре и обавлялся съ такою ватагою вступити въ бой съ 70.000-ною арміею Радивила и Потоцкого. Отже замышлялъ ôнъ на-разѣ завести съ поляками переговоры, щобы зыскати на часѣ, а поволи побôльшити и устроити собѣ доборовое войско. Польскіи воеводы не ôттягалися такожь ôтъ мирныхъ переговорôвъ, бо имъ не доставало уже живности, а до того побоювались они, що Хмельницкому надôйде яка помôчь, та и тревожились неразъ завзятостію и яростію русского народа, якая съ каждымъ днемъ взмагалась. Тожь зачались на замку Бѣло-церковскомъ переговоры. Ледви однакъ зачулъ народъ, що права его по тому переговору маютъ быти обмежены и що границѣ козацкои землѣ будутъ зменьшены. пôдступили толпы людей безъ числа пôдъ замокъ и стали пôдносити грозныи крики. „Ты, Гетмане ведешь съ Ляхами трактаты а насъ покидаешь! Себе и Старшину спасаешь, а насъ ôтдаешь зновь на муки пôдъ палки, на палѣ и шибеницѣ! Нѣтъ! закѣмъ до того дôйде, то ты самъ наложишь головою и ни одинъ Ляхъ зъ-ôтти живымъ не выйде.“ Роздались выстрѣлы, толпа валила на замокъ и хо-

тѣла убити комисарей, а коли Хмельницкій неустрашимый выйшолъ изъ замка, толпа верглась и на него съ поднятыми саблями; но ôнъ кинулся на ню съ булавою въ руцѣ, началъ бити нею попавшихъ пôдъ руку и закричалъ: „А вы поганцѣ, вы гайдамаки! Вы смѣете нападати на послôвъ, которыхъ не вôльно оскорбляти! Таже за нихъ суть наши заложники въ польскомъ таборѣ, хоть тыхъ братей своихъ пошануйте!“ — Тая рѣшительность Гетмана усмирила взволновану толпу, и такъ переговоры тягнулись долшій часъ, — но они кончились на ничемъ. Прійшло знову до збройной росправы, по взаимныхъ побѣдахъ и стратахъ пôдъ Хвастовомъ, при Масловомъ-Ставѣ и пôдъ Бѣлою-Церквою рѣшились обѣ стороны еще разъ вступити въ мирныи переговоры, и таки заключили такъ званый Бѣло-церковскій договоръ. Условія того договора были для козацтва досыть невыгодны; и такъ вмѣсто трехъ воеводствъ лишилось имъ тôлько одно воеводство Кіевское, число войска обмежено до 20.000 мужа, шляхта польска могла вертати въ свои имѣнія, жидамъ и езуитамъ позволялось такожъ всюда жити на Украинѣ. Заключивши такій договоръ, розôйшлись польскіи войска, Радивилъ на Литву, Потоцкій на Подôлье. По дорозѣ умеръ Потоцкій ôтъ

моровой заразы, яка вкралась въ польскіи ряды и десятковала ихъ.

Но если Зборовскій договоръ не удержался, то тѣмъ меньше мôгъ удержатись и той Бѣло-церковскій, бо ôнъ со всѣмъ не пôдходилъ пôдъ потребы и вымаганья русского народа. Жителѣ цѣлой Малой Руси не хотѣли жити дальше въ подданствѣ. А тутъ тымчасомъ зачали паны дѣдичи повертати цѣлыми толпами на Волынь и Подôлье и силовались привернути давныи порядки. Ôтъ того давались слышати межи народомъ страшенныи злорѣченья, пôднялся великій ропотъ противъ Полякôвъ и противъ самого Хмельницкого, который черезъ Бѣло-церковскій договоръ дозволилъ давному лиху знову завладѣти.

Въ тôмъ часѣ убѣгало множество русского народа зъ-пôдъ панского ига въ предѣлы Московского Царства, и поселялись они тамъ, где не было Полякôвъ та Жидôвъ. Первый примѣръ до того дали жителѣ Волыня, именно же козаки Острожского полка заложили надъ берегами рѣки Тихой Острожскъ, ввели у себе козацкое устройство и утворили въ Великой Руси первый такъ званый слободскій полкъ. За ними пустились Наднѣстряне и Бужане. Они палили свои хаты и обороги, щобы ни крыхты зъ нихъ не досталось ворогамъ; складали на возы всѣ движимыи достатки и выправ

лялися цѣлыми громадами глядати собѣ новой отчины. Польскіи войска заступали имъ дорогу, но народъ пробивался съ оружіемъ въ рукахъ. Въ короткомъ часѣ станули надъ берегами Сосны и Десны въ велико-русской державѣ новыи села и городы, якъ то: Лебединъ, Ахтирка, Бѣлополье, Харьковъ и др.

Но и оставшійся въ Малой Руси народъ не думалъ вступати до панôвъ въ пôдданство. Жителѣ зъ-надъ Буга и Днѣстра кидали свои хаты и скрывались въ лѣсахъ и печерахъ, или творили шайки и нападали на Полякôвъ. По всѣхъ закуткахъ Литвы, Руси и Украины выправлялъ доведеный до отчаянія народъ страшенныи рѣзнѣ.

Съ початкомъ р. 1652 выслалъ Хмельницкій знову посольство до Московского Царя съ такимъ письмомъ: „Пожалѣй насъ, православный Царь! Умилосердись надъ православными церквами и надъ нашою невинною кровію. Поляки не додержуютъ ничого, що прирекли. Святыи церкви, якіи прирекли ôтдати намъ изъ-пôдъ уніи, не ôтдали до днесь, та еще обертаютъ въ уніятскіи навѣтъ тіи, которыи у насъ до теперь въ православіи оставали. Они хотятъ искоренити православную вѣру, и для того собрали на насъ коронныи войска, ругаются нашимъ святынямъ, обижаютъ христіянъ мірскихъ и духовныхъ... Со слезами отже просимъ

тебе, Государь православный, не дай, щобы Ляхи зруйновали насъ до конца, а прійми насъ пôдъ свою царскую руку.“

На тое письмо получилъ Гетманъ отвѣтъ, полный состраданія надъ недолею Малой Руси, и вразъ-же запевненье, що Царь готовъ своей братіи дати помôчь и защиту, однакъ въ той хвили того здѣлати ему невозможно. „Потерпѣтъ,—стояло въ томъ письмѣ: еще хоть одно лѣто, доки зберется великое войско въ Москвѣ, которое въ своемъ часѣ подасть руку козакамъ, щобы ихъ на всегда освободити ôтъ кормиги ляцкой.“

На такій отвѣтъ успокоился Гетманъ, началъ изготовляти козацкіи реестры и вмѣсто 20.000, якъ было условлено въ Бѣло-церковскомъ договорѣ, записалъ 40.000 и порозмѣщалъ ихъ по такимъ городамъ, где пôсля договора не дозволялось козакамъ стояти. Тымъ поступкомъ знову задобрилъ Хмельницкій народъ, а Полякôвъ тѣмъ бôльше на себе нагнѣвалъ.

Сваты Хмельницкого. Пораженіе Полякôвъ пôдъ Батогомъ 1652.

Поляки на соймѣ въ Варшавѣ не хотѣли затвердити навѣть и Бѣло-церковского договора. Хмельницкій узнавши о тôмъ, уважалъ, що такимъ способомъ и его не обовязуе договоръ; сталъ отже

смѣло собирати въ реестры новыхъ козакôвъ и вôйшолъ на-ново въ союзъ съ Крымскими Татарами. Щобы однакъ заняти чѣмъ войска свои, щобы не сидѣли бездѣльно, задумалъ ôнъ пôдняти вôйну съ Молдавіею, которой Господарь Липула все еще ôттягался выдати свою доньку за молодого Хмельницкого. Передъ походомъ Гетманъ выслалъ еще письмо до Липулы и остерегалъ его, мовячи: „Ôтдай Господаре, свою доньку Домну за мого сына, а дѣти наши будутъ счастливы; если-же невыдашь доньки, то я изотру - изомну тебе такъ, що слѣду по тобѣ не останется.“

На тое грозное письмо, удался Липула съ покорною просьбою до пана Калиновского, що стоялъ съ польскими войсками на Подôлью, и умолялъ его о помôчь. Калиновскій пустился въ сей-часъ до границѣ Молдавіи и станулъ берегомъ рѣки Буга коло горы Батога, щобы тутъ заступити дорогу козакамъ. Хмельницкій упередилъ Калиновского, що сынъ его иде женитися и не мае ніякихъ враждебныхъ намѣреній на Польщу, такъ и просилъ ôнъ, щобы Поляки уступились зъ дороги, „бо инакше, — писалъ Гетманъ: боюсь, щобы сваты мого сына не завели битвы съ полками польскими и не выйшло бы нарушенье мира.“ Но Калиновскій не слухалъ перестороги Гетмана, а розложилъ свôй таборъ пôдъ Батогомъ,

въ найневыгоднѣйшомъ мѣстци. Въ тойже самъ часъ ступалъ дорогою до Молдавіи сынъ Гетмана Тимошъ съ сильнымъ козацкимъ вôйскомъ и съ татарскою ордою. Дня 29 Мая 1652 г. появились Татаре передъ Поляками, ступаючи совсѣмъ спокôйно. Тогды пустилъ Калиновскій на нихъ цѣлую свою кôнницю. Татаре, мовь переполоханы, начали утѣкати, но въ той хвили вспыхнулъ въ серединѣ польского табора пожаръ; русскіи хлопы, що были на роботѣ въ польскомъ таборѣ, умышленно запалили тамъ сѣно. На видъ пожара роздался межи Поляками крикъ: „Стôйте, вертайте — козаки нападаютъ зъ заду на обозъ!“ На той крикъ кинулась польская кôнниця въ-задъ, а Татаре, обернувшись за ними, зачали ихъ пражити стрѣлами и кулями. Одновременно выступили изъ - поза горы Батога козацкіи полки, а узрѣвши въ польскомъ таборѣ пожаръ и страшенное замѣшанье, не довѣряли своимъ очамъ и не знали зъ-початку, що бы то все значило; но якъ скоро дознались они о настоящой правдѣ, кинулись стрѣлою на польскій таборъ. Настала рѣзня, о якой давно не чувано. Козаки и Татаре приперли Полякôвъ изъ двохъ сторонъ и задали имъ совершенное пораженіе. Поляки недобитыи розбѣгалися на всѣ стороны, но повсюду гнали за ними хлопы и козаки и не слухали ихъ просьбъ, а прали безъ

милосердія, примовляючи: „Ото вамъ за унію! Ото Берестечко! ото вамъ ваши данины!“ Въ битвѣ той званой Батоговской згинуло цѣлое 50.000-ное польское войско; самъ военачальникъ Калиновскій полягъ на полю битвы. Осталось въ живыхъ всего 256 людей, а тіи попались до Татаръ въ неволю.

Послѣ такой преславной побѣды пустились сваты-козаки съ веселою думкою дальше на Молдавію и достались счастливо до самыхъ еи границь. Тутъ на просьбу Липулы остановилъ женихъ Тимошъ свое войско, а самъ отправился до Яссъ и звѣнчался дня 31 Августа съ княжною Домною-Розандою. Великолѣпный пиръ весѣльный тревалъ цѣлую недѣлю, по чемъ повернулъ Тимошъ съ молодою прекрасною женою и богатымъ вѣномъ назадъ на Украину.

Хмельницкій за той часъ донêсъ королеви о всемъ, що сталося пôдъ Батогомъ, и доказовалъ, що виною того несчастья для Польщи былъ самъ Калиновскій, и писалъ такъ: „Я перестерегалъ пана Калиновского, щобы ôнъ уступился зъ дороги моему сыну, но ôнъ не послухалъ. Мои козаки звычайно, якъ весѣльныи люди, горячіи, обôйшлись съ паномъ Калиновскимъ не дуже вѣжливо.“ Поляки приняли то за насмѣшку и зачали собирати новыи войска.

Межи тѣмъ цѣлый той рôкъ 1652 былъ для Польщи полный самыхъ стра-

даній. Кромѣ Батоговского пораженія вытерпѣла Польща премного ôтъ морового повѣтря; трупы валялись по поляхъ, якъ снопы; осиротѣлыи родины скитались по лѣсахъ и дебрахъ, а дикіи звѣры забѣгали зъ яругъ и ущелій въ людскіи хаты. Пожары знищили многіи городы, рѣки заливали поля; наступила нужда и страшенный голодъ. Голодъ былъ такъ великій, що въ одномъ мѣстци, якъ каже польская лѣтопись, „на одномъ стôжку сѣна, плывучомъ по Вислѣ, сидѣли волкъ и коза цѣлкомъ дружелюбно, бо вспôльна нужда ихъ помирила.“

Весною 1653 р. собрали Поляки 12.000 нового войска и выправили оное на Украину пôдъ начальствомъ Чарнецкого. Чарнецкій надѣлалъ Руси много бѣды. Ôнъ вдерся въ землю Брацлавскую, нищилъ села и городы и розбивалъ народъ, не щадячи невѣстъ, ни дѣтей. Ажъ пôдъ Монастырищами задержалъ его хоробрый полковникъ Богунъ и ôтбилъ его напады. Чарнецкій самъ тяжко раненый мусѣлъ бѣжати въ Польщу, а козаки долго смѣялись зъ его походу и скорого отвороту, та и поговарювали они: „Налетѣлъ Чарнецкій на Украину мовь той хищный воронъ чорный; но ôнъ якъ-стôй передъ Богуномъ-орломъ упорхнулъ мовьбы той оскубаный зъ пêрья воробецъ.“ На таке оно и выходило съ тымъ воен-

нымъ походомъ славного въ Польщи пана гетмана Чарнецкого.

Молдавская вôйна. Здрада Татаръ пôдъ Жванцемъ.

Господаръ молдавскій Липула, уповаючи на козацкую силу свого зятя Тимоша Хмельницкого, забагъ завладѣти Семиградскими Молдавянами, которыи были пôдъ властію угорского князя Ракочія, а также и сусѣдною Волощиною, которою управлялъ другій Господарь Радула. Липула найшолся въ прикромъ положенью, бо Ракочій и Радула вторгли въ Молдавію, заняли головный городъ Яссы и прогнали Липулу зъ княжеского престола. Липула утѣкъ на Украину, а жена его съ 4000 свого войска заперлась въ Сучавѣ и выжидала помочи ôтъ зятя Тимоша. Но тутъ еще не конецъ бѣдѣ. Ракочій и Радула, певныи того, що Гетманъ Украины не наспѣе съ помочію для Липулы, запросили собѣ еще Полякôвъ, щобы разомъ съ ними въ даномъ случаю побороти Хмельницкого. Поляки, розъяреныи до крайности неудачнымъ походомъ Чарнецкого, связались дужо радо съ непріятелями Гетмана и рѣшили теперь непремѣнно зломити и знищити козацкую силу. Для той цѣли собралъ король 40.000 нового войска, нанялъ еще

20.000 Нѣмцêвъ и пустился съ тыми войсками загородити дорогу Хмельницкому, еслибы той намѣрялъ идти въ Молдавію. Гетманъ Хмельницкій, видячи, що теперь мае до дѣла наразъ съ 4 ворогами, выправилъ свого сына съ 20.000 козаками на Молдавію, а самъ съ 30.000 двигнулся на Подôлье, щобы тутъ змѣритись съ Поляками. Въ томъ же часѣ ôнъ выслалъ посольство до Царя Алексѣя съ извѣстіемъ, що Поляки идутъ на Русь дальше обижати св. Церковь русскую, и додалъ: „Турецкій царь прислалъ до насъ посольство и хоче насъ взяти въ свое подданство. Если Ваша Царская милость не умилосердится надъ православными христіянами и не прійме насъ пôдъ свою руку, то поганцѣ завоюютъ насъ и мы будемъ дѣлати ихъ волю. А съ польскимъ королемъ у насъ миру не буде.“

Посольство тое мало уже великій успѣхъ. Дня 20 Юлія явились послы великорусского Царя во Львовѣ, где стоялъ польскій король съ таборомъ, и предъявили напередъ домаганье, щобы король строго укаралъ тыхъ Поляковъ, що письмами оскорбляютъ титулъ и особу русского Царя, а потомъ заговорили они и о козацкихъ справахъ. Посолъ бояринъ Репнинъ Оболенскій промовилъ такъ до короля: „Великій Царь нашъ проститъ тымъ, що оскорбляли его особу, однакъ

пôдъ условіемъ, если король заперестане провадити вôйну съ Гетманомъ Хмельницкимъ, если православнымъ назадъ ôтданы будутъ ихъ св. Церкви, если Поляки уничтожатъ унію и затвердятъ на вѣчныи вѣки Зборовскій договоръ.“ На тіи рѣшительныи требованія русскихъ послôвъ задрожалъ король и Поляки; они стали извинятись, но въ-конецъ заявили, що годѣ имъ касовати унію, що греческои вѣры они николи не переслѣдовали, и що съ Хмельницкимъ они не тôлько на основѣ Зборовского, но даже и Бѣлоцерковского договора не будутъ годитись. „Противно, говорили они, козакôвъ бунтôвникôвъ пôдобьемъ совершенно и доведемъ ихъ до такого состоянія, въ якомъ они находились передъ козацкою вôйною.“

Услышавши такій неблагосклонный отвѣтъ, послы въ имени велико-русского Царя зôрвали всякіи сношенія съ Поляками, а упередивши ихъ, що вся Великая Русь постоитъ за честь свого Царя и св. православія, отправились въ свояси. — Король съ войскомъ оставилъ Львôвъ, пустился на Подôлье и станулъ межи Каменцемъ и Жванцемъ, щобы не пустити Гетмана Хмельницкого до Сучавы.

Въ тотъ часъ находился Тимошъ зъ козаками въ Сучавѣ, окруженый численными волошскими, угорскими и польскими войсками, и ôтбивался хоробро ôтъ нихъ, вы-

жидаючи ôтъ батька свого Гетмана дальшои помочи. На несчастье, одного разу, коли ôнъ переходился по валахъ межи арматами, ударила его въ ногу и голову скалка съ розбитого кулею дерева, и ôтъ тыхъ ранъ умеръ Тымошъ до 3 дней. Осадженыи козаки съ полковникомъ своимъ Ѳедоренкомъ держались еще 6 недѣль и ôтбивалися що-силы, полагаючи на то, що чей надôйде Гетманъ съ пôдпомогою; но Гетманъ не являлся; голодъ давался уже чувствовати козакамъ, и тогды Ѳеодоренко пôддалъ Сучаву непріятелю пôдъ такимъ условіемъ, що козакамъ буде дозволено съ тѣломъ Тимоша спокойно повертати на Украину.

Межи тѣмъ подвигался Гетманъ Хмельницкій къ Молдавіи, не знаючи еще ничого о стратѣ сына. Ажь по дорозѣ стрѣтилъ ôнъ повертающихъ козакôвъ и мертвое тѣло Тимоша. Зарыдалъ гôрько старый батько Гетманъ и потѣшался тôлько тымъ, що сынъ его умеръ, якъ козакъ, и не дôстался въ руки врагôвъ. Похоронивши тлѣнныи останки сына въ Чигиринѣ, пôйшолъ Гетманъ ударити на польскіи войска, которыи стояли таборомъ пôдъ Жванцемъ. По дорозѣ прилучился до него татарскій Ханъ съ 100.000-ною ордою. Положенье Полякôвъ пôдъ Жванцемъ было дуже непріятное. Войска ихъ было вправдѣ довольно бо было до 70.000 мужа; но однакожь люди

то свѣжо-набранныи, непривыкшіи до военной службы, а до того настала пôздная осêнь съ своими плютами, стужами, а жолнѣры, не маючіи теплой одежи, ко́стенѣли ôтъ зимна, та ôтъ то́го начали розбѣгатись.

Король, видячи, що находится въ такъ лихôмъ положеню, що Хмельницкій съ самыми козаками може его розбити на-прахъ, рѣшился ужити штуки, щобы изъ сеи нужды выбавитися. Ôнъ выслалъ кôлькохъ своихъ панôвъ съ подарунками до татарского хана и съ предложеньемъ ему мира. Ханъ надѣялся для себе бôльше корысти ôтъ короля, якъ ôтъ Хмельницкого; тожь згодился ôнъ на миръ пôдъ такими словіями: 1) щобы Поляки заплатили 100.000 червонцêвъ залеглого гарачу и зъобовязались каждого року присылати Татарамъ данину; 2) щобы Тататарамъ было дозволено черезъ 40 дней грабити русскіи земли и уводити въ неволю русскихъ жителей.

Хмельницкій, дôзнавшись о томъ соромномъ договорѣ и о той новой здрадѣ Татаръ, просилъ Хана усильно, щобы ôнъ не покидалъ козакôвъ; но все было надармо. Въ виду того трудно уже было Хмельницкому вести вôйну съ Поляками и Татарами; ôнъ зневоленъ былъ помиритись съ судьбою и въ прискорбіи ôтступити съ цѣлывъ войскомъ зъ-пôдъ

Жванца на Украину, та и выжидати уже помочи ôтъ Московского Царя.

Одновременно забрался и король съ истощенными своими войсками въ Польщу, а Татаре, на основѣ угоды, кинулись на Волынь и Подôлье мовь хищныи звѣры, опустошили и ограбили тіи несчастныи землѣ до крайности. Но не уйшли и Поляки заслуженой кары за той постыдный договоръ, якого отъ вѣка люди не запамятали. Татаре бо въ бѣшенствѣ не розличали своихъ жертвъ, а палили и грабили за рядомъ такъ русскіи, якъ и польскіи имѣнія, проливали и шляхотскую кровь, и много-премного польскихъ дѣтей, женъ и дѣвицъ пôйшло разомъ съ русскими въ татарскую неволю.

Русь, котора до тѣхъ поръ перестрадила и пережила стôлько тяжкихъ бѣдъ и горя, не звелась еще и теперь, пережила и тую бѣду. „Бисурмане — говоритъ русска лѣтопись зъ тыхъ часôвъ; въ змовѣ съ Ляхами хотѣли погубити до конца русскій народъ ; но Богъ запиняяй лукавыхъ въ коварствѣ, обратилъ и поставилъ дѣло для Руси такъ, якъ то было ему извѣстно и въ неизслѣдимомъ его совѣтѣ.“

Соединеніе Украины съ Великую Русію въ г. 1653.

Насталъ окончательно часъ, такъ долго выжиданый жителями Украины, коли Царь Алексѣй рѣшился выступити отверто противъ Польщи и приняти въ оборону притѣсненыхъ ôтъ ней своихъ единовѣрцêвъ въ земляхъ Малои Руси. Правительство его въ Москвѣ смотрѣло зорко на все, що дѣялось въ сусѣдной Польщи и долше не могло уже спокойно придивлятись на тіи безъурядицы шляхты, на кривды Русинôвъ, на безъотрадное ихъ положенье. Въ осени 1653 г. собралъ Царь до Москвы „земскую Думу (Раду)“ и въ самъ день Покрова Пресв. Богородицы, по торжественномъ Богослуженіи, открылъ засѣданіе Рады въ гранитовой палатѣ, где собра лись всѣ выбраныи до Рады зъ духовного и мірского сословія изъ цѣлой державы. На знакъ Царя „думный дьякъ“ (высокій урядникъ) сталъ читати царское письмо, въ которомъ было сказано, що Поляки не додержують условій мира, заключеного передъ тѣмъ съ Великою Русію, бо важились оскорбляти царскій титулъ, а также, що Гетманъ Хмельницкій уже по кôлька разы доносилъ Государю о утѣсненіяхъ, якіи терпитъ русскій народъ и православная Церковь ôтъ Полякôвъ, и ôнъ же просилъ, щобы Царь при-

нялъ цѣлое козацтво пôдъ свою руку. Дальше было въ томъ-же царскомъ письмѣ заявлено, що послы Царя вставлялись у польского короля за Русинами и православною вѣрою, но безуснѣшно; що Султанъ турецкій призывае Украину въ свое подданство, а Хмельницкій и народъ его бажаютъ тôлько присоединитись до Великой Руси, — „нехай затѣмъ Земская Дума розсудитъ якъ тутъ поступити?“

По долшой зрѣлой нарадѣ началось и голосованье, а земская Дума рѣшила одноголосно: приняти Гетмана Хмельницкого съ цѣлымъ войскомъ запорожскимъ, со всѣми ихъ городами и землями пôдъ царскую руку, а Польщи объявити вôйну за оскорбленіе царской чести и православной вѣры.

По такомъ рѣшеніи Земской Думы отправилъ Царь своихъ послôвъ на Украину, щобы тіи приняли мало-русскій народъ пôдъ покровъ велико-русской державы, и 31-го Декабря станули послы въ Переяславлѣ, где привиталъ ихъ полковникъ Тетеря съ великимъ торжествомъ.

Въ началѣ Января 1654 надтягнулъ до Переяславля Гетманъ Хмельницкій, повертающій изъ-пôдъ Жванца, и назначилъ на 8-го Января „Великую народную Раду.“ На той день собрались въ Переяславли всѣ полковники и старшины козацкіи, также великое множество козакôвъ и депутатôвъ зъ русскихъ городôвъ

и селъ. Раненько того дня ударено въ литавры; народъ тиснулся толпами на площадь. О 11-той годинѣ явился на площади Гетманъ въ полномъ парадномъ убранью гетманскомъ и ставувши посередѣ народа, заговорилъ громкимъ голосомъ: „Панове полковники, асаулы, сотники, войско Запорожске и всѣ православныи христіяне! Всѣмъ вамъ вѣдомо, якъ Господь Богъ вызволилъ насъ изъ рукъ ворогôвъ, преслѣдующихъ Церковь Божу и хотящихъ искоренити насъ такъ, щобы имя русское не упоминалось на земли нашой. Всѣмъ намъ стало то уже невиносимо, и видно, годѣ намъ жити бôльше безъ Царя. Для того то зôйшлись мы сегодня на нараду, щобы вы собѣ выбрали владѣтеля изъ чотырёхъ, которого захочете: чи султана турецкого, хана Крымского, короля польского, чи Царя православного Великой Руси. Султанъ турецкій — бисурманецъ, всѣмъ намъ извѣстно, якую бѣду терпятъ наши братья христіяне-греки и якъ они утѣснены отъ безбежныхъ Турковъ. Кримскій ханъ — таможъ бисурманинъ, а хотяй мы зъ нужды заводили съ нимъ дружбу, однакъ дознали черезъ тое нестерпимыи бѣды, неволю и безпощадное пролитіе крови христіянской. О утѣсненіяхъ ôтъ польскихъ панôвъ не ма що и говорити: самы знаете, що они лучше почитали жида и собаку, якъ нашого брата христіянина! А

православный Царь восточный одного съ нами греческого благочестія, одного за-

Переяславская Рада.

кона и исповѣданія; едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Руси,

имѣющое главою Исуса Христа. Той великій Царь христіянскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое сердце и прислалъ до насъ людей съ царскою милостію. Возлюбѣмъ его щиро! Кромѣ его царской руки не найдемъ мы спокойнѣйшого пристанища. Кто же съ нами не согласенъ, — тому вôльная дорога идти, куда любо."

На тую бесѣду Гетмана весь народъ на площади, на дахахъ, на улицяхъ, воскликнуль: „Волимъ пôдъ Царя восточного православного!" — Переяславскій полковникъ обходилъ кругомъ плодадь и розпытовалъ еще разъ: „Чи всѣ такъ изволяете?" — „Всѣ!" возносились голосы кругомъ. Тогды сказалъ Гетманъ: „Буди такъ! Да крѣпитъ насъ Господь Богъ пôдъ его царскою крѣпкою рукою," — а народъ голосилъ за нимъ: „Боже утверди! Боже укрѣпи! щобы мы на вѣки всѣ были едино!"

Вслѣдъ за тѣмъ перечитано козакамъ договоръ, по которому Украина подчиняется Царю. Тсловія договора были такіи:

1) Цѣлая Украина, часть Волыня и Подôлья прилучаются на вѣчныи часы до велико-русской державы;

2) въ тыхъ земляхъ мае быти 60.000 козацкого войска;

3) Гетманъ и всѣ чиновники Украины выбираются вольными голосами на-

рода и управляютъ въ краю по давнымъ козацкимъ установамъ;

4) Гетману прислугуе право приниматы послôвъ ôтъ чужихъ державъ, кромѣ Польщи и Турціи;

5) Царь обовязуется боронити Украину своимъ войскомъ. Данины для Царя будутъ собирати самы козаки.

По ôтчитаню тѣхъ условій вступилъ Хмельницкій съ Старшинмми и царскими послами въ городскую соборную церковь и тутъ присягнули Гетманъ и Старшины на Евангеліе, що будутъ вѣрными поддаными Царя, а потомъ зложили присягу и царскіи послы въ имени Царя, що ôнъ буде держати цѣлу Малую Русь подъ своимъ покровительствомъ и сохранитъ давныи козацкіи права.

Въ слѣдующихъ дняхъ ѣздили царскіи послы и чиновники въ розличныи мѣста и мѣсточка, щобы принимати ôтъ жителей присягу. Коли послы тіи выправились до Кіева, выйшолъ супротивъ нихъ великій здвигъ народа и бояръ, и тіи сопровождали ихъ торжественно до Кіева, где въ такъ званыхъ золотыхъ вратахъ привиталъ царскихъ бояръ самъ Митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ словами: „Войдѣмъ въ домъ Бога нашого, на сѣдалище первѣйшого благочестія русского, и дай Господи, щобы вашимъ присутствіемъ обновилась яко-бы юность орла, наслѣдіе православныхъ русскихъ кня-

зей.“ Подôбно радостно и торжественно принимано царскихъ посланникôвъ во всѣхъ другихъ мѣстцевостяхъ; всюда отправлялись благодарственныи богослуженія, всюда отдавано присягу торжественно и охотно. Народъ не таился съ чувствами радости, бо уважалъ тую хвилю избавленіемъ ôтъ долголѣтного прегôркого рабства.

Такъ совершалось тое великое и въ послѣдствіяхъ своихъ важное дѣло соединенія Украины съ Великою Русію. Важное было то дѣло для того, що черезъ то соединились ôтъ давна розъединены части Малой Руси съ Великою Русію, важное и для того, що также и другіи рускіи землѣ, остающіи еще дальше пôдъ владѣніемъ Польщи, недолго уже мали оставати въ томъ незавидномъ положенью, такъ якъ вôйны козацкіи, а въ слѣдъ за ними ôтлученье Украины были смертельнымъ ударомъ для Польщи. И справдѣ, вôйны тіи стались одною зъ головнѣйшихъ причинъ паденія Польщи, которая ôтъ тѣхъ поръ впадала въ щоразъ гôрьшіи безъурядицы и неустройства, приближалась къ своему цѣлковитому паденію.

Вôйна межи Польщею а Великою Русію о мало-русскіи землѣ. — Хмельницкій пôдъ Львовомъ и его смерть.

Добровольное подчиненье Украины Московскому царству обурило страшенно Полякôвъ. Весною р. 1654 вдерлось польское войско на Подôлье и выправило тутъ ужасную рѣзню. Городъ Немировъ знищено совершенно. Въ одной каменной пивницы укрылось 3000 людей; Поляки стали выкурювати ихъ дымомъ и всѣхъ подушили. Такъ само поступовано по всѣмъ мѣстамъ и мѣсточкамъ: въ мѣсточку Мушировцѣ вырѣзано на самъ Великдень 5000 народа. Русины боронились завзято, косами, колами, и всѣ рѣшились скорше згинути, якъ пôддатись Польщѣ. Незадолго явились козацкіи полки и прогнали Полякôвъ на якійсь часъ ôтъ предѣлôвъ Украины.

Вскорѣ однакъ взяли дѣла инный оборотъ. Велико-русское правительство объявило Польщѣ формальную вôйну, которая велась въ одинъ и тойже часъ на Украинѣ и въ Литвѣ. Вôйна велась счастливо для Великой Руси. На Украинѣ дѣйствовалъ Хмельницкій съ помочію велико-русскихъ войскъ, а одновременно выслалъ Царь грамоту до всѣхъ русскихъ жителей въ Польщи и на Литвѣ, и взывалъ ихъ, щобы всѣ возстали на

противникôвъ святой восточной церкви греческого закона. Тое возваніе мало незвычайный успѣхъ: всѣ русскіи городы на Литвѣ и Бѣлой Руси отвирали добровольно свои ворота велико-русскимъ полкамъ. Мѣщане, шляхта и селяне православныи, угнетеныи панованьемъ польской шляхты, принимали войка велико-русскіи яко освободителей своихъ. До 200 городôвъ, межи тыми найважнѣйшіи: Смоленскъ, Орша, Минскъ, Могилевъ, Вильно, находились въ рукахъ Царя. Поляки ставляли всюда опôръ, но той на нищо не здался; войска велико-русскіи съ помочію козакôвъ пôдъ начальствомъ Золотаренка розбивали ихъ всюда на голову. Вступивши въ Смоленскъ, велѣлъ Царь всѣ костелы, якіи Поляки зъ Церквей перетворили, назадъ замѣнити въ православныи церкви Въ р. 1655 въѣхалъ Царь Алексѣй торжественно въ столицю Литвы, въ Вильно, и заименовалъ себе тутъ Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Въ той самъ часъ выступилъ зъ Украины Хмельницкій съ своими козаками и велико-русскими войсками и подвигался на Польщу. Поляки просили поратунку у Татаръ, заключили съ ними договоръ и кинулись на Подôлье, выправляти новыи рѣзнѣ. Въ мѣсточку Буша держалось 12.000 людей мужчинъ и невѣстъ и не хотѣли поддатись полякамъ

за ніякую цѣну. Но не выдержали долго бѣдныи. Польскимъ войскамъ удалось вдертися до города, а мѣщане видячи, що надходитъ для нихъ послѣдняя хвиля, запалили самы свои домы и убивали одинъ другого. Невѣсты покидали свои дѣти въ керницѣ, и сами скакали за ними. Жена одного сотника, узрѣвши трупъ свого мужа, сѣла на бочку съ порохомъ и сказала: „Не хочу по миломъ человѣцѣ достатись на забавку польскимъ жолнѣрамъ!“ — пôдложила огонь и вылетѣла въ воздухъ. — Сêмдесять женщинъ укрылось съ оружіемъ недалеко мѣсточка въ одной печерѣ. Спостерêгъ ихъ польскій полковникъ и обѣцялъ имъ даровати житье, если выйдутъ зъ печеры; они отвѣтили выстрѣлами. Полковникъ велѣлъ спустити до печеры воду съ жерела и всѣ невѣсты потонули въ той водѣ. То само, що дѣялось въ Буши, дѣялось такожь по другимъ мѣстамъ и селамъ.

Разомъ съ Татарами посунулись Поляки въ глубину Украины. Коло Уманя понесли они вправдѣ чувствительное пораженіе ôтъ полковника козацкого Богуна, но въ сей-часъ потомъ поступили дальше и стрѣтились съ войсками Хмельницкого недалеко Бѣлой-Церкви коло села Бабы. Завязалась битва, въ которой познавъ Гетманъ завчасу, що силы его далеко меньшіи ôтъ польскихъ и ôтсту-

пилъ до свого табора пôдъ Бѣлую-Церковь.

Межи тѣмъ найшла на Польщу еще друга бѣда зъ инной стороны, т. е, ôтъ Швеціи. Лѣтомъ р. 1655 переправился король шведскій Кароль черезъ Балтійское море, вступилъ въ Польщу и занялъ Варшаву и Краковъ. Для Яна-Казиміра не было уже мѣстця въ своемъ королевствѣ: ôнъ принужденъ былъ утѣкати за границю.

Въ томъ же часѣ двигнулся Хмельницкій съ козаками и велико-русскимъ войскомъ ажь на Червону Русь, т. е. въ нашу Галичину, розбилъ польскіи войска пôдъ Городкомъ и осадилъ Львôвъ. Тутъ пріѣхалъ въ таборъ Хмельницкого пôдъ Львовомъ посолъ ôтъ короля Яна-Казиміра, панъ Любовицкій, привêзъ Гетману ôтъ короля письмо, полное хорошихъ прелестныхъ слôвъ и любезностей, та и просилъ и заклиналъ Гетмана, щобы ôнъ назадъ перейшолъ на сторону Польщи. — Хмельницкій, перечитавши письмо, сказалъ съ горечію до Любовицкого: „Милый пане! погадайте, що вы намъ обѣцяли, а що мы отъ васъ получили! Всѣ ваши обѣцянки робили вы по наукамъ Езуитôвъ, що не належитъ додержовати слова „шизматикамъ“ (т. е. православнымъ). Вы называли насъ хлопами, били нагайками, ôтбирали достатки, а коли мы не стерпѣвши

далѣй гнету вашого, утѣкали и покидали жены и дѣти, вы безчестили женъ и палили наши хаты съ дѣтьми, вбивали на колы, кидали въ воду, згнущались надъ ихъ безсилiемъ, а що гôрше, вы насмѣвались надъ нашою вѣрою. Стôлько вытерпѣли мы ôтъ васъ, стôлько разôвъ вы насъ обманули, що мы мусѣли глядати способу улегченья нашой долѣ. За пôздно думати о помиренiи козакôвъ съ Поляками!"

Любовицкiй не зразился еще тыми словами Гетмата, началъ пôдлещоватись, докоряти польской шляхтѣ и додалъ: „Забудьте все, що было, а поможѣтъ королеви, помазаннику Божому! Вы будете не козаками, а другами короля; вамъ даны будутъ достоинста, коронныи добра. Король не дасть уже нарушати вашой свободы и правъ вашихъ." — Но Гетманъ не дался пôдôйти, а отвѣтилъ рѣшительно: „Былъ часъ, где мы жили въ згодѣ и счастью; тогды боронили козаки державу польску ôтъ опасностей и самы наставляли свою шкôру за Польщу. Но Поляки увзялись нарушати свободу Русинôвъ, а Русины, якъ ихъ почало болѣти, стали отгрызатись. Довелось, що Русинôвъ бôльшу часть посѣчено, а и Полякôвъ не мало пропало. Зъ того часу, якъ тiи народы згадаютъ несчастья, нанесенныи собѣ взаимно, заразъ повстане досада, и хотяй начнутъ миритись, то

дѣла до кôнця не доведутъ! Межи нами може быти твердый миръ лишь такъ: нехай королевство польское зречется всего, що належало княжествамъ русской землѣ, нехай ôтступитъ козакамъ цѣлую Русь до Владиміра, и Львôвъ, Ярославъ и Перемышль, а мы, сидячи въ своей Руси, будемъ ôтперати ворогôвъ ôтъ польского королевства. — Но я знаю, що если бы въ цѣломъ королевствѣ лишилось тôлько 100 панôвъ, то и тогды не згодили бы ся на тое. — Тому прощайте!"

Любовицкій, видячи твердость Гетмана, вынялъ тогды дорогоцѣнное украшенье съ дорогими каменями, даръ ôтъ польской королеви для жены Хмельницкого. Гетманъ на видъ такого подарунку тронулся хвилево любезностію найяснѣйшои королевы польской, но таки скоро звернулся до Любовицкого и сказалъ: „Нѣтъ! не могу исполнити желанія Еи Милости; не могу нарушити тѣсного договора съ Великою Русію и со Шведами."

Съ тыми словами отправилъ Гетманъ польского посла, а самъ взялъ изъ Львова 60.000 золотыхъ окупу и ôтступилъ на Украину.

Дальшая вôйна Великой Руси съ Польщею велась для Руси рôвно счастливо. Король Янъ-Казиміръ прислалъ до Царя просити мира. По долгихъ переговорахъ въ Вильнѣ заключенъ былъ въ

р. 1656 миръ межи Вел. Русiю а Польщею пôдъ тымъ условiемъ: що Поляки обовязались по смерти Яна-Казимiра выбрати королемъ своимъ Царя Алексѣя.

Хмельницкiй былъ недовольный заключенiемъ мира и писалъ до Царя: „Ляхи не додержутъ николи того договора; они заключили его тôлько для того, щобы трохи ôтдотхнути и умовитися съ Турками, Татарами и инными противъ Вашой милости. Мы на-певно знаемъ, що они не бажаютъ добра нашому русскому народови. Великiй Государю! молимъ тебе не довѣряйся Ляхамъ, не ôтдавай православного народа на наругу!“ — Но тiи рады остали безъ послуха, бо миръ былъ уже заключенъ.

Здавалось бы зъ того, що Хмельницкiй хотѣлъ весь русскiй народъ видѣти освободженымъ ôтъ польской власти и пôддати оный Великой Руси. Но изъ другихъ его дѣйствiй выходило, що ôнъ часто малъ свои отдѣльныи замыслы. Здается, що у него было тайное желанiе, статись окремымъ независимымъ владѣтелемъ Малои Руси, а желанiе тое ôнъ неразъ, хотяй дуже осторожно, высказовалъ прислучайно. Гадку тую поддержовалъ въ немъ его другъ Выговскiй даже тогды, коли Украина уже была пôддалась Великой Руси. Въ р. 1657, недалеко передъ смертiю своею, заключилъ Хмельницкiй тайный договоръ съ шведскимъ

королемъ Каролемъ и княземъ семиградскимъ Ракочимъ о подѣлъ Польщи. По тому договору мала Украина съ рештою мало русскихъ земель признаною быти на всегда отдѣльною, ôтъ Польщи независимою державою. Пôзднѣйше переконался Хмельницкій, що замыслъ его не дастся осуществити, та уже до смерти оставался вѣрнымъ Цареви.

Незадолго потомъ попалъ ôнъ въ тяжкій недугъ и сталъ скоро ныдѣти. Въ той часъ прислалъ до него еще разъ король Янъ-Казиміръ свого посла и той вговорювалъ въ него: „Що вамъ шкодитъ, Гетмане, скинути Московскую протекцію? Московскій Царь не буде николи польскимъ королемъ. Получѣтся съ нами, старыми земляками, якъ рôвны съ рôвными, вôльны съ вôльными.“ На тое отвѣтилъ Хмельницкій: „Я одною ногою уже въ могилѣ, и въ конци дней моихъ не прогнѣваю Бога нарушеньемъ даного слова. Разъ присягнулъ я Цареви вѣрность и додержу ей до остатной хвилѣ.“

Въ коротцѣ послѣ того умеръ Хмельницкій дня 22-го Юлія 1667 р. Тѣло его похоронено по его волѣ въ селѣ его Суботовѣ, въ церкви, котору ôнъ самъ основалъ. Сироты-козаки, ôтдаючи тлѣнныи останки батька свого Гетмана земли, такъ заходились ôтъ плачу и рыданія, що не чути было церковного пѣнія. „То не вѣтры осенныи бушевали въ ду-

бравѣ, — сказуется въ одной думѣ: то плакали неутѣшно и рыдали козаки, погребаючи батька свого старого Хмельницкого!“

Безъурядицы на Украинѣ.

Дѣло Хмельницкого, змѣряюче до того, щобы улегчити долю мало-русского народа, могло достигнути своей цѣли, бо оно ишло до того, що русскіи землѣ, которыи еще за Князей потомкôвъ Рюрика составляли всѣ разомъ одну природную цѣлость, получились знов въ одну державу, щобы ôттакъ тѣмъ снаднѣйше возростати въ силу и благосостояніе. Однакъ самы же Старшины козацкіи не допускали еще дотого. Многіи изъ тыхъ Старшинъ не радо пôдчинялись московскому владѣнію, такъ якъ они самы были то русскіи шляхтичи, выйшовшіи изъ польско-езуитскихъ шкôлъ, и привыкшіи до обезъузданой свободы, якою буйствовала шляхта въ Польщи, а якой не допускали московскіи власти. И межи высшимъ духовенствомъ мало-русскимъ не было согласія: низшое духовенство съ простымъ народомъ было все по сторонѣ Великой Руси, но Митрополитъ не хотѣлъ подчинятись Московскому Патріарху, а признавалъ надъ собою тôлько власть

Патріарха Цареградского. До того вытворились теперь на Украинѣ, по зверженію польскихъ порядкôвъ, такіи отношенія, которыи цѣлкомъ на добро не ворожили. По договору съ Великою Русію означено было число козакôвъ на 60.000 мужа. Тое войско было яко-бы станъ привилеёваный пôдъ именемъ козакôвъ, которыи не платили податкôвъ, роспоряжали сводно землями и доставали еще платню за военную службу. Решта народу не мала козацкихъ правъ, а мусѣла платити податки и отбывати розличныи роботы. Изъ того выйшло, що козацкіи старшины дбали тôлько за себе, а народъ лишался на ихъ самоволю. Козацкіи начальники переняли цѣлкомъ польскіи понятія о свободѣ; быти свободнымъ, значило у нихъ имѣти такіи права, якихъ другіи низшіи чины не имѣли: никто и не думалъ о тôмъ, щобы признати рôвность межи всѣми. Землѣ было найбôльше въ рукахъ козацкихъ; каждый присвоювалъ собѣ или выпрошивалъ для себе у начальства землѣ якъ найлучшіи, а хотяй и простый народъ малъ свои удѣлы, но власность его уважалась зависимою ôтъ волѣ козацтва, бо козацкіи урядники присвоювали собѣ власть роспорядимости надъ мужицкими грунтами. И межи самыми козаками не было рôвности: Старшины и ихъ поплечники захватили для себе бôльше землѣ и маеткôвъ и затѣмъ ско-

ро вывысшились знатностію и богатствомъ надъ своихъ товаришей. Старшины и знать козацкая старались утвердити свои привилеи и права грамотами, и ôттакъ они ставались теперь на Украинѣ тѣмъ, чѣмъ была самовольна и буйная шляхта въ Польщи.

Въ такихъ своихъ стремленіяхъ тая русско - украинская шляхта встрѣчала перепоны у московскихъ властей, вслѣдствіе чого при первой случайности готова была измѣнити Москвѣ. Въ короткомъ часѣ роспространился по Украинѣ якійсь несворный духъ противенства: щобы никому не подчинятись, а ôтказоватись ôтъ всякой власти, ôтъ всякого порядку. Буйство и сваволя Старшинъ козацкихъ перейшли всякіи границѣ; каждый изъ нихъ готовъ былъ идти нынѣ на царскихъ воеводъ, завтра на Польщу, позавтра на Турцію, щобы тôлько поборотись съ кѣмъ, погуляти, а собѣ при тôмъ нажити добра. Ôттакъ наступило и то, що межи Старшинами а простыми козаками возникло взаимное недовѣріе: одинъ другого обманювалъ, одинъ другому не вѣрилъ, и всякій, щобы доказати свою преданность Москвѣ или Варшавѣ, доносилъ доносы, обвиненія противъ всѣхъ, которыи ему не пôдходили пôдъ руку. — Посередъ такихъ отношеній повстали на Украинѣ по смерти Хмельницкого внутренніи волненія, борьбы, межиусобицѣ; Гетманы

змѣнялись скоро одинъ по другôмъ; бывало даже по кôлька Гетманôвъ разомъ, которыи взаимно собѣ вредили и себе нищили. Но простое козацтво и народъ пôддержовали тôлько тыхъ Гетманôвъ, которыи были вѣрны Москвѣ, бо якъ передше они ненавидѣли порядки польскіи, такъ само теперь не радо дивились на новыи порядки козацко-шляхотскіи. Все же тое провадило конечно весь край до замѣшательства, а козацтво до паденія, до утраты тои силы и тои свободы, до якои козаки дойшли въ часахъ Хмельницкого. — Но перейдѣмъ коротко историчный перебѣгъ справы на Украинѣ по Хмельницкомъ.

Богданъ Хмельницкій назначилъ своимъ наслѣдникомъ свого сына, Юрія. Козаки, догоджуючи ему, не супротивлялись его послѣдной волѣ. Однакъ у козакôвъ былъ такій выборъ Гетмана новостію: они привыкли выбирати собѣ проводира такого, що уже чѣмъ-нибудь добре у нихъ заслужился. Коли же еще оказалось, що сынъ Богдана, молодецъ, до гетманства не способный, уговорили его Старшины, щобы ôнъ зрѣкся гетманства, а выбрали Гетманомъ друга старого Богдана, писаря козацкихъ войскъ Ивана Выговского. Выговскій, зъ роду шляхтичъ польскій, былъ то уже не рôвня покойному Хмельницкому, который, яко козакъ Русинъ сердцемъ и ду-

шею, съ панами не братался и съ паномъ николи не мôгъ сжитись. Выговскій противно, яко родовый шляхтичъ, тягнулъ до Польщи; ему не розходилось о независимость Украины, а о тое, щобы самъ ôнъ сталъ польскимъ княземъ и сенаторомъ. Знало правительство Московское, що Выговскій зносится съ панами и получае зъ Варшавы подарунки — и недовѣряло ему. Но и межи самыми козаками было много недовольныхъ новымъ Гетманомъ, и тіи выступили противъ него пôдъ начальствомъ Полтавского полковника Мартина Пушкаря. Выговскій собралъ свои полки, щобы усмирити своихъ противникôвъ, ба и затребовалъ еще ôтъ Москвы помочи для себе. Но въ Москвѣ вѣдали о тôмъ, що Гетманъ хоче употребити велико-русскіи войска противъ тыхъ, що Царю найбôлѣше были приклонны, тому не выслано ему ôттуда помочи. Выговского роздражнило тое дуже: ôнъ сталъ роспускати вѣсти, що Царь нарушае Переяславскій договоръ, що хоче уменьшити козацкое войско и пр. Противники же его доносили одновременно до Москвы, що Гетманъ забирае поборы зъ народа до своего кармана, или дѣлится тыми со Старшиною, и що просто умышляе измѣнити Царю и вяжется съ Татарами.

Въ Москвѣ не знали далѣй, кому вѣрити, и затѣмъ выслали на Украину

нарочного посла повѣрника, щобы той вывѣдался точно, що и якъ тамъ дѣется. Передъ тымъ посланникомъ уже жаловался Выговскій отверто на Москву и говорилъ: „У короля польского было намъ хорошо: прійдутъ бывало наши до него, скажутъ, що треба, и указъ въ сейчасъ готовъ. Зачѣмъ вы присылаете до насъ вашихъ московскихъ воеводъ? Тôлько народъ зъ того бунтуется. А коли ôтъ менеперебѣгаютъ до васъ, то вы не выдаете ихъ менѣ назадъ; тожь и я не буду выдавати вамъ бѣглыхъ царскихъ людей“.

Выговскій говорилъ такъ дерзко, якъ бы уже почитался не царскимъ пôдданымъ, а независимымъ княземъ; а смѣлости той додавали ему вѣсти, що зъ одной стороны приходятъ ему на помочь Татаре, а зъ другой ѣдутъ польскіи комисари дѣлати съ нимъ переговоры.

Татаре прійшли въ самомъ дѣлѣ, однакъ ино на погибель Руси, бо розсыпавшись по Украинѣ, почали знову грабити жителей и палити ихъ имѣнія.— Далѣй пріѣхали и польскіи комисари, а съ ними Выговскій поговоривши самъ-на-самъ, созвалъ Раду козацкую до Гадяча (1658 г.). На Раду явились Старшины: полковники, сотники и знатнѣйшіи изъ козацтва, а простыхъ козакôвъ было дуже маленько. Явились на Раду

также и польскіи комисари, и одинъ зъ нихъ озвался такъ: „Зачѣмъ соединились вы, паны рыцари, съ Москвою? У васъ вѣра греческая, а у Москалêвъ московская. Они хотятъ здѣлати васъ простыми мужиками, прикажутъ ходити въ лаптяхъ. Они готовы вамъ языкъ ôтрѣзати, щобы вы не говорили, очи выколоти, щобы вы не смотрѣли. Соединѣтся лучше назадъ съ Польщею! Найяснѣйшій панъ нашъ король поверне вамъ всѣ вольности и дасть еще новыи". По той промовѣ уложено договоръ, знаный пôдъ именемъ Гадяцкого договора. Условія договора были такіи: „Украина (которой на тотъ разъ дано ширшіи границѣ) лучится съ Польщею добровольно пôдъ именемъ великого княжества русского на тыхъ правахъ, якъ княжество литовское. Тое новое русское княжество буде имѣти свôй верховный трибуналъ съ русскимъ урядованьемъ, своихъ достойникôвъ, свôй скарбъ, свою монету, свое войско до 40.000 людей. Унія на Руси зноситсяся; Митрополитъ Кіевскій съ четырьма Епископами: Перемышльскимъ, Львовскимъ, Холмскимъ и Луцкимъ будутъ засѣдати въ Соймѣ. Въ Кіевѣ мае завестись академія съ университетскими правами, а по всему краю маютъ заводитись гимназіи и другіи школы, где лишь окажется ихъ потреба. Гетманъ

буде представляти що-ро̂чно козако̂въ для наданья имъ шляхотства. Козаки будутъ выбирати четырехъ кандидато̂въ на Гетмана, изъ которыхъ одного затвердитъ король".

По заключенью того договора готовился Выговскій до во̂йны съ Москвою, та одновременно написалъ до Царя письмо, завѣряючое о своей преданности и вѣрности для московского царства. Но въ Москвѣ уже ему не вѣрили, а выслали противъ него войско. Чернь и простыи козаки горнулись толпами служити въ велико-русскихъ полкахъ. Выговскій съ помочію Крымского хана роспочавши во̂йну противу Москвы, имѣлъ вправдѣ зъ-початку где-якіи малыи успѣхи; но вскорѣ звелось затѣянное нимъ дѣло ни нащо. Король и сенатъ потвердили вправдѣ изъ конечности договоръ Гадяцкій, но съ такимъ намѣреньемъ, щобы его нарушити въ сей-часъ, якъ то̂лько до̂стануть въ руки назадъ Украину. Та на счастье, народъ не дался уже заманити тымъ такъ лестнымъ договоромъ: всякое сношеніе съ Польщею надоѣло, зъогидилось ему. Противъ Выговского повстали козаки въ многихъ округахъ, вырубали на-куски его поплечнико̂въ, а самъ Выговскій принужденъ былъ утѣкати и о̂тдати козакамъ свою гетманскую булаву и войсковую печать.

Теперь выбрали козаки на Гетмана Юрія Хмельницкого, а правительство Московское затвердило его выборъ.

Зъ причины подданьяся Выговского Польщѣ повстала друга вôйна Польщи съ Великою Русію, и тая вôйна тягнулась черезъ 8 лѣтъ и велась съ розличнымъ для обохъ сторонъ поводженьемъ. Въ первыхъ лѣтахъ была перевага по сторонѣ Польщи; Великая Русь потерпѣла въ Литвѣ и Бѣлой-Руси многіи страты, однакъ пôзднѣйше перехилилось счастье на корысть Великои Руси. Въ томъ часѣ змѣнялись Гетманы одинъ за другимъ. Юрій Хмельницкій былъ еще человѣкъ молодый, до того слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина, преданная по бôльшой части Польщѣ, и увлекла его за собою. Побитый въ одномъ сраженіи ôтъ Полякôвъ, измѣнилъ ôнъ Великой Руси и погодился съ Польщею. Тогды слѣдовала на Украинѣ совершенная безъурядица: то въ тôмъ, то въ другôмъ мѣстци собирались козаки и выбирали собѣ гетманôвъ; гетманы тіи воювали одинъ противъ другого, одинъ склоняючись до Польщи, другій до Великои Руси. Дôйшло до того, що даже трудно было сказати, кто стоитъ за Москву, а кто за Польщу.

По здрадѣ Юрія Хмельницкого сталъ Гетманомъ атаманъ Запорожской Сѣчи Иванъ Брюховецкій. Человѣкъ то

былъ не дурный, но лживый и злобливый, отже не такій, щобы зъумѣлъ собрати въ округъ себе взволнованый народъ и успокоити Украину ôтъ внутренныхъ безъурядицъ. Щобы приподобатись Москвѣ, ôнъ пôддавалъ еи правительству гадку, щобы скасовати привилеи краю, а помножити московскихъ воеводъ. Самъ ôнъ поѣхалъ въ Москву, оженился съ боярскою донькою и дôсталъ ôтъ Царя титулъ боярина. Тое самое зразило уже до него козакôвъ. „У насъ — говорили они: не было передше бояръ, и черезъ него запропащуются наши всѣ вольности“. Негодованье на Гетмана взросло и перейшло въ обуренье, коли ôнъ началъ допускатись безграничной самоволѣ и съ полковниками своими выправлялъ насласти и грабежи въ краю. Народъ возмутился, не хотѣлъ платити данинъ, убивалъ московскихъ жолнѣрей, якіи были тогда на службѣ у Гетмана. Мѣщане, простыи козаки и селяне дерлись съ гетманскими козаками, враждовали на Гетмана и уважали его причиною всего лиха у себе. Посередъ того народного обуренья повставало мѣстцями желаніе ôтдатись пôдъ власть Гетмана зъ правого боку Днѣпра, где недавно тому Юрій Хмельницкій, пôддавшися Польщѣ, а чувствуючи, що у него не ма силы удержатись посередъ общого забуренья, зложилъ булаву и вступилъ теперь въ монастырь.

Мѣстце его занялъ тамже власне тогды человѣкъ хоробрый, способный до великихъ дѣлъ и знаный своею славою широко по Украинѣ, именемъ Петро Дорошенко.

Межи тѣмъ желалъ король польскій помиритись съ Великою Русію. Царь былъ такожь не ôтъ того. Русскіи и польскіи послы зъѣхались въ мѣстечку Андрусовѣ 1667 г. и по долгихъ спорахъ заключили перемиріе на 30 лѣтъ на такихъ ото условіяхъ: границею межи Польщею а Великою Русію буде рѣка Днѣпръ, а то лѣвая сторона Малой Руси остане при Великой Руси, а правая пôдъ Дорошенкомъ при Польщи; лишь Кіевъ, хотяй находился на правомъ березѣ той рѣки, остане на два лѣта при Великой Руси. При томъ землѣ Смоленская и Сѣверская отданы теперь назадъ Великой Руси. — Договоръ сей, званый Андрусовскимъ, роздѣлилъ такимъ способомъ Украину на двѣ части, на лѣвобережну и право-бережную. Изъ того повстали новыи недогодности и недорозумѣнья. Жителѣ правой стороны Днѣпра огорчались, що ихъ знову ôтдано пôдъ Польшу, що ихъ кровавыи жертвы и дознанныи потери мали остати безъ вынагороды, безъ ніякой для нихъ корысти; они вырѣкали, що такъ долго боролись противъ польской шляхты, а теперь назадъ найдутъ на нихъ знена-

зидженым паны и іезуиты и начнутъ изъ-нова творити имъ свои давныи пакости, насиловати ихъ религійную созѣсть. Вправдѣ договоромъ Андрусовскимъ забезпечена была личная свобода и православная вѣра Руси; но народъ русскій зналъ уже хорошо изъ премногихъ досвѣдо̂въ, якъ то такіи условія доховуются, и чувствовалъ уже на собѣ новыи утѣсненія. Не диво отже, що въ сей порѣ всѣ желанія и стремленія тыхъ людей змѣряли до того, щобы получитись съ братьми лѣво-бережными, и все дѣлати, щобы то̂лько отвязатись о̂тъ польскихъ властей, о̂тъ польского панованья.

Гетманъ Петръ Дорошенко.

Посередъ тыхъ внутреннихъ затѣй и неустройстствъ, якіи настали въ Малой Руси по смерти Хмельницкого, представляется отраднѣйшимъ явленіемъ личность Петра Дорошенка. Прославившійся еще за гетманства Хмельницкого, Дорошенко добился потомъ у козацтва широкой славы и сталъ Гетманомъ ихъ зъ р. 1665. Личность его выдающаяся и привлекательна по той причинѣ, що не глядалъ о̂нъ подо̂бно другимъ Старшинамъ-товарищамъ своей личной корысти, своей особистой выгоды, а боролся постоянно за благо отечества

своего, желаючи ôтъ сердця вывести оное изъ трудного положеня.

Въ Польщи за той часъ зложилъ корону Янъ-Казиміръ, а на его мѣстце выбрано королемъ неудольного Михаила

Гетманъ Петръ Дорошенко.

Вишневецкого. Въ р. 1669 Гетманъ выслалъ на Соймъ прошеніе, щобы звернено церкви русскіи, загорненыи право-

славнымъ, и щобы русскіи Владыки имѣли право засѣдати въ Соймѣ. Прошеніе тое остало безъ успѣха; новый король не допускалъ ни одного зъ русскихъ Владыкъ, такъ православныхъ, якъ навѣть уніатскихъ, до сойма, а православныхъ людей исключалъ изъ всѣхъ достоинствъ и урядôвъ. Вслѣдствіе того замыслилъ Дорошенко зôрвати съ Польщею и соединити Украину западную-польскую съ лѣво-бережною, т. е. московскою. Но договоръ Андрусовскій стоялъ тому на перешкодѣ. Дорошенко переговорювалъ съ Москвою, но тая, яко тверда въ своемъ словѣ, не хотѣла нарушати договора. Не было друго выхода, якъ обôйти договоръ: треба было, по мнѣнію Дорошенка, напередъ за помочію Туркôвъ и пôдъ ихъ властію вызволитись изъ-пôдъ Польщи, а потомъ съ помощію Великой Руси изъ-пôдъ власти Туркôвъ. Въ той цѣли намовилъ Дорошенко Брюховецкого, Гетмана лѣво-бережнои Украины, щобы той подалъ ему руку и щобы разомъ они поставили цѣлую Украину неподѣльною, независимою. Брюховецкій, видячи, що обуренье на него козацтва принимае що-разъ бôльшую мѣру, задумалъ направити дѣла измѣною супротивъ Москвы, и ôнъ затѣмъ порозсылалъ межи народъ универзалы того содержанія: що Москва связалась съ Поляками, и що разомъ они постановили знищити Укра-

ину и розорити Запорожье такъ, щобы на тыхъ мѣстцяхъ, где жили козаки, стали дикіи поля и жили тôлько звѣры.

Такіи пôдстрекательства взволновали народъ; той же кинулся теперь на московскихъ воеводъ и на велико-русскіи войсковый залоги, проганялъ ихъ зъ краю и розбивалъ. Брюховецкій погодился съ Дорошенкомъ и ишолъ съ войскомъ получитись съ нимъ; но въ Гадячи его власныи козаки поймали его, привезли къ Дорошенку и тутъ его таки убили. Теперь была цѣла Украина въ рукахъ Дорошенка; оставало ему тôлько укрѣпити свою власть. Но на несчастье, въ тое же время возстали противъ него домашніи соперники. Польское правительство, узрѣвши измѣну Дорошенка, поставило гетманомъ Ханенка, а козаки, оставшіи вѣрными Москвѣ, поставили собѣ гетманомъ Многогрѣшного. Такъ было теперь гетманôвъ ажъ трехъ. Дорошенко сталъ переговорювати съ Москвою и увѣрялъ Царя, що ôнъ не хоче быти пôдъ властію Польщи, а спріяе Москвѣ и желае тôлько того, щобы вся Украина была пôдъ властію Царя, але не инакше, якъ тôлько такъ, щобы Царь принялъ пôдъ свою руку обѣ стороны Днѣпра и потвердилъ бы той договоръ, якій съ Хмельницкимъ въ Переяславли былъ заключенъ. Однакъ московское правительство не могло на тое согласитись,

бо Царь Великой Руси былъ въ перемиріи съ королемъ Польщи, и затѣмъ теперь старался ôнъ уговорити Дорошенка, щобы оставалъ вѣрнымъ Польщи. — Такъ найшолся теперь Дорошенко въ прикромъ положенью: ему приходилось воювати на-разъ и съ Вел. Русію и съ Польщею. До того повстало еще Запорожье и пôдъ проводомъ атамана Сѣрка не хотѣло пôдлягати ни Дорошенку, ни Многогрѣшному, а пустовали теперь Запорожцѣ самы и розбивали то Туркôвъ, то Полякôвъ, то готовились воевати и съ Москвою.

Въ такомъ отчаянномъ положенью имѣлся Дорошенко послѣдного способу и выслалъ въ Турцію своихъ посланникôвъ съ просьбою, щобы Султанъ турецкій принялъ Украину къ собѣ въ подданство. Въ сей-часъ на зазывъ Дорошенка явилось 300.000 Туркôвъ, розбили Ханенка и польскіи войска пôдъ урочищемъ Батогомъ, заняли на Подôлью много городôвъ и кинулись на крѣпость Каменецъ, а здобывши тую крѣпость, замѣнили тутъ всѣ церкви въ мечеты турецкіи и народъ уводили въ бисурманскую неволю. Такой грозы, яку теперь выправили Турки на нашой Руси, давно не было. Турки быстро подвигались къ Днѣпру, а народъ утѣкалъ передъ ними въ лѣсы и ущелья, та проклиналъ Дорошенка.

Вѣсть о нападѣ Турковъ поразила Польщу несподѣванно и страшенно; самъ король попалъ въ такій ужасъ, що якъ стôй поспѣшилъ заключити съ Турками миръ пôдъ городомъ Бучачемъ, ôтступилъ имъ Подôлье и Украину и обовязался еще пладити 22.000 червонцêвъ данины.

Такъ завелся Дорошенко и на Туркахъ, бо имъ не приходило на гадку привернути въ Украинѣ миръ и единство въ народѣ. Своимъ поступкомъ обурилъ Дорошенко на себе весь народъ, который теперь въ множествѣ пересилялся на лѣвый берегъ Днѣпра пôдъ владѣніе Москвы. Правая сторона Украины вразъ съ Подôльемъ и Волынемъ ставала що-разъ безлюднѣйшою, опустѣлою.

Теперь Дорошенко зновъ сталъ звертатись до московского правительства и просилъ Царя, щобы принялъ его въ подданство, но также ино пôдъ тымъ условіемъ, щобы Украина остала нероздѣленою на двѣ половины и вся была бы свободною.

За той часъ въ Украинѣ лѣво-бережной не стало уже Гетмана Многогрѣшного. Ôнъ началъ былъ думати о здрадѣ супротивъ Москвы, но тамъ правительство еще въ часъ дозналося о тôмъ, и выслало его въ Сибирь. Гетманомъ выбрано теперь на козацкой Радѣ Самойловича. Самойловичъ же былъ то человѣкъ умный, но яко при томъ бутный

и корыстолюбивый, ôнъ не хотѣлъ допустити, щобы просьбы Дорошенковы найшли послухъ у правительства въ Москвѣ; тожь чернилъ ôнъ Дорошенка и довелъ до того, що тое правительство, вмѣсто помиритись, выслало противъ Дорошенка войско. Самойловичъ съ своими козаками и съ велико-русскими войсками переступилъ Днѣпръ, а тутъ народъ принялъ ихъ радостно. Дорошенко пробовалъ еще разъ спасатись и призвалъ въ другій разъ до себе въ помôчь Туркôвъ; тіи же и явились скоро, но зновь ино на тое, щобы пустошити ужасно Украину, и то въ самъ той часъ, коли изъ другой стороны наступалъ на правобочную Украину Самойловичъ. Тогды стратилъ уже Дорошенко все довѣріе у народа; останки людей выносились за Днѣпръ, а коли Самойловичъ пôдступилъ ажъ пôдъ Переславъ, козаки и народъ приняли его прихильно и на Радѣ въ Переяславли проголосили его Гетманомъ цѣлой Украины, Дорошенко потерялъ все. Пôдъ Чигириномъ зложилъ ôнъ булаву, присягъ Цареви и переселился въ Москву. Въ Москвѣ принято его ласкаво и даровано єму богатую посѣлость, въ которой и проживалъ ôнъ спокойно ажъ до своей смерти, не мѣшаючись уже въ ніякіи военно-политичныи справы.

Разомъ съ Дорошенкомъ упало такожь и козацтво на правомъ берегу Днѣпра. Султанъ турецкій, узнавши, що Дорошенко ôтдался Москвѣ, не изрекся своихъ уроеныхъ правъ до Украины, а поставилъ тутъ ôтъ своей руки Гетманомъ Юрія Хмельницкого, и давши тому же численныи турецкіи войска, выслалъ его нападати на лѣвобочную Украину. Самойловичъ велѣлъ тогды умышленно палити городы и села зъ правого боку Днѣпра, а людей, якіи тамъ еще жили, переселялъ на свôй берегъ Днѣпра.

Въ-конецъ рѣшился Царь заключити съ Турціею миръ (въ р. 1682) на двадцять лѣтъ. По условіямъ того мира лѣвобережная Украина и Запорожье остали при Великой Руси, а цѣла право-бережна ôтъ долѣшного Буга до Днѣпра, ставшая тогды пустынею, мала такою же пустынею остати и роздѣляти державу русскую ôтъ турецкой.

Вотъ до чого то звелось съ сею хорошою, буйною и заможною землею украинскою! Турки, Поляки и самы же козаки обернули ю въ безлюдную пустыню, которой каждый уже выречися былъ радъ.

Пôзднѣйше поставили Турки гетмаманомъ для той безлюдной пустынѣ волоского господаря Александра Дуку. Той, заставши тутъ такіи пустыни

степы, замыслилъ ихъ на-ново оживити и оголосилъ право цѣлкомъ свободного житья и вольного поселенія, щобы народъ такимъ способомъ назадъ въ тіи землѣ стягнути. Затѣмъ жителѣ начали въ самомъ дѣлѣ знову тутъ появлятись; однакъ понеже той поступокъ Дуки нарушалъ договоръ съ Турціею, то самого Дуку поймано, а съ нимъ упала гадка залюдненья право-бочнои Украины. Широкая и жизненная земля, позбавлена возможности заселитись народомъ, стала прибѣжищемъ всякого рода бѣглецêвъ, волоцюгъ и гайдамакъ. Пôзднѣйше король польскій Янъ Собѣскій, воюючи съ Турками, а памятаючи еще вагу и силу козацкого войска, силовался назадъ воскресити козацтво; однакъ надармо; для козацтва не доставало тогды уже пôдставы; оно переживало тутъ уже свою исторію. Всѣ усилія, щобы оное пôднести знову до давнои славы, проминули тогды безъ слѣду. — Вправдѣ существовали тамъ еще и потомъ козаки, но не былъ то уже народъ свободный, а подданыи польскихъ магнатôвъ.

Козаки яко войско въ властивомъ змыслѣ задержалось еще ино въ лѣвобережной Украинѣ, которая належала до Москвы; однакожъ и съ тыми козаками зайшла съ часомъ така перемѣна, що они не творили уже самоуправну военную громаду, а стали такъ, якъ воинства въ

другихъ державахъ, правильнымъ войскомъ. Москва, перетворяючи козакôвъ въ такое войско, а знаючи о тôмъ, що козаки вправны до службы военной конно, составила зъ нихъ свою славную и до нынѣ на весь свѣтъ козацкую кôнницю.

Гетманъ Иванъ Мазепа. — Знищенье козацкого самоуправленія.

Цѣлой Европѣ, особливо же Польщѣ и Австріи грозила въ оно время великая опасность ôтъ Туркôвъ. Мужественный король Польщи Янъ Собѣскій постановилъ нанести рѣшительный ударъ тымъ ворогамъ христіянства, и въ той цѣли приглашалъ Великую Русь до союза и до вспôльного дѣла. Высланыи Собѣскимъ посланники, воевода Гримултовскій и князь Огинскій, заключили въ р. 1686 въ Москвѣ договоръ, силою которого отказалась Польща на всегда ôтъ Кіева съ его окрестностями, также ôтъ Украины и Запорожья, а обовязалась къ тому въ своей державѣ завести полную религійную свободу. Договоръ сей былъ тяжкимъ для Польщи: Собѣскій пôдписалъ его со слезами въ очахъ. Великая Русь пріобрѣла незмѣрныи корысти, но

за нихъ мусѣла заплатити неудачными походами въ Крымъ.

Въ Москвѣ царствовали тогды по смерти Θеодора Алексѣевича два братья его, Іоаннъ и Петръ, и понеже первый былъ слабосильный, а вторый еще малолѣтенъ, то дѣлами державы управляла сестра ихъ, царевна Софія. Согласно договору, заключенному съ Польщею, царевна Софія выслала въ сей-часъ на Крымскихъ Татаръ войска свои пôдъ начальствомъ князя Голицына и выдала указъ Гетману Самойловичу, щобы той съ козаками прилучился до тыхже войскъ. Самойловичъ, яко заклятый ворогъ Польщи, противный былъ союзови съ Польщею и не одобрялъ похода на Крымъ. Затѣмъ походъ и не удался. Голицынъ съ Самойловичемъ ступали спокойно впередъ въ степы; Татаре не показовались, но нагло въ степахъ поднялся огонь и охватилъ широкую просторонь степôвъ. Дальшій походъ въ степы оказался за-для того пожару ихъ невозможнымъ. Голицынъ принужденъ былъ безъ битвы по вертати. Въ тотъ часъ рознесся слухъ, будьто Самойловичъ, не радъ походу велѣлъ пôдпалити степы. Слухъ такій выйшолъ, здается, ôтъ козацкого асаула Ивана Мазепы. Лукавый той человѣкъ зъумѣлъ приподобатись и въ Москвѣ и у Самойловича, а корыстаючи изъ той неудачной выправы на Крымъ, ôнъ

постановилъ звалити всю бѣду на Самойловича и такимъ способомъ самъ же въ гору пôднятись. Хитро задуманый плянъ его удался. Вправдѣ не было ніякихъ основаній ни доказôвъ противъ Самойловича, но старшина козацкая не долюблювала его за его гордость и самолюбіе; затѣмъ то и роспущеный слухъ принялся скоро, и рѣшено усунути Гетмана изъ достоинства. Надъ рѣкою Коломакою недалеко Полтавы ôтобрано Самойловичу булаву и выслано его въ Сибиръ, а козацтво оголосило новымъ гетманомъ Ивана Мазепу (въ р. 1687.)

Хорошъ тѣломъ, проворный и довольно образованый новый Гетманъ Иванъ Мазепа, выхованый былъ зъ молодыхъ лѣтъ при польскомъ дворѣ королевскомъ, зъ-ôтки за молодечіи свои продѣлки приндженъ былъ утѣкати межи козакôвъ. Тутъ то дослужился ôнъ скоро почестей: за Дорошенка ôнъ сталъ уже генеральнымъ писаремъ, а потомъ за Самойловича генеральнымъ асауломъ. Ставши теперь Гетманомъ, ôнъ началъ дѣйствовати въ дусѣ польско шляхотскомъ, сталъ представителемъ того старшого козацтва, которое походженьемъ, урядомъ и маеткомъ стремило ôтрôжнитися ôтъ простой черни, ôтъ народа и пановати надъ тымъ же. Заразъ съ початку гетманства свого завелъ ôнъ въ своихъ маеткахъ панщину, накладалъ данины и запрещалъ про-

стымъ людямъ вступати въ козаки и тѣмъ подбурювалъ простый народъ, который всегда добивался ровности съ козаками. Щобы отже забезпечитись въ своей власти изъ стороны московского правительства, умѣлъ Мазепа такъ хитро и мудро о тôмъ походити, що приподобался самому Цареви, якимъ тогды былъ уже быстроумный Петръ; а приподобался ему такъ чрезмѣрно, що Царь Петръ уважалъ Мазепу не ино своимъ найвѣрнѣйшимъ слугою, но и своимъ другомъ. Однакожь не долго тревало, а позналъ Царь Петръ, що завелся на Мазепѣ. Онъ бо, той Гетманъ Мазепа, началъ по-за плечи правительства тайно порозумôватись съ Польщею и съ шведскимъ королемъ Карломъ.

А въ тôмъ то часѣ вторрнулъ былъ сей Карль шведскій въ Польщу, прогналъ короля польского Августа, а посадилъ на немъ шляхтича Станислава Лещинского. Партія Лещинскодо обѣцяла Мазепѣ золотыи горы, щобы измѣнилъ Царю, а перейшолъ бы на сторону Поляковъ и Шведôвъ. Обѣцяли ему Поляки и Шведы, що сдѣлаютъ его удѣльнымъ княземъ мало-русскимъ по обохъ сторонахъ Днѣпра, до того сенаторомъ польскимъ и Богъ знае якимъ великимъ Дукомъ. Мазепа увѣрилъ обѣтницямъ тѣмъ больше, що Карль шведскій прославился тогды своими вôйнами на цѣлую Европу и готовился до вôйны съ Россіею.

Въ р. 1700 началась дѣйствительно вôйна межи Россіею а Швеціею. Зъ-початку не велось Россіи: войска шведскіи подвигались побѣдоносно въ глубину русскихъ земель. Тогды то и Мазепа знюхался съ королемъ шведскимъ и обѣцялъ прилучитись до него съ 20.000 козакôвъ.

Въ Москвѣ цѣлкомъ не надѣялись той здрады; Царь не хотѣлъ вѣрити доносамъ, якіи приходили изъ Украины на Мазепу, и выслалъ даже гонцêвъ до него съ приказомъ, щобы ôнъ спѣшилъ получитись съ головною арміею велико-русскою. Но вмѣсто идти къ русскимъ войскамъ, Мазепа помчался съ частію козацтва за Десну въ шведскій таборъ. О намѣреніяхъ Мазепы знали лишь нѣкоторыи изъ старшинъ козацкихъ, простое же козацтво было обмануто; оно думало, що идутъ битись со Шведами, а дозналось о истинѣ ажь тогды, коли найшлось въ серединѣ шведскихъ полкôвъ.

Вѣсть о здрадѣ Мазепы поразила страшенно Царя Петра; ôнъ долго не хотѣлъ тому вѣрити, но въ-конецъ вскипѣлъ грозою и выдалъ быстрыи и рѣшительныи роспоряженья. Онъ извѣстилъ всю Украину о лукавой измѣнѣ Гетмана, ввелъ туда свои полки и разомъ обѣцялъ полное прощеніе всѣмъ тымъ козакамъ, которыи вернутся до него на означеный часъ. Сверхъ того приказалъ Царь

Петръ всѣмъ старшинамъ козацкимъ со своими полками зôйтись до городка Глухова, щобы избрали собѣ нового Гетмана и щобы были свѣдками проклятія, якое тутъ мало вержено быти на измѣнника Мазепу.

Коли уже зъѣхались до Голухова козаки, совершенно на-передъ церковное проклятіе на Мазепу. Проклятіе такое было страшное дѣло, якого дуже рѣдко на Руси уживано. Отбылось-же оно такъ: Внесено въ церковь изображеніе (портретъ) Мазепы; все духовенство въ чорномъ одѣніи священнодѣйствовало, держачи въ рукахъ чорныи свѣщи и напѣваючи похоронныи напѣвы. Найстаршій изъ священникôвъ приблизился до изображенія Мазепы, коснулся его своимъ жезломъ и возгласилъ ему; „анаѳема" (проклятіе), а хоръ повторилъ трикратно: „анаѳема!" Потомъ ôтдано изображеніе цалачу (катови) и той тягнулъ оное на мотузѣ по улици и повѣсилъ на вѣселици (на шибеницѣ.) Въ сей-часъ послѣ того выбрала козацкая рада гетманомъ С к о р о п а д с к о г о; при немъ однакъ находился уже постоянно царскій урядникъ, который пильно наблюдалъ всѣ его дѣйствія.

Тымчасомъ Мазепа, предавшійся Шведамъ, грубо въ своихъ надѣяхъ завелся. Народъ не былъ ему совсѣмъ прихильный, бо интересы народа были

противны личнымъ интересамъ Гетмана, а и тіи козаки и даже самы старшины, которыи лестію дали себе увести въ шведскій таборъ, побачивши теперь, въ чемъ дѣло, утѣкали чѣмъ скорше до русскихъ войскъ. Послѣдній же ударъ задала Мазепѣ битва, состоявшаяся межи шведскими и русскими войсками пôдъ Полтавою. Было то въ р. 1709 дня 27 Юнія. Оба войска станули противъ себе до завзятой битвы и начали жестокій бой, въ которомъ русскіи воины зломили славу шведского оружія. Цѣлая шведская армія была розбита и розсѣяна на всѣ стороны. Король шведскій съ Мазепою утѣкъ изъ боевища, а гонимый козаками, ледви спасся съ жизнею и опинился съ Мазепою ажь въ турецкомъ краю. Тутъ и закôнчилъ свою сумную жизнь Гетманъ Мазепа въ р. 1710, проклятый ôтъ своихъ, а презрѣнный ôтъ чужихъ.

Измѣна Мазепы и паденіе его задали теперь рѣшительный ударъ тому ôтдѣльному ладови и устроеню, якое еще ôтъ Хмельницкого на Украинѣ удержалось. Измѣна Мазепы была послѣдною причиною, що правительство Москвы постановило ôтняти козакамъ ихъ ôтдѣльное управленье, положити конецъ ихъ самоуправству, а сполучити и сольяти ихъ съ цѣлою державою въ одинъ народъ. И справдѣ, народъ мало-русскій

не виноватъ былъ въ грѣхахъ Мазепы; но понеже козацкая старшина съ нѣкоторыми своими Гетманами не могла позабыти шляхетскихъ вольностей, а вздыхала всегда до прежнихъ временъ, где никто власти ихъ не стѣснялъ; то и зачалъ теперь по такой измѣнѣ Мазепы велико-русскій Царь прилѣжнѣйше вглядати въ поступки старшины козацкой, вмѣшовался бôльше во внутренніи дѣла Украины и подѣлалъ такіи перемѣны, которы укротили власть и самоволю старшинъ, а выходили на добро простому народу. А такъ якъ до теперь ôтъ часôвъ Хмельницкого находилась вся власть въ рукахъ Гетмана, то изъ сего времеми послѣ Мазепы учреждено уже при Гетманѣ судебную канцелярію для рѣшенія важнѣйшихъ спорôвъ и жалобъ народныхъ, а для завѣдованья всѣмъ управленіемъ, сборами податкôвъ и росходами установлено окремую комисію, названую Мало-россійскою колегіею, въ которой часть членôвъ были велико-русскіи чиновники. Назначенье же полковникôвъ оставало еще дальше при Гетманѣ, но Царь затверджовалъ ихъ теперь ôтъ своеи руки, и въ короткомъ часѣ бôльшая часть козацкихъ Старшинъ состояла уже изъ Велико-Руссовъ.

Тіи то порядки не подобались козакамъ, а особенно ихъ Старшинамъ; бо тіи не переставали еще мечтати о Укра-

инѣ, яко отдѣльной, независимой державѣ. За тую отдѣльность боролись козаки съ Польщею, и за ню то многіи зъ нихъ не дуже охотно лучились съ Великою Русію. Но вѣдь такая мечта давно уже оказалась неосуществимою, бо отдѣльною державою Украина, окруженная доколѣсенька трема инными сильнѣйшими державами, каждая собѣ ею заняти бажающими, отдѣльною — кажемъ — державою Украина устоятись не могла, не маючи до того потребныхъ условій. Она то затѣмъ мусѣла конечно опертись о другую крѣпчайшую державу и сама-же она дѣлала тутъ выборъ, где ей буде найвыгоднѣйше. Пробовала она съ Польщею, пробовала съ Турціею, а таки наконецъ присоединилась до Россіи, съ которою лучила ею одна вѣра и сродственный одного племени русскій языкъ.

По смерти Гетмана Скоропадского въ р. 1722 Царь вздерживался съ позволеньемъ выбора нового Гетмана. Козаки выбрали собѣ тымчасовымъ (наказнымъ) Гетманомъ Павла Полуботка и выслали до новои столицѣ Вел. Руси, до Петербурга, своихъ депутатôвъ, щобы упоминатись о старыи козацкіи права и домагатись, дабы Царь згодился на давный звычай козацкій выбору Гетмана. Царь отвѣтилъ, що прійде свôй часъ на все, що на теперь трудно найти здôбно-

го и вѣрного человѣка на Гегмана, а поки-що нехай Украина довольствуется „колегіею", котора уже и такъ управляе всѣми дѣлами. Такимъ отвѣтомъ не задобрилась старшина козацкая, и затѣмъ высылано новыи депутаціи до Царя. Межи колегіею а Полуботкомъ и его товаришами прійшло до непорозумѣній, вслѣдствіе которыхъ призвалъ Царь Полуботка и товаришей его до столицѣ, щобы съ ними перегововити. Полуботокъ отправился до Царя и сталъ передъ нимъ жаловатись на нарушенье козацкихъ правъ, упрекалъ Царя въ его строгомъ поведеніи, грозилъ ему бѣдствіями и судомъ Божимъ. Царь Петръ не терпѣлъ ніякихъ супротивленій и велѣлъ заключити депутатôвъ козацкихъ въ Петербургскую крѣпость, где Полуботокъ и умеръ.

Долгій часъ потомъ не было на Украинѣ ніякого Гетмана. Ажъ за владѣнія Царицы Елисаветы 1750 р. назначенъ былъ козакамъ Гетманъ Кирило Розумовскій. Былъ то уже не изъ рода Хмельницкихъ или Дорошенкôвъ Гетманъ, а 20-лѣтній молодикъ, приподобавшійся на царскомъ дворѣ. Но и такъ чей не нужно уже было лучшого: старыи козаки извелися; достоинство Гетмана уважалось державнымъ урядомъ; гетманъ не былъ вождемъ буйного козацтва, а управителемъ края. Розумовскій зъѣхалъ на

день выбора до Глухова съ множествомъ повозôвъ, коней, гайдукôвъ, съ кухарями и музыкантами, и давай устроювати объѣды, балѣ, праздники для козацтва; тожь коли прійшло до рады, всѣ единодушно выбрали того гостинного молодца, Царевои любимца, на Гетмана.

Розумовскій былъ уже послѣднимъ гетманомъ. Въ р. 1764 призвала его Царица Екатерина до Петербурга, ôтки ôнъ уже не верталъ на Украину. По его смерти не прійшло уже никому и на гадку, щобы выбирати нового гетмана. Украина зближалась що-разъ бôльше до Великои Руси; козацтво мало-помалу перетворювалось въ правильное войско и вскорѣ старая гетманщина перемѣнилась въ намѣстничество и было роздѣлена на губерніи; сохранились въ ней лишь зъ давныхъ часôвъ многіи старинныи обычаѣ, которыи оставали единственною чертою, различающою Велико-русса ôтъ Мало-русса.

Въ-скорѣ за тѣмъ прилучилось до Россіи и Запорожье. Атаманъ Гордѣенко, одинъ изъ найвѣрнѣйшихъ товаришей Мазепы, перейшолъ съ тымъ же въ Турцію и зъ-ôтти долго мутилъ Запорожье, та вызывалъ зъ-ôттамъ до себе другихъ. Сѣчь, выселившаяся въ Турцію перейшла пôдъ владѣніе Турка. Но тутъ русскіи козаки тосковали за своею отчи

ною и просили въ Петербурзѣ позволенья повернути на свое пепелище, а получивши тое ôтъ Царицѣ Анны, приняли русское подданство съ условіемъ, що ихъ военныи права и землѣ не будутъ ôтъ нихъ отняты. Зъ того часу брали Запорожцѣ участь во всякихъ выправахъ Россіи, а коли вôйны закончились, они долго еще не могли усидѣти въ бездѣйствіи, а вчинали гайдамацкіи напады то въ сусѣдныхъ Крымскихъ, то въ польскихъ областяхъ.

Въ р. 1775 положено конецъ Сѣчи Запорожской. На повелѣніе Царицѣ Екатерины II. заняли русскіи войска Сѣчь: тутъ перетворено Запорожскихъ козакôвъ въ правильное войско до военной службы конно, и ôтъ теперь введено на Запорожіи такіи порядки, якіи были въ цѣлой велико-русской державѣ.

ПЕРІОДЪ II.

ЧАСТЬ III.

Русскіи землѣ пôдъ владѣніемъ Польщи до паденія тоиже.

Проектъ на знищенье Руси.

Изъ предыдущихъ розсказôвъ узнали мы, що вслѣдствіе военъ козацкихъ роздѣлена была Малая Русь такъ, що одна ей часть присоединена была до Россіи, другая же остала еще при Польщи. При Польщи остала право-бережная Украина, Подѣлье, Волынь и Галичина. Въ дальшой исторіи тыхъ краêвъ ажъ до самого паденія Польщи встрѣчаемъ тіи самы прискорбныи явленія, якіи передъ козацкими вôйнами водились. Русскій народъ не тôлько, що не добился ніякихъ правъ ни въ дѣлахъ вѣры, ни народности; но пренебреженъ, презрѣнію и гоненіямъ ôтданый, стогналъ тяжко и переживалъ гôрькіи часы тяжкихъ испытаній. — Поляки и по такъ доткливой и тяжелой науцѣ, якую получили въ козацкихъ вôйнахъ, не научились ничому, не научились познати, що держава устоятись може тôлько справедливостію и вырозумѣлостію для всѣхъ народôвъ, якіи она въ своихъ границяхъ заключае. Вѣдь досвѣдчали они долго

тое, що то̂лько ихъ несправедливое поступованье съ Русинами, ихъ нетерпимость къ русской Церкви, довели до тыхъ страшенныхъ военъ козацкихъ, въ которыхъ пролито было сто̂лько братной крови, въ которой цѣлая широка, жизненная и богатая земля знищена, слезами миліоно̂въ народа зрошена, грубо ко̂стьми прикрыта, стала одною великою пусткою. Знали они тое, но не научились ничого лучшого дѣлати; вмѣсто направити старыи прегрѣшенія, прекратити давную вражду и ненависть къ русскому племени и по̂дносити честными, справедливыми мѣрами народъ, доведеный до крайной нужды и нищеты, они кинулись на него, безпомощного, беззащитного, еще съ бо̂льшою яростію, щобы бѣдный тотъ народъ до тла истребити, щобы и слѣду по немъ не остало.

Мало было для Польщи, що о̂тняла Руси все боярство и гражданство; мало, що позбавила ю всей лѣпоты и величія; мало, що загорнула всѣ богатства, и всѣ корысти изъ богатыхъ русскихъ земель для себе забирала: но ею тревожило и огорчало еще и тое обстоятельство, що народъ русскій въ лохмотяхъ, мимо толикихъ бѣдъ, все еще не хотѣлъ отречись своей народности, все еще стоялъ вѣрно при Церкви своей, при своемъ обрядѣ. Належало затѣмъ принудити той народъ, щобы о̂нъ позабылъ, що народъ

ôнъ русскій, щобы ему опротивѣла его Церковь, до которой ôнъ прильгнулъ съ такою горячою любовію. — Коли не стало Сагайдачного и Хмельницкого, коли не стало козацкого рыцарства, отбивающого съ самоотверженіемъ враждебныи нападенія польской шляхты, то припущено теперь смѣлѣйшій штурмъ на осироченый народъ и на единую твердыню его, св. Церковь.

Придавленый духомъ и тѣломъ русскій народъ оборонялся въ своемъ остаточномъ положенью, но борьба была не рôвна и безъуспѣшна. И такъ коли украинска земля ледви троха зачала отживати по страшенныхъ опустошеньяхъ, настигла на ню зновь шляхта съ проводниками своими езуитами, щобы по давному притѣсняти православіе, принуждати до уніи и заводити подданство. Взволновались тогды на Украинѣ остатки козацтва, и пôдъ проводомъ Палѣя и Самуся протестовали оружіемъ, голосили свободу и взывали всѣхъ до возстанія. Непокои и волненія ширились скоро по Украинѣ, Подôлью и Волыню, и кто знае, до чого бы было дôйшло, если бы не вмѣшался въ справу Царь Петръ и не успокоилъ тутъ возстающій до новои борьбы народъ.

Не станемъ подробно описовати тое несчастное состояніе Руси въ послѣднихъ часахъ владѣнія Польщи надъ нею,

и не будемъ реестровати печальныхъ, умъ поражающихъ и сердце розрываю-щихъ событій, якіи свидѣтельствуютъ о кривдахъ и гоненіяхъ Русинôвъ; а наведемъ лишь одну справу, которая ажь надто докаже намъ тогдашніи отношенія Русинôвъ до Польщи и поучитъ, якъ богатою была еще и тогды Польща въ губительныи выдумки и вражду ко всему, що русское, а якъ убогою за то въ справедливость, благорозуміе и людскôсть. Справою тою есть проектъ на знищенье Руси.

Въ в. 1717 выдумали загорѣлыи патріотники а томителѣ Руси такій проектъ, щобы всю Русь окончательно розрушити, уничтожити и стерти совершенно изъ лица землѣ. Способы, якими мало доходитися до такой цѣли, уложено въ томъ проектѣ слѣдующіи:

„Шляхта русского обряда, чи то уніяты, чи не-уніяты, не маютъ быти припущены до ніякихъ урядôвъ, особенно до такихъ, где бы Русинъ мôгъ добитися поволи имѣнія и славы. Каждый Полякъ долженъ ôтъ Русина сторонити и оказовати ему погорду, пренебреженіе, высмѣвати его вѣру, а въ бесѣдахъ при Русинѣ говорити найбôльше о забобонахъ русскихъ; такимъ способомъ съ певностію оставитъ Русинъ свою вѣру, а перейде на латинство.

„Не давати случайности образоватись русскимъ людямъ, бо остаючи въ простацтвѣ, они дôйдутъ до великои нужды и будь упадутъ въ ней, будь станутъ Поляками, щобы пôднестися.

„Также по мѣстамъ и мѣсточкамъ есть еще много богатыхъ Русинôвъ, то нужно довести ихъ до убожества и невѣжества, щобы ни маеткомъ, ни розумомъ не могли дати собѣ рады. А тое належитъ такъ дѣлати: Если мѣста суть въ панскихъ добрахъ, то дѣдичъ знищитъ Русинôвъ, коли до середины мѣста впровадитъ жидôвъ, а тіи хитростію своею загорнутъ для себе всѣ взыски, а Русинôвъ усунутъ на передмѣстья робити панщину. Если же мѣста суть въ посѣлостяхъ королевскихъ, то въ меньшихъ належитъ поручити власть старостамъ, щобы тіи русскихъ жителей поволи втягали и пріучовали до панщины, а въ другихъ вводити жидôвъ, а Русинôвъ ôтсудити ôтъ всѣхъ урядôвъ и на ихъ мѣстце поставити самыхъ Поляковъ; такимъ способомъ станутъ Русины простаками и по мѣстахъ не будутъ мати ни силы, ни помочи.

„Найтруднѣйша справа съ русскими Владыками и попами; первыхъ нужно заслѣпити, щобы всего не видѣли, а другихъ такъ обложити тягарами, щобы не могли въ гору взнестися, ни думати, ни дѣлати тое, що бы думати и

дѣлати хотѣли. Въ епископы назначати тôлько такихъ, которыи суть въ сродствѣ съ Поляками католиками, щобы тое, що по ихъ смерти остане, переходило не въ русскіи, но въ польскіи руки. Епископôвъ тыхъ николи не припустити до Сойма, щобы тѣмъ не приходили до поваги и значенья, а пôдчиняти ихъ латинскимъ Епископамъ, щобы народъ призвычаился видѣти надъ собою римскихъ настоятелей духовныхъ.

„Всевозможными способами держати русское духовенство въ невѣжествѣ и простацтвѣ, бо тогды попы самы не будутъ ничого знати о своихъ обрядахъ, николи, ни ôтъ кого тіи установлены; они не будутъ знати для чого тіи обряды до русской Церкви введены и они не зъумѣютъ поучити людей, що тіи обряды отъ св. Отцêвъ происходятъ, ни пояснятъ ихъ, що обряды тіи не суть забобоны, та и люди не будутъ могли противитись знесенью ихъ. До удержанья той грубой, дуже намъ потребной темноты межи духовенствомъ найлучше средство: убожество, въ которомъ, якъ до теперь находятся, такъ изъ него, за нашимъ стараньемъ, николи не выдобудутся, а черезъ тое самы ихъ прихожане будутъ ними презирати и скорше на нашу сторону перехилятися. Родины священникôвъ во всѣхъ справахъ маютъ быти потяганы до двора, и за найменьшіи про-

вины или сопротивленія маютъ быти якъ найстрожше караны, черезъ що будутъ еще бôльше понижены. Такожь голосити, що сыны священникôвъ, поповичи, не суть вольны отъ панщины, а понеже они маютъ вступъ до публичныхъ школъ, то шляхта должна ихъ преслѣдовати, въ чемъ помагати имъ будутъ самы учителѣ.

„Належитъ ôтнимати церковныи имѣнія, ôтдавати церкви жидамъ въ аренду и при всѣхъ спорахъ, якіи легко зайдутъ межи арендарями а русскими священниками, брати сторону жидôвъ.

„Въ конецъ уважати и на селянское сословіе, которое само изъ себе есть дуже упорное; тожь знести причину той упорности, ôтняти ему средства до просвѣщенія, заборонити селянскимъ сынамъ учитись по школамъ и при церквамъ, а перестерѣгати прилѣжно, щобы хлопскіи дѣти не брались до книжокъ, но пильновали бы плуга, рала и цѣпа.

„Для лучшого успѣха належитъ пильно записовати всѣ неправилѣныи поступки, неприличности дворянъ, мѣщанъ и селянъ русскихъ, щобы мати пôдъ рукою всегда готовы противъ нихъ обвиненія, щобы и свѣтъ переконати, що Поляки въ томъ справедливо поступаютъ.

„Еслибы однакъ тіи справедливыи мѣры не были достаточны, тогды полезно буде розголошати уложеныи про-

тивъ нихъ вымыслы, пôдкладати сфалшованыи письма ôтъ имени священникôвъ или Владыкъ, вредныи Польщѣ и вѣрѣ католической и тѣмъ взводити на нихъ подозрѣнія и притѣсненія, доводящіи до уничтоженія греческой религіи въ Польщи. — Коли все тое буде пôдготовлено, коли постепенно, съ осторожностію и благоразуміемъ успѣемъ то обманомъ, то угрозами перевести Русинôвъ на латинянъ, тогды при помочи Божой народы королевства польского будутъ проживати въ общой любви, въ согласіи и едности. Польща стане сильнѣйша и страшнѣйша для ворогôвъ, религія римско-католическая буде всюда процвитати, нашихъ Русинôвъ здѣлаемъ врагами Россіи и ôтберемъ Москвѣ надѣю на прилученье до ней русскихъ земель."

Тахій то былъ проектъ на совершенное знищенье Руси. Проектъ той и ему подобныи проекты въ самомъ дѣлѣ приводились въ исполненіе въ продолженіи цѣлого XVIII. столѣтія и причинялися дѣйствительно къ уничтоженію русского вѣроисповѣданія и народности русской. Православныи Русины засылали неустанно жалобы и мольбы до россійского двора о защиту передъ насиліемъ изъ стороны Польщи; Россія вступалась за православными и черезъ посланникôвъ своихъ дѣлала безъустанно представленія до короля и до сойма въ оборонѣ угне-

тенныхъ, но представленія тіи имѣли обыкновенно мало успѣха. Король и соймъ выдавали рескрипты въ користь Русиновъ, обѣцювали строго изслѣдовати поодинокіи справы и укарати виновныхъ; но дѣло затягалось на дальшіи часы, а если прійшла справа русская передъ судъ, где засѣдали самы Поляки, то Русинъ понесъ тôлько великіи кошта, а справедливости не найшолъ. Всѣ суды, всѣ трибуналы присяглись ніяко на то, щобы Русинъ ніякой справы не выгралъ, не допускали, щобы ôнъ легче ôдотхнулъ, а прикладали до того руку, щобы черезъ кривды и насилія до крайности придавити и знищити русское племя. Но твердый то сей русскій народъ, не дался изміяти и не погибъ. Помимо всякихъ всевозможныхъ притѣсненій, ôнъ удивилъ міръ своимъ терпѣніемъ, мужественностію, спокойствіемъ, непоколебимою привязанностію до своей Церкви и до народности своей. Ôнъ пôдчинился судьбѣ и выжидалъ поры, поки не измѣнятся политичныи отношенія, поки Всевышній не посрамитъ гордыхъ, поки не низверже несправедливого правительства польского надъ русскими землями.

До тои же перемѣны клонилась Польща съ каждымъ днемъ що разъ бôльше. Пророческіи слова короля Яна Казиміра начали вполнѣ осуществлятись. Далеко

еще передъ паденіемъ Польщи сказалъ той король памятныи слова: „Говорю вамъ (шляхтѣ), если не змѣните вашихъ порядкôвъ и не ôткажитесь нѣкоторыхъ вольностей, то Рѣчь-Посполита станеся жертвою чужеземцêвъ...“ Предсказаніе то выполнятось точно. Шляхта не тôлько не ôтказалась ôтъ своихъ безъурядицъ, но взростала въ нихъ и довела свою державу до такого розстройства, до такого роспряженья, що Польща не могла уже устоятись о своихъ силахъ, а мусѣла глядати поддержки въ сусѣдныхъ державахъ. А слабый уже той всегда, що надѣется бôльше на сусѣдôвъ, якъ на свои силы; немощна уже такая держава, котора не чувствуе силъ, щобы сама собою управлялась, — Въ дѣла Польщи начинала що-разъ бôльше вмѣшоватись Россія, потомъ Пруссы, а въконецъ и Австрія. Всѣ же тіи три державы уважали на-конецъ лучшимъ и выгоднѣйшимъ роздѣлити цѣлкомъ Польщу межу себе, якъ управляти нею нестройною и розслабленною, яко окремою самостоятельною державою.

Русская Церковь въ часахъ передъ роздѣломъ Польщи.

Черезъ унію Берестейску розôрвана была русская Церковь въ Польщи на два таборы, въ слѣдствіе чого настала на Руси религійная борьба, а що найнайгôрше, борьба въ самой роздершойся Церкви межи уніятами а православными. Начало и цѣлый ходъ борьбы тои известный изъ выше описаныхъ военъ козацкихъ, которыи произошли найбôльше по причинѣ гоненій, якихъ дознавала православная Церковь и народъ, придержующійся еи. Отчаяннымъ змаганьямъ козацтва за Сагайдачного и Хмельницкого удавалось принудити Польщу, щобы тая признала православнымъ рôвныи права съ другими, а пôзнѣйше уже и самъ король Собѣскій, щобы положити конецъ той религійной борьбѣ, надалъ всѣмъ Русинамъ свободу вѣроисповѣданія, призволилъ православнымъ мати своихъ Епископôвъ и Митрополита свого въ Кіевѣ; но черезъ тое таки не прійшло дѣло се до лучшого. Нетерпимость Поляковъ до православія не далась ничѣмъ повздержати: мимо всѣхъ роспоряженій и указôвъ королевскихъ мимо розличныхъ рѣшеній соймовыхъ, якіи православію запоручали свободу, а также мимо всякихъ представленій россійского

двора въ томъ взглядѣ, гоненія противъ православныхъ таки не уставали.

При конци 17-го столѣтія была Церковь русская въ Польщи такъ роздѣлена, що уніятамъ належали четыре епископства: Полоцкое, Вильненское, Холмское и Пинское, а православнымъ другіи четыре: Перемышльское, Львôвское, Луцкое и Могилевское съ митрополіею въ Кіевѣ. Изъ тыхъ четырехъ православныхъ Епископôвъ перейшли до уніи первыи три съ початкомъ 18-го столѣтія. Въ р. 1690 приступилъ до уніи Епископъ Перемышльскій Винницкій, а въ р. 1700 Епископъ Львовскій Іосифъ Шумлянскій, который принялъ унію публично въ Варшавѣ, а повернувши до Львова (якъ то лѣтопись того города розказуе) завладѣлъ съ помочію войска братскою Успенскою церковою и поставилъ въ ней свôй престолъ. Но братство Ставропигійское стояло тогды еще твердо при православіи и выслало въ сей-часъ депутацію до короля съ прошеніемъ, щобы той взялъ въ оборону ихъ вѣроисповѣданіе и ихъ привилеи передъ нападеніемъ Епископа. Депутація узыскала у короля четыре рескрипты (указы), силою которыхъ всѣ ихъ свободы были затверджены, а Епископу приказано, щобы Львовскую Русь при ей вѣрѣ оставилъ и дабы не смѣлъ ихъ обезпокоювати. Коли же Епископъ, ма-

ючій за собою старосту и войско, не хотѣлъ пôдчинятись приказамъ короля, тогды выслали Львôвскіи Русины другій разъ депутацію до короля съ жалобою. Король поручилъ старостѣ якъ найострѣйше, щобы даныи приказы были исполнены, и ажъ тогды уступилъ Епископъ изъ городской церкви. — Наконецъ въ р. 1702 приступилъ до уніи также Епископъ Луцкій. Принимаючи унію, тіи три православныи Епископы поставили такіи условія: 1) щобы обрядъ греческій осталъ на всегда неизмѣннымъ, 2) щобы уніяты Русины имѣли рôвныи права съ Поляками, 3) щобы латинскіи Епископы не мѣшались въ справы русской Церкви. Тіи условія были имъ вправдѣ запоручены, но ніякъ не додержаны.

Ажъ на самомъ кôнцѣ по тыхъ Епископахъ приступило до уніи Львовское Ставропигійское братство, а то ажъ въ р. 1710, застерегаючи собѣ при тôмъ, щобы оно было пôдчинено безпосередно самому Престолу апостольскому римского папы.

Такимъ способомъ оставала еще при православіи тôлько Бѣлая Русь (литовская) съ своимъ Могилевскимъ епископомъ. — Якъ же поводилось той Бѣлой Руси пôдъ владѣніемъ Польщи ажъ до тѣхъ поръ, коли тая Русь перейшла пôдъ власть Россіи, оказуютъ тое тогдашніи частыи жалобы бѣло-русского духовен-

ства, о якихъ тутъ въ короткости згадаемъ. Ото на пр. писалъ бѣло-русскій Епископъ до Царя Петра І. слѣдующое: „Въ Литвѣ Татарамъ и жидамъ ôтдаваютъ лучшое почитанье ихъ вѣрѣ, нежели православнымъ христіянамъ. Татарамъ позволено строити мечеты, а жидамъ кагалы, христіянамъ же строго запрещенно будовати церкви... Не ма пôдъ солнцемъ такого притѣсненія, якое терпитъ Церковь православная въ сторонахъ короны польской. Если днесь Ваше Величество не освободитъ насъ ôтъ погибели, то да сохранитъ Богъ православіе ôтъ послѣдующихъ еще опасностей." — Православныи жителѣ города Невля писали къ томужъ Царю: „Изволь подати намъ бѣдствующимъ совѣтъ и помощь, и защити насъ ôтъ льва рыкающого, и денно и нощно поглотити насъ умышляющого."

Въ р. 1756 стался такій случай: Православный Игуменъ Виленского монастыря Ѳеофанъ Леонтовичъ провадилъ съ духовенствомъ покойника на кладбище; народа собралось много, процесія была торжественна. Студенты езуитской Виленской школы, узрѣвши той походъ, стали кричати и ругатись надъ нашими обрядами и въ-конецъ кидали грязію на священникôвъ и мірянъ. Тое произшествіе оскорбило глубоко Игумена и всѣхъ православныхъ; они засылали жалобы то

до короля и сената, то до россійского двора, но дѣло кончилось на ничемъ.

Самымъ изряднымъ заступникомъ православной Церкви въ томъ часѣ былъ Епископъ бѣло-русскій Георгій Кони-

Георгій Кониській.

скій. Ôнъ то безъустанно и неустрашимо подвигался для блага русской православной Церкви, самъ выѣздилъ неразъ до Москвы, щобы требовати тамъ защиты для русского народа, заявляючи, що

имя русское изчезне изъ земель русскихъ, если не будутъ приняты рѣшительныи мѣры для его захороны. Ôнъ то въ день коронованья Царицѣ Екатерины произнесъ до неи такую рѣчь: „Тутъ въ Великой Руси свѣтильникъ вѣры, зажженый ôтъ дней Владиміровыхъ, блыстае доселѣ; у насъ же свѣтильникъ той перевернули противныи вихры. Тутъ храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ; у насъ же храмы одни отняты, другіи запечатаны и опустошены, издаютъ хибань лишь голосы гнѣздящихся совъ и воронъ. Тутъ кто благочестивѣйшій, тѣмъ честнѣйшій; у насъ же за благочестіе терпимъ раны, узы, темницы, а нерѣдко и смерть.“

Той же самъ Епископъ Георгій Конискій говорилъ и до короля Станислава Августа въ р. 1765: „Одно, що намъ закидаютъ яко преступленіе, есть вѣра наша... Христіяне ôтъ христіянъ бываемъ притѣснены; замыкаютъ намъ церкви наши, где Христосъ безъустанно есть славимый, а за тое отворены жидôвскіи синагоги, где Христа зневажаютъ.“

Для скорѣйшого и успѣшнѣйшого истребленія православія въ Польщи назначены были особныи мисіонерскіи проповѣдническіи комисіи, которыи имѣли розъѣздитись по Руси, и будь убѣжденіемъ, будь обманомъ и силою отвертати народъ ôтъ прародительской вѣры.

Народъ бѣло русскій, придавленъ издавна панами и ксендзами, стогналъ и молчалъ въ безсиліи; но насилію тому супротивлялся еще и теперь найбôльше лишь украинскій народъ зъ правого берегу Днѣпра, що еще и тогды належалъ до Польщи. Зъ тоѣй причины мисіонеры, ôтправляючись на Украину, брали съ собою войско и съ помочію того проганяли священникôвъ, розграбляли ихъ имѣніе, а жены и дѣти ôтдавали на поруганіе и ужасную нищету. Тыхъ же, которыи не хотѣли покоритися, ковано въ кайданы и ôтсылано въ польскіи городы, где ихъ немилосердно бито, заправлювано до тачокъ и другихъ тяжкихъ роботъ. Народъ розбѣгался съ ужасомъ, а если уловлено якого непокорного. бито его нагайками и приговорювано: „Се тобѣ за Государыню (Царицю Россіи)! се за короля! за святѣйшій синодъ, за архіереи и за вся православны христіяне.“

Изъ всѣхъ монастырей православныхъ по правой сторонѣ Днѣпра имѣлъ тогды найбôльшую повагу Мотренинскій монастырь и его настоятель Мелхиседекъ Яворскій. Тутъ стекались изъ всѣхъ сторонъ православныи, спасающіи свою жизнь передъ насиліемъ. Игуменъ Яворскій принималъ ихъ радушно и съ состраданіемъ, и ôтъ того пôшла о немъ и его монастырѣ добрая слава межи народомъ такъ, що христіяне изъ да-

лекихъ сторонъ и Запорожцѣ приходили сюда на поклоненіе. Зъ той причины смотрѣло польское духовенство кривымъ окомъ на Мотренинскій монастырь, и постановлено въ 1765 привести его до уніи. Игуменъ, предвидячи опасность, донѣсъ о тôмъ до свого начальства, до Епископа Переяславского и до Митрополита Кіевского, а самъ лично отправился въ Москву до Царицы Екатерины. Царица приняла Яворского ласкаво и велѣла оповѣсти собѣ подробно о положенью русского народа въ Польщи, вразъ же и передала ему письмо до польского короля. Поѣхалъ Яворскій съ письмомъ Царицѣ до короля до Варшавы и передалъ ему тое письмо лично. Король не хотѣлъ и повѣрити, що его украинскимъ подданымъ дѣлаются такіи кривды и насилія, и издалъ въ сей-часъ приказъ къ властямъ, щобы тіи перекратили свои насилія. Но власти тіи такъ приняли до серца той приказъ, що самъ Яворскій, повертающій съ королевскою грамотою, былъ схваченъ, заключенъ въ вязницю, и томился тамъ голодомъ кôлька недѣль, по чемъ ледво живый повернулъ до свого монастыря.

При такихъ губительныхъ гоненіяхъ находилось православіе въ польской державѣ майже при послѣдномъ дыханіи тойже. Польская мірская и духовная іерархія поставила собѣ задачею искоренити всякое некатолическое вѣроисповѣда-

ніе, а весь народъ православный „шизматицкій“ привернути до латинства.

Сказалъ бы може кто, що такихъ обидъ дознавала тôлько православная Церковь, а уніятская заживала лучшой долѣ. Але где-тамъ! Вѣдь для польскихъ мірскихъ и духовныхъ политикôвъ унія церковная служила тôлько средствомъ до опольщенья Руси; имъ не ходило о тое, щобы Русь признавала главою Церкви Папу римского, но о тое, щобы цѣлкомъ пôдорвати русскую Церковь, а народъ русскій обернути въ латинство. О томъ свидѣтельствуе найлучше той нелюдскій „проектъ на уничтоженіе Руси.“ Въ той цѣли ôтъ начала введенія церковной уніи польское духовенство, вспомагаемое польскими дворами, мимо запрещенія римскихъ Папъ, перехватывало крещенную Русь къ латинскому обряду, вводило насиліемъ обрядъ той въ русскіи землѣ, забирало русскіи церкви и на ихъ мѣстци ставило великолѣпныи латинскіи костелы и кляшторы, загортало свободно церковныи имѣнія, а русское духовенство и русскіи церкви бѣднѣли и приходили до великого пониженья. Надармо русскіи Митрополиты и Епископы, которыи были соединены съ римскимъ престоломъ, заносили жалобы до римского Папы, щобы той укрощалъ польское духовенство въ его ревности, въ его злоупотребленіяхъ,— ницо не помагало: Папы римскіи изда-

вали булли (законы) въ пользу уніятôвъ и обряда ихъ, но на дармо; бо политика польска брала верхъ даже надъ послушаніемъ, якое належится головѣ Церкви.

И такъ уже съ початкомъ 17-го столѣтія Митрополитъ Рутскій, ревный уніятъ, заносилъ жалобы до Рима въ тôмъ смыслѣ, що народъ русскій вопіе и нарѣкае, що унія церковна служитъ тôлько яко средство до легшого перетяганья на обрядъ латинскій, до вынародовленья Русинôвъ. Коли же Русины помимо всѣхъ напастей стояли твердо при своемъ обрядѣ и на притѣсненія жаловались, тогды высказовались Поляки откровенно, що не терпятъ уніи и уніятôвъ, и поддержовали вражду межи уніятами и православными, щобы такимъ способомъ самы Русины себе истребляли въ межиусобной борьбѣ.

Въ р. 1664 писалъ Епископъ Холмскій уніятъ до Рима, що латискіи Епископы стремятъ до того, щобы знести всѣ уніятскіи епископства, добра ихъ собѣ загорнути, а уніяты щобы были отданы пôдъ ихъ зарядъ. „Унія давно бы уже величалась побѣдою надъ православіемъ, — писалъ той Епископъ: — еслибы тому не перешкаджали самы латинники, Поляки мірскіи и духовныи, которыи говорятъ: уніятъ чи православный то одинъ чортъ, а удержуютъ православныхъ приходникôвъ, щобы зъ нихъ потягати зыски, а

русскихъ Владыкъ обезпокоиваютъ, священникамъ уніятамъ накладаютъ розличныи тягары и роботизны, добра церковныи насиліемъ ôтбираютъ и ôтдаютъ ихъ польскимъ костеламъ. Русскіи священники, хотяй уніяты, хотяй запоручено имъ рôвныи права съ польскимъ духовенствомъ, мусятъ давати данины латинскимъ ксендзамъ; если не ма збôжа то забираютъ имъ худобу, набѣлъ, одежу. Часто нападаютъ латинскіи ксендзы на русскихъ парохôвъ, на власныи ихъ домы, бьютъ ихъ и насиліемъ забираютъ десятину.“

Съ початкомъ 18-го столѣтія приступили кромѣ Могилевского, всѣ прочіи русскіи Епископы до уніи, но съ тѣмъ цѣлкомъ не улучшилась доля Руси. Въ лѣтописи города Львова записано слѣдующое: „Коли въ р. 1710 довершено дѣло соединенія и братство русское престолу римскому пôдчинилось, належало, щобы и Русины стались участниками тыхъ свободъ, зъ якихъ корыстали другіи граждане и якіи имъ особенною декляраціею запевнено; однакъ надармо! Поляки не тôлько не хотѣли ихъ уважати рôвными, но еще сильнѣйше податками и данинами ихъ обложили. Народъ сталъ роптати и волноватись, и здавалось, що хоче вернути до православія. Узнавши о тôмъ Епископъ Варлаамъ Шептицкій, собралъ въ церкви св. Георгія всѣ братства, щобы нарадитись надъ средствами выдви-

гненья Русинôвъ изъ того пониженья. На радѣ той выбрано пленипотентôвъ и выслано ихъ до Варшавы, глядати справедливости, и въ р. 1713 прійшолъ зъ Варшавы декретъ такій: що Русины могутъ занимати всѣ уряды и до рады городской маютъ быти выбираны, податки маютъ платити рôвныи, якъ и Поляки, могутъ заниматись купечествомъ ремеслами и прч. Радость Русинôвъ была безъ границь, — но не долго она тревала. Поляки не мыслили пôдчинитись королевскому декретови, и Русины якъ были передше бѣдными, презрѣнными, такими остали и теперь."

Митрополиту и Епископамъ уніятскимъ обѣцяно было при принятію уніи, що будутъ засѣдати въ Соймѣ; но до самого паденія Польщи ни одинъ изъ нихъ не получилъ мѣстця въ Соймѣ или въ Сенатѣ.

Разъ зъѣхался Львовскій Епископъ Шептицкій съ православнымъ Владыкою Конискимъ въ Варшавѣ, и тогды высказалъ Шептицкій слова правды, живо представляющіи недолю всѣхъ Русинôвъ. „Такъ якъ васъ православныхъ — говорилъ ôнъ: называютъ шизматиками, такъ и насъ помимо уніи шизматиками зовутъ и причиняютъ намъ безчисленныи кривды и бѣдствія."

Щобы же тѣснѣйше зближити рускую Церковь до латинской и затерти въ

ней слѣды восточного обряда, киненося въ-конецъ на обряды и обычаи грецкіи и заступовано ихъ латинскими. Ôтъ того то часу берутъ свôй початокъ тіи обрядовыи перемѣны, званыи уніятскими обрядами, змѣны въ церковныхъ богослужебныхъ книгахъ, въ церковныхъ обрядахъ, новыи церемоніи при богослуженіяхъ, принорсвлены до латинскихъ, или чисто латинскіи обряды и обычаи, накинены русской церкви. Перемѣны тіи въ обрядахъ не установлялись на Соборахъ ни затверджены были римскими Папами, а противно самыи св. Отцы Папы римскіи супротивлялись всякимъ нововведеніямъ и перемѣнамъ обряда: однако — якъ сказано — Полякамъ ходило о вынародовленье Руси, отже и о знищенье всего русского въ обрядѣ, щобы изъ того и слѣдъ въ Церкви русской не остался.

Для всесторонного представленья тогдашнёй долѣ нашой русской уніятской Церкви наведемъ тутъ еще изъявленія уже не изъ русскихъ лѣтописей, а слова одного польского священника, который, описуючи „исторію уніи,“ говоритъ межи прочимъ такъ: „Русь уніятская терпѣла черезъ щоразъ частѣйшій переходъ шляхты на обрядъ латинскій. Причины такого перехода были многіи: низкое образованье русского духовенства (вообще бо не было дозволено образоватись русскому

священнику); упослѣдженье шляхты русской въ правахъ и привилеяхъ гражданскихъ и запевненье тыхъ правъ и привилеêвъ тому, кто перейде на обрядъ латинскій; погорда, яку заявляло латинское духовенство Церкви русской и обрядамъ ей; отвертое перетяганье до латинского обряда русской молодежи въ школахъ езуитскихъ. Ужаляются на тое перетяганье уніятôвъ до обряда латинского, на пониженье Церкви и духовенства русского, русскіи Владыки передъ римскимъ апостольскимъ престоломъ и на соймахъ польскихъ, начавши ôтъ початку 17-го до конца 18-столѣтія. Трудно повѣрити, а однакъ документы тое стверджаютъ, що духовенство латинское, вмѣсто притягати до себе уніятôвъ, въ дитинячомъ заслѣпленью дражнило ихъ и погорджало; що епископы латинскіи на синодѣ Варшавскомъ 1643 г. издали декреты, обурюючіися на тое, що русскіи Владыки употребляютъ тыхъ самыхъ, що и они, титулôвъ, що носятъ крестъ на золотыхъ ланцухахъ. Духовенство русское, роботающое тяжко на поли, якъ кметѣ, на свое удержанье, кривджено было ôтъ латинскихъ священникôвъ черезъ выбиранье десятинъ. На паперѣ имѣло оно признаный не одинъ привилей, но въ практицѣ не дознавало ніякого. Митрополитъ имѣлъ право належати до сената, но латинскіи епископы не допустили его, а

тѣмъ меньше другихъ епископôвъ русскихъ. Низшое духовенство русское незаконно потягано было передъ мірскіи суды, коли латинское духовенство судилось своими духовными судами. Во истину, трудно не удивлятись и не величати тыхъ богатырей св. вѣры, коли розсмотримъ, що они, стаючи уніятами, не тôлько не зыскали ничого, а противно, вступали на тернистую дорогу. Правда, що апостольскій престолъ бралъ ихъ въ оборону, но уплынуло много часу, закѣмъ упомненья изъ Рима, высланныи латинскому духовентву, принесли якій успѣхъ..."

Такъ описуе латинскій священникъ судьбу русской Церкви въ тое время уніи. Пише тое Полякъ, изъ чого можемъ, заключати, що въ сущности гоненія и притѣсненія русской Церкви о много бôльшими были, чѣмъ тутъ представлено. И въ самомъ дѣлѣ всѣ наши лѣтописи, всѣ записки, якіи остали намъ до днесь изъ тыхъ печальныхъ временъ, яко голосныи свидѣтелѣ беззаконія, высказуютъ одноголосно, що на народность и на Церковь русскую вложенъ былъ томительный страдальческій вѣнецъ, якого примѣры можемъ встрѣчати ледво въ гоненіяхъ христіянъ поганами.

Тожь и вѣрно изрекае о томъ жалкомъ состояніи Русинôвъ уніятôвъ крылошанинъ Луцкой епархіи Ѳеодосій Бродовичъ, коли въ самъ часъ передъ по-

слѣднимъ роздѣломъ Польщи, въ р. 1789 пише вотъ-такое: „Знай о томъ соединенный (съ Римомъ) Русине, а въ земли твоей ôтъ всѣхъ правъ, свободъ привилеêвъ на всегда усуненый, що на дармо высиляешся, щобы оказати вѣрность, послушенство и подданство твое (для Польщи); на дармо въ доказательство твердой вытревалости въ уніи ôтдаешся въ неволю и готовъ еси не тôлько имѣніе, но и житье стратити — тобѣ не будутъ николи вѣрити!... Причина тои ненависти хиба тая одна, що ты Русине, хотяй уніятъ, еси таки галузію того дерева, въ которого пни найперше усмотрено отрую. Ты бодай черезъ звычаи и обряды належишь до той восточной Церкви, котора посмѣяла колись рôвнатися съ западною. То здается твôй непростительный грѣхъ, бôльшій передъ лицемъ міра, якъ грѣхъ первородный передъ лицемъ Бога, его бо ни крещеніемъ, ни покаяніемъ, ни переменою многихъ твоихъ давныхъ обрядôвъ не зôтрешь...“

Такъ писалъ въ то ненастное для Польщи время ополяченый уніятъ Θеодосій Бродовичъ, крылошанинъ Луцкои епархіи, которая тогды по первомъ роздѣлѣ Польщи еще належала была до сильно обрѣзаного Варшавского королевства (якъ называно въ томъ часѣ Польщу). Не предвидѣлъ той честный уніятскій каноникъ, що такій трогательный отзывъ его,

якій до уніятôвъ русского Волыня выголосилъ ôнъ передъ сто лѣтами, дался еще на долго до уніятôвъ русской Галичины приноровити, такъ якъ тіи, хотя уже тогды оставали пôдъ владѣніемъ благодѣтельныхъ Монархôвъ Австріи, но яко русскіи, своимъ обрядомъ належащіи до восточной Церкви, переносили на собѣ еще мало-що не то само, що переносили колись-то всѣ уніяты въ давной Польщи.

Вмѣшательство Россін въ польскіи безъурядницѣ.

Въ 18-томъ столѣтію представляе держава Польщи дуже сумный образъ. Власть королевска зведена уже до пустого титулу; гордыи магнаты и розъуздана шляхта разомъ со сфанатизованымъ своимъ клиромъ, розбитыи на численныи враждебныи собѣ таборы и партіи, вчинаютъ внутренніи замѣшательства, кровавыи борьбы и доводятъ свою отчину до безпримѣрного неустройства и розврата. Станъ мѣщанскій погордженый, селянинъ до крайности пригнобленый, жидъ упривелеёваный — то картины представляющіи станъ упадающой Польщи. — Якъ человѣкъ, не умѣющій управляти собою, ни имѣніемъ своимъ, попадае пôдъ куратели (опѣкунство другихъ): такъ мусѣла попасти и розслабленная неустройствами

Польща въ кураtелю сусѣдныхъ державъ, изъ которыхъ найважнѣйшій голосъ и найбôльше вліяніе досталися державѣ Россійской.

Уже въ р. 1686 договоромъ, заключенымъ межи Польщею и Россіею, получила тая последняя право вступатись за своихъ единовѣрцêвъ, находившихся пôдъ польскимъ владѣніемъ. Право тое утвердилось еще тѣмъ, що въ силу договора перейшолъ также Кіевъ до Россіи на вѣчныи часы. Въ Кіевѣ же, якъ извѣстно, находилась митрополія всей западно-русской Церкви, слѣдовательно всѣ жителѣ восточного вѣроисповѣданія, оставшіи еще при Польщѣ, находились въ духовной связи съ Митрополитомъ, который належалъ до другой державы. Въ силу тыхъ обстоятельствъ имѣлъ отже Царь Россіи полное право вмѣшоватись въ справы духовныи Русинôвъ въ Польщи, а онъ же и корысталъ зъ права того, бо на неустающіи жалобы православныхъ вставлялся за ними всегда до короля и до сойма.

Вскорѣ подали Поляки Россіи новую случайность вмѣшоватись въ свои дѣла. По битвѣ Полтавской и по пораженіи шведского короля Кароля принужденъ былъ уступити изъ польского престола поставленый Шведами Станиславъ Лещинскій, а прогнаный король Августъ Сасъ вернулъ назадъ въ свое

владѣніе. Сторонники Лещинского связались въ конфедерацію (союзъ) противъ Августа и начали въ Польщи межиусобную вôйну, которая тревала черезъ кôлька лѣтъ. Ажь въ р. 1716 закончилась тая межиусобная борьба за посредничествомъ Царя Петра. И тогды то на соймѣ было рѣшено, що на будуще всѣ споры, якіи бы зайшли межи королемъ а его подвластными, буде рѣшати велико-русскій Царь, именно той же самъ Царь Петро, которого за славное и розумное владѣніе его въ Россіи цѣлый свѣтъ назвалъ Великимъ. Тымъ способомъ самы Поляки связали собѣ руки и ôтдались совершенно во власть Россіи. Зъ той поры сталась уже Россія мѣродательною въ Польщи, а вмѣшательство ей въ дѣла польскои державы сталось для Польщи необходимымъ. Царѣ Россіи достигли затѣмъ огромнои переваги во всѣхъ внутреннихъ справахъ польского королевства.

По смерти короля Августа II. Саск. начались въ Польщи новыи незгоды за королевскій престолъ. Бôльшость голосôвъ на избирательномъ соймѣ объявилась знову за Станиславомъ Лещинскимъ и его приверженцѣ глядали поддержки во Франціи. Другая же партія, хотяй была меньшая, но ôтдавшись пôдъ покровительство России, стала ôттакъ сильнѣйшою и она то провозгласила королемъ Августа III., сына помершоъо короля Авгу

ста II. Тымъ поступкомъ сознала̂сь уже сама Польща, що не може вже быти истинно самостоятельною державою. Русскіи войска явились на призваніе могущои теперь сасскои партіи въ границяхъ Польщи, прогнали знову Лещинского, а звели на престолъ Августа III.

Возведеніе на польскій престолъ второго короля Саса дало вліянію Россіи на польскіи дѣла новую силу. Говорено уже тогды, що Польща управляется не изъ Варшавы, а изъ Петербурга.

Около того часу начиналъ вмѣшоватись въ дѣла Польщи еще и другій ей сусѣдъ, король прусскій. Тому хотѣлось конечно ôтрѣзати ôтъ Польщи для себе кусень землѣ, врѣзавшійся клиномъ въ прусское королевство, и ôнъ то глядалъ зачѣпки, щобы вмѣшатись въ справы польскіи. Случайность къ тому сама нападалась. Въ королевствѣ польскомъ на границяхъ Пруссъ было много городôвъ, населеныхъ Нѣмцями лютерского вѣроисповѣданія. Подобно якъ православныхъ, такъ и тыхъ лютеранъ притѣсняли Полячки всевозможными способами, а якъ православныи звертались о защиту до Русского Царя, такъ теперь лютеране просили своего единовѣрця, короля прусского, для себе о покровительство. Вотъ и добрая то была случайность для Пруссъ, исполнити свои замыслы. Король прусскій принялся защищати польскихъ лю-

теранъ и приказалъ своему посланнику въ Варшавѣ, рѣшительно выступити въ ихъ оборонѣ. Тое покровительство короля прусского, который имѣлъ тогды велико значенье въ Европѣ, принесло полный успѣхъ: лютеране въ польской державѣ пôдняли голову и добились свободы для свого вѣроисповѣданія.

Православныи же и уніяты испытовали межи тѣмъ всегда еще и за тог короля Августа III. однаковую недолю. Ажь при наслѣднику его принялась Царица Екатерина усерднѣйше выступати за православными Русинами, а то при такихъ вотъ обстоятельствахъ: По смерти короля Августа III. усмотрѣла Царица Екатерина яко способного заняти польскій престолъ извѣстного собѣ человѣка, шляхтича изъ старинной и славной фамиліи, Станислава Августа Понятовского, и возвела его на престолъ мимо вооруженныхъ протестацій противной ему партіи. Поставивши отже королемъ человѣка, который Россіи завдячалъ корону, думала Екатерина, що теперь представленія Россіи въ корысть православныхъ принесутъ добрый успѣхъ. Тогды то славный Епископъ Кониск поѣхалъ до Варшавы и представилъ королеви бѣдственное положенье православныхъ. Король, въ почувствіи справедливости, рѣшился улегчити долю тыхъ своихъ подданыхъ и выдалъ соовѣтныи роспо

кенья мірскимъ и духовнымъ началь-
твамъ. Но если давнѣйше ніякъ не дѣй-
твовали приказы королевскіи, то о скôль-
о меньше имѣли они силы теперь, коли
озладъ, сваволя, непослухъ дôйшли до
езграницъ. Партія противная Россіи, не
огучи на ней ôтомститись, выливала
вою злобу на православныхъ а навѣть на
ніятахъ, и чѣмъ настойчивѣйшіи были
ребованія послôвъ россійскихъ за Руси-
ами, тѣмъ сильнѣйше лютилась буря
оненій ôтъ стороны патріотникôвъ поль-
кихъ.

Цариця, переконавшись теперь, що
е помагаютъ уже ніякіи еи представле-
ія, ни ласки, ни просьбы, ни грозьбы,
ѣшилась употребити послѣдного сред-
тва, щобы достигнути своей цѣли и об-
эгчити долю Русинôвъ, она приказала
полномоченому своему въ Варшавѣ кня
о Репнину, приступити рѣшительно
о дѣла на найблизшомъ соймѣ и пере
эсти оное непремѣнно. Князь Репнинъ
идѣлъ, що тутъ не обôйдеся безъ вол-
эній, и призвалъ собѣ до Варшавы от-
идъ войска, а другимъ войскамъ ве-
ѣлъ стояти на границѣ въ поготовью.

Дня 27 Сентября 1767 г. собрался
ойм ъ, заѣхалось кôлька сотъ послôвъ,
о бôльшой части пôдбурены уже на и-
овѣрцêвъ, не католикôвъ, и на первомъ
браніи начали шумѣти, ударятися въ
руди и клястися, що скорше всѣ головы

положатъ, а не допустятъ до поруганія своей вѣры, т. е. не признаютъ иновѣрцямъніякихъ правъ. На той общій шумъ выступитъ смѣло князь Репнинъ и восклинулъ громкимъ голосомъ: „Перестаньте панове кричати, бо если будете дальше шумѣти, то я заведу шумъ, а мôй шумъ буде сильнѣйшій ôтъ вашого. Никто не стѣсняе васъ въ вашой вѣрѣ, не нарушае правъ католического вѣроисповѣданія. А если вы вѣрны своему закону, то выполняйте его приписы и не дѣлайте другому насилія въ вѣрѣ.“ Собраніе замолкло нагло на тіи слова, ажь по нѣякой хвили возсталъ польскій Епископъ Солтыкъ и горячою а роздражняючою бесѣдою возбудилъ новый шумъ и крики, що ôтъ того вся соймовая саля гудѣла. Тогды хватился Репнинъ послѣдного средства: переговоривши съ королемъ, ôнъ арестовалъ четырехъ проводирôвъ, именно: Епископôвъ: Солтыка и Залуского, и двохъ графовъ Ржевускихъ, та велѣлъ вывезти ихъ въ глубокую Россію.

Тое строгое поведеніе российского посла взбурило сенаторôвъ; они попали въ невысказаный ужасъ и негодованіе, но окончательно притихли всѣ, и справа, съ якою выступилъ князь Репнинъ, была улажена такъ: признано всѣмъ иновѣрцямъ, лютеранамъ и православнымъ, рôвныи права съ правами католикôвъ; запрещено называти ихъ еретиками и ши

матиками; позволено имъ строити собѣ но-
зыи церкви; скасовано всякіи данины ôтъ
православныхъ на польскіи костелы; при-
казано незаконно забраныи церкви на-
задъ ôтдати православнымъ, а для всѣхъ
споровъ церковныхъ межи католиками а
православными установлено особный ду-
ховный трибуналъ. Всѣ же тіи постано-
вленія ôтдано покровительству Царицѣ
Россіи. Такимъ образомъ Россія достигла
уже совершенно переваги надъ Польщею:
король, сенатъ, весь народъ былъ уже
въ еи рукахъ, а держава Польщи была
на исходѣ.

Коліѣвщина (гайдамаки).

Хотяй якъ уже безсильною и непо-
радною оказалась Польща въ другой по-
ловинѣ 18-го столѣтія, но все-жь таки у
шляхты ей было еще стôлько гордости
и честолюбія, що больно ей приходило
чувствовати надъ собою чужу протекцію,
а страдати ôтъ того понизительного по-
ложенья, въ якомъ розстроенная польская
отчина теперь найшлася. Шляхта тая
покушалась затѣмъ повернути Польщѣ
ей давную свободу, но всѣ покушенія и
усилія тіи были безъуспѣшныи.

Въ р. 1768 собралась въ Подôльскôмъ
мѣсточку Барѣ часть тои шляхты и свя-
залась въ конфедерацію (союзъ), въ такъ
зовану Барскую конфедерацію, а то

въ такой цѣли, щобы скинути изъ Польщи верховодство Россіи и уничтожити права, якіи що-ино надано иновѣрцямъ (диссидентамъ), т. е. лютеранамъ и православнымъ. Вѣсть о завязанью такой конфедераціи розойшлась быстро по всему краю, поднесла всю шляхту и польскихъ ксендзôвъ, которыи пôдъ знаменемъ „за вѣру свободу" выступили съ оружіемъ противъ своего короля и противъ дессидентôвъ, а ôттакъ кинулись на русскій и на свôй собственный край, истребляти все мечемъ и огнемъ, що было инной, не католической вѣры въ Польщи. Съ особенною дикостію кинулись Барскіи конфедераты на русскій народъ и выправили неслыханую рѣзню, побиваючи тысячи православныхъ христіянъ безъ розличія вѣка и пола. Однакъ тая кровавая револоція не пройшла безнаказанно, наглый нападъ конфедератôвъ на Подôлью и Украинѣ возбудилъ народъ до возстанія и довелъ до ужасного мятежа, знано въ исторіи пôдъ именемъ колієвщины или гайдамаччины.

Огонь возстанія начался въ имѣніяхъ князя Любомірского на Подôлью. Селяне начали волноватись; появились малыи отряды гайдамакъ, а въ тую же пору изъ Запорожья переходили то поодиноко, то партіями польскую границю вольныи еще тогды Запорожцѣ. Роздраженіе противъ панôвъ и католикôвъ взрастало чрезвы-

чайно скоро, и въ короткомъ времени кôлькадесять тысять селянъ, межи ними кôлька сотъ Запорожцêвъ, кинулись съ невысказаннымъ ожесточенiемъ на панôвъ и жидôвъ. Ударили толпы на дворы, палаты и костелы, палили и грабили, перебивали и вѣшали панôвъ дѣдичей, окомонôвъ, жидôвъ и ксендзôвъ.

Проводиромъ збунтованыхъ и до крайности розъяреныхъ толпъ былъ Максимъ Желѣзнякъ. Былъ то отчайдуша Запорожецъ, который долшiй уже часъ передъ тѣмъ гулялъ съ кôлькома товаришами то по Сѣчи, то по польскимъ землямъ, добывалъ розличными способами золото и роздавалъ оное межи козакôвъ и селянъ, чѣмъ и сталъ межи ними голосный и любимый. Теперь, въ часъ набѣга конфедератôвъ явился ôнъ съ Запорожцями на Подôлью, а народъ кинулся ему на встрѣчу и пôдъ его начальствомъ началъ дѣло отмщенiя на Польщѣ.

Въ продолженiи кôлькохъ недѣль прибрало возстанiе грозныи розмѣры: оно розширилось на цѣлое Подôлье и Кiевщину; численныи гайдамацкiи толпы переганяли по мѣстамъ, селамъ и панскимъ дворамъ, и въ бѣшенствѣ руйновали, палили все и всюда розбивали шляхту и жидôвъ, где лишь тыхъ найшли. Найстрашнѣйшая гроза розлютилась въ мѣстѣ Уманю въ добрахъ графôвъ Потоцкихъ. Умань былъ сильною крѣпостiю,

окруженъ валами, укрѣпленъ 32 пушками, сильною залогою войска и кôлькома тысячь козакôвъ, стоящими въ службѣ пана Потоцкого. Коли Желѣзнякъ съ своими Запорожцями и множествомъ вооруженныхъ селянъ пôдступилъ пôдъ Умань, тогды перейшолъ на его сторону сотникъ Уманскихъ козакôвъ, именемъ Гонта, со всѣми своими козаками, вслѣдствіе чого Умань не мôгъ уже оборонятись. Староста Уманя отворилъ ворота и ôтдалъ все въ руки Желѣзняку, щобы тôлько ему и панамъ оставлено житье. Но козаки и чернь вдерлись въ городъ и обôйшлись съ нимъ ужасно, безпощадно. Всѣ паны и жиды, якіи лишь находились въ городѣ, были вырѣзаны до кореня съ цѣлыми фамиліями, съ женами и дѣтьми.

Кто знае, до чого бы было довело тое гайдамацкое возстанье, еслибы не велико-русскіи войска, которы и пôдъ той часъ недалеко у границѣ тутъ стояли. И такъ якъ Россія обовязалась послѣднимъ договоромъ удержовати въ Польщи миръ, тожь теперь на просьбу короля двигнулись русскіи войска съ генераломъ Кречетниковомъ пôдъ Умань, обезъоружили безъ труда такъ званыхъ гайдамакôвъ и увязнили головныхъ проводирôвъ. Доперва въ три мѣсяцѣ пôзднѣйше надтягнулъ и польскій гетманъ коронный съ войскомъ, но того не было уже нужно, бо возстаніе было вже усмирено. Рус-

скій генералъ Кречетниковъ ôтдалъ Полякамъ Гонту и другихъ увязненыхъ проводирôвъ, а Желѣзняка съ Запорожцями ôтослалъ до Россіи. Гонту съ его товаришами постигло ôтъ Полякôвъ страшенное наказаніе: самъ Гонта былъ мученый двѣ недѣлѣ; каждого дня рѣзано у него по куснику тѣла, потомъ ôтсѣчено то руку, то ногу, а въ-конецъ ôтъ порѣзанного на-скрôзь туловища ôтрубано голову. Другіи его товариши дознали подобной долѣ: по долшихъ мученіяхъ вбивано ихъ на колы или перевѣшано.

На томъ кончилось тое грозное возстаніе, которое было и послѣднимъ взрывомъ отчаянія у русского народа. Що оно было вызвано самыми Поляками конфедератами, о томъ свѣдчитъ самъ король Станиславъ-Августъ въ своемъ письмѣ къ одному частному лицу. „Кôлька загорѣльцêвъ, — пише ôнъ: настрашило нашихъ украинскихъ хлопôвъ и гоненіями хотѣли довести ихъ до ôтреченьяся ôтъ свого вѣроисповѣданія... Тое побудило ихъ къ мятежу, а мятежъ хлопôвъ то не шутка. Суть то вооруженныи толпы всегда ужасныи въ мятежи. Нынѣ убиваютъ они своихъ панôвъ, ихъ жены, дѣти, католическихъ священникôвъ и евреêвъ. Тысячи людей убитыхъ. Мятежъ резпространяется якъ пожаръ, понеже религiйный ихъ фанатизмъ соединяется у

нихъ съ жаждою къ независимости. Упомянутыи Украинцѣ есть то козацкое племя ненавистное для Польщи со временъ подобной войны за короля Яна-Казиміра. Все то причиняе менѣ много клопотôвъ! То фанатизмъ (загорѣлость религiйная), фанатизмъ схизматическiй и крѣпостный (подданыхъ) который воюе огнемъ и желѣзомъ противъ фанатизма католического и шляхты... Нѣтъ сомнѣнія, що безъ Барской конфедераціи не послѣдовало бы тое несчастье!..“

Роздѣлъ Польщи 1772—1795 г. Конецъ и русской бѣдѣ.

Послѣ долговѣковыхъ томительныхъ испытаній, по четырехъ столѣтіяхъ страданій и тягостной неволѣ прійшолъ наконецъ и для Руси нашой выжиданный часъ избавленія. Всесильная десниця справедливости Божой повела дѣянія свѣта такъ, що нестало въ томъ свѣтѣ польской державы, а за то Русь, черезъ заборъ которой тая держава стала была могущою, Русь дожилася окончательно лучшой долѣ.

По усмиреніи гайдамаччины велася вôйна межи Россіею а Турціею. Въ той часъ, коли всѣхъ взоры звернены были на тую вôйну, вступилъ прусскій король съ небôльшимъ войскомъ въ Поль-

щу незамѣтно, безъ шума. Польское правительство, пораженое тымъ поступкомъ, спросило короля о причину того военного нашествія, на що отвѣтилъ король прусскій, що то тôлько мѣры осторожности передъ чумою, якая тогды въ Польщи будьто-бы была явилась. Однакъ чумы въ Польщи таки со всѣмъ не было, въ виду чого такъ вторженіе прусскихъ войскъ, якъ и отвѣтъ короля оказались таинственными знаменами, предвѣщающими для Польщи лихо. Прогнати чужіи войска не была Польща въ силѣ, сама бо она въ настоящую пору терзаема была внутренними межиусобицями, черезъ що роздроблены и ослаблены были военныи еи силы. Бо и якъ же ту было думати о якомъ отпорѣ? Шляхта ненавидѣла короля, простый народъ ненавидѣлъ шляхту, Барская конфедерація оголосила короля лишенымъ престола, а украинскіи селяне рѣзали панôвъ и жидôвъ. Такъ въ тôмъ розстройствѣ где же было брати силу Польщѣ? Прусскіи войска заняли спокойно свои становища въ земляхъ Польщи, а одновременно другая сусѣдная держава, Австрія, на которую Поляки також много числили, вступила одного хорошого поранка въ польскіи границѣ и заняла западную часть Галичины. — Вѣсть о тôмъ поразила шляхту польску мовь-бы громомъ: повсюду роздавались голосы обуренья и отчаянія, нѣкоторыи

изъ патріотôвъ хватали за оружіе и съ малыми горстками одушевленыхъ кидались на непріятелей. Но що они уже значили противъ силъ Австріи и Пруссъ? Усилія ихъ — то послѣдній проблыскъ огника передъ окончательнымъ его погасаньемъ. Сусѣдныи державы переговорювали уже межи собою о роздѣлѣ Польщѣ. Въ р. 1772 посланники: австрійскій, россійскій и прусскій, составили договоръ о заборѣ нѣкоторыхъ частей розпадающойся Польщи. Россія прилучила до своей державы часть Бѣлой Руси, области Витебскую и Могилевскую; Пруссы загорнули тую часть Польщи, котора припирала до ихъ границѣ, а Австрія заняла Галичину и часть Подôлья. — Такъ отбылся первый роздѣлъ Польщи. Держава Польщи зменьшена о одну третью часть своихъ земель, но за тое нашъ русскій народъ въ Галичинѣ сталъ освобдженъ ôтъ ига, покончилъ свою исторію страданій, а перейшовши пôдъ владѣніе австрійскихъ монархôвъ, началъ ôтдыхати и величати и прославяти Бога, що его бѣдѣ таки разъ прійшолъ конецъ.

Но въ г. 1772 тôлько одна часть русского народа доступила того счастья, бо то лишь жителѣ Галичины и часть жителей на Бѣлой Руси вызволены были изъ-пôдъ польской опѣки; другой же части, Русинамъ на Волыню и Подôлью, суджено было оставати еще кôлька лѣтъ

пôдъ владѣніемъ Польщи, а то до того часу, доки Польща совершенно не роспалась. За той часъ приходилось тымъ Русинамъ и теперь еще испытывати гôрькіи годины.

Въ р. 1789 розôйшлась поголоска, що селяне на Волыню и Подôлью замышляютъ новое возстанье и такую рѣзню, яка ôтбылась що-ино недавно на Украинѣ. Тогды то Поляки по своей ненависти къ Россіи, яко сусѣдной найсильнѣйшой державѣ, стали голосити по всему свѣту, що народъ мало русскій, якій оставалъ еще при Польщи, сносится съ Россіею, що тая мутитъ межи тымъ народомъ и возбуджае его до мятежа, и що особливо приклонное Россіи духовенство, такъ православное, якъ и уніятское, пôдбурюе народъ до того бунту. Шляхта всполошилась и въ порозумѣнью со своимъ соймомъ приняла отвѣтныи мѣры, щобы изслѣдовати дѣло и придавити мятежъ. Зъ роспоряженья сойма началось изслѣдованіе; назначеныи къ тому люди приступили до него съ тѣмъ упередженьемъ, що межи народомъ въ самомъ дѣлѣ скрывается великій заговоръ и що конечно потреба вынайти виновныхъ и зачинщикôвъ. Призывано множество селянъ, церковныхъ слугъ и священникôвъ, ôтдавано ихъ на жестокіи муки, щобы принудити ихъ до признанія вины. Поляки самы розносили все новыи выдуманныи

вѣсти и доносы и побуджали слѣдчую комисію до що-разъ строжайшихъ поисковъ, а комисія не перебирала въ средствахъ, и многихъ цѣлкомъ невинныхъ томила по вязницямъ голодомъ и побоями, инныхъ даже казнила смертію.

Такъ якъ тое событіе на пригhtраничномъ Галичинѣ русскомъ Волыню дѣялось въ пору, коли по первомъ своемъ роздѣлѣ обкроенная зъ трехъ сторонъ держава польска могла еще была свѣту доказати, чи зъумѣе она еще собою яко-тако розумно управляти: то умѣстно тутъ згадати о тôмъ же событію немного подробнѣйше по указанію современной лѣтописи, якую пôдъ заглавіемъ „Образъ насилія, ужасно здѣланого на слабой невинности“ совѣстно списалъ уніятскій каноникъ Луцкои капитулы, Өеодосій Бродовичъ. Начало того событія было вотъ такое: На одного русского священника О. Лукевича на Волыню донесено, що ôнъ переночовалъ разъ у себе россійского маркитана (прохожого торговця). Членъ польской комисіи п. Аксакъ поѣхалъ до того священника на изслѣдованье. Священникъ сей былъ то человѣкъ дуже боязливый и сталъ просити пана Аксака, щобы той научилъ его, що ему говорити при комисіи. Панъ Аксакъ сказалъ: „Не бôйся, тобѣ не станется ничого злого, скажи тôлько, що у тебе былъ маркитанъ, пôдмавлялъ те-

бе до бунту и показовалъ письмо ôтъ россійской Царици, а ты на тое не согласился.“ — „Алежь того, пане, совсѣмъ не было! — сказалъ священникъ: я розмавлялъ съ нимъ о московской вôйнѣ, кто съ кимъ бьется, и о тôмъ была бесѣда, що Поляки собираютъ войска, думаютъ съ кѣмъ-нибудь воювати; а бôльше не говорили мы о ничемъ.“ — „А чижь того еще мало? — сказалъ панъ Аксакъ: маркитанъ говорилъ тобѣ, що Москва хоче воювати Полякôвъ, ты самъ мôгъ догадатися, що ôнъ хоче тебе намовити, щобысь бунтовалъ хлопôвъ противъ насъ. Якъ приведутъ тебе до комисіи, то скажи, що ôнъ пôдмавлялъ тебе и показовалъ московское письмо; инакше пропадешь и погубишь себе и свою жену и дѣтей. Менѣ жаль тебе!... На, возьми! тое придасться тобѣ на прожитье въ Луцку. Если хорошо здѣлаешь дѣло, то и бôльше получишь.“ И всунулъ ему въ руку два червонцѣ. Священникъ испуганный не зналъ, що дѣлати. „А буду я на волѣ? — спыталъ ôнъ. — „Не тôлько будешь на волѣ — сказалъ панъ Аксакъ: а еще дадутъ тобѣ бôльшую нагороду за вѣрность.“

Пріѣхали въ Луцкъ и панъ Аксакъ въ сейчасъ объявилъ комисіи, що теперь уже все ôткрыто. Привели Лукевича. Въ комисіи засѣдало много лат. ксендзôвъ. По поученью пана Аксака заявилъ Луке-

вичъ, що у него ночовалъ Москаль маркитанъ, намавлялъ его побуджати народъ до бунту и показовалъ якое-то письмо, где была пôдписана Царица. „Вотъ наконецъ по нитцѣ дôйшли мы до клубка!“ воскликнули паны въ комисіи и начали изъ всѣхъ силъ гремѣти и сварити на Москалêвъ. „Вотъ найшолся одинъ честный человѣкъ, що открылъ заговоръ, задуманый на нашу погибель. О тіи попы всѣ знаютъ, и самъ ихъ Епископъ съ ними въ заговорѣ!“ Такъ толковала дѣло комисія.

Схвачено и приставлено маркитана, которого очернилъ Лукевичъ. Той объяснилъ, що дѣйствительно показовалъ письмо, — но письмо тое былъ то его пашпортъ, а другого письма у него не найдено. — „Мы — сказали комисари: не будемъ тебе казнити, если признашся, що Царицѧ послала тебе бунтовати хлопôвъ!“ — „Я не куплю собѣ житья клеветою на мою Государиню!“ отвѣтилъ гордо маркитанъ. — Въ Великую Пятницю привели его до висѣлици; старенькій монахъ сповѣдалъ его. Не давши однакъ докончити сповѣди, закричали польскіи фанатики: „Нехай той бородатый еретикъ перестане сповѣдати; ôнъ (маркитамъ) пôдмовляе его до рѣзнѣ.“ Маркитана повѣсили. Послѣдніи его слова были: „Невинно погибаю!...“

Зъ тѣхъ поръ стали еще бôльше ловити священникôвъ и мірянъ, нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ саджали въ кайданы и въ вязницѣ, зѣющіи смородомъ и нечистотою, инныхъ сѣкли нагайками по спинтѣ, по груди и по черевѣ, инныи ôтъ такой экзекуціи ôтдавали Богу духа. Схвачено даже уніятского Епископа Виктора Садковского, подозрѣнного о то, що бунтовалъ хлопôвъ до мятежа, и засаджено его въ кайданы. По такой то нитцѣ хотѣла комисія дôйти до клубка.

Однакъ ни найменшихъ доказательствъ не ôткрыто. Цѣлое обвиненіе вертѣлось коло того, що на Волынь пріѣздили купцѣ изъ Россіи и продавали межи инными товарами такожъ ножи. Похвачено по корчмамъ ôтъ селянъ кôлька слôвъ, которыми они выражали свое неудовольство и жаловались на свои кривды, или же згадали гдеколи о ужасной судьбѣ Гонты, — вотъ и все.

Кого же изъ священникôвъ и хлопôвъ признала комисія виновнымъ, того ôтсылано до Варшавы, где отбывались новыи допросы, новыи пытки. „Тутъ, — якъ то пише Бродовичъ: наступали криминальныи суды, — заглушенъ былъ голосъ религіи, умолки чувства человѣческіи, — ишли пôдъ топôръ головы служителей престола, или въ далекихъ вязницяхъ окончаючи несчастливое свое житье, ставались жертвою запальчивости".

Подобныи варварскіи практики были бы и дальше продолжались, бо задачею Полякôвъ было: якими-нибудь способами уничтожити и вынародовити Русинôвъ; но на счастье, Польща, позбавлена разъ певнои пôдставы и самостоятельной силы, поступала теперь уже скоро до совершенного свого паденія.

Сусѣдныи три могущіи державы, ба, и цѣлый свѣтъ образованной Европы не могли холодно и безъучастно дивитись на тіи нелюдскіи поступки, якихъ допускалась Польща въ лѣтахъ своеи послѣдной пробы, где она могла была свѣту показати, чи зъумѣе еще разъ собою розумно управляти. Послѣдняя тая проба, якъ показали повысшіи дѣйствія Полякôвъ на русскôмъ Волыню, выпала очевидно якъ найгôрше. Тожь не дивно, що сусѣдныи державы уже вскорѣ по тôмъ событію приступили до окончательного розсчета зъ такою нестройною Польщею.

Ôтъ часу первого роздѣла Польщи былъ въ той еи области, яка еще при ней осталася, черезъ якійсь часъ миръ; здавалось отже, що Польща отямится и начне скрѣплятись. Но на ей бѣду, потворились въ ней многіи враждебныи собѣ партіи, которыи еще бôльше ею розслабляли. Одна партія изъ шляхты начала отверто выступати съ своею непріязнію и враждою къ Россіи, которая теперь зновь обновила вôйну съ Турціею.

Тое роздражненье противъ Россіи подсыщалъ еще и прусскій король, которому залежало на тôмъ, щобы не допустити до дружеского зближенья тыхъ двохъ славянскихъ державъ, якими было сродныи собѣ славянскою кровію Россія и Польща; и до того-жь радъ былъ король прусскіи черезъ тіи роздоры еще бôльше добыти собѣ земель зъ Польщи. Тая партія шляхты польской, такъ звана партія прусская, была тогды найчисленнѣйша въ Варшавѣ, и она то довела до того, що посолъ прусского короля въ тую пору яко-бы владѣлъ надъ всею Польщею. Другая партія, тоже численная, состояла изъ найзнатнѣйшихъ магнатôвъ, которыи бôльше спріяли Россіи, а ненавидѣли прусскихъ Нѣмцêвъ, и затѣмъ были во враждѣ съ партіею прусскою. Противъ же обоихъ тѣхъ партій враждовала партія низшои шляхты, польскихъ мѣщанъ и ксендзôвъ, которыи, дѣйствуючи въ дусѣ Барскихъ конфедератôвъ, стояли въ-правдѣ за державною независимостію Польщи, но при тôмъ всемъ найбôльше вредили Польщѣ черезъ то одно, що усилуючись здѣлати Польщу єдною по вѣрѣ и народности державою, заводили борьбы съ Русинами, которыхъ все таки и въ той такъ значно зменьшеной Польщи еще бôльше было, чѣмъ Полякôвъ, и которыи лучше волѣли перейти пôдъ владѣніе

Россіи, чѣмъ дати себе въ Польщи златинщити и ополячити.

Коли тіи три партіи, борючись неустанно съ собою, доводили Польщу до всякихъ безъурядиць и неспокоевъ, партія прусска, яко найчисленнѣйшая изъ всѣхъ, отнеслась до Пруссъ съ просьбою о возстановленье мира въ краю. Пруссы прирекли возстановити миръ и даже выдати вôйну Россіи, однакъ тôлько пôдъ условіемъ, щобы Поляки отступили имъ воеводства Гданскъ и Торунь. Поляки не приняли такого условія, и затѣмъ Пруссы перекинулись на сторону Россіи и довели въ р. 1793 до другого роздѣла Польщи, При тôмъ другомъ роздѣлѣ заняла Россія остальную часть Бѣлой Руси, бывшую еще при Польщи, а также Волынь и Подôлье; Пруссы же розширили свои границѣ ажъ пôдъ саму Варшаву, занявши головную часть коренной Польщи съ Гданскомъ и Торунемъ.

Польща ограничилась теперь ледво на 3 миліоны жителей майже самыхъ Полякôвъ, но все еще она яко держава съ своимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ существовала. Русскіи еи землѣ по томъ роздѣлѣ ôтôйшли уже всѣ ôтъ Польщи и съ изъятіемъ Галичины, которая уже зъ г. 1772 была при Австріи, прилучены были до Россіи.

Дознаное пониженье Польщи заболѣло и тяжко доткнуло тыхъ Полякôвъ, у

которыхъ горѣла правдивая любовь отчины. Видячи, якъ поволи и постепенно сусѣды роздираютъ ихъ землѣ, затрепетали они ужасомъ, а предчувствуючи послѣдній неизбѣжный конецъ Польщи, добыли еще остатнихъ силъ, щобы ôтдати ихъ на жертвенникъ той отчины, которой не умѣли шановати. Въ р. 1794 выбухло грозное возстаніе въ Краковѣ и Варшавѣ: поднялась на ноги шляхта, польскіи мѣщане та и много мазурскихъ селянъ, и пôдъ начальствомъ мужественного К о с т ю ш к а здвиглись съ отчаяніемъ до борьбы за свободу дыхающой послѣднимъ дыханіемъ своей державы. Возстаніе тое охватило скоро бôльшіи и меньшіи городы Варшавскои державы и грозило обняти также и дальшіи стороны давной Польщи. Смѣлымъ и отчайдушымъ движеніямъ Костюшка удалось зъ-начала отнести кôлько поменьшихъ побѣдъ, но окончательно Костюшко, стрѣтившись съ бôльшою арміею русскою пôдъ М а ц і ё в и ц а м и, потерпѣлъ тяжкое пораженіе и самъ раненъ на полю битвы взятъ былъ въ неволю. Тогды то ôнъ съ горечію и жалостію произнесъ тіи два страшныи слова: Finis Poloniae, то значитъ: „Конецъ Польщи!“

И въ самомъ дѣлѣ наступилъ конецъ Польщи. Варшаву взялъ генералъ Суворовъ штурмомъ, и въ сей-часъ въ р. 1795 послѣдовалъ послѣдній т р е т і й р о з-

дѣлъ Польщи межи Россію, Австрію и Пруссы.

Въ кôлька мѣсяцевъ потомъ король Станиславъ-Августъ зложилъ корону, — Польща перестала существовати.

Такъ упала держава, существовавшая около 1000 лѣтъ. Духъ несправедливости, съ якимъ она долгіи вѣки пановала надъ Русію, помстился на-конецъ и на ней жестоко. Говоритъ пословиця, що не вартъ той свободы, кто не умѣе быти справедливымъ. Пословиця тая точно найшла до Польщи свое приноровленье. Говоритъ бо одинъ писатель польскій, роздумуючи надъ судьбою своей отчины: „Якъ розважу, кто повредилъ моей отчинѣ, то скажу, що ôтъ самыхъ же панôвъ выйшла погибель Польщи. Они то зничечили всякое почтеніе для закона; они, не хотячи повиноватись правительству, оставляли законъ безъ исполненія; они затерли понятіе справедливости въ умахъ Полякôвъ. Они замѣнили законъ въ пустую формальность, котора тогды тôлько была и важна, коли право служило ихъ лишь гордости, лакомству и злобѣ."

Упала Польща по причинѣ свого внутреннёго розстройства, позбавлена нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ оборонѣ отъ ударôвъ изъ-внѣ. Шляхетско-польскіи порядки вызвали въ са-

мôй державѣ голосное неудовольство, доводили до домашнихъ мятежôвъ и вôйнъ, на которыхъ зъужила Польща всѣ свои силы, розстроилась и въ-конецъ цѣлкомъ изнемогла. Вмѣсто лучити съ собою народы единоплеменныи братскимъ союзомъ любви; вмѣсто управляти ними на основаніяхъ справедливости и признавати каждому тое, що ему по законамъ природнымъ и человѣческимъ належалось, станула Польща противъ нихъ, именно же противъ Руси съ мечемъ насилія въ руцѣ, щобы придавити въ Русинахъ самыи нѣжныи національныи и религійныи чувства. Всѣхъ способôвъ, честныхъ и нечестныхъ, употребляла Польща, дабы перетворити подчиненый собѣ русскій народъ противъ его волѣ цѣлковито въ польскій, усилуючись ополячити его языкъ и сокрушити въ его сердци вѣру и св. обрядъ его. А такъ якъ тая Русь, зъ-поконвѣка привязана цѣлымъ сердцемъ до всего свого, а до того еще и своимъ народонаселеніемъ всегда численнѣйша ôтъ Польщи, не давала себе ополячити на-скрôзь, то Польща, завладѣвши разъ хитростями надъ Русію, хотя для достиженія своей цѣли превращала цѣлый край въ одну руину, пересыщенную кривдами и кровію, но таки своеи цѣли не допяла, а сама полягла на изготовленыхъ собѣ руинахъ.

Польща, прилучивши до себе нашу Русь, имѣла всѣ условія на то, щобы статись сильною и могущою державою, но власне черезъ свои неустанныи борьбы съ тою „твердою а упертою Русію" она розслабившись и попавши въ совершенное изнеможеніе, спасалась еще долгій часъ ино тѣмъ однимъ, що сусѣды ей не могли погодитись относительно ей роздѣла. Но коли въ-конецъ прійшло межи тыми сусѣдами до згоды, Польща розпалась.

А никому то и не удивлятись, що сусѣды Польщи такъ безпощадно съ нею обôйшлись, бо якимъ оружіемъ Польща воювала, ôтъ такого и погибла: насиліемъ захватила она Червоную Русь, коварствомъ и насиліемъ присоединила къ собѣ и княжество русско-литовское. Не допытовались Поляки о мнѣніе русского народа, коли лучили до себе литовско-русскій народъ своими уніями. Насиліемъ обертали они русскій народъ въ другую вѣру и ругались надъ его найдорожшими святостями. Народъ бунтовался, дерзнулъ самъ упоминатись о свои права, а его саджали на колы и палили на кострахъ. Слѣдовательно, коли приспѣло время ôтплаты за всѣ старыи грѣхи, поступлено съ Польщею такъ само безпощадно. Три державы роздѣлились нею, не пытаючи о ей мнѣніе, и Польща

якимъ оружіемъ воювала, отъ такого и погибла.

Великая Русь.

(1645—1746).

Исторію Великой Руси оставили мы на царствованіи первого изъ дома Романовыхъ Царя Михаила Өеодоровича, который скончался въ р. 1645. Наслѣдникъ его Царь Алексѣй Михаловичъ, молодецъ, удавшійся въ добродушного своего отца, имѣлъ для себе великую задачу. Внутренное бо состояніе велико-русской державы носило еще на собѣ слѣды „смутного времени“; внутренніи бо бѣдствія еще продолжались: народъ страдалъ пôдъ тягаремъ налогôвъ и данинъ, все бôльше возраставшихъ, зъ причины которыхъ проявлялось сильное народное неудовольство, а тое же приходилось неразъ силою оружія усмиряти. Для водворенія мира внутръ своей державы издавалъ Царь Алексѣй многіи полезныи указы и уставы, которыи въ-конецъ привертали ладъ къ общому задоволенью.

За того Царя Алексѣя совершилось присоединеніе Украины до велико-русской державы. Изъ-за тую Украину принужденъ былъ Царь вести вôйну съ Польщею, а та вôйна окончилась, якъ намъ извѣстно, перемиріемъ Андрусовскимъ въ

р. 1667. — Однакъ справа съ Украиною не была еще окончательно порѣшена за Алексѣя Михайловича.

Въ часѣ владѣнія того царя жилъ въ Москвѣ славный Патріархъ Никонъ. Своею мудростію и твердостію характера

Царь Алексѣй Михайловичъ.

ôнъ пріобрѣлъ собѣ такую повагу, що Царь оказовалъ ему неограниченное довѣріе и поручалъ ему даже неразъ управленіе цѣлою державою. Одно зъ найважнѣйшихъ дѣлъ Никона было: исправленіе богослужебныхъ книгъ. Въ церковныи бо старо-русскіи рукописы, вкралось

съ теченіемъ времени немало ошибокъ; коли же въ Россіи начали книжки печатати (въ 1533 р.), то ошибки тіи перейшли въ печатаныи книги. Для устраненія того зла созналъ Патріархъ Никонъ духовный Соборъ (въ р. 1654) и тутъ рѣшено: исправити всѣ книги по образцу найстаршихъ русскихъ яко же и греческихъ рукописей. Но найшлось и много людей, которыи недовольны были тымъ исправленіемъ, та стали роптати на Никона и придержовались ошибочныхъ книгъ съ такимъ упорствомъ, що не помагали противъ нихъ ни угрозы, ни наказанія. Такіи люди получили названіе старовѣрцевъ или раскольниковъ.

Позднѣйше, вслѣдствіе клеветъ ôтъ стороны своихъ ворогôвъ, Патріархъ Никонъ попалъ въ немилость у Царя и посланъ былъ у монастырь на заточеніе.

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ въ р. 1676, оставляючи по собѣ трехъ сынôвъ: Ѳеодора, Іоанна и Петра и кôлька дочерей. По немъ наслѣдилъ царскій престолъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, молодецъ слабого здоровья. За часъ короткого его правленія окончено справу украинскую перемиріемъ въ Москвѣ (1681 г.), по которому посѣданіе Украины и Запорожья утверджалось при велико-русской державѣ. Наслѣдникомъ Ѳеодора Алексѣевича долженъ былъ статись другій сынъ Царя Алексѣя, Іоаннъ. Но тотъ зновь

извѣстный былъ своею тѣлесною и душевною слабостію, для того Патріархъ и бояре оголосили Царемъ десяти-лѣтного царевича Петра. Межи тѣмъ, поки той не сталъ полнолѣтнимъ, вручено кормъ правленія сестрѣ его, умной царевнѣ Софіи. Хотячи удержатись при власти, старалась честолюбивая Софія передовсѣмъ зыскати собѣ приклонность могущой части войска, такъ званыхъ „стрѣльцевъ,“ и роздавала добра начальникамъ тыхъ же. Походы войскъ русскихъ въ Крымъ пôдъ начальствомъ совѣтника царевны Голицина были безъуспѣшны и нанесли державѣ немало стратъ, а окончательно и подорвали становище царевны Софіи. Всѣхъ взоры звертались теперь на царевича Петра, который за той часъ уже прійшолъ до возросту. Въ р. 1689 обнялъ царевичъ Петръ правленіе изъ рукъ сестры и сталcя единодержавнымъ Царемъ всеи Россіи.

Царь Петръ (ôтъ р. 1689 до 1725) вполнѣ заслужилъ на то, що потомность назвала его Великимъ; такимъ бо ôнъ былъ въ самомъ дѣлѣ для своей державы и такимъ представился ôнъ взорамъ цѣлого современного міра.

Зъ дитинства проявлялъ Петръ необыкновенно дѣятельную натуру и великіи способности ума. Уже тогды всѣ его забавы отличались военнымъ характеромъ; ôнъ окружалъ себе способными мо-

лодцями-ровесниками и игралъ съ ними въ жолнѣры. Ôнъ найшолъ собѣ учителей межи иностранцями, стоящими въ русской службѣ, а науки тыхъ людей, ознакомляющіи Петра съ европейскою образованностію, возбуджали въ немъ жажду знанія и дѣятельности. Въ первое время своего правленія ôнъ занимался устройствомъ войска, строилъ кораблѣ на Воронежскомъ озерѣ и ѣздилъ самъ до Архангельска, щобы познакомитись съ моремъ. Въ свободныи ôтъ трудôвъ часы забавлялся въ обществѣ хоробрыхъ воинôвъ, особенно иностранцевъ. Скоро прійшлось ему испытати военной жизни. Начатая еще при Софіи вôйна съ Турками не была кончена. Теперь отже выправился Петръ на югъ, къ Азову, щобы добыти тую крѣпость, и при осадѣ ей объявилъ ôнъ великую ревность и силу духа, не меньше и военную вправу своей арміи.

Щобы обучити своихъ въ дѣлѣ мореплаванія, выслалъ Царь Петръ 50 молодыхъ людей за границю, и самъ пустился за ними, щобы видѣти европейскую образованность и научитись строити кораблѣ. Въ всѣхъ державахъ западной Европы встрѣчалъ ôнъ гостинный пріемъ. Въ Голяндіи задержался ôнъ долшое время, и тутъ якъ простый робôтникъ роботалъ съ топоромъ въ руцѣ на корабляхъ. Потомъ ôнъ отправился до

Англіи, дальше до Венеціи и наконецъ черезъ Австрію повернулъ въ Москву. Въ сей-часъ по своемъ повороті принялся ôнъ переображати свою Россію. И такъ запретилъ ôнъ всѣмъ, кромѣ духовенства и селянъ, носити бороды; такъ само всѣмъ мѣщанамъ и чиновникамъ приказалъ перемѣнити долгополую одежу на короткое европейское платье. Повелѣлъ, щобы съ началомъ 18-го столѣтія годъ начинался не ôтъ 1-го Сентября, якъ бывало на всей Руси передше, но ôтъ 1-го Января, якъ у другихъ Европейцêвъ. — Тіи его роспоряженья вызывали изъ стороны старшихъ людей въ народѣ немалый ропотъ, но Царь былъ твердый и неуступчивый въ своихъ новаторскихъ дѣйствіяхъ. — Изъ тыхъ вѣдомостей и наукъ, особенно въ военномъ искуствѣ, якіи присвоилъ собѣ Царь Петръ въ своихъ путешествіяхъ по западной Европѣ, имѣлъ ôнъ случайность въ сей-часъ скорыстати въ начатой вôйнѣ со Шведами, которая то вôйна на долгіи лѣта затяглась. Початокъ тои вôйны былъ для Петра несчастливый: его войска потерпѣли чувствительное пораженіе ôтъ шведского короля, хороброго Карла, пôдъ городомъ Нарвою. Но на дальшихъ кôлька лѣтъ по той битвѣ обернулся король шведскій на Польщу, за той часъ устроилъ Царь Петръ Великій свои военныи дѣла такъ умно, що мôгъ уже числити

па певный успѣхъ въ дальшихъ военныхъ походахъ. Въ р. 1708 обновилась вôйна межи Швеціею и Россіею, но теперь встрѣтилъ уже король не тіи самыи войска въ Россіи, съ якими недавно еще такъ легко и успѣшно боролся. Мы знаемъ, якій оборотъ взяла тая вôйна; знаемъ о здрадѣ Мазепы и старшинъ козацкихъ, о битвѣ пôдъ Полтавою и о дальшой судьбѣ шведского короля и войскъ его. Шведы розбиты были совершенно; Царь Петръ нанесъ имъ сильный ударъ, ôтъ которого уже подвигнутись не могли. Договоромъ, заключенымъ межи Россіею и Швеціею въ р. 1721, прійшли до Россіи великіи пространства земель надъ берегомъ Балтійского моря, а що бôльше, ôтъ того часу достигла Россія найбôльшого значенія межи европейскими державами и великое вліяніе на внутренніи ихъ справы.

По окончаніи шведской вôйны торжествовалъ Царь Петръ, а съ нимъ и вся Россія. Петръ принялъ тогды титулъ императора всероссійского, а весь народъ прославлялъ и величалъ его, назвавши его „Отцемъ отечества.“

Найважнѣйшимъ дѣломъ Петра Великого были внутренніи реформы (улучшенія), которыи мали преобразовати его державу и просвѣщеніемъ зблизити ю до западной Европы. Особенное вниманіе обратилъ Царь Петръ на свою армію и

флоту (т. е. кораблѣ, помѣщены залогою войсковою), и пôднесъ тіи до такого степени ладу и значенія, що они утвердили величіе Россіи межи другими державами. Времена, свободныи отъ военныхъ занятій посвящалъ Царь Петръ на пôднесенье добробыта своей отчины, и не пропустилъ изъ виду найшеньшихъ способностей, якіи для той цѣли могли послужити. Ôнъ розвивалъ промышленность черезъ основаніе фабрикъ и заводôвъ, высылалъ многихъ русскихъ людей за границю учитись розличного ремесла, а памятаючи о томъ, що образованье и просвѣщенье есть пôдставою и первымъ степенемъ общого блага, старался ôнъ надо все, щобы особенно сословіе духовное и дворянское умственно было пôднесено. Въ той цѣли ôнъ заводилъ для духовныхъ училища въ каждой епархіи, а для дворянъ и чиновникôвъ школы во всѣхъ областяхъ своей державы.

Въ церковную іерархію внесъ ôнъ важную перемѣну: именно уничтожилъ ôнъ патріаршество, а вмѣсто того, щобы всѣми дѣлами Церкви управлялъ одинъ лишь Патріархъ, установилъ для такого церковного управленія Соборъ изъ выбраныхъ Владыкъ и найвысшихъ духовныхъ лицъ пôдъ именемъ святѣйшого Синода. Первымъ предсѣдателемъ того Синода назначенъ былъ Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій, одинъ

изъ найлучшихъ проповѣдникôвъ и духовныхъ писателей свого времени. Сей то Стефанъ Яворскій, достигнувшій найвысшого достоинства въ церковномъ управительствѣ всеи Россіи, былъ зъ роду Малорусъ (Украинецъ), воспитанникъ Могиловской академіи въ Кіевѣ, прославился при Царѣ Петрѣ великою ученостію и ревными подвигами во благо православной Церкви, зарôвно якъ прославился другій Малорусъ, професоръ той же Кіевской академіи, Ѳеофанъ Прокоповичъ, которого Царь Петръ за его незвычайныи проповѣдническіи дарованія изъ смиренного монаха здѣлалъ Архіепископомъ въ Псковѣ и своимъ найдовѣреннѣйшимъ совѣтникомъ въ дѣлахъ св. вѣры. Тѣмъ бо и отличался особенно Царь Петръ Великій, що своимъ зоркопроницательнымъ духомъ умѣлъ выглядати собѣ найбôльше даровитыхъ людей, якіи способны были съ успѣхомъ содѣйствовати его великой роботѣ въ преобразованью его державы. А якъ для управительства мірскихъ и военныхъ дѣлъ тои же державы Царь Петръ добиралъ собѣ такихъ способныхъ людей изъ ученыхъ иностранцевъ, особенно изъ Французôвъ и Нѣмцевъ, такъ знову для управленія духовныхъ дѣлъ находилъ ôнъ дѣльныхъ сотрудникôвъ въ своей цѣли въ пôдвластной собѣ Малой Руси, надо все же въ славной тогды Кіевской ака-

деміи, основанной знакомитымъ Митрополитомъ Петромъ Могилою. Изъ того то духовного средоточія Малой Руси возникъ также и Стефанъ Яворскій,

Стефанъ Яворскій.

первый найбôльшій соподвижникъ Царя Петра въ дѣятельности его для блага Церкви. Вообще занялся Царь Петръ усердно церковными дѣлами и оконча-

тельное розрѣшеніе ихъ пôдчинилъ своей верховной власти.

Строго выступалъ такожъ Царь Петръ противъ роскольникôвъ. Росколъ бо въ велико-русской Церкви, возникшій за Патріарха Никона, розпространялся скоро въ Россіи и принятыи противъ него мѣры ничого не помагали. Гонимыи роскольники уходили въ лѣсы, степы, или за границю, и составляли тамъ свои общины (громады). Зъ времени Царя Петра розмножался росколъ еще быстрѣйше и принималъ не тôлько церковный, но и политичный характеръ. Новыи бо реформы Петра и подражаніе западнымъ обычаямъ выдавались простому народу нарушеньемъ народности и православія, а строгіи мѣры, якими вводились тіи реформы, къ тому и тяжкіи податки и примусовыи роботы подсыщали въ народѣ неудовольство. Щобы отже не дати росколу розширятись, старался Царь Петръ дорогою обученія дѣйствовати на роскольникôвъ, и за него то писались самыи знаменитыи сочиненія противъ лжеученій роскола. Коли же всѣ тіи мѣры оставали безъ успѣха, обложилъ Царь Петръ роскольникôвъ подвôйными податками, не допускалъ ихъ до урядôвъ, велѣлъ имъ носити осôбный родъ платья, за бороды приказалъ платити окремыи податки и прч., но и тіи способы дѣйство-

вали на упертый людъ роскольникôвъ весьма немного.

Зъ всякого рода другихъ реформъ Царя Петра замѣчательны тіи, що по мѣстамъ и селамъ приказано строити домы по порядку въ певномъ отстояніи, а то для безъопасности ôтъ пожарôвъ; запрещено хоронити усопшихъ передъ трема днями и хоронити ихъ внутри города. Въ бôльшихъ мѣстахъ заведено аптики, пôднесено управу винограда, шелководства и тютюну; улучшено садоводство и скотоводство. Начато печатати газету о современныхъ событіяхъ и заведено въ Москвѣ первый театръ; привожено изъ заграницѣ знаменитыи картины (образы) и статуи, чѣмъ введено въ Россію изъ запада изъящныи искуства. По образцу западныхъ мѣстъ построилъ Царь Петръ много новыхъ городôвъ, межи инными городъ Петербургъ, при устью рѣки Невы, который сейчасъ и стался столицею державы.

Черезъ всѣ тіи реформы, въ которыхъ Петръ объявилъ неутомимую дѣятельность и необыкновенную ревность духа, зближилъ ôнъ Россію въ самомъ дѣлѣ до западной Европы и пôднялъ ю на такъ высокую степень могущества, що въ цѣлой европейской политицѣ Россія взяла ôтъ теперь рѣшительный перевѣсъ.

То суть заслуги Царя Петра, въ виду которыхъ справедливо названъ былъ ôнъ „Отцемъ отечества“ и „Великимъ.“

Въ р. 1725 въ мѣсяци Январѣ простудился Царь Петръ, присутствуючи при освященіи воды, попалъ въ тяжкій недугъ и незадолго упокоился.

Изъ наслѣдникôвъ Петра Великого самое виднѣйшое мѣстце занимае Цариця Екатерина II. (1762—1796). Изъ природы одарена рѣдкими способностями ума, тая Цариця якъ бы создана была тôлько до того, щобы довершити дѣло, зачатое Петромъ Великимъ и поставити славу и могущество Россіи на твердой некрушимой пôдставѣ.

Блистательныи военныи подвиги за Екатерины и внутренніи улучшенія въ законодательствѣ и экономичныхъ дѣлахъ царства, тоже ей собственный талантъ въ веденіи политики, такъ внутренной, якъ заграничной, зъеднали ей великую славу, вправляли современный міръ въ удивленіе.

Изъ военъ важнѣйшіи были войны: турецкая и Крымская, которыми границѣ Россіи далеко розширились на полудне, и дѣйствія войскъ русскихъ въ Польщи, въ которой за временъ Екатерины происходило окончательное роспаденіе, наступившое вслѣдствіе численныхъ безъурядицъ, мятежей и межиусобицъ въ державѣ польской.

Въ послѣднихъ лѣтахъ существованья Польщи полномочникъ Екатерины розпоряжалъ въ ней въ имени своей Царицы, а войска русскіи майже не выходили изъ Польщи. Окончательный успѣхъ дѣйствій Россіи въ Польщи былъ той, що всѣ землѣ Малой Руси, кромѣ Галичины, перейшли пôдъ владѣніе Россіи, а мудрая Царицѧ Екатерина зарядила отвѣтныи мѣры, щобы народъ той русскій, стогнавшій до теперь пôдъ неблагорозумнымъ правленіемъ Польщи, возродился, ôтжилъ и дôйшолъ знову до своихъ природныхъ и гражданскихъ правъ.

ПЕРІОДЪ III.

ЧАСТЬ I.

Русь Галицкая пôдъ владѣніемъ Монархôвъ австрійскихъ.

Легкимъ седцемъ, исполненнымъ самыми отраднѣйшими чувствами, приступаемъ до изложенія III. періода исторіи нашого отечества.

Якъ всему на свѣтѣ приходитъ свôй конецъ, такъ прійшолъ также конецъ всѣмъ испытаніямъ и страданіямъ, и пониженью и неволѣ, якихъ дознавала наша Русь черезъ долгіи вѣки пôдъ претягостнымъ правленіемъ Польщи. Насту-

пилъ памятный годъ 1772-гій, а съ нимъ якъ-бы по темной ужасной ночи засвѣтила для насъ ясная зоря свободы, якъ по долгой невиносимой зимѣ заблысло теплое оживотворящоею весняное солнце нашого возрожденія. Галицкая Русь перейшла пôдъ владѣніе Австріи; а якъ съ весною пôдъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца воскресае природа изъ мертвого сна къ новой жизни, такъ теперь пôдъ милостивымъ владѣніемъ австрійскихъ Монархôвъ поднялся русскій народъ изъ свого оцѣпенѣнія и началъ поволи приходити до силъ, началъ ôтдыхати новою жизнію. Народность и Церковь русская приходили до своихъ правъ до належащойся имъ чести и значенья. Первою же благодѣтелькою нашою, которой завдячуемъ мы Русины наше освобожденіе, была богобоязненная и премудрая Монархиня

Марія Ѳересія.

(1772—1780 г.)

За ей владѣнія въ монархіи австрійской прилучены были до Авсріи при первомъ роздѣлѣ Польщи: Пôдгôрье Краковское, часть воеводства Сандомірского зъ правого берега Вислы, воеводство Белзкое, воеводство Русское, т. е. Червоная Русь или Р у с с к а я Г а л и ч и н а и часть Подôлья по рѣку Збручъ. Прилученье

Русской Галичины и Володиміріи (части Подôлья) до Австріи въ г. 1772 Цѣсарева Марія Θересія основывала на правѣ, якое до тыхъ русскихъ земель она имѣла, будучи разомъ королевою Угорщины. Якъ бо измѣтно изъ нашой Исторіи, угорскіи королѣ еще на долго передъ Поляками посѣдали черезъ якійсь часъ русскую Галичину, титуловались навѣть князями и дѣдичами Галичины и Володиміріи, а угорскій король Людвикъ уступилъ тіи свои русскіи области польскому королю Казиміру Великому (въ р. 1353) тôлько пôдъ условіемъ, щобы той сплатилъ ему за нихъ 100.000 золотыхъ, и если Казиміръ умре безъ потомкôвъ, то щобы Польща тіи русскіи области назадъ звернула угорской коронѣ. Коли-жь теперь при первомъ роздѣлѣ Польщи Цѣсарева Марія Θересія, яко вразъ же и королева Угорщины, именемъ угорскои короны упомнулась о зверненье собѣ Галичины и Володиміріи, то владѣющій тогды въ Варшавѣ польскій король Станиславъ-Августъ самъ ôтдалъ ей во вѣчное посѣданье тіи землѣ съ такимъ заявленіемъ: щобы уже на всегда заспокоити претенсіи австро-угорской державы до тыхъ же русскихъ земель, и самъ же ôнъ, той послѣдній король Польщи, въ своемъ договорѣ съ Австріею изъ 11. Сентября 1772 назвалъ то уступленье оныхъ земель Австріи „ревиндикаціею,“ т. пономымъ ôтзыска-

ньемъ для Австріи того, що ей по праву належалося. Тое слово „ревиндикація“

Марія Өересія.

войшло зъ того часу въ употребленіе въ розличныхъ грамотахъ и роспоряженьяхъ австрійскихъ Монархôвъ и австрійского

правительства, и оно ôтносилось именно до русской Галичины и Володимиріи, до которыхъ часть мазурской Польщи была при его роздѣлѣ властиво лишь для заокругленья земель къ Австріи прилучена, и тая же мазурская часть ажь доперва пôдъ Австріею дôстала новое, передъ тѣмъ небывалое названіе „западной Галичины."

Наши пôдкарпатскіи русскіи землѣ получили теперь названіе „королевства Галицкіи и Лодомеріи (Володиміріи)," а яко коренно-русскіи области пріобрѣли они теперь назадъ свôй русско-народный характеръ и призваны были до ôтновленія своей народной жизни, пригнобленой передъ тѣмъ розличными крутыми мѣрами польского владѣнія. — Въ р. 1776 прійшла до Австріи еще и Буковина.

Русь Галицкая, вышедшая що-ино изъ-пôдъ польской опѣки, находилась тогды въ такъ жалкомъ бѣдственномъ состояніи, що по истинѣ треба было для ней всякого содѣйствія изъ стороны такого умного и доброго правительства, якимъ было въ тую пору австрійское, щобы не допустити до окончательно матеріального и духовного обнищенья народа въ цѣломъ томъ краю.

Затѣмъ то сынъ Маріи Ѳересіи, цѣсаревичъ Іосифъ, предпринялъ въ той цѣли подорожь по Галичинѣ, щобы лично узнати о нуждахъ той новозанятой

области и прійти съ помощію и утѣшеніемъ еи жителямъ. Тое, що увидѣлъ цѣсаревичъ Іосифъ въ Галицкой Руси, превзойшло всякое понятіе: народъ изъ всего ограбленый, погруженный въ варварскомъ рабствѣ, лишеный даже человѣческого достоинства; дворянство и мѣщанство пôдъ напоромъ польской политики, переведенное въ латинство; клиръ въ нуждѣ и невѣжествѣ, безъ належащой поваги, — вообще всюда настоящая тьма, положеніе крайне печальное. Вотъ що засталъ Іосифъ въ Галиціи! — Пребываючи кôлька дней во Львовѣ, ôнъ выслалъ до матери своей описанье всего бѣдственного состоянія, высказуючи при тôмъ наглую потребу заведенія реформъ, особенно же улучшенія экономичныхъ дѣлъ, пôднесенья ремеслъ и купечества, высшого образованья духовенства. „Безъ духовенства — писалъ тогды цѣсаревичъ Іосифъ — ничого ту не можна здѣлати для просвѣщенія народа; но якъ долго епископы и монахи промышляютъ тôлько о своемъ хозяйствѣ, выгодахъ и пр., такъ долго не можна на нихъ полагати надѣи."

Тіи обстоятельства заставили великодушную Монархиню принятись въ сейчасъ за дѣло, щобы изцѣлити пекущіи раны русского народа, вынесеныи изъ прошедшихъ надъ нимъ тяжкихъ временъ. Но на самомъ вступѣ своихъ благотворительныхъ дѣйствій встрѣтила Ма-

рія Ѳересія препятствіе, которое нужно было чѣмъ скорѣйше силою закона перебороти. — Польская шляхта, привыкшая ôтъ давна ôтноситись къ Русинамъ съ религійно-политичнымъ фанатизмомъ, не укротила еще и теперь буйства свого, и коли приходило складати присягу новой Монархинѣ, шляхта тая ставляла свои требованія въ такой формѣ: „Теперь, коли пôддаемся владѣнію Найдостойнѣшой Монархинѣ, певны есьмо, що строеніе церквей шизматицкихъ вѣчнымъ закономъ запрещено буде. Упрашаемъ про тое, щобы апостаты, т. е. ôтступники ôтъ вѣры, смертію и конфискованьемъ ихъ цѣлого имѣнія караны были.“ Дальше, головнымъ желаніемъ шляхты было, щобы остали старыи панщизняныи часы такъ, якъ то было въ часахъ „золотой шляхетской вольности,“ тому и писали они въ своихъ требованіяхъ далѣй: „Мы набыли собѣ селянъ не малымъ пролитіемъ крови предкôвъ нашихъ, заставляючи ихъ собою противъ Туркôвъ, Татарôвъ, Козакôвъ (бачь, и противъ козакôвъ, пôдданыхъ Польщи!), и неразъ то мы неизмѣрными грошевыми накладами ихъ окуповали. Ратовалисьмо ихъ немалымъ коштомъ въ розличныхъ бѣдахъ и помагаючи имъ въ нуждѣ, про тое упрашаемъ съ цѣлымъ народомъ, щобы мы не были позбавлены права панованья надъ ними.“

На такіи требованія шляхты выдала Марія Θересія указъ, которымъ роспоряжено, щобы латинскіи епископы приводили свое духовенство до згоды и пріязни взглядомъ Русинôвъ, щобы не называно ихъ „уніятами,“ лишь греко-католиками, щобы такъ шляхтѣ якъ и духовенству того обряда во всемъ допомагано такъ, якъ и латинскому.

Коли же помимо того цѣсарского указа притѣсненія и гоненія греко-католического обряда и русской народности не прекращались, тогды Львовскій Епископъ Левъ Шептицкій просилъ Марію Θересію о помощь и покровительство, и зъ того часу издавано зъ Вѣдня цѣлый рядъ роспоряженій для охороны русского обряда и русской народности ôтъ нападеній полонизаторôвъ Галицкой Руси.

Що же до пананья шляхты надъ „хлопствомъ,“ постаралась милостивая Монархиня конечно улегчити чорную долю хлѣборобôвъ, которыи до теперь находились еще въ полной власти панôвъ такъ съ житьемъ своимъ, якъ и своимъ имѣніемъ. Про тое выдала она патентъ, который долженъ былъ статись мѣриломъ для роботъ и данинъ, подданого и для обовязанностей его взглядомъ дѣдича. Патентъ той освободилъ уже въ певной мѣрѣ бѣдный народъ ôтъ неограниченой зависимости ôтъ пана. До того же упôмнено тогды всѣ доминіи (пан-

скихъ мандаторôвъ), щобы тіи не допускалися такихъ притѣсненій и обидъ народа, якіи до теперь такъ часто случались, и запрещено вымагати ôтъ пôдданыхъ бôльше надъ тое, що на давныхъ инвентарахъ выразно есть основано.

Духовенство русское чаходились въ крайномъ убожествѣ: оно удержовалось изъ милостынь своихъ прихожанъ и изъ труда рукъ своихъ, а сверхъ того оно присуджено было давати для войска осыпъ м пôдводы. По той причинѣ выдала Цѣсарева Марія Θересія наказъ губернатору Гадику, щобы за осыпъ, доставленый войску, выплачено духовенству нагороду въ трехъ ратахъ, а самымъ бѣднѣйшимъ священникамъ щобы давати запомогу. — А не забыла и о томъ мудрая Монархиня, дабы духовно пôднести русское духовенство, которое послѣ имѣло статись первою пружиною и основою до пôднесенья цѣлого народа. Въ той то цѣли, коли заведено въ Вѣдни „сѣменище“ для греко-католическихъ духовныхъ воспитанникôвъ зъ Угорь и Семиграда, то роспорядила Марія Θересія, щобы такожъ изъ Галичины выслано до того сѣменища шестёхъ такихъ воспитанникôвъ изъ Перемышльской, а шестёхъ изъ Львовской епархіи. Въ томъ то сѣменищи Вѣденскомъ при церкви св. Варвары получили воспитаніе пôзднѣйшіи свѣтильники Галицкой Руси, якъ: Епи-

скопъ Скородынскій, Митрополиты: Антоній Ангеловичъ, Михаилъ Левицкій, Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій, Митрополитъ Григорій Яхимовичъ, крылошанинъ Гарасевичъ и много другихъ Русинôвъ, прославившихся науками и патріотизмомъ.

До важнѣйшихъ реформъ, якіи состоялись въ нашой Галичинѣ за Маріи Ѳересіи, належитъ причислити такожь „галиційскій становый соймъ,“ въ которомъ должны были засѣдати сословія: рыцарское и магнатское, а межи ними такожь епископы обохъ обрядôвъ. Такъ добилась въ-конецъ Русь наша того, за що долгіи вѣки безъуспѣшно пôдъ Польщею боролась — и наши русскіи Епископы допущены были до Сойма. Соймъ тотъ имѣлъ определяти, якимъ способомъ належитъ приводити въ дѣйствіе высочайшіи роспоряженья, и былъ уполномоченъ предкладати Императору прошенія въ дѣлахъ Галиціи за посредствомъ губернатора. Для изготовленья меньшихъ дѣлъ поставленъ былъ „становый комитетъ“ изъ шести членôвъ, который постоянно дѣйствовалъ.

Уже изъ тыхъ наведеныхъ тутъ розпоряженій и патентôвъ Маріи Ѳересіи познаемъ ей материнскую опѣку, якую она оказала галицко-русскому народу; познаемъ, що завдячити маемъ цѣсарской австрійской династіи, що мы цѣл-

комъ не загибли, а прекратились наши стоны, народность же наша и Церковь наша начали знову жити своимъ природнымъ русскимъ житьемъ.

Марія Өересія упокоилась въ р. 1780, а смерть ей оплакивали искренно такъ Русины, якъ и всѣ народы, заживавшіи пôдъ короткимъ и ласкавымъ ей владѣніемъ свободы и теплой опѣки. — По смерти Маріи Өересіи вступилъ на австрійскій престолъ незабвенной памяти Императоръ

Іосифъ II.

1780—1790 г.

Якъ дорогою есть для дитяти память любезнѣйшого отца, такъ безъ сомнѣнія дорогою была, есть и на всегда дорогою остане для каждого Русина память того великого и человѣколюбивого Императора Іосифа II., ибо ôнъ былъ для насъ наилучшимъ отцемъ и милостивѣйшимъ благодѣтелемъ, который поставилъ собѣ единственную задачу своего житья: надати своимъ подданымъ общечеловѣческіи и гражданскіи права, и тѣмъ привести ихъ до свободы и благосостоянія. Коли же въ томъ часѣ другіи народы добывались внутреннихъ реформъ посредствомъ возстаній, революцій и страшенныхъ войнъ (якъ то бывало въ Польщи, во Франціи и пр.), то Цѣсарь Іосифъ,

самъ веденъ свѣтлымъ своимъ умомъ и человѣколюбивыми чувствами сердця своего, принялся въ мирный способъ

Цѣсарь Іосифъ II.

зреформовати, до нового, лучшого житья привести свою державу. Тому то часъ той, якъ ни короткій (тôлько 10-лѣтній),

часъ его владѣнія представляется въ исторіи яко цѣла свѣтлая епоха.

Для нашой же Галицкой Руси есть владѣніе Цѣсаря Іосифа въ особенности золотою добою. Наша земля, недавно присоединена до Австріи, потребовала якъ найбôльше отеческого попеченія и найшла тое въ самомъ дѣлѣ въ особѣ Цѣсаря Іосифа II, Монарха свого. Соболѣзнуючи надъ крайно бѣдственнымъ состояніемъ русской землѣ, русского народа и церкви русской, обратилъ Цѣсарь Іосифъ II. прежде всего свôй взоръ на русское духовенство, и щобы пôднести повагу и достоинство тогожь, основалъ для кандидатôвъ русского духовного стану генеральное сѣменище во Львовѣ. На тое сѣменище подарилъ ôнъ обширное зданіе, а на семинарскую церковь скасованый кляшторъ Доминиканокъ, вызначилъ великіи сумы на приличное устроенье такъ сѣменища того, якъ и его церкви, назначилъ ученыхъ настоятелей и здѣлалъ все, що оказалось нужнымъ для доброго воспытанія русского духовенства. При той случайности подалъ Цѣсарь Іосифъ такожь доказательство, якъ ôнъ и нашъ обрядъ глубоко почиталъ. Коли бо давнѣйшій костелъ перестроювано на семинарскую церковь, повелѣлъ ôнъ, щобы тая церковь была устроена и пріукрашена цѣлкомъ по уставу и предписанію восточного обряда.

Постарался Іосифъ и о тое, щобы русское духовенство образовалось въ своемъ рôдномъ языцѣ, и для того повелѣлъ учителямъ въ семинаріи плекати русскій языкъ и учити по русски, а воспитанникамъ сочиняти на русскомъ языцѣ проповѣди и катихитичныи науки, и тіиже каждого року предкладати правительству. Вскорѣ же завелъ Іосифъ II. на всеучилищи Львовскомъ ôтдѣленіе богословское, где всѣ богословскіи предметы на русскомъ языцѣ преподавались. — Къ сожалѣнію, не умѣли тогдашніи Русины корыстати изъ того благодѣянія; найшлись даже такіи, которыи, привыкши до польской едукаціи, просили о выключенье русского языка изъ богословскихъ заведеній и высмѣвали молодыхъ священникôвъ, образовавшихся въ русскомъ языцѣ, Такъ и незадолго, т. е. въ р. 1810 удалось неусыпнымъ заходамъ Полякôвъ и споляченыхъ Русинôвъ устранити изъ всеучилища русскіи преподаванія.

Убезпечивши дѣло просвѣщенія русского духовенства, промышлялъ Цѣсарь Іосифъ II. о тôмъ, щобы и матеріяльное состояніе того духовенства пôднести, и въ той цѣли опредѣлилъ ôнъ точную платню для приходникôвъ по 300 зл., для сотрудникôвъ и для знемощѣлыхъ священникôвъ по 150 зл. рôчно изъ религійного фонда. Суммы то были якъ на

тамтѣ времена значительны и убезпечали всецѣло духовенство, которое, освободженое ôтъ нужды, могло уже легше и успѣшнѣйше дѣйствовати на духовное благо повѣренного собѣ народа.

Еще за Маріи Өересіи поднята была мысль устроенья духовныхъ консисторій при русскихъ епископствахъ во Львовѣ и Перемышли; но ажь Цѣсарь Іосифъ II. довершилъ тое дѣло, назначивши трехъ совѣтникôвъ (крилошанъ) и одного канцлера, и заосмотрѣвши консисторіи курсорами служителями. Одновременно освободилъ ôнъ русскихъ Епископôвъ и весь клиръ ôтъ зависимости тогдашнихъ ополяченыхъ и златинщеныхъ Василіянъ. Треба бо знати, що на Синодѣ Замойскомъ, бывшомъ въ р. 1720 за часôвъ Польщи, а созванномъ для уладженья нѣкоторыхъ духовныхъ справъ русской Церкви и для переведенья гдеякихъ змѣнъ въ русскомъ обрядѣ, имѣли Василіяне, тогды яко приклонники Польщи, найбôльше вліяніе и они то застерегли собѣ майже всѣ достоинства епархіяльныи, а мірскихъ священникôвъ понижили. Коли же тіи Василіяне навѣть за настаньемъ австрійского владѣнья стали домагатися, щобы лишь они самы могли вступати на епископскіи престолы, тогды зачался спôръ межи ними а Львовскимъ Епископомъ Львомъ Шептицкимъ, который то споръ закôнчилъ Цѣсарь Іо-

сифъ II. рѣшеньемъ, опредѣляющимъ: що оставляется его цѣсарскому благомнѣнію именовати на достоинство Епископа изъ духовенства чи то мірского, чи монашеского. Сверхъ того рѣшенія пôдчинилъ еще Цѣсарь Іосифъ II. Василіянъ пôдъ власть русскихъ епископôвъ.

Самымъ важнѣйшимъ дѣломъ Іосифа II. было знесенье численныхъ кляшторôвъ, которыхъ при вступленью его на престолъ было въ державѣ 2067. Кляшторы тіи представляли великанскіи маетки, а приносили мало корысти для общого блага. Тому позносилъ Цѣсарь Іосифъ II. найбôльшую часть ихъ, а оставилъ тôлько до 700 и то пôдъ условіями, що монахи ихъ будутъ заниматись школами или другими полезными дѣлами. Въ зданіяхъ уничтоженыхъ кляшторôвъ помѣщены были магазины, шпиталѣ, школы, касарнѣ, а имѣнія ихъ были проданы и изъ полученыхъ грошей сотворено фондъ религійный и научный въ корысть всего духовенства.

Щожъ говорити еще о тыхъ благодѣяніяхъ, якіи высвѣдчилъ той неизчерпаемый въ добротѣ Императоръ Іосифъ II. для тебе, вынищеный, гôрькою долею притисненый народе нашъ русскій! Хиба изъ глубины души благодарити лишь Всемогущого Господа, що сослалъ на насъ такую добротливую руку, которая съ истиннымъ сочувствіемъ пôдняла насъ

Русинôвъ изъ пропасти всякихъ нуждъ, розогнала накопившуюся надъ нашою головою пучину чорныхъ хмаръ и вывела на свѣтло свободы и золотой надѣи! Ты добрый, но нищій народе, ты былъ уже человѣкомъ, а былъ еще таки настоящимъ „быдломъ“ въ рукахъ твоихъ опѣкунôвъ; ты былъ рабомъ, стогнаючимъ пôдъ тяѓаромъ чорной неволѣ; ты не имѣлъ права не такъ уже до хаты твоей, до нивы твоей, но даже до твоей родины, до твого власного житя ты не имѣлъ права! И ото смотри! такому твоему сумному и несчастному состоянію положилъ конецъ Цѣсарь Іосифъ II.! Ôнъ бо въ сей-часъ по вступленью на цѣсарскій престолъ, видячи кривды и страданія русского народа, издалъ патентъ, который имѣлъ цѣлею охоронити селянскій народъ ôтъ кривдъ и притѣсненій. По тому патенту, если которому селянину сталась кривда или обида, то ôнъ мôгъ жаловатись до доминіи, а если тая до 30 дней не вымѣрила справедливости, тогды было ему свободно внести жалобу до окружного уряду, зъ-ôтси же и до губерніи, а наконецъ еще и до найвысшой инстанціи, до надворной власти. Того самого еще року обмежилъ другій патентъ „панщину“ и опредѣлилъ, щобы вмѣсто неозначенного числа дней панщизняной роботы (якихъ до теперь было 5 или даже 6 въ тыждни), ôтъ теперь

найвысшою мѣрою было 3 дни въ тыждень ôтъ цѣлого грунту.

Вскорѣ послѣдовало найважнѣйшое дѣло, которое стерло изъ чела русского народа соромное знамя рабства, пôдъ якимъ стогналъ ôнъ долгіи вѣки — послѣдовало знесенье крепацтва (подданчества.) Патентомъ зъ дня 5-го Апрѣля 1782, касующимъ поганое крепацтво, признано селянскому сословію межи инными слѣдующіи льготы, якихъ за Польщи николи не было: ото бо 1) свободно было теперь селянину безъ прошенія о соизволеніе дѣдича, лишь за увѣдомленьемъ цѣсарского уряду, женитись; 2) изъ свого села на другое мѣстце переселятись; 3) ведля уподобанья перемѣняти станъ свôй на высшій, и выбирати собѣ якое ремесло или инное занятіе, не дозволяючись о тое у дѣдича; 4) вступати въ двôрскую службу; 5) кромѣ роботъ и данинъ, правомъ приписаныхъ, ніякихъ другихъ на себе не пріймати. — Незадолго послѣ того въ р. 1786 выйшолъ еще инный патентъ, который зносилъ многіи утяжливыи данины, якіи селянинъ принужденъ былъ дѣдичеви складати, — и такъ: знесено мостовое, комôрное, сольное, священное, гайдучное, столовое, грошевое, торговое и многіи еще другіи дачки и роботизны, которыи даремщиною назывались. Дальше патентъ зъ р. 1787 соизволялъ селянамъ закуповати землѣ, грунта

и роспоряжати ними по своей волѣ, такъ, що дѣдичъ не малъ уже ніякого права мѣшатись въ тое дѣло селянского народа. Сверхъ того вызначилъ еще Цѣсарь Іосифъ II. помѣры грунтôвъ, которыи должны были ôтграничити посѣлости дѣдича ôтъ посѣлостей селянскихъ и забезпечити селянамъ ихъ маетокъ. Той законъ о помѣрѣ ихъ грунтôвъ называли наши люди въ славу того добродѣтельного Цѣсаря преимущественно „Іосифинскимъ патентомъ,“ бо ôнъ и былъ для нихъ найбôльшимъ, того Монарха добродѣйствомъ.

Такими патентами и законами положилъ Іосифъ II. конецъ самоволѣ шляхты и збыткованьюся ей надъ бѣднымъ народомъ. Такъ прислужился ôнъ народу русскому, страдающому неизмѣрно ôтъ своихъ дѣдичей и ихъ посѣпакôвъ, и здѣлалъ его свободнымъ народомъ-гражданиномъ, та отворилъ ему дорогу до лучшой будучности.

А якъ той добрый Цѣсарь Іосифъ любилъ селянскій земледѣльческій народъ, изъ трудôвъ которого найбôльше удержуесь держава, то доказовалъ ôнъ на своихъ частыхъ поѣздкахъ по краяхъ своеи державы, где при каждôмъ случаю заходилъ особисто подъ стрѣхи селянскихъ хатъ, радо розговоривалъ съ селянами, неразъ кумовалъ при крещеніи ихъ дѣтей, и загаломъ обходился съ селяни-

номъ якъ съ братомъ рôдный братъ. Разъ по такой то проѣздцѣ по Моравскомъ краю ôнъ, переѣздячи по-при поля пôдъ селомъ Позорицями, узрѣлъ орющого свое поле селянина, та щобы въ працѣ ему помогчи, излѣзъ зъ повозу, приступилъ до плуга и самъ же занялся ораньемъ, якъ бы простый земледѣлецъ. Въ память тои цѣсарскои орки поставлено потомъ на поли сего селянина, именемъ Тернка, велелѣпный памятникъ, якій тамъ же и до днесь стоитъ, а плугъ, которымъ той славный Цѣсарь оралъ, сохраняется и донынѣ въ соймовой палатѣ въ мѣстѣ Бернѣ.

Щобы вычислити всѣ благодѣянія, якихъ дознала наша Галицкая Русь ôтъ того милостивого Монарха, на тое не стало бы намъ мѣстця въ тыхъ узкихъ предѣлахъ книжочки; но уже изъ наведеной тутъ оповѣсти о немъ можемъ непремѣнно узнати о высокоблагородной души, о свѣтломъ а снисходительномъ умѣ его, о его милосердію и добротѣ, якіи оказалъ ôнъ такъ щедро Русинамъ. „Монархъ для державы, а не держава для Монарха,“ говорилъ ôнъ часто самъ, и согласно съ мыслію того изреченія поступалъ ôнъ такъ даже цѣлую жизнь свою. Искренняя любовь къ своимъ подчиненнымъ и безвглядная справедливость для всѣхъ — то два свѣтильники, которыи сопровожали его всѣ дѣйствія. Яко прав-

дивый и печаливый отецъ старался ôнъ всегда лично узнати правдивое состоянiе своихъ народôвъ и взглядалъ всюда, чи

Цѣсарь Iосифъ II. оре поле селянина.

не дѣлается слабшимъ кривда ôтъ сильнѣйшихъ, чи урядники исполняютъ точно свою задачу, чи роспоряджєнья его точно исполняются. Если же встрѣтилъ

ôнъ якую провину, то вымѣрялъ кару безъ взгляду на личность, достоинство или сословіе провинившого. Въ одномъ письмѣ своемъ выразился ôнъ: „Держава пôдъ моимъ владѣніемъ должна по моей найлучшой мысли управлятись. Суевѣріе, фанатизмъ, кривда и рабство должны быти устранены, а кождый пôдданый долженъ наслаждатися природною свободою.“ Вотъ такіи засады зъеднали ему названіе „доброго, мудрого и благородного правителя!“ Коротко ôнъ владѣлъ народами, бо всего лишь 10 лѣтъ; однакъ и той короткій часъ былъ достаточнымъ для него, щобы на вѣки вселити образъ свôй въ сердца народôвъ всѣхъ будущихъ лѣтъ, увѣковѣчнити имя свое и оставити незабвенную память по собѣ ôтъ рода въ родъ.

Леопольдъ II.

(1790—1792 г.)

Наслѣдникомъ Іосифа II. былъ его братъ Леопольдъ II. Весьма короткое, бо тôлько дволѣтное владѣніе его было для Галицкой Руси такожъ справедливымъ и приклоннымъ. Случилось бо въ началѣ его владѣнія, що духовенство латинское, полагаючи на ласкавое расположенье Цѣсаря Леопольда для Полякôвъ и для ихъ движеній, якіи проявлялись въ маленькой, не цѣлкомъ еще тогды розôбраной

Польщи, стало въ Галичинѣ знову перетягати Русинôвъ на латинскій обрядъ, маловажити русскую вѣру и пренятство-

Леопольдъ II.

вати Русинамъ при публичныхъ церковныхъ обрядахъ. Зъ той причины поѣхали до Вѣдня жаловатись два русскіи депутаты, Епископъ Львовскій Николай

Скородынскій и офиціялъ Перемышльской капитулы Юліянъ Шпонрингъ. Вслѣдствіе той депутаціи издалъ Цѣсарь Леопольдъ II. грамоту, обезпечающую права греческо-кат. обряда и признающую мірскимъ и духовнымъ лицамъ обряда нашого право пользоватись всякими достоинствами въ австрійской державѣ. Грамота тая, выданная до русскихъ Владыкъ въ Галичинѣ, гласитъ, якъ слѣдуе:

„Уважаючи, що обрядъ греко-католическій зъ часу ôтзысканья королевства Галиціи и Володиміріи заявилъ намъ и Дому нашому должную прихильность при каждой случайности, рѣшили мы съ розмысломъ и въ полнотѣ власти нашой прихилитись до смиренного прошенія Вашого (Владыкъ русскихъ), и отвѣтно до декретôвъ и привилеевъ, такъ черезъ послѣдного, якъ и давнѣйшихъ попередникôвъ нашихъ наданыхъ и зрôвнанье обрядôвъ во всемъ затверджающихъ, такожь зрôвнанье тое обохъ католическихъ обрядôвъ въ Галиціи и Володиміріи, яко справедливое и для блага религіи и державы рôвно полезное, властію нашою королевскою затверджаемъ и строго приказуемъ: Во первыхъ: Дабы одинъ католическій другимъ рôвно католическимъ обрядомъ не погорджалъ, ему не препятствовалъ и ніякого превосходства собѣ не присвоювалъ. Во вторыхъ: Щобы клиръ и станъ мірскій, въ обрядѣ греческо-католическомъ

остающій, имѣлъ свободу пользоватись рôвными правами до промоціи, рôвными привилеями и достоинствами. Въ третьихъ: Щобы одинъ обрядъ не важился ніякимъ способомъ препятствовати другому въ исполненіи своихъ должностей, а при обходженью обыкновенныхъ богослуженій, щобы не смѣлъ допускати другихъ до утрудненья и перешкодженья; понеже еслибы кто изъ нашихъ подданыхъ що-будь противное посмѣлъ здѣлати, то нехай знае, що стягне на себе нашу немилость..."

Тая грамота есть свидѣтельствомъ ласки Императора сего для Русинôвъ, но зъ другой стороны есть она и сумнымъ доказательствомъ, що такъ народность, якъ и Церковь русская еще и пôдъ австрійскимъ отцевскимъ правленіемъ не была совершенно свободною ôтъ губительной польской политики вынародовленья, и доперва могущая оборона закона уймила по части жаркое усердіе нашихъ полонизаторôвъ.

Уже то за сего же Императора Леопольда повстала была мысль возстановленія Галицкой митрополіи, и до той справы была уже и назначена окремая комисія; но наглая смерть Императора и французкая вôйна, що въ тыхъ лѣтахъ выбухла, препятствовали на-разѣ скорому осуществленію того для Руси нашой спасительного замысла. По смерти Импера-

тора Леопольда вступилъ на австрійскій престолъ сынъ его

Францъ I.

(1792—1835 г.)

Великодушный и добросердечный той Монархъ царствовалъ черезъ 43 роки, а царствовалъ подôбно своимъ попередникамъ съ отцевскою печаливостію, справедливостію и любовію, рôвно для всѣхъ пôдчиненыхъ ему народôвъ.

За Цѣсаря Франца I. розъярилась была въ Европѣ страшенная французская вôйна, въ которой прійшло и Австріи взяти немалое участіе. Русины, памятаючи о великихъ благодѣяніяхъ якихъ дôзнали ôтъ австрійского престола, мали теперь спосôбнôсть въ той прикрой порѣ заявити ему дѣломъ благодарность, и коли одни съ духовенствомъ своимъ по церквамъ заносили моленія за благоуспѣваніе австрійского оружія, другіи ступали въ ряды военной арміи, мчались съ оружіемъ на врагôвъ и хоробро боронили справу свого Монарха. Тая преданность и благодарность русскихъ сердецъ не утаилась передъ очима Достойного Монарха Франца I., но найшла у него полную признательность и ласку, ба и прислужились найбôльше до нового Русинамъ оказаного благодѣянія, якимъ было возстановленіе галицко-русской

митрополіи во Львовѣ. На представленье Епископа Ангеловича и русского клира, що Церковь русская въ Галичинѣ

Францъ I

поноситъ где-якіи невыгоды зъ причины своей зависимости ôтъ митрополіи Кіевской, бывшой тогды пôдъ владѣніемъ другого Монарха, рѣшился Императоръ

Францъ возстановити Галицкую митрополію. Дѣлу тому начала ставити перепоны польская духовная іерархія, которой розходилось о тое, щобы не допустити до возвеличенія Церкви русской въ Галичинѣ. Въ той цѣли польскіи епископы вносили до правительства розличныи представленія въ томъ смыслѣ, „що оно для церкви и для державы лучше буде не установляти Русинамъ Митрополіи, но пôдчинити рускіи епископства латинскому Архіепископу, черезъ що утвердится унія и духовенство обохъ обрядôвъ тѣснымъ союзомъ згоды и любви получится.“ Но на счастье, правительство не дало себе тутъ обманути, бо исторія минувшости ажь надто свѣдчила, якою то любовію обдаровывало латинское духовенство русскій народъ и св. Церковь его. Правительство было пересвѣдчене, що зъ такого пôдчиненія русскихъ епископствъ латинскому Арцибискупу выйшли бы тôлько суперечки, смуты, безъустанныи жалобы и новое пригнетеніе русского обряда и Церкви. Затѣмъ то узнало правительство рѣчею справедливою, що для избѣжанія всѣхъ возможныхъ клопотôвъ, належитъ именовати для Галицкой Руси окремого Митрополита изъ русского духовенства и поручити его римскому Папѣ до затвердженья. И теперь еще не умолкли „опѣкуны“ Церкви русской; однакожъ зважаючи, що у правительства

они не здѣлаютъ ничого, звернулись до апостольского престола въ Римѣ и начали тамъ же дѣйствовати противъ русской митрополіи, та и довели до того, що самъ Папа, который передъ тѣмъ самъ настагалъ на возобновленье митрополіи Галицкой, здѣлалъ теперь австрійскому правительству предложенье, щобы закинути тую мысль, а русскіи епископства пôдчинити безпосредственно Римскому престолу. Однакъ не помогло и тое: всякіи подпольныи роботы и заходы противъ галицко-русской митрополіи были правительствомъ отвержены; въ р. 1808 затвердилъ Императоръ Францъ I. тую митрополію и именовалъ первымъ Митрополитомъ Львовского Епископа Антонія Ангеловича.

Въ часахъ тыхъ переспра въ о русскую митрополію поставленъ былъ одинъ латинскій священникъ референтомъ при Галицкой губерніи для обохъ обрядôвъ. Той референтъ, яко ôтпоручникъ свого духовенства, старался всѣми силами дѣйствовати во вредъ Церкви русской. Ôнъ то писалъ на нашихъ Владыкъ змысленныи доносы и тѣмъ надѣялся подкопати довѣріе, якое правительство мало до русского клира; ôнъ то и ставилъ урядовыи предложенія, полныи ненависти и презрѣнія для нашого обряда, дѣлалъ найбôльшіи перепоны возстановленію русской митрополіи, силовался завести назадъ

законъ, щобы на архіерейскіи престолы поставлялись исключно ополяченыи монахи Василіяне, въ-конецъ же хотѣлъ еще въ своей недоброжелательности выключити русскій клиръ, ôтъ участія въ религiйномъ фондѣ, т. е. радъ былъ скасовати для русского клира побиранье рôчнои платнѣ изъ того фонда, который тутъ въ русской Галичинѣ составился изъ русскихъ же маеткôвъ. Но всѣ тіи враждебныи усилія, которыи постоянно повторялись изъ стороны лат. іерархіи, розбились о ласку Императора Франца I., который не давшись всколебати въ своемъ пересвѣдченью о вѣрности и преданности русского народа, со взгордою отвергъ нечестивыи противъ него пôдстрекательства.

Не смотря однакъ на тое, приходилось Русинамъ еще не одно горе испытати ôтъ навязавшихся имъ колись-то, а не хотящихъ и теперь ôтступити ôтъ нихъ религiйныхъ опѣкунôвъ. Сталось отже такъ наконецъ, що австрiйское правительство, которое за всѣмъ въ Галичинѣ слѣдило зоркимъ окомъ, назначило потомъ при Львовской губерніи особного референта для русскихъ справъ духовныхъ, передавши таковый рефератъ русскому крылошанину Офиціалу Шпонрингу.

Межи тѣмъ вôйна французская продолжалась: имя Наполеона I. и вѣсть о

его побѣдахъ затревожила цѣлую Европу, а въ тую то пору Поляки, уповаючи на помочь Наполеона, пôднесли голову, начали мятежи, волочилились и по нашой Галичинѣ и мстилися лютымъ способомъ на тыхъ Русинахъ, которыи, вѣрны присязѣ, зложеной австрійскому цѣсарскому Дому, не хотѣли до нихъ приставати.

Было то въ р. 1809. Въ восточной Галичинѣ вспыхнула польская рухавка; начались творити польскіи гвардіи; гарнизонъ австрійского войска оставилъ Львôвъ, неизвѣстно по якой причинѣ, а Поляки принялись звергати австрійскіи орлы зъ цѣсарскихъ будынкôвъ, задумуючи тутъ во Львовѣ установити центральное военное управленіе зъ польской шляхты. Польскіи жителѣ Львова подняли великій шумъ, производили бурливыи сцены и издѣвались надъ Русинами, которыи держалися здалека ôтъ рухавки. Польскій революційный комитетъ выдалъ приказъ русскому Митрополиту Ангеловичу, щобы той препоручилъ своему священству не вспоминати при литургіи имени Цѣсаря Франца I., но Наполеона. Коли же Митрополитъ А н г е л о в и ч ъ не хотѣлъ ôтступити ôтъ вѣрности Австріи кинулась толпа зачинщикôвъ на зданія митрополичой палаты, ворвалась насиліемъ въ середину и съ крикомъ „Митрополитъ здрайця — повѣсити его!“ перевертали и розбивали все, що имъ по-

пало пôдъ руки. Самъ Митрополитъ находился въ опасности житья, но на счастье, ôнъ за-вчасу оставилъ Львôвъ, а уѣхалъ на село съ Михаиломъ Гарасевичемъ, крылошаниномъ - офиціяломъ Львовской капитулы, щобы спасатись передъ розъюшеною чернею. Много то бѣдъ и смутку перенесли тіи два твердыи патріоты и заслуженыи люде русскіи, старенкій митрополитъ Ангеловичъ и офиціялъ Гарасевичъ. Ôтъ села до села принужденны они были скитатись, щобы уйти передъ руками ново-повставшого польского правительства, а коли оказалось, що нигде мѣстце для нихъ не есть безпечнымъ, не оставало имъ другого выхода, якъ переправлятись прикрыми стежками черезъ Карпатскіи горы на Угры.

Преступное лже-правительство, узнавши о бѣгствѣ Митрополита, напосѣлось конечно схватити его яко „здрайцю" и вызначило 5000 зл. нагороды тому, кто бы его до Львова приставилъ. О скверную тую нагороду задумали убѣгатись, къ сожалѣнію, нѣкоторыи русскіи селяне изъ села Сенечолъ (въ Долинскомъ повѣтѣ). Коли-жъ Митрополитъ съ своимъ товаришемъ пнялись по стромкимъ бескидскимъ хребетамъ у того села на угорской границѣ подстерêгъ ихъ пьяниця Сенечольскій вôйтъ Костеля и съ другимъ пьянницею Маланчукомъ, они пôд-

мовили еще кôлькохъ рôвныхъ собѣ и пустилися на лукавое предательское дѣло. Они задержали достойныхъ страдальцêвъ, ôтставили ихъ пôдъ сильною стра-

Митрополитъ Антоній Ангеловичъ.

жею до Стрыя и ôтдали въ руки польского окружного управленія. Та и кто знае, що сталось бы съ плѣнниками, если бы того самого дня не змѣнились

совершенно несчастныи обстоятельства. Точно бо въ той самъ часъ, коли тягнено протоколы съ Митрополита и Гарасевича, надоспѣла громовая для Поляковъ вѣсть, що ихъ правленіе въ Галиціи кончилось, бо австрійскіи войска заняли знову Львôвъ. Вслѣдствіе того наши іерархи, ôтпущены на свободу, вернулись въ-сей часъ до Львова.

Такіи то гоненія и униженія терпѣли Русины еще и тогды за свою твердую вѣрность для Австріи, и счастье тôлько, що не долго тое тревало, такъ якъ австрійское правительство, прогнавши мятежникôвъ, водворило опять миръ въ Галиціи, завело назадъ примѣрный порядокъ, наказало мятежникôвъ и предателей, а невинно гонимыхъ, вѣрныхъ своихъ пôдданыхъ Русинôвъ нагородило съ честію. Митрополитъ Ангеловичъ помимо того, що Поляки неусыпно чернили его то въ Вѣдни то въ Римѣ, но въ узнанье своей вѣрности получилъ ôтъ Императора великій крестъ ордена Леопольда, а свѣтлый товаришъ его недолѣ Михаилъ Гарасевичъ одержалъ крестъ командорскій и титулъ „Барона.“ И весь народъ и Церковь русская дознавали въ дальшіи мирныи часы владѣнія Франца I. теплой его опѣки. Зъ помежи многихъ благодѣяній того Цѣсаря, оказанныхъ Русинамъ, належитъ пôднести тое, що ôнъ потвердилъ въ Перемышли инсти-

тутъ дякôвъ и учителей, который, вспомаганый пôзднѣйше Епископомъ Снѣгурскимъ, принесъ много пользы для возвеличеніа нашого обряда и для пôднесенья просвѣщенья межи русскимъ народомъ. Ласкавая рука Монарха не оминула и простого селянского народа; також бо и тому старался Францъ I. облегчити его долю, запретилъ якъ найстрожайше зле обходитися съ нимъ и выдалъ роспоряженье, щобы панщина ôтбывалась тôлько въ первыи три дни недѣли, а въ прочіи дни щобы селянинъ мôгъ идти по своей волѣ на роботу, однакъ лишь за окремую платню.

Еще-жь тутъ слѣдуе примѣти, що за ласкою Цѣсаря Франца I. поставленъ былъ на Руси ясный свѣтильникъ, що розліялъ струи первого свѣтла на Русь Галицкую и положилъ якъ бы основаніе до нашого народно-церковного возрожденія. Свѣтильникомъ тымъ былъ Владыка русскій Іоаннъ Снѣгурскій.

Цѣсарь Францъ I., знаючи здôбности, ревности и праведности нашого Снѣгурского еще изъ Вѣдня, где тойже былъ на наукахъ богословскихъ, поставилъ его въ р. 1818 Епископомъ въ Перемышли. На той должности состоялъ Іоаннъ Снѣгурскій до своей смерти, т. е. до р. 1847, а стоялъ тутъ яко первый народный борецъ правды и правъ русской Церкви и русского народа, и заслужилъ собѣ лю-

бовь и довѣріе у своихъ и у чужихъ, а честь и славу у современныхъ и будущихъ поколѣній. Онъ то, сей славный русскій мужъ, ставши Епископомъ въ Перемышли въ такомъ часѣ, коли высшіи сословія въ нашомъ краю были до того, степени ополячены, що пренебрегали русскою бесѣдою, называючи ю „хлопскою;“ коли уже навѣть русскіи священники уживали у себе дома и на проповѣдяхъ въ церкви языкъ польскій: сей Епископъ нашъ Снѣгурскій, майже одинъ и первый зъ Руси-

Іоанъ Снѣгурскій.

нôвъ, не тôлько завелъ оную „хлопскую“ бесѣду въ своемъ владычомъ дворѣ, но и говорилъ такъ съ Русинами, якъ и съ чужими не иначе, тôлько по русски. Онъ то, яко мужъ высоко образованный и найчестнѣйшого характера, ставши Владыкою, былъ рôднымъ отцемъ своеи паствы, добродѣйнымъ опѣкуномъ русскихъ сирôтъ, щедрымъ покровителемъ всѣхъ убогихъ безъ розличія народности и вѣроисповѣданія. Для блага свого народа ôнъ изъ власныхъ средствъ основалъ въ Перемышли печатню, институтъ для воспитанья дяковъ, выдавалъ за житія и завѣщалъ передъ смертію значительныи сумы на благодѣтельныи фундаціи, якіи и до нынѣ пôдъ его именемъ въ Перемышли для Русинôвъ существуютъ. Словомъ, былъ то Владыка справдѣ по сердцю русского народа, и Русь наша на всегда съ благодарностію вспоминае его и доброго Цѣсаря Франца I., который такъ дѣльного русского мужа въ Епископы Русинамъ поставилъ.

Изъ всего выше сказаного можемъ безперечно заключити, що цѣлое 43-лѣтное владѣніе Цѣсаря Франца I. было для нашой русской отчины счастливымъ, мы бо, пробудженны разъ изъ томительного сна, пôдъ могущою охороною ласки и справедливости того Монарха, постепенно двигались впередъ до нового народного житья.

Свидѣтельствомъ той любви и преданности, якую пріобрѣлъ собѣ Цѣсарь Францъ I. у русского народа, осталъ на милую память прекрасный стихъ составленый нашимъ знакомитымъ пѣвцемъ Маркіаномъ Шашкевичемъ по случаю 40-лѣтного владѣнія того же Монарха. Хорошій и въ русско-народномъ духу написаный стихъ той есть первымъ поэтичнымъ трудомъ того нашого народного пѣвца, есть и первымъ литературнымъ плодомъ зъ часо̂въ духового возрожденія нашого, который, можна сказати, розбудилъ русскую словесность о̂тъ глубокого сна до новои жизни. Мы же и заключаемъ тутъ нашу згадку о добромъ Цѣсарѣ Францу I. наведеніемъ того достопамятного стиха, который звучитъ такъ:

Що то за краса всѣмъ цвѣтомъ зацвила?
Чи солнце ясне зъ-по̂дъ небесъ ступило?
Чи небо звѣзды на землю спустило?
Чи зоря ранкомъ землевъ ся розплыла?
  Не солнце, не звѣзды, не ясна зоря то,
  Народы велике днесь святкуютъ свято!

Куда міръ веселый такъ приквапно скоритъ?
Въ одеждахъ святочныхъ всякій ся являе?
Чи труба ангела свѣтъ на судъ скликае?
Чи Боянъ вѣщій князямъ пѣсни творитъ?
  Не пѣсни Бояна, не труба ангела,
  Усердна подяка въ храмъ народы звела

Що то за голосъ свѣтомъ-сь розлягае?
Чи ангеловъ пѣнье плыне воздухами?

Чи чудными море грае голосами?
Чи соловѣй-птиця весну розвивае?
Не ангелы, не птиця пѣснь чудную творять,
Народы усердну молитву говорять.

Мудросте вѣчна, доброто прекрасна!
Що зъ вѣка водишь свѣты воздухами,
Що ублажаешь народы Царями,
Съ котрыми весь родъ, вся сторона счасна:
Милости безконечна! Ты жерело свѣта!
Ще Царемъ Францомъ въ многи тѣшь насъ лѣта!

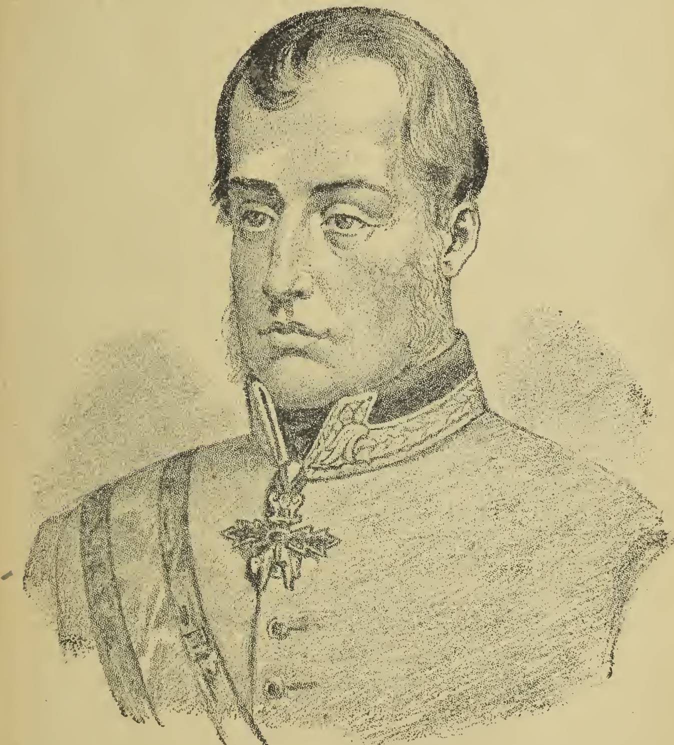
По смерти Императора Франца I. сталъ царствовати надъ Австріею старшій сынъ его.

Фердинандъ Благій.

(1835—1848).

Не далеки то еще времена, якъ царствовалъ сей добротливый, великодушный Монархъ Фердинандъ Благій, и днесь живутъ еще межи нами свидѣтелѣ его житья и дѣлъ, и тіи розсказуютъ намъ самы о его любви къ человѣчеству, о милосердіи и щедрости его для нищихъ, о его печаливости для блага церкви и просвѣщенія народôвъ. Не стало бы мѣстця розсказати тутъ, скôлько то создалось церквей за его стараньемъ, скôлько ихъ пріукрасилось дорогими церковными утварями зъ его ласки, скôлько основалось школъ его заботами, скôлько то слезъ нищихъ вдовъ и сиротъ отерла добротливая и щедрая рука. Изъ всѣхъ же свѣтлыхъ дней царствованья Фердинанда

то наславнѣйшій безъ сомнѣнія день 3-го Мая 1848 г., въ которомъ то дни ôнъ довершилъ мѣру своихъ благодѣяній и сплелъ собѣ неувядаемый вѣнецъ сла-



Фердинандъ Благій.

вы; той бо день — се день, въ которомъ ôнъ зломилъ отвѣчныи оковы народôвъ, розбилъ пута той долголѣтной неволѣ, въ якой земледѣльческій народъ мовь

скотина въ ярмѣ тяжко стогналъ и нишкомъ лишь при чорной роботѣ рясными слезами заливался. То день, въ которомъ ôнъ, Найяснѣйшій Императоръ, памятною грамотою своею скасовалъ панщину. — Въ м. Мартѣ 1848 г. надалъ Царь Фердинандъ всѣмъ народамъ Австріи конституцію, установилъ, що всѣ подданыи его маютъ выбирати зъ-помежи себе свободными голосами пословъ, щобы тіи собрались въ Вѣдни, совокупно радили надъ добромъ своихъ народôвъ, надъ заспокоеньемъ потребъ и прекращеніемъ нужды ихъ. Въ Радѣ той, названой „Думою державною“, засѣло тогды 32 послôвъ русскихъ изъ Галичины, и они то, выповѣдаючи горячіи желанія народа своего, промовляли въ защитѣ его и требовали, щобы для добра и пôднесенья людей изъ варварского запустѣнія конечно знести панщину. И промовляли наши послы не надармо; вскорѣ бо издалъ милостивый Императоръ Фердинандъ патентъ, въ которомъ было сказано, що ôтъ 3-го русского Мая 1848 г. зносятся всѣ панщизняныи роботы и всякіи другіи панщизняныи обовязки! И вотъ, коли приспѣло вѣчно-памятное утро 3-го русского Мая, миліоны сердецъ затрепетали, унесены одною невысказанною радостію; изъ миліонôвъ сердецъ вырывался голосъ, зливающійся въ одну молитву сердечного благодаренія. А щобы повзяти понятіе,

якій былъ того дня восторгъ радости въ сердцахъ Русинôвъ, торжествовавшихъ сей день знесенія неволѣ, наведемъ тутъ зновь одну русскую пѣсню, составленную по тому поводу знакомитымъ русскимъ пѣвцемъ Николаемъ Устіяновичемъ. Вотъ та его славная пѣсня, достойная также записанною быти въ русского народа исторіи:

Заполонѣло небо довкола:
Чи то Великдень сіяе?
Нѣ, то Царь милый зъ свого престола
Кайданы зъ Руси знимае.

На третій Мая правду прислали,
Правду отвѣчну святую;
Третёго Мая Бескида скалы
Заграли радость новую.

Зашуми Днѣстре, загреми Сяне!
Заграйте крѣпко въ походѣ!
Днесь третій Мая, днесь Галичане
Праздникъ святкуютъ свободѣ!

Пырсли желѣза, спали оковы,
Свободна русска долоня,
Свободный воздухъ, воды, ярове,
Свободны нивы, болонья.

Гей братья! землю цѣлуймо нынѣ!
До груди скибу притиснѣмъ!
Зъ русского сердця, русской родинѣ
Пѣсню свободы загудѣмъ!

Теперь то мило за плугъ хопити,
Гулять по нивѣ съ косою,

Теперь то мило край боронити,
Славочку Австріи въ бою!

А где жь Ты, Царю-батьку нашъ милый,
Розъемче чорной неволи!
Глянь, якъ ликуе Галичъ счастливый,
То Ты зорею сей доли!

Допоки воды плывутъ Дунаю,
Докъ въ русской пѣсни ще грому,
Иматъ гремѣти третёго Мая
Пѣснь Фердинанду Благому.

Тое стихотвореніе, то найотчетливѣйшій толкователь восхищенія и радости нашой русской землѣ въ день праздника наданой свободы, то разомъ и найкрасшій имнъ похвальный, якимъ Русь-мати восхвалила великого Монарха и Благодѣтеля свого. Ôтъ того часу каждого року день 3-го Мая — то нашъ великій народный праздникъ свободы, на которомъ Русь въ церквахъ своихъ заноситъ горячіи молитвы передъ престолъ Всевышнёго, молитвы благодаренія за высвобожденіе ôтъ вѣкового ига панщины и молитву за упокой души того праведника, который по внушенію Божому иго тое сильною своею рукою на всегда переломилъ.

Но якъ ни добротливое было сердце Цѣсаря Фердинанда безъ изъятія для всѣхъ народôвъ, надъ которыми ôнъ былъ поставленъ Императоромъ, то таки испыталъ ôнъ много горя ôтъ тыхъ же людей,

на которыи ôнъ самыи благодѣянія сѣялъ. Ôнъ испыталъ на собѣ истину поговорки той, що „неблагодарность есть нагородою сего міра“. Ото въ самъ той часъ, коли отцêвская его рука высилялась въ добротѣ, т. е. въ р. 1848, стали бунтоватись противъ австрійского правительства его Италіяне, Венгры, Поляки, а даже и самы Нѣмцѣ. Въ томъ роцѣ принужденъ былъ Цѣсарь Фердинандъ зачати вôйну въ Италіи. Въ вôйнѣ той провадилъ нашу армію извѣстный, великой славы маршалъ Радецкій, а пôдъ его начальствомъ боролись якъ львы наши русскіи полки, окрывали славою австрійское оружіе и тѣмъ заявили честно свою благодарность и привязанность къ своему Монарху. Многимъ изъ насъ памятны до днесь битвы пôдъ Маджентою, Виченцою, Кустоцою, пôдъ Новарою и т. д., где богатырскіи русскіи воины съ цѣлою арміею здобыли собѣ неувядаемыи лавры. Цѣсарь Фердинандъ Благій, убѣжденъ о той непоколебимой вѣрности народа русского для себе, ôтдавалъ ему рôвною мѣрою свою царскую милость, любилъ его надъ всѣ народы а отзывался о Русинахъ всегда любовно словами: „мои вѣрныи Русины“. Коли же въ самомъ Вѣдни началась ворохобня противъ цѣсарского престола, то добрый Монархъ сей тяжко болѣлъ сердцемъ о той невдячности своихъ Вѣденчикôвъ,

неразъ ставалъ безпокойнымъ, и тôлько тогды уважалъ себе безпечнымъ, коли узнавалъ, що въ царскомъ дворѣ его русскій полкъ держитъ стражу. Непокои и бунты продолжались еще и тогды коли добросердный Монархъ, здѣлавши все, що тôлько владѣтель въ любви и добротѣ своей народамъ своимъ здѣлати може, оставилъ съ горечію въ сердцѣ свôй престольный городъ Вѣдень, выѣхалъ въ м. Октябрѣ 1848 г. до Оломуца, а желаючи собѣ въ спокою доживати своихъ преклонныхъ лѣтъ, зложилъ корону, и ôтдалъ правленіе державы молодымъ рукамъ свого братанка, милостиво царствующего намъ днесь Францъ-Іосифа I. Ôтъ того часу Цѣсарь Фердинандъ жилъ спокôйно въ Празѣ, не перестаючи въ своемъ человѣколюбіи творити народамъ премногіи благодѣянія, особливо же надѣляючи многіи русскіи церкви въ Галичинѣ щедрыми дарами въ грошахъ. Благодарныи сердца подданыхъ назвали его „Добротливымъ“ или „Благимъ“, и воспоминаютъ и на вѣки воспоминати будутъ его имя съ честію и благодарностію.

Годъ 1848 яко годъ возрожденія Галицкой Руси. — Григорій Яхимовичъ.

Годъ 1848 становитъ въ исторіи нашого отечества, а именно въ австрійскомъ ей періодѣ великую и важную хвилю, въ немъ бо наступилъ рѣшительный переломъ въ нашой народной жизни, здѣлался наглый переходъ ôтъ лихой минувшости до лучшой будучности. Въ томъ роцѣ не тôлько що уничтожена злопамятная панщина, но кромѣ того надана намъ конституція — рôвноуправненье, т. е. надана намъ полная свобода остати народомъ русскимъ съ такими самыми природными и историчными правами, якіи и другимъ народамъ прислугуютъ. Опираючись на томъ оголошеномъ рôвноуправненью всѣхъ народôвъ, а научены исторіею минувшости, поучившою насъ, щобы не сподѣватись намъ ôтъ собратей Поляковъ въ Галичинѣ ніякихъ уступствъ для русской народности, двигнулись тогды наши Русины и рѣшились станути самы за себе, а для осягненья тои цѣли основали во Львовѣ политичное общество пôдъ назваиіемъ „Народная Русская Рада". На челѣ общества того сталъ великій патріотъ, неустрашимый борецъ за права Руси, Владыка Григорій Яхимовичъ, который зъ тои поры сталъ истиннымъ отцемъ на-

шого галицко-русского отечества. Задачею „Русской Рады“ было: защищати права русского народа въ Галиціи посредствомъ петицій, меморандôвъ и публичныхъ письмъ, зарôвно якъ и черезъ вліяніе на выборы до конституційныхъ репрезентацій, а вразъ же всякими правными способами, особенно просвѣщеніемъ пôдносити благосостояніе русского народа. Первымъ дѣломъ Львовской „Русской Рады“ было отозватись по цѣлой Галицкой Руси громкимъ русскимъ голосомъ, розбудити цѣлую Русь зъ долгого томительного сна и возвати, дабы всюда по повѣтамъ Русины по образу Львôвской завязовали повѣтовыи Русскіи Рады. И въ самомъ дѣлѣ проявился повсюду оживленный здвигъ русского патріотизма: по бôльшимъ городамъ, якъ въ Перемышли, Станиславовѣ, Коломыи и т. д. собирался громадно русскій народъ, организовалъ повѣтовыи Рады пôдъ однимъ русскимъ знаменемъ. Русская жизнь закипѣла широкими струями; свободно загудѣла всюда русская пѣснь; кругомъ по Руси розносились патріотичныи русскіи пѣнія: „Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ!“ — „Счасть намъ, Боже, счасть намъ, счасть!“ и порывали за собою тысячи сердецъ, побуджали ихъ до самопознанія, загрѣвали въ нихъ теплыи чувства любви своей отчины. И взялись Русины рука за руку корыстати изъ да-

ной имъ конституцією свободы, и одни пôдносили требованія о народныи права передъ высокимъ правительствомъ, другіи занялись прилѣжно дѣломъ просвѣщенія народа, а всѣ вразъ подвигались усильно къ тому, щобы доставити народу бôльше своихъ питомыхъ просвѣтителей и защитникôвъ. Увѣрены въ томъ, що тôлько черезъ просвѣщеніе приходится до значенья и добра, стали Русины щиро трудитись на поли науки, стали закладати по селамъ школы, а въ школахъ тыхъ находящихся пôдъ досмотромъ русскихъ консисторій, заведено по роспоряженью властей русскій языкъ. А „Русская Рада“ постаралась, що во всѣхъ гимназіяхъ восточной Галичины именовано професорôвъ для русского языка и русскихъ катихитôвъ для науки религіи. Не меньше и въ урядахъ найшолъ приступъ языкъ русскій; свободно стало писати всякіи поданья по русски, и ôтъ урядникôвъ вымагалось знаніе того языка. Была то для Руси нашой великая благодать — се здобытіе природныхъ правъ русскому языку въ школахъ и урядахъ: до року бо 1848 тая Русь наша въ высшихъ слояхъ народа свого была уже сильно ополячена, ба, доходило и до того, що кромѣ сельского народа майже никто бôльше уже не говорилъ по русски, навѣтъ въ церквахъ русскихъ говорено польскіи проповѣди. Въ тыхъ то выс-

шихъ слояхъ нашого общества не слышно тогды было русского слова, не видано русской книжки, бо почутье свого рôдного слова задремало пôдъ могучимъ вліяніемъ польщины, а даже соромомъ стало называтись Русиномъ. Ледви на 10 лѣтъ передъ конституціею 1848 г. начали розбуджати русского духа во Львовѣ молодыи поэты-писателѣ наши, якъ Маркіянъ Шашкевичъ, Николай Устіяновичъ и Яковъ Головацкій, а въ Перемышли Епископъ Снѣгурскій и другіи патріоты, якъ Ѳеодоръ Лукашевскій, Ѳома Полянскій, Антоній Добрянскій и прч. Поволи давалось слышати русское слово, начали появлятись дрôбныи стишки и книжки русскіи. Коли же насталъ годъ 1848, а съ нимъ и общій переломъ въ народной жизни, принялись патріоты наши всѣми силами поднимати словесность русскую и черезъ тую выдвигати изъ темноты русскій народъ. Въ той цѣли основано во Львовѣ науковое общество „Галицко-русскую Матицю“, общество, которое яко печаливая мати должно было удержовати Русинôвъ въ неутомимомъ трудѣ для добра свого народа. Общество „Русская Матица“ выдало ôтъ 1848 року множество духовныхъ трудôвъ, сочиненій ученыхъ Русинôвъ, школьныхъ учебникôвъ и молитвословôвъ, и до днесь оно существуе, ис-

полняючи совѣстно заложеную собѣ задачу.

Такъ отже памятный рôкъ 1848 не тôлько тѣмъ, що розковано въ немъ народъ изъ кайданъ панщины, но и тѣмъ, що со введеніемъ конституціи настало на Галицкой Руси совершенное возродженье народности русской, що той годъ розковалъ насъ и ôтъ другихъ, не меньше тяжкихъ путъ духовной темноты и невѣжества. Засіяла на нашомъ небосклонѣ чудная звѣзда народного просвѣщенія, которая зъ-начала маленька, взмагалась съ каждымъ рокомъ въ своемъ свѣтлѣ и днесь стоитъ надъ нами въ такомъ блеску и просвѣтила насъ уже до той степени, що нынѣ наши высшіи сословія народа уже не соромлятся своей русской народности, и що всѣ мы нынѣ съ гордостію величаемся быти Русинами.

Въ той свѣтлой хвили исторіи нашого отечества не спалъ однакожь также и духъ непріязни противъ насъ, а истощался все еще на новыи подвиги. Такъ уже въ самомъ началѣ конституційного устроенія Австріи, коли Русины могли наконецъ дождатись лучшихъ временъ для своей народности и своей Церкви стали Поляки оспорювати наши народно-политичныи права и заперечати тіи права, особливо пôдъ взглядомъ признанія нашого русского языка. Возрожденіе Галицкой Руси, введеніе русского

языка въ школахъ и урядахъ припало имъ не до смаку, бо то ставало перепоною до дальшого ополячованья Русинôвъ. И затѣмъ продолжалась далѣй завзятая борьба двохъ славянскихъ племенъ: Поляки стали кричати и обвиняти Русинôвъ о прихильность до Москвы и до православія; представляли правительству движенія Русинôвъ и розвôй русского языка яко опасныи для державы; трудились и надъ тѣмъ, щобы зъогидити, збезчестити всякіи подвиги патріотôвъ русскихъ, а тыхъ, которыи не боялись станути отверто до защиты русского народного прапора, прозывали съ пренебреженіемъ „святоюрцями, борителями" и пр., голосили на нихъ засужденія, упреки, и доносы, ôтъ якихъ и самы наши Владыки не были свободны. На счастье, ни тіи ворогованья, ни крутыи мѣры не успѣли уже теперь вздержати буйного возраста русской жизни; Русь наша, разъ пробудженая, не дала уже выперти себе на давное упослѣдженое становище. Особенно теперь въ р. 1848, коли правительство само въ интересѣ своемъ спріяло Русинамъ и вспирало ихъ народное движеніе, щобы тѣмъ обезсилити стремлѣнія неспокойныхъ политикôвъ польскихъ, теперь торжествовала наша правда, и дѣло розвитія русской народности, поднесенія русского духа поступало скоро впередъ. Пôзднѣйше, коли змѣнились обстоятель-

ства, коли Полякамъ, присмирѣвшимъ трохи въ своихъ подвигахъ противъ австрійского правительства, удалось осягнути въ нашомъ краю обширную власть автономичную, найшлись Русины въ труднѣйшомъ положенью, оставлены бо были самымъ собѣ, самы собѣ должны были въ тôлько-що начатомъ дѣлѣ возрожденія свого помагати. Тогды ослабъ на хвилю духъ русскій; но ôнъ скоро пôднесся снову и укрѣпился, заедно поддерживаемый жаркою дѣятельностію вѣрныхъ русскихъ патріотôвъ, лучшихъ сынôвъ матери Руси.

Въ числѣ тыхъ патріотôвъ русскихъ занималъ найвысшое становище Митрополитъ-кардиналъ Михаилъ Левицкій, который ставши по Ангеловичу еще въ г. 1815 Митрополитомъ Галицкой Руси, управлялъ, яко такій верховный достойникъ, дѣлами нашой Церкви за владѣнія трехъ по собѣ слѣдующихъ австрійскихъ Монархôвъ черезъ 41 лѣтъ честно и ревно ажь до своей смерти, которая наступила въ г. 1858. Ôнъ то заслужился для Руси нашой особенно тѣмъ, що не допускалъ латинникамъ перехватывати до себе русскіи души, въ которой то цѣли ôнъ часто высылалъ къ римскому Папѣ грозныи жалобы противъ польско-латинского духовенства, представляючи откровенно, що се душехватство изъ стороны тогожь дѣется вовсе не для блага

св. вѣры, а едино для зыску, т. е. щобы латинскіи, уже и такъ богато выпосажены парохіи черезъ захваты русских

Митрополитъ-кардиналъ Михаилъ Левицкій.

душъ уніятôвъ еще тѣмъ бôльше ксендзамъ польскимъ приносили доходôвъ. Кромѣ другихъ немалыхъ заслугъ Митро-

полита Левицкого для нашой Руси была и та одна зъ найбôльшихъ, що ôнъ добралъ собѣ за помочника въ управительствѣ церковныхъ дѣлъ великого мужа-патріота, именно Григорія Яхимовича, который ставши зъ г. 1841 его Суфраганомъ, потомъ въ р. 1843 именованъ былъ Епископомъ Перемышльскимъ, а наконецъ по кончинѣ Митролита Левицкого сталъ его наслѣдникомъ на галицко-русской митрополіи.

И вѣрно середъ мужей, которыи приняли найбôльшое участіе въ томъ часѣ народного возрожденія, которыи своимъ словомъ и дѣломъ пробудили Галицкую Русь до новой жизни, належится неоспоримо первое мѣстце русскому Владыцѣ, незабвенному Батькови Руси, Григорію Яхимовичу. Ôнъ то яко твердый и неустрашимый борецъ за права русского народа, яко смѣлый, опытный и изряднѣйшій вождъ народа, велъ своею отцевскою рукою дѣла Руси черезъ 15 лѣтъ ажъ до своей смерти. Еще въ р. 1841, яко суфраганъ старенького Митрополита-кардинала Михаила Левицкого, ôнъ старался помочи упавшому народу своему и предложилъ правительству въ Вѣдни пропамятное письмо, въ которомъ обратилъ вниманіе тогожъ правительства на нужды русского народа, указуючи на корысти якіи може имѣти Австрія изъ пôднесенья народа того до жизни. Коли же

лишь оголошено въ Австріи конституційную свободу, ôнъ станулъ немедленно въ

Митрополитъ Григорій Яхимовичъ.

главѣ русского движенія, а прибравши собѣ помôчниковъ изъ-помежи крыло-

шанъ, образованнѣйшихъ духовныхъ и мірскихъ людей русскихъ, основалъ выше упомянутую „Народную Русскую Раду," котора имѣла ôтъ теперь промавляти и дѣйствовати въ имени всего народа. Зъ того часу ажь до своей смерти былъ Яхимовичъ головнымъ дѣятелемъ въ справахъ политичныхъ, церковныхъ и народныхъ нашой Руси. Яко первый достойникъ галицко-русской Церкви, ôтъ г. 1849 яко Епископъ Перемышльскій, а ôтъ г. 1860 яко Митрополитъ Галицкій, ôнъ розвинулъ необыкновенную дѣятельность и разомъ зъ другими патріотами, которыи до него горнулись, ôтъ него брали примѣръ и поощреніе, управлялъ всѣми важными дѣлами нашой Руси, вступался передъ правительствомъ за народомъ своимъ, побуджалъ Русь до дѣйствованья, загрѣвалъ и одобрялъ всѣхъ словомъ и примѣромъ. Честность, прямота и твердость характера, глубокое образованье, праведность и горячая чистая любовь къ отчинѣ, къ народу своему, дѣлали его здôбнымъ заступити весь народъ, сотворили его первымъ изъ всѣхъ первѣйшихъ въ новожитной исторіи нашой, здѣлали его любимцемъ народа до того степени, що днесь еще, коли доходитъ 30 лѣтъ ôтъ его смерти, каждое щирорусское сердце ударяе теплѣйшимъ чувствомъ на самую згадку его имени и одушевляется до любви къ своей Руси,

до полезного труда для своего народа. До днесь заховуются явныи слѣды заходôвъ и трудôвъ того вожда-труженника и сердечного батька нашого; до днесь собирае Галицкая Русь плоды ôтъ его дѣйствій, неусыпно все съ еднакою жаркою любовію пôднимаемыхъ нимъ во благо нашои Руси.

Занятый политичными дѣлами Руси и позыскавши за свою праведнôсть великое довѣріе и найбôльшое почитанье у австрійского правительства, Владыка Яхимовичъ творилъ премного добра въ пользу русской Церкви, посвящаючи ей за всю свою жизнь головное вниманіе. Отношенія бо церковныи находились тогды еще у насъ въ неисправномъ станѣ, именно же въ обряды и богослуженія вкрались зъ-давна немалыи безпорядки, а запустѣніе и пренебреженіе походило неразъ и ôтъ гдеякихъ споляченыхъ или нерадивыхъ слугъ нашои Церкви. Вслѣдствіе того поставилъ собѣ Митрополитъ Яхимовичъ задачею искоренити тое зло, очистити обрядъ и ввести правильность всюда въ богослуженіяхъ. Въ той цѣли составилъ ôнъ пôдъ своимъ предсѣдательствомъ „обрядовую комисію," которая должна была занятись церковными дѣлами. Посередъ прилѣжныхъ трудôвъ въ комиссіи той постигла нашого Батька-Владыку Яхимовича скоропостижная смерть, прекративши всѣ его спаситель-

ныи для нашой народности и Церкви благотворныи дѣйствія.

Михаилъ Куземскій.

На томъ мѣстци належитъ вспомнути еще о одномъ изъ численныхъ труженникôвъ русскихъ, который пôдъ предводительствомъ Митрополита Яхимовича имѣлъ найбôльшое участіе въ дѣлѣ воз-

рожденія Галицкой Руси, а такимъ именно былъ высокій достойникъ духовный, Михаилъ Куземскій. Яко крылошанинъ Львовской капитулы, былъ ôнъ въ р. 1848 однимъ зъ головныхъ дѣятелей, которыи пробудили и воздвигнули народъ русскій до жизни. Цѣлый періодъ часу ôтъ 1848 до 1868 трудился ôнъ такожь ревно то на политичномъ, то на духовно-науковомъ поли въ пользу свого народа. Въ р. 1868 ôнъ поставленъ былъ Епископомъ въ Холмѣ за-кордономъ, и тогды переселилось съ нимъ въ Россію немалое число здôбныхъ патріотôвъ нашихъ. Въ р. 1875, коли Холмская епархія обращена была на православіе, вернулъ Михаилъ Куземскій назадъ до Галичины и ôтдался тутъ тихому труду для добра Галицкой Руси ажь до своей смерти, котора послѣдовала въ р. 1879.

Цѣсарь Францъ-Іосифъ I.

Середъ тяжкихъ обстоятельствъ ôбнялъ управленіе державою теперѣшній нашъ Монархъ Францъ-Іосифъ I. Въ цѣлой державѣ розгорѣлись великіи неспокои и революціи. Збунтовались Мадяре и выперли зъ Угоръ австрійскіи войска; въ Италіи населеніе Ломбардіи и Венеціи поднесло оружіе; австрійскіи Нѣмцѣ, съ изъятіемъ Тирольцêвъ, задумали ôторва-

Цѣсарь Францъ-Іосифъ I.

тись изъ связи австрійской державы и соединились съ нѣмецкою Пруссіею; Чехи

затребовали отдѣльного королевства, Поляки же держали одну руку съ Мадярами и стали подвигатись въ цѣли возстановленія Польщи. Вѣрными Габсбурскому Дому остали тôлько народъ галицко-русскій и его русскіи полки, къ тому и Хорваты и нѣкоторыи Нѣмцѣ (въ Тиролю, въ Стыріи и Семиградѣ). Въ виду того найшолся молодый Монархъ въ затрудительномъ положенью, изъ которого вывелъ Богъ и вѣрныи подданыи, межи которыми мы Русины первое занимали мѣстце. Напередъ упорался Цѣсарь Францъ-Іосифъ І. съ Италіянцями, а въ слѣдъ затѣмъ усмирилъ и мадярскій мятежъ при помочи Россіи, такъ, що съ кôнцемъ 1849 года возстановленъ былъ миръ въ цѣлой державѣ.

Полную преданность, якую заявили Галицкіи Русины въ тыхъ бурныхъ хвиляхъ, оцѣнилъ Цѣсарь Францъ-Іосифъ І. и его правительство, выдавши роспоряженья, мающіи на цѣли пôднесенье русской народности. Въ урядовыхъ грамотахъ тои поры называно Русинôвъ „найвѣрнѣйшими пôддаными Австріи“ и величано ихъ крѣпкую вѣрность для владѣющого цѣсарского дому. Тогды то, по счастливо укôнченой вôйнѣ съ збунтоваными Италіянами въ р. 1849, где русскіи полки пôдъ начальствомъ славного Радецкого чуда богатырства доказали, прислала мати нашого Монарха Францъ-Іо-

сифа I., Архикнягиня Софія, въ память того богатырства нашихъ воинôвъ, Русинамъ во Львовѣ дорогоцѣнную хоруговь съ шолковыми лентами, богато серебромъ вышиваными власною еи рукою и вразъ же съ надписомъ: „Вѣрность веде до побѣды, 1849.“ Тая то хоруговь, неоцѣнимая памятка признательности найяснѣйшого монаршого дому за вѣрность тому же Галицкихъ Русинôвъ, сохраняется и нынѣ всецѣло въ русскомъ „Народномъ Домѣ“ во Львовѣ. — Найкрасшимъ же доказательствомъ монаршой ласки изъ тыхъ временъ состоитъ онъ то величавый „Народный Домъ“ во Львовѣ. Коли бо въ 1848 р. возникла во Львовѣ зновь польская рухавка и австрійскіи войска, бомбардуючи той городъ, розбили гвардію народову польску, тогды при томъ острѣлюванью города загорѣлъ и розрушился великій будынокъ, въ которомъ номѣщалась цѣсарская академія. Руины изъ того будынка и пространную площадь его даровалъ милостивый монархъ Русинамъ, а Русины скорыстали изъ того дару, якъ лучше не можна, бо постановили на томъ мѣстци создати великій „Народный Домъ“ и „вторую городскую церковь.“ Завозвано весь народъ до добровольныхъ складокъ и съ тыми складками приступлено до будованья тыхъ зданій. Въ р. 1851 зъѣхалъ былъ до Львова самъ Монархъ Францъ-

Іосифъ I., и ôнъ то власною рукою положилъ краеугольный камень пôдъ „Народный Домъ“ въ присутствіи Епископôвъ Яхимовича и Бохенского, найвысшихъ достойникôвъ краю и неизчислимого множества народа. На тую то будову Найяснѣйшій Монархъ приказалъ выдати изъ лотерійной касы два разы по 30.000 злр. Тая ласка монарша заохотила всѣхъ русскихъ жителей Галичины до жертвы; каждый Русинъ считалъ своимъ обовязкомъ причинитись якою-нибудь лептою, а зъ лептъ тыхъ станулъ до кôлькохъ лѣтъ величавый будынокъ, въ которомъ помѣщена народна библіотека, русскіи школы, бурса для убогихъ русскихъ учениковъ, къ тому въ томъ же будынку собираются патріоты изъ Львова, якъ и зъ цѣлой Галицкой Руси будь на раду, на вѣча, будь на общественныи собранія или на забавы. Въ недолгомъ часѣ стане уже окончена и постройка второго зданія, т. е. второ-городской церкви, которая стоячи побôчь „Народного Дома,“ долгіи вѣки буде разомъ съ тыми свидѣтельствами такъ о ласцѣ Монарха для русского народа, якъ и о вѣрности народа того къ Габсбурскому владѣющему Дому.

Доброе расположенье Цѣсаря Францъ-Іосифа I. и благосклонность его къ русскому народу объявилъ сей Монархъ и тѣмъ, що по его милости введено русскій языкъ яко преподавательный въ

кôлькохъ середнихъ школахъ; що головныи русско-народныи школы ôтданы были и состояли якійсь часъ пôдъ досмотромъ русскихъ консисторій; що и на всеучилищи учреждено русскіи преподаванія пастырского богословія и катихитики, а также преподаванія русской словесности и языка русского. И поодинокіи, найславнѣйшіи тогда достойники Руси не уйшли отъ вниманія Монарха, а были ôтъ него по своимъ заслугамъ честно отличены. Въ р. 1856 именовалъ ôнъ тогдашного Митрополита Михаила Левицкого Примасомъ, т. е. Первопрестольнымъ Владыкою въ Галиціи и Володиміріи, а коли того же року Папа римскій Пій IX. вынесъ тогоже Митрополита Левицкого на найвысшое достоинство Кардинала, тогды выслалъ нашъ добрый Монархъ ôтъ себе Архіепископа князя Шварценберга въ Львовъ, щобы той въ его имени присутствовалъ при торжествѣ введенія нашого Митрополита на новое достоинство. Одновременно отличилъ Цѣсарь Францъ-Іосифъ I. и другихъ заслуженыхъ мужей якъ Епископа Григорія Яхимовича, которого надѣлилъ высокимъ орденомъ и титуломъ Барона, а другихъ мірскихъ и духовныхъ достойникôвъ почтилъ то орденами, то золотыми или серебрными медалями. Зъ того времени черезъ цѣлый часъ владѣнія свого по нынѣшній день не забывае милостиво царствующій

намъ Монархъ о насъ и нашихъ потребахъ, вспомагае русскіи церкви и школы, печалится о нищихъ, а помимо того, що съ теченіемъ времени зложились обстоятельства не въ нашу корысть, ôнъ намъ искренно сочувствуе, що доказалъ и доказуе всегда словомъ и дѣломъ.

Политичное становище Руси, якъ свѣтлымъ оно было въ р. 1848, якъ много оно обѣцювало, таки скоро измѣнилось не въ нашу корысть. Уже бо въ первой десятцѣ лѣтъ по наданью конституціи противныи намъ стихіи успѣли много здѣлати на нашъ вредъ, успѣли внушити правительству недовѣріе до возросту русской народности. Ударено тогды предовсѣмъ на русскій языкъ, щобы обмежити его въ школахъ и урядахъ на корысть польского языка. Въ р. 1859 выйшло уже роспоряженье, щобы всякіи русскіи письма до властей писаны были латинскими буквами, однакъ незадолго, бо уже въ р. 1861 знесъ Найяснѣйшій Монархъ тое несправедливое роспоряженье и постановилъ, щобы всѣ власти и уряды при всѣхъ русскихъ поданьяхъ и жалобахъ вели переправы въ русскомъ языцѣ и въ томъ же языцѣ и русскимъ письмомъ давали отвѣты и рѣшенія.

Наглая перемѣна обстоятельствъ зайшла зъ р. 1860. Тогды по несчастной италіянской войнѣ принуждена была наша держава перииначити форму правленія,

а щобы удоволити еще народонаселенію Угорщины, оголошено новую конституцію. Конституція тая зъ р. 1860 и пôзднѣйшіи постановленья цѣсарскіи зъ р. 1861 и 1873 надали австрійской державѣ значно змѣненную форму, которая нынѣ такъ представляется: Власть законодательную исполняе Монархъ за соучастіемъ Думы державной и краевыхъ соймôвъ. Цѣлая Монархія дѣлится на двѣ половины: на краѣ, репрезентованыи въ „Думѣ державной" или такъ званую „Передлитавію," и на „краи короны угорской" т. е. такъ звану „Залитавію." Каждая изъ тыхъ половинъ роспадается на краи коронныи, которыи составляютъ отдѣльную политичную цѣлость: Австрію и Угорщину. Обѣ половины суть якъ-бы самостоятельными державами и самы окремо управляются, а разомъ залагоджуютъ тôлько нѣкоторыи дѣла, якъ дѣла военныи и справы заграничныи. Каждая зъ обохъ половинъ монархіи имѣе свои окремыи министерства и окремыи высшіи репрезентаціи, т. е. Думу державную въ Вѣдни и Соймъ угорскій въ Пештѣ, съ которыми установляе Монархъ законы и которыи укладаютъ счеты приходôвъ и росходôвъ. Репрезентація Передлитавіи, т. е. Дума державная, состоитъ такъ, якъ Соймъ угорскій, изъ палаты панôвъ и палаты послôвъ. До палаты панôвъ входятъ въ неозначенномъ

численѣ члены высокого роду и званія, якъ архикнязѣ и представителѣ магнатôвъ, архіепископы и заслуженыи достойники, именованыи на такихъ членôвъ Монархомъ. Палата же послôвъ состоитъ изъ 353 депутатôвъ, которыи свободными голосами выбираются въ коронныхъ краяхъ на 6 лѣтъ. До той палаты высылае Галичина 63 послôвъ межи ними 27 изъ групы сельской. До важности нового закона потребно есть согласіе обохъ палатъ, а затвердженье (санкція) каждого закона прислугуе Монархови.

Въ справахъ общихъ обомъ половинамъ монархіи именуе Монархъ окремыхъ вспôльныхъ министрôвъ, а Дума державна и Соймъ угорскій исполняютъ въ тыхъ вспôльныхъ справахъ власть законодательну и контрольну посредствомъ избранныхъ изъ-середъ себе делегацій.

Въ каждомъ изъ поодинокихъ краêвъ коронныхъ Передлитавіи, а затѣмъ и въ Галичинѣ, лагодятъ нѣкоторыи справы власти правительственныи, зависимыи ôтъ министерствъ, а другіи справы ôтданы властямъ автономичнымъ, избраннымъ черезъ народъ. Власти правительственныи роздѣлены на судебныи и политичныи; краемъ управляе намѣстничество съ пôдчиненными собѣ повѣтовыми староствами. Вымѣренье справедливости повѣрено властямъ судейскимъ.

Судами первой инстанціи суть суды повѣтовыи, окружныи и два суды краевыи, во Львовѣ и въ Краковѣ; судами другой инстанціи суть высшіи суды краевыи во Львовѣ и Краковѣ, а третьею и найвысшою инстанціею есть судъ касаційный (найвысшій трибуналъ) въ Вѣдни.

Найвысшою автономичною властію въ поодинокихъ краяхъ державы суть краевыи соймы. Нашъ галицкій соймъ, установленый для восточной и западной Галичины, еще до того и съ польскою областію Кракова, собирается во Львовѣ, а состоитъ изъ 151 членôвъ, межи которыми есть 10 съ голосомъ вирильнымъ, а 141 избранныхъ черезъ народъ на 6 лѣтъ, изъ которыхъ припадае на меньшіи посѣлости 74 послôвъ. На челѣ сойма стоитъ именованый черезъ Цѣсаря маршалъ краевый и заступникъ маршала. Кругъ дѣйствій сойма есть законодательный, также администраційный и надзирательный. Власть законодательную въ справахъ, относящихся до краю, исполняе соймъ за потвердженіемъ цѣсарскимъ. Всѣ законы, о скôлько они ôтносятся до якого краю, потребуютъ до важности призволенья относительного сойма. Соймъ рѣшае дѣла краевого просвѣщенья, дѣла, относящіися до буджету и имѣнія краевого, а при рѣшеніяхъ, повзятыхъ черезъ думу державную, въ дѣлахъ громадскихъ, школьныхъ, церковныхъ и пр.

Соймъ мае право дѣлати представленья и внесенія о выданью законôвъ общедержавныхъ, якихъ вымагаютъ добро и потребы краю.

Власть администраційну и контрольну исполняе Соймъ черезъ Выдѣлъ краевый, который состоитъ у насъ изъ 5 членôвъ и стôлько же заступникôвъ, выбраныхъ изъ членôвъ сойма. Выдѣлъ краевый урядуе безпрерывно пôдъ предсѣдательствомъ краевого маршала. Выдѣлу краевому пôдчинены суть повѣтовыи репрезентаціи, т. е. Рады повѣтовыи и выдѣлы повѣтовыи, которыи надзирати маютъ надъ громадами и обшарами дворскими.

Вотъ такую свободу самоуправства надалѣ Цѣсарь Францъ-Іосифъ І. народамъ своимъ, щобы они могли успѣшно розвиватись и поступати на дорозѣ просвѣщенія и благобыта. Съ жалёмъ однакъ должны мы тутъ замѣтити, що мы Русины изъ свободы той мало корыстати можемъ. Съ введеніемъ бо новой формы конституційной дôйшли въ Галичинѣ Поляки до верховодства, до полного владѣнія. Скликано Соймъ краевый, а въ Соймѣ томъ на подставѣ ординаціи выборовой, корыстной якъ найбôльше для панôвъ, получили Поляки значительную перевагу. Неусыпной дѣятельности Митрополита Яхимовича удалось вправдѣ въ р. 1861 черезъ доброе переведенье

выборôвъ доставити до того Сойма 48 русскихъ пословъ, т. е. найбôльшое число, якого Русинамъ пôсля некорыстной для нихъ ординаціи выборчой доступити возможно, а которое то число все таки супротивъ польского составляло въ ономъ Соймѣ лише меньшость. Однакожъ и тая меньшость еще зменьшилась въ сей-часъ при слѣдующихъ выборахъ; Поляки бо, употребляючи всевозможныхъ способôвъ вліянія на выборцêвъ, не допускали русскихъ кандидатôвъ на послôвъ, народъ же не былъ и къ сожалѣнью навѣтъ донынѣ не есть просвѣщенъ еще на стôлько, щобы зъумѣлъ избрати собѣ заступникôвъ, якихъ ему потребно. Дôйшло до того, що въ передъ-послѣдной каденціи имѣлъ русскій народъ въ соймѣ всего ино 7 своихъ заступникôвъ, а въ Вѣдни въ Думѣ державной ледво трехъ. При такомъ составѣ галицкого Сойма рѣшаются тамъ такіи уставы, якіи лишь большиньству его суть выгодны, при чемъ не обращается ніякого вниманія на потребы и желанія русского народа. Основныи законы, запоручающіи намъ рôвныи права съ другими народами державы, то — якъ писано было въ одной галицко-русской газетѣ — „то великая и полная миска на столѣ: другіи засѣли вокругъ ней, ѣдятъ на всю губу, а у насъ ложка есть, и поѣлось бы со вкусомъ, но не ма где сѣсти, бо розсѣлись тамъ-тѣ

широко"... И въ самомъ дѣлѣ, коли поглянешь днесь на нашу Галичину, то здается тобѣ, що ты въ чисто польскôмъ краю: Соймъ польскій, выдѣлъ краевый польскій, рады повѣтовыи польскіи, школы майже всюда польскіи а если тіи и суть где и русскіи, то съ польскими учителями; фонды краевыи идутъ ино на польскіи цѣли, а Русинамъ дадутъ хиба ôтчепного пару крайцарôвъ. Если якій Русинъ хоче добитись высшого становища чи то въ урядѣ, чи въ школѣ, и спокôйно на немъ сидѣти, то не свободно ему явно признаватись, що ôнъ Русинъ, а тѣмъ меньше выступати въ справахъ русско-народныхъ, бо инакше окричанъ буде за Москаля, здѣлаютъ его политично подозрѣннымъ, и пропала его каріера. Черезъ великую перевагу Полякôвъ въ галицко-краевомъ Соймѣ, мы яко бы ôтданы въ нашомъ краю на ласку Полякôвъ. Изъ ласки той заведено въ р. 1866 польскій языкъ выкладовый въ середныхъ школахъ; зъ ласки той роздѣлено насъ на два таборы; зъ ласки той наслано намъ въ р. 1881 Змартвыхвстанцêвъ, которыхъ мимо сильныхъ и горячихъ протестôвъ русскихъ заступникôвъ въ Соймѣ поддержуе Соймъ переважно русскими фондами; зъ ласки той ôтдано въ р. 1882 наши монастыри Василіянскіи въ зарядъ Езуитамъ, и всякіи супротивленія изъ стороны цѣлого русского народа въ дѣлѣ томъ остали безъ

найменьшого успѣха; зъ ласки той запрещено намъ въ 1887 г. ставити въ краю нашôмъ русскіи трираменныи кресты, хотя впрочемъ и самъ святѣйшій Папа римскій въ той самой буллѣ призналъ тымъ же рôвную съ другими христіянскими крестами честь и святость. А еще-жь и зъ ласки такъ той же самой, якъ и зъ ласки всякихъ непріязныхъ Русинамъ людей поднято въ р. 1882 первый, николи передъ тымъ небывалый процесъ противъ нашихъ Русинôвъ, именно противъ совѣтника двору Адольфа Добрянского, о. Іоанна Наумовича и другихъ патріотôвъ русскихъ, которыхъ обжаловано о найбôльшое злочинство измѣны противъ австрійской державы цѣлкомъ безъосновно, а то безъосновно для того, бо помимо найстрожшихъ изслѣдованій и пересправъ въ карномъ судѣ Львовскомъ злочинства такого, якое вовсе не бывшого, на нашихъ патріотахъ ни найменьшого слѣду не показалося.

Поставлена середъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ Русь наша принуждена была сама за себе промышляти, сама о себе дбати, щобы заняти межи народами Австріи соотвѣтное мѣстце. А що мы до днесь яко-тако существуемъ, що мы не потонули совершенно въ морѣ владѣющой польщины, а таки двигаемся все въ-передъ и днесь уже стоимо на битой дорозѣ къ лучшому, тое завдя-

чуемъ не кому другому, тôлько прежде всего ласцѣ Бога и добротѣ нашого найяснѣйшого Монарха, который дозволяе нашой народности русской свободно розвиватись; завдячуемъ то и самымъ собѣ и тымъ вѣрнымъ и отличнымъ сынамъ отечества, которыи, дѣствуючи пильно на русско-народной нивѣ выступали и выступаютъ все смѣло и неустрашимо въ защитѣ свого народа и своей Церкви, и неутомимымъ трудомъ не дали известись дѣлу возрожденія Руси, такъ хорошо начатому въ р. 1848. До г. 1863 жилъ Митрополитъ Григорій Яхимовичъ, удержуючи славно въ своихъ рукахъ народный прапоръ. Со смертію того Батька свого понесла Русь неôтжалованую страту, но народное дѣло таки не упало, бо остали еще дѣятелѣ, ученики изъ школы Яхимовича, которыи выйшли изъ той школы, яко новыи борцѣ за святую Русь, заправленыи до подвигôвъ своимъ изряднѣйшимъ учителемъ.

И такъ выступилъ по кончинѣ Яхимовича яко виднѣйшій защитникъ Руси, преемникъ митрополичого престола, Спиридіонъ Литвиновичъ. Уже самымъ становищемъ своимъ, яко первый іерархъ русской Церкви, годился ôнъ заняти на Руси мѣстце Яхимовича, т. е. годенъ былъ статись вождемъ еи. Свойства и дарованія его души дѣлали его совсѣмъ отвѣтнымъ до того, щобы проводити Ру-

синамъ въ политичныхъ ихъ взмаганьяхъ. Глубоко образованый и ученый, ôнъ пріобрѣлъ собѣ повагу и значенье

Митрополитъ Спиридіонъ Литвиновичъ.

у высокого правительства, а почтенье даже у противникôвъ нашого народного движенія; перенятый любовію къ своему

отечеству ôнъ имѣлъ взглядомъ него найлучшіи намѣренія. Не забываючи николи о своемъ народѣ, ôнъ старался своимъ умѣніемъ, а неразъ и своею проворною политикою осягнути для него нѣкоторыи корысти, якихъ прямою дорогою доступити не было возможно; затѣмъ то ôнъ неразъ и уживалъ ловкой хитрости супротивъ переваги политикôвъ польскихъ въ Соймѣ.

Съ годомъ 1860, коли Владыка Григорій Яхимовичъ сталъ Митрополитомъ Галицкой Руси, проявилась въ цѣломъ краю нашомъ русская жизнь въ такой силѣ, якъ того передъ тѣмъ не бывало, а якая и заповѣдалась статися не то хвилевымъ, но постояннымъ навсегда основаніемъ лучшой для Русинôвъ доли. Особенно великое оживленіе духовныхъ силъ нашои Руси явилось на нивѣ литературнои дѣятельности, до которои возбуджалъ и ободрялъ свои чада найбôльше самъ же Отецъ Архіерей Яхимовичъ не тôлько словомъ, но и щедрою поддержкою изъ власныхъ доходôвъ. Кромѣ дѣйствующихъ на тôмъ поли духового труда старшихъ писателей галицко-русскихъ, якіи уже изъ давна пріобрѣли собѣ заслуженную славу, якъ то были именно ученыи писателѣ: Денисъ Зубрицкій, Яковъ Головацкій, Антоній Петрушевичъ, Михаилъ Малиновскій, Іосифъ Лозинскій, Антоній Могиль-

ницкій, явилось еще множество молодшихъ, которыи ôтъ тогды и до нынѣшныхъ временъ дѣйствуютъ въ области русской словесности съ честною цѣлію образованья и просвѣщенія свого народа. Изъ великого множества тыхъ новожитныхъ галицко-русскихъ писателей, которыи своими добрыми трудами заслужилися своему народу, наведемъ тутъ хоть бы лишь немногое число изъ тѣхъ, що ихъ имена поширше въ краю нашôмъ стали извѣстны, якъ то примѣромъ: Исидоръ Шараневичъ, Богданъ Дѣдицкій, Иванъ Наумовичъ, Маркилъ Попель, Василій Ковальскій, Иванъ Гушалевичъ, Стефанъ Качала, Іоаннъ Гавришкевичъ, Лука Цыбыкъ, Игнатій Галька, Венедиктъ Площанскій, Василій Ильницкій, Емиліянъ Огоновскій и многопремного другихъ, которыхъ всѣхъ дѣятельность литературная оставила свѣтлыи слѣды въ исторіи нашои Руси зъ часôвъ великого дѣятеля Митрополита Яхимовича.

Однимъ изъ найважнѣйшихъ событій, якіи произойшли за Литвиновича было то: установленье конкордата, т. е. обрядового помиренья съ престоломъ римскимъ. Конкордатъ той установилъ право, по которому запрещено было Русинамъ переходити на латинскій обрядъ, а латинникамъ на русскій. Установа тая дуже важна для насъ Русинôвъ,

бо черезъ ню положено конецъ тому громадному перехвачованью русскихъ душъ на латинско-польскій обрядъ, якое передъ тѣмъ на великіи розмѣры безнаказанно практиковалося.

По смерти Литвиновича поставленъ былъ Митрополитомъ Іосифъ Сембратовичъ, который не выступалъ вправдѣ въ политичныхъ справахъ нашихъ, но за то яко „добрый пастырь“ усильно трудился около пôднесенья нашой Церкви и морального воспитанія русского народа, особенно же около заведенія межи нимъ честноты тверезости. По недогаданной и до нынѣ явно не заподанной причинѣ принужденъ былъ той праведный мужъ и добрый пастырь отречись престола митрополичого и удатись до Риму на постоянное жилище, где и умеръ.

Якъ свѣтлыи мужи науки, такъ и многіи другіи дѣльныи патріоты русскіи, одушевлены одною любовію къ отчинѣ, дѣйствовали рука въ руку, словомъ и дѣломъ для блага своего народа; бодро стояли они всегда и всюда за его народныи права, а своимъ добрымъ примѣромъ воспитали молодое поколѣнье русскихъ дѣятелей, якихъ — слава Богу — умножается на честь и на радость Руси все бôльше и бôльше. Въ числѣ дѣятельныхъ патріотôвъ русскихъ за Митрополита Яхимовича и его наслѣдника Литвиновича отличился особенно яко по-

кровитель русскои словесности и молодежи русской, славный именемъ своимъ Михаилъ Качковскій, который для пôддержанья русского духа и постоянья за народныи права Галицкой Руси, осно-

Митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ.

валъ политичную газету „Слово“, удержовалъ у себе въ Самборѣ бурсу для бѣдныхъ русскихъ дѣтей и въ-конецъ завѣщалъ даже все свое великое имѣніе (сверхъ 60.000 зр.) на основаніе постоянного фонда для цѣлей русско-литератур-

ныхъ. Въ честь того знаменитого подвижника просвѣщенія въ народѣ русскомъ основали наши патріоты Общество его имени, которое ôтъ р. 1873 до днесь своими, що-мѣсяця издаваемыми книжочками и также черезъ устроюванье генерального собранія членôвъ Общества, а то ежегодно въ инномъ городѣ русской Галичины, пôдноситъ высоко духа русского, дѣйствуе къ просвѣщенію особливо сельского народа, ввело въ житье русскую „Народную Торговлю“ во Львовѣ, подвизается къ заведенію селянскихъ читалень и загаломъ исполняе задачу свою во благо образованья народа съ найлучшимъ успѣхомъ.

Дѣйствія патріотôвъ нашихъ зъ часôвъ владыцтва Яхимовича и Литвиновича были и пôдъ всякими другими взглядами, где ишло о защиту и пôднесенье русской народности, спасительны и благіи въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ на пр. еще въ г. 1859, коли то за губернатора Галичины гр. Агенора Голуховского австрійское правительство задумало ввести въ книжкахъ нашихъ вмѣсто славяно-русской азбуки абецадло латинское, ученыи наши патріоты всѣ совокупно выступили противъ того съ такимъ жаромъ супротивленія, такъ умно и основно обороняли споконвѣчное наше русское письмо, що и самъ многовлятельный тогды графъ Голуховскій видѣлъ

себе принужденымъ, той новый проектъ для ополячованья Руси залишити. — Тіи же патріоты наши за побудкою русского посла соймового, Юліяна Лавровского основали р. 1863 театръ русскій во Львовѣ, и той же переѣздячи по бôльшихъ городахъ краю, удержуесь и до нынѣ та и дѣйствуе корыстно на пôднесенье и розширянье русского слова во всѣхъ верствахъ тукраевого народонаселенія. — Они то, тіи патріоты наши пôдъ проводомъ крылошанина Өеофила Павликова и совѣтникôвъ Василія Ковальского и Юліяна Лавровского привели до бôльшого житья нашу „Русскую Раду", составили для неи новыи статуты и пôдносили съ живѣйшимъ натискомъ повзятую еще въ р. 1848 спасительную для нашой Руси мысль подѣленья Галичины на двѣ части: русскую и польскую, якъ то для двохъ, въ тôмъ краю жіющихъ народностей есть природно, и якъ того такожъ исторія оныхъ двохъ народôвъ основно вымагае и требуе. Для достиженія такъ тои, самои важнѣйшой, якъ и другихъ цѣлей, къ пôднесенію русской народности и народного благобыта служащихъ, наши добрыи патріоты стали уже ôтъ р. 1880 созывати такъ званыи „народныи Вѣча", т. е. громадныи собранія для народа въ дѣлахъ народныхъ и политичныхъ, которыи то собранія ôтъ сего часу ôтбываются уже таки частѣйше въ различныхъ городахъ

нашой Руси при великомъ участіи селянского народа.

Изъ многихъ благодатей, якихъ за новѣйшихъ часôвъ дознала Галицкая Русь по милости владѣющого днесь Монарха Францъ-Іосифа I, слѣдуе записати въ нашой исторіи событшоеся въ р. 1885 основанье третьёго галицко-русского епископства съ особною епархіею Станиславовскою. Велика то для насъ монаршая ласка, бо маючи нынѣ трехъ русскихъ Владыкъ, не тôлько наша св. Церковь приходитъ до тѣмъ-бôльшого блеску и значенья въ краю, но и нашъ Митрополитъ може теперь созывати для Галицкои Руси церковныи Соборы, для созванія которыхъ по законамъ церковнымъ власне потребно того, щобы въ краю было трехъ Владыкъ епархіяльныхъ.

Лѣтомъ р. 1887 удостоилъ нашу Русь австрійску своимъ посѣщеніемъ единственный сынъ владѣющого нами Монарха, престолонаслѣдникъ Архикнязь Рудольфъ, высокоударованый молодый мужъ и славный въ свѣтѣ своею ученостію и благородными свойствами души, который на той проѣздцѣ своей по нашомъ краю принимаючи всюда Русинôвъ любовно, позыскалъ собѣ такую же любовь во всѣхъ русскихъ сердцахъ, а въ цѣломъ народонаселенію Галичины найбôльшое для себе сочувствіе. Тожь якъ

громомъ поразила всѣхъ Русинôвъ въ пôлтора лѣта потомъ сумная вѣсть, що той многонадѣйный наслѣдникъ царского престола Австріи скончался наглою смертію въ своемъ дворцѣ въ Маерлингу пôдъ Вѣднемъ дня 30. Января 1889 г.,

Архикнязь Рудольфъ.

и опечаленная Русь наша глубоко сочувствовала такъ тяжкой64 стратѣ, якои дозналъ добрый нашъ Монархъ, его царская родина и всѣ народы державы австрійской.

О добротѣ сердца нашого Монарха Францъ-Іосифа І., заявляемой для долѣ пôдчиненныхъ ему народôвъ, слѣдуе за

найновѣйшихъ часôвъ еще и тое записати въ нашой исторіи, що коли зъ зашушного лѣта 1889 наступилъ въ цѣлой Галичинѣ, особливо для галицко-русскихъ селянъ, тяжкій голодовый годъ, той добрый Монархъ дозволилъ выдати изъ державныхъ и краевыхъ фондôвъ великанскіи сумы для ратованья голодающихъ людей въ тôмъ краю, а еще до того и правительство въ началѣ 1890 г. изволило русскимъ патріотамъ во Львовѣ завязати вспомагательный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Б. А. Дѣдицкого, который для усмиренья голодовой нужды жителей нашои Галикои Руси собралъ и роздалъ досыть значныи запомоги въ грошахъ и збôжу, въ цѣнности около 60.000 зр., а кромѣ того русскіи братья изъ Россіи прислали нѣсколько вагоновъ пшеницы.

Новая эра въ 1889 р.

(Дополненіе къ второму изданію.)

Въ р. 1889 выйшло при выборѣ до галицкого сойма 16 нашихъ послôвъ, самыхъ свѣтлыхъ мужей, и тіи соединились въ одинъ „русскій клюбъ“ и выбрали предсѣдателемъ професора Юліяна Романчука. Той провозгласилъ въ соймѣ славную интерпеляцію, состоящую изъ кôльканадцяти точокъ, въ которыхъ высказалъ всѣ важнѣйшіи кривды Русинôвъ и возвалъ правительство до устраненья тѣхъ-же. Тое выступленье русскихъ по-

слôвъ, безъ взгяда на партіи, не было на руку Полякамъ и правительству.

Тогды начали наши противники входити въ переговоры то съ партіею старорусскою, историчною, то съ молодою званою „народовскою", и робити розличныи обѣцянки, а то въ цѣли розбитья русского соймового клюба, а взглядно, щобы розъединити русскій народъ. Народовская партія далась увлечи обѣцянкамъ и Юліянъ Романчукъ провозгласилъ безъ порозумѣнья съ прочими членами клюба, дня 25-го листопада 1890 р. програму будьто бы якогось перемирія съ поляками. Ходило въ той програмѣ головно о то: оголосити насъ Малорусинôвъ особнымъ самостоятельнымъ народомъ, розличнымъ такъ ôтъ Поляковъ, якъ и ôтъ Великороссôвъ. Розличеніе наше ôтъ тѣхъ послѣднихъ надзвычайно подобалось Полякамъ, и они приняли програму Романчука по той причинѣ съ великимъ восторгомъ. Они и тогды не могли, та и теперь не могутъ, поняти, що мы Малорусины, бывшіи пôдъ панованьемъ Польщи около 500 лѣтъ, розличны ôтъ Поляковъ, та що мы не хочемъ належати, яко давныи ихъ пôдданыи до ихъ Польщи, которую они при нашой помочи хотятъ возстановити.

Якъ уже выше сказано, Юліянъ Романчукъ выголосилъ програму уложенную въ порозумѣнію съ намѣстникомъ

графомъ Казиміромъ Бадени, а безъ вѣдома своихъ товаришей, пословъ старо-русской или русско-народной партіи. Тожь сейчасъ запротестовалъ именемъ старо-русской партіи противъ програмы Юліяна Руманчука посолъ д-ръ Николай Ивановичъ Антоневичъ, доказуючи, що нѣтъ двохъ, а тôлько одинъ русскій народъ. На то отвѣтилъ митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ въ долшой рѣчи, въ оправданье програмы Юліяна Романчука д-ру Н. И. Антоневичу и его товаришамъ, а вкôнци сказалъ: Кто не зъ нами, для того тутъ мѣстця не ма.

Програма Романчука, хотя она была почти повтореніемъ прежнихъ галицко-русскихъ програмъ еще ôтъ памятного року 1848, но тѣмъ дуже подобалась Полякамъ, що она пôдносила „самостоятельность“ Малорусинôвъ и „отдѣльность“ ихъ отъ Великоруссôвъ, черезъ що Полякамъ мерещилось, що также малорусская Украина, що колись была пôдъ Польщею, а теперь пôдъ Россіею, може оголосити себе такою же „самостôйною“ супротивъ великорусской державы. А о тоежъ Полякамъ, отвѣчнымъ противникамъ велико-русской державы, властиво и найбôльше ходило. Они назвали програму Романчука объявою „новой эры“, т. е. заповѣстью яко бы „новой лучшой будучности“, а самое же правительство, которое всегда бажало, щобы Русины съ

Поляками въ сгодѣ жили, подѣлало Русинамъ за цѣну той сгоды где-якіи обѣтницѣ, но тôлько пôдъ условіемъ, если польская бôльшôсть соймова сгодится на якіи ласки въ корысть Русинôвъ. А понеже польская соймовая бôльшôсть боялась, що правительство безъ ея вѣдома схоче въ силу договора съ Романчукомъ удѣлити якіи-то уступки, то черезъ одного изъ своихъ послôвъ застереглася противъ такихъ уступокъ. Щобы затѣмъ и Поляковъ упевнити, що ничего съ шкодою для справы польской не зайде, заявилъ заразъ въ соймѣ, сдѣлавшій договоръ съ Юліяномъ Романчукомъ намѣстникъ гр. Казиміръ Бадени, що заявленіе посла Юліяна Романчука принимае до вѣдомости, а свертаючись до польской бôльшости сказалъ: „Мы собѣ ничего не обѣцяли и до ничего себе не зобовязывали.“ И вотъ отъ теперь настала въ краѣ великая и завзятая борьба. Весь народъ и бôльше чѣмъ $^3/_4$ мірской и духовной интелигенціи стануло по сторонѣ посла Антоневича, а тôлько часть молодшихъ священникôвъ, въ цѣли приподобаньяся митрополиту Сембратовичу, а также народныхъ и гимназіяльныхъ учителей и чиновникôвъ станула по сторонѣ Романчука, а то въ бôльшôй части для личныхъ выгодъ. А щобы доказати по чіей сторонѣ правда, политическое Общество „Русская Рада“ во Львовѣ созвало на

день 2 н. ст. лютого 1891 въ Львовъ весь русскій народъ на всенародное русское вѣче. На вѣче то прибыло изъ всѣхъ сторонъ Галичины высше 6000 народа, разомъ съ мірскою и духовною интелигенціею, которое то вѣче подъ предсѣдательствомъ о. крыл. Ѳеофиля Павликова запротестовало одноголосно противъ выголошенной програмы Романчука, а одобрило протестъ д-ра Николая Ив. Антоневича. Щобы показати гр. Казиміру Бадени, що по сторонѣ Юліяна Романчука стоитъ также якая-то частина народа, устроивали приверженцѣ Романчука свои собранія, на которыи однакъ народъ не являлся. Въ тѣхъ то своихъ собраніяхъ выговорювали они не чуванныи рѣчи противъ старорусской партіи, а въ однômъ такômъ собранію кандидатъ нотаріяльный изъ Зборова Рудницкій заявилъ, що каждый членъ „народовской партіи“ (партіи Романчука) долженъ стати отъ теперь народнымъ жандармомъ и указывати кто здрадникъ-москаль.

Но мимо того всего народъ и большинство старорусской интелигенціи не устрашилось такихъ угрозъ. Тогды начато печатати въ газетѣ „Діло“ адресы Юліяну Романчуку зъ полными подписями, въ надеждѣ, що найдутся слабодухи, пôдпишуть такій адресъ. Въ томъ однакъ обманулися, такъ якъ кромѣ малои частины, подписывавшихъ адресы,

прилучилася до нихъ, выйшовшая изъ народовской партіи наймолодшая партія т. з. „русскихъ радыкалôвъ“, которая, хотя не признавала единства русского народа, не записалася въ Польщу. Тяжкіи часы переживала тогды Галицкая Русь! Посталъ братъ на брата; жандармы заходили до членôвъ Общества им. Мих. Качковского, предпринимали ревизіи будь то за запрещенными книжечками, которыхъ они не имѣли, — а бывали и такіи случаѣ, що заходили въ церковь, чи не служитъ литургіи священникъ старо-русской партіи по „шезматицки“. Митрополитъ Сильвестръ Сембратовичъ старался всѣми способами притягнути священникôвъ старо-русской партіи на свою сторону, а коли то ему не удавалося, то заслуженныхъ для церкви и русского народа священникôвъ, а награжденныхъ за свою дѣятельность на поли церковнôмъ крылошанскими и другими отличіями, касовалъ изъ деканôвъ и отбиралъ отличія, якъ то мало мѣстце съ о. Ѳеодосіемъ Эффиновичемъ и другими. Кромѣ того опороженныи приходы по мѣстамъ и лучшіи по селамъ, якъ такожь деканаты замѣщалъ приклонниками новой эры.

Особно — на свою руку — выступали реформованныи Езуитами оо. Василіяне въ своихъ проповѣдяхъ и изданіяхъ противъ членôвъ Общества им. Мих. Качковского, а то тому, що тое Общество основалъ о. Іоаннъ Наумовичъ.

И тѣхъ всѣхъ переслѣдованій и гоненій не убоялися Старо-Русины, которыи поучены досвѣдомъ и показаніями исторіи ніякъ не годилися на „новую эру,“ а и самъ Романчукъ, спостерегши, що всѣ обѣцянки правительства, кромѣ введенья въ 1892 р. въ школахъ фонетики — яко подходящой польскимъ цѣлямъ—и польскихъ надписей на желѣзницяхъ, положены на ласку Полякôвъ въ краевомъ соймѣ, отрêкся своего чада — той новой эры—и сталъ на ново выступати противъ Полякôвъ, а навѣть, где потреба и противъ правительства. При „новой эрѣ“ остался и на дальше тôлько Александръ Барвинскій, дѣлавшій прежде разомъ съ Романчукомъ переговоры съ гр. Казиміромъ Бадени) съ кôлькома своими приклонниками, а потôмъ прилучился до него и Анатоль Вахнянинъ, которыи то оба, спонуканы и хорошо нагорожаемы Поляками, довели „новую эру“ еще до значенія „найновѣйшого курсу“, т. е. до такого стана политики, где Русь мала бы оставатись дальше не своею споконвѣчною Русью, а якимъ-то недородкомъ чи выродкомъ, подъ опѣкою и зъ ласки Польщи.

Въ роцѣ 1892 введено до всѣхъ школъ народныхъ и середнихъ такъ званое фонетичное правописаніе. Протестъ Русинôвъ, заосмотренный около 32 тысячью пôдписями, не принêсъ ніякого успѣха.

Въ роцѣ 1893 устроили Поляки во Львовѣ такъ звануюю „краевую выставку." Краевая была она о стôлько, що нашъ край мусѣлъ еще до ней доплатити, ибо былъ недоборъ съ ней свышь пôлъ миліона. Звалась она краева, но на ней было лишь майже все польское и польское. Понеже того року припадала 100-лѣтняя рôчниця возстанія Полякôвъ пôдъ Костюшкомъ, то тая же „Костюшковская выставка" была на то, щобы передъ свѣтомъ показати, о скôлько Польща по своемъ паденью поступила.

Въ роцѣ 1895, дня 25-го вересня, переводено въ Галичинѣ новыи выборы до галицкого сойма. По причинѣ, що съ противной намъ стороны дѣялись небывалыи до теперь надужитья и насилія при тѣхъ выборахъ, выбрано лишь 14 русскихъ послôвъ. Въ дѣйстности по волѣ народа выбрано лишь трехъ, а прочіи изъ партіи новѣйшого курса Ал. Барвинского. Сейчасъ по скôнченью выборôвъ намѣстникъ гр. Каз. Бадени зôсталъ министръ-президентомъ, а отправляясь въ Вѣдень затримался въ Краковѣ и тутъ передъ своими выбирателями произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, що выборы были переведены въ порядку. Русскій народъ покривженый домагался ôтъ своихъ провôдникôвъ, духовныхъ и мірскихъ, щобы выслати депутацію до Вѣдня, до Найяснѣйшого Монарха, и просити о скасованье тѣхъ выборôвъ. На усильное домага-

нье селянъ изъ цѣлой Галичины, завязался комитетъ изъ довѣренникôвъ всѣхъ русскихъ партій, кромѣ партіи новѣйшого курса — который постановилъ скликовати вѣча въ цѣлой Галичинѣ съ протестами противъ надужитій при выборахъ, а ôттакъ выслати депутацію съ жалобою до цѣсаря. До комитета вѣчевого вôйшли: Романъ Бачинскій, о. Вас. Давидякъ, д-ръ Мих. Король, Василь Нагôрный, Стефанъ Новаковскій, Ѳеофиль Окуневскій, д-ръ Евгеній Олесницкій, Лонгинъ Рожанковскій, Юліянъ Романчукъ и Константинъ Телишевскій.

Однакожь политичныи власти заказали русскіи вѣча, пôдъ позоромъ эпидемичныхъ слабостей, и краевое вѣче во Львовѣ также заборонено на той пôдставѣ, будьто оно мало пôдъюджовати до ненависти и погорды противъ органôвъ правительственныхъ, до вражды національной и клясовой въ краю. Тогды скликалъ комитетъ на день 15-листопада 1895 изъ всѣхъ повѣтôвъ Галичины мужей довѣрія на довѣрочное собраніе во Львовъ. Съѣхалось около 600 мужей довѣрія и тіи ухвалили: 1) Довѣрочный сборъ Русинôвъ цѣлой Галичины протестуе противъ способа переведенья соймовыхъ выборôвъ и признае цѣлый соймъ за неправный; 2) постановляе выслати депутацію до Монарха съ прошеніемъ о розвязанье сойма и заряджене новыхъ выборôвъ; все то мае выконати комитетъ

изъ десяти членôвъ, который занялся устроеньемъ всенародного вѣча.

Митрополитъ Сильвестеръ Сембратовичъ, застараньемъ Полякôвъ и Іезуитôвъ, яко въ нагороду за вѣрную службу зосталъ именованый кардиналомъ.

Дня 12-грудня 1895, въѣхалъ о 3-й годинѣ пополудни новоименованный кардиналъ, митрополитъ Сильворстеръ Сембратовичъ, торжественно во Львовъ. Его повитали репрезентація края и города, латинскіи епископы и численно собранное русское духовенство.

Въ тôмъ повитанью брали участіе и рускіи депутаты до Цѣсаря, которыи вечеромъ того-же дня ôтъѣхали до Вѣдия съ пѣснію въ устахъ:

„Подивися, Цѣсареньку,
„Якій народъ бѣдный!"

Всѣхъ депутатôвъ изъ всѣхъ русскихъ повѣтôвъ было 220. Найчисленнѣйше были заступлены повѣты: Жидачêвъ, Стрый, Городенка, Жолковь, Калушъ и Борщôвъ. Дня 16-го грудня 1895, о 10-ой годинѣ рано, депутація, выбрана изъ середъ 220 членôвъ и состоящая изъ о. І. Озаркевича яко провôдника, Лонгина Рожанковского, о. Саноцкого, (выбранный въ составъ депутаціи только въ Вѣдни на мѣсто члена старорусской партіи о. Иліи Каламунецкого на которого президентъ министровъ гр. Казиміръ Бадени не согласился,) д-ра Окуневского, селянъ Стефана Новаковского и Прокопа Грен-

джолы, была допущена на авдіенцію до цѣсаря. О. Іоаннъ Озаркевичъ промовилъ слѣдующими словами: „Ваше цѣс. кор. апостольское Величество! Яко делегаты высланой русскимъ народомъ депутаціи, сложенной изъ 220 членôвъ, важимось явитись передъ Вашимъ цѣс. кор. апостольскимъ Величествомъ, щобы передъ ступенями найвысшого трона запевненье непохитной вѣрности и преданности сего народа поновити, а вразъ щобы для того, ôтъ ста лѣтъ тяжко досвѣдчованого народа, просити о вселаскавѣйшую охорону. Русскій народъ, который завсѣгды, навѣть въ найтяжшихъ часахъ становилъ крѣпкую пôдпору трона и державы, находится теперь, вслѣдствіе несважанья на основныи законы державныи правительственными органами при послѣднихъ выборахъ соймовыхъ, въ зворушенью умôвъ, которое переймае также найспокôйнѣйшого горожанина и сбивае поглядъ, мовь-бы въ нашôмъ краю пановали задоволенье и сгода. Понеже русскому народу, черезъ недопущенье ôтповѣдного заступничества, замкнено всѣ дороги до осяненья его права и ôнъ едино и выключно ôтъ Вашого Величества сподѣваеся зарады, то важимось жалобы сего народа на сегорочныи выборы соймовыи сложити передъ найвысшимъ трономъ съ найуниженнѣйшимъ прошеніемъ: Ваше цѣс. и кор. апостольское Величесто изволятъ вселаскавѣйше сіе про-

шеніе пріймити и поданымъ въ немъ жалобамъ зарадити.“

По тѣхъ словахъ передалъ о. Озаркевичъ меморіялъ (пропамятное письмо) до рукъ монарха. Въ tôмъ меморіялѣ были близше означены найважнѣйшіи надъужитья при выборахъ и правыборахъ въ Галичинѣ.

На другій день писали полу-урядовыи газеты о той депутаціи такъ: Цѣсарь изволилъ приняти меморіялъ съ тою увагою, що депутація може быти певна, що мѣстящіися въ немъ жалобы будутъ основно розслѣжены и, о скôлько станутъ оправданы, буде имъ зараджено. Запевненье вѣрного привязанья пріймае цѣсарь съ вдоволеньемъ; ôнъ знае, що на тіи чувства у Русинôвъ може числити. Депутація нехай буде пересвѣдчена, що русскій народъ такъ само близкій сердцю цѣсаря, якъ иншіи народы монархіи, и що цѣсарь ôтъ сердця бажае его успѣшного розвою. Но цѣсарь не може залишити уваги, що дуже муситъ впадати въ очи, коли бôльшое число священникôвъ опускае Львôвъ въ той самой хвили, якъ ново именованый кардиналъ ôтбывае тамъ свôй въѣздъ; бо наданье кардинальского достоинсва архіепископу Сембратовичу мае уважатись яко знакъ, що и папа, и цѣсарь дбаютъ о розцвѣтъ русской Церкви. Такожь муситъ се съ недоволеньемъ замѣтити, що надто великое число участ-

никôвъ депутаціи есть заровно коштовною, якъ невластивою демостраціею, которая ніякъ не представляеся ôтповѣдным средствомъ до лучшого осягненья намѣреной цѣли. Авдіенція тревала четыре минуты и закôнчилася словами цѣсаря: Отже прощайте!“

Масовая депутація русского народа осягнула свою цѣль, ибо свернулась бôльшая увага на галицкіи, а властиво рускіи отнощенія въ Галичинѣ, а русскій народъ пересвѣдчился, що треба ему предовсѣмъ спускатись на власную роботу и власную силу.

Поляки же прійшли до верховодства въ Галичинѣ, якъ бы въ чисто-польскôмъ краю...

Соймъ польскій, выдѣлъ краевый польскій, рады повѣтовыи самъ народъ зове „польскими бецирками,“ школы майже всюда польскіи а если суть где и рускіи, то съ польскими учителями, фонды краевыи идутъ переважно на польскіи цѣли, надписи на улицяхъ во Львовѣ, въ русско-княжой столицѣ, лишь польскіи, урядовый языкъ польскій! Коли якій Русинъ хоче добиватися высшого становища и спокôйно на немъ сидѣти, то найчастѣше не може признаватись до того, що ôнъ Русинъ, а тѣмъ меньше признаватись и выступати въ справахъ народно-русскихъ, ибо окричатъ его сейчасъ яко „Москаля,“ и пропала его карьера.

И въ Вѣдни маютъ великую перевагу Поляки, ибо маютъ своихъ министрôвъ, и шефôвъ секцій, а польскіи послы, связавшись въ польское „коло,“ руководятъ политикою Австріи. Коли мали свою Польщу, не было имъ такъ добре, якъ теперь въ Австріи...

Выборы въ роцѣ 1895 и масовая депутація русская наробили много шума, и то въ цѣлой Европѣ.

Въ роцѣ 1897 мали наступити новыи выборы въ державную думу. Польскіи послы изъ „кола,“ а властиво верховодячая польская шляхетская партія „Станчикôвъ,“ видячи, що не тôлько ихъ мазурскіи селяне начинаютъ о свои права упоминатись, бо видко наприкрили собѣ уже шляхетскую опѣку, и хотятъ выбирати собѣ своихъ „хлопскихъ“ послôвъ: отже Станчики, видячи дальше, що и русскій селянинъ о стôлько уже прозрѣлъ и наученъ опытомъ при послѣдныхъ выборахъ въ соймъ, не такъ легко дасться переробити при выборахъ, загадали ввести межь Русинами дальшій подѣлъ на партіи, щобы утраченыи на Мазурахъ посольскіи мандаты ôтзыскати въ русскихъ округахъ восточной Галичины. Въ той роботѣ якъ не можна лучше прислужились имъ ихъ послушники лжепослы, Барвинскій и Вахнянинъ. Выслугуючись своимъ покровителямъ за свôй выборъ, пôднялись дѣлити еще дальше Русинôвъ,

а предлогомъ къ тому взяли католичество, та и вмѣшали вѣру до политики, помѣшали огонь съ водою. Щобы ôтлучити русское духовенство, тѣхъ природныхъ проводникôвъ, ôтъ народа, заложили въ р. 1896 политическое общество пôдъ назвою „Руско-католицкій Союзъ.“ Они думали собѣ, що весь русскій клиръ приступитъ до того Союза, ибо навѣрно той клиръ не схоче навлечи на себе пôдозрѣнія, що ôнъ не католическій, если не приступае до „Католического Союза.“ Позабыли они видко, що стараніемъ кардинала Сембратовича завязалось уже чисто-церковное католическое русское общество: „св. Апостола Павла,“ которое стараеся о успѣваніи нашой гр.-кат Церкви и пôднесеніе духа католического и званія священнического.

Въ той справѣ удались и до кардинала С. Сембратовича и упросили его, щобы ôнъ потолковалъ съ духовенствомъ всѣхъ трехъ епархій въ той справѣ. — Кардиналъ выдалъ куренду и роспорядилъ, щобы каждый деканатъ выбралъ собѣ ôтпоручникôвъ и щобы тіи пріѣхали на день 10-го грудня 1896 р. на нарады въ справахъ церковныхъ и народно-политичныхъ до Львова. — Дѣйстно, пріѣхало до Львова около 160 делегатôвъ, священникôвъ изъ всѣхъ трехъ русскихъ епархій Галичины.

Собраннымъ делегатамъ предложено въ рефератѣ крылошанина Ал. Бачинского кôльканадцять точокъ въ справахъ церковныхъ, народныхъ и политичныхъ до застановленьяся и рѣшенія. Собранныи делегаты выбрали съ помежь себе комисію изъ 15 членôвъ, въ составъ которой вошли священники: Өеофилъ Калужняцкій, Илія Мардаровичъ, Волод. Дорожинскій, Даніилъ Танячкевичъ, Василій Залозецкій, Василій Давидякъ, Іоаннъ Мышковскій, Іоаннъ Негребецкій, Владиміръ Рынявецъ, Александеръ Сабатъ, Симеонъ Заяцъ, Корнилій Сеникъ, Іосифъ Крушинскій, Владиміръ Віргановскій и В. Козёровскій.

Комисія, пôдъ предсѣдательствомъ Ө. Калужняцкого, застановившись основно надъ предложеньями, уложила слѣдующіи резолюціи: „Мы, гр.-кат. духовенство галицкой провинціи, репрезентованыи дня 10 н. ст. декабря 1896 р., вслѣдствіе деканальныхъ выборôвъ, по милостивѣйшому порученію Его Эминенціи Кардинала Сильвестра, вѣрныи святѣйшому апост. Престолу и августѣшой австрійской Династіи, выражаемъ: 1) Розваживши, що наше гр.-кат. духовенство само собою творитъ іерархическій организованый союзъ, и для того нѣтъ необходимости организовати еще офиціяльно - клерикальный союзъ; 2) розваживши, що такій офиціяльно-

клерикальный союзъ мôгъ бы приняти религійно-политическій характеръ, а то для Церкви и народа должно бы быти безусловно вреднымъ, такъ якъ кинуло бы вѣру въ водоворотъ политики, всегда непостоянной, всегда самолюбной и въ средствахъ неперебирающой; 3) розваживши, що мы не видимъ причины якой-то надобыкновенной акціи въ нашой на скрôзь католической провинціи; 4) розваживши, що такая офиціяльно-клерикальная организація, фактичною потребою неоправдана, вызвала бы замѣшательство межь духовенствомъ и народомъ, якъ того яскравыи примѣры имѣемъ въ западной Галичинѣ, где народъ католическій враждебно выступае противъ всего своего клира; 5) а наконецъ розваживши, що безъ участія народа одно духовенство не чувствуеся компетентнымъ рѣшати такъ важный вопросъ на скорѣ и на собственную руку;

I) Делегаты гр.-кат. духовенства всѣхъ трехъ епархій въ Галичинѣ не видять необходимости отдѣльной организаціи будь посредствомъ основанія нового офиціяльно-клерикального политического общества, будь якого-то исполнительного комитета того же общества;

II) розваживши, що Высокопреосвященный австрійскій Епископатъ на своихъ конференціяхъ цѣлый рядъ лѣтъ

трудится надъ трепещущими вопросами въ интересѣ Церкви и блага народа, вступаеся за устраненіемъ конфесійныхъ законôвъ, за введеніемъ вѣроисповѣдной школы, за пôднесеніемъ и обезпеченіемъ земледѣлія и промысла посредствомъ организаціи компаній для устраненія несправедливой конкуренціи, въ пользу обезпеченья робочихъ на случай несчастныхъ приключеній, въ пользу воспитанія дѣтей въ католической вѣрѣ, въ пользу пôднесенія нынѣшней нужденной дотаціи душпастырского клира и обезпеченія пенсій для его вдôвъ и сирôтъ; розваживши тѣ ихъ благотворныи старанія и труды, собранныи делегаты заявляютъ Высокопр. австр. Епископату свою сыновскую благодарность, съ тѣмъ увѣреніемъ, що въ той области найдутъ насъ всегда ревными труженниками, готовыми къ моральнымъ и матеряльнымъ жертвамъ;

III. собранныи делегаты застерêгаются противъ остракизма, изъ якой бы то не было причины, изъ-за своихъ политичныхъ убѣжденій, и заявляютъ, що ôтъ католическихъ чувствъ и убѣжденій не дадутъ ніякой хитрости себе ôтсудити."

Тіи резолюціи были одноголосно приняты собранными делегатами и противъ нихъ не пôднялся на собранію ни одинъ голосъ.

Собранныи делегаты сошлися того самого дня въ „Народномъ Домѣ" и вы-

брали съ-помежь себе выборчій комитетъ изъ 30 священникôвъ, т. е. по десять съ каждой епархіи. Комитетъ той воззвалъ мірскихъ людей, членôвъ „Русской Рады“ и „Народной Рады,“ щобы для вспôльной працѣ до того комитета въ рôвнôмъ числѣ 30-ти вступили.

Дня 29-го Грудня 1896 съѣхались всѣ члены того комитела до Львова и составили такъ званый „Краевый русскій комитетъ выборчій,“ въ составъ которого вôйшло 30 священникôвъ, 30 мірскихъ людей изъ русской интелигенціи и 30 селянъ и мѣщанъ, выбравши собѣ яко 91-го члена о. Іоанна Озаркевича на председателя, и также двохъ заступникôвъ Ротогожь, Богдана Дѣдицкого и Юліяна Романчука. Свѣтлого того дня ôтложила Галицкая Русь всѣ свои партійныи споры и соединилась въ одну цѣлость, щобы постояти единодушно при выборахъ въ 1897 за права русского народа и его русско-католической Церкви.

Такъ здавалося, що послѣ примиренія партій и соединенія ихъ для вспôльной защиты галицко-русского народа отъ вражихъ навѣтôвъ, лучшая для него настане доля. Однакъ то соединеніе Русинôвъ обезпокоило верховодящую польскую партію и наклонило ю къ тѣмъ враждебнѣйшимъ роботамъ противъ Русинôвъ. Они, въ виду предстоящихъ выборôвъ

въ думу державную составили краевый комитетъ выборчій пôдъ предводительствомъ гр. Войтѣха Дѣдушицкого и подѣлили его на два ôтдѣлы: одинъ для выборôвъ въ восточнôй, другій для выборôвъ въ западнôй Галичинѣ. Оба тѣ комитеты и урадили, щобы кромѣ трехъ такихъ Русинôвъ, которыи-бы на руку ишли Полякамъ и правительству, бôльше никого не дати выбрати изъ Русинôвъ посломъ въ думу державную. Помѣщики обложили сами себе на выборчіи цѣли податкомъ и кромѣ того польскій выборчій комитетъ получилъ грошевое пособіе изъ правительственного фонда, который называеся диспозиційнымъ.

Правыборы началися въ февралѣ 1897 г. Розличіе межи давнѣйшими выборами а тѣми состояло въ томъ, що по реформѣ выборчой ординаціи отъ 14 іюня 1896 р. до 353 послôвъ, яко представителей розличныхъ станôвъ и интересôвъ, мало быти выбраныхъ 72 послôвъ въ цѣлôй Австріи изъ такъ зовимой 5-ой куріи, яко представительницѣ всѣхъ станôвъ. Русины могли теперь выбрати своихъ послôвъ изъ двохъ курій, 5-ой и 4-ой. Въ мѣстахъ восточной Галичины Русины всегда еще въ меньшенствѣ, такъ що о своихъ представителяхъ изъ городской куріи не могутъ еще долго думати.

Якъ правыборы происходили, еще въ свѣжой нашей памяти. Русскій коми-

тетъ выборчій послѣ выборовъ составилъ книжку на нѣмецкомъ языцѣ, въ которôй на основаніи фактôвъ представилъ примѣры яркого злоупотребленія власти съ стороны правительственныхъ органовъ. Польскій комитетъ выборчій малъ на свои услуги жандармôвъ и даже державное войско. Комисары выборчіи закрадалися тайкомъ въ села, щобы, скликавши кôлька приверженцêвъ польского комитета, въ корчмѣ или въ дворѣ перевести выборъ надежного выборця. Такъ на пр. въ Жолкôвскôмъ повѣтѣ секретарь староства Слонецкій, яко комисарь выборчій переодѣвался даже за женщину, щобы неспостережено достатись до назначенного съ горы локаля выборчого.

Кровавая сцена розигралась въ Чернѣевѣ, селѣ станиславовского повѣта, числившомъ тогда надъ 4000 жителей. Тамъ начались 26 лютого рано выборы выборцêвъ изъ пятой куріи. Правительственнымъ комисаремъ былъ секретарь староства Карль Штрассеръ, секретаремъ на время выборовъ чернѣевскій вôйтъ Полякъ Робачевскій. Въ полудне выборы кончилися и комисаръ отойшолъ на обѣдъ къ вôйту, не оголосивши результата выборôвъ. Изъ неуваги оставилъ онъ паперы на столѣ и селяне стали ихъ переглядати. Къ бôльшому своему удивленію они замѣтили, що жидôвскимъ выбор-

цямъ было вписано бôльше голосôвъ, якъ селянскимъ и що голосы правыборцêвъ, отданныи на селянскихъ кандидатôвъ, записаны были для жидôвъ.

Коли комисарь по обѣдѣ вернулъ и сказалъ, що будутъ выборы выборцêвъ для 4-ой куріи, жаловались селяне, що ихъ голосы фальшиво записуются. Комисарь крикнулъ: якъ вамъ не подобаеся, обжалуйте мене... Началося голосованье изъ 4-ой куріи. Селяне, платившіи 20—30 зр., не были вписаны въ выборчую листу — жидôвъ, платившихъ мало-що кликали до голосованья. Жидъ Энгельбертъ голосовалъ три раза. Селяне возмутились и стали кричати: Бій жидôвъ. Энгельбертъ сховался за стôлъ комисаря — другій жидъ Маргулесъ, ставшій черезъ фальшованье выборôвъ выборцемъ, тоже былъ загроженый, а комисарь перервавши выборы и отъѣхалъ въ Станиславôвъ.

Станиславовскій староста Прокопчицъ выслалъ въ самую пôлнôчь 4 жандармôвъ до Чернѣева для возстановленія порядка. Жандармы арестовали 9 общепочитаемыхъ господарôвъ и закули ихъ въ кайданы. Коли ихъ ведено толпа народа сопровождала ихъ селомъ, а щобы людей отогнати ударили штиками (багнетами) въ толпу. Одинъ изъ толпы, Петръ Стасюкъ, минувшого дня выбраный выборцемъ, былъ штикомъ съ заду пере-

колотый, палъ на землю и черезъ кôлька минутъ отдалъ духа Богу. Кромѣ него трехъ другихъ селянъ получило тяжкіи раны, а два легкіи. Слѣдующого дня прійшло войско въ Чернѣевъ. Прокураторія державная на доносъ комисаря выборчого, жида Маргулеса и вôйта обжаловала 25 селянъ о публичное насиліе. Замѣчательнымъ есть, що межи тѣми 25 селянами лише 1 былъ изъ онихъ 9, закутыхъ въ кайданы, ибо противъ прочихъ 8 не оказалось ничего карыдостойного. Но также и тѣ 25 судьями присяжными были освобождены.

Въ тернопольскôмъ повѣтѣ пріѣхалъ яко комисаръ выборчій секретарь староства Хлендовскій въ недѣлю вечеръ до Березовицѣ великой и заѣхалъ до вôйта Подгайного, будь-то на запусты, где и поправдѣ гостился, но заразомъ съ нѣсколькими запрошенными сторонниками переводилъ выборы. А коли о томъ узнали на данный знакъ звономъ громадяне, сошлися всѣ на подвôрье Подгайного, щобы голосовати. Комисаръ, настрашившися собранныхъ, выбѣгъ на гору дома и бѣжалъ черезъ стрѣху. Громадяне тѣмъ обурены розобрали дахъ дома Подгайного и опарканеніе, а староство подозрѣваючи въ томъ руку мѣстного приходника о. Александра Мироновича, второго дня его арестовано и отставлено въ судъ, изъ которого по нѣсколько-

дневномъ арестѣ былъ пущенъ на свободу, а позднѣйше судомъ всецѣло освобожденъ. Въ жидачевскомъ повѣтѣ прійшолъ дня 23 лютого ранкомъ до о. Корнилія Сеника въ Бережницѣ королевской — коли онъ еще спалъ — вахмайстеръ жандармеріи, а войшовши въ комнату, и вынявши саблю изъ похвы, сказалъ: „W imieniu prawa aresztuję księdza i proszę się udać ze mną do Żydaczowa“. Такъ заскоченный священникъ, принужденъ былъ вставати изъ лôжка, оставити жену съ малолѣтными дѣтьми и удатися яко арестантъ въ Жидачевъ, где просидѣвши нѣсколько дней былъ освобожденъ яко въ ничемъ не повиненъ. Въ мѣсточку Комарно повѣта рудецкого, зауважили выборцѣ-мѣщане, що комисарь переводившій выборы разомъ съ бурмистромъ д-ромъ Яклинскимъ допускаеся якихъ-то неправильностей и домагалися переведенія новыхъ выборовъ. Коли комисарь тому супротивлялся, то выборцѣ начали тиснутися до стола комиссіи; акта выборчіи подерли, а комиссія спасла себе бѣгствомъ. За тое нѣсколько надцяти мѣщанъ были арестованы и отставлены въ окружный судъ въ Самборъ, а по переведенію розправы большинство было приговорено отъ 1 мѣсяця до 3 лѣтъ. Также въ селѣ Стоянцѣ, повѣта мостиского произошли большіи безпорядки и

арестованья жандармами, а арестованныхъ передано суду въ Перемышлѣ.

Осôбную книжку треба-бы написати, дабы исчислити всѣ злоупотребленія при выборахъ. Въ Золочевѣ 60 русскихъ выборцêвъ не допустили до голосованья, а 50 арестовали. Въ Бережанахъ при выборѣ посла изъ 4-ой куріи заявилъ комисарь, що 130 голосôвъ получилъ польскій кандидатъ, а русскій лишь 46 голосôвъ. Однакъ 86 русскихъ выборцêвъ заявило готовость присягнути, що дали свôй голосъ на русского кандидата — значитъ, 40 русскихъ голосовъ сфальшовано.

Изъ русинôвъ вышли послами изъ 5-ой куріи лишь двохъ д-ръ Романъ Яросевичъ (Борщêвъ - Залѣщики - Чортковъ-Гусятинъ - Теребовля - Скалатъ), яко независимый русскій посолъ, и д-ръ Іоаннъ Гробельскій (Коломыя-Надворна-Богородчаны - Коссôвъ - Снятинъ - Городенка) яко русскій, правительственный посолъ. Изъ четвертой куріи выбраны послы-русины: правительственныи кандидаты: адъюнктъ суда Модестъ Каратницкій (Самборъ-Старое Мѣсто - Турка - Рудки) и Ал. Барвинскій (Броды-Каменка), польско-правительственныи кандидаты: Анатоль Вахнянинъ (Жолква - Сокаль - Рава) и Корнилій Мандычевскій Станиславовъ-Богородчаны - Толмачъ - Надворна), независимыи: Теофилъ Окуневскій (Коломыя-Снятинъ-

Коссовъ) и Даніилъ Танячкевичъ (Золочевъ-Перемышляны).

Яросевичъ, Танячкевичъ и Окуневскій составили въ думѣ державной независимую тройцу, которая передъ цѣлымъ свѣтомъ подносила кривды русинôвъ. Протесты русскихъ выборцêвъ противъ незаконного переведенія выборôвъ на нищо не придались; вмѣсто сего посыпались процесы противъ поодинокихъ патріотôвъ, жаловавшихся на несправедливôсть при выборахъ и противъ цѣлыхъ масъ селянъ. Найбôльшое число такихъ обжалованныхъ ставало передъ судомъ въ Самборѣ изъ Комарна. Русскій краевый комитетъ выборчій составилъ для обороны выборцêвъ передъ судами защиту изъ адвокатôвъ, которыи безвозмездно исполняли человѣкобивое дѣло.

Обѣ русскіи партіи, старорусская и народовецкая ишли дальше разомъ и вспôльно отпраздновали 50-лѣтній ювилей знесенья панщины. То торжество, на которое въ Львовъ съѣхались тысячи народа изъ всей Галичины, хотѣли розбити студенты-радыкалы, но получили ощутительную науку отъ собранныхъ селянъ, отогнавшихъ ихъ изъ мѣстця собранія. Радыкалы тогда для себе составляли отдѣльную партію, ставшую хилитися на сторону соціалистовъ.

Межи тѣмъ министръ-президентъ гр. Казимiръ Бадени получилъ 30 листопада 1897 г. отставку и съ нимъ выступили изъ министерства: министръ финансôвъ Билинскiй, и польскiй министръ для Галичини Риттнеръ. Управляти министерствомъ сталъ бар. Гаучъ, по немъ гр. Тунъ, затѣмъ Виттекъ, а по нêмъ д-ръ Керберъ (зъ 1900 р.). Уступилъ изъ достоинства намѣстника незадолго по Баденимъ тоже князь Евстахiй Сангушко, а на его мѣстце сталъ намѣстникомъ гр. Пининьскiй.

Народовцы соединились были съ Старо-Русинами головно по той причинѣ, що уважали себе обманутыми черезъ гр. Казимiра Бадени и попали съ нимъ въ роздоръ. Коли уже Баденёго не потребовали боятися, они стали думати о розрывѣ съ старо-русскою партiею и довершили тотъ розрывъ на съѣздѣ въ Львовѣ дня 14 (26) грудня 1899 р. Они соединились съ частiю радыкалôвъ, которымъ предводилъ д-ръ Иванъ Франко, и составили новую партiю, которая назвала себе нацiоналъ-демократичною. Въ главѣ той партiи станули: Юлiянъ Романчукъ, д-ръ Иванъ Франко и спроваженый въ Львовъ изъ Украины Михаилъ Грушевскiй, професоръ львовского университета. Та новая партiя издала отзывъ къ галицко-русскому народу, въ котрôмъ сказала, що стремле-

ньемъ еи буде, выбороти независимую Русь-Украину безъ хлопа и пана.

Къ той партіи не пристала часть радыкалôвъ съ такими людьми, якъ М. Павликъ, д-ръ Даниловичъ, д-ръ Триловскій, д-ръ Яросевичъ, которыи въ политицѣ пôйшли другою дорогою и стали сближатися къ соціалистамъ. Александръ Барвинскій и Анатолъ Вахнянинъ стояли дальше въ главѣ нечисленной фракціи клерикально-правительственной, для котрои смерть кардинала Сильвестра Сембратовича, упокоившогося 4 серпня 1898 р. была самымъ бôльшимъ убыткомъ. Со смертію бо Сембратовича устали и переслѣдованья священникôвъ русско-народной партіи, бо засѣвшій по немъ на митрополичомъ престолѣ въ 1899 р. станиславôвскій епископъ Юліянъ Куиловскій, хотя и не мѣшался до политики, то мимо того приклонялся на сторону народно-русской партіи..

По смерти митрополита Куиловского наступившей 4 мая 1900 р. обнялъ правленіе митрополіи 17 января 1901 р. гр. Андрей Шептицкій, зъ ополяченного роду славныхъ когда-то русскихъ Шептицкихъ, членъ ордена реформованныхъ василіянъ.

Націоналъ-демократичная партія съорганизовала себе и розвинула сильную дѣятельность, особенно въ школьной области. Она старалась выбороти для Руси-

нôвъ бôльше русскихъ гимназій, а львовскому университету придати хотя въ половинѣ русскій характеръ. Но тому воспротивились Поляки, а польскіи професоры боячись, щобы университетъ львовскій непотерялъ своего чисто польского характера, рѣшились русскій языкъ совсѣмъ изгнати изъ администраціи университета.

Когда осенью 1901 року русскіи богословы сголосились до вписа, деканъ богословского факультета кс. д-ръ Фьялекъ отказался припримати вписы на русскомъ языцѣ. Русскіи богословы отнеслись къ сенату, и той призволилъ на сей разъ принимати русскіи вписы, но сталъ на русскіи просьбы отвѣчати по-польски. Такое неприклонное отношеніе Поляковъ-професоровъ университета возбудило у русской молодежи домогатись учрежденія университета русского или по крайнôй мѣрѣ учрежденія русскихъ катедръ побôчь польскихъ. Для обсужденія того вопроса, созвала молодежь въ стѣны университета вѣче студентôвъ въ 12 часôвъ полудня 6 (18) падолиста 1901 р. Сенатъ университета однако не позволилъ, щобы вѣче отбылося въ полудне, тôлько назначилъ для него 7 часъ вечеромъ, а кромѣ того вычеркнулъ изъ програмы совѣщаній двѣ точки (о самостоятельнôмъ русскôмъ университетѣ.)

Не смотря на то запрещеніе, 500 студентôвъ собралось въ 12 часôвъ полудня въ университетѣ и начали совѣщанія. Но тутъ появились въ сали професоры Твардовскій, Фьялекъ, професоръ Кручковскій и секретарь Вимяржъ и возвали собранныхъ розôйтись. Но студенты подняли шумъ и Твардовского даже вытолкнули изъ сали. Вѣче студентôвъ отбылося и приняло резолюцію, щобы правительство основало осôбный русскій университетъ, а поки то не послѣдуе, завело паралельныи катедры русскіи, т, е. русскіи катедры побôчь польскихъ. Затѣмъ студенты межи которыми были и богословы, устроили середъ пѣсенъ походъ по улицямъ Львова.

Послѣдствіемъ того вѣча было новое притѣсненіе русской молодежи и та не видячи другого вихода оставила стѣны львовского университета,и перенеслась въ Вѣдень, Краковъ и Прагу. То была такъ зовимая сецесія студентôвъ въ 1902 р.

Щобы вознаградити кс. Фьялка за оборону польскости университета, выбралъ его академичный сенатъ своимъ ректоромъ на слѣдующій 1902/3 р. Такое поведенье сената вызвало между русскими студентами еще бôльшое негодованье и дôшло къ тому, що академичная русская молодежь постановила споводовати кс. Фьялка до уступленья изъ ректорства.

Коли тойже явился съ первою лекціею по феріяхъ 1902 р. русскіи студенты обкинули его яйцями. Послѣдствіемъ того было то, що кс. Фьялекъ осталъ на дальше ректоромъ и получалъ розличного рода письма и заявленія признательности, а русская молодежь стратила изъ своей среди 8 академикôвъ борцêвъ за русскій языкъ.

Національ-демократическая партія не добилась отдѣльного мало-русского университета и паралельныхъ русскихъ катедръ. Она старалася другимъ путемъ настрашити полякôвъ. При помощи студентôвъ, вернувшихъ изъ Вѣдня, Праги и Кракова, она лѣтомъ 1903 р. стала организовати рольничіи стрейки на Подôлью. Но и тѣмъ мало помогла русскому дѣлу. Помѣщики покуповали собѣ жнивярки, косярки, спровадили мазурôвъ и порадили собѣ безъ русскихъ робôтникôвъ.

Тотъ стрейкъ возбудилъ у польскихъ помѣщикôвъ великую ненависть къ всему русскому. Одинъ изъ нихъ Вл. Козловскій зложилъ нарочно посольскій мандатъ до Вѣдня и сталъ объѣзжати всю восточную Галичину и взывати своихъ одноплеменникôвъ, дабы соединялись будто для обороны правъ Полякôвъ, для борьбы съ русинами.

Козловскій устроивалъ съѣзды Полякôвъ по всѣмъ мѣстамъ и на тыхъ яв-

ныхъ собраніяхъ организовалися будто для обороны, а на тайныхъ же укладали плянъ на ополяченье Руси.

Польскіи ксендзы стали взывати своихъ прихожанъ-селянъ, говорящихъ по русски и по правдѣ уважаючихъ себе русскими — дабы сорвали съ греко-католиками, не ходили въ церковь, говорили лишь по польски и мали себе за Поляко̂въ. Латинскій арцибискупъ Бильчевскій издалъ въ томъ дусѣ пастырское посланіе, объѣзжалъ восточную Галичину и въ томъ же дусѣ промовлялъ. А дабы бо̂льше надати блеска своимъ поѣздкамъ арцибискупъ Бильчевскій устроивалъ торжественныи освященья нѣсколькихъ косцюлковъ, на которыи то освященья ѣздили также его суфраганъ арцибискупъ Веберъ и армянскій арцибискупъ Теодоровичъ. Кромѣ того устроивано розличныи польскіи торжества, или народныи собранія, на которыхъ проповѣдалъ ксендзъ Громницкій изъ Бучача, розкидаючи изъ амвона межи слушателей печетанныи агитаційныи брошуры.

Оказалося, що робота націоналъ-демократо̂въ не довела къ цѣли. Послѣ стрейко̂въ польскіи помѣщики еще меньше стали платити русскимъ робо̂тникамъ, которыхъ выручали мазурами. Тогда націоналъ-демократы стали селянъ высылати въ Канаду или на заро̂бки въ Прусcію.

Коли такое на Галицкой Руси происходило а соймовая польская бôльшôсть 1903 р. откинула предложенье русскихъ послôвъ о основанie русской гимназiи въ Станиславовѣ, русскiи соймовыи послы приняли тое откиненье за обиду для цѣлого русского народа, а запротестовавши противъ такого поведенья польскои соймовой бôльшости, сложили всѣ свои посольскiи мандаты и выйшли изъ сойма. Послами тѣмн были: Алексѣй Барабашъ, поляками избранный Александръ Барвинскiй, о. Өеодоръ Богачевскiй, Iосифъ Гурикъ, д-ръ Мих. П. Король, о. Викторъ Мазикевичъ, д-ръ Андроникъ Могильницкiй, д-ръ Евгенiй Олесницкiй, Димитрiй Отсапчукъ, Антонiй Старухъ, остали тôлько: о. Кор. Мандычевскiй и Ксеноф. Охримовичъ польско-правительственныи кандыдаты, и Глиджукъ членъ выдѣла краевого. Въ лютôмъ 1904 р. происходили новыи выборы на мѣстце сецесiоновавшихъ послôвъ и были всѣ поновно выбраны, кромѣ Ал. Барвинского, которого яко зненавиженного русскимъ народомъ за свою измѣну, а при выборахъ уже не попираемого Поляками и правительствомъ, победилъ членъ старо-русской партiи о. Өеодосiй Эффиновичъ изъ Поповецъ, тотъ самъ которому митрополитъ С. Сембратовичъ за его преданность русско-народному дѣлу отнялъ отличiя крылошанскiи и сложилъ съ уряда декана. Тѣ поновно выбранныи послы

приняли мандаты, а вступивши въ соймъ, вели себе въ осенной сесіи 1904 р. дружно въ виду польской бôльшости. Тѣмъ своимъ поступкомъ надѣялись они успособити польскую бôльшôсть приклонно для себе и черезъ то получити основанье русскои гимназіи въ Станиславовѣ и субвенцію края на будову русского театра. Сталося однакъ иначе; бо польская бôльшôсть вправдѣ рѣшила основанье русскои гимназіи въ Станиславовѣ но заразомъ рѣшила введенье въ всѣхъ гимназіяхъ восточнои Галичины обовязковую науку польского и русского языка. На постройку театра признано вправдѣ 300.000 кор. субвенціи, но за разомъ поставлено такіи условія, що комитетъ будовы театра признанной субвенціи съ такими условіями не принялъ. Въ сесіи той рѣшено два дуже важныи а для Русинôвъ шкодливыи законы, т. е. реорганизаціи Рады школьной краевой и введенья рентовыхъ сельскихъ загородъ. Русскіи послы требовали подѣленья Рады школьной краевой на русскую и польскую; но соймовая бôльшôсть тому жаданью отказала. Дальше супротивлялися русскіи послы закону о рентовыхъ селянскихъ загородахъ доказуючи, що ôнъ мае на цѣли колонизацію и полонизацію восточной части Галичины. Но то супротивленье русскихъ послôвъ ничого не помогло и законъ при-

нято, бо ôнъ подходитъ къ строенію Польщи на Руси.

Найбôльше вреда нанесли націоналъ-демократы молодежи. Они подстрекали молодожь противъ старѣйшой партіи и вообще противъ старшихъ осôбъ и довели молодежь до такого одичѣнія, що она не совѣтилась обижати публично старшіи вѣкомъ и обще-почитаемы особы. Не добре то, якъ въ сердцяхъ дѣтей защепляеся ядъ ненависти!.. Такую ненависть кинули они также межи народъ и въ многихъ мѣстностяхъ стали селяне, жившіи прежде въ сгодѣ, межи собою враждовати.

Старо-русская партія межи тѣмъ также себе лучше устроила. Она установила „Народный Совѣтъ" яко найвысшій политическій органъ и издала кôлька отзывôвъ, взываючи Русинôвъ къ згодѣ и единодушію, боронити свôй языкъ, свои буквы и добиватись улучшенія матерьяльного быта. Въ 1903 р. произôйшли на Галицкой Руси два важныи событія. Въ мѣсяцѣ липни уступили Езуиты изъ монастырей чина св. Василія Великого перенятыхъ въ 1882 р. будьто къ реформѣ, а митрополитъ Андрей гр. Шептицкій издалъ на польскомъ языцѣ пастырское посланіе до Полякôвъ обряда греко-католического, щобы они придержовалися того обряда.

Но мимо того всего, происходящого на Галицкой Руси, русская справа посту-

пае природно съ дня на день впередъ:

Заключаемъ тутъ нашу Исторію еще слѣдующими увагами: Вправдѣ до днесь еще не добились мы всѣхъ тыхъ конституційныхъ правъ, якіи намъ на пôдставѣ рôвноправности належатся; но все таки справа наша о много поступила впередъ, днесь бо уже дозрѣвае нашъ народъ, веденъ нашими провôдниками патріотами до гражданского и народного самопознанія; днесь той народъ уже не есть „попыхайломъ" для чужой справы, а пôзнае свое честно, высокое назначеніе, якое ему опредѣлила его історія. Если же розвитье нашой народной жизни въ такой самой мѣрѣ дальше поступати буде, то маемъ твердую надѣю, що Галицкая Русь доживе добра и слѣдуемыхъ еи законныхъ правъ.

СОДЕРЖАНЬЕ.

Часть III.

ПЕРІОДЪ II.

Часть I.

Споры межи Литвою и Польщею о Галицко-Владимірскую спадщину —до уніи любельской 1340—1569.

Часть II.

Часть III.

ПЕРІОДЪ III.

Часть I.